891
П-48

25558

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

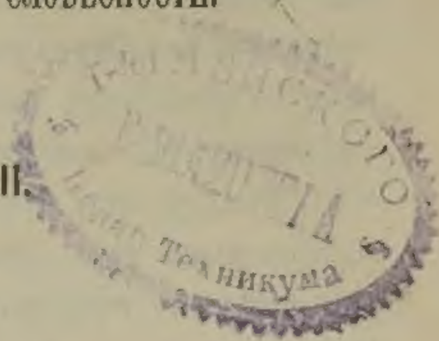
чарского.

тех пор, пока не наступит время подлин-
ного реализма и все не увидят, что нам
ужен не какой-то фантастический комму-
зм, а просто могучая Россия". Конечно,
обных попутчиков мы можем прекрасно
льзовать, но мы никогда не должны
вать, что эти попутчики ненадежны.
худшим видом приходящей к нам
игенции является, конечно, та, ко-
под видом идейного переворота
бляется к советской власти из
х и материальных соображений.
вает довольно трудно отличить
действительно принявшего ком-
беждению, от такого „примазав-
о такие имеются, достаточно
вают многие факты, хотя бы
ртийная чистка.
ый важный из перечисленных
инирует над всеми осталь-
ти говоря, он уже перевел
инство подлинно револю-
тенции с завязь-
...на

821.
П-48.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

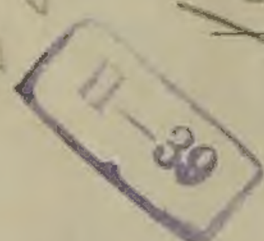
ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

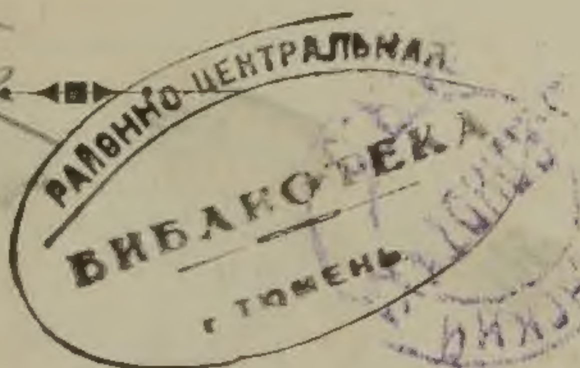

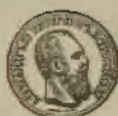
ВЫПУСКЪ XIII.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

1897.

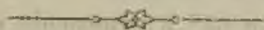
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ XIII выпускѣ «Исторической хрестоматіи» составитель поставилъ себѣ цѣлію — изложить содержаніе сатирическихъ журналовъ, опредѣлить ихъ направленіе, установить взаимное ихъ отношеніе и дать свѣдѣнія о сотрудникахъ. Въ виду всесторонняго выясненія той роли, которую сыграли въ свое время сатирическіе журналы, составитель допустилъ статьи противорѣчивыя по взглядамъ, въ нихъ высказываемымъ. Неравномѣрность въ освѣщеніи журналовъ съ той или другой стороны зависѣла, главнымъ образомъ, отъ наличности литературнаго матеріала. При обозрѣніи журналовъ: «Трутень», «Живописецъ» составитель не далъ никакихъ свѣдѣній объ ихъ редакторѣ на томъ основаніи, что слѣдующій выпускъ будетъ исключительно посвященъ изображенію литературной и общественной жизни Новикова.

В. Покровскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ".

Мысль объ изданіи русскаго журнала удалось исполнить Миллеру не прежде, какъ въ 1755 году. Назначенный въ началѣ 1754 года конференцъ-секретаремъ Академіи, Миллеръ немедленно предложилъ ей предпринять на русскомъ языкѣ изданіе учено-литературное. Вмѣстѣ съ этимъ онъ представилъ подробный планъ журнала, означилъ существующіе для него источники, показалъ многіе, уже приготовленные имъ запасы и взялся принять на себя самую редакцію, подъ цензурою особеннаго собранія. Академія охотно приняла его предложеніе и даже постановила, что всѣ академики должны участвовать въ этомъ трудѣ, доставляя по очереди матеріалы для каждой книжки. Послѣднее постановленіе не было, впрочемъ, исполнено. Члены Академіи не показывали большого рвенія къ этому дѣлу и доставляли Миллеру весьма малое число статей. Несмотря на то, Миллеръ, трудясь почти одинъ надъ изданіемъ, продолжалъ его аккуратно въ теченіе десяти лѣтъ. Онъ прекратилъ его только въ 1765 году, когда принужденъ былъ отправиться въ Москву, для исправленія должности главнаго надзирателя надъ Московскимъ воспитательнымъ домомъ.

Журналъ Миллера въ теченіе десяти лѣтъ своего существованія перемѣнилъ три раза свое названіе. Съ 1 января 1755 г. по 1 января 1758 года, т.-е. въ теченіе трехъ лѣтъ, онъ назывался: *Ежемѣсячныя Сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія;* съ 1 января 1758 по 1 января 1763 года, т.-е. въ теченіе пяти лѣтъ: *Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащіе;* наконецъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, 1763 и 1764: *Ежемѣсячныя Сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ.* Впрочемъ, несмотря на эти перемѣны заглавія, программа журнала существенно не была измѣняема

съ самаго начала до конца. „Ежемѣсячныя Сочиненія“ выходили, какъ показываетъ самое ихъ названіе, одинъ разъ въ мѣсяцъ, книжками въ 8-ю долю листа, содержавшими въ себѣ обыкновенно отъ шести до осьми печатныхъ листовъ. Каждыя шесть книжекъ составляли томъ, къ концу котораго прилагался обыкновенно азбучный реестръ всѣмъ „*достопамятнымъ вещамъ*“, въ немъ помѣщеннымъ. При каждой книжкѣ помѣщалось, сверхъ того, особое оглавленіе. Статьи не группировались по отдѣламъ, какъ въ журналахъ настоящаго времени, но печатались одна возлѣ другой, безъ всякой заранѣе принятой системы. Подписывались онѣ весьма рѣдко и, по большей части, однѣми заглавными буквами. Журналъ постоянно печатался въ С.-Петербургѣ, въ типографіи Академіи Наукъ.

Что касается до содержанія и направленія „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, то самое ясное объ этомъ понятіе можно получить изъ предувѣдомленія къ читателямъ, приложеннаго Миллеромъ къ первой книжкѣ его журнала. Въ этомъ предувѣдомленіи, которое мы считаемъ не лишнимъ выписать цѣликомъ, самъ редакторъ опредѣляетъ съ подробностію какъ главную цѣль, такъ и общій планъ предпринятаго имъ изданія.

Предувѣдомленіе.

Пользу ученыхъ журналовъ и подобныхъ тому записокъ, издаваемыхъ въ почтовые дни, понедѣльно и помѣсячно, выхвалять, кажется, нѣтъ нужды. Всѣ европейскіе народы въ томъ согласны и доказываютъ сіе безчисленными примѣрами. Многіе и понынѣ съ удовольствіемъ читаютъ оныя примѣчанія, которыя съ 1729 по 1742 годъ, отъ нѣкоторыхъ здѣшней Академіи Наукъ членовъ, при Вѣдомостяхъ издаваны были. Читатель нечувствительно наставляется, когда въ опредѣленное время получаетъ по немногому числу листочковъ вдругъ; и сіе наставленіе обыкновенно тверже въ немъ вкореняется, нежели чтеніе большихъ и пространныхъ книгъ. Любопытство его при томъ всегда умножается, когда наступаетъ время, въ которое новый листъ или новая часть такого сочиненія изъ печати выйти имѣетъ. Рѣдко кто не захочетъ онаго читать; а для краткости своей не можетъ никому наскучить: и едва ли кто покинетъ его изъ рукъ, не прочитавъ отъ

начала до конца. Чего больше желать должно, когда всякой разъ хотя малое что найдется, чѣмъ каждый читатель, по своему любопытству и охотѣ къ наукамъ, удовольствованъ будетъ?

Такое полезное дѣло нынѣ, достохвальнымъ попеченіемъ его высокографскаго сіятельства ясновельможнаго малороссійскаго гетмана и Академіи Наукъ президента, къ общему удовольствію учреждено паки. Члены академіи ничего такъ не желая, какъ, чтобъ россійскому государству и народу трудами своими приносить дѣйствительную пользу, и сколько возможно возбудить во всѣхъ удовольствіе, какое производитъ знаніе наукъ, всѣми силами стараться будутъ заслужить себѣ похвалу у читателей. Они же притомъ и другимъ любителямъ наукъ, которые пожелаютъ труды свои показать свѣту, представляютъ мѣсто въ сихъ сочиненіяхъ.

„При такомъ учрежденіи, каково сіе, мы себѣ точныхъ предѣловъ не предписываемъ; но надлежитъ, смотря по различію читателей, всегда перемѣнять матеріи, дабы всякой, по своей склонности и охотѣ, могъ чѣмъ-нибудь пользоваться. Итакъ предлагаемы будутъ здѣсь сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ, а именно: не одни только разсужденія о собственно такъ называемыхъ наукахъ, но и такіе, которыя въ экономіи, въ купечествѣ, въ рудокопныхъ дѣлахъ, въ мануфактурныхъ, въ механическихъ рукодѣліяхъ, въ архитектурѣ, въ музыкѣ, въ живописномъ и рѣзномъ художествахъ, и въ прочихъ, какое ни есть новое изобрѣтеніе показываютъ, или къ поправленію чего-нибудь новое подать могутъ.

Одни токмо тѣ сочиненія выключены отъ нашего намѣренія, кои ради глубокаго ихъ смысла не всѣмъ ясны и вразумительны бываютъ; ибо мы за правило себѣ приняли, писать такимъ образомъ, чтобъ всякой, какого бы кто званія или понятія ни былъ, могъ разумѣть предлагаемыя матеріи. Для сохраненія благопристойности и для отвращенія всякихъ противныхъ слѣдствій, вноситься не будутъ сюда никакіе явные споры или чувствительныя возраженія на сочиненія другихъ, ниже иное что съ обидою написанное противъ кого бы то ни было.

Ежели же какая матерія сумнительна, и отъ разныхъ писателей различнымъ образомъ изъяснена; то всякому по справедливости позволить надлежитъ, доколѣ онъ держаться будетъ

самаго дѣла, чтобъ не опровергать съ огорченіемъ мнѣній другого, но оставлять на разсужденіе читателю, которое изъ нихъ онъ за справедливое или за вѣроятное принять самъ похочетъ.

И какъ мы равномѣрно желаемъ, чтобъ и стихотворцы сочиненія свои намъ сообщали, между которыми могутъ быть и забавныя: то мы надѣемся, что сочинители оныхъ ни до кого персонально касаться не будутъ. Чего ради просимъ всѣхъ тѣхъ, которые присылать къ намъ станутъ свои труды, не отступать отъ сего нашего намѣренія.

Буде же въ сіи наши сочиненія паче чаянія войдетъ что-нибудь, чѣмъ бы кто могъ быть недоволенъ, то мы уповаемъ, что не причтено будетъ то въ вину нашему собранію: ибо всего предвидѣть невозможно.

Стихотворческія сочиненія принимаемъ мы наипаче для того, что въ нихъ многое весьма сильнѣе и пріятнѣе изображается, нежели простымъ слогомъ: къ тому же мы за должность свою признаваемъ, писать не токмо для пользы, но и для увеселенія читателей. Такіе стихотворцы, какихъ Россія нынѣ имѣетъ, достойны, чтобъ потомкамъ въ примѣръ представлены были; а особливо не должны мы умалчивать о тѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ содержатся достодолжныя похвалы величайшей въ свѣтѣ монархинѣ и всемилостивѣйшей наукъ питательницѣ и покровительницѣ.

Еще есть и другія піитическія сочиненія, которыя не требуютъ, чтобъ написаны были стихами, а именно: нравоучительныя притчи, сны, повѣсти, и подобныя этому описанія. Изображенныя такимъ простымъ слогомъ піитическія вымышленія не меньше полезны, коль и пріятны. Того ради, намѣрены мы временемъ сообщать и такія сочиненія, а притомъ чаемъ, что и переводы всякихъ полезныхъ и пріятныхъ матерій, взятыхъ изъ иностранныхъ книгъ, не непріятны будутъ читателямъ. Довольно, когда наблюдаемо будетъ главное намѣреніе, и когда все взятое изъ тѣхъ книгъ содержать будетъ очевидную пользу.

Коль великое множество имѣемъ мы еще другихъ матерій! Когда читателямъ нашимъ предвоспріимемъ сообщать экстракты изъ достовѣрнѣйшихъ россійскихъ лѣтописей, списки съ старинныхъ грамотъ и съ архивныхъ дѣлъ описанія церемоніямъ и торжествамъ при дворѣ ея императорскаго величества про-

исходящимъ, высочайшія узаконенія и указы до всенароднаго благополучія касающіеся, которые, потому что вѣчно въ силѣ своей остаться имѣютъ, паче другихъ достойны сохраненія, и когда притомъ еще объявлять будемъ о иностранныхъ и здѣшней печати новыхъ и полезныхъ книгахъ, также и о знатнѣйшихъ политическихъ каждаго мѣсяца приключеніяхъ. При толь великомъ изобиліи не мнимъ мы, чтобъ когда могъ быть недостатокъ въ матеріалахъ и еще меньше того опасаемся, чтобъ для ихъ различности оныя кому наскучили.

Но не будетъ ли трудности въ избраніи, между столь многими матеріями, наилучшихъ и полезнѣйшихъ?

Можетъ быть нѣкоторымъ и не понравится, когда при разности матерій усмотрятъ и разность въ слогѣ; но при такомъ дѣлѣ, надъ которымъ трудятся разные сочинители, миновать сего никакъ невозможно. Не всѣ и переводы могутъ имъ показаться равной доброты, потому что къ онымъ иногда употреблены будутъ и молодые люди, которымъ вдругъ достигнуть невозможно до такого совершенства, какое требуется отъ искуснаго переводчика. Однако мы, не взирая на все сіе, не меньшей пользы отъ нашего предпріятія и благосклоннаго объономъ въ читателяхъ мнѣнія ожидаемъ.

Одно еще осталось упомянуть. Всѣ сочиненія, сюда вносимыя, должны прежде напечатанія разсматриваны быть особливымъ собраніемъ. Мы справедливо надѣемся, что никто не потребуетъ, чтобъ выключенъ онъ былъ отъ такого разсмотрѣнія. Ибо сіе собраніе разсматривать будетъ не слова и не слогъ, хотя бы и нашлось что требующее поправленія, но только самое дѣло, то-есть, чтобъ ничего закону, государству и благоправію противнаго, также и ничего другому, или самому сочинителю предосудительнаго и чести вредительнаго, не входило въ наши сочиненія. Впрочемъ всякому сочинителю оставляется самому отвѣтствовать въ томъ, что иногда читателямъ сумнительно, или не довольно доказано показаться можетъ; а собраніе никакого участія въ томъ не пріемлетъ".

Въ заглавіи уже показано, что благосклонный читатель продолженія нашихъ трудовъ чрезъ каждый мѣсяцъ ожидать имѣетъ".

Основываясь на этой программѣ и еще болѣе на самомъ содержаніи „Ежемѣсячныхъ Сочиненій", мы можемъ опредѣ-

лить слѣдующимъ образомъ общій характеръ этого журнала. Главная цѣль Миллера состояла въ томъ, чтобы развить въ русской публикѣ любовь къ чтенію и распространить въ ней полезныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Изъ этого уже видно, что журналъ Миллера имѣлъ не столько литературное, сколько ученое значеніе. Литературный отдѣлъ не былъ совершенно исключенъ Миллеромъ изъ его изданія, но занялъ въ немъ только второстепенное мѣсто. Преимущественное вниманіе обращено было редакторомъ на статьи ученыя, служившія не только къ *увеселенію*, но и къ *пользѣ* читателей. Но, съ другой стороны, Миллеръ назначалъ „Ежемѣсячныя Сочиненія“ не для своихъ собратій, не для людей спеціальныхъ, но для массы читающей публики. Поэтому ученыя статьи своего журнала онъ долженъ былъ необходимо сдѣлать доступными для всѣхъ своихъ читателей, общезанимательными по своему содержанію и популярными по своей формѣ. Статьи эти назначались не столько для обогащенія науки новыми свѣдѣніями и открытіями, сколько для распространенія истинъ, уже доказанныхъ и принятыхъ ученымъ міромъ, въ массѣ тогдашней публики. Поэтому всѣ спеціальныя и сухія для большинства читателей изслѣдованія не могли найти себѣ мѣста въ Миллеровомъ журналѣ. Исключеніе изъ этого общаго правила допущено было только для одного разряда статей — для тѣхъ, которыя имѣли своимъ предметомъ изученіе прежней судьбы и тогдашняго быта Россіи. Въ твердомъ убѣжденіи, что все русское должно быть интересно для русскихъ, Миллеръ преимущественно старался наполнить свое изданіе статьями по части исторіи, географіи и статистики Россіи. Этотъ отдѣлъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ онъ обрабатывалъ съ особенною любовью и только въ отношеніи къ нему отступалъ отъ принятаго имъ правила: не помѣщать въ своемъ журналѣ никакихъ изслѣдованій, спеціальныхъ по своему содержанію и сухихъ по своей формѣ.

Такова была программа Миллерова изданія. Безъ сомнѣнія, всякій согласится, что при тогдашнемъ состояніи просвѣщенія и литературы лучшаго и болѣе полезнаго плана журнала невозможно было придумать. Даже и въ нынѣшнее время самыя дѣльныя изъ нашихъ періодическихъ изданій стараются придерживаться, по возможности, той же самой программы и слѣдуютъ, можетъ-быть, сами того не зная, правиламъ, ука-

званнымъ имъ отцомъ русской журналистики, почти за сто лѣтъ до настоящаго времени.

Но, одобряя программу „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, мы должны еще болѣе одобрить дѣйствительное ея исполненіе. Миллеръ свято держалъ обѣщанія, данныя своимъ читателямъ, и даже нерѣдко давалъ имъ гораздо болѣе противъ обѣщаннаго. Въ справедливости этого отзыва читатели убѣдятся сами, когда разсмотрятъ вмѣстѣ съ нами содержаніе всѣхъ отдѣльныхъ статей Миллерова изданія. Подробное обозрѣніе „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, и особенно ученаго ихъ отдѣла, докажетъ неоспоримо, съ какимъ умомъ, съ какимъ знаніемъ дѣла и съ какой добросовѣстностію дѣйствовалъ ученый академикъ на поприщѣ журнальной, повидимому, столь несвойственной ему дѣятельности. Здѣсь мы замѣтимъ только, что старанія Миллера увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и что „Ежемѣсячныя Сочиненія“ совершенно пришлись по вкусу читателей, удовлетворивъ собою потребности, дѣйствительно въ нихъ существовавшія. Достоинство Миллерова журнала свидѣтельствуется и тѣмъ участіемъ, съ которымъ встрѣтила и приняла его тогдашняя публика. По словамъ митрополита Евгенія, „вся Россія съ жадностію и удовольствіемъ читала сей первый русскій ежемѣсячникъ, въ которомъ много помѣщено иностранныхъ переводныхъ, а большая половина русскихъ любопытнѣйшихъ статей историческихъ, географическихъ, коммерческихъ, ученыхъ и другихъ“. Успѣхъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ былъ такъ великъ, что побудилъ и многихъ другихъ писателей приняться также за изданіе журналовъ, число которыхъ съ 1759 года стало увеличиваться замѣтно и постоянно. Такимъ образомъ „Ежемѣсячныя Сочиненія“ не только пріохотили къ чтенію русскую публику, не только распространили въ ней множество полезныхъ свѣдѣній и ближе познакомили ее съ прошедшимъ и настоящимъ состояніемъ Россіи, но и положили прочное начало отечественной журналистикѣ. Своимъ примѣромъ они доказали пользу періодическихъ изданій и побудили другихъ писателей вступить также на поприще журнальной дѣятельности, до той поры совершенно имъ неизвѣстное.

Но, кромѣ своего *историческаго* значенія, не подлежащаго сомнѣнію и спору, „Ежемѣсячныя Сочиненія“ могутъ и въ настоящее время еще имѣть нѣкоторую цѣну. Изученіе ихъ

можетъ быть полезно для насъ во многихъ отношеніяхъ: въ библіографическомъ, потому что мы найдемъ въ нихъ много статей русскихъ писателей, нигдѣ болѣе не напечатанныхъ, — въ литературномъ, потому что въ изданіи Миллера отражается до нѣкоторой степени и все состояніе тогдашней словесности, — наконецъ, въ ученомъ, потому что многія изъ помѣщенныхъ здѣсь изслѣдованій сохраняютъ достоинство и важность даже и въ настоящее время. Само собой разумѣется, что въ журналѣ, имѣвшемъ преимущественно научное направленіе, литературный отдѣлъ не могъ получить большого развитія. И дѣйствительно, онъ принадлежитъ къ числу слабѣйшихъ и представляетъ вообще весьма мало интереса. Но зато въ отношеніи ученомъ, а особенно въ отношеніи къ исторіи и географіи Россіи, „Ежемѣсячныя Сочиненія" занимаютъ, безспорно, одно изъ первыхъ мѣстъ между нашими старыми журналами. Съ этой стороны они заслуживаютъ, безъ всякаго сомнѣнія, самаго внимательнаго и самаго подробнаго изученія.

Изданіе Миллера, какъ уже замѣчено было выше, не раздѣлялось на отдѣлы, подобно журналамъ настоящаго времени. Статьи помѣщались въ немъ одна возлѣ другой безъ системы и порядка. Замѣтно только, что издатель постоянно соблюдалъ правило: статьи важнѣйшія и самыя обширныя (articles de fond) помѣщать въ самомъ началѣ, а легкія беллетристическія статейки и стихотворенія печатать въ концѣ. Вообще въ этомъ отношеніи „Ежемѣсячныя Сочиненія" болѣе походили на англійскія и французскія Revues, нежели на современные русскіе журналы. Несмотря на то, въ нашемъ обозрѣніи Миллерова изданія мы примемъ тѣже самыя рубрики, какія принимаются обыкновенно и въ нынѣшней журналистикѣ, т.-е. разсмотримъ порознь статьи, относящіяся, по содержанію ихъ, къ различнымъ отдѣламъ изящной словесности, наукъ, критики и смѣси. Мы начнемъ съ перваго отдѣла и прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о стихотворной его части.

Въ настоящее время стихотворенія уже перестали составлять существенную принадлежность каждаго литературнаго журнала; лучшія наши изданія даже вовсе обходятся безъ этого отдѣла. Но не такъ было въ Миллерову эпоху. Стихи были тогда въ большой модѣ, и такъ называемые поэты пользовались большимъ почетомъ. Это чрезвычайное уваженіе къ поэзіи, или, лучше сказать, къ стихотворству, происхо-

дило отъ многихъ причинъ. Первая изъ нихъ заключалась, безъ сомнѣнія, въ самой новости предмета; въ этомъ отношеніи стоитъ только вспомнить, что настоящая русская поэзія ведетъ свое начало не далѣе какъ съ 1739 года, — года, въ который Ломоносовъ, какъ извѣстно, прислалъ въ Петербургъ свою знаменитую оду на взятіе Хотина. Другая, не менѣе важная причина того же явленія заключалась, какъ уже прекрасно указалъ г. Галаховъ, въ статьѣ своей объ Измайловѣ, въ неправильныхъ понятіяхъ о поэзіи, которую смѣшивали въ то время съ стихотворствомъ, съ искусствомъ выражать свои мысли мѣрною, украшенною риѳмами рѣчью. Наконецъ, едва ли не ближайшимъ источникомъ этого явленія было господствовавшее въ то время убѣжденіе въ трудности стихотворства. Тогда еще не знали, что писать стихи можетъ всякій и что умѣнье это не составляетъ исключительной принадлежности избранныхъ, высшихъ натуръ. На искусство выражать свои мысли стихами смотрѣли тогда какъ на самое трудное и требующее особенныхъ способностей искусство. И дѣйствительно, въ то время мысли еще не укладывались въ стихи такъ легко, какъ нынче; частію отъ непривычки къ этому дѣлу и малаго въ немъ упражненія, частію отъ необработанности самаго языка, надъ сочиненіемъ стиховъ трудились гораздо болѣе, нежели теперь. Поэтому и трудъ этотъ гораздо болѣе цѣнился, имѣлъ гораздо болѣе важности, чѣмъ въ настоящее время.

При этомъ важномъ значеніи стихотворства, весьма понятно, что Миллеръ не рѣшился исключить стихотвореній изъ своего журнала, несмотря на то, что журналъ этотъ имѣлъ не столько литературное, сколько ученое назначеніе. Мы уже видѣли, что редакторъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" объявилъ въ самой программѣ своего изданія, что будетъ охотно принимать стихотворенія, „наипаче для того, что въ нихъ многое весьма сильнѣе и пріятнѣе изображается, нежели простымъ слогомъ". Впрочемъ, отдѣлъ этотъ не занималъ большого мѣста въ Миллеровомъ журналѣ: всего въ теченіе десяти лѣтъ помѣщено было въ немъ 207 стихотвореній. Притомъ наибольшее число ихъ относится къ двумъ первымъ годамъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій": въ эти два года стихи помѣщались аккуратно въ каждой книжкѣ журнала, иногда даже по четыре, по пяти, по шести въ одной книжкѣ. На третій

и четвертый годъ число ихъ значительно уменьшилось, а съ пятаго года помѣщеніе ихъ прекратилось совершенно. Въ теченіе трехъ лѣтъ (1759—1761) мы не встрѣчаемъ въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" ни одного стихотворенія. Въ книжкахъ осьмого года напечатана только одна ода; въ книжкахъ девятаго опять вовсе не находимъ стиховъ, и только въ девятой книжкѣ десятаго, т.-е. послѣдняго года, было помѣщено опять два небольшихъ стихотворенія.

Что касается до достоинства стиховъ, помѣщенныхъ въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ", то, разумѣется, судить о немъ мы должны не по современнымъ, но по тогдашнимъ понятіямъ. Общій характеръ и значеніе тогдашней поэзіи такъ часто были опредѣляемы, что распространяться о нихъ здѣсь мы считаемъ совершенно излишнимъ. Для насъ произведенія этой эпохи въ художественномъ отношеніи имѣютъ весьма мало цѣны; но современники Миллера смотрѣли на нихъ совершенно иначе. А такъ какъ главными сотрудниками Миллера по части стихотвореній были Ломоносовъ, Херасковъ, Сумароковъ и всѣ знатнѣйшіе писатели того времени, то мы имѣемъ полное право сказать, что отдѣлъ стихотвореній въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ", по тогдашнему состоянію литтературы, былъ составленъ весьма хорошо и не могъ не возбуждать одобренія въ критикахъ и литературныхъ судьяхъ того времени.

Самое значительное число стихотвореній, помѣщенныхъ въ Миллеровомъ журналѣ, принадлежитъ Александру Петровичу Сумарокову. Здѣсь мы считаемъ достаточнымъ замѣтить, что въ эпоху изданія „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" Сумароковъ пользовался громкою извѣстностію, считался писателемъ не только даровитымъ, но и геніальнымъ, и былъ уподобляемъ современниками самымъ знаменитымъ изъ иностранныхъ поэтовъ и прозаиковъ. На горизонтѣ тогдашней русской словесности Сумароковъ являлся звѣздою первой величины. Слѣдовательно, дѣятельное участіе его въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" должно было значительно содѣйствовать успѣху этого изданія. Впрочемъ, сотрудникомъ или, какъ говорили тогда, „пріятелемъ" „Ежемѣсячныхъ Сочиненій", Сумароковъ былъ только въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ ихъ изданія, съ 1755 г. по 1758 включительно. Послѣднее изъ принадлежащихъ ему стихотвореній помѣщено въ XI книжкѣ Миллерова журнала

за 1858 годъ. Съ тѣхъ поръ имени Сумарокова мы уже не встрѣчаемъ на страницахъ разсматриваемаго нами изданія. Это можетъ быть объяснено тѣмъ, что съ 1759 года Сумароковъ вступилъ самъ на поприще журнальной дѣятельности и началъ издавать свой собственный журналъ. Весьма вѣроятно, что редакторъ „Трудолюбивой Пчелы“ находился не совсѣмъ въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ редактору „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“. Это предположеніе отчасти подтверждается слѣдующимъ замѣчаніемъ, которое сдѣлалъ Сумароковъ подъ одною изъ переводныхъ статей своего журнала: „Сей переводъ учиненъ того перевода прежде, который внесенъ въ академическія изданія, а отчего въ нихъ гораздо близкое сходство, оное предается разсужденію и догадкѣ читателей“.

Стихотворенія, которыя доставлялъ Сумароковъ въ „Ежемѣсячныя Сочиненія“, были весьма многочисленны и разнообразны. Число ихъ простиралось до 123. Всѣ они вошли впослѣдствіи и въ полное собраніе его сочиненій. Подъ нѣкоторыми изъ нихъ подписаны имя и фамилія автора; подъ другими означены только заглавныя буквы А. С. Въ числѣ ихъ мы находимъ оды, сонеты, мадригалы, надписи, эпиграммы, загадки, эпитафіи, притчи и эклоги.

Другой изъ корифеевъ тогдашней литературы, основатель русскаго стихотворства, Ломоносовъ участвовалъ весьма мало въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“. Только въ девятой книжкѣ этого журнала за 1764 годъ помѣщены были два стихотворенія: *Его сіятельству графу Григорію Григорьевичу Орлову, на благополучное возвращеніе ея величества изъ Лифляндіи поздравительнаго письма, отъ статскаго совѣтника и профессора Михаила Ломоносова* и *На Царское Село. Августа 24 дня 1764 года*. Оба эти стихотворенія извѣстны всѣмъ занимавшимся исторіей русской литературы. Они вошли и въ полныя собранія сочиненій Ломоносова. Кромѣ того, въ первой книжкѣ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ за 1755 годъ, въ описаніи фейерверка, сожженнаго предъ Зимнимъ дворцомъ по случаю Новаго года, включено написанное по этому случаю стихотвореніе Ломоносова. Оно помѣщено также и въ полныхъ собраніяхъ его сочиненій. Незначительное участіе Ломоносова въ Миллеровомъ журналѣ объясняется тѣми отношеніями, въ которыхъ находился писатель этотъ къ Миллеру

и вообще къ нѣмецкимъ членамъ Академіи Наукъ. Извѣстно, что въ тогдашней Академіи Ломоносовъ былъ съ Миллеромъ въ самыхъ недружелюбныхъ отношеніяхъ, и что ему преимущественно обязанъ былъ редакторъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ немилостію, постигшею его въ 1749 году. Въ сочиненіяхъ и письмахъ Ломоносова, на ряду съ безпрестанными нападками на самого Миллера, мы находимъ и самые неблагопріятные отзывы объ его журналѣ.

Послѣ Сумарокова самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Миллерова журнала по части стихотвореній былъ не менѣе его знаменитый Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ. Его участіе въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“, продолжавшееся въ теченіе двухъ лѣтъ, 1755 и 1756, подобно участію Сумарокова, должно было не мало содѣйствовать успѣху этого изданія. Каковы бы ни были существующія нынѣ мнѣнія о дарованіи Хераскова, нельзя отвергнуть, что въ свое время онъ пользовался большимъ уваженіемъ и извѣстностію, какъ сочинитель разныхъ мелкихъ стихотвореній и трагедій, но преимущественно какъ „творецъ“ эпическихъ поэмъ, которыя въ то время считались самымъ труднымъ и вмѣстѣ самымъ возвышеннымъ родомъ поэтическихъ произведеній. Число всѣхъ статей Хераскова, помѣщенныхъ въ Миллеровомъ журналѣ, простирается до 21. Всѣ онѣ подписаны буквами *М. Х.* Разнообразныя по своему содержанію, онѣ состоятъ въ одахъ, притчахъ, сонетахъ, эпиграммахъ и т. под. Бóльшая часть ихъ не были помѣщены впослѣдствіи въ сочиненіяхъ Хераскова. Написанныя имъ въ молодости, онѣ казались ему слишкомъ незрѣлыми. Самъ онъ, издавая въ 1796 году свои „Творенія“, сдѣлалъ въ концѣ VII части слѣдующее примѣчаніе: „Многія изъ моихъ краткихъ сочиненій въ сію часть не внесены для того, что они въ разныхъ изданіяхъ напечатаны и не могли быть отысканы; другія для того, что они писаны были въ моей молодости, когда я учился писать стихи, и повторенія не заслуживаютъ“.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ отъ писателей знаменитыхъ къ менѣе извѣстнымъ, мы должны упомянуть еще о незабвенномъ Василіи Кирилловичѣ Тредьяковскомъ, который можетъ быть также названъ сотрудникомъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“. Впрочемъ, въ журналѣ этомъ помѣщены были только три его стихотворенія: одно, сочиненное на тему: *Услаж-*

лѣсть друговъ, истина ненависть рождаетъ (Obsequium amicos, veritas odium parit), подписано буквами *В. Т.* и помѣщено въ четвертой книжкѣ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ за 1755 годъ. Въ послѣднемъ, Смирдинскомъ изданіи сочиненій Тредьяковскаго мы не нашли этого стихотворенія. Кромѣ того, въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ помѣщены были безъ подписи двѣ слѣдующія пьесы, принадлежащія Тредьяковскому и вошедшія въ собраніе его сочиненій: ода *Вешнее тепло* (II. 5) и идиллія *Нисса* (III. 3).

Изъ числа другихъ, менѣе знаменитыхъ стихотворцевъ, мы назовемъ прежде всего Андрея Нартова, которому принадлежитъ посвященная графу Александру Сергѣевичу Строганову *Епистола къ вѣрнымъ сынамъ отечества* (VIII. 8) и, вѣроятно, также слѣдующія стихотворенія, подписанныя буквами *А. Н****. *Похвала Петербургу* (II. 12). *Разлученіе съ любезною* (III. 4), — басня: *Мужикъ въ болотѣ погрязшій* (III. 3), — *На вскрытіе Невы* (III. IV) и *Англесъ* (IV. 9). Нартовъ, бывшій съ 1801 г. президентомъ россійской Академіи, извѣстенъ преимущественно въ нашей литературѣ какъ неутомимый и добросовѣстный переводчикъ сочиненій историческихъ, повѣстей, драмъ, комедій и множества книгъ по части естественныхъ наукъ. Сколько намъ извѣстно, стихотворенія его нигдѣ, кромѣ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, не были напечатаны.

Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ въ нихъ часто помѣщались стихотворенія съ подписью *А. Д.* Кто именно изъ тогдашнихъ писателей былъ авторомъ этихъ стихотвореній — мы не знаемъ. Изъ дѣятелей этой эпохи, болѣе или менѣе извѣстныхъ, нѣтъ ни одного, который могъ бы означать свое имя этими буквами. Но мы увидимъ ниже, что сотрудникомъ Миллерова журнала по части прозы былъ, между прочими, нѣкто Александръ Демидовъ. Не ему ли принадлежатъ и стихотворенія, подписанныя буквами *А. Д.*? Рѣшить этотъ вопросъ мы не можемъ, потому что о самомъ Александрѣ Демидовѣ не находимъ никакихъ свѣдѣній въ существующихъ у насъ библіографическихъ пособіяхъ.

По отдѣлу стихотвореній Миллеръ имѣлъ еще двухъ неизвѣстныхъ намъ сотрудниковъ, изъ которыхъ одинъ подписывался буквами *С. Н.*, другой — буквами *И. Г.* Кого именно означали эти таинственныя для насъ буквы, мы, къ сожалѣнію,

не знаемъ. Впрочемъ, узнать это было бы полезно только въ библіографическомъ отношеніи, потому что въ литературномъ обѣ эти стихотворца принадлежать къ числу самыхъ посредственныхъ. Въ журналѣ Сумарокова „Трудолюбивой Пчелѣ“ помѣщено нѣсколько стиховъ, подъ которыми подписано Семенъ Нарышкинъ и *С. Н.* Послѣднія буквы означали, можетъ быть, и въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ Семена Кирилловича Нарышкина (1775 г.), занимавшаго при императрицахъ Елизаветѣ и Екатеринѣ важнѣйшія придворныя должности. Ему принадлежать восемь стихотвореній. *Стансъ*, переведенный съ французскаго языка, и басня: *Муха и Муравей* (I. 11). *Похвала пастушьей жизни*, *Стансъ*, переведенный съ французскаго (II. 9). *Надпись*, *сонетъ* и мадригалъ Корнеліевъ, называемый *Тюльпанъ* (III. 2), и *Эклога* (IV 8).

Подпись *И. Г.* означена только подъ однимъ стихотвореніемъ: *Смертный грѣхъ всегдашнимъ мученіемъ есть человѣку*. Стихотвореніе это могло принадлежать бывшему впослѣдствіи генералъ-фельдмаршаломъ, Ивану Логиновичу Голенищеву-Кутузову (род. 1719 г., ум. 1802 г.), про котораго въ словарѣ митрополита Евгенія сказано, что „нѣсколько мелкихъ его сочиненій въ стихахъ и прозѣ были напечатаны въ разныхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“. Или, можетъ-быть, авторомъ этихъ стиховъ былъ писатель того же времени, Иванъ Голеневскій, про котораго въ томъ же „Словарѣ“ сказано, что онъ написалъ нѣсколько стихотвореній. Самые стихи, о которыхъ идетъ дѣло, весьма дурны: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть ихъ начало:

Тирански совѣсть рветъ за смертный грѣхъ того,
И душу мучитъ въ вѣкъ ударомъ силъ его,
Не можетъ въ свѣтѣ жить съ покоемъ и безъ страха,
Надъ кѣмъ есть Божій гнѣвъ, боится тотъ и праха.

Въ заключеніе намъ остается упомянуть о небольшомъ числѣ стихотвореній, помѣщенныхъ въ Миллеровомъ журналѣ безъ всякой подписи. Два изъ нихъ, какъ мы уже замѣтили выше, принадлежать Тредьяковскому. Кому принадлежатъ остальныя — мы не знаемъ. Въ литературномъ отношеніи они не имѣютъ большой цѣны; но въ библіографическомъ интересно бы было узнать имена ихъ авторовъ.

Отдѣлъ такъ называемой изящной прозы составляетъ самый слабый отдѣлъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“. Въ современныхъ журналахъ онъ стоитъ обыкновенно на первомъ планѣ; въ журналѣ Миллера, имѣвшемъ преимущественно ученое направленіе, онъ стоялъ на послѣднемъ. „Въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ помѣщались только самыя коротенькія беллетристическія статьи и помѣщались, обыкновенно, въ самомъ концѣ, на томъ мѣстѣ, которое въ нынѣшнихъ журналахъ занимается смѣсью. Въ настоящее время ни одна книжка журнала не можетъ обойтись безъ романа или повѣсти; въ изданіи Миллера, напротивъ, статьи чисто литературнаго направленія составляли не существенное, а побочное и второстепенное содержаніе журнала. Весьма многія книжки „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ наполнены исключительно учеными произведеніями и вовсе не представляютъ статей по части изящной словесности. И въ этомъ отношеніи журналъ Миллера можно скорѣе сравнить съ современными *revues*: англійскими и французскими, нежели съ журналами учено-литературными, издаваемыми въ Россіи въ настоящее время.

Что касается до содержанія беллетристическихъ статей, помѣщавшихся въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“, то о достоинствѣ его мы не должны судить по тѣмъ понятіямъ, которыя господствуютъ въ современной литературѣ. Намъ статьи эти кажутся чрезвычайно скучными и вовсе не занимательными; но на читателей того времени онѣ производили, по всей вѣроятности, совсѣмъ другое впечатлѣніе. Романы и повѣсти, составляющіе теперь существенное и необходимое содержаніе каждаго литературнаго журнала, вовсе не помѣщались въ періодическихъ изданіяхъ того времени. Они далеко не производились тогда въ такомъ изобиліи, какъ теперь, и даже въ книжной литературѣ не занимали того значительнаго мѣста, какое занимаютъ они въ настоящее время. Въ журналѣ Миллера, какъ и во всѣхъ вообще журналахъ XVIII столѣтія, отдѣлъ беллетристики наполнялся исключительно статьями сатирическаго или, точнѣе, дидактическаго направленія. Направленіе это, возникнувъ первоначально въ Англіи, одолжено было своимъ первоначальнымъ успѣхомъ могущественному вліянію Вольтера и утвердилось сначала во французской, а потомъ и во всѣхъ другихъ литературахъ. Въ XVIII столѣтіи оно было господствующимъ. Не мудрено, что оно распространило

свое владычество и на „Ежемѣсячныя Сочиненія“, тѣмъ болѣе, что въ беллетристическомъ отдѣлѣ этого журнала переводныя статьи имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ оригинальными. Послѣднія, чрезвычайно незначительныя по своему числу, были еще незначительнѣе по своему достоинству; хотя и сочиненныя русскими писателями, онѣ не заслуживали вполнѣ названія оригинальныхъ и носили на себѣ явные слѣды систематическаго и почти рабскаго подражанія иностраннымъ образцамъ.

Назвавъ господствовавшее въ литературѣ XVIII столѣтія направленіе *сатирическимъ*, мы чувствуемъ, что дали ему названіе не совсѣмъ точное и которое можетъ ввести въ заблужденіе нашихъ читателей. Въ настоящее время цѣль и значеніе сатирическаго направленія состоитъ преимущественно въ осмѣяніи особенныхъ пороковъ, слабостей и недостатковъ, существующихъ въ данную эпоху и въ данной мѣстности. Но въ XVIII-столѣтіи сатира имѣла совсѣмъ другое значеніе и другую цѣль. Она карала пороки, слабости и недостатки, общіе человѣческой природѣ, существующіе всегда и вездѣ. Сатирическія сочиненія того времени принадлежали не столько къ области литературы, сколько къ области науки. Они представляли собою не художественное изображеніе дѣйствительности, но развитіе общихъ идей, заимствованныхъ изъ сферы нравственной философіи, въ формѣ беллетристической. Самая форма тогдашнихъ сатирическихъ сочиненій существенно разнилась отъ формы, усвоенной имъ въ настоящее время. Несмотря на успѣхъ Сервантеса и нѣкоторыхъ его подражателей, сатирическіе романы и повѣсти не были въ то время въ такомъ ходу, какъ теперь. Тогдашніе сатирики отдавали явное предпочтеніе формѣ аллегорической и преимущественно развивали свои нравственно-философскія идеи въ формѣ сновъ, разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ, волшебныхъ сказокъ, аллегорій и т. под. Направленіе это, которому всего болѣе приличествуетъ названіе *дидактическаго*, господствовало во всей литературѣ того времени, но преимущественно въ журналистикѣ. Въ Англіи, во Франціи и въ Германіи издавалось тогда множество журналовъ, которые наполнялись статьями такого направленія, философскими по своему содержанію и аллегорическими по своей формѣ.

Послѣ этихъ общихъ, предварительныхъ замѣчаній, мы

можемъ уже перейти къ подробнѣйшему обзору содержанія отдѣльныхъ беллетристическихъ статей, помѣщенныхъ въ Миллеровомъ журналѣ. Этотъ обзоръ представляетъ нѣкоторую трудность въ томъ отношеніи, что беллетристическія статьи „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ почти невозможно разграничить съ точностію отъ статей, принадлежащихъ къ отдѣлу философіи и занимающихъ довольно значительное мѣсто въ разсматриваемомъ нами изданіи. Философскія статьи Миллерова журнала, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, не совсѣмъ соотвѣтствуютъ современнымъ понятіямъ о философіи. Онѣ представляютъ не ученыя изслѣдованія о сущности бытія, но, по большей части, довольно поверхностныя и предложенныя вовсе не въ научной формѣ разсужденія или замѣчанія о различныхъ нравственныхъ вопросахъ и преимущественно о порокахъ и слабостяхъ человѣческой природы. Слѣдовательно, по содержанію своему, статьи этого рода ничѣмъ не отличаются отъ статей беллетристическихъ; единственное различіе между ними заключается въ ихъ формѣ, и это-то различіе рѣшились мы принять въ основаніе нашего дѣленія. Тѣ статьи, въ которыхъ нравственно-философскія идеи развиваются въ формѣ аллегорической, отнесены нами къ отдѣлу изящной словесности; а подъ рубрикой философіи будутъ разсмотрѣны нами тѣ сочиненія и отрывки, въ которыхъ тѣ же самыя нравственно-философическія идеи развиваются не въ аллегорической, но въ догматической формѣ.

Наибольшее число матеріаловъ для беллетристической части „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ доставили знаменитыя англійскія изданія: „The Tatler“, „The Spectator“ и „The Guardian“. Эти изданія, первыя въ своемъ родѣ, имѣли въ Англіи огромный успѣхъ; они были переводимы не только въ отрывкахъ, но и цѣликомъ на иностранные языки. Издаваемыя въ началѣ Стилемъ († 1729 г.), къ которому присоединился впослѣдствіи Адисонъ († 1719), они продолжались семь лѣтъ, съ 1709 по 1715 годъ. Впослѣдствіи они послужили образцомъ для всѣхъ другихъ изданій того же рода. Издавая эти журналы, Стиль и Адисонъ не имѣли въ виду ни чисто-политической, ни чисто-литературной цѣли; тѣмъ не менѣе изданія ихъ имѣли интересъ какъ въ политическомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи. Но оба эти интереса подчинялись интересу нравственному, которымъ и опредѣлились ха-

рактеръ и тонъ всѣхъ тѣхъ журналовъ. Содержаніе ихъ было, по преимуществу, дидактическое. Главная цѣль издателей состояла въ томъ, чтобы дѣйствовать на улучшеніе нравовъ, осмѣивая пороки и смѣшныя стороны ихъ соотечественниковъ и современниковъ. Мы уже замѣтили, что дидактическое направленіе преобладало вообще въ литературѣ XVIII столѣтія. Слѣдовательно, журналъ, издаваемый въ чисто-дидактическомъ духѣ, не могъ въ то время не имѣть успѣха. Но успѣхъ изданій Аддисона и Стиля объясняется, сверхъ того, разнообразіемъ ихъ содержанія и самымъ дарованіемъ издателей. Аддисонъ и Стиль принадлежали къ числу лучшихъ, даровитѣйшихъ писателей тогдашней Англіи. Сочиненія ихъ считались образцовыми, какъ по остроумію содержанія, такъ и изяществу формы. Этимъ и объясняется извѣстность, которою они пользовались не только въ Англіи, но и во всѣхъ другихъ государствахъ, особенно во Франціи. Этимъ объясняются также и тѣ многочисленныя заимствованія, которыя сдѣлалъ изъ нихъ Миллеръ для своего журнала, издававшагося въ Россіи, такъ мало похожей на Англію, и во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда Аддисона и Стиля уже не было въ живыхъ, когда и журналы ихъ перестали уже выходить. И въ этомъ отношеніи нельзя не отдать справедливости несомнѣнному такту Миллера и редакторскимъ его способностямъ. Наполняя беллетристическую часть своего журнала переводами изъ Аддисона, Миллеръ вполнѣ сообразовался со вкусами и потребностями своихъ читателей, любившихъ, по преимуществу, статьи дидактическаго содержанія и вообще еще незнакомыхъ съ дидактическими произведеніями иностранной и въ особенности англійской литературы. Число всѣхъ сочиненій, заимствованныхъ имъ изъ этого источника (кромѣ тѣхъ, которыя относятся къ другимъ отдѣламъ и которыя разсмотрѣны будутъ ниже), простирается до семнадцати: три переведены изъ „Говоруна“, двѣнадцать изъ „Зрителя“ и два изъ „Опекуна“. Изъ „Зрителя“ заимствованы слѣдующія статьи: *Явленіе Мирзы* (III, 4), *Превращеніе Фиделію въ зеркало* (V, 10), *Басня о молитвахъ* (V, 10), *Сонъ о порокахъ и желобахъ* (VII, 4), *Сонъ о искрѣ пылкой, находящейся въ сердцѣ человѣческомъ* (VII, 4), *Разговоръ между любовью и разумомъ* (VIII, 1) и шесть статей безъ заглавія (V, 10, VI, 1, VI, 3, VIII, 11); изъ „Говоруна“ переведена

„*Сонъ о правосудіи*“ (VII. 5. 9) и двѣ статьи безыменныя (III. 12. VIII. 9); наконецъ, изъ „Опекуна“ заимствованы *Описаніе во всемъ пріятнаго человѣка* (VIII. 7) и *Рѣчь умирающаго къ своимъ друзьямъ* (IX. 12). Первая изъ этихъ статей, „Явленіе Мирзы“, есть нѣчто въ родѣ волшебной повѣсти, имѣющей цѣлью доказать, что блаженство, ожидающее человѣка въ будущей жизни, должно служить утѣшеніемъ за всѣ скорби и непріятности жизни настоящей. Вторая, „Превращеніе Фиделіо“, осмѣиваетъ въ аллегорической формѣ страсть женщины безпрестанно смотрѣться въ зеркало. Третья, „Басня о молитвахъ“, есть также аллегорическій разсказъ, изображающій суетность и преступность молитвъ, возносимыхъ нѣкоторыми людьми къ небу о предметахъ недостойныхъ. Четвертая, „Сонъ о порокахъ и жалобахъ человѣческихъ“, развиваетъ, въ формѣ сна, такую же нравственную идею, именно — идею о необходимости сносить терпѣливо несчастія и не завидовать благополучію другихъ людей, по большей части, мнимому. Пятая, „Сонъ о некрѣ грѣховъ въ сердцѣ человѣческомъ“, доказываетъ, въ формѣ сна, возможность уничтожить всѣ преступныя или противныя добродѣтели побужденія сердца. Примѣровъ этихъ достаточно для опредѣленія характера и направленія статей этого рода; изложеніе содержанія всѣхъ остальныхъ могло бы утомить читателей; поэтому мы ограничимся замѣчаніемъ, что во всѣхъ ихъ развиваются общія нравственныя идеи, справедливыя всегда и вездѣ, и развиваются притомъ, по большей части, въ формѣ аллегорической, преблаадавшей не только въ журналахъ Аддисона, но и во всей вообще литературѣ того времени.

За исключеніемъ статей Аддисона, англійская литература доставила вообще мало матеріаловъ для „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“. Изъ англійскихъ сочиненій, не входящихъ въ составъ „Зрителя“, „Опекуна“ и „Говоруна“, мы находимъ въ журналѣ Миллера только одну, подъ названіемъ: *Китайская повѣсть* (IX. 10). Она была переведена изъ англійской книги: „The Citizen of the world, or Lettres from Chinese Philosopher. Повѣсть эта (весьма коротенькая), подобно большей части произведеній тогдашней литературы, имѣла направленіе нравственно-сатирическое; цѣль ея заключалась въ томъ, чтобы съ одной стороны осмѣять непостоянство женской привязанности, а съ другой — доказать непрочность су-

пружескихъ связей, основанныхъ на одной только любви, а не на разсудкѣ.

Кромѣ англійской литературы, обильную дань журналу Миллера доставили произведенія тогдашней французской словесности. Прежде всего мы должны упомянуть о повѣстяхъ Вольтера: изъ нихъ переведены были двѣ *Микромегасъ* (II. 1) и *Задигъ* (V. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6). Литературное и философское значеніе этихъ повѣстей и всѣхъ вообще произведеній Вольтера такъ общеизвѣстно, что мы считаемъ безполезнымъ дѣлать ихъ характеристику и распространяться объ ихъ содержаніи и направленіи. Изъ остальныхъ корифеевъ французской литературы на страницахъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" встрѣчаются только имена Фонтенеля († 1759 г.) и Флешье († 1710 г.). Изъ сочиненій перваго, который пользовался въ то время большою извѣстностью и какъ литераторъ и какъ ученый, переведенъ былъ *Разговоръ между Артемизіею и Раймундомъ Луллiемъ* (IV. 5). Артемизія была, какъ извѣстно, жена карійскаго царя Мавзола, прославившаяся необыкновенной вѣрностію своему супругу. Луллій былъ философъ XIII вѣка, посвятившій труды всей своей жизни на отыскиваніе философскаго камня. Въ разговорѣ, который предполагаетъ между ними Фонтенель, Луллій доказываетъ Артемизіи, что совершенное сохраненіе супружеской вѣрности такъ же невозможно, какъ открытіе философскаго камня. Но въ то же время онъ показываетъ, что, стремясь къ невозможной, недостижимой цѣли, онъ сдѣлалъ много важныхъ ученыхъ открытій, которыя принесли наукѣ большую пользу. Изъ этого онъ выводитъ, что хотя совершенство недостижимо для человѣка, но стремленіе къ нему необходимо, такъ какъ безъ этого стремленія не могло бы происходить ничего возвышеннаго и благороднаго. Такимъ образомъ и статья Фонтенеля представляетъ намъ развитіе нравственно-философской идеи въ беллетристической формѣ. Что касается до сочиненія Флешье, переведеннаго въ журналѣ Миллера, то оно принадлежитъ, и по содержанію своему и по формѣ, къ области такъ называемаго духовнаго краснорѣчія. Это — рѣчь или, точнѣе, *проповѣдь, произнесенная въ похвалу знаменитаго полководца Тюреня* (IX. 2). Цѣль помѣщенія этой рѣчи въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" объяснена въ предшествующей книжкѣ этого журнала (IX. 1), гдѣ въ отдѣлѣ „Извѣстія объ ученыхъ дѣлахъ",

между прочимъ, сказано слѣдующее: „Кому извѣстно, какой между французами великой риторъ былъ господинъ Флешье, какъ онъ зналъ въ рѣчахъ своихъ соединять возвышеніе духа съ пріятностію, натуру съ наукою; какъ быстрое его краснорѣчіе украшаемо было избранными и основными мыслями, и коль великая польза обучающимся краснорѣчію отъ изрядныхъ примѣровъ происходитъ: тотъ весконечно обрадуется, что спустя 52 года послѣ кончины толь славнаго мужа нашелся, наконецъ, человѣкъ, который всѣ его рѣчи и сочиненія, собравъ, въ печать издаетъ. Сей есть господинъ Менардъ, членъ верховнаго совѣта въ городѣ Нимесѣ, который уже сочиненіемъ исторіи упомянутаго города прославился. Онъ сіе дѣло предпріялъ для того, что господинъ Флешіе былъ епископомъ въ Нимесѣ, гдѣ онъ въ 1710 году, будучи 78 лѣтъ отъ роду, умеръ. Жители того города многіе опыты его краснорѣчія слыхали; также и господину Менарду удобно было собрать тамъ всѣ Флешіеровы сочиненія. Есть ли кто подумаетъ, что французскій языкъ послѣ временъ Флешіеровыхъ, и особливо послѣ тѣхъ лѣтъ его, когда онъ наибольше трудился въ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ, въ слогѣ перемѣнился, и что для сей причины тогдашнее краснорѣчіе не можетъ сравниться съ нынѣшнимъ: тому мы представимъ въ примѣръ Флешіерову похвальную рѣчь, говоренную въ 1676 году славному маршалу Тюренну, потому что оная паче всѣхъ прочихъ извѣстна. Она и нынѣ отъ всѣхъ знающихъ за образецъ наилучшей похвальной рѣчи почитается. Всѣ сочиненія славнаго Флешіе по напечатанію учинятъ восемь томовъ въ четверть листа, за которые подписавшіеся должны заплатить въ четыре срока 75 ливровъ" (IX. 1, стр. 80—81). Нельзя и въ этомъ отношеніи не отдать справедливость такту и вкусу Миллера. Если онъ имѣлъ цѣлію познакомить русскихъ читателей съ достоинствомъ сочиненій Флешье, то, очевидно, онъ вполнѣ достигъ своей цѣли, выбравъ именно похвальное слово Тюренню, а не какую-либо другую изъ его рѣчей. Это похвальное слово считается до сихъ поръ, и по справедливости, лучшимъ изъ сочиненій знаменитаго проповѣдника.

Кромѣ переводовъ изъ Вольтера, Фонтенеля и Флешье мы находимъ еще въ журналѣ Миллера переводъ изъ сочиненій менѣе знаменитаго писателя, Раймонда де-Сенъ-Марда († 1754), преимущественно извѣстнаго своими „Разговорами боговъ“.

„Въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ переведены четыре такихъ разговора: между Венерою и Паномъ — о любви, между Аполлономъ и Венерою — о мудрости, между Купидономъ и Плутономъ — о любви и скупости, наконецъ, между Минервой и Меркуріемъ — о краснорѣчіи (VII. 2). Разговоры эти, подобно большей части другихъ произведеній тогдашней литературы, представляютъ развитіе нравственно-философскихъ идей въ беллетристической формѣ. Отъ другихъ произведеній того же рода они отличаются тѣмъ, что въ нихъ замѣтенъ легкій оттѣнокъ скептицизма. Такъ во второмъ разговорѣ Венера остается побѣдительницею въ спорѣ съ Аполлономъ, защищавшимъ мудрость противъ ея нападокъ; въ четвертомъ Минерва доказываетъ Меркурію сходство краснорѣчія съ воровствомъ, а Меркурій въ свою очередь доказываетъ ей неразумность людей, на что Минерва отвѣчаетъ: „Конечно, Я знаю, каковы они дураки! но токмо умные дураки! Разсуждай самъ по сей ихъ хитрости. Они изъ своихъ дурачествъ столько же сдѣлали добродѣтелей“.

Упомянемъ еще о трехъ статьяхъ, переведенныхъ съ французскаго. Одна, подъ названіемъ *Сонъ роскоши* (VI. 12), переведена изъ „Новаго французскаго Зрителя“, журнала, который издавался во Франціи въ подражаніе „Зрителю“ Аддисона и имѣлъ тоже самое нравственно-сатирическое направленіе. Эта довольно большая статья доказываетъ, по обыкновенію въ аллегорической формѣ, необходимость добродѣтели и непрочность чувственныхъ удовольствій. Другая статья: *Разговоръ о морѣ* (III. 3), переведена изъ „Разговоровъ между Аристомъ и Евгеніемъ“, книги, напечатанной въ Парижѣ въ 1671 году. Въ этомъ разговорѣ два друга бесѣдуютъ въ нѣсколько сантиментальномъ тонѣ о морѣ, объ его необъятности, красотѣ и свойствахъ. Наконецъ третья статья: *Письмо къ Даржету о зашишеніи королей* (X. 7), заимствована изъ книги Фридриха II: „Философъ безъ попеченія“, написанной на французскомъ языкѣ. Вообще удивленіе, которое возбуждали тогда и военные подвиги прусскаго короля и дѣятельная любовь его къ литературѣ, достаточно объясняютъ помѣщеніе этой статьи въ Миллеровомъ журналѣ. Она не могла не возбудить сильнаго интереса въ читателяхъ, и самъ издатель сдѣлалъ подъ нею слѣдующую выноску: „Обнадеживаемъ благосклоннаго читателя, что впредь и прочія славныя со-

чиненія безприкладнаго героя и философа, симъ же искуснымъ перомъ переведенныя (статья переведена А. Нартовымъ), ожидать имѣетъ“.

Небольшое число помѣщенныхъ въ Миллеровомъ журналѣ отрывковъ изъ классическихъ писателей — греческихъ и римскихъ, переведены также съ французскаго. Подъ нѣкоторыми изъ нихъ это прямо означено, и весьма вѣроятно, что такимъ же образомъ переведены были и всѣ другіе. Къ этому разряду статей относится: *Рѣчь Сенеки къ Нерону* изъ Тацита (III. 4), *разсказъ о Вертумнѣ и Помонѣ* изъ Метаморфозъ Овидія (V. 9), два разсказа изъ Киропедіи Ксенофонта, *Арасnъ* (VII. 5) и *Пантея* (VII. 6), наконецъ два отрывка, заимствованные также изъ Ксенофонтовыхъ сочиненій: *Сократовъ разговоръ о братской любви* (VII. 12) и Сократовъ же *разговоръ о дѣтской должности противъ угрюмыхъ родителей* (VII. 12). Наконецъ, надо упомянуть еще о значительномъ числѣ переводныхъ статей, относительно которыхъ не означено, съ какого именно языка онѣ переведены. Весьма вѣроятно, что многія изъ нихъ были заимствованы также изъ произведеній тогдашней французской литературы.

Несмотря на рѣшительное преобладаніе французской словесности въ разсматриваемую нами эпоху, несмотря на малое уваженіе, которымъ пользовалась тогда литература нѣмецкая, произведенія послѣдней встрѣчались весьма часто на страницахъ Миллерова журнала. Фактъ этотъ объясняется германскимъ происхожденіемъ издателя и близкимъ знакомствомъ его съ литературою той страны, которая была первымъ его отечествомъ. Изъ нѣмецкихъ статей, заимствованныхъ въ „Ежемѣсячныя Сочиненія“, бо́льшая часть переведена была изъ современныхъ журналовъ. Въ этомъ отношеніи значительную дань журналу Миллера доставили прежде всего такъ называемыя *Грейфсвальдскія сочиненія* 1753 и 1754 годовъ. Изъ нихъ заимствовано пять статей; всѣ онѣ отличаются нравственно-сатирическимъ содержаніемъ. Первая изъ нихъ: „*Разговоръ о вредѣ обществу отъ неискусныхъ учителей происходящемъ*“ (V. 9). Содержаніе ея достаточно указывается заглавіемъ: для русскихъ читателей она могла имѣть особенный интересъ въ то время, когда крайняя неразборчивость въ выборѣ учителей стала вести къ явнымъ злоупотребленіямъ и уже начала обращать на себя вниманіе правительства. По формѣ своей

статья эта принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Въ той же самой формѣ, къ которой и писатели и читатели того времени чувствовали особенное расположеніе, написаны еще двѣ статьи — одна: *Разговоръ между Антропосомъ и Клото* (VII. 4) о необходимости посредственныхъ художниковъ для настоящей оцѣнки хорошихъ; другая — *Разговоръ между Сократомъ и Критономъ* (VIII. 3) о трудности и свойствѣ обязанностей добраго господина. Четвертая, заимствованная изъ того же журнала статья — *О благоразуміи* (VI. 2), доказываетъ, въ формѣ вымышленныхъ разсказовъ, что именемъ благоразумныхъ называютъ, по большей части, людей порочныхъ, но хитрыхъ". Наконецъ пятая — *Разсказъ объ Альшиннъ* (VI. 7), развиваетъ въ той же формѣ мысль о странности общества, уважающаго людей не за внутреннія, но за внѣшнія ихъ достоинства.

Другимъ источникомъ, изъ котораго черпалъ Миллеръ статьи для своего изданія, были такъ называемыя *Бременскія сочиненія, къ увеселенію разума служащія* — журналъ, издавшійся въ Германіи въ половинѣ XVIII столѣтія. Изъ нихъ были заимствованы три статьи: *Флоріо* (VI. 4), *О смерти Сократовой* (VI. 4) и *Объ удовольствіи Фабула* (VI. 4). Первая изъ этихъ статей есть нравоучительная повѣсть, доказывающая, что излишнее снисхожденіе къ друзьямъ ведетъ иногда къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ; вторая, изложенная въ формѣ письма отъ одного греческаго философа къ другому, разсказываетъ смерть Сократа, съ цѣлью доказать, что благополучіе человѣка заключается въ одной лишь добродѣтели; наконецъ третья — представляетъ опять нравоучительную повѣсть, доказывающую, что источникъ большей части человѣческихъ несчастій заключается въ воображеніи.

Весьма значительное число статей заимствовано было Миллеромъ изъ еженедѣльнаго журнала, издававшагося въ Германіи съ 1754 по 1756 годъ, подъ названіемъ Der Freund (другъ). Изъ него переведены были прежде всего *Разговоры по подобію Лукіановыхъ* (II. 4) — статьи нравственно-сатирическаго содержанія, написанныя опять въ формѣ разговоровъ между мертвыми. Оттуда же заимствованы: *Письмо Ахмета сына Солиманова къ молодому Али сыну Абраимову* (IV. 1), представляющее собой значительное число нравоучительныхъ разсказовъ, заимствованныхъ изъ восточной жизни. — *Письмо*

съ предсказательствами (IV. 6), представляющее нѣсколько сатирическихъ замѣчаній въ формѣ пророчествъ различнымъ вымышленнымъ лицамъ; *О людяхъ, обѣщаній своихъ не исполняющихъ* (V. 3) —собраніе сатирическихъ разсказовъ, направленіе которыхъ указывается заглавіемъ; наконецъ *Разныя примѣчанія* (V. 6) — собраніе вымышленныхъ нравоучительныхъ анекдотовъ, доказывающихъ, что дѣйствуя согласно съ законами добродѣтели, мы не должны обращать вниманія на осужденія и насмѣшки людей порочныхъ или легкомысленныхъ.

Кромѣ трехъ журналовъ, нами указанныхъ, нѣкоторыя статьи „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" заимствованы были изъ слѣдующихъ изданій: изъ „Гамбургскаго Патріота, изъ „Гамбургскихъ сочиненій, къ пользѣ и увеселенію служащихъ" изъ „Ганноверскихъ сочиненій, къ пользѣ и увесенію служащихъ", изъ „Лейпцигскихъ Сочиненій", изъ „Бернскаго журнала" и изъ книгъ **Meisterstücke** и **Gesellshäftliche Erzählungen**. Изъ „Гамбургскаго Патріота" Миллеръ заимствовалъ три статьи: одну безъ заглавія (II. 10), развивающую аллегорически мысль о превосходствѣ жизни вѣчной надъ временною; другую, также не означенную особымъ названіемъ (VIII. 2), рисующую идеалъ счастливаго брака; третью, подъ названіемъ: *Описаніе прекрасной страны* (X. 5), доказывающую, опять въ аллегорической формѣ, что нѣтъ ни одной страны, которая бы не представляла нѣкоторыхъ удобствъ и пріятностей для жизни. Изъ „Гамбургскихъ сочиненій, къ пользѣ и увеселенію служащихъ", переведена была одна статья: *Мысли о наукѣ молчанія* (VI. 12), заключающаяся въ формѣ нравоучительной повѣсти. Статья: *Лучше ли свѣтъ сталъ или хуже въ разсужденіи обхожденія человѣческаго и перемѣняющихся модъ?* (X. 9), заимствована изъ „Ганноверскихъ сочиненій, къ пользѣ и увеселенію служащихъ" 1761 года. Это — разговоръ между мужчиной и женщиной, въ которомъ одинъ изъ разговаривающихъ доказываетъ, что свѣтъ улучшается, а другой — что онъ остается постоянно въ томъ же отношеніи. Изъ „Лейпцигскихъ ежемѣсячныхъ сочиненій, къ увеселенію разума служащихъ" была переведена статья Іоанна Эліаса Шлегеля († 1749), извѣстнаго своими письмами, драматическими произведеніями и сочиненіями по части литературной критики, подъ названіемъ *Демокритъ* (X. 11). Въ формѣ разговора между мертвыми Шлегель осмѣиваетъ въ этой статьѣ фран-

цузскаго комика Реньяра, неправильно изобразившаго Демокрита и греческую жизнь въ своей комедіи. Статья: *О моральномъ инвалидномъ домѣ* (VIII. II), заимствовашая изъ книги: „Meisterstücke“, есть сатира на человѣческое общество, которое уподобляется авторомъ сумасшедшему дому. Наконецъ, изъ двухъ статей, заимствованныхъ изъ нѣмецкой же книги: „Gesellschäftliche Erzählungen“, одна: *Похвала добродѣтели* (VI. 3), есть нѣчто въ родѣ диѳирамба добродѣтели,— другая: *Явленіе, видѣнное Ѳеодоромъ пустынникомъ тенерифскимъ, и послѣ смерти его найденное въ пещерѣ* (VI. 9) содержитъ въ себѣ также похвалу добродѣтели, но въ формѣ аллегорической.

Большаго вниманія заслуживаетъ статья „славнаго господина Галлера“ († 1777), который дѣйствительно пользовался въ то время большою извѣстностью и какъ поэтъ, и какъ богословъ, и какъ медикъ. Миллеръ перевелъ ее изъ одного ежемѣсячнаго журнала, издававшагося въ Бернѣ въ 1760 г. Статья эта называется: *Первый разговоръ между юношей россійскимъ, старающимся подражать людямъ и поведеніямъ французскимъ, и между нѣкоторымъ пріѣзжимъ, остроумнымъ и ученымъ Швейцаромъ* (VII. 3). Для русскихъ читателей того времени разговоръ этотъ долженъ былъ имѣть особенное значеніе, потому что страсть ко всему иностранному, и въ особенности стремленіе во всемъ подражать французамъ, принадлежали къ числу самыхъ рѣзкихъ и смѣшныхъ недостатковъ тогдашняго общества. Впрочемъ, Галлеръ, какъ нѣмецъ, осмѣивалъ этотъ недостатокъ съ точки зрѣнія слишкомъ исключительной. Онъ нападалъ не на отсутствіе самостоятельности, не на пренебреженіе ко всему отечественному, но только на то, что русскіе выбрали себѣ руководителемъ французовъ, а не другой европейскій народъ. Поэтому и вся статья имѣетъ преимущественною цѣлію доказать, что французы далеко не самый образованный изъ европейскихъ народовъ, что англичане и нѣмцы не только не уступаютъ имъ, но даже и превосходятъ ихъ во многихъ отношеніяхъ.

Для того, чтобы свести полный итогъ заимствованій Миллера изъ нѣмецкой литературы, намъ остается только упомянуть о двухъ статьяхъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго. Одна изъ нихъ принадлежитъ извѣстному сатирику Рабнеру († 1771) и называется: *Платье дѣлаетъ людьми* (V. 7). Это сатира

на тѣхъ людей, которые внѣшнія достоинства болѣе уважаютъ, чѣмъ внутреннія. Другая статья есть *рѣчь*, произнесенная въ Кенигсбергскомъ университетѣ, 7 сентября 1758 года, профессоромъ Якобомъ Фридрихомъ Вернеромъ по случаю тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны (IV. 10). Эта рѣчь, написанная по всѣмъ правиламъ тогдашней науки краснорѣчія, содержитъ въ себѣ похвалу императрицѣ Елизаветѣ и вмѣстѣ развитіе мысли о томъ, что „монаршее имя любовію къ подданнымъ безсмертіе себѣ пріобрѣтаетъ".

Выше мы уже замѣтили, что относительно нѣкоторыхъ переведенныхъ статей, помѣщенныхъ въ Миллеровомъ журналѣ, нельзя сказать положительно, съ какого языка и откуда именно переведены. Къ этому разряду должны быть отнесены слѣдующія статьи: *Путешествіе жизни человѣческой* (I. 5), *Сонъ* (I. 8) другой *Сонъ*, служащій продолженіемъ первому (I. 11), *Гиія*, аллегорическая повѣсть (I. II), *Желатели*, повѣсть восточная (I. 12), *Мемнонъ, желающій быть совершенно разумнымъ* (II. 4), *О клятво-преступленіи* (II. 6), *Обидалъ и пустынникъ*, повѣсть восточная (II. 9), Сонъ, подъ названіемъ: *Храмъ натуры и счастія* (III. 4), и *Епистола къ Ротенбургу о путешествіяхъ* (VII. 4). Впрочемъ, особеннаго вниманія не заслуживаетъ ни одна изъ этихъ статей: всѣ онѣ, подобно другимъ, нами уже разсмотрѣннымъ, представляютъ собою развитіе нравственно-философскихъ идей въ беллетристической и всего чаще въ аллегорической формѣ.

Теперь мы перейдемъ къ статьямъ *оригинальнымъ* того же отдѣла. Мы уже сказали выше, что ихъ весьма немного. Къ этому разряду мы причисляемъ даже и такія статьи, которыя собственно не могутъ быть названы вполнѣ оригинальными. Сюда должно отнести, напримѣръ, всѣ произведенія Ивана Перфильевича Елагина, одного изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Миллерова журнала. Въ исторіи нашей литературы Елагинъ (1725—1796) извѣстенъ, во-первыхъ, какъ авторъ совершенно неудачнаго, хотя и написаннаго съ большими претензіями *Опыта любомудраго и политическаго о государствѣ россійскомъ повѣствованія*, и во-вторыхъ, какъ переводчикъ иностранныхъ сочиненій по части изящной словесности. Переводы его въ свое время считались образцовыми въ отношеніи къ изяществу слога и правильности языка. Тогдашняя литература была обязана ему переводомъ романа

аббата Прево: *„Приключение маркиза Г*. или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ“, знаменитой повѣсти того же автора: *Исторія Манонъ Леско*“, — комедіи Мольера *Мизантропъ* или Нелюдимъ и драмы *Безбожный*, написанной нѣмецкимъ трагикомъ Браве, который особенно прославился своею трагедіею „Брутъ“ и умеръ въ 1758 году двадцати лѣтъ отъ роду, не успѣвши оправдать блистательныхъ надеждъ, поданныхъ его первыми произведеніями. Эти переводы, повидимому, имѣли большой успѣхъ, потому что одинъ изъ нихъ выдержалъ два, а другой три изданія. Кромѣ того, въ молодости своей Елагинъ занимался сочиненіемъ разныхъ мелкихъ стихотвореній, прозаическихъ статей въ разныхъ родахъ и комедіи подъ названіемъ *Жанъ-де-Моле*. Эти сочиненія его остались, впрочемъ, по словамъ митрополита Евгенія, неизданными. Независимо отъ литературной своей дѣятельности Елагинъ занималъ довольно важныя должности и по государственному управленію. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ, оберъ-гофмейстеромъ и главнымъ директоромъ придворной музыки и театра. Императрица Екатерина II цѣнила его способности, уважала благородство его характера и говорила о немъ: *Елагинъ хорошъ безъ пристрастія*.

Сотрудникомъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ Елагинъ былъ только въ теченіе двухъ лѣтъ, 1755 и 1756. Онъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ три статьи, изъ числа которыхъ одна подписана его именемъ и фамиліей, а двѣ другія только буквами *Е. И.* Первая изъ этихъ трехъ статей, самая значительная по объему, называется *Авторъ* (I. 7, 8, 9, 10, 11, 12) и представляетъ собою нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ фельетоновъ — легкую болтовню въ юмористическомъ тонѣ, съ большими притязаніями на остроуміе и съ необыкновеннымъ изобиліемъ латинскихъ цитатъ. Елагинъ былъ не сочинителемъ, но только переводчикомъ этой статьи, которую онъ заимствовалъ изъ одного лейпцигскаго журнала. Мы относимъ ее къ отдѣлу статей оригинальныхъ потому, что Елагинъ перевелъ ее не буквально, но съ передѣлками и выпусками. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, кромѣ самаго содержанія статьи, въ которой безпрестанно упоминается о Россіи и русскихъ, слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное редакторомъ: „Благосклонному читателю не безызвѣстно будетъ, что въ Лейпцигскихъ увесе-

леніяхъ разума находятся подлинники тѣхъ увеселительныхъ листковъ, которыхъ предлагается здѣсь первый. Пріятель нашихъ трудовъ, сообщая оный, намѣренъ впредь давать и прочіе. Токмо онъ не обязывается точно къ переводу, но будетъ употреблять вольность, иногда что перемѣнить или выкинуть, по своему разсмотрѣнію, что уже и чинилъ онъ здѣсь при началѣ".

Двѣ другія статьи Елагина: *Сказка* (II. 1) и *Аллегорія о противурѣчіяхъ въ любви* (II. 2), хотя и подписаны его именемъ, но, быть можетъ, принадлежатъ также къ числу переводныхъ. Обѣ онѣ относятся къ тому же разряду сочиненій, какъ и всѣ вышеразсмотрѣнныя, т.-е. представляютъ собою развитіе нравственныхъ идей въ аллегорической формѣ. Въ первой изъ нихъ разсказывается сонъ бѣднаго Пруса, который, сдѣлавшись вдругъ богатымъ, сталъ дѣйствовать точно такъ же, какъ и тѣ богачи, которыхъ онъ обвинялъ самъ въ жадности и жестокосердіи. Вторая въ формѣ письма къ женщинѣ, доказываетъ аллегорически, что любовь, по самому существу своему, состоитъ изъ неразумныхъ и противорѣчащихъ другъ другу страстей и порывовъ. Въ біографіяхъ Елагина не упоминается ни объ одной изъ трехъ статей его, помѣщенныхъ въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ". Участіе его въ Миллеровомъ журналѣ объясняется, между прочимъ, дружбою его къ Сумарокову, находившемуся тогда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Миллеромъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, написанномъ по поводу похвалы Сумарокову, сочиненной въ стихахъ Елагинымъ, Ломоносовъ отзывается о послѣднемъ слѣдующимъ образомъ: „Много бы я могъ показать бѣдности его мелкаго знанія и скуднаго таланта, однако напрасно будетъ потеряно время на исправленіе такого человѣка, который уже болѣе десяти лѣтъ стихи кропать началъ, и нынѣ, какъ изъ прилагаемыхъ строчекъ видно, стихотворческой мѣры и стопъ не знаетъ, не упоминая чистыхъ мыслей, справедливости изображеній и надлежащимъ образомъ употребленія похвалъ и примѣровъ".

Другимъ сотрудникомъ Миллерова журнала по части изящной прозы былъ знаменитый Александръ Васильевичъ *Суворовъ*. Онъ помѣстилъ въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" двѣ небольшія статьи, принадлежащія къ разряду такъ называемыхъ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Въ первомъ изъ этихъ

разговоровъ (II. 7) дѣйствуютъ Кортецъ и Монтезума. Послѣдній доказываетъ первому, что „благость и милосердіе потребны героямъ". Въ другомъ разговорѣ, происходящемъ между Александромъ Великимъ и Геростратомъ (I. 8), авторъ, уподобляя подвиги перваго поступку второго, старается показать всю разницу, существующую между истинной любовью къ славѣ и простою жаждою извѣстности. Эти разговоры, подписанные: первый — буквою *С.*, второй — буквами *А. С.*, были приписаны Сумарокову и внесены въ полное собраніе его сочиненій. Но впослѣдствіи было доказано, что они принадлежатъ не Сумарокову, а Суворову, который написалъ ихъ въ 1755 году, двадцати-шести лѣтъ отъ роду въ чинѣ армейскаго поручика.

Кромѣ Елагина и Суворова, Миллеровъ журналъ имѣлъ еще двухъ сотрудниковъ по части изящной словесности: Александра Демидова и какого-то *Н**** (быть можетъ Нартова, который, какъ мы видѣли выше, сочинилъ нѣсколько стихотвореній и перевелъ нѣсколько статей для „Ежемѣсячныхъ Сочиненій"). Второму принадлежитъ небольшая статья: *Увѣщаніе отца къ непостоянному сыну* (II. 11), содержащая въ себѣ нравственныя наставленія, обращенныя отцомъ къ распутному сыну, жившему за границей и учившемуся въ университетѣ. Что касается до перваго, то въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" помѣщенъ переводъ его рѣчи, произнесенной на нѣмецкомъ языкѣ въ Гёттингенскомъ университетѣ, „въ память всерадостнѣйшаго рожденія его императорскаго величества благовѣрнаго государя и великаго князя Павла Петровича" (II. 1). Александръ Демидовъ принадлежалъ, вѣроятно, къ числу русскихъ юношей, отпущенныхъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ. Рѣчь его есть похвальное слово императрицѣ Елизаветѣ, весьма благонамѣренное по своему содержанію, но не представляющее большихъ достоинствъ въ литературномъ отношеніи.

Въ заключеніе намъ остается еще упомянуть о семи статьяхъ, принадлежащихъ къ отдѣлу беллетристики: *Сонъ* (I. 3), *Увѣдомленіе умирающаго отца къ сыну* (II. 4), *Аллегорія* (II. 12), *Храмъ земного увеселенія, во снѣ видѣнный* (III. 12), *Дворянинъ въ деревнѣ* (III. 12), *О суетныхъ желаніяхъ человѣческихъ* (V 9) и *Въ опасности находящаяся Паллада* (VI. 2). Подъ ними не означено, принадлежатъ ли онѣ къ числу пере-

водныхъ, или оригинальныхъ. Но первое предположеніе гораздо вѣроятнѣе. По содержанію своему онѣ принадлежатъ къ отдѣлу сочиненій нравственныхъ по своему направленію и аллегорическихъ по своей формѣ. Особеннаго достоинства въ литературномъ отношеніи не представляетъ ни одна изъ нихъ. Поэтому, не считая нужнымъ разсматривать ихъ съ подробностію, мы ограничимся только тѣмъ, что выпишемъ одну изъ нихъ цѣликомъ. Она можетъ дать ясное понятіе о содержаніи и характерѣ всѣхъ вообще статей Миллерова журнала, относящихся къ отдѣлу беллетристики.

Аллегорія.

Предъ нѣсколькими недѣлями получена здѣсь вѣдомость, что гордость нечаянно умерла опухолью. Какъ сіе извѣстіе людямъ честнымъ было пріятно, и они желали, чтобъ ослѣпленныхъ любителей сея льстивыя Сирены все почтеніе къ ней исчезло купно съ нею: такъ, напротивъ того, другіе пришли въ превеликую печаль, увидѣвъ мнимую свою богиню мертвою. Они тужили, что не велѣли давно написать ея портрета, обстоятельствъ житія ея никогда не вывѣдывая, оныя не записывали. Ихъ желаніемъ побужденъ, учинилъ я отъ гордости описаніе, которое ежели покажется таково мерско, какъ сочинено вѣрно, то и мое притомъ желаніе исполнится. Однако признаваюсь, что я бы не могъ имѣть вполнѣ довольнаго успѣху, ежели бы не учинилъ мнѣ притомъ вспоможеніе нѣкто изъ пріятелей моихъ, которому гордость съ молодыхъ лѣтъ была знакома. Ибо сколько мнѣ ни было случаевъ къ примѣчанію ея дѣйствій, то подавала она болѣе мнѣ причины къ сожалѣнію, нежели къ гнѣву, потому что усмотрѣлъ я въ поступкахъ ея болѣе дурачества, нежели злости. Познанія о самой себѣ у нея не было, почему не можно было ей видѣть свои пороки, и тѣмъ казалась она толь смѣшна по разуму. Какъ мнѣ думается, потщалась бы умертвить меня страшными своими взглядами, ежели бы сама не издохла. Несносно бы ей было представленіе мое свѣту такихъ дѣлъ, яко непристойныхъ, которыя она благоправіемъ почитала.

Гордость родилась отъ упрямства и презорства, что было такое супружество, отъ котораго ничего иного ожидать не надлежало, кромѣ дѣтей злонравныхъ. Ненависть и зависть

были дѣдъ и бабка съ отцовской, а безуміе и самолюбіе съ материнской стороны. Можно ли отъ такого дерева, которое всѣ суковатыя и худыя вѣтви имѣетъ, надѣяться прямыхъ и здоровыхъ отраслей. Гордость вскорѣ по рожденіи своемъ отдана для воспитанія въ домъ къ бабкѣ ея, самолюбію, которая, какъ бабка, часто горячѣе бываетъ къ своимъ внучатамъ, нежели какъ сами матери, учила Гордость еще въ пеленкахъ сущую развратнымъ нравамъ, чтобъ она всѣхъ людей презирала. Лишь только она изъ пеленокъ выползла, то нарядили ее въ драгоцѣнное платье, и хотѣли, чтобъ она равно со взрослыми уже въ полномъ уборѣ ходила. Пока ходить способно еще не умѣла, то приказано было носить ее на рукахъ нянькѣ Ласкательству. Едва говорить стала, то наставляема была сею прилежною служанкою, какъ при всякомъ случаѣ себѣ ласкать, нимало несмотря на свои пороки. Сіе изрядное наставленіе приняла она охотно за правило житія своего. Съ умножающимися лѣтами возрасло желаніе ея къ суетному щегольству, такъ велико, что не можно было выдумать столько модъ и манеровъ въ убранствѣ, сколько ей имѣть хотѣлось. Ослѣпленные родители, радуясь дурачеству своей дочери, дѣлали все по ея прихотямъ; а дабы она тѣмъ совершеннѣе утвердилась въ своемъ имѣніи, то придали къ ней надзирательницу, которая называлась Тщеславіемъ. Но Гордость не хотѣла ее за то признавать; потому что ей безчестно было состоять подъ чужимъ смотрѣніемъ. Впрочемъ, она сей своей приставницѣ была во всемъ послушна, для того, что обѣ нравами были между собою сходны. Вмѣсто того, чтобъ по полезнымъ книгамъ давать ей наставленіе, приводила сія разумная надзирательница молодую Гордость всегда къ зеркаламъ, коихъ въ дому ихъ было великое множество. На всякой часъ осматривала Гордость въ нихъ на себѣ уборъ точно; передѣлывала на день двадцать разъ на лицѣ своемъ съ мѣста на мѣсто мушки, которыя она по утрамъ съ немалымъ разсмотрѣніемъ и прилежаніемъ налѣпляла. Коль жестоко сердилась она сама на себя, когда ей на умъ приходило, что натура только дала ей бѣлые волосы, а другихъ красавицъ одарила темными. Но приставница скоро успокоить ее умѣла. Она сдѣлала мазь, чтобъ можно было сдѣлать желаемую перемѣну. Гордость употребляла сей способъ съ радостью; только то было несчастіе, что надлежало ей на каждый

день мазаться оною, и съ того времени не выхаживала уже за порогъ, не намазавшись поутру тою мазью; потомъ подходила во всемъ своемъ уборѣ къ окошку, чтобъ мимоходящіе уборной красотой ея дивились. Помощію сей вѣрной приставницы преуспѣла она въ дурачествѣ своемъ въ скоромъ времени столь много, что она къ знати своего ничего иного присовокупить не знала, кромѣ, чтобъ при дворѣ имѣть свое пребываніе. О семъ одномъ безпрестанно помышляла. И вельми была тому рада, какъ отъ родителей своихъ получила позволеніе туда ѣхать. Лишь только пріѣхала она туда въ великолѣпномъ убранствѣ съ приставницею своею Тщеславіемъ, которую съ того времени стала звать своею подругою: то нашла безчисленное множество себѣ прислужниковъ, но пристала она только къ умнѣйшимъ, и въ мечтательныхъ мысляхъ своихъ представляла, что она тутъ будетъ имѣть себѣ совершенное счастіе, ежели получитъ отъ помянутыхъ персонъ себѣ великое почтеніе; чего ради признавала она всѣхъ тѣхъ простяками и подлыми, кои не оказывали по ея обычаю такой пышности. Хотя, какъ легко думать можно, много любителей около ея ходили, однако по большей части были изъ нихъ главной ея склонности противны. А погрѣшали они въ томъ, что несправедливо хвалили болѣе пріятные ея поступки, нежели богатое платье. Тогда были при дворѣ два брата Смиреніе и Слава, изъ коихъ первый, будучи еще очень молодъ и ослѣпившись прелестною ея красотою, тщался войти въ любовь у ней своей [illegible] услышалъ отказъ съ презрѣніемъ, и Гордость еще разсердившись и согласясь съ подругою своею Клеветою и съ братомъ ея Честолюбіемъ, дѣло довели до того, что Смиреніе самое и съ братомъ своимъ Славою принуждены были отъ двора сего удалиться. Но Честолюбіе сыскало у Гордости болѣе снисходительства. Весь ея видъ, черныя ея волосы, въ пукли завитые, щоки нарумяненныя, предорогія кружева, сіяющій алмазный уборъ, большой воротъ у ея платья, богато вышитыя золотомъ ея башмаки, подавали ему всегда причины къ вымышленію новыхъ острыхъ ласкательствъ, и когда она только на смѣхъ носъ сморщивала, то Честолюбіе сею пріятностію плѣнялось, и ползало у ногъ ея. Одинъ порокъ, какъ видно, другимъ плѣняется весьма скоро. По крайней мѣрѣ Гордость склонилась на желаніе честолюбиваго своего любителя, чтобъ выйти

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

за него замужъ. Свадьба ихъ совершилась съ преславнымъ великолѣпіемъ; но радость продолжалась недолго. У Честолюбія по несчастію отецъ былъ Гнѣвъ, а мать Сребролюбіе. Они велѣли сыну своему и съ женою изъ дворца выѣхать, и жить въ ихъ деревнѣ. Толь великую печаль нанесъ такой отчаянный отъѣздъ новобрачной Гордости? Коль дико ей казалось уединенное житіе въ деревнѣ, гдѣ не было для ней никакого случая удивлять другихъ убранною своею красотою, и тѣмъ смѣшною радостію наслаждаться? Высокоуміе ея свекру и свекрови было несносно. И мужъ ея Честолюбіе сколько ни старался угождать собственной своей склонности и хотѣнію жены своей, однако принужденъ былъ немилосердной матери своей повиноваться. Но и порокамъ иногда щастіе служитъ на малое время. Неизцѣльная болѣзнь переселила родителей Честолюбія почти въ одно время въ царство мертвыхъ. Коль рада была сему Гордость? Лишь только отправила она похороны, то поѣхала опять во дворецъ съ своимъ мужемъ. Чѣмъ богатѣе они стали наслѣднымъ родительскимъ имѣніемъ, тѣмъ болѣе начали умножатъ расходовъ, такъ что великолѣпію ихъ дивились. Затускльія въ сундукахъ деньги начали прочищать во всѣхъ лавкахъ, и чего Гордость не истратила на платье и на прочіе уборы, оное надобно было мужу ея, чтобъ купить маленькую мнимую честь за великую сумму. Домъ Гордости учинился въ малое время сборнымъ мѣстомъ такихъ людей, изъ которыхъ иные перемѣннымъ платьемъ, а другіе хвастовствомъ хотѣли нажить себѣ славу. Хвастовство было у Гордости самымъ полюбовнымъ гостемъ: оно умѣло угождать ея нраву. По его объявленію то платье, которое она всегда носила самое простое въ сравнении съ тѣмъ, которое лежало дома. У него дома или, какъ оно говорило, у него въ палатахъ, все великолѣпно и все превосходно; а Гордость все великолѣпное, что у Хвастовства по его сказкамъ было дома, завела у себя дома подлинно. Неразсудительный мужъ ея Честолюбіе никогда не спорилъ къ удовольствованію ея прихотей выдавать знатныя суммы, и несчастія своего не примѣтилъ до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ вдругъ сундука опорожненнаго, который насыпанъ былъ деньгами. Сіе привело его въ такое изумленіе, что онъ весь одеревенѣлъ. Ибо какъ денегъ не стало, такъ и честь вся пропала, и за всѣмъ симъ черезъ немногіе дни и смерть ему

послѣдовала. И такъ Гордость овдовѣла, а всего было бѣдственнѣе ей то, что она принуждена была за неимѣніемъ денегъ распродать весь свой драгоцѣнный уборъ, чтобъ похоронить покойнаго своего мужа. Сіи похороны исправила она съ малою церемоніею, и провожатыхъ было очень немного: ибо друзья ихъ, увидѣвъ истощившееся у нихъ имѣніе, а оттого и оскудѣніе богатаго ихъ стола, ходить къ нимъ перестали. Но всего было болѣзненнѣе ей слышать, что называли ее нищею спесью. Она ходила къ своимъ родителямъ, но напрасно. Своенравіе и Презорство уже позабыли, что она ихъ дочь; сжели итти ей къ кому въ услуженіе, то надобно было укротить ей свою страсть, а по міру ходить ей стыдно. Чѣмъ же избавиться отъ голоду и отъ нужды? Она принуждена была у Нищеты наняться въ служанки. Въ семъ состояніи отъ малодушія желала она себѣ смерти, и хотѣла лучше десятью умереть, нежели покориться Смиренію, которое обѣщало ей сыскать лучшее счастіе. Тогда все поспѣшествовало къ исполненію печальнаго ея желанія. Умножающееся надменіе и безпрестанное корченіе ея членовъ, кое оказывалось у глазъ и у носу, были знаками приближающейся болѣзни, и какъ она уже ходить не могла, то принуждена была лечь въ темной хижинѣ въ углу. При семъ случаѣ представлялись въ мысляхъ ея живо всѣ прежнія угомонности, которыми она также и въ притворныхъ болѣзняхъ наслаждалась. Послѣдующее по семъ рвеніе съ скрежетаніемъ зубовъ причиною было, что желчь изъ мѣста своего выступила, и въ малое время тѣло ея пожелтѣло съ чернью, и надулось такъ, что пригожей Гордости во всемъ уже не стало. Милосердое Смиреніе хотѣло еще и при семъ случаѣ подать ей помощи: но только лишь взглянула Гордость на столь любезное и пріятное лице, то вдругъ ушибъ ея обморокъ, а послѣ сего тотчасъ и смерть послѣдовала.

Милютинъ.

РЕДАКТОРЪ, СОТРУДНИКИ и ЦЕНЗУРА ВЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ".

„Ежемѣсячныя сочиненія" — этотъ первый учено-литературный журналъ въ Россіи заслужилъ болѣе, чѣмъ какое-либо другое періодическое изданіе XVIII вѣка, похвалъ и одобренія позднѣйшихъ изслѣдователей. „Вся Россія, говоритъ о немъ

митрополитъ Евгеній, съ жадностію и удовольствіемъ читала сей первый русскій ежемѣсячникъ, въ которомъ много помѣщено иностранныхъ переводныхъ, а большая половина русскихъ любопытнѣйшихъ статей историческихъ, географическихъ, коммерческихъ, ученыхъ и другихъ...“ Покойный В. А. Милютинъ, напечатавшій три обширныя статьи о томъ же изданіи, называлъ его „однимъ изъ лучшихъ журналовъ, какіе только издавались въ Россіи и въ прежнее и въ нынѣшнее время... „Ежемѣсячныя сочиненія“, продолжаетъ онъ, не только пріохотили къ чтенію русскую публику, не только распространили въ ней множество полезныхъ свѣдѣній и ближе познакомили ее съ прошедшимъ и настоящимъ состояніемъ Россіи, но и положили прочное начало отечественной журналистикѣ. Своимъ примѣромъ они доказали пользу періодическихъ изданій и побудили другихъ писателей вступить также на поприще журнальной дѣятельности, до той поры совершенно имъ неизвѣстное...“

Милютинъ обстоятельно познакомилъ читателя съ содержаніемъ „Ежемѣсячныхъ сочиненій“ и разсмотрѣлъ всѣ статьи его на основаніи данныхъ, которыя доставило само изданіе. Но, кромѣ извѣстій, добытыхъ изъ этого источника, есть еще другія, касающіяся закулисной, такъ сказать, стороны въ жизни журнала, стороны, которую обыкновенно и изъ современниковъ знаютъ немногіе, а большинство публики остается о ней почти всегда въ полнѣйшемъ невѣдѣніи. Между тѣмъ здѣсь-то и слѣдуетъ искать разгадку многихъ недоумѣній, часто возбуждаемыхъ при чтеніи той или другой журнальной статьи: здѣсь объясняются разныя темныя мѣста, ключь къ пониманію которыхъ затерянъ, если ограничиваться только одними печатными страницами журнала.

Извѣстно, что академикъ Миллеръ былъ редакторомъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“. Читая нынѣ это изданіе, увидимъ, что онъ въ то же время былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ его и помѣстилъ тамъ много статей. Все это, однако, не разрѣшаетъ еще вопроса: каково было участіе Миллера при помѣщеніи въ журналѣ статей другихъ писателей, и въ какія отношенія былъ онъ поставленъ къ нимъ?

Въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ участвовали всѣ современные писатели, пользовавшіеся большею или меньшею извѣстностью. Они рѣдко скрывали свои имена, а потому ихъ сотрудничество не подлежитъ никакому сомнѣнію; но, кромѣ

сочиненій этихъ лицъ, въ журналѣ попадается много и такихъ, подъ которыми нѣтъ никакихъ подписей. Правда, что большая часть подобныхъ статей переводныя; однако переводная литература въ Россіи прошлаго вѣка, за скудостью въ оригинальныхъ произведеніяхъ, пользовалась значеніемъ и имѣла несомнѣнную долю вліянія и на словесность и на общество. Встарину обязанность переводчика была труднѣе и почетнѣе, чѣмъ нынѣ. Труднѣе потому, что тогда русскій литературный языкъ только что начиналъ образовываться, и притомъ сколько-нибудь сносныхъ пособій для изученія иностранныхъ языковъ почти не существовало вовсе. Почетнѣе — такъ какъ переводчикъ оказывалъ рѣдкую встарину услугу, когда знакомилъ читателей съ произведеніями недоступныхъ для большинства читателей иностранныхъ литературъ въ переводахъ, переданныхъ хорошимъ языкомъ и близкихъ къ подлиннику. По этимъ причинамъ въ настоящее время не будетъ суетнымъ любопытство знать: кто могли быть безымянные переводчики и другіе невидные сотрудники въ журналѣ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до нашего времени?

Наконецъ, въ журналистикѣ и литературѣ есть еще одна сторона, которой нельзя никакъ упускать изъ виду при исторической оцѣнкѣ журналовъ и вообще всѣхъ литературныхъ произведеній данной эпохи — это степень возможности, предоставленной писателю, высказывать свои мнѣнія относительно религіи, политики и литературы: другими словами — знать цензурныя требованія того времени, въ которое явилось разсматриваемое произведеніе.

При просмотрѣ старинныхъ матеріаловъ въ архивахъ Академіи Наукъ, мнѣ встрѣчались разныя свѣдѣнія о началѣ и продолженіи изданія „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“. Несмотря на отрывочность ихъ, въ нихъ можно найти отвѣты на высказанные выше вопросы, почему свѣдѣнія эти, при помощи нѣкоторыхъ, уже изданныхъ матеріаловъ, разработаны въ настоящей статьѣ.

Со второго года существованія „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, т.-е. въ 1728 году, при нихъ, въ видѣ приложеній, стали издаваться отъ Академіи Наукъ такъ называвшіяся „Примѣчанія“. Здѣсь помѣщались статьи самаго разнороднаго со-

держанія, оригинальныя и переводныя, но непремѣнно изложенныя, конечно для своего времени, легко и понятно, стало быть доступно для большинства читателей. Эти „Примѣчанія" прекратились въ смутное для Академіи Наукъ время, въ 1742 г., и потомъ болѣе не возобновлялись; тѣмъ не менѣе они такъ пришлись по вкусу читателей, что долгое время спустя ихъ перепечатали и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Объ нихъ вспомнили и при основаніи перваго русскаго учено-литературнаго журнала.

22 ноября 1754 года непремѣнный секретарь и академикъ Миллеръ, который въ 1728 году первый придумалъ издавать вышеупомянутыя литературныя прибавленія къ „Петербургскимъ Вѣдомостямъ", заявилъ въ академическомъ засѣданіи предложеніе президента Академіи графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго объ изданіи въ предстоящемъ 1755 году ученаго періодическаго журнала (de ephemeride quadam erudita) на русскомъ языкѣ по образцу издававшихся прежде „Примѣчаній" къ Вѣдомостямъ. Академикамъ предоставлялось обсудить, быть ли предположенному журналу ежемѣсячнымъ или еженедѣльнымъ, а также рѣшить и о статьяхъ, долженствовавшихъ войти въ составъ его.

Академики единогласно признали всю полезность подобнаго изданія для любителей чтенія, и каждый обѣщалъ свое сотрудничество по тѣмъ наукамъ, которыми занимался. Вмѣстѣ съ тѣмъ было опредѣлено: журналу быть ежемѣсячнымъ, такъ какъ этотъ срокъ признавался болѣе удобнымъ для того, чтобы не разбивать всякой объемистой статьи на нѣсколько; допустить къ сотрудничеству въ журналѣ лицъ, хотя бы и не принадлежащихъ къ Академіи, но посвятившихъ себя литературѣ[1]); исключить вовсе изъ журнала статьи богословскія и вообще всѣ, касающіяся до вѣры, а равнымъ образомъ статьи критическія или такія, которыми могъ бы кто-нибудь оскорбиться[2]).

Нѣкоторое разнорѣчіе въ мнѣніяхъ обнаружилось, однако, при подписаніи протокола. Ломоносовъ высказалъ тогда мысль,

---

1) Utile enim visum cuilibet Litterarum cultori, etiam extra Academiam pro suis ingenii partubus dummodo ita ut decet comparati sint locum permittere.

2) Exilent quoque omnia scripta critica vel quae aliquo modo famam alicujus laedere aut contra aliquem scripta videri possint.

что статьи, предназначенныя въ журналъ, надлежало, прежде изданія въ свѣтъ, представлять въ академическое собраніе. Тредьяковскій, соглашаясь съ распоряженіями, изложенными въ протоколѣ, возразилъ противъ Ломоносова, что представленіе статей на предварительный просмотръ можетъ подать поводъ къ пререканіямъ и напрасной тратѣ времени*).

Надобно думать, что возбужденный Ломоносовымъ о предварительной цензурѣ журнала вопросъ вначалѣ не обратилъ на себя особеннаго вниманія; по крайней мѣрѣ, о немъ пройдено вовсе молчаніемъ въ предложеніи академическому собранію, данномъ отъ имени графа Разумовскаго 12 декабря 1754 года. Здѣсь давалось знать академикамъ, что, согласно ихъ заключенію, будетъ издаваться на русскомъ языкѣ журналъ, подъ названіемъ „Санктпетербургскія академическія примѣчанія“ и что „сіе дѣло поручается подъ смотрѣніе секретарю конференціи“, т.-е. Миллеру. Онъ обязывался заботиться о статьяхъ для журнала и соблюденіи порядка при доставленіи ихъ отъ академиковъ. Въ случаѣ недостатка такихъ статей, книжку журнала дозволялось „дополнять какимъ ни есть переводомъ чьимъ бы то ни было, или стихами, въ которыхъ, по усмотрѣнію, соединено будетъ полезное забавному“. Очевидно, что журналъ предназначался исключительно для большинства читающей публики, такъ какъ именно было оговорено: „изъ высокихъ наукъ, яко-то: изъ астрономическихъ наблюденій и исчисленій, изъ физики, математическими выкладками изъясняемой, изъ анатомическихъ примѣчаній, которыхъ разумѣть невозможно безъ знанія совершеннаго самой анатоміи, и ничего тому подобнаго въ помянутыя книжки не вносить“.

Того же 12 декабря графъ Разумовскій далъ знать академической канцеляріи, что съ 1755 года отъ академическаго собранія будутъ издаваться ежемѣсячно „книжки на россійскомъ языкѣ, подъ именемъ „Санктпетербургскія Примѣчанія“

---

*) Tamet si huic conventui interesse non potui, писалъ Тредьяковскій, propter adversam valetudinem; tamen sententiae omnium collegarum subscribo lubens. Neque tamen censeo, ut scripta collegarum ante editionem legantur in conventu, id que propterea, ne detur ansa altercationibus neve fiat iactura temporis. См. латинскіе протоколы конференціи за 1754 годъ въ академическомъ архивѣ ея.

въ числѣ 2000 экземпляровъ*); что для печатанія ихъ долженъ быть назначенъ особый типографскій станъ въ полное распоряженіе Миллера, и что, наконецъ, каждая книжка журнала „по примѣру газетовъ“ должна была раздаваться изъ книжной лавки въ послѣднюю почту мѣсяца. Надобно напомнить, что въ описываемое время академическая канцелярія съ Шумахеромъ, Тепловымъ и Таубертомъ не только управляла самовластно всѣми хозяйственными дѣлами Академіи, но постоянно вмѣшивалась и въ ученыя занятія ея членовъ. Миллеръ чаще другихъ академиковъ имѣлъ по этому поводу столкновенія съ канцеляріею, а потому, взявъ на себя изданіе журнала, вѣроятно самъ выговорилъ условіе — невмѣшательство канцеляріи въ это дѣло. По крайней мѣрѣ графъ Разумовскій въ помянутомъ ордерѣ канцеляріи предписывалъ: „а о сочиненіяхъ, входящихъ въ помянутыя ежемѣсячныя книжки, и переводахъ и наблюденіи въ томъ порядка особливымъ ордеромъ отъ меня приказано въ собраніе академическое...“

———

*) Въ первый годъ существованія „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ расходилось каждый мѣсяцъ отъ 600 до 700 экземпляровъ, въ послѣдующіе годы они распродавались отъ 500 до 700 экз.; поэтому въ январѣ 1758 года академическая канцелярія велѣла печатать журналъ въ количествѣ 1250 экземпляровъ. „А дабы отъ прежнихъ лѣтъ остающіеся, сверхъ ординарнаго завода, 800 экз., яко впередъ имѣющій уже быть дефектъ совсѣмъ въ макулатуру не обратились и отъ того не послѣдовалъ напрасный казенный убытокъ, того ради гг. присутствующіе въ канцеляріи за благо разсудили оныя мѣсячныя сочиненія считать особливою книжкою и окончить декабремъ мѣсяцемъ прошлаго 1757 года, а нынѣшняго 1758 года печатать продолженіе издаваемыхъ разныхъ матерій подъ инымъ приличнымъ титуломъ..“ (Архивъ академической канцеляріи, картонъ № 18 и книга № 228). Съ 1758 года дѣйствительно нѣсколько измѣнено заглавіе журнала, а именно: „Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія“, тогда какъ прежнее заглавіе было: „Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“. Впрочемъ это измѣненіе въ заглавіи было единственною перемѣною, и все прочее въ журналѣ оставлено въ прежнемъ видѣ. Въ 1763 и 1764 годахъ онъ назывался „Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ“. Распоряженіе канцеляріи впослѣдствіи оказалось, однако, не совсѣмъ расчетливымъ. Журналъ сохранилъ и послѣ цѣнность книги и находилъ получателей, такъ что пришлось дѣлать второе его изданіе годовъ 1758—1762. Замѣтимъ кстати, что многіе жалуются на чрезвычайную рѣдкость, напримѣръ Оренбургской топографіи Рычкова и нѣкоторыхъ статей Миллера, не воображая, что онѣ напечатаны въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“, которыя и донынѣ есть въ продажѣ въ книжномъ складѣ при Академіи Наукъ. Все изданіе 1755—1764 годовъ въ двадцати томахъ стоитъ нынѣ 15 рублей.

14 декабря 1754 года Миллеръ прочиталъ въ академическомъ собраніи приготовленное имъ предисловіе къ первой книжкѣ журнала, которое и было выслушано безъ возраженій со стороны академиковъ*). Но мѣсяцъ спустя (11 янв. 1755 г.), Ломоносовъ потребовалъ къ себѣ въ корректурѣ заглавный листъ и предисловіе журнала и заявилъ въ академическомъ собраніи, „что сей титулъ и предисловіе при дворѣ ея императорскаго величества очень раскритикованы и надлежитъ-де оба перемѣнить. А особливо о титулѣ сказалъ онъ, что хотя назвать книгу „санктпетербургскими птанами, то сіе таково жъ прилично будетъ, какъ имя „Примѣчаній“, потому что и стихи вноситься будутъ, а стихи-де не примѣчанія“. Миллеръ возражалъ, что журналу дано заглавіе по латинской пословицѣ a potiori fit denominatio, но Ломоносовъ тѣмъ не удовлетворился и приступилъ къ разбору предисловія. Уже на первой строкѣ ему не понравилось выраженіе „ученые журналы“; Миллеръ, по свидѣтельству Шлецера, въ спорахъ съ своими противниками отличался не столько уступчивостью, сколько язвительностью, и защищая въ настоящемъ спорѣ помянутое выраженіе, примолвилъ: „ежели г. Ломоносовъ то не знаетъ, то надлежитъ-де ему поучиться!“ Эти слова окончательно разсердили Ломоносова, и онъ сталъ упрекать Миллера, что онъ его посылаетъ учиться въ школу, „а онъ-де человѣкъ такой, что ему-де съ нимъ равняться никакъ не возможно!“ При этомъ Ломоносовъ утверждалъ, что на иностранныхъ языкахъ можно сказать Journal litteraire, Gelehrte Zeitungen, но порусски такъ не говорится. Въ споръ вмѣшался другой недругъ Ломоносова, Тредьяковскій: этотъ утверждалъ, что если говорятъ: „ученое собраніе“, „ученыя дѣла“, „ученыя письма“, то стало-быть можно сказать и „ученый журналъ“. По свидѣтельству Миллера, въ продолженіе этихъ пререканій, ему много досталось отъ Ломоносова „безчестныхъ порицаній“, о которыхъ онъ умалчиваетъ только для „краткости“. Свое донесеніе президенту Академіи объ этомъ событіи Миллеръ оканчиваетъ догадкою, что „можетъ быть г. Ломоносовъ не доволенъ тѣмъ, что дѣло сіе положено на меня, и онъ развѣ думаетъ, что онъ гораздо лучше оное исправить можетъ“. Въ такомъ случаѣ конференцъ-секретарь предлагалъ возло-

---

*) Протоколы академической конференціи за 1754 годъ.

жить на Ломоносова обязанности по изданію журнала, „токмо, чтобъ онъ обязался, что за нимъ никогда остановки не будетъ...“ Если же журналъ останется въ рукахъ его, Миллера, то онъ просилъ, чтобы ему быть внѣ зависимости отъ критики Ломоносова, такъ какъ у него съ нимъ „великая ссора была“ по поводу диссертаціи о происхожденіи руссовъ[1].

По отпечатаніи первой книжки журнала[2], который вслѣдствіе указанія Ломоносова на неточность первоначально даннаго заглавія, сталъ выходить подъ титуломъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, Миллеръ 26 января 1755 года писалъ къ графу Разумовскому, что для изданія журнала хотя и предполагалось назначить въ распоряженіе Миллера всѣхъ студентовъ, переводчиковъ и магистровъ, однако на дѣлѣ переводами для „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ занимаются только два студента, за работами которыхъ наблюдалъ самъ Миллеръ. „Корректуры хотя правитъ корректоръ Барсовъ, однако, осталось бы много погрѣшностей, ежели бы я, продолжаетъ Миллеръ, за оными не смотрѣлъ, понеже подлинники не всѣ такъ ясно и исправно написаны, чтобъ кто, не разумѣющій матеріи, по онымъ исправлять могъ. А сочинять и переводы править и за корректурами смотрѣть для одного человѣка, хотя сколько охотно я все то дѣлаю, не надежно. Того ради необходимо кажется, чтобъ еще кто другой опредѣленъ былъ для исправленія какъ переводовъ, такъ и корректуры, и чтобы былъ россійской націи и изъ профессоровъ, чтобъ совершенно на него полагаться было можно, и чтобъ всѣ переводчики и магистры и къ переводамъ опредѣленные студенты точно по его приказамъ и то въ скоромъ времени исполняли“. Неизвѣстно, послѣдовало ли тогда какое-нибудь распоряженіе по этому ходатайству Миллера, только впослѣдствіи, именно въ 1759 г., „для поправокъ штиля“ статьи „Ежемѣсячныхъ

---

1) Черновое донесеніе, все писанное рукою Миллера, хранится въ III портфелѣ его: „Матеріалы къ исторіи Академіи Наукъ“ 1751—1764 годовъ, и напечатано г. В. Ламанскимъ въ его: „Ломоносовъ и петербургская Академія Наукъ“, Москва 1865 г., стр. 98—100.

2) О выходѣ ея въ свѣтъ Шумахеръ академическій совѣтникъ, писалъ 11 февраля 1755 года къ знаменитому Эйлеру, прекрасно знавшему русскій языкъ: „Наши русскія ежемѣсячныя сочиненія восприяли свое начало. Первый мѣсяцъ ихъ имѣю честь здѣсь представить. Удержатся ли они — это покажетъ время: при теперешнихъ обстоятельствахъ трудно угодить на каждаго.“

Сочиненій" въ рукописи должны были посылаться къ академику Никитѣ Попову.

Въ концѣ 1760 года Миллеръ снова представлялъ графу Разумовскому, что на немъ одномъ лежитъ изданіе журнала; изъ прочихъ академиковъ мало кто доставлялъ статьи, а переводчики и корректоры такъ плохо исполняли свое дѣло, что Миллеру приходилось все исправлять самому.

„И всѣ сіи несчетные труды принялъ я на себя, писалъ редакторъ, и исправлялъ уже близко шести лѣтъ не по моей должности, и только стараясь чрезъ то угождать вашему высокографскому сіятельству и для общей пользы, потому что я увидѣлъ, что при Академіи нѣтъ никого, кто бы хотѣлъ такіе труды взять на себя, и ежели бы я оные не исправлялъ, то конечно, было бы отъ того опасаться остановки въ толь полезномъ дѣлѣ, или по крайней мѣрѣ, лишенія пользы для читателей; также неминуемаго нареканія Академіи, ежели худые и съ оригиналами не согласные переводы, еще и съ прибавкою безчисленныхъ типографскихъ погрѣшностей въ свѣтѣ окажутся. Что же сіе дѣло не надлежитъ до настоящей моей должности, которою я Академіи обязанъ, оное явствуетъ потому, что отъ иностраннаго человѣка требовать не можно, чтобъ онъ зналъ по-русски въ такой градусъ, чтобъ издавать книги на россійскомъ языкѣ, а меньше того, чтобъ онъ поправлялъ переводы, русскими переводчиками чиненные; да еще меньше, чтобъ человѣкъ моего званія исполнялъ должность типографскаго корректора, что совсѣмъ противно добропорядочной экономіи, которая учитъ, чтобъ человѣка, на большомъ жалованьѣ служащаго, не употребить (sic) къ такимъ дѣламъ, которыя кто на меньшемъ жалованьи отправлять можетъ. Между тѣмъ во все оное время, что изданіемъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" я упражняюсь, не упустилъ я и ничего того, что до настоящихъ моихъ должностей, яко конференцъ-секретаря и исторіографа, слѣдуетъ, чему самыя мои дѣла свидѣтели, которыя при Академіи всякому извѣстны..."

Это представленіе имѣло послѣдствіемъ то, что графъ Разумовскій въ ордерѣ академической канцеляріи, 23 октября 1760 года, писалъ: „профессоръ и исторіографъ г. Миллеръ, будучи при конференціи академической секретаремъ, отправляетъ всѣ сіи три должности съ похвалою; а сверхъ того

съ немалымъ трудомъ въ поправкѣ, въ переводахъ и собственныхъ сочиненіяхъ ежемѣсячныя книжки издаетъ въ печать и симъ образомъ заслуживаетъ поощренія и впредь къ таковымъ же трудамъ. Того ради чрезъ сіе рекомендую ему, г. Миллеру, продолжать все сіе съ прежнимъ раченіемъ не токмо по должности секретаря академическаго и исторіографа, но и въ изданіи въ печать „Ежемѣсячныхъ Сочиненій", въ которыхъ наипаче стараться онъ долженъ, чтобъ матеріи вносимы были для публики важнѣйшаго содержанія"... За тѣмъ слѣдовало распоряженіе о прибавкѣ Миллеру къ годовому его жалованію 200 рублей.

До самаго конца изданія „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" Миллеръ не переставалъ жаловаться на малое содѣйствіе ему въ этомъ дѣлѣ... „Текущихъ дѣлъ толь много, — писалъ онъ къ Соймонову. 17 іюня 1764 года, что едва оныхъ сносить могу. Ваше превосходительство едва себѣ представите, что и реестры полугодовые къ сочиненіямъ, за неимѣніемъ никакой помощи, я же сочиняю. Просилъ я не токмо г. президента, но и самую всемилостивѣйшую государыню, чтобъ секретарскую должность съ меня снять и издаванія „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" (къ моимъ однакожъ матеріи подавать я обѣщалъ) приказать другому, дабы мнѣ упражняться въ одной исторіи и географіи россійской; но не могъ я получить желанное, истощая силы свои по большей части на дѣла, которыя многіе другіе исправлять могли, а самое важное за тѣмъ остается..."

1 января 1765 года императрица Екатерина II, по докладу Бецкаго, назначила Миллера въ Москву главнымъ надзирателемъ въ тамошній Воспитательный домъ. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга исторіографъ (27 февраля 1765 года) напоминалъ, между прочимъ, академической канцеляріи, что онъ весьма бы желалъ о безостановочномъ и безъ него продолженіи изданія „Ежемѣсячныхъ Сочиненій", для чего и обѣщалъ доставить на цѣлый годъ содержанія для нихъ, а въ слѣдующіе годы содѣйствовать этому дѣлу: „но, — прибавляетъ онъ, — охотника къ принятію на себя труда издаванія между господами членами не сыскалось; да сверхъ того, г. статскій совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ продолженіе „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" *оспорилъ*, и на мѣсто оныхъ предложилъ издаваніе экономическихъ и физическихъ сочи-

ній по четвертямъ года, на что всѣ члены согласились. По кому быть издателемъ оныхъ, того не опредѣлено, и учинено ли тому начало, неизвѣстно...“ На подлинномъ представленіи Миллера Ломоносовъ написалъ противъ слова *оспорилъ*: „Опять грубость и клевета: иное предложить, а иное оспорить!“

На это предложеніе Миллера академическая канцелярія (28 февраля 1765 года) отвѣчала распоряженіемъ: „изъ академическаго собранія требовать отъ каждаго письменнаго объявленія, намѣренъ ли кто одинъ собою, или согласясь съ нѣкоторыми другими членами, продолжать „Ежемѣсячныя Сочиненія“, или быть издавателемъ предложенныхъ вновь г. статскимъ совѣтникомъ Ломоносовымъ экономическихъ и физическихъ сочиненій...“ Въ современныхъ бумагахъ не отыскано отвѣта академическаго собранія, но и безъ него положительно извѣстно, что послѣ Миллера не издавались „Ежемѣсячныя Сочиненія“, а равнымъ образомъ не выходило въ свѣтъ такого періодическаго изданія, какое предлагалъ Ломоносовъ. 9 октября 1766 года Миллеръ, поздравляя Эйлера, старѣйшаго изъ академиковъ по заслугамъ и лѣтамъ, съ пожалованіемъ ему дома отъ императрицы Екатерины II, писалъ: „но когда же я получу извѣстіе, что въ Академіи произошли дѣйствительныя улучшенія? Объ этомъ я, конечно, вздыхаю также сильно, какъ и всякой, ежедневно видящій настоящее положеніе ея. Скоро ли буду имѣть я случай и въ этомъ принести вамъ покорнѣйшее мое поздравленіе? Дѣло идетъ не объ одной Академіи, но и о рѣшительномъ преобразованіи такъ называемыхъ университета и гимназіи; въ особенности послѣднюю необходимо настолько улучшить, чтобы и значительные родители отдавали въ нее на воспитаніе своихъ дѣтей. Затѣмъ главный предметъ заботъ — пріуготовительная школа (Pflanz Schule), въ которой бы образовывались переводчики полезныхъ книгъ. Нынѣ недостатокъ въ нихъ не вѣроятенъ: сколько терзался я, издавая въ продолженіи десяти лѣтъ русскій журналъ? Безъ сомнѣнія по этой причинѣ никто не нашелся, чтобы продолжать его“.

—

Было замѣчено выше, что въ предварительныхъ распоряженіяхъ объ изданіи „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ допускалось

сотрудничество писателей, не принадлежавших къ Академіи. Въ прошломъ столѣтіи не было въ обычаѣ платить журнальнымъ сотрудникамъ за ихъ литературные труды. Впрочемъ, несмотря на то, а также, что въ тѣ времена считалось особеннымъ почетомъ видѣть въ печати свои сочиненія, можно примѣтить зародышъ будущаго права на вознагражденіе за журнальную статью, какъ за всякую другую работу. Такъ напримѣръ, по истеченіи перваго года существованія журнала, Миллеръ писалъ (3 февраля 1756 года) въ академическую канцелярію: „извѣстился я, что нѣкоторые господа, внѣ Академіи сотрудившіеся при издаваніи „Ежемѣсячныхъ Сочиненій, ожидаютъ того, чтобъ имъ отъ Академіи подарено было по экземпляру оныхъ сочиненій въ хорошемъ переплетѣ, (а потому) не могъ я оставить, чтобъ о томъ не упоминать (sic) какъ для справедливости онаго ожиданія, такъ и для чести Академіи и для побужденія оныхъ господъ впредь къ сотрудненію (sic)...“ Миллеръ при этомъ случаѣ назвалъ слѣдующихъ изъ своихъ постороннихъ сотрудниковъ: бригадира Сумарокова, маіора Елагина (Ивана Перфильевича), титулярнаго совѣтника Хераскова, поручика Нартова (Андрея) и сухопутнаго кадетскаго корпуса капрала Порошина (автора извѣстныхъ Записокъ о Павлѣ Петровичѣ). Канцелярія нашла это ходатайство вполнѣ уважительнымъ и сдѣлала распоряженіе о переплетѣ и выдачѣ по принадлежности требованныхъ экземпляровъ журнала.

Выдача автору извѣстнаго количества отдѣльныхъ оттисковъ его статьи считалась также вознагражденіемъ. Такъ Миллеръ 7 марта 1757 г. представлялъ, что за доставленное для журнала сочиненіе „г. Полетика требуетъ... обыкновенное награжденіе сто экземпляровъ, которые напечатать особливо... А по моему мнѣнію надобно тѣмъ наибольше удовольствовать г. сочинителя, что на то почти больше не потребно, какъ только бумаги, и оное можетъ служить другимъ для возбужденія...“

Дѣятельнѣйшему изъ своихъ постороннихъ сотрудниковъ П. Рычкову Миллеръ постоянно высылалъ Вѣдомости, календарь и разныя академическія изданія. Присылка новыхъ книгъ продолжалась и послѣ прекращенія „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, и Рычковъ однажды (1 августа 1769 года), благодаря за то Миллера, писалъ: „Я ни отъ кого книгъ нынѣ

не получаю, да и газетъ такъ, какъ при васъ бывало, отъ Академіи не присылаютъ же. Признаюсь вамъ, какъ моему милостивцу и другу, что тѣмъ и охота моя трудиться для Академіи нѣсколько уменьшилась. Мало такихъ людей въ свѣтѣ, чтобъ безъ всякаго воздаяния трудились"...

Несмотря на скудость въ произведеніяхъ оригинальныхъ, Миллеръ, однако, не печаталъ подъ рядъ всего, что ему доставлялось для помѣщенія въ „Ежемѣсячныя Сочиненія". Въ подтвержденіе тому сохранились извѣстія о пререканіяхъ его съ Тредьяковскимъ. Двѣ прозаическія статьи и одно стихотвореніе послѣдняго были напечатаны въ началѣ существованія „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" (въ 1755 году); но потомъ Миллеръ сталъ отказывать Тредьяковскому въ помѣщеніи его произведеній, а между тѣмъ этотъ приготовилъ было разсужденіе „Объ окончаніи нашихъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ именъ", пять разсужденій „О всей силѣ правоучительныя философіи", также „Объ окончаніи собственныхъ нашихъ именъ женскихъ съ греческихъ и латінскихъ на асъ и на ісъ". „Піеса стішками о выборѣ невѣсты, врученная самому его графскому сіятельству, которая не неосновательно мнѣ, говорилъ самъ Тредьяковскій, казалась, уничтожена жъ. Аллегорическая нѣкоторая басенка стіхами безъ ріомъ, которую двое изъ бывшихъ тогда въ собраніи членовъ аппробовали, а двое отреклись незнаніемъ силы въ стіхахъ россійскихъ, и которыя печатаніе далъ на волю его графское сіятельство, уничтожена жъ". Тогда Тредьяковскій, по его словамъ, обратился къ Миллеру съ требованіемъ объясненія: „по какой бы онъ власти и по чьему повелѣнію лишаетъ меня моего законнаго права тѣмъ, что моихъ піесъ не принимаетъ отъ меня въ книжки, и аппробованныхъ не печатаетъ? Но онъ мнѣ на то съ презрѣніемъ, какъ бутто должнымъ уже и заслуженнымъ, отвѣтствовалъ при всемъ же собраніи, что не долженъ мнѣ ничего сказать, сколько бъ я его ни спрашивалъ. Гдѣ жъ то узаконено, продолжаетъ Тредьяковскій, чтобъ члену секретарь не долженъ былъ ничего сказывать? Трудно бъ терпѣть и великодушному человѣку, бывшему на моемъ мѣстѣ. Однако, я извнѣ замолчалъ, а внутри раздирался на части!..."

Такая неудача въ помѣщеніи своихъ произведеній въ журналѣ навела Тредьяковскаго на мысль, что Миллеръ не не-

полнять его желаній изъ личнаго нерасположенія къ нему, почему стихотворецъ прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ поручилъ Андрею Нартову, усердному вкладчику статей въ „Ежемѣсячныя Сочиненія“, передать свои статьи редактору отъ имени Нартова, о чемъ такъ разсказываетъ: „сочинилъ я оду, назвавъ ее Вешнее Тепло, и тѣмъ утаивъ мое имя въ двухъ начальныхъ буквахъ[1], да и вручилъ конференцъ-секретарю посторонними руками. Расхвалена сія ода, и въ книжкахъ напечатана[2]. Хотя жъ мнѣ и посчастилось (sic) въ подставѣ чужого автора; однако сей самый успѣхъ низвергъ меня почитай въ отчаяніе: ибо увидѣлъ подлинно, что презрѣніе стремится токмо на меня, а не на труды мои. Сіе самое испыталъ я и еще двѣмя пошлыми піесами, изъ которыхъ первая о беспорочности и пріятности деревенскія жизни, а другая о шелкѣ и червяхъ шелковыхъ. Первая оная такъ тіпографщиками изгажена, что я въ сомнѣніе пришелъ, не нарочно ли сіе здѣлано для безчестія мнѣ, можетъ быть почувствовавши, что она моя[3]). Писалъ я для того письмо къ издателю и жаловался, что такъ дурно и развращенно съ сочиненіемъ моимъ поступлено; но онъ, свѣдавъ уже подлиннѣе о мнѣ, уничтожилъ токмо вторую, хотя и прошена была назадъ, о шелкѣ...“.

Отказъ помѣщать статьи въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ эпиграммы, сыпавшіяся на Тредьяковскаго за то, что онъ считалъ болѣе правильнымъ писать, напримѣръ, добры*а* люди, вѣрны*а* счеты, а не добрые люди, вѣрные счеты, и т. д., сильно огорчали этого писателя, и три года спустя, воспоминая о томъ, онъ писалъ: „Послѣ сего, ненавидимый въ лице, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, охуждаемый въ искусствѣ, прободаемый сатирическими рогами, изображаемый чудовищемъ, еще и во правахъ (что сего *безсовѣстнѣе*?) оглашаемый, все жъ то или по злобѣ, или по ухищренію, или по чаянію отъ того пользы, или наконецъ по собственной потребности, чтобъ употре-

---

[1]) В, Т = Василій Тредьяковскій.

[2]) Въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ за май 1756 г. стр. 469—477.

[3]) Въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ іюль, 1757 года, стр. 66—88. Въ отчетѣ канцеляріи о статьяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ мѣсяцѣ, Миллеръ замѣтилъ: „О безпорочности и пріятности деревенскія жизни“ — сочинилъ невѣдомо кто, а мнѣ отдалъ артиллеріи поручикъ г. Нартовъ“. См. архивъ академической канцеляріи, книга № 223.

бляющаго меня правечно, и съ твердымъ основаніемъ *и* въ окончаніяхъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ цѣлыхъ, всемѣрно низвергнуть въ пропасть безславія, всеконечно уже изнемогъ я въ силахъ къ бодрствованію...“

Сумароковъ помѣщалъ свои произведенія въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ четыре года, но потомъ съ 1759 года ихъ болѣе въ журналѣ не встрѣчается. Правда, что Сумароковъ въ 1759 году издавалъ свой собственный журналъ; но вѣроятно, между нимъ и Миллеромъ произошло также что-нибудь подобное тому, что случилось съ Тредьяковскимъ, потому что Ломоносовъ, въ письмѣ къ И. И. Шувалову 19-го января 1761 г., говорилъ о Сумароковѣ: „Тауберта и Миллера для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій, а не ради общей пользы“.

Кромѣ писателей, помѣщавшихъ въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ свои статьи, какъ любители литературы, желавшіе стяжать себѣ писательскую извѣстность, у Миллера были сотрудники по обязанности, назначенные академическимъ начальствомъ. Они болѣе первыхъ трудились и доставляли статей для журнала, но имена этихъ рядовыхъ тружениковъ остаются неизвѣстными, потому что подписывали, даже не исключая и переводовъ, только посторонніе литераторы, быть можетъ потому, что они дѣлали нѣкоторымъ образомъ одолженіе помѣщеніемъ своихъ трудовъ и хотѣли непремѣнно повѣдать міру, что и они писатели. Изъ вышеприведенныхъ словъ Миллера можно замѣтить, что онъ постоянно жаловался и былъ недоволенъ своими академическими сотрудниками. Эти жалобы и недовольство невозможно считать безусловно справедливыми, когда припомнишь то, что говоритъ о характерѣ исторіографа Шлёцеръ: „самъ неутомимо трудолюбивый и точный во всемъ, Миллеръ хотѣлъ вынудить оба эти качества и у всѣхъ прочихъ. Каждый, имъ придуманный проектъ долженствовалъ — такъ какъ онъ считалъ его хорошимъ и по большей части всѣ они дѣйствительно были таковыми — быть осуществленнымъ во что бы то ни стало“. Впрочемъ, даже если и допустить, что Миллеръ справедливо говорилъ о маломъ содѣйствіи въ изданіи журнала, то все-таки безыменные сотрудники его не заслуживаютъ полнаго забвенія.

О писателяхъ, пользовавшихся большею или меньшею извѣстностью, обыкновенно собираются и сохраняются разныя

свѣдѣнія, которыя впослѣдствіи дѣлаются достояніемъ исторіи литературы; но одновременно съ такими немногими избранниками подвизаются на литературномъ поприщѣ множество тружениковъ, осужденныхъ послѣ жизни, по большей части переполненной всевозможными лишеніями и невзгодами, на совершенное забвеніе. Какъ ни ничтожна по своимъ послѣдствіямъ писательская дѣятельность такихъ лицъ, когда разсматривать ее отдѣльно самое по себѣ, тѣмъ не менѣе однако произведенія этой дѣятельности составляютъ нераздѣльную часть той массы умственной производительности, которая есть литература данной эпохи. Въ литературной дѣятельности писателей безвѣстныхъ также отражаются духъ своего времени, потребности и направленіе общества, равно какъ и средства, бывшія въ его распоряженіи для удовлетворенія или осуществленія ихъ. Поэтому было бы крайне одностороннимъ со стороны историка литературы, когда бы онъ, при изученіи той или другой эпохи, сталъ ограничиваться разысканіями объ однѣхъ литературныхъ знаменитостяхъ. Какъ бы ни были разнообразны и богаты достоинствами сочиненія извѣстныхъ писателей, какъ бы ни была переполнена жизнь ихъ многообразными приключеніями, въ сочиненіяхъ ихъ никогда не выскажутся всѣ идеи, которыми жило общество въ данную минуту своего существованія; въ ихъ жизни не отразится жизнь цѣлаго общества со всѣми ея разнообразными уклоненіями и кажущимися исключеніями изъ общаго правила. Чтобы добыть цѣльную картину прошлаго въ литературѣ, невозможно упускать изъ виду писателей второстепенныхъ и даже не пользовавшихся никакою извѣстностью. Если не въ произведеніяхъ, то въ жизни ихъ найдется много поучительнаго и такого, что уяснитъ позднѣйшему изслѣдователю неразгаданное и темное въ исторіи литературы. По этимъ-то основаніямъ читатель встрѣтится въ настоящей статьѣ, конечно въ первый разъ, съ подробностями о безвѣстныхъ сотрудникахъ перваго русскаго журнала, насколько было возможно собрать ихъ при помощи уцѣлѣвшихъ архивныхъ извѣстій.

По выходѣ въ свѣтъ первой книжки „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, президентъ Академіи Наукъ графъ Разумовскій сдѣлалъ (30 января 1755 г.) такое распоряженіе: „адъюнкту Осипу Шестаковскому съ прочими быть ежедневно при корре-

водахъ подъ вѣдомствомъ г. секретаря конференціи и профессора Миллера, и порученныя ему отъ него дѣла переводить непремѣнно въ конференціи, а не на квартирѣ..."

Жизнь адъюнкта Шестаковскаго была полна разнообразныхъ приключеній: онъ происходилъ изъ смоленской шляхты, а потому называлъ себя въ прошеніяхъ „человѣкомъ иностраннымъ"; сначала учился въ московской словено-греко-латинской академіи, гдѣ „ходилъ на реторику"; въ 1740 г. очутился уже въ Петербургѣ и посѣщалъ лекціи академиковъ; потомъ перешелъ въ шляхетскій сухопутный корпусъ, наконецъ служилъ унтеръ-офицеромъ и сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. 6 іюня **1751** года Академія Наукъ неожиданно получила промеморію изъ полковой канцеляріи сейчасъ названнаго полка, въ которой давалось знать, что „...минувшаго мая 26 дня, по конфирмаціи на поданномъ ея императорскаго величества отъ полку лейбъ-гвардіи Семеновскаго докладѣ, всемилостивѣйше пожалованъ онаго полку сержантъ Іосифъ Шестаковскій, по его искусству наукъ, въ де-сіансъ Академію адъюнктомъ съ рангомъ капитанскимъ..." Академическая канцелярія распорядилась „освидѣтельствовать" новаго адъюнкта въ наукахъ и языкахъ. Вслѣдствіе того, академики Браунъ и Тредьяковскій отозвались, что „мы съ г. адъюнктомъ Шестаковскимъ разговаривали, а по разговору о философіи, реторикѣ и поэзіи явилось, что оный г. адъюнктъ о сихъ наукахъ говорить не могъ много, объявивъ въ причину тому малое въ нихъ упражненіе при бывшей его военной службѣ..." Въ геометріи и фортификаціи у него, впрочемъ, оказались нѣкоторыя свѣдѣнія; притомъ онъ могъ переводить съ латинскаго языка. Самъ Шестаковскій, послѣ академическаго испытанія, просилъ [illegible], за невозможностью ему исполнять адъюнктскую обязанность согласно регламенту Академіи, „оставить меня при философіи, къ которой крайнюю охоту имѣю..." Канцелярія послала его къ академику Брауну, занимавшемуся этою наукою, замѣтивъ притомъ въ протоколѣ: „изъ собственнаго Шестаковскаго признанія довольно явствуетъ, что онъ не только не въ состояніи, но и охоты не имѣетъ отправлять должность адъюнктскую..."

Шестаковскій сдѣлалъ нѣсколько переводовъ для журнала, но, по отзыву Миллера, они требовали „великаго поправле-

Районно-центральная библиотека Тюмень
2553

нія“. Затѣмъ вскорѣ Академія освободилась отъ этого адъюнкта: по его просьбѣ, 5 іюня 1755 года онъ былъ уволенъ для вступленія въ монашество. Впослѣдствіи онъ находился іеромонахомъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ (1757—1761 г.); потомъ былъ архимандритомъ въ Николаевскомъ Шартомскомъ монастырѣ Суздальской епархіи, а въ 1770 г. жилъ на покоѣ въ Москвѣ.

Самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ изданіи „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ Миллеръ, вскорѣ послѣ выхода первой книжки журнала, называлъ студента Ивана Голубцова и даже просилъ, чтобы „для примѣра прочимъ“ ему было назначено 150 руб. жалованья и возвращено званіе переводчика, котораго канцелярія его лишила за проступки. Изъ другихъ современныхъ извѣстій видно, что усерднымъ переводчикомъ для „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ былъ также Василій Лебедевъ*). И Голубцовъ и Лебедевъ оба были товарищами Ломо-

---

*) Въ академическихъ архивахъ уцѣлѣли свѣдѣнія объ именахъ сочинителей и переводчиковъ, участвовавшихъ въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ въ 1757 г. По этимъ свѣдѣніямъ можно судить о дѣятельности Голубцова и Лебедева и въ прочіе годы. Такъ въ означенномъ году слѣдующія статьи переведены были первымъ изъ нихъ: a) въ апрѣлѣ, стр. 369—381: „О нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, кои полезны къ врачеванію“. b) Въ маѣ, стр. 387—461, „Извѣстіе о шелковыхъ заводахъ, какимъ образомъ они учреждены въ Китаѣ“ и пр.; стр. 462—469, „Описаніе особой камеръ-абскуры и полемоскопа“; стр. 479—479, „О китовой ловлѣ около Камчатки“. c) Въ іюнѣ, стр. 558—562, „Какимъ образомъ оспа въ Англіи прививается“, и составленъ имъ же Голубцовымъ, стр. 563—592, „Реестръ достопамятнымъ вещамъ“. d) Въ іюлѣ, стр. 3—39, „Исторія о странахъ, при р. Амурѣ лежащихъ“, стр. 54—65, „Предложеніе о разводѣ въ Россіи шелковичныхъ деревъ“. e) Въ августѣ, стр. 99—130, „Продолженіе исторіи о странахъ, при р. Амурѣ лежащихъ“. f) Въ сентябрѣ, стр. 195—227, продолженіе предыдущей статьи. g) Въ октябрѣ, стр. 291—328, продолженіе предыдущей статьи. i) Въ ноябрѣ, стр. 463—474, „О разумномъ употребленіи самолюбія, разговоръ между Сократомъ и Ксенофонтомъ“. k) Въ декабрѣ, стр. 539—549, „Объ истинной долготѣ человѣческой жизни“. Статьи, переведенныя въ томъ же 1757 г. въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ Васильемъ Лебедевымъ: 1) въ іюлѣ, стр. 79—95, „О употребленіи овощей“; 2) въ августѣ, стр. 161—184, „О пользѣ высшей математики въ общей жизни“ (на нѣмецкомъ начало принадлежитъ академику Гришову, а конецъ академику Цейгеру); 3) стр. 185—191, „Мысли экономическія“. 4) въ сентябрѣ, стр. 228—251, „О воспитаніи дѣтей у лакедемонянъ“; 5) стр. 271—283, „О. Пломтрена, размышленія о коммерціи вообще“; 6) стр. 284—286, „Извѣстіе о нѣкоемъ достовѣрномъ лѣкарствѣ для излѣченія очной болѣзни“; 7) въ октябрѣ, стр. 329—348, „Размышленіе о возвратѣ кометъ“. 8) стр. 377—383, „Переводъ изъ третьей части гамбургскаго магнита“. 9) въ декабрѣ, 516—531, „Храмъ земнаго увеселенія, во снѣ видѣнный“

носова по славено-греко-латинской академіи въ Москвѣ; оба получили воспитаніе при академіи; потомъ занимались переводами и между современниками были извѣстны какъ знатоки русскаго языка и искусные переводчики*).

О судьбѣ этихъ полезныхъ для своего времени, но теперь совершенно забытыхъ литературныхъ дѣятелей извѣстно слѣдующее.

24 января 1735 года президентъ Академіи Наукъ баронъ Корфъ, представляя Сенату, что по мысли Петра Великаго Академія Наукъ учреждена не только для дальнѣйшаго усовершенствованія наукъ, но и для распространенія просвѣщенія въ Россіи, ходатайствовалъ объ основаніи при Академіи семинаріи на 30 воспитанниковъ и объ отпускѣ на то особой суммы. Когда Сенатъ потребовалъ болѣе подробныхъ разъясненій по этому предмету, Корфъ, 16 апрѣля 1735 года, сообщилъ свои исчисленія, по которымъ каждый воспитанникъ обходился бы казнѣ въ 146 руб. $60^{5}/_{6}$ коп., а всѣ 30 человѣкъ 4398 руб. 25 к. (см. приложеніе I). Баронъ Корфъ какъ бы предчувствовалъ, что его представленіе о семинаріи на придуманныхъ имъ основаніяхъ не будетъ утверждено, а потому 13 мая 1735 года онъ вошелъ въ Сенатъ съ другимъ ходатайствомъ о высылкѣ изъ русскихъ училищъ двадцати молодыхъ людей настолько подготовленныхъ, чтобы они тотчасъ же могли начать слушать лекціи у академиковъ. А такъ какъ Академія не имѣла въ своемъ распоряженіи излишнихъ

Въ 1758 году въ февральской книжкѣ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ статьи на стр. 150—182, „Разсужденія о саранчѣ“, и стр. 183—191, „Разныя примѣчанія естественныя“ переведены Голубцовымъ (Архивъ академической канцеляріи, книга № 223). Въ маѣ 1761 года Василій Лебедевъ доноситъ, что онъ перевелъ для „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ слѣдующія статьи изъ англійскаго Спектатора: 1) „Письмо о томъ, что собственно высоко почитать надлежитъ“; 2) „О силѣ новостей“ (въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ 1761 г., часть I, стр. 265—273); 3) „Сонъ о порокахъ и жалобахъ человѣческихъ“ (тамъ же, стр. 463—472); 4) „Сонъ о мѣрѣ грѣховъ“ (тамъ же, стр. 473—476); 5) „Сонъ о правосудіи“ (тамъ же ч. I, стр. 513—523, ч. II, 278—287); 6) Изъ шведскихъ сочиненій размышленіе о земледѣліи (См. архивъ академической канцеляріи, книга № 236).

*) Порошинъ, напримѣръ, въ своихъ Запискахъ занесъ въ октябрѣ 1764 г.: „...разговорились о Кейслеровомъ путешествіи и потомъ о переводчикахъ академическихъ: Тепловѣ, Голубцовѣ и Лебедевѣ. Я говорилъ, что они очень хорошо по-русски знаютъ и хорошо переводятъ...“ (Записки Порошина, С.-Пб. 1844 г., стр. 106).

суммъ, то Корфъ просилъ Сенатъ о назначеніи на содержаніе каждаго молодого человѣка по 150 рублей въ годъ (см. приложеніе II).

Очевидно, что вопросъ о деньгахъ на содержаніе воспитанниковъ составлялъ для барона Корфа существенную часть дѣла, такъ какъ Академія, съ самаго основанія обремененная разными мастерскими и художниками, нуждалась часто въ деньгахъ до такой степени, что и академики не получали жалованья за полтора и болѣе года. Между тѣмъ Сенатъ прошелъ молчаніемъ о назначеніи денегъ, а распорядился только: „изъ учениковъ, кои есть въ Москвѣ въ Спасскомъ училищномъ монастырѣ, выбрать въ наукахъ достойныхъ 20 человѣкъ, и о свидѣтельствѣ ихъ наукъ подписаться ректору и учителямъ и выслать въ С.-Петербургъ въ Академію Наукъ...“

Президентъ Академіи, какъ видно, принималъ близко къ сердцу все это дѣло, а потому по полученіи послѣдняго указа изъ Сената обратился къ ректору и архимандриту Спасскаго монастыря.

„Въ присланномъ изъ Правительствующаго Сената въ Академію Наукъ указѣ отъ 13 октября объявлено, что избраніе оныхъ 20-ти учениковъ, которые къ вышнимъ наукамъ приведены быть имѣютъ, оставлено на ваше и вашихъ товарищей разсужденіе; но дабы при томъ высочайшее намѣреніе ея императорскаго величества исполнилось, то вашего преподобія прошу избрать и отправить сюда отроковъ добрыхъ, которые бъ въ приличныхъ къ украшенію разума наукахъ довольное знаніе имѣли и вамъ бы самимъ честь и отечеству пользу учинить могли...“

Архимандритъ Стефанъ отвѣчалъ барону Корфу: „изъ Московской словено-греко-латинской Академіи ученики, числомъ 12, остроумія, по нашему мнѣнію, не послѣдняго, выбраны и въ московскую Синодальнаго правленія канцелярію при доношеніи представлены... „Президентъ Академіи просилъ Сенатъ (15 декабря 1735 г.) о доставленіи недостававшихъ восьми человѣкъ (см. приложеніе III), что и было обѣщано, но потомъ не исполнено.

2 января 1736 года отставной прапорщикъ Василій Поповъ явился въ Академію Наукъ съ двѣнадцатью молодыми людьми, которыхъ онъ привезъ изъ Москвы. По отзыву коллегіи экономіи это были: „изъ богословіи — Василій Лебе-

девъ, Яковъ Виноградовъ, Яковъ Несмѣяновъ, которые сего 1735 года въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при отправкѣ философическаго корпуса (курса?), въ богословію вступили. Изъ философіи — Александръ Чадовъ, Дмитрій Виноградовъ, Иванъ Голубцовъ, Михайла Ломоносовъ, что изъ реторики въ нынѣшнемъ же году перешли до философіи. Изъ реторики — Прокофій Шишкаревъ, Семенъ Старковъ. Изъ піитики — Алексѣй Барсовъ, Михайла Коврнинъ, Никита Поповъ, которымъ до упомянутыхъ школъ промоція учинена сего же года...“

Въ октябрѣ 1735 г. и два раза въ январѣ 1736 г. баронъ Корфъ напоминалъ Сенату о назначеніи 3000 руб. на содержаніе новыхъ воспитанниковъ, но въ отвѣтъ получилъ наконецъ (3 февраля 1736 года) такое распоряженіе: „до будущаго указу отпустить изъ штатсъ-конторы на каждаго человѣка по 30 руб., итого 360 руб., а для житья отвесть имъ покои при Академіи, пока другіе имъ даны будутъ“. Деньги эти были употребляемы на покупку самой необходимой мебели (кроватей, тюфяковъ, и т. п.), бѣлья (полотно, напр., платили по 5 коп. аршинъ), на столъ (по 5 руб. въ мѣсяцъ за человѣка) и проч., а потому вскорѣ вышли и, по новому ходатайству, Сенатъ велѣлъ отпустить еще 360 рублей на весь 1736 годъ.

Этой суммы было далеко не достаточно на покрытіе всѣхъ издержекъ, и адъюнктъ Ададуровъ, который имѣлъ главный надзоръ за московскими учениками, писалъ о томъ убѣдительныя доношенія въ академическую канцелярію. Сверхъ того, молодые люди, терпя недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ, замѣчали, что отпускаемыя на нихъ деньги расходуются экономомъ Фельтеномъ недобросовѣстно. По этому поводу однажды воспитанникъ Прокофій Шишкаревъ, въ разговорахъ о томъ съ товарищами, промолвилъ: „хотя-де про нѣмцевъ и говорятъ, будто они не воры, однако-де и они воруютъ!“ Узнавъ объ этомъ, Ададуровъ, 12 ноября 1736 г., доводилъ о томъ до свѣдѣнія канцеляріи, чтобы „...Прокофія Шишкарева въ укоризнахъ и бранныхъ словахъ, которыми онъ нѣмцевъ поносилъ, велѣно было допросить и учинить о всемъ праведное разсмотрѣніе понеже сіе касается какъ до чести сего народа, такъ наипаче до интересу ея императорскаго величества“. На рапортъ Ададурова послѣдовала резолюція, Sol-

chen in die Cancelley auf Morgen bestellet, daruber vernommen und abgestrafet werden".

На вопросъ Шишкаревъ объяснилъ: „при столѣ, во время кушанья, всегда они всѣ поступаютъ учтиво, и онъ-де, Прокофій, также и другіе ученики про нѣмцевъ, будто они не воры, ань-де и они воруютъ —не говаривали. А говорилъ-де онъ, Шишкаревъ, такія слова: говорятъ-де про нѣмцевъ, что будто они не воруютъ, однакоже неправду дѣлаютъ, ибо они на нихъ написали столъ и зеркало излишне, о чемъ имъ по реестру объявлено въ Правительствующемъ Сенатѣ; а кто-де на нихъ написалъ, того онъ не знаетъ. А прочіе ученики тѣ его слова слышали или нѣтъ, того онъ не знаетъ, о чемъ ему, Ададурову, и персонально они всѣ говорили, а м........ и другими поносными словами какъ нѣмцевъ, такъ и русскихъ, не токмо своихъ командировъ, но и никого не бранивали..." Шишкаревъ, за неповиновеніе Ададурову и за произнесеніе словъ „про нѣмцевъ, будто они не воры, а хотя-де и не воруютъ, однакожъ неправду дѣлаютъ" —былъ „битъ нещадно батожьемъ".

Такое жестокое наказаніе не принудило однако молодыхъ людей къ молчанію: они подали въ Сенатъ жалобу на плутни Фельтена, и въ журналахъ Сената по этому случаю записано:

„22 ноября 1736 года екзекуторъ Баскаковъ докладывалъ, что онъ о академическихъ школьникахъ въ Академію, по поданному отъ нихъ доношенію, ходилъ и слѣдовалъ. И явилось, что имъ, економомъ Фельтеномъ, въ отдачю полотенъ на рубашки и на простыни и прочее приписано излишнее, а иного и ничего имъ не дано. А економъ-де показывалъ, что написано для того, что-де хотѣлъ оное, все купя, отдать послѣ. Приказали: призвать Шумахера и Фельтена и спросить, для чего такіе непорядки и тѣмъ ученикамъ обиды происходятъ?

„Декабря 3, 1736 года допущены были изъ Академіи Наукъ секретарь Мейеръ, да адъюнктъ Ададуровъ, да економъ Фельтенъ, и объявлено: для чего учениковъ обижаютъ и имъ настоящаго платья и прочаго не даютъ, а въ расходъ на нихъ пишутъ излишнее и ихъ бьютъ? На что секретарь доносилъ, что билъ нѣкоторыхъ за вины Шумахеръ, а о прочемъ ни о чемъ тѣ ученики въ Академію не доносили. Приказали: съ ихъ, учениковъ, доношенія дать въ Академію

копію, а имъ приказано, чтобъ тѣхъ учениковъ въ Академіи не арестовали и не били безъ докладу Сенате".

Впрочемъ, Сенатъ не улучшилъ матеріальнаго положенія воспитанниковъ, и нѣсколько дней спустя, именно 21 декабря 1736 года, Ададуровъ доносилъ академической канцеляріи: „какъ я вчерашняго числа пришедъ въ тѣ покои, въ которыхъ живутъ присланные изъ Москвы ученики, спросилъ: всѣ ли они дома? то сказано мнѣ было, что двое изъ нихъ, а именно Яковъ Несмѣяновъ и Иванъ Голубцовъ пошли къ ректору гимназіи Фишеру для начатія у него лекцій. А когда я сказалъ, чтобъ и прочимъ къ нему также итти надлежало, то отвѣтствовали, что они у себя не имѣютъ платья и для того никуда изъ палатъ выходить не могутъ..."

Шумахеръ, вѣроятно еще сердитый на молодыхъ людей, предписалъ Ададурову прямо отъ себя ходатайствовать въ Сенатѣ о московскихъ ученикахъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Ададуровъ это исполнилъ (см. приложеніе IV), и Сенатъ велѣлъ отпустить на 10 человѣкъ (Ломоносовъ и Дмитрій Виноградовъ были уже отправлены за границу) еще 100 рублей. Въ 1737, 1738, 1739 и 1740 годахъ продолжались со стороны учениковъ жалобы на недостатокъ денегъ и убожество, а со стороны Сената медлительность въ назначеніи денегъ, которыя притомъ отпускались всегда въ скромныхъ размѣрахъ. Академическая канцелярія рѣшилась потомъ выдавать заимообразно молодымъ людямъ по 3 рубля на мѣсяцъ, что при петербургской дороговизнѣ было, конечно, недостаточно.

Что касается преподаванія наукъ, то изъ представленнаго 3 сентября 1736 года Ададуровымъ барону Корфу расписанія занятій московскихъ учениковъ видно, что они должны были учиться три часа до обѣда и столько же послѣ обѣда. Уроки ежедневно начинались классомъ нѣмецкаго языка; затѣмъ по четыре часа въ недѣлю назначалось на толкованіе латинскихъ авторовъ, математику, „реторическія обученія", чистописаніе и рисованіе; по два часа — на географію, исторію и танцованіе.

Въ 1738 году нѣкоторые изъ гимназическихъ учениковъ, послѣ испытанія ихъ академиками, произведены были въ студенты, и о будущихъ сотрудникахъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" представилъ (10 іюля 1738 года) тогдашній инспекторъ гимназіи, академикъ Крафтъ, слѣдующій отзывъ: „Василій

Лебедевъ, сынъ капрала тобольскаго полка, родомъ изъ Москвы, 21 года, съ 1736 года изучалъ въ латинской гимназіи латинскій, греческій и нѣмецкій языки; также — просодію, логику, исторію, географію и ариѳметику; поведенія скромнаго, благопристоенъ и откровененъ. Иванъ Голубцовъ, сынъ типографщика, родомъ изъ Москвы, 22 лѣтъ, обучался тѣмъ же наукамъ; притомъ прилеженъ и совѣстливъ...“ Выше было упомянуто, что въ 1759 г. статьи, предназначавшіяся для „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, просматривались въ рукописи Никитою Поповымъ, „для поправокъ штиля[1])“. Онъ былъ товарищемъ Голубцова и Лебедева, и о немъ тогда же Крафтъ писалъ: сынъ дьякона, родомъ изъ Юрьева, 18 лѣтъ; въ наукахъ сдѣлалъ посредственные успѣхи; но зато довольно далеко успѣлъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Нраву его слѣдовало бы быть получше...“ Съ половины 1738 года студенты уже слушали лекціи академиковъ Эйлера, Крафта и другихъ. Русскій языкъ имъ преподавалъ Адодуровъ.

1 сентября 1740 года Лебедевъ, Голубцовъ и Поповъ изъ студентовъ поступили въ академическіе переводчики. Послѣдній изъ нихъ, несмотря на не совсѣмъ благопріятные отзывы своихъ наставниковъ, а впослѣдствіи на личное неудовольствіе имъ Шумахера, возведенъ былъ въ званіе академика по каѳедрѣ астрономіи. Лебедевъ пользовался въ свое время извѣстностію, какъ добросовѣстный и трудолюбивый переводчикъ. Нѣкоторые изъ изданныхъ въ свѣтъ переводовъ его выдержали по нѣскольку изданій. Его латинская грамматика, напримѣръ, имѣла десять изданій и была первымъ печатнымъ русскимъ учебникомъ латинскаго языка. Печатные переводы Лебедева указаны въ „Росписи россійскимъ книгамъ“ А. Смирдина; но еще болѣе его трудовъ, предпринятыхъ имъ или по распоряженію академическаго начальства, или по собственной охотѣ, осталось въ рукописяхъ. Онъ трудился, между прочимъ, въ свободное время надъ составленіемъ русскаго словаря, о дальнѣйшей судьбѣ котораго я не успѣлъ еще отыскать извѣстій.

---

[1]) Миллеръ указываетъ, что Попову принадлежитъ въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ 1757 года (декабрь, стр. 530—551), „Подробная записка на прошедшій годъ“. Архивъ академической канцеляріи, книга № 223.

Голубцовъ перевелъ съ нѣмецкаго „Краткое руководство къ теоретической геометріи", изд. въ 1748 г., а также участвовалъ въ переводѣ „Описанія Сибирскаго царства", соч. Миллера, изд. въ 1750 году. Невоздержная жизнь была причиною многихъ несчастій для Голубцова. Въ 1748 году о немъ состоялось постановленіе академической канцеляріи, въ которомъ, между прочимъ, записано: „и канцелярія Академіи Наукъ довольно объ немъ, Голубцовѣ, извѣстна, что онъ въ наукахъ его былъ бы достаточенъ, ежели бы могъ себя воздержать отъ всегдашняго пьянства... Всевозможное употребляемо было стараніе, чтобъ его отъ такой гибельной страсти отвратить, но никакія воздержности не предуспѣли..." Голубцовъ былъ разжалываемъ два раза въ копіисты, а въ 1753 г., будучи въ нетрезвомъ состояніи и безпамятствѣ, сказалъ за собою „слово и дѣло", за что и попалъ въ тайную канцелярію. Здѣсь оказалось, что за нимъ не было никакого слова и дѣла, а потому послѣ тяжкаго наказанія, положеннаго за „ложное сказываніе слова и дѣла", тайная канцелярія возвратила его 13 января 1753 г. къ прежнимъ занятіямъ въ Академію, таинственно присовокупляя, что о немъ „надлежащее рѣшеніе учинено". Выше уже говорено, что съ началіемъ изданія „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" Миллеръ, довольный трудами Голубцова, просилъ прибавить ему жалованье, а 19 февраля 1758 года академическая канцелярія опредѣлила: „хотя онъ, Голубцовъ, напредь сего являлся въ пьянствѣ, однако нынѣ находится во всегдашней трезвости, и по видимому отъ пьянства имѣетъ воздержаніе и упражняется въ переводахъ и въ положенныхъ на него дѣлахъ" — поэтому ему возвращено званіе переводчика и прежнее жалованье по 250 рублей въ годъ. Бѣдный Голубцовъ не долго пользовался имъ: 25 мая 1759 года онъ умеръ.

Въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" встрѣчается статья Николая Поповскаго и стихотворенія Адріана Дубровскаго*):

---

*) Адріанъ Дубровскій подписывалъ въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" свои стихотворенія буквами *А. Д.* Они всѣ перечислены Малюгинымъ (Современникъ 1851 года, т. XXV, отд. II, стр. 27—29), но по ошибочной догадкѣ приписаны имъ Александру Демидову. Что эти стихотворенія принадлежатъ Дубровскому, то свидѣтельствуетъ академическій протоколъ 19 іюля 1755 года, гдѣ записано: „Studiosus Dubrowski tradidit fabulam Aesopicam de Sene et Morte a se

потомъ изъ словъ Миллера видно, что въ началѣ 1755 г. переводами для журнала, вмѣстѣ съ Голубцовымъ, занимались Григорій Пaвинскій и магистръ Алексѣй Константиновъ. Въ 1757 г. Миллеръ называлъ, между прочимъ, переводчиковъ, помѣстившихъ въ томъ году свои труды въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ", магистра Филиппа Яремскаго, Софронова, Ѳедора Соколова. Румовскій и Котельниковъ въ томъ же году помѣстили безъ подписи свои статьи, первый — „Разсужденіе о кометахъ"; второй — „О водныхъ метеорахъ, или о приключеніяхъ отъ водяныхъ паровъ, въ воздухѣ бываемыхъ".

Всѣ эти лица получили воспитаніе при Академіи Наукъ. Старшій изъ нихъ по лѣтамъ, Котельниковъ, поступилъ въ академическую гимназію въ 1741 году изъ семинаристовъ, учившихся въ семинаріи, основанной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ; потомъ за границей сдѣлался любимымъ ученикомъ Эйлера и наконецъ академикомъ. Что же касается до остальныхъ, то они были выбраны также изъ духовныхъ училищъ въ 1748 году.

Въ этомъ году, во исполненіе новаго академическаго регламента, постановлено было въ Академіи вытребовать въ нее тридцать воспитанниковъ изъ духовныхъ училищъ Петербурга, Новгорода и Москвы. Духовное начальство не могло сочувствовать этой мѣрѣ, такъ какъ послѣдствіемъ ея для духовнаго вѣдомства было обыкновенно лишеніе лучшихъ воспитанниковъ и, слѣдовательно, недостатокъ въ способныхъ людяхъ при замѣщеніи наиболѣе трудныхъ должностей. Какъ бы то ни было, но значеніе при дворѣ графа Разумовскаго и настойчивость любимца его, тогдашняго ассессора академической канцеляріи Григорія Теплова (который, какъ видно теперь изъ черновыхъ бумагъ, велъ самъ всю переписку по этому дѣлу) превозмогли: въ Новгородъ и Москву, для выбора учениковъ, отправленъ былъ Тредьяковскій. Въ бытность въ Новгородѣ, онъ выбралъ, между прочимъ, слѣдующихъ молодыхъ людей, бывшихъ потомъ сотрудниками „Ежемѣсячныхъ Сочиненій": Григорія Пaвинскаго, олончанинъ, 23 лѣтъ; Филиппа Яремскаго изъ деревни Сабля, сынъ священника, 19 л., оба изъ философскаго класса; Михаила Софронова изъ Ус-

rossice conversam quae ibidem Observationibus menstruis insereretur". Басня эта подъ заглавіемъ „Смерть и Дровосѣкъ" и съ подписью буквъ А. Д. напечатана въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" за іюль 1755 года, стр. 95.

тюжны, 19 лѣтъ, изъ реторическаго класса. 13 марта 1748 г. Тредьяковскій, представляя ихъ именной списокъ, прибавлялъ: „которыі всѣ пошлыі імѣютъ успѣхъ въ Латінскомъ языкѣ, а нѣкоторыі і въ Греческомъ...“

Будучи въ Москвѣ, Тредьяковскій отправилъ, между прочимъ, въ Академію изъ философскаго класса: Николая Поповскаго, москвитинъ, церковничій сынъ, 22 лѣтъ; изъ реторическаго: Өедора Соколова, 16 лѣтъ; изъ піитики: Адріана Дубровскаго, „москвитинъ, поповъ сынъ, а отъ роду ему 15 л. Сей учился и по-гречески“.

Академики Ломоносовъ и Браунъ выбирали учениковъ изъ Александроневской семинаріи. Между ними были Степанъ Румовскій 12-ти лѣтъ, впослѣдствіи академикъ, и Иванъ Барковъ, по первоначальнымъ отзывамъ о немъ профессоровъ, даровитѣйшій изъ своихъ товарищей, но, къ сожалѣнію, погубившій свои дарованія въ кутежахъ.

Когда провинціальные воспитанники прибыли въ Петербургъ, то академики произвели имъ испытаніе, по которому оказалось, что они „въ гуманіорахъ и школьной философіи довольный успѣхъ имѣютъ, такъ что оные на академическія лекціи о чистотѣ штиля и здравѣйшей философіи и математики допущены быть могутъ...“ Адріана Дубровскаго послали на нѣкоторое время въ гимназію доучиваться латинскому языку, въ которомъ онъ не былъ достаточно силенъ.

По составленному тогда же расписанію, новые студенты по утрамъ, 5 часовъ въ недѣлю, слушали у академиковъ: Брауна — руководство во всю философію, „употребляя за основаніе сокращенную Тиммигомъ вольфіанскую философію“; у Рихмана — 2 часа всѣ части математики, „чтобъ слушателямъ тѣмъ приготовить путь къ самой физикѣ, которую безъ математики начинать безполезно“. Крузій — 5 часовъ въ недѣлю „толковалъ древнихъ римскихъ авторовъ, при чемъ и знаніе древностей, также и правила о чистотѣ штиля изъяснять. Онъ же покажетъ, когда потребно разсудиться, и литеральную исторію по печатному Гейманову руководству...“ Послѣ обѣда Фишеръ читалъ „Универсальную исторію съ присовокупленіемъ всегда хронологіи“. Струбе де-Пирмонъ толковалъ „новѣйшую исторію всѣхъ государствъ въ Европѣ, и потомъ ихъ внутреннее состояніе и каждаго съ прочими союзы и политическое связаніе“. Тредьяковскій

„Целлариеву орѳографію“ и Гейнекціевы основанія чистаго штиля“. По окончаніи этихъ лекцій предполагалось занять студентовъ науками, къ которымъ у нихъ окажется болѣе склонности, какъ-то астрономіею, химіею, ботаникою и механикою.

Въ современныхъ бумагахъ сохранилось не мало извѣстій, что новые студенты часто и сильно кутили; драки у нихъ между собою и посторонними были не рѣдкость; въ студентскихъ комнатахъ находили женщинъ; начальству не разъ приходилось выслушивать грубости и даже угрозы. Академикъ Фишеръ, которому былъ порученъ надзоръ за студентами, однажды просилъ академическую канцелярію, для удержанія студентовъ отъ своевольствъ, назначить въ его распоряженіе особую команду изъ восьми солдатъ и двухъ „кустосовъ“. Канцелярія, однако, отрядила къ Фишеру только академическаго солдата въ „безсмѣнные ординарцы“ и разрѣшила нанять двухъ „кустосовъ“.

Бурливость и разныя выходки, обыкновенно обнаруживавшіяся при кутежахъ, не препятствовали студентамъ пріобрѣтать знанія. Такъ, 19 октября 1749 года тотъ же Фишеръ, не безъ нѣкотораго самодовольства, доносилъ канцеляріи, „что до студентовъ касается, и они довольный успѣхъ показали въ латинскомъ языкѣ... Между ними такіе находятся, которые могутъ съ нѣкоторыми въ Академіи сравниться, о чемъ я довольно извѣстенъ изъ повседневныхъ съ ними разговоровъ, потому что я по большей части латинскій языкъ въ разговорахъ съ ними употребляю...“

Послѣ строгихъ экзаменовъ, произведенныхъ въ январѣ и февралѣ 1750 года, отличившимися изъ студентовъ были признаны будущіе академики: Протасовъ, Котельниковъ и Румовскій, и будущіе профессоры Московскаго университета Антонъ Барсовъ и Николай Поповскій. Заслужили также одобреніе Софроновъ и Барковъ, которымъ не суждено было достигнуть того положенія въ обществѣ, какого заслуживали по своимъ дарованіямъ и знаніямъ. О нихъ было записано тогда: „Михайло Софроновъ ко всѣмъ почти равное лекціямъ прилежаніе имѣлъ и никому изъ товарищей своихъ въ математикѣ не уступаетъ, также и въ философіи изрядно отвѣтствовалъ. Въ латинскомъ языкѣ изрядно упражнялся. Подлинно добраго и превосходнаго къ ученію желанія Иванъ Барковъ

нѣсколько показалъ успѣховъ въ ариѳметикѣ, а въ другихъ математическихъ наукахъ не столько, также и въ философіи не много учился. Онъ объявляетъ, что онъ большей части трудился въ чтеніи латинскихъ авторовъ и между оными Саллюстія, котораго перевелъ по русски войну Катилинову. Понятія не худова; но долго лежалъ боленъ, и кажется, что острота его отъ оной болѣзни еще нѣчто претерпѣваетъ". Всѣ студенты могли читать французскихъ и нѣмецкихъ писателей: Барковъ же съ Софроновымъ представили, сверхъ того, на экзаменъ сочиненія свои на латинскомъ языкѣ. Поведеніе перваго изъ нихъ и тогда уже не было одобряемо: „Ив. Барковъ, говорилъ о немъ Фишеръ 17 февраля 1750 г., средних обычаевъ, но больше склоненъ къ худымъ дѣламъ..."

Академики, экзаменовавшіе студентовъ въ 1751 году, признали достойными изъ нихъ званія адъюнкта шестерыхъ: Софронова, Братковскаго, Румовскаго, Барсова, Поповскаго и Яремскаго. Шумахеръ подалъ мнѣніе, что прежде слѣдуетъ потребовать отъ нихъ диссертаціи, которыя и должны защищать они на публичномъ диспутѣ. Въ этомъ году Барковъ окончательно отсталъ отъ своихъ товарищей и за безпрестанные кутежи уже разжалованъ въ „ученики наборнаго дѣла". Впрочемъ, 30 октября 1751 года состоялось опредѣленіе академической канцеляріи о дозволеніи Баркову продолжать изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ и „россійскаго штиля": „понеже канцелярія нынѣ усмотря молодые его лѣта и не можетъ ли быть отъ него впредь какого плода..."

Въ концѣ декабря 1753 года помянутые студенты Софроновъ и Румовскій произведены въ адъюнкты, а Поповскій, Барсовъ, Яремскій и Алексѣй Константиновъ первые изъ русскихъ получили званіе магистровъ.

Первые двое были вскорѣ отправлены за границу для изученія высшей математики подъ руководствомъ знаменитаго Эйлера, у котораго они и жили въ Берлинѣ. Румовскій сдѣлался впослѣдствіи замѣчательнымъ астрономомъ. Отъ Софронова Эйлеръ вначалѣ также ожидалъ многаго, но въ бытность у него молодой человѣкъ окончательно потерялся отъ невоздержной жизни, такъ что его надобно было вернуть въ Петербургъ. Здѣсь много разъ брали въ академической канцеляріи подписки отъ Софронова: не пить и „не чинить шуму, дракъ и забіячествъ"; но ничто не помогало, и онъ,

лишенный званія адъюнкта, умеръ въ самомъ жалкомъ положеніи въ февралѣ 1760 года.

Магистры Поповскій, Барсовъ и Яремскій, по просьбѣ Ивана Ивановича Шувалова, были отосланы въ Московскій университетъ въ 1755 году. Въ слѣдующемъ году туда же отпросился и четвертый магистръ Константиновъ, который впослѣдствіи былъ библіотекаремъ императрицы Екатерины II и женился на единственной дочери Ломоносова.

Товарищъ ихъ Григорій Павинскій, отданный въ распоряженіе Миллера для переводовъ въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ", былъ также признаваемъ отъ ректора университета Крашенинникова достойнымъ званія магистра въ 1753 году, но канцеляріею произведенъ не былъ. Онъ умеръ студентомъ 19 февраля 1755 года.

Өедоръ Соколовъ, получивъ въ 1757 г. званіе переводчика, со 2 сентября 1759 г. былъ посланъ въ Москву для надзора за продажею книгъ въ тамошней академической лавкѣ.

Адріанъ Дубровскій, снабжавшій, какъ указано было выше, „Ежемѣсячныя Сочиненія" своими стихотвореніями, будучи студентомъ, перевелъ стихами Заиру Вольтера; въ 1757 г. онъ былъ произведенъ въ переводчики; въ 1759 году, по просьбѣ Романа Ларіоновича Воронцова (съ 1760 года графъ), сопровождалъ сына его въ путешествіи по Россіи, а въ 1761 г. вышелъ изъ Академіи и поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ командировкою въ Вѣну, гдѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить для будущихъ издателей сочиненій Ломоносова, что помѣщаемые въ собраніяхъ его сочиненій „Стихи ея императорскому величеству блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, на фейерверкъ, изображающій благоденствующую Россію, представленный въ С.-Петербургѣ 1 генваря 1755 года,

„Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, страна и царство"
и т. д.

написаны не Ломоносовымъ, а переведены сначала прозою съ нѣмецкаго подлинника Штелина Иваномъ Голубцовымъ, а потомъ переложены въ стихи Дубровскимъ. Для означеннаго фейерверка поручено было одновременно составить проекты

и Ломоносову и Штелину. Стихи, сочиненные по этому случаю первымъ изъ нихъ и начинающіеся

По правдѣ вѣчность есть...

напечатаны въ „Полномъ собраніи сочиненіи Ломоносова", изд. 1803 г., т. I, стр. 298—299; въ изд. Смирдина т. I, стр. 263, 264. Но ломоносовскій проектъ фейерверка не былъ осуществленъ, потому что составленный Штелинымъ удостоился одобренія и исполненъ 1 января 1755 г. Черновой прозаическій переводъ стиховъ Штелина, которыхъ переводить съ нѣмецкаго, разумѣется, не было надобности для Ломоносова, хранится въ архивѣ академической канцеляріи, въ книгѣ подъ № 189, вмѣстѣ съ стихотворнымъ переложеніемъ перевода въ нѣсколькихъ экземплярахъ съ помарками и поправками только не рукою Ломоносова. По сравненіи почерка этихъ рукописей съ другими подобными бумагами, на которыхъ уцѣлѣла и подпись Адріана Дубровскаго (какъ напримѣръ въ книгѣ архива академической канцеляріи, подъ № 208), оказывается, что помянутые стихи принадлежатъ ему. Онъ и впослѣдствіи занимался подобными переложеніями нѣмецкихъ стиховъ Штелина.

По свидѣтельству Ломоносова, въ изданіи „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" участвовалъ нѣкоторое время, какъ помощникъ Миллера, адъюнктъ Мотонисъ, а въ 1757 году въ журналѣ была помѣщена переводная статья Григорія Козицкаго. Это были тѣ самыя лица, къ суду которыхъ любилъ взывать Сумароковъ въ своихъ ороографическихъ распряхъ съ Ломоносовымъ и Тредьяковскимъ*). Козицкій и Мотонисъ, родомъ малороссы, учились сначала въ Кіевской духовной академіи,

*) Такъ напримѣръ, въ статьѣ „О правописании" Сумароковъ говоритъ „Г. Ломоносовъ у предлоговъ никогда не искалъ корня, хотя часто литеру З и превращалъ во С, яко вмѣсто разсмотрѣние, рассмотрѣние... Я думаю, что г. Козицкій и г. Мотонисъ сему странному правилу никогда не послѣдуютъ, ни наши разумные проповѣдники, каковъ напримѣръ архіепископъ Платонъ..." Или послѣ насмѣшки надъ Тредьяковскимъ, писавшимъ свое имя Василей: „Г. Козицкой и г. Мотонисъ никогда не подпишутъ своихъ именъ Григорей, Микалай, хотя и большая часть народа (говоритъ): Миколинъ день..." Или: „ой премѣняти въ ыи есть у педантовъ нашихъ то, что у германскихъ педантовъ латинской *усъ*. Дѣльно пишетъ г. Козицкой, получивъ права великороссійскаго дворянства: Козицкій, а не Козицкии..." Полное собраніе всѣхъ сочиненій Сумарокова, М., 1787 г. ч. X, стр. 14, 24, 27, 28.

дошли тамъ до философскаго класса и въ 1747 году вмѣстѣ отправились за границу. Будучи тамъ, они два года учились въ Бреславльской гимназіи, а потомъ перешли въ Лейпцигскій университетъ. Не имѣя средствъ жить въ Лейпцигѣ, эти молодые люди въ августѣ 1749 года обратились въ нашу Академію Наукъ съ просьбою о доставленіи имъ средствъ для продолженія заграничнаго ученія. Ходатайство ихъ поддержалъ бывшій въ Петербургѣ академикъ, а потомъ профессоръ Лейпцигскаго университета Гейнзій, который съ похвалою отозвался объ ихъ успѣхахъ и прилежаніи. Тогда Козицкій и Мотонисъ приняты были на службу въ Академію и стали получать отъ нея деньги на содержаніе свое въ Лейпцигѣ. Гейнзій постоянно давалъ о нихъ одобрительные отзывы, а 31 іюля 1756 года, отправляя ихъ въ Петербургъ, писалъ къ Шумахеру: „Мнѣ особенно пріятно, что я въ лицѣ Козицкаго и Мотониса могу представить высоко уважаемой Академіи двухъ способныхъ людей (tüchtige Subjecta), которые теперь вѣроятно сами зарекомендуютъ себя...“ Далѣе проситъ объ оказаніи имъ покровительства. По возвращеніи въ Петербургъ Козицкій и Мотонисъ были назначены учителями въ высшій латинскій классъ при академической гимназіи, а 27 февраля 1759 г. возведены въ званіе адъюнктовъ. Впослѣдствіи Козицкій, близко извѣстный князю Григорію Орлову, перешелъ къ нему на службу изъ Академіи 20 ноября 1763 года, а Мотонисъ переведенъ въ герольдмейстерскую контору при Сенатѣ 4 мая 1764 года.

Послѣ смерти Ивана Голубцова, Миллеръ 16 ноября 1759 года представлялъ академической канцеляріи, что ему за неимѣніемъ другихъ переводчиковъ для „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ невозможно будетъ продолжать журнала, а потому онъ просилъ назначить въ его распоряженіе студентовъ Самсона Волкова и Алексѣя Разумова.

Оба они воспитывались въ академической гимназіи и получили званіе студентовъ вслѣдствіе представленія ректора и академика С. П. Крашенинникова въ 1753 году; но, по слабости знаній въ латинскомъ языкѣ, ихъ не допускали долго къ слушанію университетскихъ лекцій. Это продолжалось и въ 1756 году, когда академики признали одного Алексѣя Разумова достойнымъ перевода въ университетъ, но при этомъ случаѣ за остальныхъ студентовъ заступились Тредьяковскій

и Поповъ, которые, какъ сказано въ современномъ отчетѣ, „имѣютъ, что̀ до сего пункта надлежитъ, иное мнѣніе, которое подали письменно въ слѣдующемъ: изъ произведенныхъ изъ учениковъ гимназіи въ студенты девять человѣкъ, по усмотрѣнію ихъ, пять человѣкъ: Алексѣй Разумовъ[1]), Семенъ Веденскій[2]), Василій Кромаренковъ[3]), Алексѣй Полѣновъ[4]), Самсонъ Волковъ въ студенты годны и лекціи математическія, риторическія и штиля въ университетѣ тѣхъ наукъ слушать и разумѣть могутъ. И для того должно бы онымъ дать шпаги, и платье, и жалованье такъ, какъ прежнимъ студентамъ, и назначить бы ихъ на вышереченныя лекціи, ибо къ предложенію наукъ слушателямъ великой и темной латыни не требуется, да и употреблять оныя отъ большей части невозможно“[5])...

Въ августѣ 1762 года Разумовъ просилъ о прибавкѣ къ 150 рублямъ имъ получаемаго жалованья и о званіи переводчика по тому уваженію, что онъ, кромѣ держанія корректуры, занимается переводами для „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ и Вѣдомостей. О томъ же и тогда же просилъ Волковъ. Когда потребовано было мнѣніе Миллера, то онъ отвѣчалъ о первомъ:

„Хотя оный Разумовъ и мало для меня переводитъ, потому что больше корректорскую должность отправляетъ, но по переводамъ его засвидѣтельствовать могу, что со временемъ, ежели больше прилежности въ обученіи иностранныхъ языковъ употребитъ (sic) будетъ, добрымъ переводчикомъ сдѣлаться можетъ, а между тѣмъ признаваю я за справедливо, чтобъ для ободренія его и для лучшаго себя содержанія учинена ему была нѣкоторая прибавка жалованья“.

---

[1]) Переводъ его сочиненія Бюшинга напечатанъ въ 1763 году, подъ заглавіемъ „Руководство къ основательному и полезному познанію географическаго и политическаго состоянія европейскихъ государствъ и республикъ“.

[2]) Переводъ Веденскаго сочиненія Гольберга, „Сравненіе житія и дѣлъ славныхъ, а особливо восточныхъ и индѣйскихъ великихъ героевъ и знаменитыхъ мужей по примѣру Плутархову“ — напечатанъ въ 1766 году.

[3]) Кромаренкову принадлежатъ печатные переводы: 1) сочиненія Монтескьё, „О разумѣ законовъ“, два изданія 1775 и 1801 года; 2) Саллюстія „Войны Катилинская и югуртинская“ 1769 года.

[4]) Полѣновъ извѣстенъ какъ авторъ перваго русскаго сочиненія о необходимости уничтоженія крѣпостного состоянія.

[5]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 220.

О второмъ: „Оной Самсонъ Волковъ прилежно при мнѣ переводитъ, но въ иностранныхъ языкахъ не столько исправенъ, чтобъ настоящимъ переводчикомъ теперь уже быть могъ. А я называю такого настоящимъ переводчикомъ, который такъ переводитъ, чтобъ не нужно было другому, болѣе его знающему, за переводами его смотрѣть и оные исправлять. Однакожъ, понеже онъ показываетъ охоту къ лучшему иностранныхъ языковъ обученію, и на его прилежность и добрые поступки надѣяться можно, то за справедливо признаваю, чтобъ учинена ему была нѣкоторая въ жалованьѣ прибавка". Получивъ такой отзывъ, академическая канцелярія постановила: „объявить Разумову, когда онъ чрезъ прилежаніе свое окажетъ лучшіе успѣхи въ знаніи языковъ, тогда какъ чиномъ, такъ и прибавкою награжденъ будетъ. А Волкова, который получаетъ только 100 рублей, въ жалованьѣ съ нимъ, Разумовымъ, уравнить и прибавить 50 рублей"...

Впослѣдствіи Алексѣй Разумовъ завѣдывалъ отдѣломъ академической типографіи, который назывался нѣкоторое время „новою типографіею". Что же касается до Самсона Волкова, то въ 1764 году его произвели въ переводчики съ жалованьемъ по 200 руб. въ годъ. Онъ былъ отправленъ въ 1765 году въ Москву при Миллерѣ, но вскорѣ оттуда вернулся для исполненія прежней своей обязанности переводчика.

Въ первый годъ существованія „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" въ серьёзныхъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ протоколахъ академической конференціи иногда попадаются постановленія касательно литературныхъ вопросовъ. Такъ, 12 іюля 1755 года было занесено въ отчетъ о засѣданіи, что рѣшено напечатать въ журналѣ представленную Сумароковымъ Епистолу, въ которой онъ опровергаетъ разсужденіе Тредьяковскаго о древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи, по поводу неправильныхъ объясненій тамъ нѣкоторыхъ стиховъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено на волю Третіаковскому сообщить свой отвѣтъ. 19 іюля послѣдній прочелъ товарищамъ свое возраженіе противъ Сумарокова, но послѣ того опредѣлено было: для прекращенія дальнѣйшихъ распрей запретить и Епистолу и отвѣтъ на нее. Впрочемъ, въ августовской книжкѣ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" (стр. 147—148) явилась Епистола Сумарокова съ нѣкоторыми выходками противъ плохого стихотворца. Такъ въ ней говорилось.

Звонъ стопъ блюсти, слова на риому прибирать
Искусство малое и дѣло не пречудно:
А стихотворцемъ быть есть дѣло не безтрудно.
Набрать любовныхъ словъ на новый минаветъ,
Которой кто-нибудь удачно пропоетъ,
Нѣтъ хитрости тому, кто грамотѣ умѣетъ...
. . . .
Худой творецъ стихомъ себя не прославляетъ,
На риомахъ онъ свое безумство изъявляетъ!...

Въ протоколѣ 4 октября Миллеръ записалъ, во-первыхъ, что за разногласіемъ академиковъ представлены были на усмотрѣніе президента Академіи Наукъ стихи Сумарокова (идиллія и пр.) и басня Тредьяковскаго. Первые графъ Разумовскій велѣлъ потомъ напечатать въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“; во-вторыхъ, что о баснѣ Тредьяковскаго ни запрещенія ни разрѣшенія отъ президента не послѣдовало, а такъ какъ въ ней есть жесткія выходки противъ русскихъ поэтовъ, которые, по малочисленности своей, всѣ могли счесть это себѣ за оскорбленіе, то принято за лучшее не пропускать басни въ печати. При подписаніи этого протокола Тредьяковскій протестовалъ, утверждая, что никакого разногласія членовъ не было*) и что Миллеръ не пропускаетъ басни самовольно, а онъ, Тредьяковскій, не признаетъ его власти надъ собою**).

Послѣ такого протеста Тредьяковскій не счелъ нужнымъ распространяться далѣе въ академической конференціи о своихъ раздорахъ съ Сумароковымъ и придумалъ иной способъ отметить ему. 13 октября 1755 года Тредьяковскій подалъ доношеніе въ Синодъ. „Читая сентябрьскую книжку „Ежемѣсячныхъ сочиненій“ сего 1755 года, нашелъ я, именованный —писалъ онъ въ доношеніи —въ ней оды духовныя, сочиненныя г. полковникомъ Александромъ Петровымъ сыномъ Сумароковымъ, между которыми и оду, надписанную изъ псалма 106-го: а въ ней увидѣлъ, что она съ осмыя строфы по первую на десять включительно говоритъ отъ себя, а не изъ псаломника о безконечности вселенныя и дѣйствитель-

---

*) Nullus est dissensus collegarum, писалъ своеручно Тредьяковскій, qui gratis asseritur hic.

**) Haec Mullerus, продолжаетъ онъ же, suo facit arbitratu, cum illustrissimus Praeses neque ait, neque negat, et Collegae tantum suspenderunt suum judicium, non vero disseserunt a reliquis. sed ego Mulleri potestatem non agnosco.

номъ множествѣ міровъ, а не о возможномъ по всемогуществу Божію. И понеже „Ежемѣсячныя книжки" обращаются многихъ читателей руками, изъ которыхъ иные могутъ и въ соблазнъ притти; того ради по ревности и вѣрѣ моей истинному слову Божію, въ Священномъ Писаніи вѣщающему, о такой помянутыя оды лжи на Псаломника покорнѣйше доносся извѣщаю"... При доношеніи приложено было пространное изъясненіе, оканчивавшееся такимъ образомъ: „Но какъ то ни есть; только жъ въ псалмѣ 106-мъ не упоминается нижé о возможномъ множествѣ міровъ, а толь меньше еще о дѣйствительной безконечности вселенныя; но токмо изъясняется въ немъ Промыслъ Божій, наводящій на человѣковъ разныя искушенія, и подвергающій ихъ различнымъ бѣдствіямъ, дабы они прибѣгали къ нему, взывали его и боялись, да и прославляли милость его и щедроту".

Надобно думать, что этотъ поступокъ Тредьяковскаго скоро сдѣлался извѣстнымъ Сумарокову, потому что онъ прислалъ 1 ноября 1755 года бумагу въ академическое собраніе, въ которой было много яростныхъ выходокъ противъ Тредьяковскаго и просьба о недопущеніи его судить на будущее время произведенія разсерженнаго поэта*).

На нѣкоторое время Синодъ оставилъ заявленіе Тредіаковскаго безъ послѣдствій, и только 24 декабря слѣдующаго 1756 года отнесся въ академическую канцелярію съ бумагою слѣдующаго содержанія:

„Усмотрѣно, что между выходящими изъ оной Академіи „Ежемѣсячными примѣчаніями" (sic) включено въ сочиненія „О величествѣ Божіи размышленія", а кто оныхъ переводитель и съ какого автора, то неизвѣстно... того ради... послать... указъ, чтобъ о таковомъ сочиненіи съ каковаго оное автора и кѣмъ именно переводится, дано было изъ оной Академіи знать письменно; при чемъ и самой той книги, изъ которой оное сочиненіе переводится, оригиналъ немедленно взнесть къ разсмотрѣнію святѣйшему синоду"... На запросъ

*) Въ протоколѣ 1 ноября 1755 года: „A Tribuno Sumarokowio scriptum in conventum missum, quo multa contra Trediakowium acerbe dicta continentur et rogantur socii, ne Trediakowio imposterum licitum sit de scriptis Sumarokowii judicare. Rem hanc Excel. atque Illust. Praesidi proponere et ejus voluntatem exquirere decretum est".

сдѣланный по этому поводу Миллеру, онъ отвѣчалъ, что переводчикомъ статьи, обратившей на себя вниманіе сказаннаго учрежденія, былъ подпрапорщикъ шляхетскаго кадетскаго корпуса Семенъ Порошинъ*) и что онъ переводилъ ту статью изъ собственной своей книги „Увеселеніе разума“, „которая и нынѣ, прибавилъ Миллеръ, въ заключеніи, находится у него и того для въ канцелярію внесена мною быть не можетъ.

Въ недавно обнародованномъ докладѣ, представленномъ императрицѣ Елизаветѣ въ декабрѣ 1766 года, разъясняется, что запросъ о переводчикѣ и подлинникѣ переведенной имъ статьи сдѣланъ былъ не въ видахъ удовлетворенія библіографической любознательности, но съ другими, болѣе серьезными побужденіями. „Понеже усматриваемъ, говорилось въ докладѣ, что въ ежемѣсячныхъ, изъ санктпетербургской Академіи выходящихъ, примѣчаніяхъ не токмо много честнымъ правамъ и житію христіанскому, но и вѣрѣ святой противнаго имѣется, особенно нѣкоторые и переводы и сочиненія находятся, многіе, а индѣ и безчисленные міры быти утверждающіе, что́ и Св. Писанію, и вѣрѣ христіанской крайне противно есть, и многимъ неутвержденнымъ душамъ причину къ натуралѣзму (sic) и безбожію подаетъ, того ради всеподданнѣйше о семъ донося, падши къ стопамъ вашего императорскаго величества“... Далѣе слѣдуетъ прошеніе во-первыхъ о запрещеніи во всей Россіи писать и печатать о множествѣ міровъ, а во-вторыхъ конфисковать какъ „Ежемѣсячныя Сочиненія“, такъ и переводъ князя Кантемира сочиненія Фонтенелля о множествѣ міровъ. Докладъ этотъ остался безъ послѣдствій: по голословности ли обвиненія въ невѣріи и безнравственности „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, или мысль о множествѣ міровъ сдѣлалась болѣе извѣстною въ Россіи второй половины XVIII столѣтія, или же, наконецъ, вліяніе президента Академіи Наукъ, графа К. А.

*) Нѣкоторые изъ переводовъ Порошина подписаны въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ буквами С. П. Въ ноябрѣ 1755 г., стр. 432–440: „Благополучие человѣческое зависитъ не отъ мѣста“; въ декабрѣ 1756 года: „О пользѣ упражненія въ благородныхъ художествахъ и въ наукахъ для приведенія умныя силы въ порядокъ“, на стр. 503—514. По свидѣтельству Миллера въ 1757 г. ему принадлежатъ: февраль, стр. 126—151: „Письмо о порядкахъ въ обученіи наукъ“; мартъ, стр. 266—282: „Письмо, въ которомъ сравнивается Александръ Великій съ Карломъ XII“; ноябрь, стр. 475—477. „Послѣднее письмо“ изъ Гольберга и стр. 479, 478. „Средства къ сохраненію здравія служащія“.

Разумовскаго было настолько сильно, чтобы предотвратить подобные навѣты — объ этомъ не сохранилось никакихъ современныхъ извѣстій.

Начало дѣятельности Ломоносова, какъ члена академической канцеляріи (1 марта 1757 г.), ознаменовалось цензурною мѣрою противъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“. Для мартовской книжки журнала набиралась статья бывшаго академическаго, а тогда синодальнаго переводчика, Григорія Полетики*): „О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи“, и Миллеръ 7 марта 1757 года просилъ о напечатаніи 100 отдѣльныхъ оттисковъ ея въ вознагражденіе автора.

8 марта академическая канцелярія вытребовала къ себѣ эту статью Полетики. Въ тотъ же день Миллеръ представилъ туда на предварительное разсмотрѣніе эпиграмму Сумарокова.

Ты туфли обругалъ....

Въ бытность въ Петербургѣ президента, если являлись, по словамъ Миллера, „нѣкоторыя сумнительства“, то они обыкновенно разрѣшались графомъ Разумовскимъ; но такъ какъ въ описываемое время послѣдняго не было въ столицѣ,

---

*) Въ Академіи Наукъ были почти одновременно два Григорія Полетики, сыновья значковаго товарища лубенскаго полка. Одинъ изъ нихъ, воспитывавшійся въ Кіевской духовной академіи и знавшій языки греческій, еврейскій, латинскій и нѣмецкій (послѣднему учился у извѣстнаго законоучителя Екатерины II Симона Тодорскаго), поступилъ въ Академію переводчикомъ 1 августа 1746 года, а уволенъ изъ нея 13 февраля 1748 года (Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 103, 113). Въ 1757 году, по словамъ Миллера, онъ былъ коллежскимъ асессоромъ и переводилъ статьи съ греческаго языка въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“, іюнь, стр. 483—557 „Аристотеля о гражданскомъ учрежденіи книга II“ и ноябрь, стр. 431—445 „Описаніе человѣческихъ нравовъ“ изъ Аристотелевой риторики (Архивъ академической канцеляріи, книга № 223). Этотъ самый Полетика написалъ статью, которая была запрещена Ломоносовымъ. Другой Полетика съ 1745 по 1750 годъ учился въ Кіевской и Московской духовныхъ академіяхъ, а въ послѣднемъ году принятъ въ студенты при Академіи Наукъ, гдѣ и находился до марта 1755 г., а тогда переведенъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ для переводовъ съ латинскаго и польскаго языковъ. Онъ также переводилъ для „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“: такъ, напримѣръ, тамъ въ февральской книжкѣ, на стр. 121—157 есть его переводъ съ латинскаго: „Рѣчь о пользѣ ученыхъ“, съ полною подписью его званія и прозванія.

то редакторъ испрашивалъ на помѣщеніе стиховъ Сумарокова дозволенія канцеляріи. Эта, не давая положительнаго отвѣта, сослалась только на тѣ ограниченія, о которыхъ говорилось въ предисловіи къ „Ежемѣсячнымъ Сочиненіямъ“ относительно помѣщенія критическихъ статей. Миллеръ этимъ не удовлетворился и требовалъ болѣе яснаго отвѣта.

Между тѣмъ Ломоносовъ, 11 марта, объявилъ Миллеру на словахъ, что статью Полетики „печатать непристойно понеже въ оной съ X вѣка послѣ Рождества Христова до XVII вѣкъ ни о какихъ школахъ въ Россіи не упомянуто, а были-де еще при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ архитекторы, выписанные изъ Италіи; а при царѣ Иванѣ Васильевичѣ зачалась-де типографія; что́-де все надлежало было описать, и упомянуто-де только о кіевскихъ школахъ, а не о московскихъ. Чего ради надлежитъ-де мнѣ, прибавляетъ Миллеръ, сію піесу выкинуть изъ „Ежемѣсячныхъ сочиненій“ и на то мѣсто взнесть что-нибудь другое“... Миллеръ затѣмъ такъ возражалъ противъ этого: „Когда ни въ какихъ лѣтописяхъ, ниже́ въ другихъ извѣстіяхъ, которыя г. сочинитель къ сему своему сочиненію употребилъ, какъ я подлинно увѣренъ, не упоминается о школахъ, въ то время бывшихъ, то и того отъ него, г. сочинителя, требовать не можно. Иное есть архитектура, или практика архитектурная, иное архитектурная школа. Были-де при великихъ князьяхъ московскихъ и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и медики, токмо не было медицинской школы“... Наконецъ, Миллеръ, опираясь на первоначальное опредѣленіе президента, что журналъ долженъ издаваться безъ вмѣшательства канцеляріи, отстаивалъ свое право помѣщать въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ статьи по своему усмотрѣнію. Впрочемъ доводы Миллера не убѣдили канцелярію, и 13 марта онъ получилъ оттуда ордеръ, рѣшительно запрещавшій печатать въ журналѣ и статью Полетики и эпиграмму Сумарокова. Вмѣстѣ съ тѣмъ было представлено президенту Академіи Наукъ о Миллерѣ, какъ объ ослушникѣ его приказаній и вообще человѣкѣ самомъ безпокойномъ. Исторіографъ, съ своей стороны, писалъ къ графу Разумовскому: „Моя привязанность къ „Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ“ и стараніе не выказывать публикѣ наши внутренніе раздоры заставляютъ меня на этотъ разъ подчиниться приказаніямъ г. Ломоносова; но умоляю ваше сіятельство

помочь въ этомъ дѣлѣ въ возможной скорости, иначе мнѣ будетъ не возможно продолжать мой трудъ“...

Въ настоящихъ пререканіяхъ графъ Разумовскій принялъ сторону Ломоносова: статья Полетики была признана наполненною „многими непристойностями“: а Миллеру сдѣлано внушеніе о бытіи въ полномъ подчиненіи канцеляріи.

Слѣдствіемъ этого же событія было распоряженіе отъ академической канцеляріи, чтобы Миллеръ представлялъ туда заблаговременно списокъ авторовъ и ихъ статей, которыя предназначались для каждой вновь выходившей книжки. Вопреки опредѣленію, Миллеръ доставлялъ такія извѣстія по выходѣ уже книжки въ свѣтъ, за что академическая канцелярія и сдѣлала ему выговоръ въ ордерѣ 2 іюня 1757 года, на который Миллеръ возразилъ, что онъ не въ состояніи выполнять такого распоряженія: ...„Каждый мѣсяцъ долженъ состоять изъ шести листовъ печатныхъ, то весьма невозможно знать напередъ, сколько какихъ пьесъ, разными руками писанныхъ, на оныхъ шести листахъ вмѣстится. Напримѣръ, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ іюнѣ печатается переводъ Аристотелевой книги о гражданскомъ учрежденіи, а будетъ ли еще сверхъ онаго и сверхъ заключающаго нынѣшную (sic) полугода реестра, какая иная пьеса или нѣтъ, и ежели будетъ, то какая, сіе зависитъ отъ того, сколько мѣста первый переводъ займетъ. Иногда случалось, что присылали ко мнѣ со стороны пьесы и переводы уже въ половинѣ мѣсяца съ прошеніемъ, чтобъ оные внесть еще въ тотъ же мѣсяцъ. И понеже въ томъ отказать было невозможно, то затѣмъ другія, на тотъ мѣсяцъ назначенныя пьесы были оставлены. Иногда приготовлялъ было я матеріи и давалъ оныя переводить, токмо переводы не поспѣли въ надлежащее время“... Печатаніе иныхъ статей замедлялось отъ гравированія слѣдующихъ къ нимъ чертежей. „Сіе находилъ я, заключаетъ Миллеръ, за потребно канцеляріи представить, а ежели она желаетъ знать, напримѣръ, какія пьесы, сочиненія и переводы впредь къ „Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ“ мною приготовлены, оставляя мнѣ, въ какіе мѣсяцы оные располагать буду, то я могу онымъ сообщать реестръ“...

Въ теченіе 1757 года Миллеръ доставлялъ исправно требованныя отъ него канцеляріею извѣстія, и, благодаря этому обстоятельству, теперь мы знаемъ всѣхъ сотрудниковъ „Еже-

мѣсячныхъ Сочиненій" за тотъ годъ, даже и тѣхъ изъ нихъ, которые не подписывали подъ статьями своихъ именъ*).

13 марта 1759 года академическій совѣтникъ Тауберг, требовалъ отъ Миллера объясненія по поводу анонимныхъ

*) Свѣдѣнія, выше сообщенныя о сотрудничествѣ въ журналѣ академическихъ переводчиковъ Голубцова и Лебедева, также С. Порошина и Полетики, заимствованы изъ подобныхъ донесеній Миллера. Кромѣ этихъ лицъ, въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" 1757 года были слѣдующіе анонимные сотрудники: Николай Курганов, впослѣдствіи составитель извѣстнаго Письмовника, мартъ, стр. 245—265, „Разговоръ между Аристомъ и Евгеніемъ о морѣ" съ французскаго языка. Андрей Нартовъ подписывалъ свои статьи буквами А. Н.: но въ апрѣльской книжкѣ, стр 283—286 есть его же, но безъ всякой подписи „Идиллія Инеса", которая, неизвѣстно на какомъ основаніи, помѣщена въ „Сочиненіяхъ" Тредьяковскаго, изд. Смирдина I, стр. 750—753. Въ напечатанномъ недавно доношеніи Тредьяковскаго (см. выше, стр 15—17) онъ указываетъ, что именно напечатано въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" изъ его произведеній, и ни слова не говоритъ объ „Идилліи Инесѣ". Матвѣй Красильниковъ, сенатскій протоколистъ, его переводъ изъ Gesellschaftliche Erhellungen въ апрѣлѣ, стр. 322—328, „Храмъ натуры и щастія. Сонъ". Бакунинъ, ассессоръ камеръ-конторы, апрѣль, стр. 329—344, „Письмо о пользѣ вина", и отвѣтъ на то, безъ указанія, переводъ ли это, или оригинальное сочиненіе. Всѣ статьи Рычкова въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ", какъ анонимныя, такъ и съ подписью, подробно указаны въ изслѣдованіи „Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова", С.-Пб. 1867 года. Капитанъ А. Тепловъ, въ апрѣлѣ, стр. 365—368, перевелъ „Рѣчь Сенекина къ императору Нерону" изъ Тацита. При описаніи оригинальныхъ статей въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" Милютинъ (Современникъ 1851 г. т. XXVI, отд. II, стр. 23 „Очерки русской журналистики") останавливается на статьѣ, подписанной буквами М. П. „Изъ статьи его, говоритъ Милютинъ, видно только, что въ 1760 г. онъ былъ сержантомъ лейбъ гвардіи преображенскаго полка и дворяниномъ нашего посольства въ Константинополѣ. Авторъ ихъ описываетъ тогдашнее состояніе константинопольскаго двора и Турецкой имперіи, нравы и обычаи турокъ, положеніе ихъ промышленности и торговли и т. п. Между прочимъ онъ разсказываетъ объ одномъ происшествіи, будто бы случившемся съ нимъ самимъ, но болѣе похожимъ на романъ, чѣмъ на истинное событіе"... Далѣе Милютинъ высказываетъ догадку: не былъ ли авторомъ статьи Михаилъ Прокудинъ-Горскій? Въ рукописныхъ извѣстіяхъ, которыми пользовался пишущій эти строки, нашлось только слѣдующее свѣдѣніе, относящееся къ автору упомянутой статьи. Ѳ. И. Соймоновъ, въ письмѣ къ Миллеру 23 апрѣля 1764 г., сообщаетъ между прочимъ: „...При семъ прилагаю записки, которыя пріятель мой, будучи дворяниномъ въ Константинополѣ, о достойныхъ примѣчанія вещахъ собралъ. Онъ намѣренъ издать ихъ, если не можно въ одной книгѣ, то хотя бъ и въ „Ежемѣсячныхъ Примѣчаніяхъ" по матеріямъ. И буде онѣ, по усмотрѣнію вашему, достойными найдутся, въ такомъ случаѣ прошу сдѣлать отложеніе и дать мнѣ знать, какимъ образомъ поступить въ томъ, должно"... Въ XXIX портфелѣ писемъ къ Миллеру отъ разныхъ лицъ въ архивѣ академической конференціи.

стиховъ, напечатанныхъ въ честь танцовщицы Сакко (Sakko) въ февральской книжкѣ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ (стр. 191): стихи эти весьма не понравились при дворѣ, и Тауберта нарочно призывали туда, чтобъ узнать объ имени автора ихъ. Миллеръ въ тотъ же день отвѣчалъ Тауберту, что и по его мнѣнію стихи также непристойны, если Сакко дѣйствительно находится танцовщицею на придворномъ театрѣ въ Петербургѣ. „Такъ какъ я, писалъ притомъ исторіографъ, вѣчно сидѣвшій за своимъ рабочимъ столомъ, не посѣщаю здѣшняго итальянскаго театра и никогда не слыхивалъ имени Сакко, то и предполагалъ, что эта госпожа принадлежитъ къ итальянскому театру въ Парижѣ, и что, слѣдовательно, стихи не оригинальные, а переведены съ французскаго. Поэтому-то я нисколько и не затруднялся въ помѣщеніи ихъ въ журналѣ“. Далѣе изъ словъ Миллера видно, что стихотвореніе напечатано вслѣдствіе просьбы академика Попова и принадлежало, какъ извѣстно было Миллеру по слуху, перу гвардейскаго унтеръ-офицера Ржевскаго.

Этотъ случай побудилъ академическую канцелярію къ составленію слѣдующаго опредѣленія: „Понеже въ академическихъ сочиненіяхъ февраля мѣсяца сего 1759 года внесены нѣкоторые стихи неприличные, почему и листъ тотъ перепечатанъ, того ради приказали: прежде отдачи въ станы, какая бъ о чемъ матерія ни была, первые листы или послѣдніе корректуры, для вѣдѣнія гг. присутствующихъ, вносить въ канцелярію“.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ уцѣлѣло это стихотвореніе. Помѣщаю его здѣсь, чтобы вѣрнѣе судить о помянутомъ распоряженіи:

Сонетъ или мадригалъ

Либерѣ Сакѣ, актрицѣ итальянскаго вольнаго театра.

Когда ты, Либера, что въ драмѣ представляешь,
Въ часы тѣ, что къ тебѣ приходитъ плескъ во уши,
Отъ зрителей себѣ то знáкомъ принимаешь,
Что въ нихъ ты красотой зажгла сердцà и души.

Довольное число талантовъ истощила
Натура для тебя, какъ ты на свѣтъ рождалась.
Она тебя она, о Сако! наградила,
Чтобы на всѣ глазà пріятною казалась

Небеснымъ пламенемъ глаза твои блистаютъ,
Тѣнь нѣжною лица черты намъ представляютъ,
Прелестенъ взоръ очей, осанка несравненна

Хоть нѣкихъ дамъ языкъ клевещетъ тя хулою,
Но служитъ зависть ихъ тебѣ лишь похвалою:
Ты истинно плѣнять сердца на свѣтъ рожденна.

Надобно думать, что послѣдніе три стиха болѣе всего возбудили то недовольство, о которомъ писалъ Таубертъ Миллеру.

Въ „Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи" Ломоносовъ, между прочимъ, укоряетъ Миллера за помѣщеніе въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" непріятной для него статьи Тредьяковскаго „О мозаикѣ": „Сіи ругательства*) дѣлу, для отечества славному, отъ кого произошли видно, что при концѣ онаго сочиненія стоятъ буквы В. Т.; собираетъ сочиненія профессоръ Миллеръ; печатаетъ Таубертъ. Одному Ломоносова стихотворство, другому его исторія, третьему — обое, а паче всего въ канцеляріи товарищество противно"... Ломоносовъ это писалъ на память, которая ему измѣняла: въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" помянутой статьи не было напечатано, и она явилась въ „Трудолюбивой Пчелѣ" Сумарокова, на что Ломоносовъ и жаловался, 8 іюля 1759 года, Ивану Ивановичу Шувалову: „Въ Трудолюбивой такъ называемой Пчелѣ напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тр. совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостію, чтобы моему раченію сдѣлать помѣшательство. Здѣсь видѣть можно цѣлой комплотъ: Тр. сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ „Пчелу", Т(аубертъ)... далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую".

По свидѣтельству Ломоносова, Миллеръ получилъ выговоръ отъ конференціи при дворѣ императрицы Елизаветы

---

*) Въ небольшой статейкѣ „О мозаикѣ" Тредьяковскій распространяется исключительно о томъ, откуда произошло это слово, также о различныхъ родахъ мозаики и о финифти. Въ концѣ же замѣчено: „Живопись, производимая малеваніемъ, весьма превосходнѣе мозаичныя живописи, по разсужденію славнаго въ ученомъ свѣтѣ автора, ибо невозможно, говоритъ онъ, подражать совершенно камешками и стеклышками всѣмъ красотамъ и пріятностямъ, изображеннымъ отъ искусныя кисточки на картинѣ изъ масла, или на стѣнѣ такъ называемою фреско, изъ воды по сырой извести". Этими словами и кончается статейка (Трудолюбивая Пчела Сумарокова, 1759 г., стр. 353—360)

около ноября 1760 года „за важныя политическія ошибки, ежели ошибками назвать можно“, прибавляетъ Ломоносовъ. Дѣло касалось статьи, помѣщенной въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ (май 1760 года, стр. 387 и слѣд.), подъ заглавіемъ „Извѣстія о запорожскихъ казакахъ“, и здѣсь потому одинъ листъ былъ перепечатанъ и нѣсколько словъ исключены.

„Иностранная коллегія, продолжаетъ Ломоносовъ далѣе, и безъ того затрудненіе имѣетъ отвѣтствовать о побѣгахъ изъ Запорожья. Въ іюлѣ мѣсяцѣ (Ежемѣсячныхъ) Сочиненій прошлаго 1760 году, стр... въ примѣчаніи андреевскихъ казаковъ Персіи присвояетъ, на что въ иностранной коллегіи негодуютъ“... Говоря такимъ образомъ, Ломоносовъ имѣлъ въ виду „Извѣстіе о находящихся съ западной стороны Каспійскаго моря между Астраханью и рѣкою Куромъ народахъ и земляхъ и о ихъ состояніи въ 1728 году“. Здѣсь на стр. 41, 42 говорится объ андреевскихъ казакахъ, какъ состоящихъ подъ владѣніемъ князя Ендемира.

„Не токмо въ „Ежемѣсячныхъ“, но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, утверждаетъ наконецъ Ломоносовъ, вплетаетъ по обычаю своему занозливыя рѣчи. Напримѣръ, описывая чувашу, не могъ пройти, чтобы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть россійскимъ жителямъ. Онъ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ россійскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія. Ясное и весьма досадительное доказательство сего моего примѣчанія, что Миллеръ пишетъ и печатаетъ на нѣмецкомъ языкѣ смутныя времена Годунова и Разстригины — самую мрачную часть россійской исторіи, изъ чего иностранные народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славѣ. Или нѣтъ другихъ извѣстій и дѣлъ россійскихъ, гдѣ бы по послѣдней мѣрѣ и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было?“

Дѣйствительно, въ V части Sammlung Russischer Geschichte, напечатанной въ 1760 году, Миллеръ помѣстилъ Versuch einer neueren Geschichte von Russland, который по-русски началъ являться въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1761 года, подъ заглавіемъ „Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи“. Въ предисловіи къ нему самъ Миллеръ сознавался, что эпоха, имъ избранная для описанія, исполнена внутреннихъ безпокойствъ, а потому не заключаетъ въ себѣ того, что заслужило бы похвалы въ потомствѣ. „Но, продолжаетъ Миллеръ, есть ли

такая земля, либо государство, которое бы не имѣло своихъ неблагополучныхъ временъ и въ коемъ бы не перемѣнялись счастіе и несчастіе, сила и слабость, завоеванія и опустошенія? Исторія государствъ уподобляется картинѣ, имѣющей тѣнь, которая потребна къ тому, дабы ясность и превосходство чрезъ то казались великолѣпнѣе... Но есть и другая причина, побудившая меня, чтобъ положить начало съ сего времени при изданіи россійской исторіи... Г. Татищеву соизволилось сочиненную имъ исторію прекратить кончиною царя Θеодора Ивановича, яко послѣдняго изъ варяжскаго колѣна: того ради почелъ я за справедливое начать съ того времени, гдѣ онъ свой трудъ окончилъ, для приведенія въ нѣкоторое совершенство всея россійской исторіи“...[1]).

Изъ слѣдующаго письма Миллера отъ 20 апрѣля 1761 года къ извѣстному конференцъ-секретарю Дмитрію Васильевичу Волкову оказывается, что, вслѣдъ за Ломоносовымъ, и „Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи“ обратилъ вниманіе и высшее правительство.

„Ваше высокородіе изволили г. совѣтнику Тауберту объявить, что отъ гг. конференцъ-министровъ вамъ поручено за нѣкоторыя, въ моихъ сочиненіяхъ о россійской исторіи находящіяся непристойности дать мнѣ жестокій выговоръ съ приказаніемъ, чтобъ впредь такія сумнѣнія отъ меня напечатаны не были. Слышавъ сіе, прибѣжалъ я къ вамъ вчерашняго числа, а не заставъ дома, не могу себя успокоить, пока либо персонально, либо симъ писаніемъ вашего высокородія не увѣрю, что со всякимъ повиновеніемъ я готовъ принять напоминанія въ чемъ можетъ быть я погрѣшилъ, и ничего больше не желаю, какъ дабы мои сочиненія могли заслужить вашу апробацію, которую я почитаю весьма высоко[2])“.

---

1) Извѣстно, что Татищевъ хотѣлъ окончить свою исторію 1613 годомъ по тому уваженію, что „явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые, если писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оные — погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на сущихъ обратить, еже было съ совѣстію несогласно, того ради оное оставило инымъ для сочиненія...“ Исторія россійская, кн. 1, часть I, стр. XXII.

2) Бѣдный историкъ! Это письмо чрезвычайно характеризуетъ отношенія ученыхъ къ секретарямъ въ Россіи прошлаго столѣтія.

„Что надлежитъ до Опыта новѣйшей исторіи о Россіи, то я думалъ, что оный сочиненъ съ крайнею осторожностью: всѣ листы прежде печатанія были разсмотрѣны господами членами академической канцеляріи, а что ими было примѣчено, якобы что можетъ подвержено быть критикѣ, оное я перемѣнилъ и исправилъ. Но понеже со всякою осторожностію ошибиться можно, то вашего высокородія покорнѣйше прошу, чтобъ соизволили мнѣ объявить тѣ мѣста, въ которыхъ я погрѣшилъ и писалъ непристойно, дабы я впредь отъ такихъ же погрѣшностей остерегаться могъ. Сія частица россійской исторіи для того названа мною Опытомъ, что я не намѣренъ былъ продолжать далѣе, пока не слышу (sic), каково она принята будетъ отъ публики и пока не получу приказа, такимъ ли образомъ продолжать или инымъ. Токмо я желалъ бы, чтобъ продолжалася до кончины царя Бориса Годунова, что̀ уже и напечатано на апрѣль мѣсяцъ, токмо еще не публиковано; чего ради вашему высокородію тѣ печатные листы сообщаю, прося васъ, чтобъ соизволили, прочитавъ, приказать Академіи, публиковать ли оные и тѣмъ окончить исторію царя Бориса, или нѣтъ. Если усмотрите во оныхъ нѣчто, поправленію подлежащее, то сіе легко исправиться можетъ. А впрочемъ вашего высокородія проницательному разсужденію всѣ свои сочиненія охотно я повергаю и покорнѣйше прошу, чтобъ вы соизволили принять на себя трудъ прочесть мои историческія пьесы прежде напечатанія, тогда я надеженъ буду о всеобщей апробаціи оныхъ, а я во всемъ буду слѣдовать вашимъ наставленіямъ“ и проч.

Въ одномъ черновомъ письмѣ къ Рычкову Миллеръ сообщалъ было ему объ одномъ человѣкѣ, который всегда желалъ его погибели и добился-таки, что Миллеръ не смѣетъ далѣе продолжать новой русской исторіи. Осторожный исторіографъ вычеркнулъ потомъ изъ письма это мѣсто, и Рычковъ, оставаясь въ невѣдѣніи о запрещеніи, постигшемъ „Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи“, писалъ къ Миллеру 9 сентября **1761** года: „желаю, чтобъ ваша новгородская исторія благополучно возымѣла окончаніе. Опытъ новѣйшей исторіи читалъ я со многимъ удовольствіемъ и сожалѣю, что, какъ видно, всего невозможно было вамъ въ публику произвесть. Ежели причину того возможно вамъ мнѣ изъявить, то тѣмъ покажете вы мнѣ особливой знакъ вашея искренности. Я призна-

ваюсь вамъ, какъ другу, что и меня часто отохочиваютъ такія обстоятельства сочинять и посылать къ вамъ то, что мнѣ иногда на мысль приходитъ".

Другой усердный корреспондентъ Миллера и сотрудникъ его журнала, сибирскій губернаторъ Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ, 5 декабря 1761 года, писалъ къ нему изъ Тобольска: „Изъ присланныхъ ко мнѣ „Мѣсячныхъ Примѣчаніевъ" къ первой половинѣ нынѣшняго году усмотрѣлъ я сочиненіе о россійской исторіи, и что оное столь великимъ пространствомъ писано, чему я сердечно порадовался по причинѣ той, что при моемъ екстрактѣ въ предисловіи упомянуто: ежели кто больше или обстоятельнѣе знать пожелаютъ, то могутъ удовольствіе свое получить изъ пространной россійской исторіи. Потому я уже не сомнѣваюся, что такія свои желанія получить могутъ, ежели тѣмъ же порядкомъ и прочее изъяснено вашими трудами будетъ"...

Миллеръ, въ отвѣтъ на это письмо, пославъ томъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" за 1761 годъ, 4 февраля 1762 года увѣдомлялъ: „...Въ ономъ изволите найти сочиненіе ваше о пословицѣ „Сибирь — золотое дно", а совѣтованіе о воеводахъ принужденъ я былъ оставить по разсужденію нѣкотораго знатнаго министра. Извѣстіе о ландкартахъ тутъ же находится на русскомъ языкѣ, да въ первыхъ четырехъ мѣсяцахъ краткая исторія о Новѣгородѣ, которая, уповаю, не меньше вашею апробаціею удостоена будетъ какъ въ первомъ томѣ того жъ года напечатанный Опытъ новѣйшей россійской исторіи. Если бы здѣсь объ ономъ Опытѣ таковожъ благосклонно разсуждали, то бъ я охотно трудился въ продолженіе онаго; но нѣкоторымъ показалося (зачеркнуто: „что я пишу дерзко"), что о приключеніяхъ смутныхъ временъ, за тѣмъ, что не служатъ къ чести, упоминать не должно, и того ради печатаніе продолжать не дозволено было"...

Послѣ 1761 года въ бумагахъ академической канцеляріи не встрѣчается болѣе случаевъ принятія какихъ-либо цензурныхъ мѣръ противъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій". Причину этому едва ли не надобно искать въ томъ особенномъ вниманіи, которымъ удостоивала стараго академика и редактора журнала императрица Екатерина II. Доказательствомъ тому сохранилась слѣдующая записка Миллера къ академическому совѣтнику Тауберту 21 октября 1764 года: „Вчера ввечеру

я получилъ неожиданную милость: ея императорское величество потребовала меня къ себѣ и около часа милостиво разговаривала со мною о разнообразныхъ предметахъ. Между прочимъ она спрашивала меня о продолженіи Sammlung Russischer Geschichte, и узнавъ, что теперь отпечатана IX-я часть, соизволила выразить, что это изданіе, съ самаго восшествія ея на престолъ, къ ней болѣе не доставляется, а потому поручила мнѣ озаботиться, чтобы у ней былъ полный экземпляръ, и на будущее время всякой разъ при выходѣ въ свѣтъ новой части точно представлять ей. Я обѣщалъ передать о томъ вамъ и теперь исполняю это повелѣніе."

Пекарскій.

СОТРУДНИКИ И ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ „ТРУДОЛЮБИВОЙ ПЧЕЛЫ".

Журналъ печатался при Академіи Наукъ, выходилъ каждый мѣсяцъ книжками въ четыре печатныхъ листа и продолжался только одинъ годъ. На второй страницѣ перваго мѣсяца находится слѣдующее посвященіе въ стихахъ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Александра Сумарокова.

Умомъ и красотой и милостью богиня,
О просвѣщенная великая княгиня!
Великій Петръ отверзъ къ наукамъ дверь,
И вводитъ въ ону насъ его премудра дщерь:
Съ Екатериною Петру подобясь нынѣ,
И образецъ дая съ Петромъ Екатеринѣ:
Возвысь сей низкій трудъ примѣрами ея,
И покровительствомъ, Минерва будь моя.

Главными сотрудниками „Трудолюбивой Пчелы" были — Григорій Козицкій, доставившій 16 статей для журнала, изъ которыхъ только одна: „О пользѣ миѳологіи" оригинальная, прочія же всѣ переведены съ греческаго и латинскаго языковъ; Николай Мотонисъ, написавшій статью „О двухъ главныхъ добродѣтеляхъ, необходимыхъ историку": другія его статьи — также переводы изъ Максима Тирскаго, Эразма Роттердамскаго, Іерокла и Мурета. Полетика помѣстилъ переводную статью о томъ, „что въ ученіи спѣшить не должно". Андрей Нартовъ, Иванъ Дмитревскій, Аѳанасій Лабмевичъ и другіе также печатали въ „Пчелѣ" свои переводы. По части

стихотворства помѣщались элегіи Алексѣя Ржевскаго, Семена и Василія Нарышкиныхъ, Александра Аблесимова; стихи, встрѣчающіеся въ журналѣ, вообще не замѣчательны, и одно изъ стихотвореній принадлежитъ перу Катерины Сумароковой, дочери издателя „Пчелы“. Наконецъ, Тредьяковскій помѣстилъ замѣчательную свою статью „О мозаикѣ“ и одинъ сонетъ.

По душою своего журнала, безъ сомнѣнія, былъ самъ неутомимый Сумароковъ; обладая огромнымъ самолюбіемъ, онъ не терпѣлъ совмѣстничества на литературномъ поприщѣ. Желая вездѣ быть первымъ, онъ брался за все безъ исключенія: сочинялъ статьи историческія, историко-филологическія, драмы, комедіи и трагедіи; перу его принадлежитъ также множество различныхъ стихотвореній, какъ-то: одъ, элегіи, эклогъ, басенъ, пѣсенъ и эпиграммъ. Но что, повторяемъ, главнымъ образомъ поддерживало и оживляло слабый вообще журналъ съ его скучными переводами и незначительными стихотвореніями, придавая ему современный интересъ, то это безспорно прозаическія статьи Сумарокова, направленныя противъ ябеды и лихоимства тогдашнихъ судей и подьячихъ, съ которыми онъ постоянно ссорился. Чутко слѣдя за явленіями общественной жизни, возмущавшими его своимъ безобразіемъ и уродливостію, умный писатель находилъ въ нихъ обильную пищу для ѣдкаго сарказма; но въ то же время сильно возбужденное негодованіе выливалось часто изъ-подъ пера его желчною, а иногда неумѣренною и дикою бранью. Несмотря на то, статьи его являлись чѣмъ-то живымъ между мертвыми, утомительными переводами сотрудниковъ, изъ которыхъ, впрочемъ, переводы Козицкаго отличались правильностію языка и знаніемъ подлинниковъ[1]).

Для нѣкотораго понятія о „Трудолюбивой Пчелѣ“, одномъ изъ первыхъ русскихъ журналовъ, не излишне будетъ указать на самыя замѣчательныя статьи, принадлежащія ея издателю. Въ январской книжкѣ слѣдуетъ замѣтить слѣдующія: „О первоначаліи и созиданіи Москвы“ и „О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка“; вторая замѣчательна тѣмъ, что въ ней Сумароковъ порицаетъ введеніе иностранныхъ словъ въ русскій языкъ, и она начинается такъ: „Восприятіе чужихъ словъ, и особливо безъ необходимости, есть не обо-

---

1) См. „Сумароковъ, Булича“ стр. 178, 179 и 185.

гащеніе, но порча языка". Въ другомъ мѣстѣ той же статьи онъ, между прочимъ, говоритъ: „странны чужія слова въ разговорахъ, въ письмѣ еще страннѣе, а въ печати и того страннѣе. Что скажетъ потомство?" — Въ февральской книжкѣ: „О коренныхъ словахъ русскаго языка". Здѣсь авторъ занялся происхожденіемъ русскихъ словъ „отъ разныхъ сыносьихъ языковъ, также нѣмецкаго": филологическія его наблюденія мѣстами довольно любопытны. Въ апрѣльской: „Истолкованіе личныхъ мѣстоименій: статья замѣчательная, содержащая сатиру на себялюбіе; не лишены также интереса двѣ статьи: „О разности между пылкимъ и острымъ разумомъ", и „О неестественности". Въ майской книжкѣ, исключительно состоящей изъ произведеній Сумарокова, замѣчательна: „Къ типографскимъ наборщикамъ". Эта статья содержитъ въ себѣ просьбу его, чтобы они, когда набираютъ его сочиненія, не ставили бы нигдѣ силъ; означенная статья не была окончена, но и въ началѣ ея, помѣщенномъ въ „Пчелѣ", авторъ не могъ не задѣть не любимыхъ имъ подьячихъ. Затѣмъ „Епистола къ неправеднымъ судіямъ". Въ октябрьской книжкѣ: „Письмо", состоящее изъ басни, въ которой разсказывается, какъ утѣсненная Истина жалуется Юпитеру на приказныхъ служителей и молитъ его о ихъ истребленіи. Въ ноябрѣ напечатаны „письма:" 1) „О нѣкоторой заразительной болѣзни"; 2) „О думномъ дьякѣ, который съ меня взялъ пятьдесятъ рублевъ"; 3) „Къ подьячему, писцу или писарю, то-есть къ таковому человѣку, который пишетъ, не зная того, что онъ пишетъ". Во всѣхъ трехъ письмахъ сатира на подьячихъ. — Наконецъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ помѣщено любопытное письмо, подписанное буквою К., „Къ издателю Трудолюбивой Пчелы", въ которомъ неизвѣстный благодаритъ его отъ имени всѣхъ любящихъ словесныя науки, и особливо россійскій языкъ, „который", говоритъ авторъ письма, „вы силу и красоту въ разныхъ вашихъ сочиненіяхъ открыли"; далѣе анонимъ признаетъ Сумарокова установителемъ театра, относится съ особенною похвалою къ статьямъ „Пчелы", заключающимъ въ себѣ выходки противъ неправосудія и лихоимства и желаетъ, чтобы всѣ правоучительныя сочиненія издателя журнала имѣли успѣхъ равный драматическимъ его произведеніямъ: „особливо тѣ", говоритъ авторъ письма, „гдѣ вы въ вашихъ періодическихъ изданіяхъ говорите о лихоимствѣ — вреднѣй-

шемъ злѣ государства. Вы имѣли даръ возбудить и умножить омерзѣніе честныхъ людей къ сему злѣйшему пороку". Затѣмъ слѣдуетъ статья „О копиистахъ", также жестокая и ѣдкая выходка противъ подьячихъ; здѣсь Сумароковъ разсказываетъ слѣдующее: „Озлобленный мною родъ подьяческій, которымъ вся Россія озлоблена, извергъ на меня самаго безграмотнаго изъ себя подьячаго, и самаго скареднаго крючкотворца. Претворился скаредъ сей въ клопа и всползъ на Геликонъ, ввернулся подъ одежду Мельпомены и грызетъ прекрасное тѣло ея; и хотя грызеніе такой малой твари ей и сносно, но духъ, который ея животное испускаетъ, ей несносенъ". Здѣсь ясно виденъ намекъ, высказанный на личность, современную Сумарокову, подвизавшуюся также на одномъ съ нимъ поприщѣ; но нельзя положительно опредѣлить, кого разумѣлъ онъ подъ безграмотнымъ крючкотворцемъ, превратившимся въ клопа и кусавшаго Мельпомену! Въ статьѣ „Къ несмысленнымъ рифмотворцамъ" Сумароковъ, между прочимъ, говоритъ, что „худые стихотворцы паче всего портятъ нашъ языкъ". Послѣдняя книжка „Пчелы" оканчивается стихотвореніемъ: „Разставаніе съ музами", подъ этими стихами подписано: „Трудолюбивой Пчелѣ конецъ". Вотъ эти стихи:

Для множества причинъ
Противно имя мнѣ писателя и чинъ;
Съ Парнасса нисхожу, схожу противу воли,
Во время пущаго я жара моего,
И не взойду, по смерть, я больше на него.
Судьбы моей то доля.
Прощайте, музы, навсегда!
Я болѣе писать не буду никогда.

Губерти.

ОТНОШЕНІЕ СУМАРОКОВА, КАКЪ РЕДАКТОРА „ТРУДОЛЮБИВОЙ ПЧЕЛЫ", КЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ И ПРЕКРАЩЕНІЕ ЖУРНАЛА.

Мы бросимъ взглядъ на самую живую и самую плодоносную сторону дѣятельности Сумарокова, которая осталась не безслѣдною въ нашей литературѣ и породила впослѣдствіи времени цѣлую семью ежемѣсячниковъ, еженедѣльниковъ и ежедневниковъ. Мы говоримъ о его журнальной дѣятельности.

За его „Пчелою", какъ за маткою, полетѣли „Трутни" и другіе старые журналы. Было что-то живое въ этомъ забытомъ нами литературномъ движеніи. Молодыя силы кипѣли и порывались къ дѣятельности. Здѣсь Сумароковъ стоялъ лицомъ къ лицу съ современностью, и здѣсь вполнѣ открывается намъ его натура. Здѣсь Сумароковъ является намъ и моралистомъ, и сатирикомъ, и литературнымъ критикомъ, но вездѣ живымъ и дѣятельнымъ. Душу журнала составляли прозаическія статьи самого издателя, полныя сатирическихъ выходокъ, почему онъ и нравился публикѣ. Сумароковъ напечаталъ письмо, подписанное буквою К., гдѣ нѣкто отъ имени „нѣкотораго общества, которыхъ благородныя мысли отвѣтствуютъ знатности ихъ и благорожденію", благодаритъ издателя за статьи „Трудолюбивой Пчелы", гдѣ говорится о лихоимствѣ, вреднѣйшемъ злѣ государства. Подобныя статьи только и придавали значеніе журналу.

„Трудолюбивая Пчела" издавалась одинъ годъ и прекратилась съ окончаніемъ его. У Сумарокова было приготовлено много статей для будущаго года, чтò доказывается тѣмъ, что въ 1760 году онъ помѣщалъ много стиховъ своихъ и нѣсколько сатирическихъ статей въ прозѣ въ журналѣ „Праздное Время", издававшемся при Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. У Сумарокова вскорѣ послѣ начала изданія были непріятности съ его академическимъ цензоромъ Поповымъ. Академія, очевидно, притѣсняла журналъ, и Ломоносовъ, какъ извѣстно, не малое принималъ въ этомъ участіе. Причину непріязненныхъ отношеній издателя къ Академіи надобно объяснять чисто матеріально. Когда въ 1758 году Сумароковъ представилъ Академіи планъ своего журнала и хлопоталъ о напечатаніи его въ академической типографіи, то въ журналѣ академической канцеляріи помѣщена была справка, изъ которой оказалось, что Сумароковъ, несмотря на многократныя требованія, оставался долженъ Академіи съ 1748 г. за прежде напечатанныя имъ трагедіи и эпистолы — 382 руб. 63 коп., и потому канцелярія „была сумнительна" въ исправности уплаты. Этотъ-то долгъ Сумарокова, вѣроятно еще и вслѣдствіе личныхъ отношеній, кромѣ служебныхъ побужденій, былъ требуемъ Ломоносовымъ изъ штатсъ-конторы. Вслѣдствіе этого долга и не выпускали изъ типографіи послѣднюю книжку „Пчелы". Какъ и когда Сумароковъ расплатился съ Академіей, мы не

знаемъ. Достовѣрно только то, что сочиненія его печатались постоянно въ академической типографіи до 1775 года.

Что касается до цензурныхъ отношеній, то задорный Сумароковъ долженъ былъ много надоѣдать своимъ цензорамъ. Отъ Сумарокова подана была въ Академію Наукъ чрезвычайно ожесточенная жалоба на цензора его Попова, дѣлавшаго ему разныя придирки. Она, къ сожалѣнію, не напечатана, но замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Взглянемъ теперь на офиціальное оправданіе Попова, любопытное для исторіи литературныхъ отношеній того времени. Вотъ списокъ съ документа:

Въ канцелярію Академіи Наукъ

отъ профессора Никиты Попова покорнѣйшее доношеніе.

„Увѣдомился я недавно, что его высокородіе господинъ бригадиръ Сумароковъ, избѣгая моихъ справедливыхъ о пьесахъ въ издаваемой имъ помѣсячно Трудолюбивой Пчелѣ критикъ, которыя я по приказанію его сіятельства господина нашего Академіи президента дѣлать былъ долженъ и дѣлалъ, подалъ въ оную канцелярію доношеніе, чтобы мѣсто меня опредѣлить ему другого цензора, а меня безчеститъ въ томъ своемъ доношеніи пьяницею и малознающимъ учителемъ, противно всей справедливости самаго моего дѣла.

„Того ради канцелярію Академіи Наукъ покорнѣйше прошу отъ такихъ наглыхъ и напрасныхъ ругательствъ и безчестій меня отъ *сея сильныя руки* господина бригадира Сумарокова защитить и доставить мнѣ за то *достойную сатисфакцію по указамъ:* тѣмъ паче, что я сіе безчестіе несу за то единственно, что я поступалъ по ордерамъ канцеляріи, что все ясными доказательствами утвердить имѣю. Іюня дня 1759. Профессоръ Никита Поповъ“.

Но оправданіе Попова не было принято, повидимому, въ уваженіе и другимъ цензоромъ былъ назначенъ Котельниковъ, которому Сумароковъ въ одинъ мѣсяцъ надоѣлъ до такой степени, что тотъ вынужденъ былъ просить объ увольненіи его отъ цензорской должности. Это можно видѣть изъ слѣдующаго документа.

Въ канцелярію Академіи Наукъ

Доношеніе.

„По ордеру канцеляріи Академіи Наукъ, велѣно мнѣ прочитывать присылаемыя его высокородіемъ бригадиромъ Александромъ Петровичемъ Сумароковымъ сочиненія, и ежели что найдется такое, которое выкинуть или поправить надлежитъ, то о томъ ему представлять; но его высокородіе о моихъ представленіяхъ великое показываетъ неудовольствіе. И для того, *опасаяся ссоры и отъ того худыхъ слѣдствій, принужденъ я многія вещи безъ поправки пропускать, ибо его высокородіе отнюдь не хочетъ ничего въ оныхъ сочиненіяхъ допустить поправить*, которыя неисправности напослѣдокъ мнѣ въ несмотрѣніе и пренебреженіе даннаго ордера причтены быть могутъ.

„Того ради прошу канцелярію Академіи Наукъ, дабы повелено было поправку помянутыхъ сочиненій отъ меня сложить и отдать другому, кому канцелярія Академіи Наукъ заблагоразсудитъ. 1759 года, іюля 19 дня. Къ сему доношенію профессоръ Семенъ Котельниковъ руку приложилъ".

Кому поручена была впослѣдствіи времени цензура „Пчелы", — не извѣстно. Изъ приписки Ломоносова видно, что и Барсовъ былъ цензоромъ. Вотъ каковъ былъ Сумароковъ. Въ 1778 году въ январѣ, слѣдовательно послѣ смерти Сумарокова, императрица позволила печатать сочиненія Сумарокова безъ цензуры.

Денежныя и другія отношенія бѣсили раздражительнаго Сумарокова, и онъ въ спорахъ своихъ съ Академіей, въ которыхъ правда не всегда была на сторонѣ его, призвалъ судьею публику и напечаталъ объявленіе о прекращеніи журнала „Трудолюбивой Пчелы".

До насъ дошло это любопытное „извѣстіе" о прекращеніи журнала, напечатанное Сумароковымъ въ типографіи кадетскаго корпуса, въ 8°; къ нему присоединено было также объявленіе Сумарокову, подписанное комиссаромъ Академіи Збороміровымъ, о задержаніи декабрьской книжки журнала и требованіе объ уплатѣ денегъ съ бригадира Сумарокова за сентябрьскую треть. Вотъ собственныя слова Сумарокова:

„Я имѣлъ намѣреніе, въ удовольствіе моихъ согражданъ, издаваемый мною журналъ еще продолжати; но неисчисленныя мнѣ по Академіи препятствія и несносныя озлобленія все мое намѣреніе пресѣкли. Довольны для показанія учиненныхъ озлобленій автору одни приложенныя при изданіи послѣдняго мѣсяца отъ фактора и отъ комиссара мнѣ объявленія. Я отдаю сіе на судъ общества и на размышленіе моихъ согражданъ“...

Буличъ.

САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ 1769 г.

Хотя Наказъ великой императрицы, поставившій ее такъ высоко во мнѣніи всей Европы, не принесъ никакой пользы Россіи, однако другія, частныя мѣры, проникнутыя той же мыслью, какъ и Наказъ, не могли не облегчить участь народа. Здѣсь и литература, вслѣдъ за правительствомъ, показала свое усердіе. Въ особенности же и правительство и литература дружно дѣйствовали противъ всегдашняго врага Россіи — взяточничества, которое, съ твердостью выдержавъ тяжкій гнетъ Петровыхъ преобразованій, легко перешагнуло черезъ порогъ, нельзя сказать, чтобы слишкомъ высокій, отдѣлявшій старую Русь отъ новой, и вмѣшалось во всѣ четырнадцать ранговъ цивилизованной Россіи XVIII вѣка. Не больше какъ черезъ двадцать дней послѣ восшествія на престолъ, императрица Екатерина II увидѣла необходимость грозно предувѣдомить всѣ чиновные классы Россіи о своемъ негодованіи на всеобщее грабительство. Почти вслѣдъ за первыми двумя манифестами, извѣщавшими народъ о принятіи Екатериною Алексѣевною русской державы и о горестной кончинѣ императора Петра III, народу читанъ былъ особый именной указъ, въ которомъ императрица именемъ Бога Всемогущаго увѣщавала своихъ подданныхъ забыть „гнусное лихоимство“, „сіе мерзкое лакомство“, зашатнавшее собой всѣ до единаго присутственныя мѣста Россіи. „Имѣя неусыпное попеченіе о счастіи даннаго намъ отъ Бога народа“, говоритъ она, „за долгъ себѣ вмѣняемъ непреложный и непремѣнный объявить въ народъ, съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца нашего, что мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возросло, такъ что *едва есть ли малое самое мѣсто правительства*

*тельства, въ которомъ бы божественное сiе дѣйствiе, сдѣ. безъ зараженія сей язвы отправлялося: ищетъ ли кто мѣста, платитъ: защищается ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами: клевещетъ ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами**).

Постоянныя распоряженія правительства, жалобы, слышавшіяся въ тогдашней литературѣ, и дошедшіе до насъ, по преданію, разсказы современниковъ этого блестящаго царствованія доказываютъ очень ясно, что законъ имѣлъ мало силы, не ограждая народъ отъ произвола чиновниковъ, а чиновники слишкомъ хорошо сознавали свою силу, „направляя стопы правосудія" по окольнымъ, проселочнымъ дорогамъ и показывая народу это правосудіе въ извращенномъ видѣ. Не удивительно, что народъ разучился вѣрить чиновникамъ, потерялъ вѣру въ правосудіе и въ самое правительство. Дѣла въ судахъ тянулись безконечно долго: два поколѣнія не видѣли иногда конца начатой въ приказѣ тяжбы и умирали, не дождавшись ея рѣшенія; внукъ почиталъ себя счастливымъ, если ему удавалось кончить мировою искъ, начатый его дѣдомъ; съ своей стороны судья-отецъ, умирая, передавалъ судьѣ-сыну, какъ наслѣдство, доходное дѣло въ его приказѣ, которое въ первый разъ заслушано еще при жизни судьи-дѣдушки. Сверхъ того, судьи, избиравшіеся изъ дворянства, считались почти неприкосновенными, такъ какъ они избирались *всею округою, но никто* изъ этой округи не смѣлъ подавать на нихъ челобитье и даже заподозрѣвать въ пристрастіи и мошенничествѣ. Множество инстанцій, на которыя подраздѣлялись присутственныя мѣста, были столько же невыгодны для просителей, сколько выгодны для чиновниковъ и истцовъ-сутягъ: когда дѣло рѣшалось въ одномъ мѣстѣ, истецъ-сутяга переносилъ его въ мѣсто высшей инстанціи, прося перевершить и подыскать „подходящія статьи", потомъ билъ челомъ въ третьей инстанціи и тянулъ искъ до изнуренія противной стороны. Словесное судопроизводство, особенно по торговымъ, купеческимъ и мѣщанскимъ дѣламъ, было синекурой для судей и спасительнымъ прибѣжищемъ для ябеды: отвѣтчикъ, проигравшій тяжбу въ словесномъ судѣ, обыкновенно апеллировалъ въ городовомъ магистратѣ, изъ городового переносилъ дѣло въ про-

---

*) Полное Собраніе Законовъ, № 11, 616.

винціальный, потомъ въ губернскій, изъ губернскаго шелъ въ главный магистратъ, наконецъ доходилъ до Сената. Оттого опытный истецъ всегда несъ посулы словеснымъ судьямъ, которые давали дѣлу желаемый исходъ или направляли его окольною дорогой. Дѣлопроизводство въ провинціяхъ было до того спутано, что одна и та же личность завѣдывала и полицейскою частью, и финансовою, и уголовнымъ судомъ, и гражданскими процессами. Неурядица господствовала даже въ Сенатѣ: напримѣръ, посылая указы по такому важному дѣлу, какъ пытки, къ которымъ Сенатъ запрещалъ прибѣгать въ допросахъ по дѣламъ воровъ и разбойниковъ, если допрашиваемое лицо сознается во всемъ показываемомъ на него.— Сенатъ наивно замѣчаетъ: „но исполняется ль то самымъ дѣйствіемъ, о томъ неизвѣстно"[1]). Мы положительно знаемъ, что указъ этотъ не исполнялся, и пытки, или говоря языкомъ того времени, „пристрастный допросъ", т.-е. вывѣдываніе истины „подъ пристрастіемъ плетей и батожьевъ", употреблялись повсемѣстно и составляли самую доходную статью въ бюджетахъ чиновниковъ. Истязаемый батогами непремѣнно оговаривалъ тѣхъ людей, на которыхъ показывали судьи, и судьи вымогали отъ уличенныхъ все, что имъ угодно было, или что надобилось по судейской экономіи. Получая изъ Сената выговоры за истязаніе подсудимыхъ, приказные оправдывались, ссылаясь всегда на 50-й пунктъ 21-й главы Уложенія, и продолжали увѣчить людей. Притомъ чиновники ограждены были *шестнадцатью* „крѣпкими стѣнами", которыми они называли высочайшіе указы, строго запрещавшіе кому бы то ни было „не дѣльными прошеніями утруждать высочайшую ея императорскаго величества персону". Эти крѣпкія стѣны, за которыми скрывались судьи, сооружены были для нихъ указами, публикованными: при Петрѣ I — въ 1700 году, 1714 декабря 8-го, 1719 декабря 4-го, 1720 мая 13-го, 1722 февраля 23-го и апрѣля 6-го, при Екатеринѣ I — 1725 августа 19-го и октября 15-го, при Аннѣ Іоанновнѣ — 1730 апрѣля 23-го, 1740 мая 22-го, при Елизаветѣ Петровнѣ — 1742 мая 28-го, 1749 мая 11-го, 1752 марта 12-го, 1753 сентября 29-го, 1759 августа 8-го и, наконецъ, при Екатеринѣ II въ 1762 году[2]), что повторялось

[1]) Полное Собраніе Законокъ, № 14, 579.

[2]) Полное Собраніе Законовъ, № 11, 606.

много разъ въ продолженіе ея царствованія. „Не дѣльными прошеніями“ на языкѣ подьяческомъ назывались жалобы притѣсняемыхъ на притѣснителей: къ такому роду „бездѣлствъ“, по тогдашнему выраженію, отнесены были всѣ челобитья крестьянъ на помѣщиковъ, отъ мужика никому ни въ какомъ присутственномъ мѣстѣ и ни подъ какимъ видомъ не велѣно было принимать жалобы на барина.

Русскія войска того времени были не въ лучшемъ положеніи. Правда, они считались непобѣдимыми; но участь солдата была еще плачевнѣе участи семейства, изъ котораго онъ брался въ армію. Военное начальство, хотя и не принадлежало къ категоріи подьячихъ, умѣло однако наживаться на счетъ солдата: полки и роты были такими же приказами, и командованье полкомъ равнялось пріобрѣтенію тысячедушной вотчины, лежащей при судоходной рѣкѣ. Но одною изъ самыхъ зловредныхъ язвъ въ больномъ организмѣ государства были межевые чиновники, которыми тогда наполнена была вся Россія. Въ царствованіе императрицы Екатерины II производилось генеральное межеваніе земель: дѣло шло медленно; самоуправство межевыхъ чиновниковъ превышало всякую мѣру: ихъ взяточничество было образцовое и возбуждало завистливое удивленіе въ самыхъ ловкихъ и изобрѣтательныхъ подьячихъ, которые охотно уступали въ этомъ случаѣ пальму первенства межевымъ. Злоупотребленій было столько, что само правительство считало невозможнымъ подвести подъ извѣстныя категоріи продѣлки межевщиковъ.

Въ Сенатъ и въ межевую экспедицію поступали жалобы за жалобами: владѣльцы и крестьяне плакались, что межевые живутъ у нихъ безъ дѣла, объѣдаютъ и обираютъ ихъ, „вдаются въ невоздержность, даже до того, что и въ пьянствѣ время проводятъ“: съ землевладѣльцами поступаютъ „сурово и дерзко“, а крестьянъ арестуютъ, сѣкутъ; собираютъ понятыхъ на межи, держатъ безъ дѣла и, вымогая взятки, гонятъ домой, потомъ опять собираютъ и ничего не дѣлаютъ; одни жаловались, что ихъ межевой „на взятки лакомъ, а къ межеванію неусерденъ“; другіе — что ихъ межевой „съ работными людьми обходится сурово и дерется безчеловѣчно“*), и такъ далѣе.

*) Тамъ же №№ 14.928, 14.952 и др.

Пять съ половиною лѣтъ прошло со дня вступленія на престолъ императрицы Екатерины II, и эти пять лѣтъ не могли пройти даромъ. Правда, надежды, высказанныя императрицею въ Наказѣ, не исполнились; редакція законовъ оставалась все та же, съ нѣкоторыми поясненіями и дополненіями, но обаятельная личность самой государыни говорила въ пользу лучшаго будущаго. Она слѣдила за правосудіемъ, преслѣдовала взятки, уважала умъ и таланты, въ комъ бы они ни были, и любила литературу. Но она слишкомъ хорошо понимала значеніе литературы въ государствѣ; она знала, „что при извѣстныхъ условіяхъ, при искусно-скрываемомъ контролѣ, свобода слова, которой такъ боятся ограниченные люди, нисколько не опасна для правителя умнаго и прозорливаго; что, не разрушая извѣстныхъ историческихъ преданій, которыхъ ей не позволятъ касаться, она обратитъ свою силу на то, что въ сущности не важно и не опасно, и въ дѣтскомъ самоуслажденіи покроетъ славою имя того, кто позволилъ ей тѣшиться этою невинною игрушкою. Это старая историческая истина.

Съ начала 1769 года въ русской литературѣ, которая до того времени не могла похвалиться своимъ богатствомъ и разнообразіемъ, явилась журналистика. Конечно, журналами можно назвать и извѣстныя періодическія изданія Миллера; но въ журналахъ 1769 года высказалось извѣстное, хотя смутно сознаваемое, направленіе и получила начало литература, которую мы теперь называемъ обличительною. Журналы 1769 г. сказали первое слово въ пользу гласности. Русская публика, которая до того времени почти вовсе не имѣла понятія о журналахъ, въ теченіе одного года получила восемь періодическихъ изданій. Прежде всѣхъ появилась „Всякая Всячина“; другіе журналы, явившіеся вслѣдъ за нею, были: „Трутень“, „Смѣсь“, „И то и се“, „Ни то, ни се“, „Адская Почта“, „Поденщина“ и „Полезное съ пріятнымъ“.

„Всякую Всячину“, какъ первый явившійся у насъ журналъ, прочія періодическія изданія называли бабушкой; другіе журналы, издававшіеся въ слѣдующихъ годахъ, величали ее прабабушкой. Съ первыхъ же номеровъ „Всякая Всячина“ начала нападки на чиновниковъ, но довольно робко; прежде всего она напечатала маленькое стихотвореніе противъ сословныхъ предразсудковъ, противъ благо-

родства по крови, говоря, что блоха напившись крови дворянской, должна быть также благородна:

Блоха, подъемля гордо бровь,
Кровь барскую поноситъ;
На воеводство проситъ:
Достойна я, кричитъ, — во мнѣ все барска кровь:
Отвѣтствовано ей: на что намъ барска слава?
Потребенъ барскій умъ и барская расправа*).

Вслѣдъ за тѣмъ явились открытыя насмѣшки надъ приказными, но въ такомъ льстивомъ тонѣ, что насмѣшки эти были не что иное, какъ восхваленіе существовавшаго порядка. Въ одномъ изъ первыхъ выпусковъ „Всякая Всячина" говорила, что одинъ господинъ купилъ на Спасскомъ мосту картину съ надписью: „Къ чему служатъ законы, когда нравы испорчены?" и по этому поводу издалека завела рѣчь о порокахъ, но все это въ общихъ фразахъ. Тогда въ двадцать девятомъ листѣ какой-то г. Невѣдомый помѣстилъ письмо къ издателю „Всякой Всячины", въ которомъ говоритъ, что „та изображенная на картинѣ надпись, которую вы имѣли счастіе купить, ввергла одного изъ моихъ пріятелей въ сомнѣніе, въ коемъ онъ разсуждаетъ такъ: „Отецъ мой былъ одинъ изъ тѣхъ судей, которые титуловались грабителями, и не только имѣніе отнималъ, но и у самыхъ невинныхъ людей *плоти отъ костей оттиралъ*. Вѣдь были и тогда законы, что за то награжденіе — голова на плаху. Не знаю о прочихъ, а отецъ мой ту свою екстраординарную фанцію продолжалъ до самаго златого на сѣверѣ вѣка". Тутъ, удивляясь, продолжаетъ свое разсужденіе: „Ну такъ не переродился ли въ сіе время мой батюшка въ самаго безсребренника или смирнаго агнца? Боги ль пособили, или законы послужили, или только обычаи перемѣнилися, или ужъ и время то не превратилось ли? сомнительно, не знаю и не вѣдаю: и мечтается" въ умѣ всякая всячина, а не спознаю".

На это издатель отвѣчалъ подъ письмомъ: „Во-первыхъ, мы должны дать примѣтить господину Невѣдомому, что косыми буквами печатанныя слова въ его письмѣ намъ кажутся нѣсколько суровы для нѣжнаго слуха, а наипаче жен-

*) „Всякая Всячина", стр. 34.

скаго пола, коимъ сдѣлаться можетъ обморокъ отъ подобнаго описанія". Онъ довольно тонко объясняетъ перемѣну въ чиновникахъ пословицею, что „каковъ попъ, таковъ и приходъ", или „каковъ хозяинъ, таковы и домашніе", намекая этимъ на „златой на сѣверѣ вѣкъ"*) Видно, что бабушка, какъ титуловали „Всякую Всячину", была слаба нервами и боялась рѣзкихъ выраженій, что, какъ увидимъ ниже, сдѣлало ее смѣшною въ глазахъ другихъ журналовъ. Однако, она давала мѣсто на своихъ листахъ и такимъ статьямъ, въ которыхъ говорилось, что нѣтъ никакой славы, если человѣкъ не дѣлаетъ подлостей потому, что другимъ это не нравится. „Я утверждаю, говоритъ неизвѣстный корреспондентъ, что человѣкъ свободенъ, т.-е. не принужденъ обстоятельствами дѣлать то, а не другое. А инако правъ былъ бы судья, который послѣднее пропитаніе у челобитчика отымаетъ; также и тотъ, который съ челобитчиками какъ съ своими рабами обходится. Не былъ бы виноватъ и тотъ сержантъ, который, не растолковавъ солдату, какъ дѣлать на караулѣ, ударовъ триста влѣпитъ ему въ спину за то, что онъ не такъ дѣлаетъ. Правъ былъ бы и тотъ полковникъ, который бѣдныхъ офицеровъ какъ извозчиковъ лаетъ"**).

Но вскорѣ одна статья о подьячихъ, подписанная г. Запрасно-Ободраннымъ, а особливо отвѣтъ редакціи, вовлекли „Всякую Всячину" въ полемику съ другими журналами, которые колко издѣвались надъ ея направленіемъ. Статья г. Запрасно-Ободраннаго въ сущности очень ѣдкая и злая насмѣшка надъ взяточниками; но пагубное вмѣшательство редактора надѣлало много бѣдъ „Всякой Всячинѣ". Г. Запрасно-Ободранный говоритъ издателю: „Думаю, что у такого автора, какъ вы въ сочиненіи „Всякія Всячины" упражняетесь, надлежитъ быть великой вивліоѳикѣ, изъ которой вы толь пространныя и разныя матеріи на листахъ вашихъ изображаете. Прошу потрудиться и выписать для меня изъ оной буде найдется такой экспериментъ, коимъ бы можно перевести подьячихъ, которые до третьяго градуса привели меня во изнеможеніе. Я старался тѣмъ отъ нихъ

*) Тамъ же, стр. 83—85.

**) Тамъ же, стр. 119—120.

избавиться способомъ, которымъ переводятъ клоповъ, блохъ и всѣхъ кровососныхъ насѣкомыхъ, однако ничѣмъ не могъ оборониться: но истоща весь свой домъ на то, и нынѣ стражду отъ сихъ кровососовъ. Вычиталъ было я у Полибія таковую махину, которая по тысячѣ и болѣе въ день непріятелей побивала, но недостатокъ мой оную построить не дозволилъ; и для того ища легчайшаго способа, къ вамъ съ прошеніемъ о томъ прибѣгаю, и прося вашей помощи и отвѣта, съ почтеніемъ пребываю вашъ усердный слуга Занапрасно-Обобранный. Если же вашей помощи не получу (прибавляетъ онъ), то больше не останется способа, какъ пѣть только по-книжному: „Ты, Господи, сохраниши ны и соблюдеши ны отъ рода сего и вовѣкъ“*).

На это редакторъ отвѣчалъ, что „подьячихъ не можно и не должно перевести“; что надо жить такъ, чтобы не нуждаться въ подьячихъ; не имѣть ссоръ и тяжбъ, и такъ далѣе. Конечно, подобныя наивныя замѣчанія не могли не возмутить всѣхъ мыслящихъ людей. Жарче всѣхъ нападалъ на это вредное равнодушіе къ общему дѣлу „Всякой Всячины“ нѣкто Правдулюбовъ, постоянный сотрудникъ „Трутня“, повидимому человѣкъ съ развитыми понятіями о чести и требовавшій безусловной свободы слова. Онъ прислалъ письмо къ издателю „Трутня“, въ которомъ высказалъ свои понятія о гласности: „Второй вашъ листокъ (говоритъ онъ) написанъ не по правиламъ вашей прабабки. Я самъ того мнѣнія, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны: однакоже не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своею мыслью и душею госпожа ваша прабабка, давъ знать... что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ: слѣдовательно они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать порокольобіемъ. По моему мнѣнію больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по-русски) потакаетъ; и ежели смѣли

---

*) Тамъ же, стр. 159—160, л. 60.

написать, что учитель, любви къ слабостямъ не имѣющiй, оныхъ исправить не можетъ, то и я съ лучшимъ основанiемъ сказать могу, что любовь къ порокамъ имѣющiй никогда не исправится. Еще мнѣ не понравилось первое правило упомянутой госпожи, т.-е. чтобъ отнюдь не называть слабости порокомъ, будто Iоаннъ и Иванъ не все одно. О слабости тѣла человѣческаго мы разсуждать не станемъ; ибо я не лѣкарь, а она не повивальная бабушка, но душа слабая и гибкая въ каждую сторону покривиться можетъ. Да я и не знаю, что, по мнѣнiю сей госпожи, значитъ слабость. Нынѣ обыкновенно слабостiю называется, въ кого-нибудь по уши влюбиться, т.-е. въ чужую жену или дочь; а изъ сей мнимой слабости выходитъ: обезчестить домъ, въ который мы ходимъ, и поссорить мужа съ женою, или отца съ дѣтьми, и это будетъ не порокъ? Кои построжее меня о томъ при досугѣ разсуждаютъ, назовутъ по справедливости оный беззаконiемъ. Любить деньги есть та же слабость, почему слабому человѣку простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще привычка: однако пьяному можно жену и дѣтей прибить до полусмерти и подраться съ вѣрнымъ своимъ другомъ. Словомъ сказать, я какъ въ слабости, такъ въ порокѣ не вижу ни добра, ни различiя. Слабость и порокъ, по-моему, все одно, а беззаконiе дѣло иное. На концѣ своего листка ваша госпожа прабабка похваляетъ тѣхъ писателей, кои только угождать всѣмъ стараются; а вы сему правилу не повинуясь, криводушнымъ приказнымъ и не къ стати умствующему прокурору не великое здѣлали угожденiе. Не хочу я васъ побуждать, какъ дѣлаютъ прочiе, къ продолженiю сего труда, ниже васъ хвалить; звѣрокъ по когтямъ видѣнъ. То только скажу, что изъ всего поколѣнiя вашей прабабки вы первый, къ которому я пишу письмо. Можетъ статься скажутъ гг. критики, что мнѣ какъ трутню съ „Трутнемъ" имѣть дѣло весьма сходно, но для меня разумнѣе и гораздо похвальнѣе быть трутнемъ, чужiя дурныя работы повреждающимъ, нежели такою пчелою, которая по всѣмъ мѣстамъ летаетъ и ничего разобрать и найти не умѣетъ. Я хотѣлъ было сiе письмо послать къ госпожѣ вашей прабабкѣ, но она меланхолическихъ писемъ читать не любитъ, а въ семъ письмѣ, я думаю, она ничего такого не найдетъ.

отъ чего бы у нея отъ смѣха три дня бока болѣть могли"*).

„Всякая Всячина" сочла эти замѣчанія и доводы „ругательствами" и сказала, что не желаетъ отвѣчать на нихъ, „уничтожая оныя". „Думать надобно", прибавляетъ она, отвѣчая все-таки Правдулюбову, „что ему хотѣлось бы за все да про все кнутомъ сѣчь"**) и т. д. Называя его доводы ругательствами, „Всякая Всячина" съ своей стороны бранитъ г. Правдулюбова человѣкомъ злымъ и глупымъ, и отдаетъ его на судъ публикѣ.

Но такой человѣкъ какъ Правдулюбовъ не могъ оставить безъ отвѣта и этой выходки, тѣмъ болѣе, что предметъ полемики имѣлъ важное значеніе въ общественной жизни Россіи. Стараться закрывать такія скверныя язвы, какъ взяточничество, значило вредить и обществу и правительству. „Всякая Всячина" высказалась сначала такимъ образомъ по неосторожности, просто проговорилась, а потомъ, защищая себя, высказалась не совсѣмъ честно; наивныя отговорки ея и льстивые намеки могли повредить, да, быть-можетъ, и повредили журналистикѣ, давъ правительству поводъ заподозрить ее въ неблагонамѣренности. Оттого полемика эта имѣетъ смыслъ борьбы честныхъ и безчестныхъ началъ, болѣе чѣмъ борьба прогрессистовъ и консерваторовъ. Г. Правдулюбовъ не замедлилъ передать редакціи „Трутня" свою реплику на возраженія „Всякой Всячины". Печатая эту реплику, редакторъ „Трутня", знаменитый общественный дѣятель второй половины прошлаго вѣка, Н. Новиковъ, счелъ долгомъ замѣтить, что онъ, „во утѣшеніе „Всякой Всячинѣ, своей современницѣ", не хотѣлъ печатать отвѣта Правдулюбова; „но, прибавляетъ, по справедливости не могъ онъ въ томъ отказать ему, тѣмъ паче, что онъ отъ „Всякой Всячины" отданъ на судъ публикѣ; итакъ благоразумные и безпристрастные читатели сей судъ по формѣ, или безъ формы, какъ имъ угодно, окончить могутъ". Правдулюбовъ писалъ: „Госпожа „Всякая Всячина" на насъ прогнѣвалась и наши нравоучительныя разсужденія называетъ ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думалъ.

—

*) „Трутень" на 1769 г., л. V, 26 мая, стр. 33—36.

**) „Всякая Всячина", л. 66.

Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ, а сія вина многимъ нашимъ писателямъ свойственна... Въ пятомъ листѣ „Трутня“ ничего не написано, какъ думаетъ госпожа „Всякая Всячина“, ни противу милосердія, ни противу снисхожденія, и публика, на которую и я ссылаюсь, то разобрать можетъ. Ежели я написалъ, что больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онымъ потакаетъ, то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я могъ тронуть милосердіе? Видно, что госпожа „Всякая Всячина“ такъ похвалами избалована, что теперь и то почитаетъ за преступленіе, ежели кто ее не похвалитъ. Не знаю почему она мое письмо называетъ ругательствомъ? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная; но въ моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамѣ, нѣтъ ни кнутовъ, ни висѣлицъ, ни прочихъ слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находятся. Госпожа „Всякая Всячина“ написала, что пятый листъ „Трутня“ уничтожаетъ. И это какъ-то сказано не по-русски; уничтожить, т.-е. въ ничто превратить, есть слово самовластію свойственное, а такимъ бездѣлицамъ, какъ ея листки, никакая власть не прилична: уничтожаетъ верхняя власть какое-нибудь право другимъ. Но съ госпожи „Всякой Всячины“ довольно бы было написать, что презираетъ, а не уничтожаетъ мою критику. Сихъ же листковъ множество носится по рукамъ, итакъ ихъ всѣхъ ей уничтожить не можно. Она утверждаетъ, что я имѣю дурное сердце потому, что, по ея мнѣнію, исключаю моими разсужденіями снисхожденіе и милосердіе. Кажется я ясно написалъ, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны, но что требуютъ исправленія, а не потачки; итакъ думаю, что сіе мое изъясненіе знающему россійскій языкъ и правду не покажется противнымъ ни справедливости, ни милосердію. Совѣтъ ея, чтобы мнѣ лѣчиться, не знаю, мнѣ ли больше приличенъ или сей госпожѣ. Она, сказавъ, что на пятый листъ „Трутня“ отвѣтствовать не хочетъ, отвѣчала на оный всѣмъ своимъ сердцемъ и умомъ, и вся ея желчь въ этомъ письмѣ сдѣлалась видна. Когда жъ она забывается и такъ мокроглива, что часто не туда плюетъ, куда надлежитъ, то кажется для очищенія ея мыслей и внутренности не безполезно ей и по-

лѣчиться. Сія госпожа назвала мои умъ тупымъ потому, что не понялъ ея нравоученіи. На то отвѣчаю: что и глаза мои того не видятъ, чего нѣтъ. Я тѣмъ весьма доволенъ, что госпожа „Всякая Всячина" отдала меня на судъ публикѣ. Увидитъ публика изъ будущихъ нашихъ писемъ, кто изъ насъ правъ"*).

Слѣдуетъ замѣтить, что прежде этого письма г. Правдулюбова, редакція „Трутня" обратилась къ публикѣ съ извѣщеніемъ, что такъ какъ она обѣщалась читателямъ помѣщать въ своихъ листкахъ только такія статьи, которыя могутъ служить къ исправленію нравовъ или приносить „увеселеніе", то, увѣряя ихъ снова, что и на будущее время на ея листкахъ не будетъ имѣть мѣста брань, не приносящая ни пользы ни увеселенія, прибавляетъ: „ради чего, издалека и съ улыбкою взираетъ онъ (издатель) на брань „Всякія Всячины", относящуюся къ лицу г. Правдулюбова: ибо сіе до него, какъ до чужихъ трудовъ издателя ни почему не принадлежитъ"; но его интересовало, какъ приметъ публика „таковыя наполненія сихъ весьма краткихъ недѣльныхъ листковъ"**). Дальше мы увидимъ, что публика слѣдила за полемикой съ живымъ интересомъ. „Всякая Всячина" своимъ ретроградныыъ направленіемъ вооружила противъ себя всю тогдашнюю журналистику: это былъ общій протестъ: на „Всякую Всячину", кромѣ „Трутня", опрокинулась „Адская Почта", „Смѣсь" и другія. Чтобы понять эту общую журнальную демонстрацію, слѣдуетъ замѣтить, что „Всякая Всячина", прикрывшись щитомъ благонамѣренности, обвиняла прочіе журналы такими подьяческими уликами и намеками на такія обстоятельства, о которыхъ даже опасно было говорить. Что она писала не искренно, даже быть можетъ противъ своихъ убѣжденій, доказывается тѣмъ, что по окончаніи полемики она снова вооружилась противъ взяточничества и нападала на чиновниковъ едва ли не удачнѣе прочихъ журналовъ, исключая разумѣется „Трутня". Выгораживая себя въ борьбѣ за подьячихъ, которыхъ ей пришлось защищать можетъ быть поневолѣ, „Всякая Всячина" дала

*) „Трутень", л. VIII (16 іюня), стр. 57—59.

**) Тамъ же, л. VII (3 іюня), стр. 56.

мѣсто на своихъ страницахъ такому объясненію, которое, конечно, не могло не ободрить приказныхъ, если только ихъ тревожила обличительная литература. Объясненіе это принадлежитъ нѣкоему Патрикію Правдомыслову и имѣетъ своего рода интересъ.

„Случалось мнѣ (говоритъ Правдомысловъ) слышать отъ одной части моихъ согражданъ изреченіе такое: правосудія нѣтъ. Сіе родило во мнѣ любопытство узнать, отъ чего бы такой вредъ къ намъ вкрался? и справедливы ли жалобы о неправосудіи? наипаче тогда, когда всякій честный согражданинъ признаться долженъ, что можетъ быть никогда и нигдѣ, какое бы то ни было правленіе, не имѣло болѣе попеченія о своихъ подданныхъ, какъ нынѣ царствующая надъ нами монархиня имѣетъ о насъ, въ чемъ ей, какъ намъ извѣстно, и изъ самыхъ опытовъ доказывается, стараются подражать и главныя правительства вообще. Мы всѣ сомнѣваться не можемъ, что ей, великой государынѣ, пріятно правосудіе, что она сама справедлива, и что желаетъ въ самомъ дѣлѣ видѣть справедливость и правосудіе въ дѣйствіи во всей ея обширной области. О томъ многіе изданные манифесты свидѣтельствуютъ, а наипаче Наказъ комиссіи Уложенія, гдѣ упомянуто въ 520 отдѣленіи, что никакой народъ не можетъ процвѣтать, если не есть справедливъ. Гдѣ же теперь болячка, на которую жалуются, т.-е. что правосудія нѣтъ? Станемъ искать: 1) въ законахъ ли? 2) въ судьяхъ ли? 3) въ насъ ли самихъ?

Далѣе онъ рѣшаетъ каждый изъ этихъ вопросовъ порознь. Онъ говоритъ, что законы у насъ запутаны. — „о томъ сумнѣнія нѣтъ“. Соглашаясь съ этимъ, онъ добавляетъ однако, „Сію неудобность мы имѣемъ вообще со всею Европою“. Положимъ, что это такъ; но дальше онъ говоритъ, что передъ Европою имѣемъ мы то преимущество, что императрица созвала всю націю для составленія новаго проекта узаконеній: „слѣдовательно питаемся надеждою о поправленіи тогда, когда Европа вся не видитъ конца конфузіи. А между тѣмъ, пока новые законы поспѣютъ, будемъ жить, какъ отцы наши жили, съ тѣмъ барышомъ противу нихъ, что мы ощущаемъ болѣе отъ высшей власти человѣколюбія, нежели они. Но я скажу и то, что справедливостью распутывать можно и весьма запутанные, та и самые противо-

рѣчащіе законы. Итакъ — заключаетъ онъ — неправосудіе не въ самихъ законахъ".

На все это замѣтимъ только, что г. Правдомысловъ надѣялся на улучшеніе законовъ; но мы знаемъ, что знаменитая комиссія ничего не сдѣлала.

Затѣмъ онъ переходитъ къ рѣшенію другого вопроса, и рѣшаетъ его не менѣе пристрастно. „Судіи у насъ, какъ и вездѣ, всякіе", говоритъ онъ. (Правда, но отъ этого было не легче русскому обществу того времени). У насъ ихъ опредѣляютъ обыкновенно изъ военнослужащихъ или изъ приказныхъ людей *безъ великаго знанія*. Во многихъ европейскихъ земляхъ, а наипаче во Франціи, покупаютъ за деньги судейскія мѣста другъ у друга, какъ товаръ. Итакъ у кого есть деньги, тотъ судья, хотя бы онъ никакого знанія не имѣлъ. (№ 13. Это писано передъ первою французскою революціею). Почему въ семъ случаѣ наши обычаи не много разнствуютъ отъ обычаевъ другихъ народовъ нашего шара. Но врождена ли справедливость во всѣхъ судьяхъ такъ, чтобъ могла наградить недостатокъ знаній? того никакъ утвердить не можно. Слѣдовательно жалоба на правосудіе отчасти падаетъ на судей и на правы".

Наконецъ слѣдуетъ такое же близорукое пониманіе другихъ сторонъ нашей жизни въ наивномъ рѣшеніи третьяго вопроса — „неправосудіе не въ насъ ли самихъ?" Объ этомъ предметѣ онъ говоритъ, что „во всякомъ дѣлѣ одна сторона права, а другая неправа. Если неправую сторону обвинять судьи, то оная кричитъ и шумитъ о неправосудіи, и стала сама несправедливо судить. Да какъ ей и не таковой быть? Она изъ четырехъ слѣдующихъ въ одномъ положеніи: 1) или проведена страстію, 2) или стряпчимъ, 3) или ябедою, 4) или надѣялась, авось-либо удастся. И такъ стало, что половина тяжущихся суть недовольны судьями правосуднѣйшими для того, что сами они не суть справедливы. Если бъ были справедливы, то дѣла несправедливаго не начинали бы; ибо начинаніе несправедливаго дѣла уже само собою есть неправда. Не всякому дано себя самого и свои поступки судить безъ пощады, такъ какъ бы онъ судилъ поступки ближняго своего. Но желательно бы было, чтобы мы всегда свои дѣла судили по истинѣ: и тогда бы ябеда и прихоть исчезли: слѣдовательно меньше бы жалобъ было на неправо-

судіе. Прямая же жалоба на неправосудіе только та можетъ быть, когда справедливая сторона осуждена. Но чтобъ подобныхъ дѣлъ много могло проходити сквозь строгое разсматриваніе трехъ апелляцій и въ присутствіи тяжущихся, тому вѣрить не можно. Ибо не много такихъ людей, которые бы захотѣли лихо творити въ лицѣ почти цѣлаго свѣта и *оставить на бумагѣ писанныя свидѣтельства своего плутовства*, за которое подобные имъ получили возмездіе по достоинству своему". (Мы замѣтимъ, что, къ сожалѣнію, это очень часто бываетъ).

Однако г. Правдомысловъ самъ сознается, что это доказательство слабо. Мы сами того же мнѣнія. Но далѣе г. Правдомысловъ начинаетъ судить не совсѣмъ честно. Чувствуя слабость своихъ благонамѣренныхъ доводовъ, онъ старается оклеветать другіе журналы въ неуваженіи къ правительству. Въ другое время такую выходку назвали бы литературнымъ доносомъ; но и тогда она не прошла даромъ. Вотъ что говоритъ г. Правдомысловъ послѣ того, какъ самъ увидѣлъ, что его доказательства нелѣпы: „долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ сограждангъ, велитъ имѣти повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ и не поносить ихъ такими поступками (кто жъ ихъ поносилъ? спросимъ мы) и несправедливыми жалобами, коихъ, право, я еще не видалъ, чтобъ съ умысла случались. Впрочемъ, я не судія, и вѣкъ не буду, а разсудилъ за нужно сіе къ вамъ написать для того, что нѣкоторые дурные шмели на сихъ дняхъ нажужжали мнѣ уши своимъ разговоромъ о мнимомъ неправосудіи судебныхъ мѣстъ. Но наконецъ я догадался, для чего они такъ жужжатъ. Промотались, и не осталось у нихъ кромѣ прихотей, на которыя по справедливости слѣдуетъ отказъ. Они, чувствуя, что много ожидать имъ нечего, уже напередъ зачали кричать о неправосудіи, и поносили людей такихъ, у коихъ, судя по однимъ качествамъ души, они недостойны разрѣшать ремень сапоговъ ихъ. Колико же нравы вообще требуютъ исправленія, о томъ всякому отдаю испытаніе на совѣсть. Не замай всякъ спроситъ самъ у себя: болѣе ли онъ вчерась или сегодня сдѣлалъ справедливыхъ или несправедливыхъ заключеній? Изъ всего сказаннаго выходитъ, что нигдѣ больше несправедливости и неправосудія нѣтъ, какъ въ насъ самихъ. Любезные сограждане! (такъ

онъ оканчиваетъ свое письмо: перестанемъ быть злыми, не будемъ имѣть причины жаловаться на неправосудіе"*).

Не должно послѣ этого удивляться, что такая статья вооружила противъ себя всѣхъ благомыслящихъ людей. Тогдашніе литературные дѣятели очень хорошо сознавали, что разглагольствованія г. Правдомыслова ниже всякой критики и потому отвѣчали на нихъ насмѣшками. Думаемъ, что будетъ нисколько не лишнимъ, если мы передадимъ окончаніе этой полемики о подьячихъ. Въ „Смѣси" помѣщено было интересное письмо, подписанное какимъ-то М***. Обвиняя „Всякую Всячину" въ томъ, что она самовольно назвала прочіе журналы своими *внучатами и правнучатами*, неизвѣстный корреспондентъ „Смѣси" переходитъ къ полемикѣ о подьячихъ. Вотъ это письмо: „Господинъ издатель, объявите мнѣ, отъ чего происходитъ желаніе причитаться въ родню? затѣмъ что я вижу въ городѣ такую бабушку, которая всѣхъ писателей журналовъ включаетъ въ свое племя, и всегда на нихъ ворчитъ хотя сквозь зубы; изъ чего заключаю, что они не отъ нея происходятъ, а она сама на нихъ клеплетъ. Но почто же называться роднею? или она уже выжила изъ ума? Сомнѣніе мое часъ отъ часу умножается: я разсматривалъ ея труды и послѣ сличалъ съ ея потомствомъ, однако не находилъ ни малыхъ слѣдовъ, чтобы она была способна къ такому дѣторожденію; ибо послѣдніе ея внучата поразумнѣе бабушки, въ нихъ я не вижу никакихъ противорѣчій, въ какихъ она запуталась. Бабушка въ добрый часъ намѣряется исправлять пороки, а въ блажной даетъ имъ послабленіе. Она говоритъ, что подьячихъ искушаютъ и для того они берутъ взятки. Сія же старушка совѣтуетъ, чтобы не таскаться по приказнымъ крючкамъ, то должно мириться и раздѣлываться добровольно: всякой сіе знаетъ, и конечно по-пустому тягаться не сыщется охотниковъ. Вѣрно, если бъ всѣ были совѣстны и наблюдали законы, то не надобно бы было и судовъ и приказовъ, и подьячимъ бы не шло государево жалованье. Но когда сіе необходимо, то для чего ей защищать подьячихъ? Стыдно будетъ вамъ, господинъ издатель, имѣть такую родню: пожалуйте, откажитесь отъ бабушки, которая нынѣ сказываетъ простыя сказки, и тѣмъ изображаетъ слабость своего разума;

---

*) „Всякая Всячина", л. 108, стр. 276—280.

ибо болѣе того не вѣдаетъ, что слыхала встарину, и только то печатаетъ, что къ ней пришлютъ изъ милости, какъ будто въ подаяніе бѣдной старушкѣ“.

На это письмо издатель „Смѣси“ между прочимъ отвѣчалъ, что онъ человѣкъ миролюбивый и опасается не только приказныхъ, но и всякихъ привязокъ*).

Въ свою очередь „Адская Почта“ воспользовалась случаемъ высказать свой взглядъ на подьячихъ, и тѣмъ показать „Всякой Всячинѣ“, какъ недобросовѣстны ея убѣжденія, высказанныя г. Правдомысловымъ. Хромоногій Бѣсъ, издѣвавшійся надъ всѣмъ, что было или вредно, или безчестно, или просто смѣшно, не пропустилъ случая вмѣшаться и въ эту полемику. Серьезнымъ тономъ онъ высказалъ самыя здравыя понятія объ этомъ предметѣ и высказалъ ихъ вполнѣ благородно.

„На сихъ дняхъ, говоритъ Хромоногій Бѣсъ, былъ я въ домѣ Т.... гдѣ случились два спорщика. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что многіе страждутъ отъ неправосудія, а другой утверждалъ, что судьи виноваты быть не могутъ, поелику во всемъ свѣтѣ много есть такихъ, какъ здѣсь судей, и что больше виноваты истцы, нежели судьи... Одинъ изъ нихъ винилъ не то, что надобно, а другой извинялъ судей напрасно, и видно, что онъ отъ нихъ никакихъ бѣдъ надъ собою не испыталъ. Одинъ напрасно винилъ правосудіе, ибо оно никогда виновно само въ себѣ быть не можетъ, но бываютъ часто виноваты тѣ, которые оному служатъ; и такъ господинъ за слугу, не знаю, долженъ ли отвѣчать, когда и сынъ за отцовы преступленія, а отецъ за сыновніе не отвѣчаетъ. Другой не очень осторожно разсуждалъ о истцѣ, судѣ и порокѣ. Сей добрый человѣкъ почитаетъ за невозможное, чтобъ въ трехъ мѣстахъ могли погрѣшить судьи; но кто знаетъ свѣтъ, тому извѣстно, что въ Венеціи двадцать четыре человѣка, судя дѣла, часто ошибаются, а въ Рагузѣ столько есть повелителей, сколько въ году мѣсяцевъ, ибо тамъ, что мѣсяцъ, то новаго избираютъ князя, однако и тамъ люди отъ неосторожности судей страждутъ и приходятъ въ разореніе. Не говорю, чтобъ здѣсь только несправедливые были судьи; вездѣ ихъ множество, но то заподлинно утверждаю, что такихъ судей, которые справедливости предпочитаютъ корыстолюбіе, извинять не должно, но

*) Смѣсь, л. 11, стр. 85—87.

потребно всячески стараться привести ихъ къ познанію истины, ежели можно. Весьма маловажная будетъ такимъ судьямъ защита, ежели кто скажетъ, что во всемъ свѣтѣ есть несправедливые судьи, слѣдовательно и наши извиненія достойны. Поэтому ежели вездѣ есть воры, то и здѣсь ихъ ловить и наказывать не должно? Я на то согласенъ, что въ нынѣшнее счастливое время больше есть справедливыхъ судей, нежели несправедливыхъ; но не могу подумать, чтобы отъ злого состава часто добрый не заражался. Слѣдовательно, должно отрѣзывать отъ тѣла злой составъ, чтобъ сохранить добрый. Не могу также винить и истца обиженнаго, разореннаго и въ горести погибающаго, если онъ ищетъ справедливости и, не сыскавъ, на оную жалуется. Разсуждая по человѣчеству, думаю, что нельзя не застонать и за то мѣсто не хвататься рукою, гдѣ крѣпко болитъ... Прекрасно нѣкто написалъ, что будьте незлобливы, судьи не будутъ виноваты. Рѣчь его весьма хороша, и видно, что произошла отъ добраго сердца; но дѣло невозможное: никто, думаю, не захочетъ быть обиженнымъ и разореннымъ единственно для того, чтобъ итти въ судъ. Весьма было бы хорошо, если бы весь свѣтъ всегда пребывалъ въ предѣлахъ добродѣтели; но когда родилось въ свѣтѣ зло, и много въ немъ есть обидчиковъ, то что осталось дѣлать обиженнымъ, когда нѣкоторые правоучители имъ не велятъ жалобами своими безпокоить судей и искать справедливости?“ *).

Несмотря на то, что полемика по поводу чиновниковъ прекратилась въ свое время, и „Всякая Всячина“ заговорила благороднымъ тономъ прочихъ журналовъ, однако направленіе ея уже было заподозрѣно, и она попала въ разрядъ отсталыхъ изданій. Какъ ни старалась она пріобрѣсти довѣріе читателей, какъ ни ѣдко осмѣивала секретарей Крючковзятковыхъ, судей - за носъ водителей и помѣщала цѣлые разсказы о подьяческихъ продѣлкахъ, — на нее, при случаѣ, указывали пальцами.

1769 годъ, первый въ русской журналистикѣ, въ то же время самый богатый статьями обличительнаго содержанія. Потому ли, что такое направленіе было ново, что были новостью самые журналы и еще не было понято ихъ несомнѣнное вліяніе на общественное мнѣніе, потому ли, наконецъ,

---

*) „Адская Почта“, письмо 60, стр. 238—242.

что эти недѣльные листки, возбуждавшіе всеобщій смѣхъ, еще не успѣли показаться опасными въ глазахъ тѣхъ лицъ, которые почему-либо боялись гласности. Въ продолженіе первой половины этого года дана была полная воля журналамъ. Семь-восемь мѣсяцевъ 1769 года были самымъ счастливымъ временемъ для руской журналистики. Она успѣла затронуть многіе важные вопросы. Правда, она не успѣла высказаться, она не могла высказаться вполнѣ, хотя нельзя сказать, чтобъ не умѣла; однако успѣла принести долю пользы. Не вина тогдашней журналистики, если въ продолженіе восьмидесяти шести лѣтъ мы забыли то, чему она учила.

Разсмотримъ же, сколько это касается предмета нашей статьи, журнальную дѣятельность 1769 года. Начнемъ опять съ прародительницы русскихъ журналовъ, съ „Всякой Всячины".

Въ то время, когда еще продолжалась полемика о неправосудіи, и „Всякая Всячина" совѣтовала деликатнѣе обходиться съ чиновниками и не затрогивать ихъ чести, въ это самое время она давала у себя мѣсто такимъ статьямъ, которыя менѣе всего щадили взяточниковъ. Эти статьи, конечно, дѣлали ей честь, но не могли заставить забыть то, что она одинъ разъ, можетъ-быть даже поневолѣ, высказалась дурно. Она очень здраво объясняла источникъ корыстолюбія въ нашихъ чиновникахъ. Она называетъ взяточникомъ всякаго, кто, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, беретъ болѣе, нежели ему предписано имѣть. „Какъ бы подарковъ ни называли, все они суть покрывало подкупа. Честный человѣкъ всегда глядитъ на сіе, какъ на вящшую неправду, и будетъ доволенъ малымъ достаткомъ честно пріобрѣтеннымъ, нежели большимъ, который составленъ изъ притѣсненія и грабительства. Я увѣренъ (говоритъ сотрудникъ этого журнала или самъ издатель), что если къ должностямъ употребляемы будутъ люди съ воспитаніемъ и сознаніемъ, менѣе услышимъ о корыстолюбіи" *).

Однако, пострадавъ нѣсколько въ борьбѣ за чиновниковъ, бабушка смѣлѣе стала нападать на нихъ, когда полемика кончилась, хотя и не въ ея пользу. Прежде всего на обличительную арену она выпустила г. Доброжелателева, который увѣдомлялъ редакцію, что давно собирался писать о подьячихъ („а тѣмъ омерзенія достойнымъ именемъ называю и всѣхъ

---

*) „Всякая Всячина", л. 75, стр. 100.

подъ титуломъ лихоимца содержащихся“, полагаетъ онъ), но не имѣлъ времени. Надо замѣтить, что прежде взяточничество оправдывалось тѣмъ, что чиновники служили безъ жалованья и жили акциденціями; потомъ положено было имъ казенное жалованье, какъ и въ настоящее время, — только взятки отъ этого не прекратились. „Невольные хлопотники“, т.-е. тѣ, которыхъ нужда заставляла таскаться по присутственнымъ мѣстамъ, сказывали г. Доброжелателеву, будто подьячіе говорятъ: „Что намъ нужды по челобитчиковымъ дѣламъ трудиться? Мы де и безъ труда получаемъ жалованье“. Доброжелателевъ спрашивалъ тогда этихъ несчастныхъ хлопотниковъ, какимъ образомъ вылѣчиться отъ такой заразы, какъ взяточничество, и получилъ отвѣтъ, что нѣтъ никакихъ средствъ; что хотя нѣкоторые и покушались „на страхъ“ дарить подьячихъ, но этимъ сдѣлали еще хуже — себѣ бѣду нажили; „только де погрозятъ за волокиту просьбою; но подьячій говоритъ: изволь-ста, изволь просить, а я скажу, что ты мнѣ деньги давалъ; а за то де наказаніе одно, что плуту-лихоимцу, то и доброму человѣку просителю“. Съ своей стороны судьи, говоритъ, отдѣлываются разными подьяческими отговорками: сваливаютъ вину на „многодѣліе“ и т. д. Въ заключеніе своей статьи авторъ проситъ издателей „Всякой Всячины“ сказать ему, не имѣютъ ли они какого-нибудь лѣкарства отъ взяточниковъ; онъ проситъ включить его въ свое еженедѣльное изданіе: „не случится ли того и лихоимцу прочесть? Иной скажетъ, зачѣмъ лихоимцу давать? Отвѣчаю, безъ того дѣла продолжаютъ и пакостятъ, а чрезъ волокиту и неправое рѣшеніе челобитчика въ конецъ разоряютъ; да не только спорными дѣлами, но и не спорными, да и подлежащими къ межеванію“.

На это редакція отвѣчала: „Господинъ Доброжелателевъ! вы требуете вашимъ письмомъ отъ насъ, чтобъ учинить вылазку противъ лихоимцевъ и противу всѣхъ изъ приказныхъ людей, кои говорятъ: „что намъ нужды по челобитчиковымъ дѣламъ трудиться? Мы де и безъ труда получаемъ жалованье“. Сердечно мы рады исполнить ваше требованіе, лишь бы успѣхъ нашихъ увѣщеваній соотвѣтствовалъ вашимъ и нашимъ желаніямъ. Но въ Евангеліи написано: *Аще Моисея и пророковъ не послушаютъ, то и аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры.* Притомъ, господинъ Доброжелателевъ, не

можетъ и сего оставить, чтобъ не дать вамъ примѣтить, колико трудно найти средство къ поправленію сихъ людей. Вспомните всеобщій крикъ о взяткахъ, когда подьячіе не получали жалованья, но велѣно имъ было кормиться съ дѣлъ. И не въ нашемъ ли вѣкѣ сіе все было? Нынѣ имъ дано жалованье, и жалоба происходитъ, что длятся для того, что кормъ имѣютъ".

Вслѣдъ за тѣмъ редакція помѣстила отъ себя краткое увѣщаніе лихоимцамъ. Вотъ оно:

„Жалованье вамъ опредѣлено не для того, чтобъ вы сыты были и жили во праздности: а для того вы оное получаете, чтобъ вы трудилися и изъ святого правосудія не дѣлали аукціона, и имѣвъ достатокъ, и бывъ сыты по вашему состоянію, не имѣли бы жадности къ деньгамъ, и чтобъ не былъ у васъ правъ тотъ, кто больше вамъ дастъ; а единственно тотъ, котораго требованіе справедливо. Если же вы, получая жалованье, еще сверхъ того берете взятки, то вы кромѣ ослушанія законовъ еще оказываете великую неблагодарность высшей власти, которая вамъ щедро опредѣлила, чѣмъ жить, и обращаете во вредъ то, что учреждено для общей пользы, т.-е., чтобъ вы нужды не чувствовали въ прокормленіи себя, и не требовали бы вамъ не принадлежащаго съ тѣхъ, кои до васъ дѣло имѣютъ. Если же притомъ вы еще и такъ дерзки, что осмѣливаетесь тѣмъ, кои на васъ просить хотятъ за волокиту, грозить тако: изволь-ста, изволь просить, а я скажу, что ты мнѣ деньги давалъ; а за то де наказаніе одно, что плуту-лихоимцу и проч., то уже воистину вы достойны тройного наказанія; и неминуемо изъ двухъ послѣдуетъ одно, или вы будете истреблены, или исправитеся, пока еще на то есть время" *).

Время показало, что такіе чиновники не истребились и не исправились. Нужно, вѣроятно, что-нибудь больше и дѣйствительнѣе, чѣмъ насмѣшки журналовъ, чтобы дѣла измѣнились къ лучшему. О подьячихъ ходила въ то время поговорка, что „отъ подьячихъ деньгами, отъ воровъ дубиною, отъ чертей крестомъ избавиться можно"; а чиновники смѣялись надъ этой бранью, или тупо и равнодушно смотрѣли на журнальныя нападки, которыя для нихъ нисколько не были страшны;

*) Тамъ же, л. 116, стр. 306—309.

большая часть изъ нихъ не знали даже о существованіи журналовъ. Какъ бы то ни было, литература тѣшила себя этой безполезной войною, безполезной потому, что она не вызвала никакихъ радикальныхъ перемѣнъ и современемъ была совершенно забыта. „Всякая Всячина" написала правоучительныя заповѣди подьячимъ, о чемъ просилъ ея корреспондентъ I. С., и печатая ихъ извинялась, что не можетъ напечатать „самыми крупными, регистраторскими словами", а употребляетъ для этого обыкновенный шрифтъ. Всѣхъ заповѣдей двѣнадцать. Содержаніе ихъ слѣдующее:

1) „Не бери взятокъ ни подъ какимъ видомъ: ибо всякій взятокъ есть родъ подкупа.

2) Не волочи дѣла, отъ тебя зависящаго.

3) Не сотвори крючковъ.

4) Не обходися грубо съ людьми.

5) Не говори челобитчикамъ: *завтра*.

6) Не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣлъ или изъ законовъ выписей.

7) Не мѣшайся въ присутствіи въ судейскія разсужденія.

8) Не давай никому наставленій въ ябедѣ.

9) Не напивайся пьянъ.

10) Чеши всякій день голову: ходи чисто по своей возможности, безъ щегольства.

11) Покинь трусость въ разсужденіи иныхъ, и дерзость въ разсужденіи другихъ.

12) Очисти совѣсть отъ всякаго бездѣльства и плутовства, напротивъ того исполняй тебѣ предписанное во твоей должности съ точностію, съ радѣніемъ и съ честностію: и тогда надѣяться можешь милости и награжденій на земли и на небеси" *).

Къ концу 1769 года „Всякая Всячина" между статьями ученаго содержанія и разными переводами не забыла дать мѣсто и разсказамъ о подьячихъ. Видно, что она хотѣла загладить свою вину передъ образованной публикою, которая умѣла отличать благородство направленія отъ литературнаго низкопоклонничества. Въ 146 листѣ помѣщенъ довольно интересный разсказъ г. Доброхотова, изъ котораго видно, что чиновники 1769 года ничѣмъ не отличаются отъ нѣкоторыхъ

*) „Всякая Всячина", стр. 375—376.

чиновниковъ 1859 года и что девяносто лѣтъ не прошли даромъ, развѣ только въ томъ отношеніи, что нынѣшніе Порфиріи Петровичи стали нѣсколько опытнѣе тогдашнихъ судей — за носъ водителей. Г. Доброхотовъ разсказываетъ, что однажды пришли къ нему трое пріятелей, и, какъ ему показалось, всѣ были въ „уныніи“. На вопросъ о причинѣ такой печали, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: „мнѣ есть о чемъ думать: потерялъ мѣсто, а съ нимъ лишился и пропитанія“. Господинъ этотъ служилъ прежде въ военной службѣ, и получивъ отставку, опредѣленъ былъ на воеводство. „Не зная какъ съ симъ званіемъ и того мѣста съ людьми обходиться“, онъ началъ поступать съ подьячими, какъ привыкъ прежде: „ибо мнѣ казалось (говорилъ онъ), я справедливо поступлю, когда сихъ людей приведу въ послушаніе и страхъ для того, что они изволничались и одного слова не слушаютъ“. Чиновникамъ надоѣла строгость, они стакнулись съ воеводскимъ товарищемъ, и подослали къ начальнику челобитчика съ взятками, съ табакомъ, французской водкой и сахаромъ, до чего воевода былъ большой охотникъ; сами же присматривали за нимъ. Сначала воевода отказывался: но проситель уговорилъ его взять подарки, говоря: „это, сударь, бездѣлица, я вамъ свое даю, не ища тѣмъ вашего неправосудія, по дружбы“. Я подумалъ (говоритъ воевода) и правда такъ: вить всякій своему добру господинъ, волю имѣетъ дать и нѣтъ, лишь бы я не домогался и не сдѣлалъ въ судѣ кривды или казнѣ ущерба“. Но на другой же день одинъ изъ подьячихъ подалъ на него доносъ во взяткахъ. Представили дальше. Воеводу отрѣшили отъ мѣста. „Теперь уже другой годъ скитаюсь по дворамъ съ женою и ребятишками (продолжалъ воевода): ибо я не дворянинъ; а что выслужилъ, то и прожилъ, а впередъ какъ жить, самъ не знаю. Лѣта мои старѣются, силы слабѣютъ, *грамоть худо знаю, наукамъ никакимъ, отъ чего бы хлѣбъ имѣть можно, не учился, такъ что ни въ дудочку поиграть*“. Тогда одинъ изъ пришедшихъ сказалъ ему на это: „То-то, братъ, говорится пословица, не учась въ попы не ставятся. Кабы ты бралъ съ умкомъ, такъ бы и про сію пору тамъ жилъ и дѣтямъ оставилъ“. — „Какъ же?“ спросилъ тотъ. — „А вотъ: ты бы съ тѣмъ, кому до тебя нужда, либо сталъ въ карты играть, и онъ бы тебѣ нарочно проигралъ; либо свою худую вещь на его добрую мѣнялъ, онъ бы и тому

былъ радъ; или далъ бы ему комиссію что купить на твои деньги, его бъ дѣло было какъ будто заемное, а тебѣ бы даромъ пришло; или же напослѣдокъ научилъ бы какого мальчика изъ слугъ, чтобъ онъ тотъ оброкъ собиралъ не въ твоихъ глазахъ; а когда бъ дѣло дошло, ты бъ его могъ куда-нибудь сослать. *Да полно слугамъ и безъ того не повѣрятъ въ случаѣ доносовъ на господъ.* Еще способъ: продавать дешевое за большую цѣну. Безспорно, они тѣ же взятки, да въ руку пріидутъ другимъ образомъ, и потому правы".

Выслушавъ объ этихъ продѣлкахъ, г. Доброхотовъ сказалъ своимъ гостямъ: „Его бъ дѣло было безсовѣстное; лучше жить хотя бѣднымъ, но честнымъ человѣкомъ. Только правда; кажется и то худо, чтобы человѣка лишить пропитанія. Нашей Всемилостивѣйшей Обладательницы не въ томъ высочайшее намѣреніе, но чтобъ искоренить сіе зло къ общему благосостоянію человѣческаго рода, которое не иначе пресѣчется, какъ искорененіемъ злыхъ; но всѣ роды паденія человѣческаго ей свѣдомы быть не могутъ, а остаются на душахъ судейскихъ, кои смотрѣть должны на количество и качество паденія и падающаго, помня, что всѣ люди. Мнѣ же кажется такого, который охотникъ до барышей, лучше отрѣшить отъ такого мѣста, гдѣ лакомиться можно, опредѣлить, гдѣ того нѣтъ, и что онъ и по нуждѣ будетъ жить поданнымъ, или иначе оштрафовать, а не совсѣмъ лишать мѣста и пропитанія". А бывшему воеводѣ сказалъ, „чтобъ онъ добивался куда-нибудь въ управители или къ купцамъ въ приказчики, гдѣ, коли съ умкомъ поживетъ, еще скорѣе и безотвѣтнѣе наживетъ".

Тогда третій пріятель Доброхотова, вставъ со стула и собираясь уйти, сказалъ: „Добро, братцы; мнѣ ваши разговоры не помогаютъ, а пора идти искать денегъ занять, отдать попамъ за сорокоустъ жены моей покойной: ибо они безъ того не служатъ.

— Много надобно? спросили его.

— Не меньше сорока рублевъ.

— Развѣ ты любилъ жену?

— Да хотя любилъ, или не любилъ, а для церемоніи сорокоустъ пѣть надобно (отвѣчалъ тотъ): да и чѣмъ же симъ отцамъ кормиться? вѣдь жалованья имъ нѣтъ.

— Полно (совѣтовали ему пріятели), — лучше еще по-

скорѣе жениться, а между тѣмъ можетъ быть на сие цѣна сбудетъ" *).

Почти въ одно время со „Всякой Всячиной" сталъ выходить другой журналъ „И то и сё", который оказалъ больше постоянства въ борьбѣ противъ взяточничества, чѣмъ его предшественница, журнальная бабушка. Въ теченіе всего 1769 г. этотъ журналъ честно сражался съ негодными чиновниками, хотя по содержанію онъ былъ бѣднѣе, можетъ-быть, нѣкоторыхъ другихъ журналовъ и въ нѣкоторомъ отношеніи уступалъ даже „Всякой Всячинѣ"; но онъ не колебался въ своихъ приговорахъ относительно того, что безчестно и вредно, и не клеветалъ на другія періодическія изданія. „И то и сё" въ особенности въ стихахъ любило осмѣивать подьячихъ, секретарей, судей и воеводъ, и хотя стихи эти не имѣли того достоинства, какъ мѣткія обличительныя статьи „Трутня", однако дѣлали свое дѣло. Если разсказъ о глупой воеводской женѣ намекаетъ на какой-нибудь извѣстный фактъ, то не думаемъ, чтобъ ей пріятно было читать 21-й выпускъ „И того и сего". Вотъ это стихотвореніе:

„Въ какой-то городъ былъ отправленъ воевода,
Для управительства различнаго народа.
Жена его была вельми честолюбива,
Боярыня горда и барыня спесива;
Названіемъ такимъ гораздо веселясь,
Поѣхала она къ обѣднѣ въ первый разъ.
Въ то время о дождѣ молиться въ церкви стали,
И всѣ стоящіе колѣни преклоняли.
Она, задумавшись, того не примѣчала,
И воеводствомъ все понятіе питала.
Увидѣвъ, что народъ пригнулъ колѣни вдругъ,
Сказала въ церкви вслухъ:
Востаньте, бѣдняки, я милость обѣщаю,
И просьбы таковой нимало не желаю" **).

Излишній формализмъ, ни къ чему не ведущая канцелярская обрядность, отъ которыхъ страдало наше дѣлопроизводство въ XVIII вѣкѣ, вызвали насмѣшку и въ тогдашней журналистикѣ. Одинъ стихотворецъ говоритъ о себѣ, что онъ

*) Тамъ же, стр. 393—397.
**) „И то и сё", недѣля 21, май.

большой охотникъ писать эклоги, въ которыхъ обыкновенно помѣщаетъ разныя несообразности, въ родѣ слѣдующихъ:

„Пастухъ подъ деревомъ на стулѣ засѣдаетъ.
Намѣсто всѣхъ забавъ онъ лапти ковыряетъ
Иль челобитную старается сплести,
Несклонну хочетъ онъ пастушку въ судъ вести,
Гражданскую во всемъ онъ наблюдаетъ форму,
Даетъ овцамъ своимъ черезъ недѣлю корму,
И если прибѣгутъ и станутъ ѣсть просить,
То скажетъ такъ, я завтра буду васъ кормить,
Отвѣтъ приказному служителю приличный,
А овцы къ голоду гораздо необычны“ *), и т. д.

Въ первые годы царствованія Екатерины II начинали сознавать, что чиновнику нужно образованіе; образованнымъ людямъ, конечно не всегда, давались лучшія мѣста; ихъ честности вѣрили больше. Само собою разумѣется, что старые приказные, нигдѣ не учившіеся, писавшіе слово воевода съ буквою ять, а сѣдъ съ буквою есть, говорили, что ученые молокососы отбиваютъ у нихъ профессію, ихъ судейскія стулья и хлѣбъ; иные, не сознавая пользы образованія, видѣли изъ опыта, что надо чему-нибудь учить дѣтей, хотя ради доходнаго мѣстечка. Литература коснулась и этой стороны жизни тогдашняго общества, давая знать, что подьяческое образованіе далеко не утѣшительно. Подобную мысль выражаетъ „И то и сё“ въ одномъ стихотвореніи, помѣщенномъ въ 25 выпускѣ.

Обличительныя статьи „И того и сего“ почти не имѣютъ характера. Правда, онѣ рисуютъ намъ то прославленное многими время; но этого мало: мы не видимъ, что̀ могли такія статьи сдѣлать для общества.

Когда „И то и сё“ печатало седьмой или восьмой выпускъ, стало выходить „Ни то ни сё“, которое существовало, впрочемъ, недолго: началось 21 февраля, а прекратилось 11 іюля, издавъ двадцать листовъ на ста шестидесяти страницахъ. Но этотъ журналъ касался только общихъ человѣческихъ слабостей и оставилъ въ покоѣ подьячихъ. Можетъ быть, это самое было причиною его скораго паденія, ибо публика требовала, чтобъ ей показывали дѣйствительныя раны, застарѣлыя язвы, которыя и трогать было больно, а жить съ ними

*) Тамъ же, недѣля 16, апрѣль.

еще больше*). Еще меньше касался общественныхъ вопросовъ четвертый журналъ „Поденщина", который начался 1 марта, а кончился въ апрѣлѣ. Пустота содержанія этого журнала объясняетъ его неуспѣхъ въ публикѣ и скорую кончину**).

Совершенно на другихъ началахъ приступлено было къ изданію пятаго журнала „Смѣси". Въ немъ мы видимъ опредѣленную цѣль и благородное направленіе, и публика, искавшая одухновенія въ литературѣ, разъясненія вопросовъ жизни, начинавшихъ ее тревожить, не могла не оцѣнить всего, что было хорошаго въ этомъ журналѣ. Писатели, участвовавшіе въ „Смѣси", были настолько развиты, что не могли и не умѣли мириться съ тѣмъ, что утѣшало близорукихъ соотечественниковъ, и изъ этихъ соотечественниковъ находились люди, которые видѣли, чего другіе не видятъ, и слышали, чего другіе не слышатъ; этихъ-то людей и нельзя было утѣшить ни громкими фразами безъ дѣлъ, ни дѣлами, только снаружи хорошими. Въ то время, когда, повидимому, все ликовало, когда Россія насчитывала десятки именъ, гремѣвшихъ въ Европѣ славою своихъ дѣлъ, новый Діогенъ съ сомнѣніемъ покачивалъ головою и спрашивалъ: „Говорятъ, что вездѣ много людей; но я не нахожу ни одного человѣка. Возьму фонарь и пойду искать"***). Долго онъ и напрасно искалъ. Не находя никого достойнаго имени человѣка, онъ съ отчаяніемъ спрашивалъ: „этого ли я назову человѣкомъ?" — Нѣтъ, — говоритъ онъ. — „Этого ли?" — Опять нѣтъ. Наконецъ, не могъ не наткнуться и на чиновника, и спрашиваетъ: „сего ли криводушника, который пишетъ разметисто и крючковато и умѣетъ всѣ указы толковать въ противную сторону, если за то получитъ деньги, и тѣмъ утѣсняетъ справедливость?" — Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — такое чудовище недостойно и жить на землѣ****). Сознаемся, фраза жестка, но справедлива.

*) „Ни то ни сіо", въ прозѣ и стихахъ, еженедѣльное изданіе 1769 года. На заглавномъ листкѣ — объявленіе цѣны:

Всякъ, кто пожалуетъ безъ денежки алтынъ,
Тому „Ни то ни сіо" дадутъ листокъ одинъ.

**) „Поденщина", или ежедневныя изданія.

***) „Смѣсь", еженедѣльное изданіе 1769 г., [illegible] 1 апрѣля [illegible], стр. 73.

****) Тамъ же, стр. 75—76.

Но какъ наивно тогдашняя литература задѣвала большихъ чиновниковъ, тузовъ, этого мы не въ состояніи представить себѣ въ настоящее время. Напримѣръ, г. В. пишетъ, что одинъ знатный господинъ, у котораго онъ былъ подъ начальствомъ, убавилъ наполовину его жалованье. Вельможа этотъ былъ гордъ и высокомѣренъ, и чтобъ отъ него что-нибудь получить, надо было подличать передъ нимъ, или, какъ онъ говоритъ, быть „гораздо низкимъ"; но его словамъ, господинъ этотъ „не желаетъ, чтобъ его искренно любили и почитали, но чтобы его боялись и, внутренно ненавидя, низко бы ему кланялись". У г. В. онъ за то велѣлъ убавить жалованья, что тотъ не въ поясъ ему кланялся. Тогда г. В. пошелъ къ вельможѣ на поклонъ. „Вы подумаете, что я передъ нимъ сдѣлался подлецомъ?" спрашиваетъ онъ издателей. „Нѣтъ, я довольно самолюбивъ. Посмотрите, какъ я съ нимъ поступилъ, да совѣтую и вамъ то же употреблять въ подобныхъ случаяхъ". Г. В. разсуждалъ такъ: „что мнѣ дѣлать: итти къ горделивому и передъ нимъ унизиться? Нѣтъ, я говорилъ, не хочу. Но для чего же мнѣ не хотѣть? Похвально разумному человѣку утѣшить плачущаго младенца, который оглушаетъ его своимъ крикомъ. Однакоже я и самъ честолюбивъ. Но истинное честолюбіе должно быть основано на разсудкѣ: разсудокъ велитъ къ нему итти". И онъ пошелъ, утѣшая себя тѣмъ, что поступилъ очень умно и благородно. Вельможа принялъ его сурово: „но я его представилъ себѣ сердитымъ младенцемъ, говоритъ г. В., приласкался къ нему, далъ ему кусочекъ сахару и его утѣшилъ". Вельможа за это униженіе не только оставилъ своему ласковому подчиненному все его жалованье, но и прибавилъ еще пятьдесятъ рублей. Г. В. былъ въ восторгѣ отъ своей находчивости*).

Вотъ такъ-то боролись нѣкогда умные люди съ большими господами.

Вскорѣ послѣ этого загорѣлась журнальная война съ „Всякой Всячиной" по поводу статей ея за подьячихъ. „Смѣсь" приняла участіе въ этой полемикѣ и высказалась довольно разумно. Полемика эта уже извѣстна намъ. Но и послѣ того, когда, повидимому, забытъ былъ споръ, вызванный недобросовѣстными статьями „Всякой Всячины", „Смѣсь" при всякомъ

*) Тамъ же, стр. 78—79.

удобномъ случаѣ старалась заявлять свой взглядъ на чиновниковъ и на ихъ общественное значеніе; многое говорилось при случаѣ, но и въ этихъ намекахъ, недомолвкахъ, видна была цѣль, съ которой готовилось то или другое, а въ свое время можно было узнать и самыя лица, о которыхъ это говорилось. Говоря о томъ, что нѣтъ почти ни одного человѣка, который бы не оступился въ дыры, называемыя *но*, и не упалъ въ пропасти, называемыя *если бъ*, „Смѣсь" указываетъ далѣе, вѣроятно, на какихъ-нибудь своихъ знакомыхъ: такой-то министръ былъ бы великій человѣкъ *если бъ* прилежалъ къ къ государственнымъ дѣламъ и не откладывалъ бы ихъ до безконечнаго завтра. Другой годился бы въ государственные совѣтники, *если бъ* въ самомъ дѣлѣ былъ такъ ученъ, какъ самъ о себѣ сказываетъ. Сей бы былъ великій полководецъ, *если бъ* онъ не былъ трусъ. Иной годился бы въ градодержатели, *если бъ* умѣлъ разбирать дѣла, и не наказывалъ правыхъ вмѣсто виновныхъ... Сей господинъ могъ бы быть сенаторомъ, *если бъ* не былъ глупъ" и т. д.*). Далѣе, разсуждая о своихъ знакомыхъ, перебравъ нахаловъ, волокитъ, повѣсъ, мотовъ, издатель добирается и до подьячаго. Дорантъ, — говоритъ онъ, — бывъ подьячимъ и сдѣлавъ привычку ко всѣмъ мошенничествамъ, нашелъ средство достигнуть высшихъ степеней. Онъ разорилъ домовъ десять, пустилъ по міру человѣкъ пятьдесятъ и вездѣ умѣлъ искусно вывертываться. „Правосудіе, осердясь на его лихоимство, хотѣло было его наказать, но онъ заметалъ правосудіе мѣшками съ деньгами. Послѣ этого Дорантъ прослылъ правосуднымъ, разумнымъ и заслужилъ отъ всѣхъ почтеніе: но къ большому удивленію (добавляетъ авторъ) и самъ Дорантъ думаетъ, что онъ правосуденъ"**).

Особенный интересъ имѣетъ письмо, подписанное какимъ-то Т., изъ котораго видно, что подьячіе боялись обличительныхъ статей, и что угроза одного господина — довести до свѣдѣнія редакціи „Смѣси" о мошенничествахъ его знакомаго судьи — произвела страшную драку между обличителемъ и обличаемымъ. Это былъ первый протестъ противъ гласности: обвиняемый протестовалъ кулакомъ и кнутомъ: поборникъ гласности защищался оплеухой и тарелкой.

*) Тамъ же, л. 12, стр. 90—91.

**) Тамъ же, л. 15, стр. 117.

Въ высшей степени замѣчательны письма одного камчадала, помѣщенныя въ „Смѣси“. Письма эти дѣлаютъ честь журналу, потому что проникнуты такой глубокою ироніей, въ нихъ нѣтъ столько благородства, что за одну эту статью „Смѣсь“ заслуживаетъ благодарность потомства. Письма заключаются въ томъ, что будто какой-то камчадалъ, пріѣхавшій въ Петербургъ, удивляется всему, что видитъ, и во всемъ, что его поражаетъ, что не сходно съ здравыми человѣческими понятіями, онъ видитъ что-то неестественное, какое-то колдовство, чары, и говоритъ, что у нихъ въ Камчаткѣ не такъ, лучше и естественнѣе. „Благородство у насъ, говоритъ онъ, состоитъ въ добродѣтели и превосходныхъ дарованіяхъ; но здѣсь оно идетъ изъ рода въ родъ, и часто самая испорченная кровь называется благородною. Между благородными есть графы, князья, бароны... издатель! я дрожу, произнося сіи заколдованныя имена... боюсь писать... перо изъ руки валится... Я видѣлъ, что если потребенъ полководецъ, посолъ или какой другой важный человѣкъ, то тотчасъ изъ снабженныхъ сими именами выходятъ люди, достойные тѣхъ почестей: хотя они не только что не упражнялись въ потребныхъ къ тому знаніяхъ, но не имѣли и малѣйшаго о томъ понятія“.

Дьявольское наважденіе чудилось камчадалу и во всѣхъ продѣлкахъ приказныхъ: „Въ судейскихъ должностяхъ, — говоритъ онъ, — также дѣйствуетъ колдовство; часто глупый сынъ, получа чинъ своего отца, получаетъ и отцовское званіе. Любовница, игра, зрѣлища, щегольство, собаки и лошади составляли все его упражненіе. Но если сядетъ за красное сукно, то откуда что возьмется: онъ узнаетъ всѣ законы, всѣ права, всѣ указы, и будетъ исправный судья. Ежели бы не было тутъ колдовства, то какъ бы онъ могъ рѣшить дѣла, отъ коихъ часто зависитъ счастіе, честь и жизнь его единоземцевъ“.

„Колдовство увѣряетъ простой народъ, что онъ долженъ пахать, сѣять и собирать жатву единственно для своихъ помѣщиковъ, а иногда отъ того и умирать съ голоду; однимъ словомъ, онъ думаетъ, что рыбы, птицы, звѣри и все видимое на свѣтѣ принадлежитъ боярамъ“ и т. д.

„Не только что въ семъ городѣ (въ Петербургѣ), продолжаетъ онъ, такъ много колдовства, но сказываютъ еще мнѣ,

что во всякомъ маломъ городѣ есть колдунъ въ видѣ воеводы, и всѣ простолюдины его боятся, затѣмъ, что опасаются его гнѣва. Сей волхвъ въ опредѣленномъ ему пространствѣ приемлетъ въ свою власть и вѣтры и облака; отъ него зависитъ изобиліе и недостатокъ: въ его рукахъ счастіе и несчастіе крестьянъ: и онъ такъ жестокосердъ, что простой народъ ежедневно молитъ Бога о смягченіи его сердца".

Всѣ эти колдуны и колдовства такъ напугали бѣднаго камчадала, что онъ не могъ оставаться въ Петербургѣ и рвался въ свою холодную Сибирь: „Дай Боже! восклицаетъ онъ, чтобъ я скорѣе возвратился въ свою юрту, на всякомъ шагу опасаюсь я колдуновъ, и боюсь, чтобъ и меня не сдѣлали какою-нибудь заколдованною тварью" *).

Въ статьѣ, подъ заглавіемъ „Каковы люди", „Смѣсь" разбираетъ однихъ почтенныхъ людей, благонамѣренныхъ, и притомъ людей высокаго полета, съ вѣсомъ, и какъ слѣдуетъ ожидать, натыкается и на чиновника, господина Проныра, который, забывъ свое происхожденіе и презирая бѣдныхъ родственниковъ, „добился до большихъ чиновъ". Проныръ играетъ роль министра, и „способенъ дойти до министерства, но не способенъ быть министромъ. Всѣ его поступки основаны на пронырствѣ, хитростяхъ, обманахъ и корыстолюбіи" **). Показывая, какъ въ панорамѣ, разные человѣческіе характеры, „Смѣсь" непремѣнно отыскиваетъ взяточника, который, „не раздаря нѣсколько тысячъ, никогда бы не назывался превосходительнымъ. Ѳемиса (въ образѣ Ѳемиды и Минервы всегда изображалась императрица) съ нимъ въ ссорѣ, она на него просила, дѣло ихъ разбирали, и Взяткову конечно бы по заслугамъ быть на висѣлицѣ, если бы Плутусъ не избавилъ его отъ бѣды" ***). Между прочимъ „Смѣсь" не могла не затронуть чиновника и въ единственной баснѣ, помѣщенной на ея страницахъ, въ которой всѣ, рѣшительно всѣ судьи обвиняются въ воровствѣ. Говоря о томъ, что одна баба, желая спасти отъ мышей спеченный ею для мужа пирогъ, позвала кота, басня прибавляетъ:

---

*) Тамъ же, л. 27, стр. 211—216.

**) Тамъ же, стр. 230.

***) Тамъ же, листъ 40, стр. 317.

Не долго котъ то дѣло разбираетъ,
Судья сей строгъ:
Мышей передавилъ, и съѣлъ пирогъ.
*Такъ точно всякій здѣсь судья дѣла кончаетъ**).

Въ числѣ журналовъ 1769 года, въ особенности отличавшихся обличительнымъ направленіемъ, извѣстенъ журналъ Ѳ. Эмина: „Адская почта или курьеръ изъ ада съ письмами". Журналъ этотъ заключаетъ въ себѣ переписку Кривого Бѣса съ Хромоногимъ. Честное служеніе того и другого бѣса идеямъ добра и правды, злая иронія надъ всѣмъ, что носитъ маску благородства, а въ сущности подло и вредно, иронія, дозволенная однимъ только бѣсамъ, — все это заставляетъ насъ смотрѣть на Кривого и Хромоногаго, какъ на совершенно порядочныхъ людей. Успѣхъ ихъ корреспонденціи доказывается тѣмъ, что „Адская почта" имѣла не одно изданіе и пользовалось большимъ сочувствіемъ публики.

Въ первомъ же письмѣ Кривого къ Хромоногому мы читаемъ удачное изображеніе слабыхъ сторонъ русскаго судоустройства. „Ну, братъ! (пишетъ Кривой) познакомился я съ такимъ человѣкомъ, которому желаю жить на свѣтѣ множество лѣтъ; ибо ежели онъ скоро умретъ, то, пришедъ къ намъ, всѣмъ адомъ ворочать станетъ. Подлинно лукавецъ! Ежели человѣка бѣсомъ назвать можно, то онъ *генералъ-бѣсъ*".

Рѣчь идетъ о чиновникѣ. Это былъ секретарь, умѣвшій толковать законы въ какую угодно сторону, по примѣру того, какъ толкуютъ сны старухи-гадальщицы. Когда Кривой Бѣсъ сидѣлъ въ гостяхъ у этого секретаря, пришелъ къ нему старичокъ, отставной офицеръ, и просилъ написать крѣпость на мужика, котораго онъ купилъ и желалъ отдать въ рекруты. „Секретарь, — говоритъ Бѣсъ, — по подьячески половиною рта отвѣчалъ:

— Ваше благородіе! прошу не прогнѣваться, что вамъ не въ состояніи нахожусь быть услужнымъ, понеже имѣется указъ, чтобъ до окончанія рекрутскаго набора никакихъ крѣпостей не писать, не чинить и не давать.

— Какъ же мнѣ быть, батюшка, — сказалъ старичокъ, — я уже далъ и задатокъ, а сторговалъ мужичка за сто рублей; крестьяне же мои заплатили мнѣ триста рублевъ, чтобы

*) Тамъ же, л. 35, стр. 278—279.

изъ деревни не брать рекрута. Помилуйте, ежели можно я вамъ пятью десятками рублевиковъ за труды служить буду.

Премногомилосердый государь, — отвѣчалъ хозяинъ, — развѣ посмотрѣть въ указную книгу.

Сказавъ это, подумалъ нѣсколько времени, и потомъ обратился къ гостю:

— Согласны ли ваши благородія оба, т.-е. одинъ на покупку, а другой на продажу человѣка?

— Какъ не быть согласнымъ, батюшка, — отвѣчалъ старичокъ.

— Ну, такъ дѣло вершено. Продавецъ можетъ будто отпустить на волю продаваемаго крестьянина и дать ему письмо; потомъ отъ имени мужика написать челобитную, что онъ по причинѣ дороговизны не могши себя пропитать, желаетъ къ вамъ вступить въ подданство, на что по указамъ дается вамъ крѣпость; тогда вы вольны съ нимъ дѣлать, что хотите.

А ежели мужикъ донесетъ на насъ, что онъ никогда не былъ уволенъ, не будетъ ли какихъ хлопотъ?

Не велѣно, ваше благородіе, — отвѣчалъ хозяинъ, — принимать доносовъ отъ крестьянъ на своихъ помѣщиковъ; да мужикъ ничего не можетъ и вѣдать, только бы продавцовой руки было у насъ вольное письмо, а я крѣпость велю написать, и вамъ въ руки отдамъ: тогда къ вамъ приведутъ мужичка, и вы его отдадите въ рекруты.

Въ заключеніе этого разсказа Кривой Бѣсъ прибавляетъ: „я весьма тому удивлялся, что многіе приказные въ свою пользу такъ умѣютъ подбирать указы, какъ игроки карты"*).

Хромоногій Бѣсъ, въ свою очередь, сообщалъ Кривому (въ десятомъ письмѣ), что и онъ живетъ не въ лучшемъ обществѣ, что и онъ видѣлъ много достойнаго любопытства, особенно между людьми служащими. Сдѣланныя имъ наблюденія, какъ и наблюденія его друга, Кривого, объясняютъ, какая путаница господствовала въ нашемъ судопроизводствѣ и какъ страдало общество отъ произвола чиновниковъ, потому что русскій законъ, несмотря на свою плодовитость, рѣдко могъ защитить человѣческую личность при недобросовѣстности властей.

Хромоногій Бѣсъ письмами своими удостовѣряетъ насъ

---

*) „Адская почта", (Спб. 1788), стр. 3—6.

также, что въ царствованіе императрицы Екатерины II, общій нашъ знакомый Павелъ Ивановичъ Чичиковъ могъ также скопить кое-что на службѣ въ таможнѣ, какъ скопилъ онъ, малую толику въ наше время. Хромоногій разсказываетъ о господахъ таможенныхъ чиновникахъ, которыхъ въ то время называли *таможенными крысами*, что они очень ловко пользовались чужимъ добромъ. Нѣтъ такой мягкой рухляди или такого сукна, либо шелковой матеріи, которой бы она (т.-е., таможенная крыса) кусокъ не отгрызла. — такъ объяснялъ Хромоногому продѣлки таможенныхъ одинъ его пріятель. „Какъ же онъ можетъ это дѣлать, — спросилъ Бѣсъ пріятеля, — вѣдь теперь, сказываютъ, что брать въ такихъ мѣстахъ даромъ ничего не велѣно?“ Но тотъ „съ усмѣшкой“ отвѣчалъ ему, что тогда они отъ своей повадки отстанутъ, *когда волкъ перестанетъ ѣсть мясо, а будетъ жить одною травою*. Сколько добрые бояре ни стараются, чтобъ на заставахъ лукавства отъ таможенныхъ служителей не было, однако тщаніе ихъ безуспѣшно, потому что, говоритъ онъ, всегда тотъ свободнѣе проѣзжаетъ мимо заставъ, кто везетъ съ собой запрещенный товаръ, нежели тотъ, кто правъ и ничего подозрительнаго не имѣетъ. Проѣзжающій съ запрещеннымъ товаромъ даетъ чиновникамъ нѣсколько рублевиковъ — и его пропускаютъ; а кто правъ и не захочетъ дать взятку, того возокъ длинными трубами насквозь прокалятъ, будто смотря, не везетъ ли онъ вина или другихъ заповѣданныхъ товаровъ. Тогда набойки, ситцы да и платье его, которое можетъ быть въ юкѣ, все будетъ проколото; и такъ правый за свою правду претерпитъ въ имѣніи ущербъ, а виноватый прибыль“ *).

Изъ этой переписки бѣсовъ мы можемъ видѣть, что въ описываемое нами время чиновники выдумали средство „воровать политическимъ образомъ“, какъ выражается г. Хромоногій: проситель долженъ сходить на поклонъ не къ самому чиновнику, а къ „хозяюшкѣ, которая весьма ласково его приметъ“; если проситель купецъ, то она вытянетъ у него или атласу, или гродетуру на пару платья, и получивъ желаемое, скажетъ: „приди, голубчикъ, черезъ нѣсколько дней, я деньги заплачу“. Купецъ, разумѣя, что̀ это значитъ, и имѣя нужду

---

*) Тамъ же, стр. 72—73.

въ ея мужѣ, пошедъ домой, попрощавшись навѣки съ принесеннымъ кулькомъ. Когда проситель дворянинъ, то разжалуется ему хозяйка, что у нея нѣтъ ни дѣвки ни малаго, и что принуждена все сама работать, и сей проситель, по нуждѣ выучась ея языку, отвѣчаетъ госпожѣ такъ, какъ ей хочется. *Итакъ*, продолжаетъ Бѣсъ, *во взяткахъ нынѣ сдѣлалась та только перемѣна, что прежде мужъ одинъ и принималъ, а теперь съ женою*". Но были и такіе чиновники, которые, по выраженію Бѣса, грабили благороднымъ образомъ: они приглашали просителя къ себѣ обѣдать, потомъ сажали играть въ карты: „проигрывая, говоритъ Бѣсъ, показываютъ видъ весьма сердитый, а выигрывая, чрезвычайно ласковый, и этотъ языкъ скоро сталъ просителямъ вразумителенъ". Въ угожденіе хозяину, они „въ ломберѣ и три матедора сбрасываютъ", а потомъ, проигравъ рублей двѣсти или сколько хозяину „прилично" получить, на другой же день узнаютъ о благополучномъ окончаніи своего дѣла. Въ то время, по словамъ Бѣса, „и купцы начали благородствовать", т.-е. проигрывать чиновникамъ въ карты. Въ заключеніе хромоногій моралистъ выражаетъ то сомнѣніе, что едва ли когда-нибудь выведутся въ Россіи взятки*).

Переходимъ теперь къ самому замѣчательному журналу 1769 года, къ „Трутню". Издателемъ его былъ, какъ мы замѣтили выше, знаменитый Новиковъ, одинъ изъ лучшихъ людей прошлаго вѣка. „Трутень" появился уже послѣ другихъ журналовъ, именно въ маѣ, но зато онъ одинъ изъ журналовъ 1769 года умѣлъ продержаться въ теченіе двухъ лѣтъ. На заглавномъ листѣ его читаемъ эпиграфъ изъ притчей Сумарокова:

Опасно наставленье строго,
Гдѣ звѣрства и безумства много.

Кромѣ эпиграфа, заглавный листъ снабженъ многознаменательной виньеткой. Сатиръ лягаетъ копытомъ осла прямо въ морду и едва не задѣваетъ чью-то жирную физіономію, прикрытую головой и ушами осла; вдали виднѣются еще двѣ личности, которыя намъ не совсѣмъ понятны: или мужикъ бьетъ дубиной какого-то толстаго, встрепаннаго барина, или это бьетъ кто-то самого Сатира прямо въ голову — Богъ

---

*) Тамъ же, письмо 38, стр. 161—165.

вѣсть (пожалуй, что вторая догадка вѣрнѣе, потому что, какъ увидимъ, Сатиру было иногда очень плохо). „Трутень“ посвященъ былъ шталмейстеру Льву Александровичу Нарышкину.

Въ предисловіи издатель говоритъ, что онъ долго думалъ, какой родъ службы избрать ему, и почти ни на чемъ не остановился: военная ему показалась „очень безпокойною и угнетающею человѣчество“; что касается до другихъ казенныхъ обязанностей, то и онѣ не лучше: служба „приказная (говоритъ онъ) хлопотлива, надобно помнить наизусть всѣ законы и указы, а безъ того попадешь въ бѣду за неправое рѣшеніе. Надлежитъ знать всѣ пронырства, въ дѣлахъ употребляемыя, чтобы не быть кѣмъ обмануту, и имѣть смотрѣніе за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорятъ: *дай за работу:* а это очень трудно. И хотя она и по сіе время еще гораздо наживна, но однакожъ она не по моимъ склонностямъ“; придворная то же не по немъ: вотъ почему онъ и рѣшился быть издателемъ. Своихъ трудовъ онъ не обѣщалъ много: „я буду, говоритъ, издавать всѣ присылаемыя ко мнѣ письма, сочиненія и переводы, въ прозѣ и стихахъ, а особливо сатирическія, критическія и прочія, ко исправленію нравовъ служащія: ибо таковыя сочиненія исправленіемъ нравовъ приносятъ великую пользу; а сіе-то и есть мое намѣреніе. Чего ради всѣхъ читателей прошу сдѣлать мнѣ вспоможеніе присылкою своихъ сочиненій, которыя всѣ напечатаны будутъ въ моихъ листкахъ“. Однако, въ этомъ приглашеніи онъ добавилъ, что онъ не можетъ печатать только тѣ сочиненія, „*кои будутъ противъ Бога, правленія, благопристойности и здраваго разсужденія*. Я надѣюсь, что таковыхъ и не будетъ: ибо *противъ первыхъ двухъ въ наше время никто ничего не напишетъ*, кто хотя искру понятія имѣетъ; противъ послѣднихъ же двухъ безъ сомнѣнія благопристойность писать запретитъ“.

Вслѣдъ за подобнымъ объявленіемъ, во второмъ листѣ „Трутня“, напечатана была „Притча“, содержаніемъ своимъ вполнѣ согласная съ программой журнала: она озаглавлена — *Слонъ, произведенный въ чинъ*. Кто былъ этотъ Слонъ, мы не знаемъ; но, вѣроятно, притча имѣла въ виду всѣмъ извѣстное событіе. Вотъ она:

Левъ должностью почтилъ Слона —
Быть главнымъ членомъ;
И грамота къ нему объ этомъ послана.

Завистникамъ ударъ симъ сдѣланъ какъ полѣномъ:
Но кто возможетъ Льва винить!
Что сдѣлалъ Левъ, того нельзя перемѣнить:
Порядокъ правъ велитъ
Ему повиноваться.
Слонъ сталъ сбираться
И въ путь пошелъ.
Слонъ на ногу тяжелъ, —
Пословица не нова:
Извѣстна всѣмъ величина
И толщина
Слонова.
Такъ Слонъ въ пути потѣлъ,
Пыхтѣлъ,
Кряхтѣлъ;
При всемъ при томъ сей звѣрь шелъ скоро, какъ летѣлъ.
Ступилъ лишь слонъ ко Льву въ чертоги,
Упалъ ему онъ въ ноги,
За чинъ благодарилъ
И вѣрой, правдою служить, конечно,
Хотѣлъ Льву вѣчно,
И клятвою слова такія подтвердилъ.
Пошли переговоры;
Но видно по всему,
Ихъ были на Слона съ улыбкой взоры;
Шептали межъ собой: такой чинъ данъ кому,
И должность эта,
Слону надѣта,
Совсѣмъ не по уму,
Способный звѣрь у насъ Лисица есть къ тому.
Такой переговоръ коснулся слуха львова:
Левъ строго ихъ спросилъ: какую рѣчь вели?
Нельзя сказать иного,
Всю правду донесли.
Отвѣтствовалъ имъ Левъ: чтобъ истину прославить,
Я нынѣ положилъ порочныхъ всѣхъ исправить,
Лукавство, лесть и ложь умомъ не должно ставить,
Лисица точно тѣхъ,
Пороковъ трехъ,
Обманывать всѣхъ,
Не ставя въ грѣхъ:
А разумомъ прямымъ тотъ въ свѣтѣ обладаетъ,
Кто правду наблюдаетъ.

Выше мы видѣли, что издатель „Трутня“, въ предисловіи, выразилъ не совсѣмъ лестное мнѣніе о гражданской службѣ, какою она была въ то время. Онъ объявилъ, что не желаетъ

и не умѣетъ быть чиновникомъ. Объ этомъ, какъ онъ говоритъ, узналъ его дядя, старый приказный, для котораго весь міръ представлялся огромнымъ присутственнымъ мѣстомъ, шаръ земной — краснымъ сукномъ на судейскомъ столѣ, моря — большими чернильницами, а весь родъ человѣческій дѣлился на истцовъ и отвѣтчиковъ, на судей и просителей, на дающихъ и берущихъ. Рѣшеніе племянника огорчило дядю, и онъ будто написалъ издателю родственное увѣщаніе, въ которомъ яркими красками изобразилъ картину обѣтованной земли, подьяческую Палестину, подъ которою разумѣлъ всякое доходное присутственное мѣсто. Картина эта въ высшей степени интересна. Соглашаясь съ племянникомъ, что нѣтъ никакой выгоды поступать въ придворную или въ военную службу, дядюшка никакъ не можетъ понять, отчего тотъ пренебрегаетъ приказною карьерою. „Почему она тебѣ противна? спрашиваетъ онъ издателя. *Ежели ты думаешь, что она по нынѣшнимъ указамъ неважная, такъ ты въ этомъ, другъ мой, ошибаешься.* Правда, въ нынѣшнія времена противъ прежняго не придетъ и десятой доли, но со всѣмъ тѣмъ годовъ въ десятокъ можно нажить хорошую деревеньку. Каково жъ нажиточно было прежде, самъ разсуди: нынѣшніе указы много у насъ отняли хлѣба"[1].

Мы позволяемъ себѣ не довѣрять искренности словъ почтеннаго дядюшки: или онъ льститъ „златому вѣку", или слишкомъ ненасытенъ, потому что недавно имѣли случай показать, что указы, на которые жалуется дядюшка, ровно ничего не сдѣлали, да и самъ онъ доказываетъ противное своимъ письмомъ. Онъ самъ признается, что по пріѣздѣ на воеводство онъ не имѣлъ за собой больше шестидесяти душъ дворовыхъ и крестьянъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ, „благодаря Подателя всякихъ благъ", трудами и неусыпными попеченіями нажилъ до трехсотъ душъ, не считая золотой казны, серебра и прочей домашней рухляди; притомъ, говоритъ, нажилъ бы еще и не то, если бъ прокуроръ былъ посговорчивѣе, а то, „какъ его не уговаривай, только онъ, какъ козьи рога въ мѣхъ, не лѣзетъ". Въ этомъ случаѣ дядюшка говоритъ правду. Относительно прокуроровъ того времени мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что это были люди новаго поколѣнія, надежда Россіи, къ сожалѣнію, такъ горько ее обманувшая. Въ прокуроры назначались большею частію люди молодые, образованные, не испорченные закоренѣлыми подьяческими преданіями, боль-

шею частью эта молодежь воспитывалась въ лучшихъ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ, любила читать, сколько это можно было тогда, и еще не примятая жизнью, смотрѣла честно и довѣрчиво впередъ, какъ это всегда бываетъ съ молодымъ поколѣніемъ. Прокуроры, вездѣ, куда ни посылались, старались бороться съ окружавшею ихъ гадостью, они надѣялись побѣдить, потому что издали свѣтило имъ лучшее будущее. Но и въ то время, какъ всегда, молодежь обманулась. Да и что она могла сдѣлать при извѣстныхъ, вѣчно одинаковыхъ и вѣчно гадкихъ условіяхъ, съ которыми уже научилось сживаться человѣчество? Изъ молодыхъ, честныхъ прокуроровъ многіе сдѣлались старыми мошенниками, у кого честность была, такъ сказать, только за кожею, а не въ крови, плоти и костяхъ; а люди съ характеромъ и волею кончили такъ, какъ они всегда кончаютъ. И нашъ прокуроръ, непріятель дядюшки, былъ человѣкъ новаго поколѣнія. „Прокуроръ нашъ человѣкъ молодой (пишетъ онъ), и сказываютъ, что ученой, только я этого не примѣтилъ. Развѣ потому, что онъ въ бытность его въ Петербургѣ накупилъ себѣ премножество книгъ, а пути нѣтъ ни въ одной. Я однажды перебиралъ ихъ всѣ, только ни въ одной не нашелъ, котораго святого въ тотъ день празднуется память, такъ куда онѣ годятся? Я на всѣ его книги святцевъ своихъ не промѣняю. Научился дѣлать верши, которыми думалъ насъ оплетать; только самъ онъ чаще попадается въ наши верши. Мы его частехонько за носъ поваживаемъ. Онъ думаетъ, что всѣ дѣла надлежитъ вершить по наукамъ; а у насъ въ приказныхъ дѣлахъ какія науки? кто правъ, такъ тотъ и безъ наукъ правъ, лишь бы только была у него догадка, какъ приняться за дѣло: *а судейская наука вся въ томъ состоитъ, чтобы умѣть искусненько пригибать указы по своему желанію;* въ чемъ и секретари много намъ помогаютъ. Правда, что это для молодого человѣка трудно и непонятно; но ты этого не опасайся, я тебя столько научу, сколько самъ знаю. Пожалуйста, Иванушка, послушайся меня, просись къ намъ въ городъ въ прокуроры. Я слышалъ, что тебя многіе знатные господа жалуютъ, такъ это тебѣ тотчасъ сдѣлаютъ. Наживи себѣ тамъ хорошихъ защитниковъ, да и пріѣзжай сюда; тогда весь городъ и уѣздъ по нашей дудкѣ плясать будетъ. Разсуди самъ, какъ этого мѣста лучше желать и спокойнѣе. Во всѣхъ дѣлахъ положися на меня, а

ты со стороны ни дай ни вынеси будешь брать жалованье, а коли будетъ умъ такъ и еще жалованьевъ подъ десятокъ въ годъ получишь. Мы такъ искусно будемъ дѣлать, что на насъ и просить нельзя будетъ. А тогда, какъ мы наживемся, хотя и попросятъ, такъ бѣда будетъ не велика. отрѣшатъ отъ дѣлъ и велятъ жить въ своихъ деревняхъ. Вотъ те на, какая бѣда! для чего не жить, коли нажито чѣмъ жить, то худо, какъ прожито чѣмъ жить, а ка́къ нажито, этого никто и не спроситъ. Пожалуйста, послушайся меня, добивайся этого мѣста. Ты, вишь, уже не маленькой ребенокъ, можно о себѣ подумать, чѣмъ вѣкъ жить. Отцовское-то у тебя имѣніе стрень-брень съ горошкомъ, такъ надобно самому наживать; а на мое и не надѣйся, ежели меня не послушаешься, хотя ты у меня и одинъ наслѣдникъ; но я лучше отдамъ чужому, да только такому, который себѣ добра хочетъ. Ежели жъ послушаешься, то при жизни моей укрѣплю все тебѣ. Смотри жъ, я говорю наобумъ, а ты бери себѣ на умъ. Прощай Ивашка; пожалуй, подумай о семъ хорошенько и меня увѣдомь". Въ P S. дядя пишетъ, что посылаетъ вирши, которыя написаны на нихъ прокуроромъ.

„Прочитай ихъ, говоритъ, и послѣ разсуди, что́ прибыльнѣе, вирши марать, иль деньги собирать? Онъ насъ бранитъ, а мы наживаемся и говоримъ, брань на вороту не виснетъ".

Притча, написанная прокуроромъ, изображаетъ двухъ воровъ, изъ которыхъ одинъ грабилъ на большой дорогѣ, а другой въ присутственномъ мѣстѣ. Молодой блюститель закона не можетъ рѣшить, кто изъ нихъ достойнѣе кнута.

Царство подьячихъ — эта была цѣлая Америка для литературы, звѣрей и птицъ множество, начиная отъ самыхъ мелкихъ и безвредныхъ до самыхъ крупныхъ и кровожадныхъ. Дико было чиновному люду увидѣть свои образы, мѣтко списанные съ натуры и продающіеся во всѣхъ книжныхъ лавкахъ и у переплетчиковъ*); дико ему было видѣть солидные образы начальниковъ преданными на поруганіе массѣ, которая пальцами на нихъ тыкала и говорила: „Вотъ Явнокрадовъ, вотъ Проныръ, Взятколюбовъ, Крючковзятковъ, а вотъ Заносъводитель". Но „Трутень", боясь преслѣдованія, оградилъ себя двустишіемъ:

---

*) Почти всѣ журналы продавались тогда у переплетчика Веге

Язвлю тебя? молчи, вѣдь я не именую.
Кричишь не я, да ты являешь совѣсть злую.

Дѣйствительно, онъ никого не называлъ по имени: но развѣ не обидно было слышать, что у насъ въ Россіи есть воры и мошенники? развѣ это не клевета, будто у насъ давались мѣста по протекціи? Конечно, клевета.

„Трутень" въ особенности славился своими объявленіями и публикаціями, между которыми были, какъ теперь въ полицейскихъ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и въ губернскихъ вѣдомостяхъ, извѣщенія о продажахъ, подрядахъ, о потеряхъ и находкахъ, и такъ далѣе. Такъ, напримѣръ, между прочими вызовами къ подрядамъ читаемъ: „въ нѣкоторое судебное мѣсто потребно правосудія до десяти пудъ; желающія къ поставкѣ онаго подрядиться, могутъ явиться въ ономъ мѣстѣ". Между публикаціями о продажахъ читаемъ: „недавно пожалованный воевода отъѣзжаетъ въ порученное ему мѣсто и для облегченія въ пути продаетъ свою совѣсть; желающія купить могутъ ево сыскать въ здѣшнемъ городѣ".

Или слѣдующая публикація о продажѣ: „За вексельный искъ описанное и оцѣненное въ 14 руб. 57 $^{3}/_{4}$ коп., оставшее послѣ покойнаго судьи Правдолюбова стяжаніе, состоящее въ вѣрности къ отечеству, нелицепріятіи, правосудіи, истинномъ понятіи законовъ, милосердіи о бѣдныхъ и здравомъ разсужденіи, имѣетъ быть продано съ публичнаго торгу: ибо наслѣдниковъ ко оному стяжанію изъ всей его родни не явилось; желающіе покупать могутъ явиться у аукціониста, которой продавать будетъ".

Но не долго суждено было „Трутню" дѣйствовать во имя свободнаго слова, даже такъ, какъ оно понималось въ то время. Не успѣлъ онъ просуществовать и одного мѣсяца, какъ успѣлъ уже возбуждать толки и пересуды въ нѣкоторыхъ гостиныхъ; изъ богатыхъ гостиныхъ толки и пересуды перешли въ кабинеты значительныхъ людей: заговорили и при дворѣ. Уже въ іюнѣ, тотчасъ послѣ полемики со „Всякой Всячиной", началась реакція. Въ первый разъ русское общество поражено было обличительной рѣчью журналистики; уже то было для него ново и непривычно, что оно увидѣло въ рукахъ своихъ прежде невиданныя изданія; самые журналы были для него чѣмъ-то необыкновеннымъ. Но когда въ изданіяхъ этихъ заговорилось о такихъ вещахъ, о которыхъ прежде говорили

только въ четырехъ стѣнахъ, да и то шопотомъ: когда общество увидѣло многихъ изъ своихъ членовъ безъ покрывала, въ такомъ видѣ и съ такой стороны, которая тщательно скрывалась отъ свѣта, — на журналистику посыпались проклятія со стороны меньшинства и благословенія со стороны большинства: что чувствовало за собою вину, у кого совѣсть была замарана, хвостъ не чистъ, голова и честь не въ порядкѣ, — опрокинулось на бѣдное свободное слово: напротивъ, что было честно, или обижено, или угнетено несправедливо, всѣ, наконецъ, искавшіе общей пользы и общей правды, — искренно обрадовались этому утѣшительному явленію. Но, къ сожалѣнію, извѣстное меньшинство всегда сильнѣе большинства — это истина не новая, хотя, повидимому, нѣсколько странная. 6-го же іюня редакція „Трутня" получила письмо, подписанное какимъ-то г. Чистосердовымъ, конечно, псевдонимомъ, это было предостереженіе. Письмо это имѣетъ важное значеніе въ исторіи русской журналистики, въ особенности — въ исторіи гласности, и потому мы рѣшаемся помѣстить его здѣсь вполнѣ. Письмо слѣдуетъ:

„Господинъ издатель! Чистосердечное ваше о самомъ себѣ описаніе мнѣ весьма нравится; чего ради я отъ добраго сердца хочу вамъ дать совѣтъ. Въ вашемъ „Трутнѣ" печатаемыя сочиненія многими разумными и знающими людьми похваляются. Это хорошо: да то бѣда, что многіе испорченные нравы и злыя сердца имѣющіе люди принимаютъ на себя осмѣиваемыя вами лица и критикуемые вами пороки берутъ на свой щетъ. Это бы и не худо: ибо зеркало для того и дѣлается, чтобы смотрящіеся въ него видѣли свои недостатки и оные исправляли. И то зеркало почитается лучшимъ, которое вѣрнѣе показываетъ лицо смотрящагося. Но дѣло въ томъ состоитъ, что *въ вашемъ зеркалѣ, названномъ „Трутень", видятъ себя и многіе знатные бояре*. И хотя въ предисловіи своемъ и дали знать, что будете сообщать не свои, но присылаемыя къ вамъ сочиненія, однакожъ злостію напоившіе свои сердца люди ставятъ это на вашъ щетъ. Вотъ что худо-то! Мнѣ очень будетъ прискорбно, ежели кто на васъ за то будетъ досадовать: а каково имѣть дѣло съ худыми людьми и знатными боярами, я ужъ искусился. Я доживаю шестой десятокъ лѣтъ, и во всю мою жизнь имѣлъ нещастіе тягаться съ большими боярами, угнетавшими истину, право-

судіе, честь, добродѣтель и человѣчество. О г. издатель! сколько я отъ нихъ претерпѣлъ! Смѣло сказать можно, что лучше имѣть дѣло съ лютымъ тигромъ, нежели съ сильнымъ злымъ человѣкомъ: тотъ со всѣмъ своимъ звѣрствомъ и лютостію отнимаетъ только жизнь, а послѣдній оной не отнимаетъ, но, отнимая душевное спокойствіе и крѣпость, приводитъ духъ въ изнеможеніе такъ, что иногда подосадуешь за то, начто написано: не ревнуй лукавнующимъ, ниже завидуй творящимъ беззаконіе... Намнясь при мнѣ одинъ придворной не господинъ, да еще господчикъ, говорилъ о вашемъ „Трутнѣ" весьма пристрастно: надлежитъ сказать, что онъ имѣетъ доброе сердце; но нѣкоторая слабость имъ очень владѣетъ, почему онъ говоритъ и дѣлаетъ: *„Не въ свои-де этотъ авторъ садится сани. Онъ-де начинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая-де смѣлость не что иное есть какъ дерзновеніе. Полно-де его отпряла недавно „Всякая Всячина" очень хорошо: да это еще ничего, въ старыя времена послали бы-де его потрудиться для пользы государственной описывать нравы каковы на [illegible] царства русскаго владѣнія: но нынче-де дали волю писать и пересмѣхать знатныхъ и за такія сатиры не наказываютъ. Вѣдь-де знатной господинъ не простой дворянинъ, что на немъ то же взыскивать, что и на простолюдинахъ. Кто-де не имѣетъ почтенія и подобострастія къ знатнымъ особамъ, тотъ уже худой слуга. Знать, что-де онъ не слыхалъ, что были на Руси сатирики и не въ его пору, но и тѣмъ рога посломали"*. Письмо мое оканчиваю искреннимъ желаніемъ успѣха въ вашемъ трудѣ, и чтобы мой совѣтъ принесъ вамъ пользу, а изданіе ваше всѣмъ знатнымъ господамъ чтобы такъ правилось, какъ нравится *оно семерымъ знатнымъ боярамъ*, которыхъ я знаю. Сіи господа читать сатиры великіе охотники, и читая оныя, никогда не краснѣютъ для того, что никогда не дѣлаютъ того, отъ чего, читая сатиры, краснѣть должно".

„Семеро знатныхъ бояръ", о которыхъ говорится въ концѣ письма, были, конечно, первые сановники государства. Въ другомъ мѣстѣ „Трутень" также указываетъ на нихъ, вотъ по какому случаю: почти въ концѣ 1769 года, въ тридцать второмъ выпускѣ этого журнала, помѣщенъ разговоръ подъ заглавіемъ: „Я и „Трутень", изъ котораго видно, что своими

обличительными статьями „Трутень“ вооружилъ противъ себя многихъ, почему-либо не любившихъ, когда объ нихъ громко говорили. *Я* замѣчаетъ, что на него озлобились всѣ, увидѣвши себя на его листкахъ, — а такихъ очень много: озлобились и всѣ знатные господа.

— Такъ по твоему мнѣнію въ знатныхъ господахъ нѣтъ ни единаго добродѣтельнаго человѣка? спрашиваетъ „Трутень“.

— Есть, только мало такихъ, которые помнятъ истину, любятъ добродѣтель и проч., отвѣчаетъ *Я*.

— Такъ неужели думаешь ты, что всѣ знатные господа похожи на описанныхъ тобою? Ежели ты такъ думаешь, такъ очень много ошибаешься. Посмотри на О... П... П... С... В... Ш... Б... В...

— Я не спорю, что сіи господа, тобою поименованные, столько добродѣтельны, какъ ты сказываешь; но и т. д. отвѣчало *Я*.

Не трудно понять, какія имена скрывались подъ начальными буквами О, П, П, С, В, Ш, Б и В. Но здѣсь мы насчитываемъ уже не *семь*, а *восемь* знатныхъ бояръ: одного, вѣроятно, прибавили послѣ, чтобъ не было обидно. Мы не знаемъ, любили ли эти господа обличительную литературу своего времени; но намъ пріятно слышать изъ устъ современника, что они точно любили ее. Однакожъ камень былъ брошенъ въ воду: „Трутень“ уже не могъ печатать нѣкоторыхъ статей безъ оговорокъ, хотя, по возможности, старался слѣдовать своей программѣ. Насколько онъ успѣлъ въ этомъ и долго ли могъ продержаться въ борьбѣ съ невѣжествомъ, мы скоро увидимъ.

Что неблагонамѣренные крикуны не могли окончательно убить робкія попытки начинавшейся тогда гласности, доказываетъ „Трутень“ своими послѣдующими статьями, появившимися въ печати вслѣдъ за сдѣланнымъ ему предостереженіемъ. Іюньскіе, іюльскіе, августовскіе и даже позднѣйшіе выпуски этого журнала, можно сказать, пересыпаны мелкими статейками сатирическаго содержанія. Слѣдуя совѣту г. Чистосердова, „Трутень“ напалъ на чиновниковъ и на прочую мелкую пташку, держась русской пословицы: „бей галку и ворону“ и такъ далѣе; знатныхъ бояръ онъ какъ будто оставлялъ въ покоѣ.

Послѣ того какъ по городу начали ходить неблагопріятные слухи о „Трутнѣ“ и редакція его положительно освѣдомилась,

что имъ недовольны многіе, собственно за его злыя насмѣшки надъ всѣмъ, что стоило слезъ, а не смѣха. Новиковъ написалъ слѣдующее шуточное объявленіе подъ заголовкомъ „подрядокъ“: „Издателю „Трутня“ для наполненія еженедѣльныхъ листовъ потребно простонародныхъ сказокъ и басенъ: ибо изъ присылаемыхъ къ нему сатирическихъ и критическихъ пьесъ многихъ не напечатаютъ; а напечатанныя безъ всякаго стыда многіе принимаютъ на свой щетъ, и его злословятъ за то повсемѣстно; желающіе въ поставкѣ помянутыхъ сказокъ подрядиться и взять не свыше рубля 25 коп. за сто могутъ явиться въ его домѣ“. Итакъ, вотъ гдѣ начало извѣстныхъ всѣмъ „обстоятельствъ, отъ редакцій не зависящихъ“. Они начались въ первый годъ нашей журналистики, въ 1769 году.

Послѣ того какъ издателю „Трутня“ стало извѣстно, что его обличительныя статьи принимались нѣкоторыми лицами не совсѣмъ дружелюбно и всѣми этими толками за и противъ гласности поднятъ былъ вопросъ о свободѣ слова, предѣлахъ гласности и обличенія и проч., г. Правдулюбовъ, уже извѣстный намъ изъ полемики съ „Всякой Всячиной“, снова выступилъ съ своими дѣльными статьями. Въ письмѣ къ издателю „Трутня“ онъ говоритъ: „Я увѣренъ, что вы ненавистники пороковъ и порочныхъ, и что не слѣдуете мнѣнію утверждающихъ, что порочнаго на лицо критиковать не надлежитъ, но вообще порокъ; да и то издалека и слегка. Я не вѣдаю, какой они отъ такихъ дальнихъ околичностей ожидаютъ правды“.

Въ подтвержденіе того, что „критика на лицо больше подѣйствуетъ, нежели какъ бы она писана на общій порокъ“, Правдулюбовъ приводитъ нѣсколько примѣровъ: „я много разъ видалъ, говоритъ онъ, что когда представляютъ на театрѣ „Скупого“, тогда почти всякой скупой старикъ въ театръ смотрѣть ѣздитъ. Для чего же? для того, что онъ думаетъ тогда о какомъ ни на есть другомъ скупягѣ; а себя навѣрное тогда не вспомнитъ. Когда представляютъ Лихоимца, тогда кажется, что не всѣ скупые на Кощея смотрѣть будутъ. Меня никто не увѣритъ и въ томъ, чтобы Мольеровъ Гарпагонъ писанъ былъ на общій порокъ. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествіи многихъ лѣтъ обращается въ критику на общій порокъ, осмѣянной по справедливости. Кощей, со

временемъ будетъ общій подлинникъ всѣхъ лихоимцевъ. Я утверждаю, что критика, написанная на лицо, но такъ, чтобы не всѣмъ была открыта (зачѣмъ же?), больше можетъ исправить порочнаго" и т. д.

Кромѣ г. Правдулюбова такія же развитыя понятія о гласности имѣли и другіе образованные люди той эпохи. Между прочимъ, нашъ извѣстный писатель прошлаго вѣка, Аблесимовъ, хотя не такъ далеко заходилъ въ этомъ случаѣ, какъ г. Правдулюбовъ, однако требовалъ *личной сатиры*. Посылая, при особомъ письмѣ, въ редакцію „Трутня" свои стихотворенія и прося ихъ напечатать, онъ прибавляетъ въ P. S.: „Многіе говорятъ: личныя сатиры не что иное, какъ леряновіе, и проч... а того и не вздумаютъ, что всякое происшествіе никогда не бываетъ тайно. Сперва говорятъ о томъ друзья, послѣ пріятели, а наконецъ сей слухъ распространится и по всѣмъ незнакомымъ. Когда же новыя вѣсти изъ двора во дворъ переносить словами не почитается неблагопристойностью, но оныя еще со удовольствіемъ слушаютъ, такъ для чего же ихъ не печатать?" Онъ говоритъ, что словами разсказываютъ всегда язвительнѣе и обыкновенно во вредъ порочнаго; „напротивъ того, печатныя вычищены отъ всякихъ грубостей и непристойностей" и т. д. (стр. 226).

Къ статьямъ этого рода принадлежатъ такъ называемые *рецепты*, прописываемые докторомъ Лѣчителемъ для разныхъ паціентовъ, страдающихъ душевными болѣзнями. Въ этомъ случаѣ г. Лѣчитель можетъ назваться предшественникомъ доктора Крупова. Особеннымъ остроуміемъ отличаются его рецепты: „Для его превосходительства г. Недоума", „Для нѣкотораго судьи", „Для г. Безразсуда", и нѣкоторые другіе. Описаніе болѣзни, или какъ доктора называютъ — скорбный листъ его превосходительства отличается особенной полнотой; видно, что докторъ тщательно изучилъ болѣзненные симптомы паціента. Этотъ вельможа страдаетъ ежедневною горячкою величаться своею породою. Онъ производитъ свое „поколѣніе" отъ начала вселенной и презираетъ всѣхъ тѣхъ, которые не могутъ доказать дворянства по крайней мѣрѣ за пятьсотъ лѣтъ: а которые сдѣлались дворянами лѣтъ за сто или меньше, съ тѣми и говорить гнушается: если кто-нибудь въ его присутствіи упомянетъ о мѣщанахъ и крестьянахъ, его тотчасъ начинаетъ трясти лихорадка. Его превосходительство, „въ

противность моднаго нарѣчія", въ которомъ принято было людей этихъ двухъ сословій называть „подлыми", не удостоиваетъ даже „имени подлости": а какъ ихъ называть, „того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумалъ"; онъ не ѣздитъ ни въ церковь, ни по улицамъ, опасаясь смертельнаго обморока, который, думаетъ онъ, непремѣнно съ нимъ сдѣлается, если онъ встрѣтится съ неблагороднымъ человѣкомъ. Вотъ для чего этотъ вельможа, „подобясь дикому медвѣдю, сосущему свои лапы" навсегда превратилъ домъ свой въ лѣтнюю и зимнюю для себя берлогу, „или лучше, онъ сдѣлалъ домъ свой домомъ бѣшеныхъ, въ которомъ, отдавая себѣ справедливость, добровольно заключился". Затворникъ этотъ ежеминутно негодуетъ па судьбу, которая осудила его пользоваться тѣмъ же воздухомъ, солнцемъ и мѣсяцемъ, которыми пользуется простой народъ. Онъ желаетъ, чтобы на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ „тварей, кромѣ благородныхъ", и чтобы простой народъ былъ совсѣмъ истребленъ: объ этомъ неоднократно подавалъ онъ проекты, „которые многими ради хорошихъ и отмѣнныхъ мыслей были похваляемы"; но многими были отвергнуты (опорочены) на томъ основаніи, что изобрѣтатель для приведенія въ исполненіе своей геніальной мысли требовалъ впередъ трехсотъ милліоновъ рублей. Этотъ вельможа ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, считаетъ ихъ „безчестіемъ для всякой благородной головы". По его мнѣнію, всякій шляхтичъ можетъ все знать, ничему не учась; философія, математика, физика и прочія науки „суть бездѣлицы, не стоящія вниманія дворянскаго". Одни гербовишки и патенты, кое-какъ спасшіеся отъ пыли и моли, — единственныя книги, которыя онъ безпрестанно „по складамъ" разбираетъ. Александрійскіе листы, на которыхъ расписаны въ кружкахъ имена его предковъ, — единственныя картины, которыми украшенъ весь его домъ: „короче сказать (говоритъ скорбный листъ), деревья, чрезъ которыя онъ происхожденія своего рода означаетъ хотя многія сухія имѣютъ отрасли, но нѣтъ на нихъ такого гнилого сучка или нѣтъ такой во всѣхъ фамильныхъ его гербахъ скотины, каковъ его превосходительство". Однако г. Недоумъ не то думаетъ о своей особѣ, „и по крайней мѣрѣ въ разумѣ великимъ человѣкомъ и въ породѣ божкомъ себя почитаетъ"; но чтобы и весь свѣтъ тому вѣрилъ, то онъ старается отли-

чаться отъ другихъ не полезными и славными дѣлами, а великолѣпными домами, экипажами и ливреею, несмотря на то, что для поддержанія своей глупости проживаетъ уже тѣ доходы, которые въ десять лѣтъ нельзя было прожить. Слѣдуетъ рецептъ противъ этой горячки: „Надлежитъ больному довольную мѣру здраваго привить разсудка и человѣколюбія, что истребитъ изъ него пустую кичливость и высокомѣрное презрѣніе къ другимъ людямъ: ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество; но она всегда будетъ обезчещена, когда не подкрѣпится достоинствомъ и знатными къ отечеству заслугами. Мнится, что похвальнѣе бѣднымъ быть дворяниномъ или мѣщаниномъ и полезнымъ государству членомъ, нежели знатной породы тунеядцемъ, извѣстнымъ только по глупости, дому, экипажамъ и ливреѣ".

Въ рецептѣ для судьи находятся другіе медикаменты и наставленія. Докторъ совѣтуетъ ему постараться изучить необходимыя для судейскаго званія науки; пріобрѣсти человѣколюбіе и безкорыстіе; избѣгать невѣжества, праздности, лѣности и пристрастія. „Когда ты все сіе истолчешь въ порошокъ (сказано въ рецептѣ), и пересыплешь имъ свое сердце и мозгъ, тогда будешь судія отецъ, судія истины, сынъ отечества, а не судія палачъ" (стр. 178—182).

Въ скорбномъ листѣ г. Безразсуда едва ли не больше остроумія, чѣмъ въ скорбномъ листѣ генерала Недоума, хотя болѣзни ихъ нѣсколько сходны между собою. „Безразсудъ боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они — крѣпостныя его рабы".

Въ разсматриваемыхъ нами журналахъ не былъ обойденъ вопросъ о крестьянахъ и о ненормальномъ отношеніи ихъ къ помѣщикамъ. По поводу этого предмета высказано было много дѣльнаго; въ нѣкоторыхъ статьяхъ видны высоко-гуманныя воззрѣнія на связь и отношенія несвободныхъ сословій къ владѣльцамъ. Въ ряду легкихъ сатирическихъ статеекъ попадаются такія строго обдуманныя и глубоко прочувствованныя мысли, такіе неопровержимые доводы, высказать которые не постыдились бы лучшіе люди второй половины XIX вѣка.

Наконецъ наступилъ 1770 годъ, второй годъ русской журналистики. Изъ восьми журналовъ, выходившихъ 1769 году

осталось только два: „Всякая Всячина", которая еще существовала нѣсколько мѣсяцевъ, печатая статьи и письма, оставшіяся въ редакціи отъ предшествовавшаго года, и „Трутень". Прочіе журналы прекратились. Изъ новыхъ стали выходить въ этомъ году „Пустомеля" и „Парнасской Щепетильникъ".

Старые журналы прекратились не потому, чтобы имъ не сочувствовала публика — сочувствіе было общее; но они кончили свое существованіе по разнымъ, большею частію, независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

Въ 1769 году журналистика наша, едва только родившись, начала уже прямо указывать на тѣ стороны русской жизни, которыя наиболѣе портили эту жизнь и останавливали наше развитіе. Богъ вѣсть откуда повыходили на сцену темныя личности съ ихъ темными дѣлами, ничѣмъ и никѣмъ неконтролированными до того времени; изъ разныхъ угловъ раздались такіе голоса, которыхъ мы прежде не слыхали, и заговорили о томъ, о чемъ не говоритъ намъ исторія.

Мордавцевъ.

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ «ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЫ».

Картины современныхъ нравовъ, такъ вѣрно названныя Буличемъ „tableaux de genre" и представленныя на страницахъ нашихъ сатирическихъ журналовъ, обращаютъ на себя вниманіе и въ настоящее время яркостью и поразительной вѣрностью красокъ: многія изъ нихъ драгоцѣнны для насъ тѣмъ, что, будучи исполнены мастерскою кистью, не утратили черезъ сто слишкомъ лѣтъ своего интереса, сохранивъ въ такой свѣжести черты жизни давно исчезнувшаго общественнаго быта. Такъ, напримѣръ, изображаетъ „Всячина" семейство, погрязшее въ предразсудкахъ и суевѣріи: „Ѣздилъ я недавно обѣдать за Москворѣчье къ одному знакомому мнѣ человѣку. Съ неудовольствіемъ увидѣлъ я весь домъ его въ великомъ унынiи. Я навѣдывался, что тому причиною, и получилъ на то въ отвѣтъ, что жена его видѣла дурной сонъ, который ему, ей или дѣтямъ грозитъ какимъ-то несчастьемъ. Погодя, хозяйка вышла. Она мнѣ казалась въ столь глубокой печали, что она бы произвела во мнѣ много сожалѣнія, если бы я напередъ не узналъ причины. Мы сѣли за столъ. Хозяйка взглянула на меня и, оборотясь къ мужу, сказала ему сія

достопамятныя слова: Сердце мое, вспомни посторонняго, который нечесь сидѣлъ за свѣчкою. Потомъ зачала разсуждать о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Меньшой ихъ, маленькій сынъ, который сидѣлъ на концѣ стола, зачалъ говорить: Матушка, въ понедѣльникъ зачну я склады. Въ понедѣльникъ! вскричала мать; сохрани Богъ! съ понедѣльника не начинаютъ. Скажи понамарю, чтобъ со вторника началъ. Пока я мысленно дивился, что нашелъ особу, коя желала установить правиломъ, потерять въ недѣлѣ одинъ день, хозяйка просила меня подать ей соль. Я, спѣша сдѣлать ей сію угодность, отъ скорости и робости уронилъ на половинѣ дороги солонку. Увидя сіе несчастіе, она затряслась и тотчасъ примѣтила, что соль просыпалась прямою дорогою къ ней. Я самъ оробѣлъ и стыдился, что я у всѣхъ произвелъ толикій страхъ. Хозяйка, немного опомнясь, вздыхая, мужу сказала: голубчикъ! одно нещастіе безъ другого не бываетъ. Вспомни что голубятня наша обвалилась въ тотъ же день, какъ дѣвка просыпала соль на столѣ. Помню, отвѣтствовалъ мужъ: а на другой день получили мы извѣстіе о Цорндорфской баталіи. Изъ сихъ рѣчей понялъ я, кто въ домѣ верхъ имѣлъ, и что другъ мой не столь изъ глупости, какъ отъ слабости подражалъ суевѣріямъ своея супруги. Впрочемъ читатель представить себѣ можетъ мое трудное состояніе при сихъ разговорахъ. Я спѣшилъ наѣсться съ пасмурнымъ видомъ. При концѣ стола, я положилъ на своей тарелкѣ ножъ и вилку не нарочно на-крестъ. Но хозяйка просила меня, чтобъ я оные положилъ рядомъ. Мнѣ казалося, что въ томъ никакія неучтивости я не сдѣлалъ: однако видя столько прихотей и унынія, исполнилъ ея желаніе: хотя я тому причины по сей день еще не знаю. Я скоро потомъ узналъ изъ обхожденія сея госпожи, что она меня принимала за человѣка страннаго и за предвѣстника несчастій. И такъ кой часъ отобѣдалъ я, простясь уѣхалъ домой и, запершись въ своей комнатѣ, размышлялъ: сколько безпокойства люди сами себѣ наносятъ глупыми выдумками, иногда обращая самыя простыя приключенія во вредные себѣ примѣры и страдая заподлинно отъ таковыхъ пустыхъ вымысловъ. Я зналъ человѣка, который ночь цѣлую не спалъ оттого, что увидѣлъ сѣверное сіяніе. Иногда крикъ вороны болѣе тревоги въ домѣ производилъ, нежели смерть невѣстки. Послѣдняя бездѣлица бываетъ стра-

пилищемъ ужаснымъ сею болѣзнію зараженнымъ мыслямъ. И тогда старый заржавѣлый гвоздь и кривая булавка принимаются за чудо. Я помню, какъ былъ я однажды въ бесѣдѣ, гдѣ веселье и удовольствіе отвсюду блистало до тѣхъ поръ, пока одна старушка не примѣтила, что насъ сидѣло тринадцать за столомъ. Услыша сіе, многія женщины, испугавшись, вскочили изъ-за стола, и побѣжали вонъ изъ комнаты. Но одинъ изъ моихъ знакомыхъ далъ примѣтить, что тутъ же была его беременная сожительница, и что насъ не тринадцать, но четырнадцать, сказавъ при томъ, что не токмо нѣтъ никакія примѣты убыли чрезъ смерть, но явно еще предсказаніе прибыли будущимъ рожденіемъ его жены оказывается... Я зналъ одну дѣвицу, лѣтъ между двадцати пяти и пятидесяти, а точно ея лѣтъ сказать нельзя: ибо дѣвушки, когда онѣ за двадцать лѣтъ, всякій годъ убавляютъ себѣ по двѣнадцати мѣсяцевъ. Я знаю, говорю я, дѣвицу, коя припадки имѣетъ болѣзни, называемыя у насъ невѣжливымъ именемъ матки. Сія красавица причиняетъ множество тревогъ своимъ знакомымъ сосѣдкамъ. Она въ одномъ знатномъ домѣ въ теткахъ живетъ, предсказывая отъ начала года до конца. Она видитъ всегда сны: она предвѣщаетъ смерть, войну и миръ. Нѣсколько дней тому назадъ, какъ она было съ ума сошла отъ того, что дворная собака лаяла, какъ у нея зубы болѣли. Она выслала дѣвку смотрѣть, лаетъ ли собака, подымая рыло или опуская голову къ землѣ. Дѣвка пришла съ отвѣтомъ, что собака со двора ушла: и то была бѣда..." *).

Не можемъ удержаться, чтобъ не выписать слѣдующую картину, живо рисующую всю дикость неопрятной и нелѣпой обстановки домашней жизни тогдашнихъ баръ средней руки, отживавшихъ вѣкъ свой: эта картина поразительна комизмомъ своимъ, не уступающимъ любой сценѣ изъ комедій знаменитаго Фонвизина. Она озаглавлена: „Привычка есть второе естество". Издатель „Всячины" сообщаетъ читателю такого рода случившееся съ нимъ происшествіе: „На сихъ дняхъ съѣздилъ я къ теткѣ моей, барынѣ лѣтъ семидесяти, прощаться, у коей не случилось мнѣ быть лѣтъ съ десять. Не успѣлъ я войти въ двери и ей поклониться, какъ она закричала на меня: бусурманъ, какъ ты въ комнаты входишь,

*) „Всячина", стр. 17—31.

да не крестишься? Я извинился, говоря, что я столь спѣшилъ къ ней подойти, что позабылся. Она всегда смотритъ нахмурившись: и такъ я разглядѣть не могъ, какъ мое извиненіе было принято. Я старался подойти поближе къ кровати, на коей она сидѣла, чтобъ поцѣловать у нея руку: но почти непреоборимыя препятствія между нами находились и лишали меня долго сего удовольствія. У самой двери направо стоялъ превеликій сундукъ, желѣзомъ окованный; налѣво множество ящиковъ, ларчиковъ, коробочекъ и скамеечекъ барскихъ барынь. При концѣ сего узкаго прохода, сидѣла на землѣ рядомъ слѣпая между двумя карлицами, и двѣ богадѣльницы. Передъ ними, ближе къ кровати, лежалъ мужикъ, который сказки сказывалъ; одна излишняя за статомъ монахиня, двѣ внуки ея родныя, дѣвушки-невѣсты, да дура. Монахиня да внуки отъ прочихъ были тѣмъ отмѣнены, что онѣ лежали на перинахъ; у кровати занавѣски были открыты, знатно отъ духоты, ибо тетушка была одѣта очень тепло: сверхъ сорочки она имѣла лисью шубу. Нѣсколько старухъ и дѣвокъ еще стояло у стѣны для услугъ, подпирая рукою руку, а сею щеку. Ихъ недосуги живо изображало растрепанное убранство ихъ головъ и выпачканное платье. Я заключилъ, что у нея въ комнатѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы не находился православный. Какъ я служилъ въ артиллеріи и учился брать дистанціи, мнѣ приходило въ голову, что если мнѣ удастся перескочить черезъ слѣпую, то попаду въ уголъ: а оттудова примѣтилъ я узкій проходъ возлѣ стѣны къ кровати тетки моей. Я отвѣдалъ своего счастія: но скоча не разбѣжавшись, попалъ я одною ногою на карманъ весьма мягкій, поскользнулся и насилу въ углу удержался; а концомъ шпаги зацѣпилъ одну карлицу за тряпицу, коею обверчена была ея голова, и утащилъ ее за собою. Изъ сего приключенія родился крикъ и визгъ необычайной карлицы. Я еще не успѣлъ отцѣпить, какъ услышалъ что слѣпая возопила велiимъ голосомъ: Ахъ проклятый! раздавилъ мои пироги, и весь карманъ мой замаслилъ. Тетушка очень осердилась на меня и сказала: Что ты, шалунъ, ко мнѣ пріѣхалъ моихъ домашнихъ передавить? Во Франціи у васъ что ли такой маneръ? Безбожный! на слѣпую напалъ: бѣдная такъ радовалась давеча пирогамъ! и сколько имъ укладыванья было! и дуракъ ихъ раздавилъ своимъ бѣшенствомъ. Вѣкъ бы ты лучше, мой

свѣтъ, ко мнѣ не пріѣзжалъ, если только для того ѣздишь будешь, чтобы сдѣлать развратъ въ моемъ домѣ; да и дѣтей перепугалъ. Лиса поблѣднѣла совсѣмъ, а Груша и такъ со вчерашняго послѣ обѣда не спала. Тутъ Лиса, ея большая внука, впала ей въ рѣчь и съ ужимкою молвила: Ужъ ужасть, бабушка, государыня, какъ я испугалась! а сестрица чуть жива. Груша на то сказала: Ахъ, радость, мочи нѣтъ: уморитъ: не могу вздумать, какъ онъ по всѣмъ, по всѣмъ: нѣтъ ужъ, сестрица, какъ онъ неваженъ; право ужасть, какъ неваженъ: просимъ оставить въ покоѣ. Я примѣтилъ, что во время сего разговора обѣ дѣвушки головою вертѣли то на одну, то на другую сторону, подергивая весьма часто рукою платокъ шейный подъ бородкою; сидя притомъ очень прямо. Я все еще не терялъ надежды приблизиться къ кровати теткиной: но стоя въ углу, извинялся какъ могъ и ожидалъ, чтобъ миновалась громовая туча, не представляя себѣ, какъ-то вонъ будетъ итти! Тетушка приказала поднести мнѣ водки. Я думалъ, что сія минута способна подойти къ ней; но какъ темно было со стороны кровати, гдѣ я подошелъ, наклонясь весьма низко, зацѣпилъ локтемъ столикъ съ изломленною ножкою, на которомъ закуска стояла, и уронилъ оный теткѣ на кровать. Здѣсь дѣвки прибѣжали; одна зацѣпила лампаду изъ передъ образовъ занавѣскою Тутъ монахиня проглаcила: Аминь, аминь, аминь, разсыпься. Тетушка вышла изъ терпѣнія, и закричала: подай плетей! Какъ я услышалъ сіе, ударился бѣжать и скакать черезъ всѣхъ, не знавъ для кого плетей? Для дѣвки, для меня или для тѣсноты, коя болѣе меня была всему причиной? Сѣвши въ карету, велѣлъ скакать сколько было мочи лошадямъ, и не вѣсь я болѣе тогда вспотѣлъ, или нынѣ, описывая сіе посѣщеніе*).

Обычай, унижавшій человѣчество и процвѣтавшій съ начала какъ въ высшихъ, такъ и среднихъ слояхъ русскаго общества XVIII столѣтія и перешедшій потомъ даже на XIX-е, окружать себя шутами, карликами, юродивыми и приживальщиками обоихъ половъ, кромѣ вышеприведеннаго очерка грязной обстановки домашняго быта барыни-старушки, изображается также въ письмѣ къ издателю „Всячины", подписанномъ Игнатіемъ Зубоскаломъ, гдѣ онъ сообщаетъ о родственникѣ сво-

*) „Всячина" стр. 69—73.

емъ, котораго домъ полонъ дураковъ... авторъ письма описываетъ слѣдующими словами ихъ подвиги, и обращаніе съ ними хозяина дома: Когда гости къ нему пріѣдутъ, то первое слово позовите дураковъ!... сіе есть самый ласковый его пріемъ... кой часъ дураки войдутъ, то уцѣпятся другъ другу въ волосы, и кто которому болѣе выдернетъ волосовъ, тому поднесутъ чарку водки... Хозяинъ обыкновенно хохочетъ тому такъ, что въ третьей комнатѣ слышно. Знатно по привычкѣ уже сердоболія нѣтъ: а того на умъ не придетъ, что и *дураки суть люди*. Когда же кто ихъ уйметъ, тогда иные, я слыхалъ, что говорятъ: нѣтъ, ничего, они привыкли... Сіи же (дураки) бываютъ вымараны, выпачканы, почти наги, обыкновенно босы; рожи у нихъ разбиты и пьяны. Если гости чуть станутъ ихъ унимать, чтобъ не дралися, то бросаются на гостей; и тогда бѣги скорѣе вонъ. „Пожалуйте, уймите сіе обыкновеніе", прибавляетъ авторъ письма, „пора покинуть дураковъ"...[1]). Къ помощи сатиры „Всячины", какъ власть имѣющей, или лучше къ издателю ея, обращались письмами съ просьбою положить преграду злоупотребленіямъ и проступкамъ, иногда болѣе важнымъ и достойнымъ осужденія: „Прошу васъ", пишетъ извѣстный корреспондентъ, „уймите злоупотребленіе, которое вкралось между лучшихъ людей, то-есть шептаніе, улыбки и взгляды на всѣ стороны въ церкви, во время службы. Все сіе занимаетъ то время, кое употреблено быть должно къ тому, для чего входятъ въ домъ Божій"...[2])

Дикій произволъ тогдашнихъ рабовладѣльцевъ надъ „крещеною собственностью" не миновалъ порицанія „Всячины". Въ разсказѣ ея издателя о покупкѣ каменнаго дома съ безпокойнымъ сосѣдомъ новый домовладѣлецъ сообщаетъ слѣдующее: „Лишь только я успѣлъ переѣхать, то услышалъ, вмѣсто поздравленія, превеликій крикъ. Я освѣдомлялся, что тому причиною? Мнѣ сказали, что мой сосѣдъ милостиво наказываетъ своихъ людей на конюшнѣ своей плетьми. Я спросилъ, часто ли то бываетъ? Отвѣтствовали мнѣ, что кромѣ воскресныхъ дней и господскихъ праздниковъ, почти всякій день"... Авторъ разсказа изображаетъ затѣмъ непригладную обстановку, поразившую его при встрѣчѣ съ палачемъ-сосѣ-

---

1) Тамъ же, стр. 225—226.

2) Тамъ же, стр. 80.

домъ, къ которому отправился вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ къ нему въ то время его братомъ. „Сосѣдъ насъ самъ встрѣтилъ въ замасленномъ тулупѣ, въ колпакѣ, и безъ обуви, у дверей въ сѣняхъ, величиною съ чуланъ, и ввелъ насъ черезъ весьма закоптѣлую и ни чѣмъ не обитую переднюю, которыя единственное украшеніе состояло въ нѣсколькихъ скамьяхъ о трехъ ножкахъ, напослѣдокъ въ комнату, обитую бумажками. Здѣсь онъ просилъ насъ сѣсть и кликнулъ: малый, малый! Сей вбѣжалъ въ епанчѣ; голова нечесаная и въ грязныхъ сапогахъ. Но онъ на него закричалъ: дуракъ, скинь епанчу! Бѣдный малый покраснѣлъ; но однако принужденъ былъ слушаться. И мы увидѣли на немъ сѣрый суконный, изодранный и вымаранный бострокъ съ мѣдными пуговицами. Принесли намъ соломенные стулья: мнѣ достался цѣлый; но братъ мой тутъ сквозь стулъ не провалился... самъ хозяинъ сѣлъ поперекъ кровати, покрытой простынями, кои болѣе имѣли видъ сѣрой тафты, нежели бѣлаго полотна"... Затѣмъ слѣдуетъ описаніе сервировки обѣда, за который хозяинъ пригласилъ гостей: „мы сѣли за столъ, покрытый скатертью съ дырами; салфетки же по крайней мѣрѣ уже служили за осмью обѣдами, да за столько же ужинами. На оловянной посудѣ счесть можно было, сквозь сколько рукъ она прошла, ибо всякаго пальца знакъ напечатлѣнъ на ней остался. Я попросилъ пить; принесли мнѣ стаканъ хотя стеклянный, но чистотою подобный посудѣ, съ тѣмъ еще прибавленіемъ, что рты, кои изъ него пили, тутъ же означены были. Старикъ между тѣмъ кушалъ, не останавливался, грозя и браня за всякую бездѣлицу слугъ... Тутъ намъ случай былъ увѣриться, какова велика есть привычка: ибо то, что намъ казалось гадко и дико, ему и непримѣтно было"*).

Безпощадное преслѣдованіе ябеды и взяточничества Сумароковымъ, котораго живая и ѣдкая сатира не могла никогда оставить въ покоѣ подьячихъ, появлявшись на страницахъ старѣйшихъ по времени нашихъ журналовъ, нашла себѣ достойныхъ послѣдователей въ издателяхъ листковъ 1769 и 1770 годовъ. Духъ умнаго сатирика оживотворилъ и озарилъ яркимъ свѣтомъ выходки противъ достойныхъ жрецовъ Ѳемиды, какъ въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ драмати-

*) „Всячина", стр. 89—94.

ческихъ произведеніяхъ. Онъ не отрекся бы и самъ, напримѣръ, выходки противъ подьячихъ, помѣщенной на страницахъ „Всячины“: въ письмѣ къ издателю за подписью „Занапрасно Ободранный“ пишущій, предполагая, что первый владѣетъ обширной библіотекой, изъ которой почерпаетъ матеріалы для наполненія листовъ еженедѣльника, проситъ его потрудиться и выписать для него, буде найдется, такой „экспериментъ“, которымъ бы можно перевести подьячихъ, приведшихъ автора письма „до третьяго градуса“ въ изнеможеніе. „Я старался“, продолжаетъ онъ, и тѣмъ отъ нихъ избавиться способомъ, которымъ переводятъ клоповъ, блохъ и всѣхъ кровососныхъ насѣкомыхъ, однако ничѣмъ не могъ оборониться; но истощилъ весь свой домъ на то, и нынѣ стражду отъ сихъ кровососовъ. Вычиталъ было я у Полибія таковую махину, которая по тысячѣ и больше въ день непріятелей побивала; недостатокъ мой оную построить не дозволилъ“... Написавшій письмо прибавляетъ въ припискѣ: „Ежели жъ вашей помощи не получу, то больше не останется способа, какъ пѣть только по-книжному: Ты Господи сохраниши ны и соблюдеши ны отъ рода сего вовѣкъ. На этотъ вопль „Занапрасно Ободраннаго“ „Всячина“, вѣрная задачѣ своей дѣйствовать въ примирительномъ духѣ, провозглашаетъ диктаторскимъ тономъ: „Подьячихъ не можно и не должно перевести. Не подьячіе, а ихъ должности суть вредныя, но статься можетъ, что тотъ или другой изъ нихъ безсовѣстенъ. Они менѣе другихъ исключены изъ пословицы, которая говоритъ: что нѣтъ рода безъ урода, для того, что они болѣе многихъ подвержены искушенію. Подлежитъ еще и то вопросу: если бы менѣе было около нихъ искусителей, не умалилась ли бы тогда и на нихъ жалоба...“ Въ концѣ своего разсужденія, издатель „Всячины“ прописываетъ „Занапрасно Ободранному“ отъ изнеможенія, производимаго въ немъ подьячими, слѣдующія не совсѣмъ легко исполнимыя правила: Не обижайте никого; кто же васъ обижаетъ, съ тѣмъ полюбовно миритесь безъ подьячихъ; сдерживайте слова и избѣгайте всякаго рода хлопотъ*). Въ другомъ анонимномъ письмѣ, подписанномъ „Доброжелателевымъ“ находится также порицаніе тѣхъ же служителей правосудія. „Желалъ бы я давно“,

*) „Всячина“ стр. 159—160.

пишетъ негодующій на нихъ, „увѣдомить васъ о подьячихъ (а тѣмъ презрѣнія достойнымъ именемъ называю я всѣхъ, подъ титуломъ лихоимца содержащихся), но не имѣлъ времени. Сказывали мнѣ недовольные хлопотники, будто подьячіе говорятъ: что намъ нужды надъ челобитчиковымъ дѣломъ трудиться? мы-де и безъ труда получаемъ жалованье... хотя-де нѣкоторые бѣдняки и покусились на страхъ дарити подьячихъ, но тѣмъ больше въ бѣду вошли. Только-де погрозятъ за волокитою просьбою, то подьячій говоритъ: „изволь-те-ста, извольте просить, а я скажу, что ты мнѣ деньги давалъ: а за то-де наказаніе одно, что плуту-лихоимцу, то и доброму человѣку просителю. А судьи за принесеніемъ подьяческихъ отговорокъ многодѣліемъ, безъ довольствія челобитчиковъ оставляютъ..." Просящему отъ грабительства подьячихъ помощи издатели „Всячины" не умедлили отвѣчать, что и рады бы помочь, только бы увѣщаніе ихъ имѣло желаемый успѣхъ; но въ Евангеліи написано: Аще Моисея и пророковъ не послушаютъ, то и аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры!.." Вспомните всеобщій крикъ о взяткахъ, когда подьячіе не получали жалованья, но велѣно имъ было кормиться отъ дѣлъ. И не въ нашемъ ли вѣкѣ сіе все было? Нынѣ имъ дано жалованье, и жалоба происходитъ, что лѣнятся оттого, что кормъ имѣютъ!" Далѣе слѣдуетъ „Краткое увѣщаніе лихоимцамъ", въ которомъ подьячимъ преподается совѣтъ не брать взятокъ, что̀ есть не только ослушаніе законовъ, но и неблагодарность вышней власти, которая имъ щедро опредѣлила, чѣмъ жить..." Въ заключеніе они извѣщаются, что за подобныя дѣянія и угрозы хотящимъ на нихъ жаловаться, они (т.-е. подьячіе) достойны тройного наказанія, и что неминуемо изъ двухъ послѣдуетъ одно: или они будутъ истреблены, или исправятся, пока еще на то есть время*). Имъ же, въ статьѣ подъ № 140-мъ въ отвѣтъ на письмо г. І. С. къ издателямъ, съ описаніемъ подьяческихъ крестинъ и бесѣды, первые предлагаютъ 12 нравоучительныхъ заповѣдей подьячимъ, въ родѣ слѣдующихъ: „Не бери взятковъ

*) Тамъ же, стр. 306—309. О подьячихъ и разныхъ способахъ брать взятки, которыми не умѣлъ воспользоваться одинъ воевода изъ военныхъ, за что и лишился мѣста вслѣдствіе сдѣланнаго на него доноса, „Всячина" разсказываетъ въ статьѣ за подписью Доброхотова, подъ № 146, стр. 339.

ни подъ какимъ видомъ, ибо всякій залогъ есть родъ подкупа. Не волочи дѣло отъ тебя зависящее. Не твори крючковъ. Не говори челобитчикамъ завтра, и т. д...*)".

Преслѣдуя и обличая разные общественные недуги и слабости, „Всячина" въ слѣдующихъ статьяхъ осуждаетъ пустоту, мотовство, кокетство и пристрастіе женщинъ къ роскоши. Авторъ разсказываетъ, что въ бытность его во Франціи онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на великолѣпіе каретъ и пестроту платья: онъ видѣлъ однажды, между прочимъ, госпожу, сидящую въ каретѣ, расписанной купидонами, передъ каретою запряжены были шесть лошадей молочнаго цвѣта. Задняя ось погнулась подъ толикимъ же числомъ распудренныхъ нахаловъ..." „Часто я размышлялъ", говоритъ онъ, „отчего бы женщины столько любили блескъ? Я помню одну молодую дѣвицу, коя имѣла двухъ жениховъ, которые нѣсколько мѣсяцевъ сряду старались всячески взапуски пріобрѣсти себѣ ея благоволеніе. Наконецъ одинъ изъ нихъ вздумалъ прибавить галунъ на своей ливреѣ. Сіе имѣло такой успѣхъ, что черезъ недѣлю красавица согласилась выйти за него замужъ..." Далѣе, касаясь обыкновенныхъ женскихъ разговоровъ, авторъ статьи замѣчаетъ, что они „подаютъ поводъ къ распространенію ихъ слабостей. Говорятъ ли о новобрачныхъ, тотчасъ навѣдываются, имѣютъ ли хорошую карету, ѣдятъ ли на серебрѣ, много ли платья въ приданое? Если разговоръ идетъ о отсутственной женщинѣ, то объ закладъ биться можно, что услышишь какое-нибудь разсужденіе о ея убранствѣ и алмазахъ. Одинъ маскарадъ служитъ имъ на долгое время къ разсказамъ. А о праздникахъ каждый годъ перебираютъ, какъ въ которомъ случаѣ наряжаться прилично..."**) На это несовсѣмъ лестное сужденіе о женщинахъ заявленъ протестъ въ письмѣ, подписанномъ „К. Ф. Любопытная", въ которомъ защитница женскаго пола говоритъ, что какъ ни обрадовалась она по-

*) Сатирическія выходки противъ подьячихъ, какъ о томъ упомянуто выше, съ первыхъ по времени журналовъ нашихъ, не прерывались до конца XVIII столѣтія; много времени спустя, послѣ періодическихъ листковъ 1769 и 1770 годовъ, подобныя же обличенія подьячихъ появлялись въ „Разсказчикѣ" Аблесимова (1781), „Гостинномъ дворѣ" Матинскаго (1791), „Ябедѣ" Капниста (1789) и другихъ произведеніяхъ, въ которыхъ типы старинныхъ подьячихъ нарисованы яркими, еще не поблѣднѣвшими красками.

**) „Всячина", стр. 41—42.

явленію „пріятныхъ Всякихъ Всячинъ“, но какъ дочиталась до 14 статьи, то удовольствіе ея при чтеніи уменьшилось, описаніе бывшаго во Франціи ей, какъ одной изъ представительницъ женскаго пола, „въ обидность показалось“, и разсказъ автора о великолѣпіи каретъ и платьевъ нисколько ее не удивилъ, потому что она въ „здѣшней прекрасной Россіи“ столько великолѣпія видѣла, что ей сообщенное авторомъ за ничто показалось...“ Затѣмъ, обращаясь къ издателю „Всячины“, заступница женщинъ говоритъ ему слѣдующее: „Прошу покорно, господинъ сочинитель, дать намъ, слабому женскому полу, хотя маленькое оправданіе. Одинъ ли нашъ женскій полъ на прикрасы платья прельщается и супруговъ берутъ?...“ На замѣчаніе о разговорахъ между женщинами, обиженная дама спрашиваетъ: „Что жъ намъ разсуждать? и на вопросъ свой отвѣчаетъ: „мы ужъ такъ рождены, что насъ ни въ какихъ штатскихъ, ни въ прочихъ дѣлахъ не спрашиваютъ... тогда мы будемъ о дѣлахъ разсуждать, когда помянутый описатель намъ присутствіе назначитъ...“*) Въ статьѣ 91-й обличается страсть женщинъ къ расписыванію лицъ своихъ; издатель „Всячины“ разсказываетъ о господинѣ, явившемся къ нему за совѣтомъ по поводу желанія развестись съ женою своею, обманувшей его такъ, что онъ обвѣнчался не съ той, на которой думалъ жениться... „извѣстно вамъ“, началъ, „что дѣвушки неохотно близко къ себѣ допускаютъ жениховъ. Вы знаете, что есть и такія проворныя, кои умѣютъ искусствомъ казаться совсѣмъ инако, нежели какъ онѣ сотворены. Онѣ распишутъ губы розовою краскою, щоки брусничною, лобъ, носъ, бороду (?), шею и грудь бѣлилами: брови растянутъ колесомъ, и намажутъ ихъ обще съ волосами грузинскою краскою; жилы наведутъ карандашомъ, и издали однимъ словомъ кажутся красавицами...“ Далѣе несчастный, попавшійся на удочку искусной въ живописи невѣсты, молодой разсказываетъ о горькомъ своемъ разочарованіи, когда на другой день, увидалъ въ спальнѣ, вмѣсто „прекрасной молодки“, женщину, годную въ матери той, въ которую онъ влюбился. „Она сѣла“, продожаетъ онъ, „убираться, и болѣе получаса работала надъ правою стороною лица, прежде нежели я могъ распознать ее. Я обошелъ на

*) „Всячина“, стр. 217—218.

другую сторону и увидѣлъ, что съ недодѣланной стороны кожа растрескалась, знатно отъ употребленія разныхъ красокъ, и что та щека съ природы желта съ прозеленью, а волосы ея суть рыжи. Стыдясь она нѣсколько отъ моего любопытства, оборотилась ко мнѣ; и я съ удивленіемъ примѣтилъ, что съ оконченной стороны она имѣла лице веселое, а съ другой пасмурный видъ...“*)

Не менѣе любопытно также слѣдующее изображеніе кокетки XVIII столѣтія въ Россіи, и „хлыща“ той же эпохи, съ притязаніемъ на остроуміе. Автору статьи случилось встрѣтить въ обществѣ весьма красивую женщину, увѣренную въ красотѣ своей, и старавшуюся выставлять ее всѣмъ на показъ; по словамъ его „она выискивала случай кидать глаза вверхъ, дабы примѣтили сколь она хороша въ семъ положеніи. Потомъ ни къ стати ни къ ладу, протянувъ руку, сказала: кто это за дверьми стоитъ? сіе значило: дивитеся бѣлизнѣ моей руки. Послѣ того уронила опахало; и наклонясь оное поднять, показала грудь болѣе обыкновеннаго. Опахало подымая, приподняла немного юбку, дабы примѣтили крошечныя ножки, кои удостоены ее носить. Погодя встала съ мѣста, захохотала, раскрывая весьма губы; мы узнали, что она зубы намъ показать старалась. Тутъ же нашлась ей пара, человѣкъ, который знаетъ, чего онъ стоитъ; ибо ни единаго слова не молвитъ безъ приразумѣванія: какъ онъ уменъ, какъ онъ остеръ! Онъ и при семъ случаѣ не позабывался; и любо было смотрѣть, какъ онъ умъ свой мучилъ для произведенія новыхъ и витіеватыхъ выраженій; и наконецъ угождая ей, и для показанія великости своей остроты не оставилъ человѣка въ городѣ ему и ей извѣстнаго, о которомъ бы не здѣлалъ язвительнаго описанія; и если языкъ аки бритва можетъ быть способенъ нравиться сей госпожѣ, конечно тотъ господинъ долженъ сегодня быть у ней принятъ отмѣннымъ образомъ!...“**)

Слѣпое подражаніе модѣ и дамскія прически того времени подверглись въ свою очередь насмѣшкамъ „Всячины“: рисуя карикатуры, едва ли не превосходящія то, что было въ дѣйствительности, издатель говоритъ, что „женщины всѣ выросли

*) Тамъ же, стр. 237, 238.

**) „Всячина“, стр. 373—375.

на пядень съ тѣхъ поръ, какъ бока ихъ потеряли стремленіе выпячиваться, какъ прежде бывало: но сей ростъ покрытъ волосами (если бъ сіе случилось съ „нѣкоторыми“ мужчинами, то бы сыскать можно было причины, для чего они сей ростъ покрываютъ кудрями: однако лучше оставить па догадку прозорливыхъ, нежели выговорить, дабы ни съ кѣмъ не поссориться безвременно) — по сего роста не примѣчено въ прочихъ членахъ: какъ то руки, ноги, станъ, лице и даже до лба, гдѣ сіе прибавленіе начинается все-таки по-старому. Однакоже сія вышина красоты нимало не прибавляетъ. Ибо у круглоличекъ другая голова выросла на головѣ, коя столь глаза зрителей занимаетъ, что личика не разсмотришь, а только дивишься поцпятому зданію: долголицымъ удвояетъ длинника, широкія лица дѣлаетъ четыреугольными, а маленькія вовсе скрадываетъ. Если бы у щеголихъ выросла отъ естества кулака въ два мясо на головѣ, сколько бы онѣ Ерофеевичевъ замучили чтобъ развести сей пригорокъ. Сказываютъ что даже и плѣшивыя наклокачиваютъ чужіе волосы въ великомъ множествѣ, чтобъ быть по модѣ. Симъ простительно: ибо у насъ морозы великіе; а безъ волосовъ онѣ въ опасности быть могутъ простудиться зимою...“ Далѣе авторъ статьи увѣряетъ, что кареты будутъ скоро дороже, и что каретники станутъ ихъ дѣлать выше, чтобъ дамамъ можно было прямо сидѣть; и прибавляетъ, что пошлинному же сбору будетъ ущербъ, и что англійскихъ каретъ, становящихся низкими, привозить болѣе не будутъ. „Въ новомъ моемъ домѣ“, продолжаетъ онъ, „я заказалъ двери сдѣлать выше, ибо дочь моя какъ-нибудь головою не увязла. Прощайте будуары, въ коихъ рукой достанешь до потолка! прощайте антресоли, гдѣ на цыпочкахъ ходить нельзя, чтобы не расшибить лба; и вы двери невидимки, сквозь которыя согнувшися втрое, ходить должно было. Бога не боятся! все вѣдь людямъ убытокъ! безпрестанно домы передѣлывать для выдумокъ... Лѣтъ за двадцать назадъ бывало, расширяй домъ, двери, кареты и прочая для фишбейновъ; а нынѣ возвышай домы“. Въ заключеніе авторъ, не надѣясь на то, что насмѣшка достигнетъ цѣли, сообщаетъ извѣстіе о такихъ же высокихъ прическахъ дамъ, существовавшихъ лѣтъ двѣсти тому назадъ въ Англіи, гдѣ нашелся проповѣдникъ, настолько убѣдившій дамъ оставить свѣтскую суету, что многія изъ нихъ, тутъ же на мѣстѣ

сорвали помянутыя куафюры съ головъ своихъ, и топтали ихъ ногами. Но по удаленіи оттуда проповѣдника принялись опять за нихъ помаленьку"; при чемъ онъ полагаетъ, что та же участь постигнетъ и его статью: ее прочтутъ, позадумаются, а „вышедши въ другую горницу, сядутъ убираться, и скажутъ: дѣвка, повыше, пожалуй повыше!..."*) Въ слѣдующемъ письмѣ, за подписью „Антониды Вершкихватовой", содержится любопытный очеркъ стародавняго быта, и вмѣстѣ съ тѣмъ грязной обстановки и скряжничества, этой отличительной черты многихъ изъ тогдашнихъ помѣщиковъ средней руки. Представляемая здѣсь картина можетъ служить прекраснымъ „pendant" другой, въ подобномъ же родѣ, помѣщенной на стр. 69 72 „Всячины". Г-жа Вершкихватова описываетъ визитъ свой къ родственникамъ: „Какъ нынѣ святая недѣля, то я должна всякій день обскакивать цѣлую Москву. Я, будучи мѣстахъ въ пяти и не заставши никого дома, вздумала заѣхать къ праправнучатной моего дѣдушки племянницѣ, которая хотя была и достаточный человѣкъ, но прожила весь свой вѣкъ въ деревнѣ. Сія госпожа пріѣзжала только въ Москву по всякую зиму недѣли на двѣ, для продажи суконъ, понитковъ, холстовъ, веревокъ, лаптей, кокошниковъ, сухихъ грибовъ и всякихъ ягодъ, и также, какъ говорила она, чтобы дочери ея переняли Московскія моды. Я спросила у моего кучера, можетъ ли онъ сыскати домъ сей? На что онъ сказалъ, что его знаетъ, ибо де недавно купилъ въ семъ домѣ роднѣ своей въ деревню кокошникъ. Мы, проѣхавъ множество переульковъ, остановились передъ одними воротами, которыя были съ обѣихъ сторонъ подперты подставками; въ которое время слуга, стоящій назади кареты, прибѣжалъ отворять дверцы у оной. Я спросила у него, для чего онъ отворяетъ? велѣлъ бы ѣхать прямо на дворъ. На что онъ мнѣ отвѣчалъ, что сего учинить никакимъ образомъ не можно; ибо де дворъ ихъ наполненъ пріѣхавшими для покупки сѣна роспусками, которое самъ мой высокопочтенный дядюшка изволитъ вѣсить. Итакъ я принуждена была выйти изъ кареты, и обмакнуть въ грязи свои башмаки; ибо не знавши сего случая не взяла съ собою другихъ. Когда вошла я на дворъ, то стоящій въ раздранномъ тулупѣ, лю-

---

*) Всячина, стр. 390—392.

бедный мой дядюшка не удостоилъ меня чтобъ съ нимъ поцѣловаться, по той причинѣ, что не было у него краснаго яйца; а приказалъ босому и въ одномъ пониточномъ камзолѣ слугѣ проводить меня къ тетушкѣ. Двери у передней комнаты столь были низки, что я зацепясь принуждена была спихнуть весь головной уборъ (см. статью, № 145). Тутъ сей босоногій просилъ меня садиться на скамейку, а самъ пошелъ докладывати къ тетушкѣ; почему я и осталась одна, кленя себя за сей проклятый пріѣздъ, и сидѣла цѣлый часъ, не дождавшись тетушки. Наконецъ изволила она выплыть, и похристосовавшись (по ихъ выговору) со мною съ красненькимъ яичкомъ, повела меня въ другую комнату, гдѣ находились двѣ дѣвки въ тѣлогрѣяхъ и въ связкахъ; а изъ нихъ одна домывала полъ, а другая оправливала постелю. Дородная моя тетушка посадила меня на скамью, и велѣла кликнуть дочекъ своихъ. А какъ посланная за ними дѣвка сказала, что онѣ опочиваютъ, то лѣпообразная моя тетушка встала тотчасъ, и пошла въ комнату (такъ называла она стоящій въ боку вымазанный хлѣвъ), въ коей раздавался великій вопль. Дверь у ней не очень плотно была притворена; а сродное женщинамъ любопытство и побудило меня посмотрѣть, что дѣлается въ семъ чертогѣ. Тамъ увидѣла я, что большія убирались, а маленькія дѣтки, коимъ было лѣтъ по 10 и больше, производили играючи въ куклы и кубари ужасный визгъ; на печи же сидѣлъ слуга и плелъ для продажи господамъ лапти, а подъ печкою сидѣли на ящикахъ куры. Наконецъ вывела моя тетушка двухъ въ грезетовыхъ робронтахъ и въ напудренныхъ мукою волосахъ дочекъ. Онѣ были чрезвычайно набѣлены, нарумянены и насурмлены; имѣли волосы завитые по-мужскому, и назади приколотыя многочисленныя косы, а сверхъ всего того, на головахъ изъ серебрянаго флера лопасти. Онѣ поцеловались со мною также съ яйцами, просили, чтобы я ихъ жаловала. И когда по разнообразнымъ комплиментамъ всѣ мы усѣлись, то любезная моя тетушка приказала подать на харитончикѣ*) моченыхъ яблокъ и брусницы. А какъ сказала я, что ничего того не хочу, то примолвила она: „Такъ не изволишь ли племянушка съ дочками моими покачаться и поскакать на доскѣ?“ Я ей отвѣт-

*) Guéridon, одноножный столъ.

ствовала, что качаться и скакать боюсь: а она сказала на то съ сердцемъ: „Куда какъ ты, свѣтъ мой великатна! что тебѣ уже съ нашими дочерьми невмѣстно и компанью водить: а въ этомъ нѣтъ никакого художества“. Мнѣ надобно было извиниться какъ можно лучше: почему и сказала я, что не нѣжуся, а боюсь очень сего упражненія. „Радость, сестрица“, сказала большая ея дочь, „ты вся по модѣ: да у тебя же и карасе*) въ головѣ“. Я спросила съ удивленіемъ, что бы такое значило харитончикъ и карасе? А меньшая ея дочь на то и отвѣтствовала мнѣ такимъ образомъ: „Полно издѣваться матушка! ты уже французскую грамоту знаешь, а не разумѣешь, что это значитъ. „Вотъ эта“, сказала она, указавъ на мой полумѣсяцъ, „называется карасеемъ: а харитончикъ я тебѣ тотчасъ покажу“. Потомъ кликнула она своего босоногаго лакея: и велѣла принести харитончикъ, почему я и думала, что принесутъ мальчика называемаго Харитономъ. Но разсудите о моемъ удивленіи: ибо въ то время увидѣла я принесенный на одной ножкѣ круглый столъ, на которомъ было около пальца толщиною грязи и пыли. Наконецъ будучи принуждена выпить чашку помой, что называли онѣ чаемъ, выѣхала изъ сего проклятаго дома, заклявшись никогда къ такой модной роднѣ не ѣздить...“ — Издатель „Всячины“ за такое превосходное и вмѣстѣ съ тѣмъ глумливое описаніе, сдѣланное Госпожею Вертихвостою житья-бытья и характеристики тетушки съ ея дочками, не пропустилъ случая наградить какъ ихъ, такъ и галантливую описательницу, слѣдующею обычною, незамысловатою, и даже почти азбучною нотаціею: „Худо быть нечисту и неопрятну въ жизни и обхожденіи: да и очень нѣжиться и гнушаться всѣмъ, что кажется не по нашему вкусу, равнымъ образомъ худо“**).

Воспитаніе русскаго юношества, ввѣряемое въ то время безъ разбора заѣзжимъ иностранцамъ-проходимцамъ, не миновало также порицанія „Всячины“. Въ письмѣ своемъ къ издателямъ, серебреникъ, нѣмецъ Адамъ Варгейтъ, любящій Русь, дающую ему хлѣбъ, разсказываетъ, что работаетъ на многихъ и между прочимъ на одного учителя-француза, которыхъ здѣсь, въ Москвѣ, тьма. Тотъ, о которомъ онъ пи-

*) Croissant, полумѣсяцъ, украшавшій дамскія куафюры того времени.

**) „Всячина“, стр. 385—390.

цемъ, попалъ необыкновеннымъ образомъ въ наставники юношества; будучи сперва сапожникомъ, онъ вдругъ ощутилъ будто бы въ себѣ духъ геройства, но, кажется, скорѣе всего лѣнь и голодъ принудили его поступить въ солдаты. Послѣ Росбахской „баталіи“ онъ въ числѣ многихъ другихъ бѣжалъ; скрывался по разнымъ службамъ, и, наконецъ, прибывъ въ Россію, нашелъ себя достаточно способнымъ къ кучерской должности. Но, соскучившись сидѣть на козлахъ, захотѣлось ему въ карету; и онъ не нашелъ лучшаго къ тому средства, какъ превратиться въ учителя, подражая въ этомъ многимъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые подобно ему, иные съ козелъ, другіе съ запятокъ, въ кареты поселили. Итакъ, изъ лѣниваго сапожника, бѣглаго солдата и плохого кучера вышелъ презрядный учитель. Здѣсь кстати упомянуть о статьѣ, относящейся къ воспитанію тогдашняго деревенскаго дворянства; въ анонимномъ письмѣ къ издателю „Всячины“ неизвѣстный корреспондентъ сѣтуетъ на бѣдствія, постигшія его въ жизни, вслѣдствіе небрежнаго, нелѣпаго воспитанія и чрезмѣрнаго баловства: онъ провождая дни свои въ деревнѣ, воспитывался у бабушки, чрезвычайно его любившей, и разсказываетъ, что первыя лѣта свои упражнялся въ игрѣ по цѣлымъ днямъ на гумнѣ съ крестьянскими ребятами; часто случалось, что бивалъ онъ ихъ до крови, и когда приходили они жаловаться учителю его (старому приходскому дьячку), то послѣдній отгонялъ ихъ плетью и бранилъ, что осмѣливались жаловаться на своего „боярина“... Бабушка его, подъ страхомъ жесточайшаго гнѣва, запретила дьячку огорчать любимца своего даже словомъ... Когда отецъ осмѣливался его бранить и онъ, расплакавшись, бѣжалъ къ бабушкѣ и матушкѣ жаловаться, то онѣ, гладя его по головѣ и утирая его слезы, говорили ему: „плюнь на него, другъ мой, не слушай его; этакій отецъ! не стоишь ты имѣть такого сына“... Выучившись у дьячка въ продолженіе четырехъ лѣтъ едва разбирать букварь, марать уродливыя буквы, авторъ письма поступилъ въ руки къ французу, родомъ изъ Колiура, французскаго города въ графствѣ Руссильонскомъ, человѣку лѣтъ сорока, и притомъ порядочному; но и тутъ баловень матери и бабушки не отличался успѣхами, такъ какъ француза выгнали изъ дому съ ругательствами, за что онъ ударилъ линейкою по рукѣ негодяя, не хотѣвшаго учиться азбукѣ. *Губерти.*

ПЛАНЪ, НАПРАВЛЕНІЕ И ХАРАКТЕРЪ „ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЫ".

Опредѣленнаго плана изданія у „Всякой Всячины" не было, да и не могло быть. Рубрикъ, которыя мы находимъ въ современныхъ намъ изданіяхъ, она не знала. Конечно, въ журналѣ Миллера было и то и другое, но журналъ ученаго академика не былъ прототипомъ сатирическихъ изданій. „Всякая Всячина" хотѣла только писать, хотѣла только печатать; ни о матеріалахъ ни о предметѣ ей не нужно было хлопотать много. Стоило смотрѣть сатирическими глазами, и летучіе листки журнала составлялись сами собою. Но значеніе журнала, какъ выраженіе того, что дѣлалось въ обществѣ, было присуще издателямъ. Это видно изъ словъ ихъ о книгопечатаніи и о высокомъ значеніи его для человѣчества и просвѣщенія (стр. 117—118). Журналъ искалъ себѣ пищи въ обществѣ, въ городѣ, словомъ, вездѣ въ жизни, которая въ ту эпоху должна была быть довольно разнообразна. „Всякая Всячина", подобно современнымъ иностраннымъ газетамъ, отправила своихъ корреспондентовъ и въ другую столицу, т.-е. въ Москву. „Нѣтъ гулянья, празднества, или иныхъ народныхъ собраній, гдѣ бы мы не имѣли глазъ и ушей для иманія во планъ всего того, что можетъ подать намъ поводъ къ разсужденію и къ разнымъ описаніямъ обращеній вѣка нашего" (стр. 249). Издатели не хотятъ даже щадить самихъ себя, чтобъ „покориться истинѣ и подать примѣръ безпристрастія собою". — „Спуску не будетъ всему тому, — говорятъ они, — что попадается подъ перо наше, до тѣхъ временъ, пока перья, а можетъ быть и умы наши, не притупятся" (стр. 23). Но главное правило, которымъ руководствовалась „Всякая Всячина", было „не цѣлить на особъ, но единственно на пороки" (стр. 134), чѣмъ она рѣзко отличается отъ „Трутня", старавшагося о личной критикѣ. Критическія письма и разныя нападенія на сочинителей устраняетъ она также „для того, что публикѣ не весело бы было слушать или читать ссоры и споры между сочинителями и издателями" (стр. 128). Издатели журнала помѣщали въ немъ и переводы, которыхъ, впрочемъ, мало въ самомъ журналѣ, тогда какъ въ „Барышкѣ" ихъ довольно. Видно, что согласно словамъ своимъ, „что почти всѣ переводы, здѣсь вне-

сенные, слабѣе настоящихъ сочиненій" (стр. 259), они откладывали ихъ до конца и помѣстили тогда, когда запасъ оригинальныхъ статей истощился. „Spectator" Аддисона, или какъ называли его наши журналы того времени — „Англійскій Смотритель", образецъ большей части ихъ, считается и здѣсь образцомъ. Издатели неуклонно слѣдовали своему слову — выдавать листки „Всякой Всячины" каждую пятницу. Они дали слово (стр. 48) продолжать такимъ образомъ цѣлый годъ и сдержали его. Журналъ былъ доведенъ до конца года, а избытокъ матеріала позволилъ еще въ слѣдующемъ году издавать „Барышекъ", разумѣется, по той же цѣнѣ. Отъ предназначенной цѣли журналъ не отклонялся, и вотъ почему издатели его имѣли право сказать, что будущій критикъ выроетъ его качества и отдастъ ему справедливость. Дѣйствительно, критикъ можетъ сказать теперь объ немъ его же словами: „Его разсужденія, несмотря на состарѣвшійся языкъ и темныя выраженія вѣка, въ которомъ сочинитель жилъ, мы довольно разумѣемъ, чтобъ видѣть, какіе были забавы и нравы у россійскаго народа... Во всѣхъ сихъ случаяхъ (т.-е. картинахъ, нарисованныхъ перомъ журналиста) и другихъ подобныхъ есть нѣкоторое отношеніе къ тогдашнимъ обычаямъ, отъ коихъ не осталось ни единой черты" (стр. 399—400). Издатель думаетъ, что конецъ разсужденія нынѣшняго критика будетъ въ пользу журнала, и онъ не ошибся.

Что же занимало читателей журнала въ самомъ журналѣ? Это была критика нравовъ и изображеніе ихъ красками живыми, всѣмъ понятными, съ небольшою примѣсью насмѣшки. Направленіе и ученіе „Всякой Всячины" отличалось снисхожденіемъ. Для нея критика, которая „нападаетъ на особы", была дурною и злою шуткою. „Она задираетъ порочнаго, а не пороки, писателя, а не сочиненія" (стр. 101). Вотъ почему картины нравовъ, изображенныя „Всякою Всячиною", не имѣютъ тѣхъ рѣзкихъ красокъ, какія находимъ мы въ „Трутнѣ" и „Живописцѣ", но зато, написанныя безъ задней мысли, онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего лишняго и преувеличеннаго, какъ напр. въ „Отрывкѣ изъ путешествія", напечатанномъ во 2-й части „Живописца". Сатира „Всякой Всячины" руководствовалась, повидимому, слѣдующими правилами: „1) никогда не называть слабости порокомъ; 2) хра-

нить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе; 3) не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было, и для того 4) просить Бога, чтобъ намъ далъ духъ кротости и снисхожденія" (стр. 142). Эти умѣренныя правила перваго нашего сатирическаго журнала ввели его, какъ увидимъ ниже, въ полемику съ „Трутнемъ". Но они — ручательство намъ, что въ сатирѣ „Всякой Всячины" и изображеніяхъ ея нѣтъ ничего преувеличеннаго, и тѣмъ болѣе они имѣютъ цѣны для насъ.

А изображеніе современныхъ нравовъ, эти небольшія tableaux de genre журнала, въ самомъ дѣлѣ замѣчательны, и въ нихъ исчезнувшій бытъ возстаетъ вполнѣ и ярко передъ глазами нашими. Въ нихъ-то собственно и заключается все содержаніе журнала, важное для исторіи общества. Такихъ картинъ множество разбросано въ книгѣ, и многія изъ нихъ отличаются особенною художественною отдѣлкою и оконченностію. Все это изображеніе типовъ, которые просятся въ комедію, и надобно замѣтить, что журналы наши задолго до комедіи умѣли подмѣтить эти народныя комическія лица съ удивительнымъ тактомъ и гораздо большею полнотою, нежели комедія. Талантъ Фонвизина для того, кто знакомъ съ старою журнальною литературою нашею, много теряетъ своего всѣми безусловно признаннаго блеска и значенія. Комедія его, представляя лица и характеры, уже знакомые намъ изъ журналовъ, какъ бы уступаетъ передъ этими жизнію дышащими, полными и яркими образами быта, выставленными сатирическими журналами. Картина воспитанія (стр. 241—245) очень напоминаетъ намъ и нѣкоторыя сцены и весь характеръ воспитанія Недоросля. Смѣшныя стороны общества преслѣдовались и осмѣивались съ особенною энергіею и особеннымъ сатирическимъ умѣньемъ. Суевѣріе (или какъ авторъ называетъ, употребляя польское слово — забобоны) подвергалось сильной насмѣшкѣ. Оно составляло тогда одну изъ печальныхъ сторонъ общества, вызывавшую сильное осужденіе со стороны журналовъ (стр. 17—21).

Народность въ журналѣ является во многихъ мѣстахъ. Въ платьѣ издатель хочетъ народной одежды, но его требованія умѣренны. Онъ хочетъ примирить русское съ иностраннымъ (стр. 201—203). Главнымъ условіемъ театра русскаго полагаетъ онъ народность: „ибо маркизъ на русскомъ театрѣ уши деретъ, а ко свадебному контракту тетушка моя

и смысла не привязываетъ. Она хочетъ видѣть то, что ее ежечасно окружаетъ и чѣмъ она привыкла забавляться: незнакомые же гости не столь забавны, какъ знакомые". Любопытно русское опредѣленіе значенія слова добродѣтель (стр. 165).

Содержаніе „Всякой Всячины" было довольно полно и широко и много сторонъ современнаго русскаго быта входило въ нее. На все, казалось, обращалъ вниманіе свое издатель, и такой журналъ, въ которомъ общество узнавало себя и читало легкія моральныя наставленія, былъ совершенно по плечу ему. Этому особенно помогала эпистолярная форма, гдѣ послѣ сатирическаго содержанія, легко и ловко изложеннаго въ письмѣ, слѣдовала мораль. Первая часть писемъ всегда имѣла больше достоинства и значенія. Научный журналъ не имѣлъ бы такого значенія и не принесъ бы большой пользы. Наука была тогда достояніемъ немногихъ; она сосредоточивалась только въ Академіи и Московскомъ университетѣ и находилась въ рукахъ иностранцевъ, не умѣвшихъ писать по-русски. Къ тому же сатира журналовъ была современнымъ и отраднымъ явленіемъ. Бытіе ея показывало, что общество начинаетъ сознавать себя, что въ немъ, послѣ переходной эпохи, начинается иная жизнь, полная духовныхъ и нравственныхъ стремленій. Это было прекрасное время, вызванное преобразованіями Екатерины, въ началѣ ея царствованія. Поэтому-то Сумароковъ, посылая къ издателю журнала свою „Надпись къ статуѣ государя Петра Великаго" (стр. 138), имѣлъ полное право сказать съ сознаніемъ въ концѣ ея:

Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина — душу.

Современная литература вызывала, конечно, выходки „Всякой Всячины"; но онѣ незначительны и не даютъ намъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что дѣлалось тогда въ литературномъ мірѣ, внѣ журнальнаго круга, поглощавшаго дѣятельность многихъ писателей. Говоря о писателяхъ журналовъ вообще, неизвѣстный авторъ прибавляетъ: „нынче въ томъ мода, а эдакихъ у насъ много, какъ собакъ, и до Москвы не перевѣшаешь" (стр. 81). Впрочемъ, издатель журнала, снисходительный во многихъ отношеніяхъ, хочетъ и критики легкой. — „Въ теперешнемъ положеніи наукъ у насъ, мы

думаемъ, что гораздо нужнѣе поощреніе сочинителямъ, переводчикамъ и молодымъ людямъ, кои посвящаютъ себя наукамъ, нежели строгая критика" (стр. 46). Кто-то нападаетъ въ журналѣ на Тредьяковскаго, называя „Телемахиду" его скучною и непонятною и совѣтуя стихи ея и „Аргениды" читать отъ безсонницы (стр. 31). Другой, однакожъ, защищаетъ Тредьяковскаго и ставитъ ему въ заслугу многотомные его переводы (стр. 110). „Фенелонъ, по словамъ журнала, такъ же обезображенъ въ „Телемахидѣ", какъ и г. Колле въ переведенной его комедіи „Depuis et Deronnais". Она названа по-русски „Тесть и зять". Журналъ смѣется надъ этою передѣлкою на русскіе нравы, и эта современная критика довольно любопытна (стр. 44). Переводъ комедіи „Тесть и зять" принадлежитъ Лукину и напечатанъ въ С.-Петербургѣ 1768, 12°. Какой-то неизвѣстный намъ старикъ-поэтъ обрисованъ въ журналѣ „великимъ забіякою" (стр. 178).

Буличъ.

Характеръ и направленіе „Всякой Всячины" выяснились главнымъ образомъ въ ея полемикѣ съ журналомъ Новикова — „Трутень". Споръ между двумя изданіями возникъ изъ-за нравственныхъ воззрѣній. „Всякая Всячина" снисходительно смотрѣла на пороки. Въ 52-й статьѣ своей, напр., она такъ говоритъ о какомъ-то г. А., отказываясь помѣстить у себя его письмо: „любовь его къ ближнему болѣе простирается на исправленіе, нежели на снисхожденіе и человѣколюбіе; а кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, тотъ не способенъ подавать наставленія другому. Итакъ, просимъ г. А. впредь подобными присылками не трудиться; нашъ полетъ по землѣ, а не на воздухъ, еще же менѣе до небеси; сверхъ того мы не любимъ меланхолическихъ писемъ".

Изъ этихъ характерныхъ признаній ясно, что „Всякая Всячина" была совершенно чужда всякаго идеализма и очень легкомысленно смотрѣла на жизнь. Въ слѣдующей статьѣ своей (53) она, осмѣивая человѣка, который „вездѣ видѣлъ пороки, гдѣ другіе... насилу приглядѣть могли слабости", сравниваетъ этого человѣка по злости съ Калигулой, и говоритъ, что „всѣ разумные люди признавать должны, что

одинъ Богъ только совершенъ; люди же смертные безъ слабостей никогда не были, не суть и не будутъ", и потому надобно поставить себѣ слѣдующія правила: 1) никогда не называть слабости порокомъ, 2) хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе, 3) не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было, и для того 4) просить Бога, чтобъ намъ далъ духъ кротости и снисхожденія.

Противъ всего этого, противъ подобныхъ принциповъ горячо возражалъ „Трутень". Такъ, въ „Письмѣ Правдулюбова" онъ рѣзко и благородно опровергаетъ мысли „Всякой Всячины". „Я самъ того мнѣнія (пишетъ Правдулюбовъ „Трутню"), что слабости человѣческія сожалѣнія достойны; однакожъ не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своей мыслію и душою госпожа ваша прабабка, давъ знать, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно, они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по-русски) потакаетъ; и ежели смѣли написать, что учитель, любви къ слабостямъ не имѣющій, оныхъ исправить не можетъ, то я съ лучшимъ основаніемъ сказать могу, что любовь къ порокамъ имѣющій никогда не исправится".

Переходя отъ общихъ воззрѣній къ частностямъ, замѣтимъ, что „Всякая Всячина" снисходительно относилась къ взяточничеству и неправосудію: она говорила, напримѣръ, что „подьячихъ" нельзя строго осуждать за нечестность, потому что много „около нихъ искушателей", дающихъ имъ взятки.

Подобнымъ мыслямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и взглядъ журнала на сатиру, — сатира, по его мнѣнію, должна быть смѣшной, веселой, и отнюдь не желчной, не меланхолической. Да и вообще лучше писателю рисовать примѣры добродѣтелей, чѣмъ осмѣивать порочныхъ людей.

Противъ всего этого тоже возражалъ „Трутень" Новикова. И ужъ конечно, — въ литературной полемикѣ двухъ

журналовъ „Трутень“, благородно отстаивавшій высокую мысль, что терпимость къ пороку — вовсе не то же самое, что̀ милосердіе, былъ болѣе правъ, чѣмъ „Всякая Всячина“. Но справедливость требуетъ сказать, что и эта послѣдняя не выдерживала строго своего направленія: въ ней мы встрѣчаемъ, напр., сатирическія обличенія взяточничества.

Незеленовъ.

„ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА“ и „SPECTATOR“.

„Всякая Всячина“ нашими изслѣдователями и историками литературы признается за одинъ изъ лучшихъ сатирическихъ журналовъ и ставится наравнѣ съ „Трутнемъ“ и „Живописцемъ“ Новикова. Главное значеніе ея видятъ въ томъ, что она даетъ прекрасный матеріалъ для характеристики нравовъ Екатерининской эпохи, что въ картинахъ быта (tableaux de genre), нарисованныхъ ею, какъ живая, возстаетъ предъ нами наша старина. Въ ея сатирѣ, легкой, не забирающейся глубоко и потому чуждой пристрастія и тенденціозности, видятъ ручательство дѣйствительной вѣрности рисуемыхъ ею картинъ быта и нравовъ современнаго ей общества. Въ книгѣ Аѳанасьева, въ отдѣлѣ, посвященномъ характеристикѣ общества Екатерининскаго вѣка, мы находимъ не малое количество ссылокъ на „Всякую Всячину“. Все это дѣлаетъ тѣмъ болѣе необходимымъ съ возможною тщательностію прослѣдить отношенія „Всякой Всячины“ къ ея образцу — „Англійскому Смотрителю“.

Прежде всего вліяніе „Спектатора“ на „Всякую Всячину“ ясно выразилось въ цѣли, какую поставилъ себѣ нашъ сатирическій журналъ. Цѣлью его было исправленіе нравовъ. „Мы не сомнѣваемся, говорится въ одномъ изъ листковъ журнала, — о скоромъ исправленіи нравовъ и ожидаемъ немедленно искорененія всѣхъ пороковъ; ибо начали твердить наизусть „Всякую Всячину“, что вышеписаннымъ письмомъ доказывается. Сочинитель онаго важность нашего труда совершенно узналъ...“ *). Именно эту задачу поставилъ себѣ англійскій журналъ, прямо заявившій, что его „главная и единственная цѣль — исправленіе нравовъ и искорененіе невѣжества

*) „Всякая Всячина“, стр. 123—124.

къ Великобританіи"[1]. Для исполненія своей задачи „Спектаторъ" избралъ себѣ двоякое оружіе — сатиру и мораль. Но сатира его не громитъ, не негодуетъ: она дышитъ юморомъ и добродушною насмѣшкою, не заставляетъ читателя содрогаться, но вызываетъ у него улыбку. Тотъ же тонъ былъ усвоенъ и „Всякой Всячиной". „Любезный читатель", — говорится въ обращеніи къ читателю, — „предпріялъ я сообщить вамъ все то, что мнѣ заблагоразсудится, безъ всякаго порядка. Иногда дамъ вамъ *полезныя наставленія*; иногда *будете смѣяться*"[2]. Въ этихъ словахъ прямое указаніе на тотъ же двойственный характеръ содержанія журнала, какой мы видимъ въ „Спектаторѣ", и который усвоилъ за цѣлымъ рядомъ подобныхъ журналовъ особое названіе „нравоучительно-сатирическихъ". Однако должно замѣтить, что въ то время, какъ „Спектаторъ" постоянно имѣетъ въ виду всего человѣка, со всѣми его страстями и чувствами, слабостями и пороками, — „Всякая Всячина" почти совершенно отказалась отъ морали и обратила все свое вниманіе на то, чтобы смѣшить и развлекать читателя. Это журналъ, по-преимуществу, сатирическій, чѣмъ онъ сильно отличается отъ другого современнаго ему русскаго подражателя „Спектатора" — журнала „Полезное съ пріятнымъ", который имѣлъ почти исключительно нравоучительный характеръ.

О формахъ, которыя придавали своимъ статьямъ наши сатирическіе журналы, было говорено уже почти во всѣхъ изслѣдованіяхъ, затрогивающихъ сатирическую журналистику XVIII столѣтія. Въ частности, относительно „Всякой Всячины" слѣдуетъ замѣтить, что въ ней воспроизведены далеко не всѣ формы, встрѣчаемыя въ другихъ сатирическихъ журналахъ. Такъ, напримѣръ, мы не видимъ здѣсь довольно употребительныхъ „разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ", „рецептовъ", „сатирическихъ словарей" и др. Быть можетъ, и въ этомъ слѣдуетъ видѣть вліяніе „Спектатора". Разнообразіе формъ, употребляемыхъ послѣднимъ, значительно уступаетъ тому разнообразію, какое находимъ мы въ позднѣйшихъ журналахъ, представляющихъ подражаніе ему, осо-

---

[1]) „Spectateur", I, 45.

[2]) „Всякая Всячина", обращеніе къ читателю. Замѣтимъ также, что статья „Всякой Всячины" № 123 дословно переведена изъ „Спектатора".

бенно въ нѣмецкихъ. Оттуда эти формы перешли и въ наши журналы. Излюбленная форма статей, употребляемая „Спектаторомъ“, это — письмо, присланное отъ посторонняго лица въ редакцію. Эту же форму мы часто встрѣчаемъ во „Всякой Всячинѣ“. Изъ другихъ употребляемыхъ англійскимъ журналомъ формъ мы можемъ указать аллегорію, чьи-либо записки, случайно попавшіяся ему. Всѣ эти формы находимъ мы и во „Всякой Всячинѣ“.

Вліяніе „Спектатора“ на „Всякую Всячину“ не ограничивалось только этою внѣшнею стороною: оно выразилось также въ передѣлкѣ и въ переводѣ статей англійскаго журнала, что рѣшительно отвергаетъ Аѳанасьевъ, но что не было тайною для современныхъ „Всякой Всячинѣ“ журналовъ, хотя сама „Всякая Всячина“ тщательно старалась скрыть это. Въ одной изъ статей „Трутня“, представляющей очевидную пародію на статью № 103 „Всякой Всячины“ и, слѣдовательно, прямо имѣющей въ виду этотъ журналъ, издатели ея уличаются въ передѣлкѣ статей „Спектатора“. „Этотъ перекраиваетъ на свой салтыкъ статьи изъ славнаго „Англинскаго Смотрителя“ и, называя ихъ произведеніемъ своего умоначертанія, восклицаетъ: и мы яблока плывемъ“[1]. Другой намекъ, впрочемъ, не столь ясный, мы встрѣчаемъ въ журналѣ „И то и сё“. Осмѣивая обыкновеніе „Всякой Всячины“ печатать самой себѣ похвалы, „И то и сё“ восклицаетъ: „*Вси не знающіе другихъ языковъ люди* благодарятъ васъ отъ искренняго сердца, выключая нѣкоторыхъ полученыхъ господъ, стиховъ и прозы писателей“[2]. Наконецъ, на страницахъ самой „Всякой Всячины“ мы находимъ такое замѣчаніе: „Скажутъ, что мы переводы списываемъ. Признаемся, что и сіе бываетъ: легко узнать оные можно; осмѣливаемся сказать, что почти всѣ переводы, здѣсь внесенные, слабѣе настоящихъ сочиненій“[3]).

Прежде чѣмъ перейти къ указанію статей, заимствованныхъ „Всякою Всячиной“ изъ „Спектатора“, мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе относительно вопроса о томъ, какое изданіе находилось въ рукахъ у сотрудниковъ „Всякой Всячины“ —

---

1) „Трутень“, л. XIX, № 33.

2) „И то и сё“, недѣля 46.

3) „Всякая Всячина“, стр. 294—295.

англійскій ли подлинникъ, или французскій переводъ его. Нельзя сомнѣваться, что это былъ французскій переводъ „Спектатора". Въ этомъ не трудно будетъ убѣдиться, если мы вспомнимъ, что англійскій языкъ въ то время былъ очень мало извѣстенъ нашимъ писателямъ. Мы знаемъ, что изъ переводчиковъ того времени лишь одинъ Михаилъ Пермскій хорошо владѣлъ этимъ языкомъ, ознакомившись съ нимъ въ бытность свою въ Лондонѣ. Среди огромнаго количества переводовъ, наполняющихъ наши журналы 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, мы не встрѣчаемъ почти совсѣмъ переводовъ съ англійскаго. То, что внесено въ наши періодическія изданія изъ англійскихъ журналовъ, переведено не непосредственно съ подлинника, а съ французскихъ или нѣмецкихъ переводовъ. Это замѣчаніе остается вѣрнымъ и относительно „Всякой Всячины". Издатель ея Козицкій, какъ извѣстно, не зналъ по-англійски. То же самое должно замѣтить и относительно предполагаемаго нами „перекропывателя на свой салтыкъ статей изъ славнаго „Англинскаго Смотрителя" — И. П. Елагина. До какой степени издатели „Всякой Всячины" были незнакомы съ англійскими журналами въ подлинникѣ, свидѣтельствуютъ тотъ фактъ, что извѣстный „Guardian" упоминается во „Всякой Всячинѣ" подъ именемъ „Новаго Ментора", - названіе, которое дано ему во французскомъ переводѣ. Наконецъ, сопоставленіе русскаго перевода съ французскимъ и подлиннымъ англійскимъ изданіемъ „Спектатора" еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ рукахъ издателей „Всякой Всячины" находился не англійскій подлинникъ, а французскій переводъ „Спектатора". Поэтому въ нашей работѣ мы не будемъ касаться англійскаго изданія „Спектатора", а ограничимся лишь французскимъ переводомъ его. Ссылки мы будемъ дѣлать на амстердамское изданіе 1768 года*). Нумерація статей въ этомъ изданіи идетъ отдѣльно для каждаго тома, а потому мы будемъ обозначать римскими цифрами нумеръ тома и арабскими нумеръ статьи.

№ 1 (стр. 1): „Часто случалося мнѣ примѣтить..." до словъ: „Со временемъ объявлю и имена наши..." почти буквальный переводъ изъ „Спектатора", I, 1. Идущее далѣе

*) Le Spectateur ou le Socrate moderne, où l'on voit un portrait naif des moeurs de ce siècle. Traduit de l'Anglais Tomes I—VIII. A Amsterdam et à Leipzig, chez Arkstée et Mercus.

описаніе издателей журнала, несомнѣнно, есть подражаніе „Спектатору“, который въ нѣсколькихъ нумерахъ даетъ прекрасныя, остроумныя характеристики членовъ общества, предпринявшаго изданіе летучихъ листковъ.

№ 6 (стр. 17): „Ѣздилъ я обѣдать за Москворѣчіе...“ представляетъ почти дословный переводъ изъ Sp. I, 7. Передѣлокъ „на свой салтыкъ“ очень мало: введено Замоскварѣчье, какъ центръ суевѣрія: школьный учитель, о которомъ упоминается въ „Спектаторѣ“, обратился во „Всякой Всячинѣ“ въ пономаря; сраженіе при Альманзѣ замѣнено во „Всякой Всячинѣ“ Цорндорфскою баталіей. На стр. 21 прибавлено переводчикомъ отъ себя: „Она выслала дѣвку смотрѣть, лаетъ ли собака, подымая рыло, или опуская голову къ землѣ. Дѣвка пришла съ отвѣтомъ, что собака со двора ушла: и то была бѣда“. Самый конецъ разсужденія, гдѣ „Спектаторъ“ указываетъ, что суевѣріе и старанія заглянуть въ будущее не согласны съ христіанскимъ ученіемъ о Промыслѣ Божіемъ, во „Всякой Всячинѣ“ совершенно опущенъ. Вообще должно замѣтить, что мораль „Всякой Всячины“ не основывается, какъ въ „Спектаторѣ“, на христіанскомъ ученіи о нравственности, и, можетъ быть, въ этомъ слѣдуетъ видѣть вліяніе идей современныхъ французскихъ философовъ. Измѣненія, которыя допустила въ переводѣ этой статьи „Всякая Всячина“, настолько незначительны, что врядъ ли возможно назвать этотъ переводъ передѣлкою, какъ назвалъ его г. Галаховъ въ своей „Исторіи русской словесности“ *).

№ 14 (стр. 41): „Когда я былъ во Франціи“... изъ Sp. I, 11. Обширная статья англійскаго журнала значительно сокращена. Опущена біографія госпожи, о роскоши которой разсказывается въ статьѣ. Весь конецъ статьи, гдѣ идетъ разсужденіе объ истинномъ счастіи, къ которому должна стремиться женщина, во „Всякой Всячинѣ“ остался безъ перевода.

№ 18 (стр. 49): „Изъ Франціи поѣхалъ я въ Англію“... есть описаніе англійскихъ клубовъ, выбранное изъ разныхъ статей „Спектатора“.

№ 27 (стр. 80): „Господинъ сочинитель! Прошу васъ, уймите злоупотребленія“ — взято изъ „Спектатора“, V, 7.

*) Т. I, отд. 2-й, стр. 162. Изд. 2-е. С.-Пб. 1880.

Отъ начала до словъ: „Я иногда удивляюсь“ — переводъ значительно сокращенный и измѣненный; далѣе переведено почти дословно.

№ 36 (стр. 98): „Мой взоръ обращенъ къ истинѣ одной“. Начало этой статьи, служащее какъ бы предисловіемъ, самостоятельное; отмѣченное далѣе въ кавычкахъ есть дѣйствительно, какъ замѣчаетъ самъ авторъ статьи, сокращенный вольный переводъ изъ „Спектатора“, I, 27. Замѣтимъ также, что самое заглавіе статьи: „Мой взоръ обращенъ къ истинѣ одной“ заимствовано изъ „Спектатора“.

№ 45 (стр. 124): „Господинъ сочинитель! У меня есть двѣ племянницы“ — представляетъ почти дословный переводъ изъ „Spectator'a“, III, 24. Какъ на характерное добавленіе, можемъ указать на фразу: „Я бы имъ отвѣтствовалъ кулакомъ; но я боленъ; да сверхъ того дѣвки таковы, чтобъ онѣ сами меня съѣздили въ рожу“. Этой фразы нѣтъ въ „Spectator'ѣ“, и вставлена она, вѣроятно, для того, чтобы придать переводу болѣе русскій колоритъ.

№ 57 (стр. 150): „До рукъ нашихъ дошло письмо“... Первая половина этой статьи, гдѣ излагается содержаніе письма, оригинальна. Вторая же половина, заключающая мораль, дословно заимствована изъ обширнаго разсужденія „Спектатора“ о пьянствѣ, VI, 6. Опущены всѣ примѣры изъ исторіи и ссылки на древнихъ авторовъ. Что касается заключительныхъ словъ статьи (о скупости), то кажется, они принадлежатъ самому автору: по крайней мѣрѣ, мы не нашли ихъ въ „Спектаторѣ“.

№ 65 (стр. 172): „Господинъ сочинитель! Давно мнѣ хочется къ вамъ писать!“ Письмо это, въ которомъ гостинаго двора лавочникъ Фока Деньголюбовъ жалуется на барынь, перерывающихъ товары „безъ малѣйшей охоты что-нибудь купить“, — есть передѣлка подобнаго же письма, помѣщеннаго въ „Спектаторѣ“, IV, 2.

№ 71 (стр. 190): „Государь мой! Мнѣ четырнадцать лѣтъ минуло 11 января“. Статья переведена почти дословно изъ „Спектатора“, VI, 53. Удержана даже фамилія господина, мнѣніе о которомъ желаетъ знать молодая дѣвушка, пишущая письмо: Mr. Mignard (нѣжный) французскаго перевода во „Всякой Всячинѣ“ получилъ фамилію Нѣжнихина. Вопросы, которые задаетъ молодая дѣвушка, и отвѣты на нихъ „Спектатора“ переведены безъ всякихъ измѣненій.

№ 74 (стр. 195): „Ничто такъ не подло“. Статья эта — дословно переведенный отрывокъ изъ обширнаго разсужденія „Спектатора“, направленнаго противъ сатирическихъ писателей, или вѣрнѣе памфлетистовъ (I, 17). Замѣтимъ, что въ полномъ видѣ статья эта была переведена въ журналѣ „Праздное время, въ пользу употребленное“, стр. 338. А. Н. Пыпинъ въ своей статьѣ о Лукинѣ замѣчаетъ, что указанная статья „Всякой Всячины“ написана ad hoc, въ поученіе Лукину, равно какъ и слѣдующій нумеръ (75-й), въ которомъ говорится о подчиненныхъ и окружающихъ тѣхъ, „кои въ первыхъ должностяхъ находятся“[1]). Насколько эта догадка справедлива, мы скажемъ ниже, а теперь ограничимся замѣчаніемъ, что обѣ цитуемыя г. Пыпинымъ статьи „Всякой Всячины“ не оригинальны.

№ 75 (стр. 197): „Подчиненные и окружающіе тѣхъ, кои въ первыхъ должностяхъ находятся“. Какъ сказано выше, статья эта почти дословно переведена изъ „Спектатора“, V, 14. Лишь въ концѣ сдѣланы небольшія сокращенія и пропуски. Пропущено, напримѣръ, то мѣсто, гдѣ „Спектаторъ“ указываетъ на малую заботливость правительства въ дѣлѣ назначенія чиновниковъ: „Я увѣренъ, что эта испорченность происходитъ преимущественно оттого, что на должности назначаются первые попавшіеся или тѣ, которые слывутъ за людей ловкихъ и хитрыхъ“.

№ 91 (стр. 237): „Третьяго дня, когда мы собрались“... Матеріаломъ для этого разсказа послужила обширная статья „Спектатора“, заключающая въ себѣ нѣсколько разсказовъ и писемъ (I, 29). Статейка эта вполнѣ можетъ быть названа передѣлкой подлинника: матеріалъ, заимствованный изъ „Спектатора“, сохранивъ вполнѣ сущность, совершенно измѣнилъ свою форму.

№ 94 (стр. 246): „Великое множество есть мужей“... представляетъ переведенный съ незначительными измѣненіями[2]) отрывокъ изъ разсужденія „Спектатора“ о бракѣ (V, 22).

[1]) Сочиненія и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. С.-Пб 1868, стр. XXXV сл.

[2]) Вставлена, напримѣръ, фраза: „Съ того времени, какъ обычай вѣнчаться съ невидимкою перемѣнился“.

№ 103 (стр. 265): „Нѣкогда читалъ нѣкто...“ Статья заимствована изъ „Спектатора“, I. 5. Въ переводѣ допущены измѣненія съ цѣлью примѣнить статью къ русскимъ условіямъ жизни. Въ статьѣ „Спектатора“ рѣчь идетъ о газетахъ, которыя потворствуютъ „неутолимой жаждѣ и жадности ко новизнамъ“. Въ переводѣ роль газетъ передается „любителямъ и составителямъ новизнъ“, которые таскаются изъ дома въ домъ, перенося сплетни. Пространное разсужденіе „Спектатора“ о политическихъ извѣстіяхъ совершенно выпущено во „Всякой Всячинѣ“.

№ 109 (стр. 281): „Есть одинъ мнѣ знакомый человѣкъ“... статья составлена изъ двухъ разсказовъ „Спектатора“. Отъ начала до письма, приведеннаго на стр. 285, почти дословный переводъ Sp. I, 37. Здѣсь пропущены въ переводѣ тѣ мѣста, которыя касаются исключительно Англіи (напримѣръ, разсужденіе о вигахъ и торіяхъ). Письмо, находящееся на стр. 285, переведено изъ другой статьи „Спектатора“, именно V, 68.

№ 117 (стр. 309): „Нѣсколько тому лѣтъ назадъ“... Передѣлка письма, помѣщеннаго въ „Спектаторѣ“, I, 40. Болѣзнь, о которой идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ, — сплинъ. Во „Всякой Всячинѣ“ вмѣсто сплина упоминается о „несносной ушамъ“ болѣзни — „маткѣ“. Вся суть статьи „Спектатора“, заключающаяся въ тонкой насмѣшкѣ надъ сплиномъ (во „Всякой Всячинѣ“ надъ маткою) — болѣзнью, составляющею привилегію только однихъ „благородныхъ“, во „Всякой Всячинѣ“ сохранена безъ измѣненія.

№ 122 (стр. 324): „Жена моя мнѣ сказывала...“ взято изъ „Спектатора“, I. 53. Тутъ приводятся два письма, изъ которыхъ въ первомъ идетъ рѣчь о дѣвушкѣ, воспитанной въ деревнѣ и привезенной въ городъ (первая часть статьи „Всякой Всячины“), а второе представляетъ разсужденія о модномъ воспитаніи дѣвицъ (вторая половина статьи „Всякой Всячины“).

№ 123 (стр. 327): „Два есть у меня рода читателей...“ есть дословно переведенный отрывокъ изъ „Спектатора“, II, 50. Это одна изъ тѣхъ статей „Спектатора“, которыя, какъ увидимъ ниже, оказали сильное вліяніе на взгляды „Всякой Всячины“ относительно цѣли и значенія сатиры.

№ 131 (стр. 344): „Женщины отъ природы суть веселѣе

мужчинъ...“ переведено почти слово въ слово изъ „Спектатора“. II. 28. Опущенъ лишь примѣръ изъ римской исторіи (Маркъ Аврелій и Фавстина) и выброшены собственныя имена.

№ 137 (стр. 364): „Недавно нашелъ я лѣтописецъ“... Статья представляетъ почти дословный переводъ (съ небольшими пропусками) изъ „Спектатора“. II. 61. Отъ себя во „Всякой Всячинѣ“ прибавлено вступленіе: „Недавно нашелъ я лѣтописецъ четвертаго на десять вѣка, который говоритъ тако“. Вставлена также фраза: „Подобно утомленной мухѣ въ августѣ мѣсяцѣ, коя сидетъ попеременно на носъ, на бровь или на лобъ министру, который сочиняетъ важную депешу“. Остальное все переведено безъ измѣненій.

№ 139 (стр. 373): „Вчерашній день случилося мнѣ быть въ бесѣдѣ...“ представляетъ нѣсколько передѣланный отрывокъ изъ статьи „Спектатора“, I. 28. Замѣтимъ, что нарисованные здѣсь портреты женщины, старающейся всячески обратить вниманіе всѣхъ на свою красоту, и мужчины, желающаго во что бы то ни стало показаться умнымъ, Аѳанасьевъ принялъ за мѣткія изображенія современныхъ петиметровъ и щеголихъ*). Между тѣмъ въ статьѣ „Спектатора“ идетъ рѣчь о свойственномъ вообще натурѣ человѣка стремленіи тѣмъ или другимъ привлечь къ себѣ общее вниманіе. Во „Всякой Всячинѣ“ эта статья получила нѣсколько иное освѣщеніе, то, что „Спектаторъ“ считаетъ общимъ свойствомъ всѣхъ людей, „Всякая Всячина“ приписываетъ лишь немногимъ, и это даетъ ей поводъ посмѣяться надъ „предувѣреніями“ нѣкоторыхъ людей „о своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ качествахъ“.

№ 145 (стр. 390): „На сихъ днахъ отправленные наши послы“... Статья оригинальная, но, несомнѣнно, навѣянная подобною же статьей „Спектатора“, II. 7. Въ этомъ убѣждаетъ и заимствованный во „Всякой Всячинѣ“ изъ указанной статьи англійскаго журнала разсказъ о проповѣдникѣ Ѳомѣ Конектѣ, возставшемъ противъ модныхъ дамскихъ уборовъ.

№ 147 (стр. 398): „Лишь былъ бы человѣкъ съ достоинствами...“ Это отрывокъ, переведенный дословно (за исключеніемъ необходимыхъ измѣненій) изъ „Спектатора“, II. 10. Статья эта тѣмъ любопытнѣе, что представляетъ оцѣнку „Всякою Всячиною“ своего значенія въ настоящемъ и будущемъ.

---

*) *Аѳанасьевъ*, l. c., стр. 212 сл.

съ которою вполнѣ соглашается г. Буличъ въ своемъ сочиненіи о Сумароковѣ*).

Обратимся теперь къ „Барышку Всякой Всячины“. Какъ извѣстно, большинство статей, здѣсь помѣщенныхъ, представляетъ переводы изъ разныхъ авторовъ древнихъ и новыхъ. Мы не будемъ поэтому останавливаться на тѣхъ статьяхъ, которыя самою редакціей журнала отмѣчены какъ переводныя, а прослѣдимъ лишь статьи, выдаваемыя „Всякой Всячиной“ за оригинальныя.

№ 158 (стр. 454): „Не одножды я уже объявилъ войну бѣлиламъ...“ заимствовано изъ „Спектатора“, I. 29. Любопытно, что изъ этой же статьи заимствованъ и разсказъ, помѣщенный во „Всякой Всячинѣ“ подъ № 91 (см. выше). Настоящій отрывокъ почти дословно переведенъ изъ „Спектатора“ съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что вмѣсто пиктовъ и бретонокъ подлинника въ немъ упоминаются русскія и татарки.

№ 170 (стр. 481): „Былъ я въ деревнѣ у одного дворянина...“ есть нѣсколько измѣненный отрывокъ изъ статьи „Спектатора“, II, 16. Разсказъ этотъ въ передѣлкѣ „Всякой Всячины“ сильно проигрываетъ по сравненію съ подлинникомъ.

Изъ этого обозрѣнія видно, что заимствованія „Всякой Всячины“ изъ „Спектатора“ рѣдко являются въ видѣ дословныхъ переводовъ, а въ большинствѣ случаевъ представляютъ, по приведенному выше выраженію „Трутня“, передѣлки „на свой салтыкъ статей изъ славнаго Англинскаго Смотрителя“. Не лишнимъ будетъ указать здѣсь тѣ пріемы, которые употребляетъ „Всякая Всячина“ при пользованіи англійскимъ журналомъ.

1) „Всякая Всячина“ или дословно, безъ всякаго измѣненія, переводитъ статью или отрывокъ изъ статьи французскаго подлинника. Такихъ переводовъ сравнительно очень мало; можно указать лишь № 57 (Sp. VI. 6), № 71 (VI. 53) № 74 (Sp. I, 6), № 123 (Sp. II. 50). Чтобы показать, насколько близки къ оригиналу подобные переводы „Всякой Всячины“, приведемъ одинъ изъ такихъ переводовъ параллельно съ подлинникомъ.

---

*) *Буличъ*, Сумароковъ, стр. 218.

Spectateur, I, 17.

Il n'y a rien de plus lâche et de plus indigne, que de porter en secret des coups mortels à la réputation d'un homme. (Далѣе во „Всякой Всячинѣ" пропущено нѣсколько строчекъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о сатирическихъ умахъ.)

C'est pour cela même que j'ai le coeur navré, toutes les fois que je vois un caractère malin, accompagné d'une humeur agréable et badine. Un esprit cruel et barbare n'est jamais plus satisfait, que quand il afflige un particulier, ou qu'il excite la division entre les plus proches parents, et qu'il expose des familles entières à la risée du public, pendant qu'il se cache lui-même et que personne ne le découvre... etc.

Всякая Всячина.

Ничто такъ не подло и уничтоженія достойно, какъ потаенно поносить человѣка.

У меня сердце ноетъ всякій разъ, когда вижу такое лукавое умоначертаніе, совокупленное съ нравомъ веселымъ и насмѣшливымъ. Суровое и невѣжливое сердце никогда довольнѣе не бываетъ, какъ когда оно оскорбитъ какую ни есть особу; или когда ему удастся поссорить ближнихъ родственниковъ; или когда можетъ цѣлый родъ выставити въ свѣтъ для насмѣшки тогда, когда оно само скрывается и всячески стережется, чтобы поступокъ его не узнали... и т. д.

2) Гораздо чаще встрѣчаются переводы сокращенные, съ измѣненіями, съ пропусками или вставками. Измѣненія часто обусловливаются необходимостью примѣнить разсказъ къ русскимъ нравамъ, къ современному положенію вещей. Такое „перекрапываніе на свой салтыкъ" представляетъ огромное большинство статей, заимствованныхъ изъ „Спектатора". Для примѣра приведемъ параллельно письмо къ „Спектатору" джентельмена, страдающаго сплиномъ, и передѣланную изъ него статью „Всякой Всячины".

Spectateur, I, 40.

'M. le Spectateur! Tous ceux qui me connaissent savent que, depuis bien des années, je suis attaqué du mal de rate, et que ce mal m'est venu de la lecture des meilleurs livres et de la fréquention des plus beaux esprits. J'ai contracté par là une si grande délicatesse, que je ne puis souffrir

Всякая Всячина, № 117.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я помню, что на всѣхъ женщинъ повѣтріе было: онѣ было всѣ слегли отъ моимъ ушамъ несносныя болѣзни, матки. Я у врачей навѣдывался, отъ чего имъ то сдѣлалось? Они мнѣ отвѣтъ дали, что начало ея бываетъ отъ великаго прилежанія къ чтенію

la moindre inexactitude dans les discours, ni la moindre grossièreté dans les manières.

книгъ; отъ слушанія преумныхъ разговоровъ; отъ того, что женщины много ходятъ, а никогда не лежатъ; и что, смотря прилежно за домомъ, рано очень встаютъ, а послѣ обѣда мало почиваютъ, остаточные же часы дня не кушаютъ; комнаты у нихъ зимою такъ холодны, что дрожь беретъ; воздухъ же онѣ такъ любятъ, что круглый годъ стараются оный глотать. Ото всего того такъ ослабѣваютъ тѣлесныя и душевныя у нихъ качества, что когда и самая малѣйшая вещь ихъ тронетъ, то они уже не въ силахъ сносить оную. Сіе-то причиняетъ имъ тѣ припадки, коими столь много знатныхъ родовъ были приведены въ печаль.

D'ailleurs, j'avais toujours cru que cette maladie ne regardait que les gens d'esprit; mais j'ai observé, depuis quelque temps, qu'il n'y a si miserable cancre qui ne se plaigne da la rate, et ne l'accusa de la pesanteur de son cerveau, quoiqu'il n'ait jamais un mot à dire. Ce n'est pas tout, je vis l'autre jour, dans la cuisine d'un cabaret, deux estafiers qui prétendaient être attaqués de ce mal, faire venir chopine de vin avec des pipes, avaler cette liqueur à la santé l'un de l'autre, et se souffler la fumée au nez, dans l'espérance de se guérir ainsi de la rate. J'en appelle à votre témoignage, si l'on doit deshonorer jusqu'à ce point la maladie des personnes les plus distinguées et les plus polies. Je vous conjure donc, monsieur, de vouloir avertir ces estafiers qu'il ne peuvent être sujets à ce mal, puisqu'il ne sauraient dire un mot sans avoir le verre à la bouche, ni se communiquer leurs pensées sans l'in-

Я всегда думалъ, что сія болѣзнь только у однихъ благородныхъ была; но одинождьі сошелъ я на кухню и увидѣлъ кухарку, коя жаловалась на припадки таковые же. Она послала сыскати штофъ водки и проглотила нѣсколько чарокъ. Потомъ мужъ ея пришелъ. Сей раскурилъ трубку и пустилъ ей дыма въ носъ. Я у васъ спрашиваю, можно ли безчестить до такой крайности болѣзнь знатныхъ и вѣжливѣйшихъ людей? Я тотъ часъ спозналъ, что кухарка, коя слова не можетъ выговорить, не запивая онаго, ни мыслей своихъ изъяснить безъ того, чтобы мужъ ея ихъ не встрѣтилъ густымъ облакомъ дыма изъ трубки, не можетъ быть подвержена болѣзни нѣжныхъ людей. Я пришелъ въ верьхъ и женѣ объявилъ мое пріобрѣтеніе. Она мнѣ чистосердечно безъ обиняковъ призналася, что пока въ сихъ непорядкахъ не будетъ сдѣлано поправленіе, она отрицается быть

terposition d'un nuage épais qui leur crève les yeux. Pour moi, je vous déclaire franc et net, que si vous ne remédiez au plutôt ce desordre, je vais renoncer à la maladie, et être toujours de bonne humeur avec la vulgaire. Je suis, etc.

больна сею болѣзнію, но будетъ здорова и всегда весела не по модѣ.

Та же необходимость или, вѣрнѣе, то же стремленіе примѣнить разсказъ къ русскимъ нравамъ, къ современному положенію вещей заставляетъ „Всякую Всячину" дѣлать въ заимствованныхъ статьяхъ пропуски. Такъ, въ большой статьѣ, помѣщенной во „Всякой Всячинѣ" подъ № 109 и представляющей почти буквальный переводъ подлинника, выпущено то мѣсто, гдѣ идетъ рѣчь о дѣленіи англійскаго общества на партіи виговъ и торіевъ. Въ другой передѣланной статьѣ ни слова не говорится о привозимыхъ изъ Индіи и Китая товарахъ, о которыхъ упоминается въ статьѣ „Спектатора" (Sp. IV, 2; „Всякая Всячина", № 65). Цитаты изъ древнихъ авторовъ, которыми пестритъ почти каждая статья „Спектатора", примѣры, приводимые послѣднимъ изъ исторіи классическихъ народовъ, совершенно опускаются во „Всякой Всячинѣ". Вообще же бóльшую часть пропусковъ можно объяснить лишь простымъ желаніемъ издателей, по-возможности, сократить часто очень длинныя статьи подлинника. Что касается вставокъ, попадающихся въ дословно переведенныхъ разсказахъ, то ихъ вообще чрезвычайно немного. Дѣлаются онѣ, повидимому, съ цѣлью придать разсказу болѣе русскій колоритъ. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ о двухъ дѣвушкахъ, ударившихся въ вышнія науки („Всякая Всячина", № 45; Sp. III, 24), вставлена такая фраза: „Я бы имъ отвѣтствовалъ кулакомъ; но я боленъ; да сверхъ того дѣвки таковы, чтобъ онѣ сами меня съѣздили въ рожу".

Что касается собственно составленія статей изъ заимствованнаго матеріала (переведеннаго дословно или передѣланнаго), то здѣсь можно указать нѣсколько пріемовъ, употребляемыхъ сотрудниками русскаго журнала.

1) Въ большинствѣ случаевъ передѣлывается или переводится для статьи „Всякой Всячины" *одинъ* разсказъ „Спектатора". Таковы №№ 1 (Sp. I, 1), 6 (Sp. I, 7), 14 (Sp. I, 11), 27 (Sp. V, 7), 36 (Sp. I, 27), 45 (Sp. III, 24), 65 (Sp.

IV, 2), 71 (Sp. VI, 53), 74 (Sp. I, 17), 75 (Sp. V, 14), 94 (Sp. V, 22), 103 (Sp. I, 5), 117 (Sp. I, 40), 123 (Sp. II, 50), 131 (Sp. II, 28), 137 (Sp. II, 61), 139 (Sp. I, 28), 147 (Sp. II, 10), 170 (Sp. II, 16).

2) Нѣсколько разсказовъ подлинника, помѣщенныхъ въ одномъ нумерѣ журнала, а иногда и въ нѣсколькихъ нумерахъ, соединяются во „Всякой Всячинѣ" въ одинъ, при чемъ сущность ихъ вполнѣ сохраняется. Таковъ, напримѣръ, разсказъ о женѣ, которая до свадьбы выглядѣла красавицей, а послѣ свадьбы оказалась безобразною старухою („Всякая Всячина", № 91; Sp. I, 29). Первая часть разсказа взята изъ письма, которое пишетъ „Спектатору" несчастный мужъ этой красавицы, вторая же — изъ разсказа самого автора статьи о любовницѣ одного изъ его друзей. Другая статья, помѣщенная во „Всякой Всячинѣ" подъ № 109, составлена изъ двухъ различныхъ разсказовъ „Спектатора" (I, 37 и V, 68).

3) Обратно — одинъ разсказъ „Спектатора" разбивается во „Всякой Всячинѣ" на нѣсколько статей. Примѣромъ можетъ служить № 29 I тома „Спектатора", откуда заимствованы во „Всякой Всячинѣ" двѣ статьи: № 81 и № 158.

4) Иногда въ разсказъ, повидимому оригинальный, вставляется отрывокъ изъ статьи „Спектатора". Такова, напримѣръ, статья, помѣщенная во „Всякой Всячинѣ" подъ № 57, гдѣ приводится письмо изъ Астрахани о пьяницѣ и скупомъ. Конецъ этой статьи, т.-е. отвѣтъ на письмо, заимствованъ „Всякою Всячиною" дословно изъ „Спектатора" (VI, 6).

5) Наконецъ, иногда въ статьѣ „Всякой Всячины" вліяніе „Спектатора" отражается въ общемъ духѣ или въ отдѣльной фразѣ, хотя ближайшій источникъ русской статьи указать невозможно. Напримѣръ, въ статью „Всякой Всячины" о современныхъ модахъ, источникъ которой мы затрудняемся указать въ англійскомъ журналѣ, вставлено заимствованное изъ послѣдняго упоминаніе о „нѣкоемъ проповѣдникѣ", который въ своихъ проповѣдяхъ нападалъ на дамскіе уборы („Всякая Всячина", № 145; ср. Spectateur, II, 7).

„Всякая Всячина" не ограничивалась перекраиваніемъ на свой салтыкъ статей славнаго „Англійскаго Смотрителя": подражаніе и заимствованіе шло гораздо далѣе. Оно выражалось какъ въ выборѣ предметовъ, которые предавала осмѣянію „Всякая Всячина", такъ и въ тонѣ и манерѣ ея сатириче-

скихъ нападокъ и даже въ самомъ взглядѣ ея на цѣль и значеніе сатиры. Профессоръ Буличъ осыпаетъ похвалами „Всякую Всячину“ за ея умѣніе „подмѣчать легкія, ежедневныя, исчезающія черты и смѣшныя стороны“. Но можно сомнѣваться, оказалось ли бы это умѣніе у издателей „Всякой Всячины“, если бы у нихъ не было подъ руками англійскаго журнала. Разсматривая „Всякую Всячину“ въ связи со „Спектаторомъ“, мы должны всѣ похвалы, высказанныя г. Буличемъ по ея адресу, всецѣло отнести къ англійскому журналу. Нельзя, по крайней мѣрѣ, указать почти ни одного явленія обыденной жизни, которое раньше не было бы отмѣчено „Спектаторомъ“. Вообще должно замѣтить, что самостоятельно „Всякою Всячиною“ былъ выдвинутъ лишь одинъ вопросъ — о подьячихъ, да и то, какъ кажется, нападки на „крапивное сѣмя“ шли со стороны и врядъ ли принадлежали кому-либо изъ членовъ общества издателей „Всякой Всячины“. Надо вспомнить и то, что гораздо раньше, еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, неутомимымъ обличителемъ подьячихъ являлся Сумароковъ. Въ своемъ обозрѣніи предметовъ сатиры „Всякой Всячины“ мы послѣдуемъ Аѳанасьеву, который — по указанію, впрочемъ, г. Галахова*) — группируетъ недостатки Екатерининскаго общества по двумъ отдѣламъ: къ первому относитъ тѣ, которые происходили отъ невѣжества, а ко второму тѣ, причина которыхъ заключалась въ превратно понятой, ложной цивилизаціи.

Одно изъ видныхъ мѣстъ среди предметовъ, подвергавшихся обсужденію на страницахъ „Спектатора“, занимаетъ вопросъ о воспитаніи дѣтей. „Спектаторъ“ подробно трактуетъ о наилучшихъ способахъ воспитанія, о томъ, къ чему должно быть направлено воспитаніе, и какихъ результатовъ должно оно достигать въ отношеніи какъ юношей, такъ и дѣвушекъ. Среди такихъ разсужденій онъ останавливается на уродливости стараго воспитанія мальчиковъ, направленнаго лишь къ тому, чтобы выкормить и вырастить юношу, и нисколько не заботящагося объ образованіи ума и характера. Онъ даетъ намъ нѣсколько характеристикъ подобныхъ „недорослей

*) См. рецензію г. *Галахова* на сочиненіе профессора *Булича* „Сумароковъ и современная ему критика“, „Отечественныя Записки“ 1854 г., іюнь

изъ дворянъ", выросшихъ на попеченіи заботливыхъ маменекъ*). Во „Всякой Всячинѣ" мы находимъ нѣсколько прекрасныхъ картинъ подобнаго же воспитанія дворянскихъ дѣтей, вся сущность котораго заключалась въ томъ, чтобы какъ можно болѣе кормить дитя и какъ можно менѣе набивать ему голову науками. Этимъ сближеніемъ „Всякой Всячины" со „Спектаторомъ" мы вовсе не хотимъ сказать, что первая рабски подражала здѣсь англійскому журналу. Напротивъ, въ картинахъ воспитанія, нарисованныхъ „Всякою Всячиной", мы признаемъ значительную долю самостоятельности, тѣмъ болѣе, что намъ совершенно неизвѣстно, кому принадлежатъ эти статьи, т.-е. вышли ли онѣ изъ редакціи журнала, или присланы кѣмъ-либо изъ постороннихъ сотрудниковъ.

„Всякая Всячина" не оставила безъ вниманія жизни большинства современныхъ русскихъ помѣщиковъ: она смѣялась надъ ихъ бездѣльнымъ житьемъ въ деревнѣ, надъ провожденіемъ времени въ охотѣ и попойкахъ или безпросыпномъ спаньѣ съ утра до вечера. Здѣсь невольно бросается въ глаза ея сходство со „Спектаторомъ", который въ своихъ полныхъ юмора очеркахъ изображаетъ джентльменовъ, убивающихъ время въ охотѣ, держащихъ пари, кто кого перепьетъ, или цѣлые дни проводящихъ въ спаньѣ**). Любопытный типъ помѣщика, занимающагося вязаніемъ чулокъ, дѣланіемъ мельницъ изъ бумаги и въ то же время отличнаго охотника, взятъ

*) См., напр., Sp. II, 23: Она (мать молодого человѣка) нашла въ скоромъ времени, что чтеніе утомляетъ глаза, а писаніе причиняетъ ему (ея сыну) жестокую головную боль. Онъ былъ отпущенъ въ лѣсъ, лишь только научился ѣздить верхомъ и носить на плечѣ ружье. Словомъ, по отзыву моего друга, я нашелъ, что молодой человѣкъ имѣетъ добрый запасъ здоровья, но отнюдь ничего иного.

**) „Sp." II, 54. Я посылаю вамъ этотъ дневникъ не только потому, что онъ содержитъ дѣянія Николая Гарта, но также и потому, что онъ наглядно представляетъ жизнь добраго числа благородныхъ англійскихъ джентльменовъ, которые ограничиваются зѣваніемъ, дремотой, потягиваніемъ, повертываніемъ на другой бокъ, спаньемъ, питьемъ и другими подобными занятіями, достойными ихъ положенія. См. также II, 32: Огромное число нашихъ деревенскихъ джентльменовъ... развлекается тѣмъ, что тушитъ возможно скорѣе ту искру разума, которая свѣтится въ нихъ, когда они трезвы. Эти милые дебоширы только и стремятся къ тому, чтобы притупить съ возможною тщательностью свои чувства: они пьютъ до потери вкуса вина, курятъ, пока имъ не выѣстъ глаза, и воютъ до тѣхъ поръ, пока дѣлаются не въ состояніи слушать самихъ себя.

„Всякой Всячиной“ (съ незначительными измѣненіями) изъ „Спектатора“ [1]).

Суевѣрію во „Всякой Всячинѣ“ посвящена лишь одна статья, и эта единственная статья оказывается, какъ было указано выше, почти дословнымъ переводомъ одного изъ разсказовъ „Спектатора“ [2]).

Вопросъ о взяточничествѣ обсуждался во „Всякой Всячинѣ“ почти исключительно въ примѣненіи къ подьячимъ. Понятно, что въ нападкахъ „Всякой Всячины“ на подьячихъ „Спектаторъ“ былъ нисколько не повиненъ. Но мы должны отмѣтить, что взгляды на взяточничество, приписываемые изслѣдователями нашихъ сатирическихъ журналовъ Екатерины II, не принадлежали самой императрицѣ. Извѣстная фраза: „Какъ бы подарковъ ни называли, все они суть покрываломъ подкупа“, находится въ статьѣ, которая почти цѣликомъ переведена изъ „Спектатора“ [3]).

Изслѣдователи наши справедливо указываютъ, что, нападая на невѣжество, руская журнальная сатира въ то же время сумѣла критически отнестись къ ложной, чисто внѣшней образованности, которую предки наши съ такою легкостью усвоили отъ французовъ. По словамъ Аѳанасьева, это увлеченіе внѣшностью европейской жизни очень понятно: руское общество, при первомъ знакомствѣ съ Европою, стояло на весьма невысокой ступени умственнаго и нравственнаго образованія. „Медленно и съ трудомъ усвоивая себѣ богатыя свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ наукъ и высоко-гуманныя идеи, вызванныя къ жизни европейскимъ образованіемъ, мы, какъ дѣти, бросились на то, что кидалось намъ въ глаза и нравилось своею яркостью и блескомъ: на моды, роскошь и свѣтскія удовольствія“ [4]). Но не одни мы оказались дѣтьми въ этомъ отношеніи: французскій блескъ ослѣплялъ и холодныхъ, разсудительныхъ сыновъ Альбіона, и глубокомысленныхъ нѣмцевъ. Въ одной изъ своихъ статей „Спектаторъ“ заявляетъ, что, при всемъ своемъ пламенномъ желаніи мира, онъ боится его дурныхъ послѣдствій не въ отношеніи

---

[1]) „Всякая Всячина“, № 170; „Sp.“ II, 16. См. выше.

[2]) „Всякая Всячина“, № 6; Sp. I, 7. См. выше.

[3]) „Всякая Всячина“, № 75, стр. 200 (ошибочно напечатано 100); „Sp.“ V, 14. См. выше.

[4]) Аѳанасьевъ, l. c., стр. 179.

политическомъ, а въ отношеніи нравственности. „Какое наводненіе лентъ и парчи хлынетъ на насъ!“ — восклицаетъ онъ — „Какимъ издѣвательствамъ, какимъ насмѣшкамъ подвергнемся мы тогда! Я желалъ бы отъ всего сердца, чтобы для предупрежденія этихъ бѣдствій былъ изданъ парламентскій указъ, запрещающій ввозъ галантереи изъ Франціи“*). Въ цѣломъ рядѣ англійскихъ и нѣмецкихъ нравоучительныхъ журналовъ мы встрѣчаемъ безпрерывныя нападки на пристрастіе ко всему французскому, находимъ сатиру на петиметровъ и кокетокъ, насмѣшки надъ воспитаніемъ на французскій манеръ, надъ роскошною жизнью не по средствамъ, модами и прочее. Несомнѣнно, что такое враждебное отношеніе иностранныхъ журналовъ къ французоманамъ не оставалось безъ вліянія на нашу сатирическую журналистику и въ частности на „Всякую Всячину“.

Если въ изображеніи стариннаго невѣжества и его слѣдствій, въ нападкахъ на подьячихъ и на взяточничество „Всякая Всячина“, находясь подъ несомнѣннымъ вліяніемъ „Спектатора“, все же дала нѣсколько самостоятельныхъ разсказовъ, отличающихся притомъ яркостью красокъ, то здѣсь, въ нападкахъ на ложную образованность, на моды, роскошь и свѣтскія удовольствія, въ картинахъ модныхъ щеголей и щеголихъ, мы не можемъ указать ни одной черты, которую можно было бы отнести къ наблюдательности издателей журнала.

На стр. 325 „Всякая Всячина“ рисуетъ намъ картину моднаго воспитанія дѣвицъ; въ другомъ мѣстѣ, на стр. 124, мы находимъ изображеніе двухъ дѣвушекъ, ударившихся „въ вышнія науки“. Какъ та, такъ и другая статья цѣликомъ переведены изъ „Спектатора“.

Указывая на вольность обращенія мужчинъ съ женщинами, на моду, требовавшую, чтобы жена нигдѣ не показывалась съ мужемъ, „Всякая Всячина“ также только повторяла нападки своего образца. „Всѣ разговоры и манеры французовъ“, говоритъ „Спектаторъ“ въ одной изъ своихъ статей, — „направлены исключительно къ тому, чтобы сдѣлать женщину болѣе распущенной, или, какъ онѣ любятъ выражаться о самихъ себѣ, болѣе живой, нежели это позволяетъ добродѣтель и скромность. Говорить чрезвычайно громко въ обще-

*) „Sp.“ I, 33.

ственныхъ собраніяхъ и во всеуслышаніе произносить такія вещи, о которыхъ не должно говорить иначе, какъ наединѣ или на ухо, — все это показываетъ хорошее воспитаніе, между тѣмъ какъ стыдъ, заставляющій краснѣть, совсѣмъ не въ модѣ, и молчаніе считается болѣе неприличнымъ, нежели все, что бы ни говорилось совсѣмъ не кстати [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ жалуется на манеру дамъ говорить при дѣтяхъ все, называя всѣ вещи ихъ собственными именами [2]). Поведеніе женщинъ въ церкви, заслужившее осужденіе „Спектатора", подверглось нападкамъ и со стороны „Всякой Всячины" [3]). По указанію того же „Спектатора", „Всякая Всячина" обращаетъ свое вниманіе на моду, предававшую осмѣянію любовь между супругами. Въ одной изъ своихъ статей „Спектаторъ" приводитъ письмо молодой барыни къ живущей въ деревнѣ подругѣ, содержащее въ себѣ наставленія, какъ надо держать себя въ обществѣ, чтобы не возбудить насмѣшекъ. „...Въ качествѣ добраго друга, заботящагося о вашей репутаціи, я желала бы дать вамъ небольшое наставленіе на первый случай, когда вы покажетесь въ городѣ, какъ замужняя женщина. Быть можетъ, нѣсколько заносчиво желать давать совѣты замужней женщинѣ, но я такъ сильно боюсь, чтобы вы не представили изъ себя глупой фигуры съ вашей супружеской любовью, что не могу удержаться, чтобы не предупредить васъ, что вы должны никогда не показываться съ вашимъ мужемъ въ одномъ и томъ же публичномъ мѣстѣ, ни прогуливаться вмѣстѣ по парку св. Іакова. Если васъ увидятъ съ нимъ въ каретѣ на прогулкѣ въ Гайдъ-Паркѣ, — вы погибли безвозвратно. Точно такъ же вы не должны заботиться другъ о другѣ ни въ Комедіи, ни въ Оперѣ, если вы не хотите, чтобы надъ вами смѣялись и дали вамъ прозвище счастливой четы, соединенной пріятнымъ игомъ супружества" [4]). Это прекрасное письмо ярко рисуетъ намъ отношенія между супругами, установленныя современною модой. И „Всякая Всячина" нашла нужнымъ указать точно такія же отношенія супруговъ въ современномъ ей обществѣ: любовь свойственна однимъ мѣщанамъ; людямъ высшаго общества

---

1) *Sp.* I, 33.
2) *Sp.* IV, 59; ср. ***Всякая Всячина,*** стр. 158.
3) *Sp.* V, 7; ***Всякая Всячина,*** стр. 80 (№ 27).
4) *Sp.* III, 30.

женъ своихъ любить неприлично. „Привязанность твоя къ женѣ" — отвѣчаютъ мужу, влюбленному въ свою жену, — „причиняетъ сей смѣхъ потому, что ничего страннѣе нѣту, какъ видѣть мужа и жену, влюбленныхъ другъ въ друга"[1].

Изображенія петиметровъ и щеголихъ, насмѣшки надъ страстью женщинъ къ нарядамъ, къ моднымъ прическамъ, къ мушкамъ, бѣлиламъ и румянамъ — представляютъ въ огромномъ большинствѣ не только подражаніе, но прямыя заимствованія изъ „Спектатора"[2]. Среди немалаго количества этого рода статей можно указать лишь очень немного оригинальныхъ, написанныхъ, впрочемъ, тоже подъ несомнѣннымъ вліяніемъ англійскаго журнала. То же самое должно сказать и относительно единственной статьи „Всякой Всячины", направленной противъ роскоши: она цѣликомъ заимствована изъ „Спектатора"[3].

Мотовство и неоплатные долги, въ которые впадали владѣльцы большихъ состояній, много разъ привлекали вниманіе „Спектатора". Онъ не разъ указываетъ на охватившее англійское общество стремленіе жить возможно роскошнѣе, часто далеко не по средствамъ, слѣдствіемъ чего являются неоплатные долги. „Наши джентльмены, — пишетъ онъ, — почти всѣ въ долгахъ, и есть много семействъ, гдѣ это несчастіе сдѣлалось какъ бы наслѣдственнымъ и продолжается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Отецъ закладываетъ свои земли въ самой нѣжной юности своего старшаго сына, и этотъ послѣдній женится раньше, нежели придетъ въ возрастъ, чтобы выкупить земли и найти средство выплатить приданое своимъ сестрамъ. Это не мѣшаетъ ему, если вамъ угодно, распутничать съ женщинами, держать открытый столъ, кормить стаю собакъ, какъ подобаетъ истинному англійскому джентльмену, до тѣхъ поръ, пока онъ не заложитъ половины своего имѣнія"[4]. Эти указанія „Спектатора" на мотовство не остались не замѣченными „Всякой Всячиной", и въ одной изъ своихъ статеекъ она рисуетъ супруговъ, которые, имѣя изрядное состояніе, пріѣхали въ Петер-

---

[1]) *Всякая Всячина*, стр. 229.

[2]) См. напримѣръ, *Всякая Всячина*, №№ 91 (*Sp.* I, 29), 109 (*Sp.* I, 37), 145, 158 (*Sp.* I, 29).

[3]) *Всякая Всячина*, № 14; *Sp.* I, 11.

[4]) *Sp.* I, 65.

бури и въ нѣсколько мѣсяцевъ промотали все до послѣдней нитки[1]). Какъ „Спектаторъ", она нападаетъ на женщинъ, своими прихотями разоряющихъ мужей.

Кромѣ сатирическихъ нападокъ на современные пороки, мы находимъ во „Всякой Всячинѣ" статьи, имѣющія характеръ правоученія или разсужденія. Многія изъ этихъ статей заимствованы также изъ „Спектатора". Таково происхожденіе разсужденій „Всякой Всячины" о вредѣ пьянства, о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ, о преобладающихъ чертахъ въ характерѣ мужчинъ и женщинъ[2]); со словъ же „Спектатора" русскій журналъ дѣлитъ своихъ читателей на два разряда: на любителей веселыхъ, насмѣшливыхъ статей и на почитателей сухой, строгой морали[3]).

Почти всѣ изслѣдователи русскихъ сатирическихъ журналовъ останавливались болѣе или менѣе подробно на полемикѣ, возникшей между „Всякой Всячиной" и „Трутнемъ" относительно цѣли и предѣловъ сатиры. Одни — гг. Буличъ и Аѳанасьевъ — ограничились изложеніемъ фактической исторіи спора, другіе — гг. Незеленовъ и Шумигорскій — пытались такъ или иначе объяснить несимпатичные имъ взгляды „Всякой Всячины" и, слѣдовательно, ея главнаго редактора — императрицы Екатерины. Въ своей любопытной брошюрѣ „Императрица-публицистъ" г. Шумигорскій удачною комбинаціей фактовъ пытается установить послѣдовательность императрицы какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ литературныхъ взглядахъ. Въ ея правилѣ „не цѣлить въ особъ, а единственно въ пороки" онъ видитъ твердо установленный ею и послѣдовательно проводившійся принципъ осторожности и осмотрительности. Г. Незеленовъ идетъ далѣе: онъ усматриваетъ въ этомъ осторожномъ отношеніи къ личности, въ этой снисходительности къ пороку вліяніе матеріалистическихъ идей, усвоенныхъ Екатериною отъ французскихъ философовъ[4]). Справедливость этихъ домысловъ очень сомнительна, такъ какъ дѣло объясняется гораздо проще: взгляды эти были продиктованы „Всякой Всячинѣ" все тѣмъ же „Спектаторомъ". Послѣдній рѣзко отдѣляетъ сатиру на порокъ отъ сатиры на

---

1) *Всякая Всячина*, № 92 (стр. 239 сл.).

2) *Всякая Всячина*, № 57, *Sp.* VI, 6. № 94, *Sp.* V, 22; № 131, *Sp.* II, 28.

3) *Всякая Всячина*, № 123; *Sp.* II, 50.

4) *Незеленовъ*. Лит. направленія въ Екатерин. эпоху. С.-Пб. 1889, стр. 79.

лицо: онъ признаетъ только первую и рѣшительно возстаетъ противъ послѣдней. Поставивъ себѣ правиломъ „не цѣлить на особъ, а единственно на пороки“, „Всякая Всячина“ повторила слова англійскаго журнала: „Если я нападаю на порочныхъ, то я обрушиваюсь на все ихъ сословіе, и какъ бы ни дуренъ былъ поступокъ со мною другихъ, я все же не рѣшусь никогда взять примѣромъ одного виновнаго. Я буду разсматривать порокъ такимъ, какимъ онъ кажется, какъ родъ, а не такимъ, какъ онъ проявляется въ отдѣльной личности“ [1]. Уваженіе къ личности заставляетъ „Спектатора“ отказывать въ помѣщеніи на своихъ страницахъ такихъ писемъ, въ которыхъ выставлялись на посмѣяніе проступки извѣстныхъ личностей и разсказывались скандальныя исторіи. „Надобно знать моимъ корреспондентамъ, говоритъ журналъ по этому поводу, что намѣреніе мое состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы предавать гласности разныя интриги и нарушенія супружеской вѣрности и вытаскивать безславящія приключеньица изъ ихъ темныхъ нѣдръ, чтобы выставить ихъ при полномъ свѣтѣ“ [2]. Тѣми же взглядами руководилась и „Всякая Всячина“, отказывая своимъ корреспондентамъ помѣщать статьи, въ которыхъ виднѣлось стремленіе цѣлить на особы (№ 76) или затрогивалась семья (№ 47). Замѣчательно, что противоположные взгляды были высказаны „Трутнемъ“ — журналомъ, въ которомъ всего менѣе видно слѣдовъ подражанія „Спектатору“. Полемизируя съ „Трутнемъ“, „Всякая Всячина“ напечатала цѣлый рядъ статей, содержащихъ нападки на писателей, не жалѣющихъ для показанія своей остроты матери, жены, сестеръ, братьевъ, друзей [3]. По мнѣнію „Всякой Всячины“, такіе писатели приносятъ огромный вредъ обществу. Нельзя, разумѣется, отрицать, что въ этихъ нападкахъ проглядываетъ личное чувство недоброжелательства къ „Трутню“; но, съ другой стороны, въ нихъ видно несомнѣнное вліяніе взглядовъ „Спектатора“. Послѣдній настойчиво обрушивается на сатириковъ, имѣющихъ въ виду личность: это его заклятые враги. Для нихъ только онъ отступаетъ отъ своего правила не затрогивать личности и обѣщаетъ преслѣдовать ихъ всѣми силами. Онъ сравниваетъ

1) *Sp.* I, 12.
2) *Sp.* I, 12.
3) *„Всякая Всячина“*, стр. 402.

такихъ людей съ разбойниками и убійцами, по его мнѣнію, это — чудовища, которыя не могутъ быть терпимы въ цивилизованномъ обществѣ[1]). Онъ требуетъ гуманнаго отношенія къ людямъ. „Гибеленъ умъ, если онъ не сопровождается добродѣтелью и гуманностью“[2]). И этотъ взглядъ вполнѣ раздѣляла „Всякая Всячина“, говоря, что любовь къ ближнему должна больше простираться на снисхожденіе, нежели на исправленіе, что человѣкъ, желающій исправлять ближняго, долженъ имѣть человѣколюбіе. Напитанная взглядами „Спектатора“, она однако не сумѣла развить ихъ съ такою послѣдовательностью и полнотою, какъ англійскій журналъ, и въ спорѣ съ „Трутнемъ“ высказала себя съ не совсѣмъ выгодной стороны.

Въ заключеніе нашего очерка изложимъ наши выводы въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Образцомъ для перваго нашего сатирическаго журнала послужилъ „Спектаторъ“.

2) Вліяніе „Спектатора“ не ограничивалось одной внѣшней стороной (форма и тонъ статей), но простиралось и на самое содержаніе „Всякой Всячины“.

3) Статьи, заимствованныя изъ „Спектатора“, являются во „Всякой Всячинѣ“ въ большинствѣ случаевъ въ передѣланномъ видѣ, но передѣлка нисколько не касается сущности статей.

4) Почти всѣ статьи „Всякой Всячины“, признаваемыя важными для исторіи быта и нравовъ общества Екатерининской эпохи, заимствованы изъ англійскаго журнала. Исключеніе составляютъ статьи, направленныя противъ подьячихъ, и разсказы, рисующіе старое воспитаніе помѣщичьихъ дѣтей.

5) Взгляды „Всякой Всячины“ на задачу и предѣлы сатиры не принадлежали самой императрицѣ Екатеринѣ: они не вытекали изъ ея принципа осторожности и не были результатомъ вліянія матеріалистическихъ идей, усвоенныхъ ею отъ французскихъ философовъ, а всецѣло были заимствованы отъ „Спектатора“.

Солнцевъ.

---

4) *Sp.* I, 23.

5) *Sp.* I, 23.

ПОЛЕМИКА „ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЫ“ СЪ ДРУГИМИ ЖУРНАЛАМИ.

Послѣдуя благому примѣру „Всячины“, стали выходить, какъ мы видѣли, и другія періодическія изданія, нарождаясь почти съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ: по выраженію „Всячины“, едва она явилась въ свѣтъ, какъ уже продираетъ глаза *То и сё*; одно только *Кое-что* спитъ безъ просыпа“[1]. „Всякая Всячина“ поспѣшила объявить себя родоначальницею этой семьи журналовъ. Вотъ что писалъ издатель этого журнала по выходѣ первыхъ листовъ еженедѣльника „Ни то ни сё“: „Многіе родители не столько любятъ и милуютъ дѣтей родныхъ, какъ своихъ внучатъ. Изъ опыта теперь знаю, каковы милы *внучата*. Лишь „Ни то, ни сё“ узрѣло свѣтъ, я *взялъ* оное въ свои же объятія, на руки, и радовался надъ нимъ, приговаривая по обыкновенію барскихъ барынь: дитя умное, дитя милое, разумное дитя, и проч. Господинъ читатель, радость не знаетъ мѣры... Обращаюсь къ любезному своему внучку: „Ни то ни сё“. Больше онъ мнѣ, можетъ статься, потому былъ милъ, что *перворожденный* сынъ (журналъ „И то и сё“) такъ мало благодаренъ родительницѣ своей, что онъ ее называетъ безъ всякаго почтенія большею сестрицею[2], не упоминая о прочихъ многихъ его поступкахъ противъ матери. Но о сей семейной ссорѣ нечего здѣсь упоминать. Однимъ словомъ кончить тѣмъ, что съ молода онъ не обѣщалъ много соотвѣтствовать надеждѣ объ немъ родительской. Внучекъ же, напротивъ того, со дня рожденія показался почтителенъ и ласковъ, и тѣмъ утвердилъ искреннюю къ нему любовь прародительницы, коя взираетъ на него, какъ на подпору рода ея и утѣшеніе въ старости. Бабушкѣ вѣдь жить одинъ годъ... Но какъ бы то ни было, обыкновенно послѣ радости бываетъ печаль. Слѣдующія два письма

---

1) Стр. 153.

2) На третьемъ листѣ „И то и сё“ сказано: „Государыня моя госпожа „Всякая Всячина!“ не погнѣвайся на меня, что наименую тебя родною моею сестрою и сестрою еще большею и старшею, для того, что прежде ты вышла въ свѣтъ изъ природныя утробы, и прошу въ томъ извиненія, что я причитаюсь къ тебѣ родней. Ты родилась на Парнасѣ, да и я непоганенку отъ туда; тебя произвела муза, да и меня, я думаю, тоже“.

поразили сильно чувствительное сердце бабушкино". Въ этихъ письмахъ сотрудники „Всячины" подъ псевдонимами Ибрагима, Курмамета и Өалалея жалуются ей на внучка въ такихъ выраженіяхъ: „читая помѣщенные въ „Ни то ни сё" стихи, отъ частаго произношенія однихъ рѣчей начала у меня побаливать голова. Надобно бы мнѣ перестать, но я поупрямился... А какъ дочиталъ, то отъ частыхъ, да и еще и на другихъ языкахъ, *„ни то ни сё, ни то ни сё..."* съ русскимъ *что, что, что,* — сдѣлался обморокъ, который такъ силенъ былъ, что и теперь не могу въ натуральный прійти порядокъ... Совсѣмъ было выздоровѣлъ, какъ вдругъ опять занемогъ отъ нововышедшаго сочиненія. Господа сочинители „Ни того ни сего", какъ видно, не будучи достаточно въ хорошихъ матеріяхъ, и наполняя враньемъ свой листокъ, находились въ затрудненіи, какъ бы окончить оный, но, не нашедъ болѣе ничего, вранье свое окончили повтореніемъ на разныхъ языкахъ названія своего вздора*).

Въ отвѣтъ на эти нападенія Рубанъ напечаталъ въ своемъ журналѣ письмо *Несмѣхалова*, въ которомъ читаемъ: „по моему мнѣнію и бабушка ваша не очень права, а виноватѣе всѣхъ вы сами (сочинители „Ни того ни сего"). Скажите, для чего бы и вамъ не имѣть осторожности: въ издавании

---

* Стр. 73—74. Намеки на слѣдующіе стихи, напечатанные въ журналѣ „Ни то ни сё":

Скажите, отъ чего родилось „То и сё?"
Что „Всяку Всячину" произвело и все,
Что есть на свѣтѣ семъ предъ нашими глазами
И смертными понять возможно *что* умами?
Какъ „Всякой Всячины", такъ и „Того сего"
Начало сдѣлалось *обѣихъ* изъ *ничего*...
Имѣвъ отъ должности свободное мы время,
И сѣемъ и садимъ *нулей* въ сихъ нивахъ сѣмя...
Но для „Ни то ни сё" назначимъ день субботу;
Пусть по субботнимъ днямъ всѣ чтутъ *нулей* работу,
И въ прозѣ оная пусть будетъ и въ стихахъ.
И весь свой трудъ основанъ на *нуляхъ*;
Нули хоть суть ничто, науку жъ числъ кто знаетъ —
Тотъ пользу и *нулей* довольно понимаетъ
0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0
„Ни то ни сё" на другихъ языкахъ:
У грековъ *что οὐδὲν*, у римлянъ nihil *что*,
У галловъ то rien, у васъ *Ни сё, ни то* (стр. 6—8).

получаемыхъ будто вами писемъ плесть себѣ такія же похвалы, какими бабушка ваша всѣмъ уши прожужжала? не имѣетъ ли она права быть вами недовольною, что вы отъ нея ума не набираетесь и ея примѣру не слѣдуете?[1]) Развѣ вы не знаете, сколь зорки тогда бываютъ читатели, когда имъ пущено будетъ въ глаза нѣсколько горстей такой пыли? Имъ тогда и на грязи цвѣты покажутся... Что жъ до бабушки принадлежитъ, то она извинительна, потому что выжила уже изъ лѣтъ и много забывается: сіе вы можете видѣть изъ того, что она, пишучи къ вамъ поученіе въ лицѣ бабушки, сказала *взялъ*, а не *взяла* себѣ на руки внучка. А когда она и роду и полу своего не помнитъ, то можно ль пѣнять, что она не умѣла отличить въ своихъ корреспондентахъ критики отъ ругательства?" Сказавъ нѣсколько словъ о ненадежности корреспондентовъ „Всячины". Несускаловъ обращается къ Θалалею съ такимъ возваніемъ: „ахъ, Боже мой, какъ вы хитры!... Обширности вашего разума, съ какою вы изъ двухъ словъ провидѣли вздорность всего сочиненія, котораго, можетъ быть, еще ни сотая часть на свѣтъ не вышла, я скудоумный и мѣры положить не могу; однако смѣло поручусь, что когда вамъ по такой своей проницательности въ прошедшемъ можно прослыть неошибочнымъ и въ прорицаніи будущаго, то вѣроятно, что и кроты сдѣлаются когда-нибудь славными въ свѣтѣ астрономами. Вотъ еще какіе между людьми водятся удальцы! Однако, гг. сочинители („Ни того ни сего"), я не совѣтую вамъ трусить... Пусть наводятъ читателямъ скуку своею *несмачною* критикою: вѣдь всякъ знаетъ, что язвительность происходить не можетъ отъ добраго сердца. Продолжайте, какъ начали: не бранитесь съ бабушкою, которая, миловавши васъ, хотя и укусила, но по старости зубовъ не больно, да она жъ и рану зализала". Затѣмъ слѣдовала эпиграмма къ Курмамету, въ которой высказано сожалѣніе, что, упавъ въ обморокъ, онъ не скончался вовсе; при этомъ издатель отъ себя прибавляетъ: „мы, бабушка, тебѣ хотя и внучки, однако уже на возрастѣ!"[2])

---

[1]) На стран. 73—74 „Ни то ни сё" неправильно напечатало себѣ похвалу, слѣдуя обычаю тогдашнихъ журналовъ.

[2]) Стр. 33—37.

По поводу разсказавшаго нами спора во „Всякой Всячинѣ“ было напечатано письмо *Аристарха Примирителева*, который совѣтуетъ прекратить безполезную журнальную войну, отвращающую читателей отъ періодическихъ изданій, и установить между журналами ненарушимое согласіе; подобные совѣты высказывались и на страницахъ другихъ журналовъ. „Всячина“, повидимому, убѣжденная письмомъ Примирителева, объявила своимъ корреспондентамъ, что она не дастъ болѣе мѣста ни одной статьѣ, отъ которой могутъ родиться брань и ссоры[1]. Но идеальнаго состоянія дружбы и согласія тогдашніе журналы также не достигли, какъ не достигаютъ и теперешніе.

На слѣдующемъ же листѣ „Всячины“ появилась такая замѣтка: „мимоходомъ дадимъ примѣтить, что со времени размноженія у насъ земляныхъ яблокъ еще не было ничего такъ плодовитаго, какъ потомство „Всякія Всячины“[2]. По поводу этой замѣтки, издатель „Смѣси“, отказываясь за свой журналъ отъ родства со „Всячиною“, прибавилъ: „справедливѣе назвать „Смѣсь“ дочерью тѣхъ сочиненій, которыхъ видны въ ней переводы, нежели включить въ племя такого изданія, которое ее старѣе нѣсколько недѣль и коему, вѣрно, не можно такъ въ Россіи размножить журналы, какъ развелись земляныя яблоки“[3].

Отрекаясь отъ всего, что̀ можетъ затронуть чужое самолюбіе, „Всячина“ слишкомъ далеко простерла свою ревность; съ той же смиренной точки зрѣнія стала она смотрѣть и на смѣлую, обличительную сатиру, въ которой почудились ей какіе-то злые намеки на лица. Она съ гордостью объявила, что приняла за правило: „не цѣлить на особъ, но единственно на пороки“[4]. Правило совершенно законное, но повидимому. Но дѣло въ томъ, что едва ли возможно нападать на порочныя страсти и суевѣрныя убѣжденія и не подѣйствовать въ то же время непріятно (хотя и безъ всякаго умысла) на лица, подверженныя этимъ страстямъ и убѣжденіямъ. Съ другой стороны, если станешь, во что бы то ни было избѣгать всего, что способно пробудить духъ мелочной раздражительности

---

[1] Стр. 96—98. „Трутень“, 1769 г., стр. 175.

[2] Стр. 105.

[3] Стр. 32.

[4] Стр. 100—101, 200.

въ людяхъ, чувствующихъ на своемъ рыльцѣ пушокъ, то сатира обратится въ пустословіе объ отвлеченныхъ идеяхъ добра и зла, безъ малѣйшаго примѣненія къ дѣйствительной жизни. На страницахъ 139—140 „Всячина", объявляя почему она не напечатала письма господина А.., говоритъ: „мы совѣтуемъ ему беречь свое письмо до той поры, когда будетъ составляться лексиконъ всѣхъ человѣческихъ слабостей и недостатковъ; тогда это письмо можетъ послужить реестромъ ко вспоможенію памяти сочинителю, а до тѣхъ поръ просимъ г. А.., сколько возможно, упражняться въ чтеніи такихъ, посредствомъ которыхъ могъ бы онъ человѣколюбіе и кротость присовокупить къ прочимъ своимъ знаніямъ; потому что намъ кажется, что любовь его къ ближнему болѣе простирается на исправленіе, нежели на снисхожденіе и человѣколюбіе; а кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, тотъ не способенъ подавать наставленіе другому... Большая часть матеріи, въ его длинномъ письмѣ включенныхъ, не есть нашего департамента; сверхъ того, мы не любимъ меланхолическихъ писемъ". Затѣмъ, „Всячина" рисуетъ портретъ человѣка, который, думая о себѣ болѣе прочихъ, возмечталъ, что свѣтъ стоитъ не такъ; онъ увидѣлъ тамъ пороки, гдѣ другіе на силу могли разглядѣть весьма обыкновенныя человѣчеству слабости, ибо смертные никогда безъ слабостей не были и не будутъ. Не раздѣляя подобной строгости, „Всячина" приняла слѣдующія основанія: a) не называть слабостей пороками, b) хранить во всякомъ случаѣ человѣколюбіе, и c) не думать, чтобы кто могъ быть совершеннымъ*). Статья эта мѣтила на другіе сатирическіе журналы, хотя и нисколько нельзя было упрекать въ отсутствіи любви къ ближнему — и вотъ въ защиту послышался голосъ умнаго и прямого „Трутня".

„Всячина" продолжала отстаивать себя и свои мысли: она помѣстила на своихъ листахъ письмо *Добросовѣстова*, въ которомъ сказано, что *добросердечный* сочинитель изрѣдка касается пороковъ, чтобы не оскорбить чрезъ то человѣчества, но любитъ приводить въ примѣръ людей, украшенныхъ различными совершенствами: твердаго блюстителя вѣры и законовъ, миролюбиваго гражданина, искренняго друга; *злонравный* же изо всего составляетъ поношеніе и услаждается.

---

*) Стр. 141—142.

уязвляя другихъ. Въ томъ же журналѣ было напечатано письмо къ издателю такого содержанія: „Напишите что-нибудь въ наставленіе тѣмъ матерямъ и бабкамъ, кои дѣтей и внучатъ, начинающихъ только говорить, учатъ, чтобъ отцовъ и другихъ людей бранили... Изъ листовъ вашихъ я не примѣтилъ, чтобъ вы нисходящему своему роду такое преподали гдѣ-либо ученіе; однако нѣкоторые изъ пишущихъ и издающихъ недѣльныя сочиненія показываютъ въ семъ ремеслѣ удивительные успѣхи и насъ оными забавлять стараются, не вѣдая того, что благоразумный человѣкъ... негодовать долженъ на сочинителей, въ храмъ вѣчности и славы продирающихся, видя вмѣсто полезныхъ поученій разсѣваемые ими и примѣромъ ихъ одобряемые такіе плевелы“[1].

Въ эту журнальную войну вмѣшались и другія періодическія изданія. „Смѣсь“ и „Адская Почта“ стали за „Трутня“, а журналъ „И то и сё“ за „Всячину“. „Смѣсь“ выступила противъ „Всякой Всячины“ съ нѣсколькими довольно мѣткими статьями и въ заключеніе отказывается отъ *бабушки*, которая будто и печатаетъ то, что ей изъ милости пришлютъ (замѣчаніе не совсѣмъ правдивое), и осмѣиваетъ мнѣніе, въ силу котораго мѣткая сатира и критика называются бранью, а Горацій, Ювеналъ, Буало — ругателями и забіяками: „имъ бы надлежало быть скромными въ разсужденіи людскихъ пороковъ“[2]. Отрекаясь отъ родства со „Всячиною“, „Смѣсь“ дѣлаетъ такое обращеніе къ другимъ современнымъ журналамъ:

„Пора вамъ, господа внучата и племянники извѣстной здѣсь старушки, попросить вашу бабушку, чтобъ она на листкахъ своихъ получше наблюдала постоянство, старости ея лѣтъ приличное; а то она нынѣ, какъ молодое пиво, бродитъ и на одномъ основаніи мыслей остановить не можетъ. Прежде божилась она, что только будетъ исправлять пороки, и никакого автора не тронетъ; но послѣ, будучи въ томъ крѣпко увѣрена, что мертвые на критики не отвѣчаютъ, такъ было привязалась къ „Телемахидѣ“, что едва сію ворчливую старушку отъ „Телемахиды“ отогналъ кто-то такой, ей письмомъ своимъ доказавшій, что авторъ сей книги древнюю и всю огромную Римскую исторію и много иныхъ обществу полез-

---

1) Стр. 213—214, 224.

2) Стр. 85—87, 114—115.

нымъ лишь перечень, и листками „Всякой Всячины“ поврежденъ быть не можетъ. Послѣ завела она ссоры между своими вкладчиками... Знаете ли, почему она увѣнчана толикими похвалами, въ листкахъ ея видимыми? Я вамъ скажу. Во-первыхъ скажу, потому что многія похвалы сама себѣ сплетаетъ; потомъ по причинѣ той, что разгласили, будто въ ея собраніи многіе знатные господа находятся; итакъ нѣкоторые, можетъ статься, думая хваленіемъ имъ сочиненія войти въ ихъ милость, засыпали похвалами „Всякую Всячину“.

Эти обвиненія, сдѣланныя „Смѣсью“, требуютъ нѣкоторыхъ поясненій. Одно обвинение заключалось въ томъ, что „Всячина“ давая слишкомъ тѣсныя границы сатирѣ, противорѣчитъ сама себѣ: прежде она обѣщала исправить дурные нравы (вотъ ея подлинныя слова: „мы не сомнѣваемся о скоромъ исправленіи нравовъ и ожидаемъ немедленно искорененія всѣхъ пороковъ, ибо уже начали твердить наизусть „Всякую Всячину“)[1]; а потомъ появилась на ея листахъ статья въ защиту подьячихъ и неправедныхъ судей, которыхъ мѣтко и остроумно преслѣдовала современная сатира. Статья эта, впрочемъ, составляетъ исключеніе: ибо „Всячина“ весьма обильна рѣзкими и злыми нападками на взяточничество и ябеду; вообще надо замѣтить, это былъ одинъ изъ лучшихъ сатирическихъ журналовъ своего времени, несмотря на несовсѣмъ выгодную для него полемику съ другими изданіями.

Другое обвиненіе состояло въ томъ, что „Всячина“ напрасно позволила себѣ нападки на Тредьяковскаго, совѣтуя одной дамѣ, страдающей безсонницею, прочитывать на ночь по шести страницъ „Телемахиды“ и по нѣскольку стиховъ изъ переведенной Тредьяковскимъ „Аргениды“. Въ защиту памяти трудолюбиваго Тредьяковскаго написалъ кто-то письмо, которое тогда же было напечатано во „Всякой Всячинѣ“[2]). Объ этихъ насмѣшкахъ надъ авторомъ „Телемахиды“ „Трутень“ говоритъ, что весь городъ хохоталъ цѣлую недѣлю насчетъ насмѣшника[3]).

Третье обвиненіе, что „Всячина“ сама себѣ печатаетъ похвалы[4]): обвиненіе это было высказано и въ журналѣ Рубана

---

[1]) Стр. 123.

[2]) Стр. 15, 31, 109—110.

[3]) Стр. 156 (1769 года).

[4]) См. „Всячина“, стр. 86 и другія.

Печатать такія дѣйствительныя или мнимыя похвалы, выражаемыя въ письмахъ отъ неизвѣстныхъ лицъ къ редактору журнала, было весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. „Слѣдуя такому (нецеремонному) правилу, вздумалось и мнѣ, говоритъ насмѣшливо „И то и сё“, похвалить себя подъ именемъ присланнаго ко мнѣ письма; а оное письмо сдѣлаю я, и буду писать самъ къ себѣ, какъ многіе то дѣлаютъ подъ разными видами. Господинъ сочинитель „И того и сего“! Сочиненіе ваше похваляется во всякомъ углу столичнаго города С.-Петербурга: слава его носится по многимъ домамъ и по рынку. Всѣ не знающіе другихъ языковъ люди благодарятъ васъ отъ искренняго сердца, выключая нѣкоторыхъ полуученыхъ господъ, стиховъ и прозы писателей... Сердце мое наполняется сладостію, когда прекрасная Аврора показываетъ свой носъ на нашемъ горизонтѣ и крылатое время, шествуя передъ нею, пишетъ надъ нами: *вторникъ*[1]). Я открываю мои глаза и устремляю свои мысли единственно только къ вашему сочиненію, называемому „И тѣмъ и сѣмъ“. Вначалѣ любуюсь цвѣтками, поставленными въ заглавіи; во-вторыхъ „И то и се“ проговариваю въ великомъ восхищеніи и повторяю оное разъ съ полдесятка, потомъ увеселяюсь линейкой, которая подъ названіемъ недѣльнымъ протянута весьма прямо; наконецъ теряю мое понятіе и удивляюсь остротѣ вашего разума въ томъ, что въ вашемъ сочиненіи всѣ строки поставлены такъ прямо, что одна другой не мало препятствія не учинятъ. Ужасъ меня тогда объемлетъ, когда увижу я двѣ или три типографскія погрѣшности, безъ которыхъ ни одинъ листокъ вашъ не бываетъ. Далѣе собравшись со всѣмъ моимъ духомъ... начинаю читать сочиненіе ваше по порядку; но и тутъ по окончаніи каждой строчки отдыхаю. Великость вашего духа, важные замыслы, красота въ велерѣчіи, искусство въ изъясненіяхъ, стройное и порядочное расположеніе — накопится въ моихъ устахъ, заслоняютъ дорогу дыханію... О великій человѣкъ и сочинитель „И того и сего“! ежели бы мы не имѣли счастія видѣть твой еженедѣльникъ, то бы и донынѣ сидѣли въ безднѣ заблужденія, были бы грубыми невѣждами и не умѣли бы отличить худое отъ хорошаго...“ и проч.[2]). Въ 1770 году

1) „И то и се“ выходило по вторникамъ.

2) Недѣля 46.

„Парнасскій Щепетильникъ", объявляя о своемъ изданіи, обьщалъ не хвалить себя „подъ видомъ присылаемыхъ къ редактору писемъ"[1]).

Возражая „Всякой Всячинѣ" и нападая на ея слабыя стороны „Смѣсь" напечатала на своихъ страницахъ письмо, подписанное буквами *Д. К.*, въ которомъ сказано, что въ сатирахъ „Трутня" нѣтъ ни злонравія, ни невѣжества, какъ думаютъ нѣкоторые злонравные невѣжи, а есть ѣдкая соль; что въ сатирахъ этихъ выводятся пороки безъ околичностей и осмѣиваются испорченные нравы. „Пускай, говоритъ Д. К., злоязычники проповѣдуютъ, что вы (издатель „Трутня") объявили себя неприятелемъ всего человѣческаго рода, что злость вашего сердца видна въ вашихъ сочиненіяхъ, что вы пишете только наглую брань: это не умаляетъ достойную вамъ похвалу, но умножаетъ[2]). „Адская почта" выразила свое сочувствіе направленію „Трутня" слѣдующею статьею, въ которой подъ вымышленнымъ именемъ Эрнеста, вѣроятно, разумѣлась фамилія Новикова: „Вчера за ужиномъ разсуждали о Эрнестѣ; нѣкоторые его сочиненія хвалили, а другіе утверждали, что пишетъ весьма колко и что такія ругательства, какими наполнены его сочиненія, должны быть наказаны: напротивъ того, онъ ничего ругательству подобнаго не печаталъ, а только что пишетъ правду и никому ласкательствовать не хочетъ. Теперь же всѣ почти привыкли къ нѣжнымъ словамъ. Лучше каждый снесетъ, если ему скажешь: *изволишь быть дуракъ*, нежели: *ты мало смыслишь*... Ругательства нигдѣ не годятся; но прямо описывать пороки и называть вора — воромъ, разбойника — разбойникомъ, кажется, дѣло справедливое[3]). Кромѣ того „Почта" возражала и на вышеупомянутое письмо Добросовѣтова, помѣщенное во „Всячинѣ". Возраженіе это высказано рѣзко и прямо. Сатира, по мнѣнію „Почты", всѣмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ уполномочена на осмѣяніе пороковъ и порочныхъ; вымыслы, далекіе отъ дѣйствительности, и отвлеченная мораль ни къ чему не поведутъ; ибо кому какое дѣло до подобныхъ *груценныхъ* правоученій? Разсуждающіе по модѣ, увѣряютъ, что

---

[1]) Стр. 11.
[2]) Стр. 154.
[3]) Стр. 288; въ „Курьерѣ", стр. 251—252.

сатира рождается отъ злобы писателей и достойна презрѣнія, но пусть они посовѣтуются прежде съ древними классическими писателями. Если бъ они когда-нибудь потрудились прочитать ихъ, то скоро бы предали мысль свою должному забвенію. Развѣ имъ не извѣстно, что нравоучительная философія не разъ объявляла себя гонительницею пороковъ и порочныхъ? Лукіанъ и Сенека многократно упрекали любимцевъ Нерона, однако, сочиненія ихъ признаны за достойныя вѣчнаго уваженія. Пожалуй, м. г. Добросовѣтовъ, отважишься сказать, что Ювеналъ былъ злонравенъ, а Горацій злобенъ, потому что писали сатиры, а Цицерона, укорявшаго въ глаза Катилину, назовешь безпокойнымъ человѣкомъ. Сожалѣя о твоей слабости, я скажу, что ты разсуждаешь криво: когда всѣ славнѣйшіе и великіе люди дозволяютъ и государямъ прямо говорить истину, то для чего жъ оную не представлять нашимъ согражданамъ? Вижу, Добросовѣтовъ, что ты такимъ своимъ нравоученіемъ всѣмъ нравиться хочешь; но повѣрь мнѣ, что придетъ время, въ которое будешь подобенъ безобразному лицу, бѣлилами и румянами некстати раскрашенному. Знай, что отъ всесильнаго времени ничто укрыться не можетъ. Оно когда-нибудь пожретъ и твою слабую политику. Когда твои политическія бѣлила и румяна сойдутъ, тогда настоящее бытіе твоихъ мыслей видимымъ сдѣлается"*). Противъ того мнѣнія „Вечеровъ", что сатира мѣшаетъ человѣколюбію, „Почта" возражала: Знаю я, что многіе нынѣшняго вѣка люди все то почитаютъ либо за ложь, или за брань, что не въ ихъ пользу сказано; вѣдаю и то, что родилось въ свѣтѣ такое человѣколюбіе, которое не только о паденіи пороковъ обильныя проливаютъ слезы, но и еще о участникахъ оныхъ черезчуръ соболѣзнуютъ. Славный у многихъ авторъ, написавшій: *должно ненавидѣть пороки и сожалѣть о порочныхъ* — есть толь великій упомянутаго человѣколюбія подкрѣпитель, что множество людей, и довольно просвѣщенныхъ, на свою обратилъ сторону. Но я сказать отважусь, что сіе странное человѣколюбіе произвела на свѣтъ

*) Стр. 73—75, также стр. 376 и далѣе. „Что жъ нѣкоторые люди (писатели) точнаго понятія о вещахъ не имѣя, сатиру производятъ отъ злобы нрава авторовой, то происходитъ отъ ихъ невѣжества. Горацій, Ювеналъ, Персій и Буало у людей просвѣщенныхъ всегда въ вѣчномъ пребудутъ почтеніи, а въ посмѣяніи тѣ, кои ихъ не разумѣя критикуютъ".

привычка видѣть часто людей порочныхъ, о нихъ нерѣдко слышать, а иногда съ ними и обращаться; а воспитало оно нѣжное (не хочу сказать: слабое) сложеніе человѣческихъ сердецъ, которыя и самой справедливости ужасаются... Если правосудіе, ненавидя убійство, строго наказываетъ убійцу, то не знаю, какъ можно любителямъ правосудія, ненавидя пороки, любить порочнаго, оными преисполненнаго. Вся нашего сердца нѣжность и человѣколюбіе могутъ ли на то согласиться, чтобъ порочному въ противныхъ человѣчеству дѣлахъ чинить потачку или еще и одобреніе? Не должно ли намъ стараться, чтобъ какимъ-либо образомъ совратить его съ такого пути, которымъ онъ къ собственной своей спѣшитъ погибели? Если слѣпого, ко рву приближающагося, отъ онаго человѣколюбіе отвести повелѣваетъ; но какъ можетъ то жъ самое человѣколюбіе запрещать порочнаго отвращати отъ пороковъ?“ *).

Въ этихъ спорахъ противники нерѣдко слишкомъ увлекались и забывали о свѣтскихъ приличіяхъ; критика ихъ была исполнена страсти и личныхъ намековъ. Эминъ жаловался, что одинъ изъ современныхъ ему стихотворцевъ называлъ его *янычаромъ*; другой критикъ увѣрялъ, что Эминъ, спознавшись съ бѣсами, труды свои больше употреблялъ на услуги *аду*, нежели обществу“ **).

Въ спорѣ за значеніе сатиры, журналъ „И то сё“ раздѣлялъ мнѣніе „Всякой“, хотя и съ этою послѣднею не жилъ въ согласіи. „И то и сё“ держало себя враждебно относительно почти всѣхъ современныхъ ему журналовъ, не оставивъ въ покоѣ даже „Поденщину“. На листахъ, выпущенныхъ въ 24-ю и 25-ю недѣли, издатель журнала „И то и сё“ жалуется, зачѣмъ появилось столько еженедѣльныхъ изданій, въ которыхъ будто бы повторяется одно и то же; по его мнѣнію, „Трудолюбивая Пчела“ Сумарокова и изданія академическія были ведены несравненно лучше. „Невозможно, прибавляетъ онъ, чтобъ публика имѣла одинаковое вниманіе ко всѣмъ журналамъ; ибо и родители, страстно привязанные къ единственному ребенку, охладѣваютъ къ дѣтямъ, когда ихъ родится нѣсколько; излишество во всемъ худо!“ Эта

*) Стр. 329—336.

**) Стр. 324—325, 334, 371.

странная жалоба заслужила насмѣшку, съ которой выступилъ „Трутень". „Въ нѣкоторомъ журналѣ кто-то сердится, что много журналовъ печатается. Видно, что соки ума его уже высохли... Гнѣваться онъ имѣетъ не малую причину: (другіе) журналы сдѣлали то, что его листочковъ теперь почти никто не покупаетъ, а ему на новый разживъ деньги надобны. Въ упомянутомъ журналѣ еще при досугѣ нѣкто бредитъ слѣдующее: отецъ много имѣетъ дѣтей, однако не всѣхъ равно любитъ, и что подобнымъ образомъ и журналы публикою равно любимы быть не могутъ. Онъ отчасти сказалъ правду, узнавъ одную изъ опытовъ на свой счетъ, однако изъ этого заключить не надлежитъ, что когда его и матери его („Всячины") журналы явились въ свѣтъ, то другимъ оныхъ издавать не надлежало. Я увѣренъ, что онъ самъ своему правоученію не послѣдуетъ, и если будетъ имѣть отъ жены своей одного или двухъ любезныхъ сынковъ, то вѣрно тѣмъ не будетъ доволенъ, но станетъ стараться и о сочиненіи другихъ*). Задѣтое за-живо „И то и сё" выступило разомъ противъ трехъ журналовъ. Здѣсь въ формѣ письма отъ Д. П. къ издателю, напечатано было такое разсужденіе: „Нѣсколько дней разсуждалъ я, у котораго бы изъ сочинителей испросить позволенія къ перепискѣ? Древность почитать всѣмъ намъ свойственно, почему „Всякая Всячина", какъ праматерь, овладѣла было моимъ желаніемъ; но забылъ, что старость имѣетъ свои слабости, и что съ уменьшеніемъ тѣлесныхъ силъ ослабѣваютъ вмѣстѣ и душевныя дарованія. Приведя сіе на мысль, разсудилъ я прежде прочесть послѣдніи листокъ ея сочиненій. Но какъ я удивился, увидя ее начинающею учиться *лягушачья языка*". Это намекъ на одну сатирическую статью „Всячины", въ которой сочинитель передаетъ будто бы подслушанный имъ разговоръ лягушекъ**). Далѣе читаемъ: „Съ крайнимъ сожалѣніемъ сердца познавъ ея состояніе. Боже мой! сказалъ я тогда съ внутреннимъ соболѣзнованіемъ: вотъ каковъ человѣкъ на свѣтѣ! Черезъ нѣсколько лѣтъ и я „Всякой Всячинѣ" подобенъ буду, потерявши то, что украшаетъ человѣчество... Потомъ попалось мнѣ въ руки сочиненіе „Трутня". Сей человѣкъ

*) 1769 г., стр. 95—96.

**) Стр. 203—207.

показался мнѣ, но онъ объявилъ себя непріятелемъ всего рода человѣческаго. Тутъ, кромѣ язвительныхъ браней и ругательства, я не нашелъ ничего добраго... тутъ грубость и злонравіе въ наивысочайшемъ блистали въ совершенствѣ; его вѣдомости сплетены были изъ ругательства и поношенія ближнимъ, и если бъ ему вѣрить, то бы надлежало возымѣть совершенное ото всѣхъ людей отвращеніе; но я подумалъ, что и онъ человѣкъ же, и что, можетъ быть, пороки, которыми язвитъ другихъ, ему еще болѣе всѣхъ свойственны и т. д... „Адская почта", хотя наименованіемъ своимъ меня и не устрашаетъ; но какъ она весьма нова и имѣетъ еще нѣкоторыя невразумительныя намѣренія, почему о ней и никакого заключенія сдѣлать невозможно; притомъ же я съ самаго младенчества къ духамъ адскимъ толикое получилъ омерзѣніе, что не токмо переписки съ ними, но и полученіе писемъ черезъ курьера сего рода мнѣ не нравится. Наконецъ, читая изданіе ваше („И то и сё"), удовольствовалъ мое желаніе. Оно показалось мнѣ невиннымъ упражненіемъ, приносящимъ иногда пользу, иногда увеселеніе; а не примѣтилъ въ немъ ни грубости, ни невѣжества, ни также язвительной критики"*). Такимъ образомъ Чулковъ, который такъ ловко осмѣиваетъ журнальное самохвальство, спокойно допускалъ его въ своемъ собственномъ изданіи и притомъ рядомъ съ довольно грубыми и несправедливыми обвиненіями другихъ журналистовъ. Вслѣдъ за приведеннымъ нами письмомъ, „И то и се" напечатало стихотвореніе, направленное на Новикова и Эмина, какъ сочинителя „Россійской исторіи" и нѣсколькихъ романовъ.

Надъ исторіею, сочиненною Эминымъ, „И то и се" посмѣялось еще слѣдующею выходкою: „На нѣсколько томовъ нѣкоторой исторіи (объявлено здѣсь) потребно толку пудовъ до пяти и болѣе для того, что исторія сія невразумительна и непонятна. Желающіе поставить оный толкъ водою или сухимъ путемъ, только на своихъ подводахъ и своимъ коштомъ, могутъ явиться во всякомъ мѣстѣ, а за поставленный товаръ получать со многимъ по низкому поклону"**).

Афанасьевъ.

---

*) Недѣля 28 „И то и се" нападаетъ на „Трутень" [illegible] 32-й недѣли.
**) Недѣля 29.

УЧАСТІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВО „ВСЯКОЙ ВСЯЧИНѢ“.

„Что касается до моихъ сочиненій, то я смотрю на нихъ, какъ на бездѣлки. Я любила дѣлать опыты во всѣхъ родахъ, но мнѣ кажется, что все, написанное мною довольно посредственно, почему, кромѣ развлеченія, я никогда не придавала этому никакой важности...“*).

Такъ отзывалась сама Екатерина о своихъ произведеніяхъ, но литературной дѣятельности императрицы нельзя будетъ обойти историку, которому выпадаетъ на долю описаніе судебъ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Послѣ Петра Великаго, который, какъ извѣстно, часто прибѣгалъ къ печатному станку для распространенія своихъ взглядовъ и мнѣній, Екатерина II также любила печатно выражать свои мысли и направленіе. Понятно, съ какимъ любопытствомъ современники читали страницы, на которыхъ являлся бесѣдовать съ ними коронованный авторъ. Это любопытство остается и донынѣ въ изслѣдователѣ, потому что для него въ высшей степени важно изъ писаннаго рукою такого историческаго дѣятеля, каковымъ была Екатерина, уяснить себѣ хотя нѣкоторыя изъ внутреннихъ помысловъ и побужденій.

Получивъ возможность пользоваться собственноручными черновыми рукописями разныхъ литературныхъ произведеній императрицы, пишущій эти строки прежде всего обратилъ вниманіе на мелкія статейки ея, составлявшіяся, какъ по всему видно, на скорую руку, подъ мимолетнымъ впечатлѣніемъ того или другого обстоятельства. Подобныя статейки для исторіи иногда имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ долго обдумываемыя и не разъ перерправляемыя сочиненія обширнаго размѣра.

Между мелкими статьями и отрывками, писанными Екатериною, каждый на отдѣльныхъ листахъ, находимъ начало одной, видимо неоконченной статьи такого содержанія:

„Господинъ издатель! Имѣлъ терпѣніе до сего дня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ. Я старъ и много на свѣтѣ видывалъ. Я чаю, вы безъ бороды еще: но моло-

*) Correspondance de l'Impératrice de Russie Catherina II avec le chevalier de Zimmermann, 1808 г., стр. 378.

ности и вздумали, чаю, что весь свѣтъ перемѣнится, кой част еженедѣльно вы начнете писать, и для того выдумали тонкости, кои однако отъ насъ, стариковъ, право не скрылись — чи небось съ перваго листа узнали, куда цѣлите. Поздравленіе съ новымъ годомъ было сдѣлано, дабы тѣмъ ни на есть начать; предисловіе ваше одна есть рѣзвость; привѣтствіе публикѣ была критика легкомысленныхъ, кои таскаются съ новизнами...“

Знакомому съ сатирическими журналами, которые появились-было во множествѣ въ 1769 г., не трудно угадать, что это письмо предназначалось къ издателю одного изъ такихъ журналовъ, именно „Всякой Всячинѣ“. Изданіе это тѣмъ и замѣчательно, что было первое по времени появленія своего въ сказанномъ году, что вслѣдъ за нимъ немедленно стали выходить другіе сатирическіе листки, и что, наконецъ, оно само себя называло и другіе собраты величали его „прародительницею, бабушкою“. Первый листъ „Всякой Всячины“ дѣйствительно начинается поздравленіемъ съ новымъ годомъ, предисловіемъ и привѣтствіемъ къ публикѣ, о которыхъ говоритъ Екатерина въ приведенномъ сейчасъ отрывкѣ.

Второй отрывокъ императрицы уже прямо называетъ прародительницу сатирическихъ журналовъ:

„Госпожа бумагомарательница „Всякая Всячина“! По милости вашей, нынѣшній годъ отмѣнно изобилуетъ недѣльными изданіями. Лучше бы мы любили изобиліе плодовъ земли, нежели жатву словъ, которую вы причинили. Ѣли бы вы кашу, да оставили бы людей въ покоѣ: вѣдь и професора Рихмана бы громъ не убилъ, если бы онъ сидѣлъ за щами, а не вздумалъ шутить съ громомъ. Хрѣнъ бы васъ всѣхъ съѣлъ! даже да и намъ, старикамъ и старухамъ, спуска нѣту. Для чего вы меня съ сестрою обижаете? Я васъ въ лицо не знаю. Не она, а вы насъ описываете. Ну, хорошо ли это, я у васъ спрашиваю? Вѣдь я знаю тетку — она ея сосѣдъ. Ругатели какіе! Ну, развѣ вы мнѣ не попадетесь за городомъ, гдѣ ни на есть навстрѣчу (зачеркнуто: то я васъ со псарями)“...

Во „Всякой Всячинѣ“ на стр. 276—280 есть письмо, подписанное Патрикѣемъ Правдомысловымъ. Чтобы понять его смыслъ, надобно напомнить, что „Всякая Всячина“, вызвавъ своимъ примѣромъ другія изданія съ сатирическимъ напра-

хленіемъ, впослѣдствіи стала изъявлять неудовольство на рѣшительность и рѣзкость обличеній своихъ собратовъ и нерѣдко давала замѣтить, что имъ слѣдуетъ не все же писать одни обличенія, но также не пропускать „описывать твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалить сына отечества, пылающаго любовію и вѣрностью къ государю“ *) и т. п. Впрочемъ, подобные совѣты мало слушало журнальное потомство „Всякой Всячины“, такъ что ей самой пришлось взять на себя осуществленіе ихъ, почему она и помѣстила на своихъ страницахъ нѣсколько статеекъ, гдѣ уже нѣтъ помину о сатирѣ а есть похвалы и защита существовавшему порядку. Къ разряду такихъ статей принадлежитъ и письмо Патрикѣя Правдомыслова, въ которомъ опровергаются толки, что у насъ нѣтъ правосудія въ Россіи: „мы всѣ, говоритъ Патрикѣй Правдомысловъ, сомнѣваться не можемъ, что нашей великой государынѣ пріятно правосудіе, что она сама справедлива... Долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ согражданъ, велитъ имѣть повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ и не поносить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами, коихъ, право, я еще не видалъ, чтобъ съ умысла случались. Впрочемъ я не судья и вѣкъ не буду, а разсудилъ за нужное сіе къ вамъ написать для того, что нѣкоторые дурные шмели на сихъ дняхъ пажужжали мнѣ уши своими разговорами о мнимомъ неправосудіи судебныхъ мѣстъ. Но наконецъ я догадался, для чего они такъ жужжатъ: промотались и не осталось у нихъ окромѣ прихотей, на которыя по справедливости слѣдуетъ отказъ... Я сбираюсь прислать къ вамъ еще письмецо съ описаніемъ прихотей нашихъ“.

Этого письмеца Патрикѣя Правдомыслова во „Всякой Всячинѣ“ почему-то не напечатано, но оно дѣйствительно было заготовлено и притомъ самою императрицею. Въ ея черновыхъ рукописяхъ она отъ лица Патрикѣя Правдомыслова говоритъ, что недавно обѣщалась прислать „нѣчто, касающееся до прихотей“, но нынѣ помѣщается переведенное съ курильскаго языка письмо изъ Прихотополиса къ Белибертѣ. Здѣсь приводится мысль, что всѣ привыкли жить не по состоянію, отчего проматываются, а потомъ дѣлаются ничѣмъ не довольны

*) „Всякая Всячина“, стр. 214.

и требовательны. Письмо это довольно обширно, а потому помѣщено при настоящей статьѣ въ приложеніи I-мъ. По мыслямъ, языку и нѣкоторымъ оборотамъ оно сходно не только съ письмомъ Правдомыслова, напечатаннымъ во „Всякой Всячинѣ“, но и съ нѣкоторыми другими статьями этого изданія.

Четвертый отрывокъ, писанный Екатериною, заключаетъ въ себѣ начало очерка какого-то помѣщика-собачника. Въ сатирическихъ изданіяхъ было въ обычаѣ помѣщать письма отъ имени самихъ осмѣиваемыхъ лицъ. Отрывокъ этотъ также не напечатанъ, и, быть можетъ, именно поэтому сохранился между черновыми бумагами Екатерины, вмѣстѣ съ вышеописанными. Вотъ онъ:

„Иванушка, здравствуй! Посылаю тебѣ мое грѣшное благословеніе. Я занемогъ больно, и у меня хлопотъ что ни есть конца. Хлѣбъ дешевъ, солома плоха, травы были густы, а сѣно коротко (sic). Прошлое лѣто было все противное. Такая-то нынѣ диковинка! Привези съ собою Проньку да сѣрую суку борзую. Щенята ея всѣ перемерли къ немалому моему прискорбію. Я ѣздилъ на сихъ дняхъ съ собаками. Муругой кобель хорошо скачетъ и впереди рыщетъ“.

Приведенныя сейчасъ рукописи достаточно подтверждаютъ, что императрица принимала участіе во „Всякой Всячинѣ“.

Пекарскій.

ГРИГОРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЗИЦКІЙ, ИЗДАТЕЛЬ „ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЫ“.

„Всякую Всячину“, по словамъ митрополита Евгенія, приписывали, а Макаровъ, въ статьѣ своей объ этомъ журналѣ, прямо приписываетъ Григорію Васильевичу Козицкому, бывшему сначала переводчикомъ при Академіи Наукъ, потомъ въ ней же лекторомъ философіи и словесныхъ наукъ, адъюнктомъ и почетнымъ совѣтникомъ, а впослѣдствіи времени статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины II. Въ этой должности онъ перевелъ на латинскій языкъ „Наказъ Коммиссіи“. Козицкій извѣстенъ вообще въ нашей литературѣ прошлаго вѣка, какъ переводчикъ преимущественно съ классическихъ языковъ и какъ знатокъ древности. Въ 1759 году въ „Трудолюбивой Пчелѣ“, журналѣ Сумарокова, напечатана статья его „О пользѣ миѳологіи“, неизвѣстно насколько самостоя-

тельная (стр. 5—33). Тамъ же переводы съ греческаго: 1) надгробной пѣсни Адониду — Біона (стр. 122—127), 2) четырехъ разговоровъ Лукіана въ царствѣ мертвыхъ (стр. 161—171), 3) его же — Торгъ жизней (стр. 326—353), 4) изъ Ксенофонта: Продикова аллегорія объ Иракліи (стр. 392—399), 5) Димофила врачеваніе житія или подобія, собранныя изъ Пиѳагоровыхъ послѣдователей (стр. 419—426), 6) три идиліи Біона и одна идилія Мосха (стр. 432—436), 7) оставшіяся двѣ оды Саффоны (стр. 676—678), 8) Эсхина сократическаго философа разговоръ о добродѣтели (стр. 722—733). Съ латинскаго Козицкій перевелъ: 1) Изъ Овидіевыхъ превращеніи басни о Пирамѣ и Онсбѣ (стр. 212—218), Өивъ и Дафна (стр. 524—531), Скилла или безбожное предательство (стр. 650—658), его же героиду: Филлида Димофонту (стр. 515—524), 2) два отрывка изъ Лукановой Фарсаліи (стр. 671—676) и 3) отрывокъ изъ 2-й книги Ливія (стр. 734—738). Кромѣ того, въ этомъ же журналѣ есть переводъ Козицкаго и съ нѣмецкаго небольшой статьи Свифта, подъ названіемъ: „Краткое изображеніе о естествѣ, пользѣ и необходимой потребности войны и ссоръ“ (стр. 571—574). Изъ перечисленія этихъ переводовъ можно видѣть, что Козицкій былъ главнымъ, хотя и не оригинальнымъ сотрудникомъ Сумароковскаго журнала. Сумароковъ всегда обращался съ особеннымъ почтеніемъ къ Козицкому, соединяя съ нимъ вмѣстѣ имя другого переводчика академическаго Мотониса. Въ одной изъ притчей своихъ, разсказывая, что правоученіе не можетъ исправить злобныхъ сердецъ, онъ обращается за подтвержденіемъ этой истины къ Козицкому; надъ людьми, искажающими свой языкъ, онъ смѣется съ Козицкимъ и Мотонисомъ. Доказывая грамматическую ошибку Ломоносова, превращавшаго предлогъ раз- въ сложныхъ словахъ въ рас, Сумароковъ говоритъ: „Я думаю, что г. Козицкій и г. Мотонисъ сему странному правилу никогда не послѣдуютъ“. Вообще Сумароковъ въ чистотѣ слога часто ссылается на авторитетъ Козицкаго, а извѣстно, что Сумароковъ не любилъ авторитетовъ. Не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что Козицкій въ свое время былъ дѣйствительно знатокомъ языка русскаго и поэтому по всѣмъ правамъ заслуживалъ такого уваженія?

Буличъ.

ВЗГЛЯДЪ ПЕКАРСКАГО НА ИЗДАТЕЛЯ „ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЫ".

Обыкновенно считаютъ издателемъ „Всякой Всячины" Григорія Васильевича Козицкаго, при чемъ прибавляется, что *впослѣдствіи*, стало-быть, послѣ 1769 г., когда выходила „Всякая Всячина", онъ былъ статсъ-секретаремъ (?) Екатерины. Новиковъ, современникъ Козицкаго и не только собратъ по изданію сатирическихъ листковъ, но и журнальный противникъ его, называвшій въ своемъ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ" прямо и безъ обиняковъ всѣхъ издателей сатирическихъ журналовъ 1769 года, Новиковъ однако говоритъ довольно уклончиво о принадлежности „Всякой Всячины" Козицкому: „слогъ его чистъ, важенъ, плодовитъ и пріятенъ; посему-то *нѣкоторые и заключаютъ*, что „Всякая Всячина" еженедѣльное сочиненіе 1769 г., пріобрѣтшее толикую похвалу, есть произведеніе его пера".

Козицкій сначала былъ адъюнктомъ Академіи Наукъ, а съ 1769 по 1775 годы состоялъ на службѣ „въ Кабинетѣ и при собственныхъ ея императорскаго величества дѣлахъ, у принятія челобитенъ". Во время торжества по случаю заключенія мира съ турками, 10 іюля 1775 г., онъ по прошенію уволенъ отъ службы, съ награжденіемъ чиномъ статскаго совѣтника.

Дѣловыя бумаги Козицкаго, во время службы его при кабинетѣ императрицы, начинаются 1768-мъ и кончаются 1775-мъ годомъ. Изъ нихъ видно, что у него хранились доклады на Высочайшее имя по разнымъ отраслямъ внутренняго управленія государствомъ, прошенія на имя императрицы, рапорты, справки и передача личныхъ ея приказаній по всѣмъ почти вѣдомствамъ и ко всѣмъ тогдашнимъ высшимъ правительственнымъ лицамъ. Кромѣ всего этого, Козицкій, подобно Храповицкому, впослѣдствіи завѣдывалъ библіотекою Екатерины; у него попадаются бумаги, касавшіяся театровъ изданія „Журнала или Поденной записи Петра Великаго", переводовъ на французскій, латинскій и греческій языки „Наказа"; у него была переписка и просьбы Сумарокова и т. п. Наконецъ, онъ занимался, по порученію императрицы, переводомъ на русскій языкъ Criminal-Process-Ordnung, писалъ „примѣчанія

о порядкѣ составленія Россійскаго словаря"; его рукою набѣло переписано извѣстное возраженіе на неблагопріятное для Россіи описаніе путешествія Шаппа: „Antidote ou examen du mauvais livre superbement imprimé, intitulé Voyage en Sibérie... par M. l'abbé Chappe". MDCCLXVIII.

При такихъ разнообразныхъ занятіяхъ трудно предположить, чтобы Козицкій, по собственному побужденію и охотѣ, вздумалъ еще издавать сатирическіе листки, подъ названіемъ „Всякая Всячина", слѣдилъ такъ зорко за всѣми своими соперниками на журнальномъ поприщѣ и даже вступалъ съ ними въ горячую полемику. Въ началѣ „Всякой Всячины" находимъ нѣсколько чертъ, которыми обрисовываетъ себя издатель ея и которыя какъ-то не идутъ къ Козицкому, недавно занимавшему скромную должность адъюнкта Академіи Наукъ, а въ 1769 г. служившему въ небольшомъ чинѣ въ Кабинетѣ „у принятія челобитенъ".

Такъ напр., въ предисловіи къ читателю неизвѣстный издатель говоритъ: „мнѣ сказали мама и няня, какъ я былъ шести лѣтъ, что я умёнъ: *у меня есть ласкатели*, кои тоже нынѣ подтверждаютъ, ибо не у однихъ князей и бояръ, *но у Двора* найти сихъ животныхъ можно... Не вздумайте же впрямь, что мнѣ нужда въ вашихъ деньгахъ: я, право, дважды въ день сытъ, и еще остается столько, что и васъ накормить можно. Я знаю, что все сіе отправляется на чужой счетъ, *ибо доходъ мой есть дань, мною наложенная на людей*, кои болѣе меня работаютъ въ потѣ лица своего, а я то проживаю безъ толикаго труда и часто безъ благодарности къ нимъ, въ чемъ уже друзья мои часто мнѣ попрекали, говоря, что стыдно въ томъ быть не признательну, и что я равныхъ себѣ мало уважаю, хотя во мнѣ спесь и не велика. Я сей свой порокъ приписываю дурному воспитанію и хулительному тѣхъ людей, съ коими обращаюся, примѣру, а отнюдь не своей гордости"...

Въ описаніи издателей (на стр. 2—3) читаемъ: „первый изъ насъ не молодъ и не старъ, т.-е. *лѣтъ сорока*, весьма имѣетъ обширную память. Я знаю, что есть люди, кои утверждаютъ, что толикая память никогда не соединена съ разсужденіемъ, но однакожъ другъ мой памятенъ, а разсужденіе имѣетъ какъ сможетъ, въ чемъ онъ самъ соглашается. Онъ при томъ очень разговорчивъ, съ большимъ жаромъ и весьма

упрямъ. Намѣренія его суть честны, но онъ несчастливъ въ томъ, что часто его виды имѣютъ тѣсные предѣлы и что благо часто не доходитъ до его догадки или переходитъ оную. Впрочемъ онъ отмѣнно способенъ выискивать общую пользу изъ подъ спуда. Онъ намѣревается о семъ скоро издать особое свое мнѣніе въ печать, но только, не зная, каково принято будетъ, пріискиваетъ напередъ друзей, кои бы оное похваляли, въ чемъ я первый съ нимъ согласенъ, хотя я и не знаю, въ чемъ оно состоитъ, но слово одно — общая польза обуздаетъ мое понятіе"...

Пекарскій.

„БАРЫШЕКЪ ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЫ".

„Барышекъ", слѣдующій за „Всячиной" и служащій ея финаломъ представляетъ собою какъ бы угасающую жизнь современныхъ ей сатирическихъ журналовъ: несмотря на то, издатели „Всячины" видимо стараются „нѣкоторымъ своимъ припасомъ" протянуть насколько возможно послѣдніе дни краткаго ея существованія. Въ началѣ „Барышка" издатели, исполняя долгъ вѣрноподданныхъ, приносятъ императрицѣ поздравленіе съ новымъ годомъ, подобно тому, какъ въ 1769 г. поздравляли ее съ побѣдою надъ турками и взятіемъ Хотина*). Въ „Барышкѣ" мѣстами встрѣчаются уже заявленія нѣкоторыми изъ почитателей „Всячины" грустнаго предчувствія близкой ея кончины. Въ письмѣ за подписью: „Сами отгадаете кто", написавшій его, соболѣзнуя о скоромъ прекращеніи „столь пріятнаго, столь и полезнаго журнала, усердно проситъ издателей о продолженіи его и на будущій годъ; на что они отвѣчаютъ, что объявили уже публикѣ о намѣреніи своемъ продолжать его „пока запаса неписанныхъ бумагъ станетъ, и что продолженіе „Всячины" будетъ зависѣть отъ доставленія корреспондентами хорошихъ составленій", которыхъ однако, что-то не много оказалось. Несмотря на видимый упадокъ „Всячины", въ ея „Барышкѣ" замѣтно, что сатирическое направленіе не совсѣмъ покинуло еженедѣльникъ, и въ немъ встрѣчаются еще нѣкоторыя статьи, „напоминающія лучшую пору его существованія въ 1769 году.

---

*) „Всячина", 115, стр. 305—306.

Изъ этихъ статей отмѣтимъ болѣе замѣчательныя, какъ, напримѣръ, письмо подписанное буквами „П. Ф. Б.“, авторъ котораго, помѣстившій во „Всякпнѣ“ статьи свои подъ №№ 90 и 93, присылаетъ въ „Барышекъ“ примѣчаніе, касающееся „любви нашего дворянства и большей части молодыхъ господъ до өеатральныхъ представленій, почитающихъ себя любителями и знатоками драматическаго искусства; и осуждаетъ ихъ легкомысленное и поверхностное къ нему отношеніе. „Едва услышать они“, говоритъ онъ, „о новой какой драмѣ, то уже толпами собираются въ театрѣ и съ нетерпѣніемъ дѣйствія дожидаются. Но какое имѣютъ они при томъ намѣреніе? чтобы примѣчать больше дѣйствующія лица, нежели характеры, ими представляемые. Они болѣе берутъ участія въ небольшихъ спорахъ и несогласіяхъ актеровъ, нежели въ судьбѣ тѣхъ славныхъ героевъ и героинь, въ видѣ коихъ они намъ являются. Какъ Дмитревскій, ле-Сажъ или Троепольская, Мартеньша и пр., одѣты были; ихъ голоса, движенія, осанка, составляетъ предметъ многочисленныхъ разговоровъ. Но Синава жестокая страсть, погубившая брата его, любовницу и его самого; Гарпагонова гнусная скупость, Магометово злодѣйство и ложью ослѣпленное суевѣріе, ополчающія руки чадъ на родителя, исправленіе мота, словомъ всѣ сіи живо изображеные характеры, вымышленные стихотворцами, возбуждающіе въ насъ благородныя чувства, исправляющіе наши нравы и долженствующіе служить образцомъ нашимъ поступкамъ, предаются молчанію и столь мало внимаются, будто бы никакого примѣчанія не заслуживали... Иные принуждаютъ себя, чтобъ показаться знающими въ драматическихъ сочиненіяхъ и любителями оныхъ, и говорятъ, что балетъ только отъ скуки смотрятъ; но со всѣмъ тѣмъ, можно видѣть, что ничто имъ больше онаго не нравится...“ *). Появляются въ „Барышкѣ“ тѣ же безпощадныя выходки на подьячихъ, такъ что и угасающая „Всякпна“ не перестаетъ преслѣдовать взяточничество, столь ей ненавистное: въ довольно пространной статьѣ, съ подписью литеры „Б“, объясняется значеніе подьяческаго „завтра“, имѣющаго для несчастнаго просителя конецъ, смотря по его деньгамъ, и въ такомъ случаѣ называется денежнымъ; но „безденежное завтра“ не

*) „Барышекъ“, стр. 420—423.

ограничено временемъ, и по словамъ подьячихъ, подобному „завтра", нигдѣ и въ законахъ срока не предписано". На вопросъ просителя, какъ ему сдѣлать, чтобъ подьячій употреблялъ по дѣлу его „денежное завтра", знакомый ему отставной офицеръ отвѣчалъ, что это возможно, если только принесть подьячему „барашка въ бумажкѣ", т.-е. деньги, повертенныя бумажкою..." Когда тебѣ хочется, „продолжалъ онъ говорить", чтобъ твое дѣло шло по ограниченному „завтра", то ты встань гораздо поранѣе и поди ты къ подьячему на дворъ, а не въ приказъ, и снеси ему такого „барашка"; а безъ того и дѣла твои конца дѣлу твоему не дождутся..."[1]) О жалобѣ на подьячихъ издатель „Всякъ-чины" упоминаетъ въ письмѣ г. Воротилы Лопотухина изъ Оренбурга и полагаетъ, что они вскорѣ исправятся вслѣдствіе предписанныхъ имъ правоучительныхъ заповѣдей („Всякчина" № 140). Въ другомъ письмѣ изъ Волхова, по словамъ издателя, пишущій его „дѣлаетъ напускъ" на нѣкоторую комедію, недавно сдѣланную и въ „Трутнѣ" похваленную, не называя имени ея; и между прочимъ „задѣваетъ какого-то секретаря „Крючковзяткова" и *судей за носъ водителя*"[2]). Статья подъ № 157 осуждаетъ безнравственное воспитаніе, изображая картину жестокости и безчеловѣчія, внушаемыхъ невѣжественною матерью дѣтямъ своимъ. Войдя съ ней въ дѣтскую, авторъ статьи увидалъ тамъ четверыхъ дѣтей, изъ которыхъ „самый маленькій заплакалъ и чтобъ его растѣшить, мама заставила его платкомъ бить няню. Сія притворилась, будто плачетъ; а мама приговаривала: хорошенько батюшка, хорошенько дуру бей; она, видишь, дитяти досадила. Дитя же старалось крѣпко ударить няню; и чѣмъ крѣпче било, тѣмъ няня болѣе притворно ревѣла, а дитя тому смѣялось. Погодя другое дитя упало; мать велѣла ему плюнуть на полъ и топтать то мѣсто, гдѣ онъ спотк-нулся..." Доказывая неразумной матери всю нелѣпость ея дѣйствій, гость услышалъ визгъ собаки; онъ оглянулся и увидалъ, что третье дитя щиплетъ щенка; а возлѣ него большенькій пугаетъ канарейку, хлопая рукою по клѣткѣ, бѣдненькая же птичка бьется изъ угла въ уголъ..."[3])

---

[1]) Тамъ же, стр. 441—449.

[2]) Тамъ же, стр. 456.

[3]) Тамъ же, стр. 451—453.

Прочія статьи „Барышка" изъ числа принадлежащихъ къ оригинальнымъ, хотя и напоминаютъ нѣсколько „Всячину" 1769 года, но далеко не могутъ сравниться съ прежними ея статьями. Замѣтно, что издатели отживающаго еженедѣльника, связанные обѣщаніемъ продолжать его, желали скорѣе сбыть съ рукъ „припасъ Всячины", чтобъ покончить съ нею. Помянутыя статейки, помѣщенныя въ „Барышкѣ", уже не блестятъ ни остроумною сатирой ни картиннымъ описаніемъ современныхъ нравовъ; послѣднія страницы „Барышка", занимаютъ переводы, не представляющіе большого интереса и мало подходящіе къ характеру и направленію журнала. Здѣсь встрѣчаются напримѣръ такіе переводы съ французскаго: „Слово Монтескьё по случаю избранія его въ члены Академіи; изъ Овидіевыхъ превращеній, описаніе пещеры бога сна; изъ Тита Ливія, Плинія, Валерія Максима и др. Послѣдняя статья (№ 176) озаглавлена „Конецъ" и содержитъ въ себѣ заключеніе издателя о томъ, что „всякой книгѣ должно имѣть конецъ"; основанное на сравненіи „книги безъ конца", съ разнородными предметами, существованіе которыхъ, по словамъ его, не мыслимо безъ частей и качествъ, имъ присущихъ. Такъ сравниваетъ онъ „безконечную книгу" съ кораблемъ безъ кормы, сочинителемъ безъ самолюбія, любовникомъ безъ нескромности, воиномъ безъ долговъ, подьячихъ безъ сребролюбія и т. п. Далѣе онъ говоритъ: „Бываетъ часто, что конецъ лучшее есть въ книгѣ для того, что все прочее было или скучно, или глупо; и тогда конецъ обрадуетъ читателя, окончивъ его зѣванія. Я не вѣдаю, мое сочиненіе произвело ли въ двухъ людяхъ одинакое мнѣніе; мое намѣреніе не въ томъ и состояло. Но я хотѣлъ показать, первое — что люди иногда могутъ быть приведены къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе — открыть дорогу тѣмъ, кои умнѣе меня давать людямъ наставленія, забавляя ихъ; и третіе — говорить русскимъ о русскихъ, а не представлять имъ умоначертаній чужестранныхъ, коихъ они не знаютъ; слѣдовательно не могутъ найти забавы въ нихъ; а гдѣ забавы, тутъ обыкновенно скука не далека... Я думаю, что не въ однѣхъ книгахъ должно держаться третьяго сего правила, чтобъ русскимъ представлять русскія умоначертанія, но и въ позорищахъ... Ибо маркизъ на русскомъ театрѣ уши деретъ, а ко свадебному контракту тетушка моя и смысла не привязываетъ...".

Губерти.

СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА „И ТО И СЁ“ И ОТНОШЕНІЕ ЕГО КЪ ДРУГИМЪ ЖУРНАЛАМЪ.

Многія статьи въ „И то и сё“, рисующія черты стародавняго, отжившаго быта, и представляющія картины тогда современной, но въ настоящее время давно изчезнувшей жизни и обычаевъ, составляющихъ любопытное для насъ преданіе, походятъ, при отсутствіи сатирическаго элемента, болѣе на простодушные разсказы, чѣмъ на попытку рѣзкаго обличенія. Такъ, напр., издатель приводитъ примѣръ суевѣрія въ лицѣ нѣкоего отставного капитана, шедшаго къ знатному господину за полученіемъ милости, и возвращавшагося два раза домой по причинѣ встрѣчи съ монахомъ и попомъ; но бывъ принужденъ по необходимости итти опять къ благодѣтелю, суевѣрный капитанъ встрѣчаетъ дѣвку съ коромысломъ и ведрами, полными воды; видя въ этой послѣдней встрѣчѣ счастливое предзнаменованіе, радуется, но между тѣмъ, опаздываетъ, вслѣдствіе своихъ невольныхъ прогулокъ, къ милостивцу, и не получаетъ отъ него „ни того ни сего“. Въ другомъ „примѣрѣ“ суевѣрія авторъ разсказываетъ, что ему случилось видѣть приказнаго служителя, который чаще бывалъ въ кабакѣ, чѣмъ въ приказѣ, за что каждую минуту ожидалъ справедливаго наказанія; одѣваясь, застегнулъ камзолъ черезъ пуговицу, и когда увидалъ это, то сказалъ, „что быть ему въ тотъ день или пьяному, или битому, что въ дѣйствительности и подтвердилось. Поутру его высѣкли, а къ вечеру онъ съ горя напился; хотя и сказалъ, что или пьянъ, или битъ будетъ, но съ нимъ случилось и то, и другое*). Къ болѣе полнымъ статьямъ съ сатирическимъ направленіемъ, принадлежитъ изображеніе петербургскаго петиметра, представляющаго сколокъ или карикатуру петиметра парижскаго. Такъ какъ по словамъ автора, петиметры „начались“ здѣсь недавно, то и невозможно объяснить, что значитъ „петиметръ“ на русскомъ языкѣ; „однако“, говоритъ онъ, „многіе утверждаютъ, что петиметръ значитъ по-русски вертопрахъ, или такой человѣкъ, которой ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только одѣться по правиламъ моды; одѣв-

*) Недѣля 8, стр. 5—6.

шись, долженъ быть самолюбенъ, тщеславенъ и необузданъ въ своихъ желаніяхъ..." Вотъ какъ описывается утро петиметра: „Проснувшись въ два часа пополудни, ибо они, такъ какъ мѣсяцъ, съ вечера встаютъ, а поутру ложатся, петиметръ мажетъ лицо свое нѣкоторою мазью, которая выдумана въ Парижѣ, и которая дѣлаетъ тѣло мягкимъ; натирается потомъ соками и кропитъ себя пахучими водами, подсурмливаетъ брови и лѣпитъ на лице мушки, ежели онѣ потребны, смотря по погодѣ петиметрскаго горизонта. Какъ бы хорошо собственной его слуга волосы ни причесывалъ, и хотя бы ставилъ букли на подобіе горлицыныхъ крылышекъ, а вержетъ счесывалъ бекасовымъ носомъ, но впрочемъ того ему недовольно; онъ посылаетъ за французомъ, который за одно только имя беретъ по два червонца, и есть многіе гораздо хуже русскихъ, однако до того нужды нѣтъ. Причесавшись, садится между четырьмя зеркалами, выдумываетъ новоманерные поклоны и разные взгляды; кланяется, пожимается, вертится, танцуетъ и насвистываетъ новые минуэты..." Авторъ, изображая пустой образъ жизни петиметра, его времяпровожденіе и проч., говоритъ между прочимъ что „петиметрское упражненіе состоитъ въ томъ, чтобы безпрестанно хвалить кокетокъ, вытверживать изъ романсовъ нѣкоторыя мѣста и восхищаться любовными враками, которые въ Парижѣ продаются по копейкѣ; т.-е. идиллія, стансы, сонеты, мадригалы и балеты, презирая великихъ авторовъ для того, что оные разумными своими сочиненіями у петиметровъ похищаютъ честь въ стихотворствѣ, думать о себѣ что онъ исполненъ всѣми дарованіями..." Въ заключеніе изображенія „петиметровъ", авторъ раздѣляетъ ихъ на пять сортовъ: на петиметра — Нарцисса, обезьяну, вѣтра, хамелеона и арлекина; съ объясненіемъ ихъ одежды, дѣйствій и т. д.[1]). Замѣчателенъ также разсказъ очевидца, въ которомъ описываются свадебные обряды[2]); въ другомъ: „крестины у приказнаго, съ помѣщенною въ началѣ, вмѣсто заглавія, поговоркою: „Азъ пью квасъ, а гдѣ увижу пиво, то не пройду уже мимо"[3]); и третьемъ воспитаніе сына богатаго купца"[4]).

---

[1]) Недѣля 23, стр. 3—8.

[2]) Недѣля 43, стр. 1—8.

[3]) Недѣля 44, стр. 2—7.

[4]) Недѣля 45, стр. 2—6.

Несмотря на то, что издатель еженедѣльника относится съ насмѣшкою къ стихотворцамъ вообще и къ одописцамъ въ особенности, его собственный журналъ, кромѣ бранчивыхъ стиховъ на издателей „Трутня“ и „Адской Почты“ изобилуетъ стихотворными произведеніями, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ Чулкову и сотруднику его, Михаилу Попову. Между стихотвореніями перваго отмѣтимъ „Стихи на качели“ [1]) и „Семикъ“ [2]); также находится большое число притчей, басенъ, элегій, мадригаловъ, эпитафій, загадокъ и проч. Глумленіе Чулкова надъ стихотворцами, кромѣ высказаннаго въ изображеніи „петиметровъ“, является болѣе рѣзкимъ въ стихахъ на „Семикъ“, гдѣ, между прочимъ, дѣлая оцѣнку разнороднымъ поэтическимъ произведеніямъ, авторъ говоритъ:

„Съ Парнаса внизъ я одами дышу,
Безъ дѣйствія души и разума пишу...
Стараюсь вѣчность я достать себѣ стихами,
Кроплю мои труды Парижскими духами,
Чтобъ запахъ таковой читатель мой вкушая,
Сказалъ, что выдумка довольно хороша;
За вкусъ я не берусь, а что же горяченько,
То сдѣлаю тотчасъ, и нѣсколько смѣшненько
Извѣстіе сіе во первыхъ я даю,
Что авторство мое за деньги продаю:
Копѣйка мадригалъ, съ полушкой епиграмма.
Три денежки рондо и пять копѣекъ драмма.
Елегія алтынъ, пять денежекъ сонетъ.
Идиллія хоть грошъ, полушка за билетъ.
Дешевлѣ всѣхъ стиховъ спускаю съ рукъ я оды.
Причина такова, что оные уроды
Ни смысла добраго, ни правильныхъ стиховъ,
Ни должной похвалы, ниже завистныхъ стровъ
Съ начала до конца въ сложеньи не имѣютъ.
И денежки давать за оныхъ мнѣ жалѣютъ...“

Сочинителямъ элегій досталось еще отъ Чулкова въ статейкѣ, гдѣ разсказывается о богатой бояринѣ, заказавшей написать ей плачевную элегію на смерть любимой ея постельной собачки[3]).

---

[1]) Недѣля 16, 17 и 18.
[2]) Недѣля 22.
[3]) Недѣля 42, стр. 6—8.

Еженедѣльникъ „И то и сё“ не уживался въ мирѣ съ собратами своими и велъ ожесточенную войну съ журналами „Трутнемъ“ и „Адскою Почтой“; онъ питалъ неприязнь также къ „Поденщинѣ“ и не оставилъ въ покоѣ „Всячину“, несмотря на то, что вскорѣ послѣ появленія своего на свѣтъ обратился къ ней, называя ее старшею родною сестрой, съ слѣдующимъ привѣтствіемъ и извиненіемъ въ томъ, что, считаясь родней, позабылъ засвидѣтельствовать ей на первомъ листѣ своемъ должное почтеніе: „Государыня моя Всякая Всячина! не погнѣвайся на меня, что я наименую тебя родною моею Сестрою, и сестрою большою или старшею, для того что прежде ты вышла на свѣтъ изъ природныя утробы, и прошу въ томъ извиненія, что я причитаюсь тебѣ роднёю. Ты родилась на Парнасѣ, да и я неподалеку оттуда; тебя произвела Муза, да и меня, я думаю, также... Я не изъ числа тѣхъ людей, у которыхъ прибиты шапки къ головѣ алмазными гвоздями, и которые, увидѣвъ на дорогѣ человѣка почтеннаго и достойнаго всякой чести, охотнѣе обойдутъ три улицы и еще нѣсколько переулковъ, единственно только для того, чтобъ не встрѣтиться съ нимъ и не помять головной своей покрышки, хотя она ниже сотой доли не составляетъ его имѣнія... Итакъ, Государыня моя Сестрица госпожа Всякая Всячина, извини меня въ томъ, что я позабылъ мой долгъ, и въ первомъ листѣ не здѣлалъ тебѣ почтенія; впрочемъ сама ты вѣдаешь, что *хоть в четвергъ поздно, однако и тотъ сгождается*...“ *) Несмотря на эту родственную любезность, въ одномъ письмѣ къ „Господину сочинителю „Того и сего“ подписанномъ литерами „Д. П.“, находимъ не слишкомъ лестный отзывъ о „Всячинѣ“, нападки на „Трутень“ и „Адскую Почту“; выхваляется только одно „И то и сё“. Отзывы и нападки такъ и дышутъ неприязнью Чулкова къ издателямъ ихъ, изъ которыхъ болѣе другихъ досталось Новикову, издателю „Трутня“. „Нѣсколько дней разсуждалъ я“, говоритъ авторъ письма „Д. П.“, у котораго бы изъ сочинителей испросить позволеніе къ перепискѣ?... для чего, прошедшую недѣлю, собравъ всѣ листы, еженедѣльно издаваемые, и ежемѣсячно обѣщанные, я прилагалъ всевозможное стараніе, по свойству сочиненій, составить

---

*) „И то и сё“, недѣля III.

хотя малое понятіе о качествахъ сочинителей нашихъ. Признаюсь вамъ чистосердечно, что прежде нежели прочолъ сочиненіе каждаго, не на васъ упалъ мой жребій. Древность почитать всѣмъ намъ свойственно; почему „Всякая Всячина", какъ праматерь, овладѣла было моимъ желаніемъ, но забылъ, что старость имѣетъ свои слабости, и что съ уменьшеніемъ тѣлесныхъ силъ, ослабѣваютъ вмѣстѣ и душевныя дарованія. Приводя сіе на мысль, разсудилъ я прежде прочесть послѣдній листокъ ея сочиненій. Но какъ я удивился, увидя ее начинающею учиться лягушечья языка! съ крайнимъ сожалѣніемъ сердца познавъ сіе ея состояніе. Боже мой! сказалъ я тогда съ внутреннимъ соболѣзнованіемъ: вотъ какъ тебѣ угодно было въ свѣтъ произвести человѣка. Чрезъ нѣсколько лѣтъ и я „Всякой Всячинѣ" подобенъ буду, потерявши то, что украшаетъ человѣчество; возпенавижу можетъ быть и я такъ же людей, какъ она возненавидѣла, и буду стараться искать тѣхъ совершенствъ въ презрѣнныхъ тваряхъ, которыя тебѣ угодно было дать избраннѣйшей..." Потомъ попалось мнѣ въ руки сочиненіе Господина Трутня. Сей человѣкъ показался мнѣ, что онъ объявилъ себя непріятелемъ всего рода человѣческаго. Тутъ кромѣ язвительныхъ браней и ругательства я не нашелъ ничего доброва; для чево послалъ я къ одному моему пріятелю попросить еще нѣсколько листковъ ево же журнала: но что я увидѣлъ? тутъ грубость и злонравіе въ наивысочайшемъ блистали совершенствѣ; ево вѣдомости соплетены были изъ ругательства и поношенія ближнихъ, и естьлибъ ему вѣрить, то бы надлежало возъимѣть совершенное отъ всѣхъ людей отвращеніе; но я подумалъ, что и онъ человѣкъ же, и что можетъ быть пороки, которыми язвитъ другихъ, ему еще болѣе всѣхъ свойственны: но какъ онъ описалъ себя весьма праздныимъ, то сіе паипаче утвердило меня въ семъ мнѣніи, поколику праздность есть кормилица пороковъ, въ нѣжныхъ которой объятіяхъ созрѣваютъ сіи благословенные плоды весьма поспѣшнеи, нежели подъ терніемъ трудолюбія; то сіе разсужденіе принудило меня возъимѣть противное мыслямъ ево о немъ заключеніе. Будучи же всегдашній другъ общества, въ числѣ которыхъ полагая и самаго себя, не могъ согласиться съ нимъ, чтобъ услаждаться другихъ поношеніемъ. Адская Почта, хотя наименованіемъ своимъ меня и не устрашаетъ; но какъ она весьма

нова, и имѣетъ нѣкоторыя еще неразумительныя намѣренія, почему о ней никакова заключенія здѣлать невозможно; притомъ же, я съ самого младенчества къ духамъ адскимъ толикое получилъ омерзѣніе, что не только переписки съ ними, но и полученіе писемъ чрезъ курьера сего рода, мнѣ не нравится; и для того ее оставляю. Наконецъ читая изданіе ваше, удовольствовалъ мое желаніе. Оно показалось мнѣ самымъ невиннымъ упражненіемъ, приносящимъ иногда пользу, иногда увеселеніе. Я не примѣтилъ въ немъ ни грубости, ни невѣжества, ни такъ же язвительной критики. Сіе привело меня возъимѣть къ вамъ особливое почтеніе и просить позволенія о перепискѣ съ вами...“

Въ той же „недѣлѣ“, издатель еженедѣльника помѣстилъ стихотвореніе, исполненное грубою бранью, предметомъ которой служитъ издатель „Трутня“ — Новиковъ, и „Адской Почты“ — Эминъ; и г. Д. Н. написалъ слѣдующій отвѣтъ. „Имѣть съ вами переписку отъ всего моего сердца желаю; но притомъ прошу имѣть къ намъ снисхожденіе, ибо мы не Цицероны, но и въ томъ находятся погрѣшности, слѣдовательно извиненія вашего мы не достойны“. Приводимъ здѣсь стихотвореніе, какъ образецъ тогдашней журнальной полемики:

Азъ
Не безъ глазъ
Смотрѣти я умѣю
И что на пользу мнѣ конечно разумѣю.
Болванъ и дерево единыя природы
И вышли ужъ они давно у насъ изъ моды
А прежде имъ во храмахъ покланялись
И ихъ боялись,
Невѣжи въ старину почтеніе имѣли,
Писати не умѣли
Однако за сукномъ за краснымъ тѣ сидѣли,
И всѣ дѣла рѣшили какъ хотѣли;
Но нынѣ ужъ не такъ
Мы видимъ изъ дали кто глупъ и кто дуракъ.
На чемъ стоитъ земля, мы ето разумѣемъ
И много ли на ней
Людей
Хотя пересчитать сево мы не умѣемъ,
Однако положить число мы онымъ смѣемъ.
А сколько дураковъ
Вопросъ таковъ
И я одинъ рѣшу

И противъ формы въ томъ ничуть не погрѣшу
А какъ?
Вотъ такъ.

Кто думаетъ, что онъ умнѣе всѣхъ людей
За тѣмъ, что выше всѣхъ взбиваетъ лишь тупей
Дуракъ.

Кто думаетъ о томъ, чтобъ модно нарядиться
И въ платьѣ томъ, какъ бѣсъ предъ завтреней вертится,
Дуракъ.

Кто отъ роду нигдѣ, лѣнясь не работаетъ
Но только живучи на свѣтѣ семъ мотаетъ
Дуракъ.

Кто льститъ другимъ въ глаза, а за очи бранитъ
И ближнему сплести погибель наровитъ,
Дуракъ.

Кто цыфровъ не училъ, но лѣтописи строитъ
И Волгою брега Санктпетербургски моитъ,
Дуракъ.

Кто объ Египтянахъ намъ тщится предлагать,
А самъ онъ о себѣ не знаетъ какъ сказать,
Дуракъ.

Кто умнымъ никогда писателямъ не вѣритъ,
И думаетъ сама въ нихъ правда лицемѣритъ.
Дуракъ.

Кто разума въ себѣ ни смысла не имѣетъ,
Но важныя писать исторіи онъ смѣетъ,
Дуракъ.

Кто глупости своей даетъ и злости волю
Зоилову во всемъ наслѣдовалъ онъ долю,
Дуракъ.

Кто много черезъ чуръ иль съ лишкомъ написалъ;
Однакъ ругать людей нигдѣ не пропускалъ,
Дуракъ.

Кто мертвымъ и живымъ покоя не даетъ,
И думаетъ предъ нимъ виновенъ весь сей свѣтъ
Дуракъ.

Кто миръ и тишину и дружбу ненавидитъ
И безъ причины онъ другихъ людей обидитъ,
Дуракъ.

Кто ближняго злодѣй и врагъ себѣ конечно
Безмозглой человѣкъ, скажу чистосердечно.
Дуракъ.

Конечно такъ
То подтвердитъ и всякъ.
А я еще къ тому въ добавокъ прибавляю:
Что глупости въ ослѣ не столько обрѣтаю
Колико въ сихъ людяхъ именованныхъ мною,
Которы не даютъ въ сей жизни намъ покою.*)

„Трутень“ не остался въ долгу и, въ отвѣтъ на брань журнала „И то и сё“, отвѣчалъ также стихами, не уступающими памфлету Чулкова; издатель „Трутня“ довольно удачно вставилъ въ стихи, которыхъ отрывокъ здѣсь также приводится:

Задача.

Читатели! прошу рѣшить сію задачу:
Кто дара не имѣлъ, а пишетъ на удачу,
Уменъ или дуракъ?

За прародительски страдая кто грѣхи,
Мараетъ безъ стыда прегнусные стихи,
Уменъ или дуракъ?

. . . .

Кто отъ роду не бывъ со музами знакомъ,
Дерзаетъ воспѣвать качели съ семикомъ —
Уменъ или дуракъ?...“

. . . .

Наконецъ „Рѣшеніе“ предложенной задачи представлено слѣдующее:

Возможно ли, чтобъ тотъ разумно написалъ,
Кто вмѣстѣ съ молокомъ невѣжество сосалъ,
И кто въ поэзіи аза въ глаза не знаетъ,
Уже поемы вдругъ писати начинаетъ,
По мнѣнью моему, писатель сей таковъ,
Какъ вздѣлъ бы кто кафтанъ, не вздѣвъ сперва чулковъ.
И есть ли это такъ,
Конечно, онъ дуракъ!

---

*) „И то и се“ недѣля 28.

Издатель еженедѣльника „И то и сё“ не оставилъ въ покоѣ, какъ уже сказано, листковъ неосторожно его задѣвшей „Поденьщины“ и придрался къ тому, что она, по словамъ его, напечатана на бумажкахъ, которыя онъ съ помощью переплетчика никакъ не могъ приладить страницу къ страницѣ, „ибо не находилъ въ нихъ толку“; но, любя всякую книгу свою видѣть непремѣнно въ переплетѣ, разсудилъ за благо переплесть Поденьщину въ разноцвѣтную мраморную кожу, такъ какъ книжку сочинилъ маляръ[1]). „Первое нѣчто“, по словамъ раздражительнаго порицателя „Поденьщины“, напечатано на осьмушкахъ... осьмой и девятый день марта на лоскуткахъ, которые и сбили его съ толку, такъ равно и переплетчика, который прикладывалъ тѣ лоскутки къ осьмушкамъ съ разныхъ сторонъ и угловъ, но безъ всякаго успѣха, такъ что они въ переплетъ не годились... О содержаніи девяти листковъ „Поденьщины“ хулитель ея говоритъ, между прочимъ, что имѣлъ удовольствіе прочитать ихъ, но только съ безпокойными мыслями, и потому не могъ примѣтить всей „красоты и сладости“ этого сочиненія; но замѣтилъ только одно, а именно, „что можетъ быть увидимъ скоро“ новый *Лѣчебникъ* и новый *Календарь* съ описаніемъ лѣсныхъ обращеній...“ Окончивъ чтеніе листковъ, Чулковъ, вспомнивъ пословицу, что „*на сусль пива не узнаешь*“, положилъ ихъ между своими книгами. Затѣмъ слѣдуетъ его же разсказъ о томъ, какъ онъ вмѣсто „поминанья“, перемѣшавъ его съ „Поденьщиной“, послалъ въ церковь съ слугою знавшимъ по счастью грамотѣ, и во время разсмотрѣвшимъ, что вмѣсто „поминанья“ у него въ рукахъ „новосочиненная Поденьщина“. Одинъ изъ неизвѣстныхъ корреспондентовъ „И то и сё“, подписавшійся „Незнаевъ“, является будто бы защитникомъ его издателя и пишетъ къ нему, что хотя, по старости своей, онъ никогда не принялся бы за перо, но что принудила его къ тому „Поденьщина“, причинившая ему досаду не ссорою своею съ издателемъ, но тѣмъ, что отняла у послѣдняго время „дѣлать удовольствіе публикѣ увеселительнымъ листковъ его наполненіемъ“; къ „Поденьщинѣ“ подписавшійся „Незнаевымъ“ обращается съ слѣдующею рѣчью: „Госпожа *Поденьщина!* любили бъ тебя многіе столько же, какъ и другія сочиненія;

---

[1]) Издатель „Поденщины“ называетъ себя маляромъ.

но ты неспокойна въ себѣ. Не успѣла показаться свѣту, то и задѣла „И то сё“, кое обществу приноситъ собою удовольствіе своими новостями; а ты перервала у сочинителя предпріятіе. Не думаешь ли ты удивить всѣхъ своимъ ругательствомъ? оно и безъ тебя извѣстно; ты отягощаешь только читателей несносною своею вздорливостію и дѣлаешь отъ себя всѣмъ отвращеніе. Пускай бы „И то и сё“ веселилось тѣмъ и писало, чтобъ хотѣло, вить оно никово не трогаетъ. Итак; уймись пожалуй ругать честное „И то и се“ и дай ему время продолжать начатое имъ предпріятіе. Я знаю, что ты схватишься и со мною; и хотя мнѣ будетъ и не подъ лѣта съ тобою бороться, однако я неуступалова десятка, не спущу тебѣ. Госпожа нововыѣзжая выскочка, и смогу еще съ тобою сладить...“[1]) Поглумившись вдоволь надъ злосчастной „Подёньшиной“, издатель „И то и сё“ смягчается и какъ будто старается оправдать себя въ своихъ на нее нападкахъ: „При изданіи сего листа чувствую я“, говоритъ онъ, „что обымаетъ сердце мое великое сожалѣніе; и совѣсть какъ первый судія дѣлъ нашихъ терзаетъ мою внутренность. Я узнаю или догадываюсь, что этотъ листъ будетъ не хорошъ: да и можно ли быть тутъ чему нибудь доброму, гдѣ хотя и съ весьма дальнею околичностію, однако говорится о Поденьщинѣ, не къ поврежденію ея чести, но по крайней мѣрѣ желая разсердить ее нѣсколько. Это дурно, однако, я отдаю то, что взаймы мнѣ дано...“ Разсуждая, что нѣтъ ничего на свѣтѣ хуже несогласія и распри, издатель еженедѣльника приходитъ къ сознанію, что это случается „отъ неумѣреннаго нашего желанія и отъ излишняго самолюбія“, и оканчиваетъ разсужденія свои, говоря, что прекращаетъ свои „нравоученія“, чувствуя „по планетѣ своей“, что моралистомъ быть не способенъ, къ тому не родился..., но пишетъ только единственно для одного увеселенія, и другого намѣренія не имѣетъ, потому что силъ его къ тому не достанетъ; также не требуетъ похвалы, и за славой не гоняется, считая себя ихъ не достойнымъ.

Разбранившись, какъ выше видѣли, такъ сказать въ сласть, съ своими собратами журналистами, издатель еженедѣльника, возчувствовавъ себя въ миролюбовомъ настроеніи, изрекаетъ:

[1]) Нед. II, стр. .

„Усмотря, что всѣ почти наши записки наполнены ссорою, которая нимало не приличествуетъ журналамъ, ибо не на томъ они должны имѣть свое основаніе, а должны содержать въ себѣ важное съ полезнымъ, прекращаю отвѣтствовать всякому, хотя бы собственно коснулся онъ мнѣ, не только что моему сочиненію, зная что хулителей много, но мало разумныхъ...“ Въ концѣ этого нѣсколько поздняго сознанія, слѣдуетъ напечатанный курсивомъ постскриптумъ: „Критикъ приноситъ сочинителямъ пользу, но критикъ со вкусомъ. Здѣсь такихъ людей весьма мало, которые бы со вкусомъ критиковать могли; слѣдовательно ни намъ, ни имъ пользы отъ того не выходитъ...“

Приведенной выше выходкой еженедѣльника противъ „Поденьщины“ прекращается его перепалка съ другими журналами.

Губерти.

ХАРАКТЕРЪ ЖУРНАЛА „И ТО И СЕ“ И ЕГО НАПРАВЛЕНІЕ.

Онъ вообще довольно легкаго содержанія, и сатира его не направлена ни на что исключительно. Повидимому, успѣхъ журналовъ 1769 года вызвалъ и Чулкова на это легкое тогда поприще. „Господинъ читатель, говоритъ онъ, не ожидай ты отъ меня высокихъ и важныхъ замысловъ: ибо я и самъ человѣкъ не важный, и когда правду тебѣ сказать, не утруждая совѣсти, то состояніемъ моимъ похожу на самое сокращенное животное. Я предпріялъ увеселять тебя и шутить предъ тобою столько, сколько силы мои позволятъ, единственно для той причины, чтобъ заслужить твою благосклонность и довести тебя до того, чтобы имѣлъ ты обо мнѣ хорошія мысли“ (1 нед., стр. 5). Это былъ журналъ отъ нечего дѣлать, и издатель часто говоритъ о томъ своимъ шутливымъ тономъ. „Я пишу на произволящаго, ни о комъ самолично не говорю и никого именемъ не называю... За смѣхомъ за море не ѣзжу, а шучу около себя, вреда и убытка не наношу моему отечеству, наукъ не ломаю и языка нашего не порчу. Такимъ образомъ опасаться меня не должно, а развѣ надобно что-нибудь мнѣ присовѣтовать, по пословицѣ: умъ хорошо а два лучше“, (2 нед., стр. 4). Дѣйствительно, издатель не уходилъ вдаль, а шутилъ около себя; то, что ближе попадалось ему подъ руку, то и являлось на листкахъ журнала.

На обычаи темной старины, которые держались еще въ народѣ, издатель преимущественно хочетъ обращать вниманіе. „Усмотрѣлъ я, говоритъ онъ, изъ вѣдомыхъ мнѣ повѣствованій внѣшнихъ и домашнихъ, изо всякихъ сказокъ, пѣсенъ и игръ, что весьма много осталось въ нашемъ народѣ стариннаго, но дурного обыкновенія“ (нед. 8, стр. 4). Напрасно только искалъ онъ дурное обыкновеніе въ пѣсняхъ и сказкахъ. Но Чулковъ, какъ и всѣ изслѣдователи старины того времени, такъ смотрѣлъ на нее. Говоря о содержаніи своего журнала, издатель обѣщается разсказать въ немъ большую половину своей жизни. „Только, прибавляетъ онъ, не все то будетъ правда, что я буду говорить о самомъ себѣ, и иногда именемъ моимъ буду я кликать другого, который хотя и не отзовется всенародно, однако наединѣ откликнется. По той причинѣ можетъ они на меня и подосадуетъ какъ-нибудь; впрочемъ зеркало не виновато, коли рожа крива“ (нед. 3, стр. 8). Издатель имѣлъ полное право сказать, что за смѣхомъ за море не ѣздитъ: журналъ его носитъ легкій народный тонъ, и это стремленіе къ народности оказывается на каждомъ шагу. Всякій нумеръ пересыпанъ народными пословицами, которыя употребляются и кстати и некстати. Издатель упоминаетъ о народныхъ поэмахъ, о которыхъ не говорилъ ни одинъ журналъ того времени: о Бовѣ Королевичѣ, Петрѣ златыхъ ключахъ, Еруслапѣ Лазаревичѣ, Францилѣ Венеціанѣ, Геріонѣ, Евдонѣ и Берфѣ, Арсасѣ и Размѣрѣ, о россійскомъ дворянинѣ Александрѣ, о Фролѣ Скобѣевѣ, о Барбосѣ разбойникѣ и пр. (10 нед., стр. 5). Издатель, подпѣлываясь подъ народный тонъ, стихами описываетъ семикъ, начало которыхъ состоитъ изъ обращенія къ древней славянской миѳологіи. На нее поэтъ смотритъ съ шутливой точки зрѣнія, какъ на смѣшное суевѣріе. Говоря о старинныхъ пѣсняхъ нашихъ, въ которыхъ остались слѣды миѳологіи, онъ выражается такъ:

Съ презрѣніемъ сіе внимаемъ мы теперь:
Намъ къ просвѣщенію отверста нынѣ дверь,
Однако пѣсенки старинны попѣваемъ
И древнихъ тѣхъ боговъ частенько величаемъ,
Изъ коихъ нѣсколько поставлю я въ примѣръ:
Пусть видитъ свой порокъ усердный суевѣръ.
(22 нед. стр., 6).

На миоы древности Чулковъ вообще смотрѣлъ и въ своихъ о томъ сочиненіяхъ болѣе съ нравственной, нежели съ научной точки зрѣнія.

Кромѣ напечатаннаго въ журналѣ миѳологическаго словаря, въ который вошло и древнее славянское божество, съ смѣшанными именами настоящихъ и придуманныхъ боговъ славянскаго Олимпа, какъ понимали его въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ журналѣ есть описаніе святочныхъ гаданій и напечатано нѣсколько подблюдныхъ пѣсенъ. При этомъ разсказано также и нѣсколько бывалыхъ на святкахъ анекдотовъ (нед. 47, 49 и 50). Любовь къ народности доказывается и „Краткимъ словаремъ иностранныхъ словъ“, вошедшихъ въ нашъ языкъ. Это стремленіе къ народности и составляетъ лучшую сторону журнала, хотя въ немъ и отражается вполнѣ взглядъ человѣка прошлаго вѣка. Сущность же журнала, какъ и другихъ, ему подобныхъ, разумѣется, состояла въ критикѣ нравовъ, но эта критика была и слаба и уклончива. Она боялась, повидимому, говорить прямо въ глаза пороку правду и шла шутками, обиняками. Вотъ понятіе автора о сатирѣ: „Въ сатирѣ описываются такіе пороки, которые сродны по большей части многимъ людямъ. Надобно весьма остерегаться, чтобъ, дѣлая тому примѣры, не указывать на того человѣка, котораго вознамѣришься описать пороки. Слогъ ея долженъ быть простъ, воленъ, коротокъ и язвителенъ, и больше всего сочинитель оной долженъ показывать въ ней всю свою кротость, имѣть совершенное познаніе человѣческихъ свойствъ, играть весьма пріятно словами, исправлять человѣческіе нравы и научать ихъ доброму — въ шуткахъ“ (36 нед., стр. 2). Несмотря на это, издатель журнала не хотѣлъ брать на себя ничего. „Исправлять людей я не берусь, говоритъ онъ, и титулъ народнаго учителя принимать на себя не отваживаюсь, потому что я недостоинъ и сверхъ же того учить людей не умѣю, для той причины, что я и самъ серіотка на половинѣ. Итакъ, чтобъ отъ того мнѣ удалиться, то я въ защищеніе себя скажу сію пословицу: исправитъ горбатаго могила, а глупаго случай, ибо онъ только одинъ дурацкій учитель“ (3 нед., стр. 4).

Въ журналѣ нѣтъ ожесточенныхъ нападеній на пороки, которыя мы находимъ въ другихъ современныхъ изданіяхъ. Если и попадаются ироническія описанія нравовъ, то они сопро-

вождаются только легкою илемѣшкою. Зато изъ этихъ описаній многія по яркому изображенію исчезнувшаго быта любопытны для насъ и могутъ служить комментаріемъ къ исторіи того времени, а особенно для изслѣдователя быта общественнаго. Къ болѣе полнымъ картинамъ журнала могутъ быть отнесены: Описаніе свадебныхъ обрядовъ у знакомца автора (43 нед., стр., 1—8), Крестины у приказнаго, описанные также очевидцемъ (44 нед., стр. 1—7), Исторія воспитанія сына богатаго купца и надувательства учителя (42 нед., стр. 1—6) и Описаніе петиметровъ или современныхъ франтовъ, гдѣ авторъ разсказываетъ жизнь и времяпровожденіе петиметра.

Буличъ.

МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ЧУЛКОВЪ.

Чулковъ Михаилъ Дмитріевичъ, надворный совѣтникъ и сенатскій секретарь, обучался однимъ только началамъ русской словесности въ Московскомъ университетѣ, но вскорѣ изъ онаго поступилъ въ статскую службу, въ которой и находился до самой своей смерти. Несмотря на занятія свои по должности и малое ученіе, онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ чувствовалъ въ себѣ непреодолимую склонность къ чтенію и упражненію въ россійскомъ слогѣ, и писалъ почти безпрестанно сочинения всякаго рода. Около 20 лѣтъ возраста своего отличалъ онъ уже себя многими изрядными стихотвореніями и романами, а наипаче склоненъ былъ къ критическимъ и сатирическимъ сочиненіямъ. Но въ созрѣлыхъ лѣтахъ обратилъ все свое вниманіе къ законовѣдѣнію и трудился надъ сочиненіемъ сего рода нужныхъ книгъ. Вообще же изданныя имъ книги суть слѣдующія: 1) „Краткій Миѳологическій Словарь", напеч. 1767 г., въ С.-Петербургѣ. 2) „Еженедѣльное сочиненіе: „И то и сіо", 1769 г., въ С.-Петербургѣ. 3) „Плачевное паденіе стихотворцевъ", сатирическая поэма, припечатанная къ вышеупомянутому еженедѣльному сочиненію и потомъ изданная особо въ С.-Петербургѣ, 1775 г., съ приложеніемъ стиховъ, на качели, на семикъ и на масленицу. 4) Ежемѣсячное сочиненіе: „Парнасскій Щепетильникъ", въ С.-Петербургѣ, 1770 г. 5) „Пригожая повариха, или похожденіе развратной женщины", напеч. 1770 г., въ С.-Петербургѣ. 6) „Похожденіе Ахиллесово подъ именемъ

Пирры до Троянской сады, часть первая, напечат. тогда же въ С.-Петербургѣ, и вторично въ Москвѣ 1788 г. 7) „Собраніе разныхъ пѣсенъ", 4 части съ прибавленіемъ, въ Москвѣ, 1780 г., а вторично 1788 г.; въ семъ изданіи съ нимъ участвовалъ и Михайла Поповъ. 8) „Сказки русскія народныя" о богатыряхъ и проч. 10 частей, напеч. въ Москвѣ, 1780 г.; въ собраніи сихъ сказокъ также помогалъ ему и Михайла Поповъ. 9) „Историческое описаніе россійской торговли", книга въ 7 частяхъ, въ 21 томахъ, въ 4 д. листа, составленная изъ коммерческихъ указовъ, уставовъ, тарифовъ и проч., изданное съ 1781 по 1788 годъ по именному повелѣнію на счетъ Кабинета въ Москвѣ. 10) „Абевега или Словарь русскихъ суевѣрій", напеч. въ Москвѣ, въ 1782 г., и вторично 1786 г. Въ сей книгѣ не одни русскія, но и польскія, литовскія, задунайскія и сибирскія суевѣрія собраны. 11) „Славянскихъ сказокъ, или пересмѣшника" 5 частей, напеч. въ Москвѣ, съ 1783 по 1789 годъ. 12) „Древнія сказки славянъ древлянскихъ, или вечерніе часы", въ 6 частяхъ, напеч. въ Москвѣ, 1787 г. 13) „Краткая россійская исторія коммерціи", извлеченная изъ его же „Историческаго описанія россійской торговли", въ сокращеніи, напеч. 1788 г., въ Москвѣ. 14) „Экономическія записки для всегдашняго исполненія въ деревняхъ приказчику", напеч. 1788 г., въ Москвѣ, и вторично 1790 г., тамъ же; при сихъ запискахъ припечаталъ онъ и свое жизнеописаніе. 15) „Словарь учрежденныхъ въ Россіи ярмарокъ", взятый изъ „Историческаго описанія россійской торговли", напеч. 1788 г., въ Москвѣ. 16) „Наставленіе, необходимо нужное для купцовъ, а особливо для молодыхъ людей", взятое изъ той же книги, напеч. 1788 г., въ Москвѣ. 17) „Сельскій лѣчебникъ или словарь врачеванія болѣзней, бывающихъ въ родѣ человѣческомъ", расположенный по азбукѣ; 4 части напечатаны въ Москвѣ, съ 1789—1790 года, пятая часть отъ буквы Л—М издана уже по смерти его, тамъ же, 1804 г., всѣ въ 4 д. л.; но книга осталась не оконченная. Чулковъ выбиралъ оную изъ всѣхъ до его времени русскихъ врачебныхъ и экономическихъ книгъ и намѣренъ былъ, какъ самъ объявилъ въ предисловіи, издать три словаря врачебныхъ: 1) для людей; 2) для скотовъ, 3) для птицъ домашнихъ. 18) „Словарь юридическій, или сводъ россійскихъ узаконе-

ніи, временныхъ учрежденіи суда и расправы", въ 5 частяхъ, напеч. съ 1788 до 1792 года. Сія книга неоднократно уже печатана. Кромѣ сего осталось много еще и ненапечатанныхъ его сочиненій, какъ-то: 1) „Петрарковы стихотворенія къ Лаурѣ, передѣланныя въ россійскіе стихи". 2) „Проектъ трактата между европейскими государями для вѣчнаго истребленія въ Европѣ войны". 3) „Краткія примѣчанія объ экономическихъ крестьянахъ, обитающихъ около Москвы, въ отношеніи нерадѣнія ихъ къ хлѣбопашеству". 4) „Словарь земледѣлія, скотоводства и домостроительства, 3 части". 5) „Самозванецъ Гришка Отрепьевъ, сатирическая поэма" въ 9 пѣсняхъ. 6) „Проектъ для заведенія купеческаго банка при С.-Петербургскомъ портѣ, для купцовъ, претерпѣвшихъ несчастіе, или отъ пониженія цѣны не могущихъ продать товаровъ". 7) Комедія подъ названіемъ: „Какъ хочешь назови", неоднократно игранная на придворномъ театрѣ. Онъ предпрялъ было съ Михайломъ Поповымъ сочинить и россійскій лексиконъ, но только началъ оный. Сей трудолюбивый писатель скончался 1793 года, въ Москвѣ.

Митр. Евгеній.

Замѣчательнѣйшимъ работникомъ въ области изученія русской народности былъ трудолюбивый, довольно талантливый писатель, Михайла Дмитріевичъ Чулковъ (ум. 1793), московскій студентъ и сенатскій секретарь, разсказчикъ не безъ юмора и видимо большой любитель народной старины и поэзіи. Труды его даютъ образчикъ тогдашнихъ этнографическихъ понятій.

Въ 1770—74 годахъ Чулковъ издалъ въ Петербургѣ „Собраніе разныхъ пѣсенъ", въ четырехъ частяхъ. Второе изданіе этихъ пѣсенъ явилось, уже безъ имени Чулкова, въ шести частяхъ*), — это такъ называвшійся Новиковскій пѣсенникъ". Сборникъ Чулкова заключалъ въ себѣ два разряда произведеній: во-первыхъ, пѣсни или романсы различныхъ

---

*) „Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсенъ, содержащее въ себѣ пѣсни любовныя, пастушескія, шутливыя, простонародныя, хоральныя, свадебныя, святочныя, съ присовокупленіемъ пѣсенъ изъ разныхъ россійскихъ оперъ и комедій". Въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Н. Новикова, 1780—81. Шесть частей. Потомъ „Собраніе разныхъ пѣсенъ" вышло „вторымъ тисненіемъ" въ Москвѣ же, въ типографіи при театрѣ у Хр. Клаудія, въ 1788

тогдашнихъ авторовъ, по-преимуществу, или исключительно любовныя, и во-вторыхъ, множество пѣсенъ чисто народныхъ (историческихъ и другихъ), которыя у него впервые были занесены въ печать въ такомъ изобиліи и въ подлинной народной одеждѣ. Книга, очевидно, пришлась по вкусу читателей: это доказывается скорымъ повтореніемъ изданій и появленіемъ другихъ сборниковъ, подобнымъ образомъ соединявшихъ пѣсни сочиненныя и народныя*). Впослѣдствіи, такого рода пѣсенники размножаются и, постоянно видоизмѣняясь, доходятъ до нашего времени въ произведеніяхъ — по-преимуществу, московской книжной торговли, имѣющей главное гнѣздо на Никольской.

Въ 1780 г. Чулковъ началъ издавать свои „Сказки“**). Въ „извѣстіи“, т.-е. въ предисловіи къ книгѣ, онъ замѣчаетъ, что „издать въ свѣтъ книгу, содержащую въ себѣ отчасти повѣствованія, которыя разсказываются въ *каждой харчевнѣ*, кажется, былъ бы трудъ довольно суетный“, но онъ уповалъ найти свое оправданіе въ слѣдующемъ соображеніи:

„Романы и сказки, — говоритъ онъ, — были во всѣ времена у всѣхъ народовъ: они оставили намъ вѣрнѣйшія начертанія древнихъ каждыя страны народовъ и обыкновеній, и удостоились потому преданія на письмѣ, а въ новѣйшія времена, у просвѣщеннѣйшихъ народовъ, почтили оныхъ собраніемъ и изданіемъ въ печать. Помѣщенныя въ „Парижской всеобщей вивліоѳикѣ романовъ“ повѣсти о рыцаряхъ, не что иное какъ сказки богатырскія; и французская Bibliothèque Bleue содержитъ таковыя же сказки, каковыя у насъ разсказываются въ простомъ народѣ. Съ 1778 г. въ Берлинѣ также издается „Вивліоѳика романовъ“, содержащая между прочими два отдѣленія: романовъ древнихъ нѣмецкихъ рыцарей, и романовъ народныхъ. Россія имѣетъ также свои, но оныя хранятся *только въ памяти*; я заключилъ подражать издателямъ, прежде меня начавшимъ подобныя изданія, и издаю сіи сказки русскія, съ намѣреніемъ сохранить сего

*) Двѣ части, прибавленныя въ „Новиковскомъ пѣсенникѣ“ состоятъ только изъ пѣсенъ сочиненныхъ.

**) „Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія“. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Н. Новикова. 1780–83, 10 ч. Третье изданіе сокращенное, въ 6-ти частяхъ. М. 1820.

рода наши *древности* и поощрить людей, имѣющихъ время, собрать все оныхъ множество, чтобъ составить „Вивліоѳику русскихъ романовъ“.

„Должно думать, что сіи приключенія богатырей русскихъ имѣютъ въ себѣ отчасти дѣла бывшія, и если совсѣмъ не вѣрить онымъ, то надлежитъ сумнѣваться и *во всей древней исторіи*, коя по большой части основана на оставшихся въ памяти сказкахъ; впрочемъ, читатели, если похотятъ, могутъ различить истину отъ баснословія, свойственнаго древнему обыкновенію въ повѣствованіяхъ, въ чемъ, однако, никто еще не успѣлъ.

„Наконецъ, во удовольствіе любителямъ сказокъ включилъ я здѣсь таковыя, которыхъ *никто* еще *слыхивалъ*, и которыя вышли въ свѣтъ во-первыхъ (т.-е. впервые) въ сей книгѣ“.

Это извѣстіе производитъ въ читателѣ нѣкоторое недоумѣніе; съ одной стороны, издатель обѣщаетъ повѣствованія, разсказываемыя „въ каждой харчевнѣ“, заключающія наши „древности“, хранящіяся „только въ памяти“, — но рядомъ ссылается на Bibliothèque Bleue, на рыцарскіе романы, и „въ удовольствіе любителямъ“ обѣщаетъ и такія сказки, которыхъ „никто еще не слыхивалъ“. Очевидно, здѣсь нечего искать подлинной народной старины. Этнографическаго пониманія не было; подлинная древность была почти неизвѣстна; за стариной признавалось значеніе только баснословное, и думали, что новѣйшій писатель можетъ смѣло пользоваться ею какъ матеріаломъ, можетъ исправлять и дополнять этотъ матеріалъ по своему усмотрѣнію. Чулковъ не усумнился, для сказочной реставраціи русской древности, взять себѣ въ образецъ „Синюю библіотеку“ и берлинское собраніе рыцарскихъ романовъ.

„Сказки“ Чулкова именно и наполнены чудесными разсказами въ этомъ вкусѣ. Богатыри не даромъ названы въ заглавіи и играютъ не малую роль въ его повѣствованіяхъ, отчасти вѣрную съ народной поэзіей, но гораздо больше произвольную. Въ началѣ книги Чулковъ посвятилъ имъ шутливое вступленіе, изъ котораго видно, впрочемъ, что онъ хорошо знаетъ ихъ героическія похожденія.

„Мы опоздали выучиться грамотѣ, — говоритъ онъ, — и чрезъ то лишились свѣдѣнія о славнѣйшихъ нашихъ русскихъ герояхъ въ древности, которыхъ довольному числу надлежитъ быть въ народѣ, прославившемся въ свѣтѣ свое-

храбростью, и которыхъ науки состояли въ одномъ только оружіи и завоеваніяхъ. Насильство времени истребило оныя изъ памяти, такъ что не осталось намъ извѣстія, какъ только со времени великаго князя Владиміра Святославича кіевскаго и всея Россіи. Этотъ монархъ прославился своими побѣдами, великолѣпіемъ двора, къ которому привлекалъ людей ученыхъ и могучихъ богатырей. „Войски его учинились непобѣдимы, а воины ужасны; понеже сражались и служили у него славнѣйшіе богатыри: Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Чурило Пленковичъ, Илья Муромецъ и дворянинъ Заолешанинъ... Но и удивительно ли государю премудрому и имѣющему таковыхъ богатырей, покорять народовъ? Ибо встарину сражались не по-нынѣшнему: довольно тогда было одной силы и бодрости. Придетъ ли войско неприятелей отъ двухъ до трехсотъ тысячъ, всякій монархъ, не имѣющій большаго числа ратей, долженъ откупаться златомъ, либо покоряться; но не такъ со Владиміромъ! Онъ посылаетъ лишь одного богатыря, и горе, горе наступающимъ!" Авторъ приводитъ эпизодъ изъ *одинной* сказки о Добрынѣ Никитичѣ, выѣзжающемъ въ поле на богатырскомъ конѣ, съ однимъ только слугою... „богатырь гонитъ силу поганую — гдѣ конемъ повернетъ, тамо улица; онъ копьемъ махнетъ — пяту тысячи; а мечомъ хватитъ, гибнетъ тьма людей". — „Посему нѣту чуднаго, если изъ таковыхъ великихъ воинствъ, наступавшихъ на Россію, не спасалось ни души живой. Подобной несчетной силы, съ каковой встарину цари персидскіе наступали на Грецію, мало бы было, чтобъ управиться съ нею одному богатырю. Не нужно бы было храбрымъ грекамъ терять жизнь свою, защищая Термопилы: довольно бы послать Чурилу Пленковича, и онъ, заслоня сей узкій путь щитомъ своимъ, поморилъ бы всѣхъ съ досады; ибо сломить его было дѣло невозможное. Жаль, что Александръ убрался съ свѣта заблаговременно; не нужно бы ему опиваться вина до смерти: было бы и безъ того кому унять его проказы: послать бы лишь Илью Муромца: онъ на конѣ своемъ поспѣлъ бы дней въ пять въ Индію, догналъ бы его и за Гангесомъ, и впороча бы его къ сѣдлу своему, какъ славнаго Соловья-разбойника, привезъ въ славный Кіевъ градъ, гдѣ заставили бы его сухари толочь", и т. д.

Первыя повѣсти разсказываютъ о князѣ Владимірѣ, Добрынѣ Никитичѣ, Тугаринѣ Змѣевичѣ, но онѣ уже пересы-

паны выдуманными приключеніями; затѣмъ героями сказокъ являются и Алеша Поповичъ, и Василій Богуслаевичъ, и дворянинъ Заалешенинъ, и Баба-Яга, но рядомъ богатыри Сидонъ, Баламиръ, Гассанъ, волшебница Добрада и даже польскій волшебникъ Твердовскій и пр., и большею частью плетутся совсѣмъ фантастическія исторіи въ духѣ волшебныхъ рыцарскихъ романовъ, безъ мѣста и времени. Мнимый колоритъ руской древности достигается тѣмъ, что въ сказкахъ явится иногда: скиѳская царевна, обрскій или варяжскій князь, царица Динара, капище Лады; описывается заря такой картиной: „тьма удалялась и скрывала съ собою звѣзды, убѣгающія пришествія бога Свѣтовида", и т. п. Но Чулковъ зналъ сказочные и былинные факты богатырской исторіи, которые иногда и приводятся въ его книгѣ. Между прочимъ, сообщаетъ онъ, что у него самого было собраніе богатырскихъ пѣсенъ[1], и помѣщаетъ ноты одного былиннаго напѣва. Затѣмъ, среди фантастическихъ исторій являются „сказки народныя", напримѣръ, шуточный пересказъ, повидимому, подлинныхъ народныхъ сказокъ о воровскихъ продѣлкахъ[2], и нѣсколько нравоописательныхъ повѣстей собственнаго сочиненія[3].

Въ 1782 Чулковъ издалъ „Словарь рускихъ суевѣрій", который явился потомъ вторымъ дополненнымъ изданіемъ[4]. Книга эта замѣчательна какъ первая чисто этнографическая попытка своего времени. Правда, между „рускими" суевѣріями большую долю книги занимаютъ вѣрованія и обычаи всякихъ рускихъ инородцевъ, — татаръ, мордвы, чувашъ, камчадаловъ и пр., о какихъ авторъ могъ найти свѣдѣнія въ тогдашней литературѣ путешествій; правда также, что руская миѳологія излагается съ разными прикрасами, какія считались въ то время позволительными въ изображеніяхъ

---

1) „Къ крайнему моему сожалѣнію, въ пожарный случай, погибло у меня собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсенъ, между коими и о семъ подвигѣ Добрыни Никитича" (борьбы съ Тугариномъ). „Голосъ оныя и отрывки словъ остались еще въ моей памяти, кои и прилагаю здѣсь". Сказки, 1-е изд. I, стр. 138—139.

2) Напримѣръ, о ворѣ Тимошкѣ, о цыганѣ, о племянникѣ Ѳомѣ.

3) О новомодномъ дворянинѣ, Два брата соперники, Досадное пробужденіе.

4) „Абевега рускихъ суевѣрій, идолопоклонническихъ жертвоприношеній, свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ, колдовства, шаманства и проч., сочиненная М. Ч." Москва 1786.

„древности“ [1], но въ то же время собрано и аккуратно описано много дѣйствительныхъ народныхъ обычаевъ. Цѣну этихъ описаній достаточно указать тѣмъ, что многими указаніями изъ „Абевеги“ нашелъ возможнымъ пользоваться ученый нашего времени. Афанасьевъ, въ своихъ этнографическихъ работахъ, и особенно въ книгѣ: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“.

Если обратить вниманіе на то, что во всѣхъ перечисленныхъ трудахъ русскій писатель былъ почти совсѣмъ лишенъ руководства, какое въ другихъ отношеніяхъ доставляла тогда литература европейская, и напротивъ послѣдняя еще сбивала съ толку „Синими библіотеками“ и рыцарскими романами, то нельзя не оцѣнить этихъ попытокъ, гдѣ среди ошибочныхъ литературныхъ понятій вѣка просвѣчиваетъ стремленіе къ изученію народности и сочувствіе къ народной поэзіи.

А. Пыпинъ.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ЖУРНАЛА „НИ ТО НИ СІО“ И ЕГО ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ.

„Ни то ни сё“, какъ и другія періодическія изданія Рубана, чужды того сатирическаго духа, какой замѣчаемъ во „Всякой всячинѣ“ и въ журналѣ „И то и сё“, здѣсь печатались стихотворенія и переводныя прозаическія статьи для „увеселенія“. Причиной изданія перваго своего журнала Рубанъ прежде всего полагаетъ свойственное людямъ самолюбіе. „Эта страсть (говоритъ онъ), будучи сопровождаема еще охотою показаться грамотными и желаніемъ услужить публикѣ, сдѣлала изданіе сихъ листковъ необходимымъ, итакъ три только обстоятельства остались, о которыхъ намъ нѣсколько позаботиться надобно: а именно: сочиненіе наше покажется читателямъ или полезно, или безполезно, или ни то, ни другое. Что до перваго принадлежитъ, то мы обѣщаемся понести великодушно, если кто наше „*Ни то ни се*“ захочетъ превратить въ *Ничто*. Что жъ касается до второго, то мы не обязуемся отвѣтствовать за тѣхъ читателей, которые изъ сего

[1] Ср. объ этомъ негодующія объясненія Сахарова въ Сказ. р. народа, т. I, гдѣ собраны примѣры этихъ прикрасъ, иногда дѣйствительно нелѣпыхъ, идущихъ еще съ XVII вѣка, съ Иннокентія Гизеля и Стрыйковскаго.

нашего затору произведутъ непріятную чувствамъ кислоту; а если случится третіе, то мы уже будемъ не первые отягощать свѣтъ безполезными сочиненіями: между множествомъ ословъ и мы вислоухими быть не покраснѣемъ. Вѣдь мы не иное противъ другихъ человѣки... Насъ въ семъ случаѣ будетъ веселить лишь то, что мы чрезъ сіе окажемся честными и справедливыми людьми, сдержавъ свое слово предъ публикою, то-есть, что выйдетъ изъ сего настоящее и безпримѣрное „Ни то ни сё“ *). Таково остроуміе Рубана. Слогъ его вялый, по мѣстамъ обезображенный тяжелыми и неправильными оборотами. Разсуждая о томъ, что нужно для періодическаго изданія, онъ говоритъ, что „надежнѣе всего мѣшать поученіе съ увеселеніями и угрюмость строгихъ правилъ умягчать какими-нибудь пріятностями или закрывать прелестными цвѣтами, но съ соблюденіемъ надлежащей мѣры единообразія, чтобъ слишкомъ не перепестрить“ **). Но, вопреки своему намѣренію, онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ въ плохомъ переводѣ разсужденіе Сенеки о смерти. Одинъ острякъ прислалъ по этому поводу въ редакцію стихи:

Безспорно, что весьма полезно
О смерти въ жизни разсуждать;
Но въ свѣтѣ не для всѣхъ любезно
Толь страшную мораль читать...
Ввязались не въ свое вы дѣло;
Ни то ни сё, а загремѣло
Сенекой, какъ Перунъ, у насъ, и проч.

На это издатель отвѣчалъ стихами о разнородности человѣческихъ вкусовъ: что если одни склонны къ забавному, зато другіе охотники до морали. Вскорѣ послѣ того было въ журналѣ Рубана напечатано письмо Сторожилова, который защищаетъ переводъ Сенеки ***): „всѣ говорятъ, что мнѣ наскучили важности и въ большихъ книгахъ; жалуются и на самихъ проповѣдниковъ, что будто они имъ своею моралью уши прожужжали; но я вамъ порукою, что они первыхъ и въ руки не бирали, а вторыхъ не слыхивали. Вѣдь извѣстно, что такіе *норгуны* столь же боятся долгой обѣдни, какъ боль-

*) Стр. 3—5.
**) Стр. 75—76.
***) Стр. 31—32, 77—79.

шой и разумной книги! Между сотрудниками Рубана должно упомянуть Василія Петрова, который помѣстилъ на листахъ его журнала переведенную имъ оду: „Должности общежитія“.

„Ни то ни сё“ не удовлетворяло вкусу и желаніямъ публики и потому не имѣло успѣха; оно существовало около пяти мѣсяцевъ. Недовольный публикою и замѣчаніями другихъ журналистовъ, Рубанъ, при окончаніи своего изданія, разразился такимъ обращеніемъ къ читателямъ:

„Господа читатели! Съ нынѣшняго года извѣстно стало, что марать бумагу прозою есть столь же прилипчивая болѣзнь, какъ и плести стихи; а мы по собственному опыту нашли на нее и лѣкарство. Оно называется многодѣліемъ, которое если дать добрый пріемъ больному, то сколь бы въ немъ болѣзнь сія ни застарѣлась, только онъ, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени исцѣлится... Примѣчено еще то, что въ сей болѣзни люди бываютъ неодинаковы: иные веселы, пріятны и въ полномъ умѣ, а иные совсѣмъ шалѣютъ, въѣдаются, не будучи никѣмъ дразнимы, и много безтолковаго бредятъ. Что касается до насъ, то мы, хотя и не надѣемся, чтобы насъ здоровые читатели включили въ число первыхъ, такъ по крайней мѣрѣ не боимся быть поставлены между послѣдними; а если такъ, то по всѣмъ выкладкамъ причтется нашей болѣзни назваться чистымъ *Ни тымъ, ни семъ*. Правду сказать, мы не угодили ни петиметрамъ, ни степеннымъ людямъ: первымъ, потому что не грезили ни объ нарядахъ, ни объ людяхъ, но о томъ жалѣть нечего: вѣдь они и сами больны головою, однако не ломомъ, но пустотою въ головѣ. А вторымъ, потому что мы писали на лоскуткахъ, которыхъ они и въ руки не берутъ; они охотники до увѣсистыхъ книгъ, но по несчастію прекратившаяся скоропостижно наша болѣзнь не дала намъ времени сгромоздить ничего такого, что бъ имъ руки обломить могло... Итакъ осталось намъ ожидать себѣ похвалъ отъ однихъ здоровыхъ людей, но по несчастію ихъ очень мало... Прощайте, господа читатели, мы съ вами разговаривать не будемъ: здоровымъ изъ васъ желаемъ быть здоровыми и впредь, а больнымъ скораго выздоровленія... Впрочемъ, вы чрезъ наше излѣченіе не лишаетесь удовольствія забавляться разными нелѣпостями, отъ больныхъ содѣваемыми“[1]. Этими послѣд-

[1] Стр. 157—160.

сими строками Рубанъ мѣтилъ на другія періодическія изданія, продолжавшія выходить въ свѣтъ въ то время.

Если Чулковъ, оканчивая свое изданіе, самъ пропѣлъ ему эпитафію, то журналу: „Ни то ни се“ потрудилась пропѣть эпитафію „Смѣсь“. Вотъ это стихотвореніе:

Немного времени „Ни то ни се трудилось,
Въ исходѣ февраля родившися на свѣтъ:
Вся жизнь его была единый только бредъ,
И въ *блоху*[1]) наконецъ въ іюлѣ преродилось.
А сею тварію презрѣнно бывъ вездѣ,
Исчезло во своемъ убогонькомъ гнѣздѣ.

Приведемъ здѣсь и другую эпиграмму, напечатанную въ „Смѣси“ на Рубана:

Не будетъ тотъ столяръ, кто *рубитъ* лишь дрова,
Не будетъ тотъ піитъ, кто русскія слова
Разрубитъ на стихи и риѳмами окончитъ...
Такъ для чего жъ у насъ та вольность всѣмъ дана,
Что можетъ и *Рубанъ* пiитомъ называться?
За имя же сіе *Рубачъ* готовъ хоть драться,
И *нарубивъ* стиховъ, онъ мнитъ, что славенъ ввѣкъ:
Такъ славенъ посему и всякій дровосѣкъ![2])

Афанасьевъ.

„Ни то, ни се“ принадлежитъ къ первымъ и самымъ неудачнымъ литературнымъ опытамъ Рубана. Журналъ не имѣетъ никакого характера и наполненъ, большею частію, переводами. Нечего и искать здѣсь остроумной сатиры, умнаго наблюденія надъ нравами, веселой и злой насмѣшки. Содержаніе его очень оригинально. Самый языкъ журнала, вялый и безжизненный, полный тяжелыхъ и неправильныхъ оборотовъ, рѣзко отличается отъ языка другихъ журналовъ. Журналъ, повидимому, не находилъ покупателей, хотя и вышелъ вторымъ изданіемъ, и издатель долженъ былъ прекратить его чрезъ полгода. Въ обращеніи къ читателямъ въ концѣ журнала, издатель называетъ журнальное поприще прилипчивою болѣзнію и радуется, что нашелъ средство исцѣлиться отъ нея. Это лѣкарство — многодѣліе. Но мы не знаемъ, какія

---

1) Намекъ на стихотвореніе „Блоха“ (изъ Овидіевыхъ фрагментовъ), помѣщенное въ послѣднемъ листѣ журнала „Ни то, ни се“.

2) Стр. 96, 136.

ныя занятія отвлекли издателя отъ журнала, и плохо вѣримъ ему. Журналъ возникъ рѣшительно изъ подражанія. Годъ былъ урожаенъ для журналовъ; званіе журналиста и легко и почтенно, матеріалы подъ рукою: стоитъ только взять перо, бумагу и писать. Но о матеріалахъ-то и не позаботился Рубанъ: у него не было главнаго: идеи, нравственной цѣли журнала, къ которой бы все клонилось въ немъ. Ему нужно было только издавать листки и ничего больше. Онъ самъ объясняетъ появленіе своего журнала изъ самолюбія, соединеннаго съ желаніемъ показаться грамотнымъ (стр. 4). „Ни то ни сё" произведено на свѣтъ тѣмъ, отъ чего произошли и „Всякая Всячина" и „И то и сё", и въ отличіе отъ этихъ двухъ журналовъ, являющихся въ пятницу и вторникъ, Рубанъ издаетъ свой въ субботу. На журнальное поприще издатель, какъ самъ признается, пустился очертя голову (стр. 76); запасу журнальнаго у него было не много и вообще онъ не работалъ много надъ своимъ изданіемъ. За іюнь мѣсяцъ онъ разомъ выдалъ четыре нумера впередъ и они наполнены всѣ переводомъ сочиненія Сенеки: „О провидѣніи". Объясняя этотъ неожиданный подарокъ публикѣ, Рубанъ говоритъ: „Сочинители, желая доставить себѣ возможность попользоваться пріятностями исходящей весны и начинающагося лѣта, заблагоразсудили симъ способомъ избавить себя на цѣлый мѣсяцъ отъ еженедѣльнаго изданія сихъ листочковъ. Сама Минерва, какъ кажется, дозволила своимъ питомцамъ сіе отдохновеніе когда всѣ россійскіе Парнасы онымъ пользуются" (стр. 112). Издатель объявляетъ, что въ журналѣ его будетъ помѣщаться смѣсь, состоящая изъ прозы и стиховъ, сочиненій и переводовъ...

Но главное содержаніе журнала заключается въ переводахъ. Большая часть стихотвореній оригинальныхъ и особенно переводныхъ принадлежитъ самому издателю. Кромѣ него участвовали въ журналѣ поэты: Михайла Поповъ (стр. 42), В. П. (стр. 64), и I. К. (стр. 152). Какъ стихотворная, такъ и прозаическая часть журнала не представляютъ, однакожъ, ничего замѣчательнаго.

Въ полемику журналъ вошелъ только одинъ разъ съ одною „Всякою Всячиною". Онъ называетъ ее бабушкою, говоритъ, что она выжила уже изъ лѣтъ и много забывается (стр. 34), а о себѣ говоритъ, что онъ хотя и внучекъ, но уже на

возрастъ стр. 37). Изображеніи нравовъ въ журналѣ нѣтъ совсѣмъ, кромѣ довольно замѣчательнаго отвѣта на „Письмо Г. Бѣдняшкиной“ (69—95 стр.). *Буличъ.*

НАПРАВЛЕНІЕ ЖУРНАЛА „НИ ТО НИ СЁ“.

По субботамъ, въ 1769 году, выходило въ свѣтъ весьма оригинальное изданіе — „Ни то ни сё“, въ прозѣ и стихахъ“. Изданіе это отличалось матеріалистическимъ направленіемъ и доходило до цинической откровенности въ выраженіи своихъ мнѣній. Съ перваго взгляда „Ни то ни сё“ можетъ показаться глупымъ. На глупость его указываетъ и помѣщенное на первой страницѣ объявленіе цѣны:

Всякъ, кто пожалуетъ безъ денежки алтынъ,
Тому „Ни то ни сіо“ дадутъ листокъ одинъ,

и странный эпиграфъ изъ Проперція: maxima de nihilo nascitur historia, т.-е. „пространнѣйшая изъ ничего родится повѣсть“; и главнымъ образомъ о глупости журнала свидѣтельствуетъ, повидимому, помѣщенное въ 1-мъ листѣ разъясненіе издателями причинъ и цѣлей, съ которыми они начали свое изданіе; они говорятъ, что предприняли журналъ изъ самолюбія и изъ стремленія показаться грамотными: они откровенно заявляютъ, что въ случаѣ неудачи утѣшаютъ себя надеждою, что „между множествомъ ословъ и они вислоухими быть не покраснѣютъ“. Таково первое впечатлѣніе „Ни то ни сё“.

Но, разсматривая дѣло внимательнѣе мы, напротивъ, видимъ, что журналъ вовсе не глупъ. Объ этомъ можно заключить уже и по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ; издатели видимо были люди образованные: они толково ссылаются на иностранныхъ писателей, употребляютъ греческія слова, латинскіе эпиграфы. Но главнымъ образомъ интересно внутреннее содержаніе изданія, мы видимъ здѣсь опредѣленный подборъ статей, опредѣленное направленіе. Это направленіе состоитъ въ отрицаніи всего.

Въ 1-мъ же № мы встрѣчаемъ стихотвореніе, намекающее на такое отрицаніе, на будущій характеръ журнала

Имѣвъ отъ должности свободное мы время,
И сѣемъ и садимъ нулей въ сихъ нивахъ сѣмя
. . . .

И весь сей будетъ трудъ основанъ на нуляхъ, заявляютъ издатели.

Со 2-го № начинается беззастѣнчивая проповѣдь грубаго практическаго матеріализма. На первомъ планѣ помѣщено здѣсь недурное по формѣ стихотвореніе „Деньги“, въ которомъ воспѣвается и прославляется сила золота, его торжество надо всѣмъ въ мірѣ.

Можно ли нищенство
Деньгамъ предпочесть?
Деньги — лучше средство
Въ свѣтѣ все обрѣсть.
Деньги въ честь выводятъ,
Намъ друзей находятъ.
Гдѣ сребро блеснетъ,
Взоры тамъ народны;
Гдѣ богачъ идетъ,
Путь открытъ свободный...
Мудрость драгоцѣнна,
Что черплемъ изъ книгъ,
Деньгамъ покоренна...
. . . .
Деньги во страны
Носятъ насъ далеки,
Имъ отворены
Всѣ библіотеки.
О, сребро и злато!
И ты звонка мѣдь:
Что у насъ отъято,
Коли васъ имѣть?
Вы чрезъ пищу голодъ,
Чрезъ одежду холодъ
Отвративши прочь,
Въ изнуренно тѣло
Льете прежню мочь.
. . . .
Это есть безспорно:
Деньгамъ все покорно,
Все находимъ въ нихъ.

Чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе, которое эти стихи могли произвести на нѣкоторыхъ читателей, редакція журнала софистически оправдываетъ помѣщеніе ихъ тѣмъ соображе-

ніемъ, что „ей припала охота поискать причины, для чего люди, будучи подперты совсѣхъ сторонъ то разумомъ, то законами, то другими благородными побужденіями, часто однакожъ колебаются красотой или скороподвижностью тѣхъ кружковъ, которые мы деньгами называемъ".

Въ этихъ словахъ слышится ироническое отношеніе къ „разуму" и „законамъ", сомнѣніе въ ихъ силѣ. „У голоднаго хлѣбъ на умѣ" — прибавляетъ редакція еще и субъективное объясненіе дѣла.

За теоріей практическаго матеріализма слѣдуетъ въ журналѣ проповѣдь теоріи веселья. Въ 3 и 4 №№. вышедшихъ въ великомъ посту, „Ни то ни сё" печатаетъ нравоучительныя письма Сенеки, съ ироническимъ поясненіемъ, что дѣлаетъ это, „чтобы не оскоромить читателя въ сіи на благоговѣніе опредѣленные дни". Еще яснѣе и рѣзче звучитъ иронія въ письмѣ, будто бы присланномъ по этому случаю въ редакцію, и въ отвѣтѣ на него. Неизвѣстный корреспондентъ пишетъ:

Безспорно, что весьма полезно
О смерти въ жизни разсуждать,
Но въ свѣтѣ не для всѣхъ любезно
Толь страшную мораль читать.
Что смерти рокъ неизбѣжимый,
О семъ давно ужъ всякъ вѣстимый,
И мы то всѣ знаемъ безъ васъ:
Ввязались не въ свое вы дѣло, —
„Ни то ни сё", а загремѣло
Сенекой, какъ Перунъ у насъ.

Очевидно соглашаясь съ веселыми, безпечными мыслями этого письма, редакція для виду возражаетъ, оправдывается въ помѣщеніи у себя Сенеки, и въ этомъ оправданіи слышится циническая насмѣшка.

„Правду сказать, онъ (Сенека) очень похожъ на великопостное сухоядѣніе; но мы обрадовались по крайней мѣрѣ тому, что никто изъ читателей отъ него не вскружился и не упалъ въ обморокъ".

Затѣмъ, дѣло поясняется еще стихотвореніемъ, гдѣ высказана такая идея:

Не то ѣстъ чижикъ, что индѣйка,
Не то пѣтухъ, что канарейка,

Кормъ разный гуся съ соловьемъ.
Такъ въ свѣтѣ люди разнородны
И каждаго различенъ нравъ:
Однимъ морали суть угодны,
Другіе склонны для забавъ.

Очевидно, что авторъ этихъ виршей считаетъ и нравственность и всякаго рода убѣжденія и взгляды — дѣломъ совершенно условнымъ и не зависящимъ отъ личной воли и совѣсти человѣка.

Въ 6 и 7 №№ журнала напечатанъ переводъ одного сочиненія Вольтера „Разговоръ дикаго съ бакалавромъ“: здѣсь съ матеріалистической точки зрѣнія осмѣивается пытливость ума и человѣкъ сопоставляется и уравнивается съ животнымъ. Вотъ отрывокъ этого разговора:

„Бакалавръ. Желалъ бы я знать, въ чемъ состоятъ ваши размышленія, что̀ вы разсуждаете о человѣкѣ?

„Дикой. Я разсуждаю, что человѣкъ есть животное о двухъ ногахъ, имѣющее способность умствовать, говорить, смѣяться, дѣйствующее руками своими гораздо искуснѣе нежели обезьяна.

„Бакалавръ. Но о своей душѣ какое вы имѣете понятіе, откуда она происходитъ, что она есть, какія ея упражненія, какъ она дѣйствуетъ и куда она переселяется?

„Дикой. Я объ ней ничего не знаю: я ее никогда не видалъ.

„Бакалавръ. А ты, господинъ дикой, какъ думаешь, какое имѣешь преимущество передъ скотами?

„Дикой. Я имѣю память, безконечнымъ образомъ превосходящую, гораздо больше понятій, и притомъ, какъ я уже вамъ сказалъ, языкъ, который въ голосѣ несравненно больше производитъ звоновъ, нежели языкъ скотскій, способность смѣяться, которую всякій великій умствователь заставляетъ во мнѣ дѣйствовать“.

Разговоръ этотъ напоминаетъ намъ нѣкоторыя идеи философскаго трактата Вольтера: „Душа“. Сопоставленіе двухъ сочиненій знаменитаго писателя приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что онъ самъ на сторонѣ дикаго, а не бакалавра, — и надъ послѣднимъ, надъ его отвлеченными метафизическими вопросами подсмѣивается.

А помѣщеніе „Разговора“ въ журналѣ указываетъ намъ — откуда, изъ какихъ источниковъ „Ни то ни сё“ и подобныя ему изданія заимствовали свое отрицательное и матеріалистическое направленіе, свои убѣжденія и взгляды. *Неклюдовъ.*

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБАНЪ, ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА „И ТО И СЁ“.

Уроженецъ Малороссіи, Рубанъ (1739—1795) началъ свое образованіе въ Кіевской академіи, а продолжалъ и окончилъ его въ Московской славяно-латинской академіи и въ Московскомъ университетѣ. Въ литературѣ онъ извѣстенъ нѣсколькими періодическими изданіями и многими трудами историческаго, статистическаго и литературнаго содержанія, оригинальными и переводными. Онъ издавалъ журналы: „Старина и новизна“, „Трудолюбивый Муравей“, „Ни то ни сё“; много писалъ по исторіи и статистикѣ Малороссіи, и т. д.

Видное мѣсто въ ряду періодическихъ изданій того времени занимаютъ любопытные мѣсяцесловы Рубана, отличавшіеся разнообразіемъ и дѣльностью содержанія. Въ нихъ помѣщалось много весьма цѣнныхъ матеріаловъ для знакомства съ прошедшимъ и настоящимъ состояніемъ различныхъ краевъ Россіи. Матеріалы эти заключаются преимущественно въ росписяхъ, имѣющихъ видъ частью краткихъ перечней, частью довольно подробныхъ свѣдѣній, расположенныхъ по порядку времени. Въ любопытныхъ мѣсяцесловахъ Рубана находятся росписи: великихъ князей и царей русскихъ; губерній или намѣстничествъ съ показаніемъ числа провинцій и городовъ; епархій съ показаніемъ находящихся въ нихъ церквей и монастырей, и т. д. Тамъ помѣщены: извѣстія о числѣ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ Коломенскаго уѣзда и о количествѣ получаемаго съ нихъ дохода; описаніе пути отъ Оренбурга къ Хивѣ и Бухарамъ въ 1753 году, при отправленномъ въ тѣ мѣста купеческомъ караванѣ, самарскаго купца Данилы Рукавкина, и т. д.

Роспись „великихъ князей, царей и императоровъ россійскихъ, учиненная съ вырѣзанныхъ медалей съ ихъ портретами и историческими извѣстіями о времени ихъ вступленія на престолъ, владѣнія и жизни“ состоитъ изъ такого рода данныхъ:

„Великій Князь Василій Іоанновичъ восшелъ на престолъ великаго княженія россійскаго 1505 году; первый началъ писаться царемъ и самодержавцемъ всероссійскимъ; владѣлъ 28 лѣтъ; жилъ 55 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ (sic)

„Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ восшелъ на царство 1645 году, взялъ Смоленскъ, побѣдилъ крымцевъ, при немъ сочинено Уложеніе; владѣлъ 31 годъ; жилъ 47 лѣтъ.

„Царь и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ вѣнчанъ на царство купно съ братомъ, государемъ Петромъ Алексѣевичемъ, въ правленіе не вступая: жилъ 29 лѣтъ.

„Великій князь Юрье (sic) Даниловичъ Московскій, женясь въ Ордѣ на сестрѣ царевой, пришелъ на великое княженіе 1317 года; ходилъ на шведовъ къ Выборгу, на устье Невы рѣки, построилъ Орѣшекъ и усмирилъ твинянъ; владѣлъ 9 лѣтъ“, и т. п.

Приведенныя нами извѣстія находятся въ любопытномъ мѣсяцесловѣ на 1776 годъ; они повторялись, съ краткими дополненіями и незначительными измѣненіями, и въ послѣдующихъ годахъ. Замѣчанія Алексѣева, которыя сейчасъ приведемъ, относятся къ росписи, или Степеннику, помѣщенному въ одномъ изъ любопытныхъ мѣсяцеслововъ и вышедшему или приготовленному къ изданію въ 1785 году, какъ можно полагать по времени, обозначенному въ письмѣ Алексѣева къ Рубану.

Рубаномъ составленъ и изданъ Россійскій царскій памятникъ, содержащій въ себѣ расположенныя въ азбучномъ порядкѣ краткія свѣдѣнія о жизни русскихъ государей, ихъ женъ и дѣтей, съ показаніемъ времени и мѣста ихъ рожденія, пребыванія, кончины и погребенія. Въ 1785 году вышло шестое изданіе царскаго памятника. Онъ обнимаетъ всѣ тѣ лица, которыя внесены въ церковные реестры царскихъ панихидъ. Издатель имѣлъ въ виду главнымъ образомъ священно- и церковно-служителей и монаховъ, желая сообщить имъ хотя нѣкоторое понятіе о лицахъ, по которымъ они служатъ панихиды. Къ книжкѣ приложены также для пользы ея духовныхъ читателей росписи русскихъ владѣтельныхъ князей, губерній, намѣстничествъ, областей и епархій. Рубанъ насчитываетъ въ Россіи 35 епархій и говоритъ: „Московская учреждена въ 1303—1742 году; въ ней нынѣ 27 монастырей и 814 церквей“ Послѣсловіе свое онъ заключаетъ такъ: „Писано въ столичномъ, губернскомъ и епаршескомъ городѣ св. Петра, іюля 4 дня 1785 года“.

По поводу росписи или Степенника въ мѣсяцесловѣ и цар-

скаго памятника Алексѣевъ написалъ изъ Москвы 1 сентября 1785 года слѣдующее письмо В. Г. Рубану, любопытное во многихъ отношеніяхъ[1]).

Государь мой Василіи Григорьевичъ!

Я привыкъ съ вами чистосердечно обходиться, то и не могу пропустить въ вашемъ краткомъ Степенникѣ нѣкоторыхъ ошибочекъ, которыя очень маловажны, но мнѣ показалися достойны замѣчанія, а именно:

Объ царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ написано, что онъ скончался въ 1612 году: но на гробницѣ его въ М. А. соборѣ значитъ: лѣта ҂зрка, ихъ которыхъ исключа 5508 лѣтъ, выйдетъ отъ Р. Х. 1613. Да намъ россіанамъ можно въ степенникахъ обойтися безъ сего изъясненія, что царь нашъ былъ нѣкогда погребенъ близъ Варшавы на распутіи, а только бы написать, что въ М. А. соборѣ, ибо тѣло его перенесено лѣта 7143, то-есть 1635 году, такъ какъ вы пишете о Годуновыхъ, что перенесены изъ Московскаго Варсонофьевскаго монастыря въ Троицко-Сергіеву лавру, умолчавъ о первомъ погребеніи ихъ въ М. А. соборѣ, и извёрженіи изъ онаго, яко недостоиныхъ почивать обще съ правильными царями, въ убогій монастырь Варсонофьевскій.

Подъ числомъ государей 43, якобы великій князь Василій Ивановичъ скончался и погребенъ въ 1533 году, но по сложенію лѣтъ міробытія 7042 будетъ отъ Р. Х. годъ 1534.

О царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, что онъ скончался и погребенъ въ 1675 году, но 7184 лѣто соотвѣтствуетъ 1676 году отъ Р. Х.

На гробницѣ царя Іоанна Алексѣевича въ надписи значитъ, что онъ преставился лѣта 7204, т.-е. въ 1696 году, а вы написали въ 1690 году, а шесть лѣтъ въ лѣтосчисленіи пропустить многаго стоитъ.

Подъ числомъ государей 33, Орій III (видно, что опечатка вмѣсто Юрій (Георгій) Даниловичъ Московскій... убитъ въ Твери татарами 1326 году, погребенъ въ Московскомъ Даниловѣ монастырѣ: 45 лѣтъ. А по старинному лѣтописцу значится, что лѣта 6831, отъ Р. Х. 1323 (а не 26 году) князь Дмитрій Михаиловичъ Тферрскій уби во ордѣ великаго князя Юрья Да-

[1]) Автографъ письма протоіерея Алексѣева къ В. Г. Рубану находится въ Публичной библіотекѣ.

ниловича Московскаго. Того жъ лѣта привезоша изъ орды тѣло великаго князя Юрья Даниловича и погребе его Петръ митрополитъ въ церкви св. архангела Михаила на Москвѣ. А хотя подписи нѣтъ такой въ Арх. соборѣ, но три гробницы великокняжескія имѣются безъ надписей, то и надобно заключить, что одна изъ нихъ есть в. к. Юрья Даниловича.

Больше я ничего не примѣтилъ въ Степенникѣ вашемъ, а въ книжкѣ новоисправленной, т.-е. въ царскомъ памятникѣ на стр. 29 стоитъ: написано въ столичномъ, губернскомъ и епаршескомъ городѣ св. Петра. Здѣсь два реченія подчеркнутыя въ какой силѣ приданы: ежели для увеличенія города столичнаго? но много есть городовъ губернскихъ, а столичныхъ только два по всей имперіи; епаршескихъ также 35 по вашей росписи.

Это мнѣ кажется похоже, какъ сказать: царствующій С.-Петербургъ, въ которомъ живетъ губернаторъ и архіерей.

Въ росписи епархій пишете вы, якобы Московская епархія учреждена въ 1303 году. Сіе мнѣ кажется сумнительно, обо около того времени перенесена каѳеда всероссійскаго митрополита изъ Владимира въ Москву, однако митрополитъ тотъ былъ Кіевскій и всея Руссіи, а послѣ мѣсто его занялъ патріархъ; вмѣсто патріарха же святѣйшій синодъ, а не одинъ архіерей. И Москва тогда съ прочими многими городами составляла область патріаршу, изъ которой произошло нѣсколько епархій, въ томъ числѣ Московская. Итакъ справедливо относится учрежденіе Московской епархіи къ 1742 году, ибо съ того времени производимые въ Москву архіереи не могутъ сидѣть на каѳедрѣ всероссійскихъ митрополитовъ, въ большомъ Успенскомъ Соборѣ имѣющейся, т.-е. на горнемъ мѣстѣ. Почему великая разнота между тѣми епаршескими архіереями примѣчается. Однако я сіе вамъ только какъ пріятелю открываю, и то не утвердительно, а не для публики понеже мнѣ извѣстно учрежденіе Московской епархіи въ 742 году, на какомъ оно основаніи: можетъ быть первый здѣшній архіерей Іосифъ и намѣстникомъ патріарху послѣднему Адріану, какъ Дмитрей въ единой своей книжкѣ считаетъ. Симъ окончa, прошу увѣдомить меня о свѣтл. князѣ, гдѣ онъ теперь, въ Петербургѣ или выѣхалъ? Здѣсь говорятъ разно. Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ семь вашего высокоблагородія.

Послушникъ Петръ протоіерей Арханг.

Сухомлиновъ.

Религіозныя и нравственныя сочиненія Рубана: канонъ Пасхи, стихами 1773 г.; журналы: *Ни то ни сё* 1769 г. гдѣ, кромѣ стиховъ, разсужденіе Сенеки о смерти; должности общежитія; ода: „Деньги. *Трудолюбивый Муравей*. 1771. Здѣсь „ежедневное моленіе и прекращеніе язвы“; стихи „на поминовеніе воиновъ“; Өеофрастовы характеры; разговоръ въ царствѣ мертвыхъ; о коммерціи Крыма; о его городахъ и проч. Въ первомъ журналѣ Старожиловъ въ письмѣ своемъ, отвѣчая на упреки за помѣщеніе Сенекина письма, писалъ: „говорятъ, что имъ наскучили важности и въ большихъ книгахъ; но я вамъ порукою, что они первыхъ въ руки не брали а вторыхъ не слыхивали. Вѣдь извѣстно, что такіе пархуны столь же боятся долгой обѣдни, какъ и большой разумной книги“. Историческія сочиненія Рубана: „Краткая лѣтопись Малой Россіи“, 1771 г., гдѣ нѣсколько свѣдѣній о церкви. „Землеописаніе Малой Россіи съ статистическими свѣдѣніями о церкви. „Старина и новизна“ — сборникъ въ 2 ч. 1772 и 1773 г. Здѣсь чинъ облаченій патріарха и другихъ священствующихъ, завѣщаніе Ѳ. М. Апраксина 1728 г. съ любопытными отмѣтками о времени. „Любопытный мѣсяцесловъ на 1775 и 1776 г., на 1778—1780 г., 1795 г., съ историческими и статистическими статьями; въ первомъ (1775 г.) о Могилевской епархіи, во второмъ (1776 г.) исторія Московской академіи и Новоспасскаго монастыря, въ четвертомъ (1780 г.) — о Бѣлгородской епархіи; въ 1795 г. описаніе Москвы. 1782 г. Посѣтитель и описатель св. мѣстъ 1794 г.

Филаретъ Черниговскій.

„ПОДЕНЬШИНА“*).

Издателемъ журнала былъ, по свидѣтельству „Опыта Словаря“ Новикова, „оберъ-офицеръ полевыхъ полковъ Василій Тузовъ; о выходѣ первыхъ листовъ „Поденщины“ 1 марта, на недѣлю, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1769 года, 6 марта, на стр. 7-й, подъ рубрикою „Продажа“ объявлено: „У переплетчика Вебера, живущаго въ состоящемъ между Моховою

---

*) На оборотѣ заглавнаго листа эпиграфъ: Labor omnia vincit. Impobus et duris urgens in rebus egestas (Virg.) Трудами все преодолѣвается. Неприятная и къ труднымъ вещамъ понуждаетъ недостатокъ. (В)

и Литейною улицею каменномъ домѣ священника церкви св. мученика Пантелеймона, продается сочиненный на недѣлю экземпляръ „*Поденьщины*", по 6 коп.; а впредь каждый дневной листокъ по 1 копейкѣ будетъ продаваться съ 8 числа сего марта". Листки эти состояли изъ 22 страницъ по 29 строкъ на каждой (включая заглавный листъ); затѣмъ черезъ недѣлю, т.-е. 8 марта, „Поденьщина" стала выходить ежедневно, выдавая на каждое число по 4 стр., исключая листковъ: марта 20, который былъ выданъ въ 6 стр., и 22, въ 4 стр.; но изъ послѣднихъ двѣ первыя относятся къ предыдущему: на нихъ, вмѣсто 29, печаталось только по 21 строчкѣ. Въ началѣ журнала помѣщено слѣдующее „*Вступленіе*": „Пользуясь блаженствомъ настоящаго времени, въ которомъ между безчисленными для благополучныхъ Россіянъ выгодами, и изданіе каждому въ печать трудовъ своихъ безпрепятственно дозволяется, предпріялъ я издавать гражданству сіи ежедневные листочки. Начало онымъ здѣлано. Марта первое, и въ немъ за цѣлую недѣлю опишу мою дорогу и пріѣздъ сюда. Первую же недѣлю великаго поста, яко дни пощенія, миную: послѣдуя душеспасительному примѣру, изъясненному во *Всякой Всячинѣ*, и не желая ни малѣйшей подать вины къ соблазну, и къ отторженію православныхъ отъ благоговѣнія. И такъ безпрерывное продолженіе тѣхъ листкокъ начнется Марта 8 числа. Въ нихъ описаны будутъ мои собственныя и заимныя мысли, и я прещастливымъ и довольно награжденнымъ себя за весь трудъ мой почту, естьли изъ множества не только одинъ листокъ, но хотя одна строчка послужитъ къ угодности читателей. Ни мѣсяцемъ, ни годомъ, я не обязываюсь; а они продолжаться будутъ столько, сколько силы и обстоятельства мои дозволятъ".

Неумѣлость Тузова, какъ журналиста, обнаруживается на каждой страницѣ его изданія; по всему замѣтно, что онъ принялся за дѣло необдуманно и, какъ говорится, очертя голову, и началъ писать, чтобы какъ-нибудь и чѣмъ попало наполнить издаваемые имъ листки; какой-либо серьезной подготовки онъ къ предпринятому имъ дѣлу не имѣлъ и по собственнымъ его словамъ „сдѣлалъ себя издателемъ такъ, какъ ставятся попы у раскольниковъ"; чему доказательствомъ служитъ первый выпускъ на цѣлую недѣлю, содержащій въ себѣ лишенные занимательности разсказы и разсужденія, продолжаю-

щіеся, впрочемъ, и до конца журнала. Если нельзя отказать издателю „Поденьшины“ въ попыткѣ на сатиру, то она является весьма слабо мелькающею и мало замѣтною между обильнымъ пустословіемъ, наполняющимъ страницы ничтожной его книжки. Онъ начинаетъ описаніемъ путешествія своего вмѣстѣ съ племянникомъ изъ своего родного города „Алатора“, черезъ Москву въ Петербургъ, при чемъ выдавая себя за „маляра“, прибавляетъ что „имѣетъ отъ роду сорокъ два года, вдовъ, *грамотѣ*, — *читать и писать недоволенъ*“; затѣмъ, сообщивъ нѣкоторыя свѣдѣнія о житьѣ своемъ на родинѣ, тамошнихъ обычаяхъ и собственныхъ занятіяхъ, онъ разсказываетъ, между прочимъ, встрѣчу свою на дорогѣ съ поѣздомъ проматывающагося боярина, ѣдущаго въ Москву жениться; нельзя сказать, „чтобы описаніе этого дорожнаго „grand train“ барина XVIII столѣтія было вовсе безынтересно, напротивъ того въ немъ довольно удачно схвачена современная бытовая черта, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно не безъ нѣкоторой сатирической окраски. „Мы увидѣли“ разсказываетъ сочинитель „Поденьшины“, „обозъ, состоящій изъ одной кареты и коляски на полозкахъ, и изъ нѣсколькихъ кибитокъ; и вдругъ услышавъ тамо трубный гласъ, кинулись мы туда опрометомъ посмотрѣть; однакожъ близко подойти не смѣли, а смотрѣли издали; двое одѣтыхъ въ гусарское платье, производили оную музыку на извитыхъ мѣдныхъ рогахъ, называемыхъ *волторами*. Двое человѣкъ стояли у воротъ съ ружьями, и одинъ у обоза съ обнаженною саблею...“ Подробности о проѣзжающемъ баринѣ и его обстоятельствахъ, сообщаетъ „алатырскому маляру“ словохотливый барскій поваръ: „Господинъ мой, человѣкъ богатый“, говоритъ онъ; „тысяча за нимъ душъ; доходу съ нихъ четыре, проживаетъ десять: изъ которыхъ на долю нашего дворецкаго достается около половины; долгу на насъ тридцать. Ѣдемъ въ Москву жениться; это играютъ теперь зорю, и всякое утро и вечеръ... При баринѣ, продолжаетъ поваръ, дворецкій на осьмирублевомъ окладѣ; лакѣевъ здѣсь четверо, имъ — по шести; гусаровъ изъ своихъ людей восемь да девятой *ефлетуръ*, имъ — по томужъ; псаримъ, десяти человѣкамъ — по пяти, да мнѣ, повару — по три; а всѣхъ вмѣстѣ насъ больше, одинъ гребетъ денегъ французъ-парукмахеръ; ему, ни много, ни мало, даетъ нашъ баринъ по двѣсти рублевъ, платье, кушанье и выѣздъ...“ Подошедъ поближе къ обозу, разска-

зываетъ издатель „Поденьшины“, „нетрудно намъ было узнать француза по бѣлому его кафтану, и что онъ приготовляясь расчесывать волосы господину, доставалъ изъ саней потребныя вещи; однакожъ долго мы догадывались, который господинъ, которой дворецкой, потому что они въ одинакомъ были почти дорожномъ платьѣ, и одинакимъ повелительнымъ видомъ приказывали протчимъ; имъ же, сколько разъ они ни проходили мимо часовыхъ, отдавали честь, то же дѣлали одинъ разъ и французу, когда онъ прошолъ безъ пудрильнаго мѣшка...“ Далѣе издатель „Поденьшины“ описываетъ пріѣздъ свой въ Москву, гдѣ останавливается въ Ямской Рогожской и въ продолженіе двухъ недѣль, сопровождаемый племянникомъ, осматриваетъ удовлетворяя любознательности своей, городъ; *зѣваетъ* на „высокость“ Ивана Великаго и „огромность“ разбитаго колокола; отправляется на Каменный и Спасскій мостъ „смотрѣть хорошихъ печатныхъ листковъ“ и живописныя картины, продающіяся въ овощномъ ряду. „Нынѣ“, говоритъ онъ, „стали появляться покупныя съ аукціоновъ изрядныя, однакожъ очень мало; а большая часть въ томъ ряду — головки дамскія, закрытыя до половины лица муфтами, которыя гораздо отвратительны, хотя на нихъ и походъ великъ...“ Затѣмъ идетъ разсказъ о томъ, какъ онъ, будучи позванъ къ богатой и престарѣлой вдовѣ какъ маляръ, раскрашивать сундуки работы домашнихъ столяровъ, подслушиваетъ разговоръ барыни съ гостемъ о „домостроительствѣ“, въ которомъ она въ простотѣ души осыпаетъ похвалами обманывающаго ее управителя, получающаго отъ нея по шести рублей въ годъ и запасъ и приносившаго ей въ день именинъ по два куска камки подарокъ; подивясь этому, любознательный „маляръ“ узнаетъ, что управитель, завѣдывая тремя тысячами душъ своей помѣщицы, сверхъ господскаго оброка, имѣетъ съ каждой души и свой. По пріѣздѣ въ Петербургъ, „алатырскій маляръ“ останавливается у приказнаго служителя и поступаетъ къ нему на хлѣбы; а чтобы достать себѣ мѣсто или работу, выходитъ на перекрестокъ, гдѣ собираются поденщики... но, не добившись въ продолженіе трехъ дней никакого толку, съ досадою отправляется онъ домой, и ему, вѣроятно, раздраженному этой неудачей, пришло на мысль подтрунить надъ еженедѣльникомъ „И то и сё“: „Идучи“, говоритъ онъ, повстрѣчался я съ мальчикомъ, которой рѣзвясь, кривлялся и махалъ руками;

въ одной рукѣ были у него печатные листы: взглянулъ на меня, и смѣючись спрашивалъ: дядюшка, не хочешь ли купить листочка? Я посмотрѣлъ, что за листки, и увидѣлъ вначалѣ писано большими словами То и Сіо: я спросилъ, почему они? Онъ мнѣ сказалъ: по алтыну. — Мнѣ только надо за полушку; отрѣжь мнѣ, говорю ему. — Полно издѣваться-то ста; это не гороховый кисель, этова по полушкамъ не рѣжутъ. Послѣ за одни латинскіе стихи давалъ я ему денежку — не взялъ...[1]) Случилось мнѣ спросить нѣкогда у ученаго человѣка: для чего бы ставились въ Русскихъ книгахъ Латинскія рѣчи въ заглавіяхъ?... Причина тому та, отвѣчалъ онъ мнѣ, что естьли иного сочинителя вся книга ничего не будетъ значить, то по крайней мѣрѣ, хоть бы тѣ стишки, которые обыкновенно берутся изъ хорошихъ авторовъ, съ смысломъ остаться могли. Точно для сей предосторожности, и я поставилъ въ началѣ сего изданія[2]).

Содержаніе начинающихся съ 8 марта листковъ журнала представляетъ собою не много занимательнаго; здѣсь вовсе уже не замѣтно сатирическаго элемента, присущаго, хотя въ слабой степени, началу его, выданному на недѣлю. Въ остальной части, за исключеніемъ отвѣта на помѣщенные Чулковымъ въ еженедѣльникѣ „И то и сё“ нападки на „Поденщину“ (которые приведемъ ниже), издатель угощаетъ читателей пустыми разсказами и разными отрывками полезныхъ по его мнѣнію свѣдѣній, въ родѣ слѣдующихъ. Въ первомъ ежедневномъ листкѣ онъ повѣствуетъ о нѣкоемъ щеголѣ, сынѣ приказнаго чиновника, требующемъ у отца своего денегъ на „*сазонное*“ платье: обрадованный старикъ думаетъ, что сыну его нужно „сазонное“ платье изъ рыбьихъ сазаньихъ кожъ, имѣющихся у него въ запасѣ; но затѣмъ очень горюетъ, когда ему приходится выдать сыну-щеголю деньги на костюмъ, приличный времени года. Вслѣдъ за этимъ, не отличающимся большимъ остроуміемъ, разсказомъ, издателю листковъ вздумалось восхвалять пріятности четырехъ временъ года и въ особенности прелести весны; и онъ описываетъ эту картину природы слѣдующими словами: „Не замедлитъ видима быть повсюду раскидывающая зелень. Поля покроются зелеными

1) Намекъ на латинскій эпиграфъ заглавнаго листа еженедѣльника „И то и се“.
2) „Поденьшина“, стр. 17—18.

коврами, и различными цвѣтами испещряться станутъ; а исходъ весны благовонная увѣнчаетъ роза. Пѣніе сладкопѣсненнаго соловья и множества птичекъ, смѣшиваясь нидѣ съ пріятнымъ шумомъ ключей, слышимо будетъ по рощамъ...“[1]). Въ слѣдующей статьѣ, онъ возвращается къ „*сазонному*“ платью; любопытствуя узнать значеніе этого слова, спрашиваетъ о томъ вышеупомянутаго щеголя, но, не получивъ никакого отвѣта, обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ его камердинеру-французу, говорящему по-русски, который и удовлетворяетъ любознательности спрашивающаго, объясняя ему, что слово *сезонъ* на ихъ языкѣ употребляется во многихъ случаяхъ... „Наконецъ изъ всего ево изъясненія“, говоритъ издатель листковъ, понялъ я, что слово сезонъ, означаетъ времена года... Еще, говорилъ онъ, есть у нихъ задній или поздный *сезонъ*, коимъ называютъ старость; также въ ихъ и въ итальянскомъ стихотворствѣ, есть зеленый сезонъ, коимъ изъясняется молодость... а о платьѣ сезонномъ сказалъ онъ, что у нихъ во Франціи, каждое время года имѣетъ особливое платье въ разсужденіи плотности или тонкости шелковыхъ тканей...“[2]) Далѣе, цѣлыхъ девять листковъ наполнены продолжительнымъ расказомъ, озаглавленнымъ „*Ворожея*“, который самъ издатель „Поденьшины“ называетъ „вздорною повѣстью“, предоставляя благоразумному читателю судить о „великости терпѣнія“, дозволившаго ему, издателю, выслушать ее; но между тѣмъ онъ не задумался напечатать ее въ листкахъ своихъ и угостить ею читателей, вѣроятно, съ цѣлью испытать, могутъ ли они сравняться съ нимъ въ помянутой добродѣтели. Въ повѣсти или разсказѣ своемъ, онъ извѣщаетъ, что какъ-то на дняхъ не поздоровилось ему отъ простуды, и онъ, по совѣту своего хозяина, обращается къ „ворожéю“, пользующему безвозмездно отъ всякихъ болѣзней. Пришедшій къ занемогающему „ворожей“, какъ обыкновенно, „простой мужичокъ“, говоритъ ему, что болѣзнь приключилась съ глазу, и что шопоту своего тратить нужды не видитъ; но что довольно будетъ того, если больной дастъ облить себя холодною водой сквозь рѣшето, что по словамъ его полезно въ самой лихорадкѣ во время озноба. Если это не по-

---

[1]) „Поденьш.“ Мартъ 3, стр. 4.

[2]) Тамъ же. Мартъ 9, стр. 23.

можетъ, тогда „ворожей“ употребитъ врачебныя свои слова, или дастъ что-нибудь повѣсить на шею. „У меня“, говорилъ онъ, „очень много такихъ вещей, которыя отгоняютъ лихорадку, а лучшія изъ нихъ: писемца, на которыхъ написаны имяна всѣхъ лихорадокъ, двѣнадцати сестеръ; змеиной выползокъ, которой змея съ себя скидываетъ, и съ великимъ трудомъ его находятъ; сухая трава, которая растетъ на поляхъ или въ лѣсу, въ костяхъ лошадиныхъ головъ...“ Любознательный паціентъ не утерпѣлъ, подпоивъ „ворожéя“, обратиться къ нему съ просьбой открыть тайну цѣлебныхъ словъ его и повѣдать, отъ кого выучился онъ своему врачебному искусству. Послѣдній начинаетъ длинный разсказъ или *„взорную повѣсть“* о томъ, какъ онъ, будучи въ деревнѣ своей лѣсникомъ, встрѣтился въ лѣсу съ вѣдьмой въ видѣ сороки, сидѣвшей на деревѣ, которая и передала ему свое искусство. Издатель „Поденьшины“, какъ человѣкъ цивилизованный, не вѣритъ нелѣпой сказкѣ и говоритъ: „Сказывалъ я мужичку, что не только вракамъ его не вѣрю; но ниже сходственными съ разсужденіемъ малосмысленнаго человѣка ихъ не считаю...“ Въ заключеніе всего, онъ читаетъ ворожéю-мужичку выписку изъ Овидія, возстающаго противъ чародѣйства, и разсказавъ ему еще „коротенькую быль“, совершенно уличаетъ его во лжи и обманѣ, взявъ съ него обѣщаніе бросить свое ремесло, возвратиться въ деревню и сдѣлаться трудолюбивымъ пахаремъ[1]). Затѣмъ предлагаются *„краткія выписки“* о магіи и талисманахъ, съ присоединеніемъ извѣстій объ охраняемыхъ или зарытыхъ въ землѣ сокровищахъ[2]).

Въ послѣднихъ листкахъ „Поденьшины“ издатель ея предлагаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія, состоящія въ общихъ мѣстахъ о искусствахъ и художествахъ, начиная, по словамъ его, своимъ мастерствомъ, т.-е. „о живописствѣ“; говоритъ въ краткихъ словахъ о началѣ живописи, различныхъ родахъ ея, и употребляемыхъ для нея краскахъ. Подобныя же свѣдѣнія приводятся объ архитектурѣ и музыкѣ. Затѣмъ помѣщены переводы, изъ которыхъ, въ предисловіи къ первому изъ нихъ, озаглавленному: „Искусство украшать лицо, изъ дѣлъ Овидіевыхъ“, сказано, что онъ прилагается для одного, токмо

---

1) „Поденьшина“. Мартъ 11—15, стр. 31—47.
2) Тамъ же. Мартъ 16—20, стр. 51—67.

показанія, что и въ прежнія времена щегольство и наряды модные, также были, какъ и нынѣ; и слѣдующія статьи: Изъ мнѣній графа Оксенштирна. О смѣхѣ. Басни: Двѣ лисицы. Волкъ и Барашекъ.

Тузовъ, объявляя о прекращеніи „Поденьщины“ вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ, требующихъ его отъѣзда на родину, сомнѣвается въ томъ, что его сочиненіе понравилось читателямъ, судя по полученнымъ имъ отъ незнакомаго лица письмамъ, подписаннымъ именемъ „Егупа Ивановича Бріохова, который, несмотря на заявленіе благодарности своей за ежедневное изданіе, и сравненіе листковъ его съ „*сльбомъ*“ и „*амброзіею*“, осуждаетъ однако помѣщенную въ нихъ „*деривацію о волшебствѣ и ворожеяхъ*“, называя все о томъ написанное „*мякиною*“ и „*невѣйкою*“[1]). На листкѣ, котораго оборотная сторона оставлена бѣлою, и подъ надписью: „*Первое априля*“, помѣщена табличка реченій на восточномъ языкѣ съ объясненіемъ, что эта бумажка „съ каракульками“ заложена издателю „Поденьщины“ въ семи рубляхъ съ полтиною, бѣднымъ, крещенымъ жидомъ, увѣрившимъ его, что это вексель, данный ему какимъ-то богатымъ татариномъ. Издатель, убѣдившись, что оставленная ему бумажка вовсе не вексель, а только восточныя слова, показавшіяся ему сходными съ русскими, и потому вознамѣрился онъ сравнить съ ними реченія слѣдующихъ языковъ: *арабскаго, персидскаго, турецкаго* и *татарскаго*: но это сравненіе основано повидимому болѣе на догадкахъ импровизованнаго оріенталиста, чѣмъ на положительномъ знаніи исчисленныхъ имъ языковъ, что легко усматривается изъ приведенныхъ имъ примѣровъ, какъ результатовъ его изысканій. Разсматривая арабскія реченія, сравнивающій ихъ съ русскими, приходитъ къ такимъ выводамъ: „*Беитъ* — домъ; но пишется такъ, что можно сказать и „*Битъ*“; въ словенскомъ языкѣ есть слово „*витати*, но не мудрено къ тому прибавить *о* и сдѣлается: *обитати*, *жить, одомовиться*. По-латыни сходно съ нимъ также *habitatio*, и тоже значитъ *domicilium* — жилище, хозяйство, а отъ сего кажется *domus*, и домъ по-русски; но еще замѣчательнѣе догадка, что въ словѣ „*Исмъ* — имя, легко могло временемъ вырониться *С*, и сдѣлаться *имъ*, а потомъ *имя*.

---

[1]) „Поденьщина“. Мартъ 30—31, стр. 3.

Или отъ „*ганжи*" производится „*ганжа*" — общанщикъ и т. т.[1]). Этимъ и оканчиваются не долго существовавшие ежедневные листки „Поденщины"; издатель ея извѣщаетъ, что скорый его отъѣздъ не позволяетъ ему отвѣтить г. Незнаеву, хулящему его сочиненіе въ еженедѣльникѣ „И то и сьо"[2]); и на прощанье между прочимъ говоритъ: „Только я не ссорою хочу разстаться: а какъ г. Незнаеву, такъ и всѣмъ хулителямъ „Поденьшины", великодушно прощаю; и они пусть пожелаютъ мнѣ счастливаго пути. *Губерти.*

„И ТО И СЁ" И „ПОДЕНЬШИНА" ВЪ ИХЪ ПОЛЕМИКѢ.

Въ журналѣ „И то и сё" встрѣчаемъ еще полемику, направленную противъ „Поденьшины", которая въ первомъ своемъ выпускѣ имѣла неосторожность затронуть это изданіе. Разъ, говоритъ издатель „Поденщины", я встрѣтился съ мальчикомъ, который, кривляясь и махая руками, поднесъ ко мнѣ печатные листы: „дядюшка! не хочешь ли купить листочки?" Я посмотрѣлъ и увидѣлъ въ началѣ крупными буквами написано: „И то и сё". — „Почемъ они продаются?" — „По алтыну". — „Мнѣ надо на полушку, отрѣжь мнѣ". — „Это не гороховый кисель, этого на полушку не рѣжутъ". „Послѣ за однѣ латинскія строчки давалъ я ему денежку — не взялъ. Случилось мнѣ спросить нѣкогда у ученаго человѣка, для чего бы ставились въ русскихъ книгахъ латинскія рѣчи въ заглавіяхъ[3])... Причина тому та, отвѣчалъ онъ мнѣ, что если иного сочинителя вся книга ничего не будетъ значить, то, по крайней мѣрѣ, хотя бы тѣ стишки, которые обыкновенно берутся изъ хорошихъ авторовъ, со смысломъ остаться могли"[4]). Надо однако замѣтить, что полемическія статьи журнала „И то и сё" лишены остроумія и касаются только наружнаго вида „Поденьшины", которая сначала выходила на листкахъ нѣсколько большаго формата, чѣмъ послѣ. Приви-

---

[1]) Тамъ же, апрѣля 2—4, стр. 119—130.

[2]) „И то и сё". Нед. 11, стр. 3—4.

[3]) „И то и сё" имѣло эпиграфъ: „Concordia res parvae crescunt, discordia magnae dilabuntur". (Отъ согласія малыя вещи возрастаютъ, а отъ несогласія и великія разрушаются.

[4]) Стр. 17—18.

демъ выписку, какъ образчикъ тогдашней критики. „Нѣкто изъ моихъ пріятелей (говоритъ „И то и сё“) принесъ мнѣ нѣсколько бумажекъ, на которыхъ напечатана „Поденьшина“... Сочинялъ ее *маляръ*[1]), такъ я разсудилъ за благо переплести ее въ разноцвѣтную мраморную кожу. Пріятель мой и переплетчикъ принуждены были цѣлые сутки не ѣсть, не спать; я приказалъ запереть ворота и не пускать никого, чтобы не помѣшали намъ приладить страницу къ страницѣ, потому что первые нумера „Поденьшины“ были напечатаны на осьмушкахъ, а остальные на „лоскуточкахъ“; сіи-то лоскуточки помѣшали нашъ разумъ... Переплетчикъ прикладывалъ тѣ лоскуточки къ первымъ осьмушкамъ и къ верху, и къ низу, и въ головы, и въ ноги, и сзади, и спереди, и по бокамъ, и наконецъ, къ каждому углу; однако никуда не приставили. Отчего помѣшался мозгъ во всей его столицѣ, ошибъ его обморокъ, и былъ я принужденъ пустить ему два раза кровь“. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ однажды критикъ ошибкою принялъ „Поденьшину“ за поминальникъ. „Кстати ль это, прибавляетъ онъ, вмѣсто поминанья посылать въ церковь такую *пустошь* и *вираки?*“ Признаваясь въ желаніи *нѣсколько разсердить* издателя „Поденьшины“, „И то и сё“ не задумалось прибавить, что только „критика со вкусомъ“ приноситъ пользу.

„Поденщина“ не оставалась безотвѣтною противъ *хуленій* Чулкова: „Не прискорбно бъ мнѣ было (говоритъ она), если бъ хуленія эти были написаны въ другомъ изданіи; но господинъ „И то и сё“ — нѣтъ господиномъ нельзя назвать; госпожа — и госпожою нельзя, хотя нѣсколько и ближе. „И то и сё“ рода средняго, а къ вещамъ средняго рода господства въ русскомъ языкѣ не придаютъ; ибо не можно сказать: ни *господинъ дерево*, ни *госпожа безуміе*, а можно сказать: *господинъ дуракъ*, и то не всегда. Итакъ скажу я просто: „И то и сё“, какъ нѣчто *сумасшедшее*, не стоило бы и отвѣта, да не отвѣчать нельзя: назовутъ трусомъ“. Отвѣтъ свой „Поденьшина“ скрѣпляетъ словами, что ея противнику *законъ не писанъ*“[2]). Чулковъ съ своей стороны просилъ „Поденьшину“

---

[1]) Издатель „Поденьшины“ выдаетъ себя на первыхъ листахъ своего журнала за живописца.

[2]) Стр. 71—73.

уняться и не отягощать читателей несносною вздорливостію, а дать ему время продолжать начатое предпріятіе.

Аѳанасьевъ.

„ПОЛЕЗНОЕ СЪ ПРІЯТНЫМЪ“.

Въ 1769 году при Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ издавалось „Полезное съ пріятнымъ“, полумѣсячное упражненіе“. Въ объявленіи объ этомъ журналѣ было сказано: „Видя, съ какою жадностію пріемлетъ общество издаваемыя еженедѣльныя сочиненія, для увеселенія онаго, не можно не возчувствовать истинной радости. Съ какимъ бы намѣреніемъ кто ни желалъ имѣть оныя, однако то неоспоримо, что тамъ найдетъ и такое, которое напослѣдокъ и порочное сердце устыдить и къ нѣкоторому исправленію побудить можетъ: а сіе самое и есть предметомъ трудящихся въ таковыхъ изданіяхъ. Что касается до предлагаемаго при семъ полумѣсячнаго упражненія („Полезнаго съ пріятнымъ“), то главныя матеріи въ оное взяты изъ книги, называемой: Юношеская Библіотека, сочиненной однимъ славнымъ англійскимъ писателемъ... въ дополненіе (же) найдетъ благосклонный читатель разныя сочиненія или переводы, согласные съ описуемою матеріею“. Въ самомъ текстѣ журнала находятся частыя ссылки на англійскаго „Спектатора“[1]), одна статья заимствована изъ французскаго „Зрителя“; двѣ переведены изъ книги „Le philosophe ignorant“ (MDCCLXVI, стр. 105), а нѣкоторыя взяты изъ книги, называемой „Улей“[2]).

Въ третьемъ выпускѣ своего журнала редакція „Полезнаго съ пріятнымъ“ дѣлаетъ такое признаніе:

„Полезное съ пріятнымъ“, вышедъ въ свѣтъ, опытомъ познало, что оно не всѣмъ нравится, и многіе не нашли въ немъ по моему мнѣнію ни полезнаго, ни пріятнаго. Обыкновенно причиняетъ намъ болѣе удовольствія, что съ мыслями нашими согласно: можетъ ли наше полумѣсячное упражненіе показаться полезнымъ и пріятнымъ для такихъ людей, которые и сами ни полезны, ни пріятны? Иные изъ нихъ, не разумѣя въ немъ написаннаго, хулятъ, что *онъ* напечатанъ криво, а

---

1) № *4*, стр. 18, 30; № *5*, стр. 14; № *IX*, стр. 19.

2) № 7, стр. 8, 13; № 8, стр. 9; № 9, стр. 13; № 12, стр. 1, 4.

глаголь косо, и потому почитають оное безполезнымъ. Люди же здраваго разсужденія и всему знающіе цѣну не только такъ не толкуютъ, но, ободряя насъ во упражненіи нашемъ, благоволеніемъ своимъ оное удостоиваютъ: а можетъ быть только то имъ не угодно, что оно, будучи довольно пространно, занимаетъ у нихъ не мало времени. Почему, раздѣляя полумѣсячное упражненіе еще пополамъ, станемъ выдавать каждую недѣлю по одному листу. Со всѣмъ тѣмъ „Полезное съ пріятнымъ" отъ слова *полумѣсяцъ* не отречется... Общество проститъ, конечно, что сіе наше еженедѣльное изданіе будетъ называться полумѣсячнымъ: вѣдь много и людей такихъ, которые совсѣмъ другую должность отправляютъ, нежели какой чинъ на себѣ носятъ"[1])". *Аванасьевъ.*

Издатели хлопотали о пользѣ; они старались наполнить журналъ свой статьями серьезнаго содержанія, все переводными. Это единственный журналъ 1769 года, въ которомъ замѣтно теоретическое направленіе, полезное для современнаго общества. И надобно отдать справедливость издателямъ: статьи, напечатанныя ими, всѣ имѣютъ достоинство, отличаются особенною ясностію и благородствомъ языка. Прекрасное направленіе дѣлаетъ ихъ еще болѣе замѣчательными. Мы укажемъ на болѣе обширныя и важнѣйшія: 1) О воспитаніи (кн. 1, стр. 5—27); 2) О наукахъ (кн. 2, стр. 1—22); 3) О обхожденіи и избраніи друзей (кн. 3, стр. 5—13, 17—26; кн. 4, стр. 1—11; кн. 5, стр. 17—29; кн. 6, стр. 1—12); 4) О скупости (кн. 7, стр. 17—27); 5) О зависти (кн. 8, стр. 1—9); 6) О праздности (кн. 9, стр. 1—13); 7) О гордости (кн. 10, стр. 1—4); 8) О роскоши (кн. 11, стр. 1—9).

Но, несмотря на это общее дидактическое направленіе журнала, въ немъ попадаются также и статьи сатирическія, написанныя съ нравственною цѣлью. Самою замѣчательною статьею въ этомъ родѣ является „Письмо Ѳомы Стародурова", стараго сутяги и ябедника изъ деревни въ Петербургъ, къ сыну своего друга и сослуживца, съ просьбою пріискать для дѣтей „какого добренькаго человѣка, который бы взялся двухъ моихъ

---

[1]) Стр. 3—4.

внучатъ учить по-французскому, по-нѣмецкому, еографіи, исторіямъ, иноземной пляскѣ, арихметикѣ, и другимъ нынѣшнимъ наукамъ". Это письмо, написанное языкомъ „Трутня" и Фонвизина, очень замѣчательно, и все содержаніе показываетъ, какъ многіе смотрѣли тогда на ученіе дѣтей и какъ неохотно приступали къ нему. Оно проникнуто тоскою по старинѣ, когда ничему не учили, и самъ авторъ письма говоритъ про себя, что онъ „не прежде", какъ лѣтъ въ двадцать пять началъ бы учиться Россійской азбукѣ, есть ли бы не было у насъ Государя Императора Петра Перваго, который дворянъ велѣлъ выгонять въ службу" (кн. 2, стр. 23—27).

Стихотворенія журнала состоятъ преимущественно изъ басенъ. Особенно замѣчательна, по легкости стиха, пьеса подъ названіемъ „Духовные стихи" (кн. 6, стр. 12).

Буличъ.

ИНОСТРАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ПЕРЕВОДНЫЯ СТАТЬИ „СМѢСИ".

Издатель „Смѣси" имѣлъ въ своемъ распоряженіи большое число иностранныхъ, именно французскихъ, пособій. Онъ пользовался не только французскими журналами, но и отдѣльными книжками и брошюрами на французскомъ языкѣ, наводнявшими собою въ XVIII вѣкѣ Францію и Голландію. Среди его источниковъ можно указать, съ одной стороны, такихъ авторовъ, имя которыхъ гремѣло тогда на всю Европу; а съ другой — большую часть матеріала ему доставляли сочиненія авторовъ посредственныхъ, которые считались во Франціи и Голландіи не десятками, а сотнями. Имена этихъ авторовъ, какъ и ихъ сочиненія, теперь совершенно забыты: они не упоминаются историками французской литературы, и лишь каталогисты занесли ихъ въ свои каталоги. Даже и въ то время, когда появлялись произведенія этихъ авторовъ, они имѣли лишь интересъ минуты. Не даромъ маркизъ Карачіоли (авторъ — довольно извѣстный и у насъ въ прошломъ вѣкѣ) сравниваетъ ихъ съ пирожками: они продаются такими же горячими и дюжинами и такъ же скоро исчезаютъ. Несмотря на то, въ Россіи эти книжки не только читались, но и переводились, притомъ нерѣдко спустя довольно долгое время послѣ своего появленія. Прежде чѣмъ перейти къ указанію

заимствованныхъ статей „Смѣси“, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать общій обзоръ ея иностранныхъ источниковъ.

Первое мѣсто среди этихъ источниковъ занимаютъ французскіе нравоучительно-сатирическіе журналы первой половины XVIII вѣка. Эта журналистика возникла, несомнѣнно, изъ подражанія журналу Стиля и Аддисона — „Спектатору“. Извѣстность послѣдняго, перейдя изъ Англіи на материкъ, породила множество подражателей. На французскомъ языкѣ первый сатирическій журналъ появился не во Франціи, а въ Голландіи. Это былъ „Misanthrope“, издававшійся голландцемъ ванъ-Эффеномъ. За „Мизантропомъ“ послѣдовали другія изданія въ томъ же родѣ, каковы „Censeur“, „Inquisiteur“, „Bagatelle“ и проч. Въ самой Франціи число такихъ журналовъ было крайне ограничено, и появились они уже значительно позже.

Относительно успѣха, который имѣли французскіе сатирическіе листки, и ихъ роли, какъ исправителей нравовъ, мы можемъ почерпнуть любопытныя свидѣтельства изъ самихъ же журналовъ. Такъ, ванъ-Эффенъ, говоря объ успѣхѣ своего „Мизантропа“, замѣчаетъ: „Онъ сначала не понравился; не желали находить его хорошимъ, потому что были увѣрены, что онъ не продержится; и онъ пошелъ въ ходъ только потому, что былъ одобренъ тремя или четырьмя остроумцами (beaux esprits), которые, быть можетъ, были подкуплены авторомъ, чтобы дать окрѣпнуть журналу. Тысяча школьниковъ, которые понимали его не болѣе, чѣмъ Алкоранъ, говорили съ таинственнымъ прищуриваніемъ глазъ и съ серьезною рожею, что это не дурно. Но вотъ и вся благодарность, которую авторъ и издатель получили за свои труды. Не многіе покупали журналъ, потому что зѣвали, находя его хорошимъ. Удивительно ли? Послѣ нѣсколькихъ забавныхъ пьесъ, которыя пришлись по вкусу, увидѣли появленіе трехъ-четырехъ серьезныхъ статей, въ которыхъ разсуждали послѣдовательно и точнымъ образомъ доказывали читателямъ, что они дураки. Вотъ, поистинѣ, хорошій комплиментъ, и стоитъ того, чтобы платить за его фасонъ! Господинъ Мизантропъ, думая, что онъ можетъ безнаказанно брать на себя роль комедіантовъ или комическихъ авторовъ, которые живутъ на счетъ своихъ сатиръ и подшучиваютъ надъ партеромъ за 15 сольдовъ съ носа“. Въ другомъ мѣстѣ ванъ-Эффенъ еще ярче

указываетъ на малый успѣхъ сатирическихъ изданій. „Если бы — говоритъ онъ — бѣдный писатель захотѣлъ жить на счетъ своего ума и таланта, то онъ подвергся бы большому риску умереть съ голоду“.

Изъ первой выдержки уже можно составить себѣ понятіе, какъ смотрѣли читатели на сатирическія изданія. Съ увѣренностью можно сказать, что они не придавали имъ серьезнаго значенія, зѣвая надъ разсужденіями и смотря на сатиру, какъ на насмѣшки театральныхъ комедіантовъ. Еще ярче подобный взглядъ выступаетъ въ словахъ другого, болѣе поздняго сатирическаго писателя, издателя журнала „Nouveau Spectateur“ — Бастида. „Не пришло еще время, говоритъ онъ, заниматься „Зрителемъ“, какъ вещью, которая заслуживаетъ вниманія: его читаютъ теперь какъ произведеніе, созданное *воображеніемъ*; но я разсчитываю на такихъ людей, которые бываютъ всюду, которые знаютъ все, которые схватываютъ такъ хорошо характеръ и столь легко раскрываютъ интриги. Они будутъ меня читать когда-нибудь; они найдутъ въ моихъ листкахъ то, что они видѣли, что они узнали, что они испытали; они скажутъ объ этомъ другимъ, которыхъ съ этихъ поръ охватитъ такое же любопытство, и которые сдѣлаютъ подобныя же открытія“. Въ этихъ словахъ — прямое признаніе, что читатели не находили въ журналѣ никакой связи съ дѣйствительностью, видя въ немъ лишь созданіе воображенія писателя.

Изъ журналовъ, послужившихъ источниками для „Смѣси“, три принадлежали ванъ-Эффену и одинъ — Бастиду. Голландецъ по происхожденію, почти всю свою жизнь проведшій въ Гагѣ, ванъ-Эффенъ (1684—1735) гораздо болѣе принадлежитъ французской, нежели голландской литературѣ. Большинство его произведеній, каковы сатирическіе журналы „Misantrope“ (1711—1712), „La Bagatelle“ (1718—1719), „Nouveau Spectateur Français“ (1725), давшіе богатый матеріалъ для „Смѣси“, и сатирическая комедія „Les Petits Maitres“, написано на французскомъ языкѣ. На этотъ же языкъ онъ перевелъ и извѣстный англійскій журналъ „The Guardian“, давъ ему названіе „Новаго Ментора“ (Mentor Moderne). Сверхъ того, онъ принималъ дѣятельное участіе въ критико-библіографическихъ журналахъ, издававшихся въ Гагѣ: „Journal litteraire“ и „Nouvelles litteraires“ (1715—1719). На гол-

ландскомъ языкѣ ванъ-Эффенъ издавалъ лишь одинъ журналъ: „Di Hollandsche Spectator“ (1731—1735). Сочиненія ванъ-Эффена были изданы впослѣдствіи однимъ изъ его друзей, съ приложеніемъ его краткой біографіи. Въ это изданіе вошли лишь его французскіе сатирическіе журналы.

Другой издатель сатирическихъ журналовъ, на которомъ остановилъ свой выборъ „сочинитель“ „Смѣси“, — Бастидъ (Jean François de Bastide, 1724—1798). Сочиненія Бастида, теперь забытыя, въ свое время доставляли автору большую извѣстность. Онъ писалъ романы, повѣсти, комедіи; издавалъ правоучительные сборники и журналы, каковы „Nouveau Spectateur“ (1758), „Elixir litteraire“ (1766), „Penseur“ (1766). Ему же принадлежитъ сборникъ выборокъ изъ старыхъ Меркуріевъ („Choix des anciens Mercures“). Издатель „Смѣси“ дѣлалъ заимствованія лишь изъ одного журнала Бастида, именно изъ „Norveau Spectateur“.

Сверхъ заимствованій изъ указанныхъ журналовъ ванъ-Эффена и Бастида, мы находимъ въ „Смѣси“ нѣсколько переводовъ изъ „Spectateur Francais“ Мариво. Но такъ какъ изъ этого журнала переведены лишь тѣ статьи, которыя ванъ-Эффенъ внесъ въ свой „Nouveau Spectateur Français“, то мы вправѣ предположить, что издатель „Смѣси“ не имѣлъ въ рукахъ изданія Мариво, а пользовался лишь журналомъ ванъ-Эффена.

Второе мѣсто среди источниковъ „Смѣси“ занимаютъ, послѣ сатирическихъ журналовъ, отдѣльныя книги брошюры — частью сатирическаго, частью правоучительнаго характера. Сатирическія брошюры ничѣмъ не отличаются по своему содержанію отъ журналовъ родственнаго имъ направленія, и потому мы не считаемъ нужнымъ входить въ ихъ разсмотрѣніе. Что касается брошюръ правоучительнаго направленія, то всѣ онѣ принадлежатъ къ тому роду сочиненій, начало которому было положено знаменитыми „Essais“ Монтаня, и который получилъ во Франціи широкое распространеніе. На ряду съ Монтанемъ, Ла-Рошфуко, Ла-Брюйеромъ и другими, имена которыхъ занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи французской литературы, во Франціи, является въ XVII, а особенно въ XVIII вѣкѣ множество писателей второстепенныхъ, часто анонимныхъ, старавшихся подражать своимъ славнымъ предшественникамъ. Эти моралисты не оставляли безъ вниманія

ни одной стороны человѣческой жизни и дѣятельности; они учили, какъ долженъ держать себя человѣкъ во всѣхъ возрастахъ своей жизни и на всѣхъ поприщахъ дѣятельности; они разсматривали всевозможныя человѣческія отношенія и чувства, и разбирали пороки и предразсудки, обычаи и моды. При этомъ нѣкоторые отводили для своихъ разсужденій болѣе широкія рамки, захватывая всего человѣка, другіе имѣли въ виду лишь однихъ мущинъ (каковъ, напр., „L'ami des hommes") или однихъ женщинъ („L'ami des femmes"); наконецъ, третьи издавали книги, наполненныя разсужденіями о предметахъ, часто не имѣющихъ между собою никакой внутренней связи. При этомъ надо замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ не говорилось ничего новаго и оригинальнаго: каждая новая книга повторяла лишь предыдущія. На эту убогость литературы указываетъ и маркизъ Карачіоли въ одномъ изъ своихъ сочиненій. „Жалуются — говоритъ онъ — постоянно на то, что нѣтъ ничего новаго въ сочиненіяхъ, что наши писатели повторяютъ или переводятъ безпрерывно другъ друга, на то, что книги кажутся рождающимися однѣ изъ другихъ". Въ этомъ отзывѣ современника — лучшая характеристика французскихъ моралистовъ прошлаго вѣка.

Изъ брошюръ сатирическаго характера источниками для „Смѣси" послужили двѣ небольшія книжки маркиза Карачіоли, извѣстнаго, кромѣ сатирическихъ сочиненій, также своими философско-богословскими этюдами, изъ которыхъ многіе были переведены въ прошломъ вѣкѣ и на русскій языкъ. Первая изъ этихъ книгъ, напечатанная шрифтомъ зеленаго цвѣта, носитъ слѣдующее заглавіе: „Le livre à la mode. A verte feuille, de l'imprimerie du Printemps, ou Perroquet. L'année nouvelle". Предметъ ея — осмѣяніе петиметровъ и кокетокъ.

Еще болѣе оригинальности съ внѣшней стороны представляетъ другая книга маркиза Карачіоли: „Le livre à quatre couleurs. Aux quatre éléments, de l'imprimerie des Quatres Saisons. 4444" (вышла въ 1760 г.). Книга напечатана четырмя красками: желтой, голубой, коричневой и розовой. Она раздѣлена на четыре главы, изъ которыхъ каждая носитъ особое заглавіе и заключаетъ особый, законченный трактатъ объ извѣстномъ предметѣ. Первая глава трактуетъ

о различныхъ способахъ пользованія опахаломъ („des differentes manières de se servir de l'éventail“); вторая занимается вопросомъ о туалетахъ („des toilettes“); въ третьей главѣ идетъ рѣчь объ этикетѣ („des etiquettes“); наконецъ послѣдняя занята завѣщаніемъ мессира Александра Геркулеса Эпаминонда, шевалье де Мисколори, великаго петиметра ордена Легкомыслія („Testament de messire Alexandre Hercure Epaminondas, chevalier de Muscoloris, Grand petit-maître de l'ordre de la Frivolité“).

Огромная нравоучительная литература дала не много матеріала для „Смѣси“. То, что внесено оттуда въ ея листки, исчерпывается лишь одной статьею, заимствованной изъ небольшой книжечки, подъ заглавіемъ: „L'homme vrai. A Amsterdam et se trouve à Paris chez Dufour, libraire. M.D.CC.LXI“. По однимъ каталогистамъ (Barbier), авторъ этой книги Graillard de Graville, по другимъ (Керарг) — Бастидъ. „L'homme vrai“ состоитъ изъ анекдотовъ и разсказовъ, цѣль которыхъ выяснить нравственную сущность человѣка, и изъ разсужденій, направленныхъ къ тому же.

Сверхъ указанныхъ источниковъ „Смѣси“, мы должны упомянуть еще о небольшихъ статейкахъ Вольтера и Формея. О Вольтерѣ и его значеніи въ исторіи русской литературы и жизни было уже много писано; прибавить къ этому что-либо въ нашемъ небольшомъ очеркѣ мы не считаемъ нужнымъ. Другое дѣло Формей. Писатель, нѣкогда пользовавшійся огромною извѣстностью во всей Европѣ, онъ теперь совершенно забытъ не только у насъ, но и во Франціи. Современные историки французской литературы отнимаютъ отъ Формея всякое значеніе оригинальнаго писателя; они отводятъ ему далеко не почетное мѣсто среди великихъ именъ литературной исторіи Франціи XVIII вѣка. За нимъ остается лишь значеніе толкователя и популяризатора идей современныхъ ему великихъ ученыхъ и писателей. Не такъ смотрѣли на Формея современники. Въ продолженіе всей его долгой жизни (Формей умеръ 85 лѣтъ отъ роду) имя его гремѣло по всей Европѣ; иностранные писатели и соотечественники наперерывъ спѣшили выразить Формею свое глубокое удивленіе его уму и талантамъ. Объ извѣстности Формея можетъ дать понятіе его переписка, самая обширная въ Германіи послѣ Лейбница: бумаги, которыя онъ оставилъ послѣ себя, содержали до двад-

цати тысячъ писемъ, адресованныхъ къ нему. Его сочиненія, составлявшія цѣлую библіотеку (до 600 томовъ), большею частію имѣли по нѣскольку изданій и были переведены на многіе изъ иностранныхъ языковъ.

Громкая извѣстность Формея въ Европѣ не прошла незамѣченной въ Россіи. Въ 1748 году Формей былъ избранъ членомъ Петербургской Академіи Наукъ. Съ этого времени, вѣроятно, и завязываются его сношенія съ Петербургомъ. Въ 1755 году онъ, по просьбѣ Ломоносова, перевелъ на французскій языкъ и напечаталъ въ своемъ журналѣ „Nouvelle Bibliothèque Germanique“ разсужденіе „о должности журналистовъ“ — отвѣтъ Ломоносова на критику нѣмецкихъ ученыхъ. Мы не можемъ сказать, пользовались ли его сочиненія извѣстностью среди образованнаго общества временъ Елизаветы и Екатерины. Въ журналахъ того времени мы находимъ всего два перевода изъ Формея: одинъ въ „Собраніи лучшихъ сочиненій“ 1762 г., другой въ „Академическихъ Извѣстіяхъ“ 1776 г. Изъ отдѣльныхъ сочиненій Формея переведены на русскій языкъ лишь очень немногія: 1) Сокращенное предложеніе королевскаго плана къ исправленію правосудія. С.-Пб. 1787; 2) Анти-Эмиль, или опроверженіе Руссова образа воспитанія и мыслей. С.-Пб. 1797 и 3) Опытъ о совершенствѣ. Это незначительное количество переводовъ изъ Формея даетъ намъ право заключить, что писатель этотъ не пользовался популярностью среди образованнаго класса русскаго общества прошлаго вѣка. По всей вѣроятности, его считали сухимъ и скучнымъ, не находя въ немъ ни блестящаго остроумія и ѣдкой насмѣшки Вольтера, ни смѣлыхъ, оригинальныхъ мыслей Руссо, взгляды котораго онъ старался опровергнуть.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію передовыхъ статей „Смѣси“.

Листъ I (стр. 3) „Происхожденіе, польза и употребленіе опахала“. Матеріаломъ для этой статьи послужила первая глава указанной выше книги маркиза Караччіоли „Le livre de quatre couleurs“, носящая заглавіе: *Des differentes manières de se servir de l'éventail.* По сравненію съ подлинникомъ, переводъ значительно сокращенъ. Какъ на наиболѣе значительный пропускъ, укажемъ на ту часть подлинника, гдѣ говорится о вязальныхъ крючкахъ, о роли, которую играютъ они въ рукахъ прекраснаго пола, о рабочихъ мѣшкахъ и способѣ ихъ ношенія (стр. 15—25). Выпущены также по-

дробности объ аббатѣ Флатори, который привезъ вѣеръ въ Европу. Единственное добавленіе, допущенное переводчикомъ отъ себя, составляетъ фраза: „А наконецъ и россійскія женщины оное приняли, когда оставили старинныя свои тѣлогрѣи“.

Листъ II. стр. 9-я. „Утѣшеніе въ печали“. Статья эта представляетъ передѣлку небольшой пьесы Вольтера „Les deux consolés“, изданной въ первый разъ въ 1756 г. Изъ сравненія русской передѣлки съ подлинникомъ оказывается, что авторъ ея частью выпустилъ примѣры, приведенные у Вольтера, частью прибавилъ отъ себя. Ироническій тонъ Вольтера, его тонкія, едва уловимыя насмѣшки надъ высокопоставленными лицами совершенно пропали въ русскомъ переводѣ. Надо думать, что переводчикъ намѣренно выпустилъ какъ фразы, придающія разсказу Вольтера ироническій оттѣнокъ, такъ и тѣ примѣры несчастной судьбы нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ женщинъ, которые онъ нашелъ почему-либо неудобными для перевода. Такъ, вмѣсто разсказа объ Аннѣ де Буленъ, у Вольтера Цитофилъ напоминаетъ о несчастной судьбѣ Анны Неаполитанской, которая была схвачена и удавлена. Далѣе у Вольтера упоминается о приключеніяхъ государыни, которая въ его время была низвергнута съ престола ночью, послѣ ужина, и умерла на пустынномъ островѣ. Несомнѣнно, что Вольтеръ имѣлъ здѣсь въ виду правительницу Анну Леопольдовну, и это было вполнѣ основательной причиной, чтобы переводчикъ выпустилъ этотъ разсказъ. Съ другой стороны, авторъ пополнилъ статью множествомъ новыхъ примѣровъ, преимущественно изъ древней исторіи. Эти добавленія обличаютъ въ немъ человѣка начитаннаго, хорошо знакомаго съ исторіею, если не политическою, то анекдотическою. (Анна де Буленъ, Зиновія, Пальмирская царица, Клеопатра Египетская, Статира, дочь Дарія, Ифигенія, Андромаха, Кассандра, Поликсена).

Листъ 3, стр. 17. „Индѣйская повѣсть“. Это — переводъ пьесы Вольтера „Aventure indienne“, напечатанной впервые въ 1766 г. Отъ начала до словъ: „и то ихъ веселитъ“ (стр. 19) переведено почти дословно, лишь съ незначительнымъ измѣненіемъ нѣкоторыхъ фразъ. Но весь конецъ статьи присочиненъ самимъ переводчикомъ взамѣнъ окончанія, заключающаго оригинальную пьесу. Здѣсь Воль-

теръ смѣется надъ католическимъ духовенствомъ, глумится надъ разсказами св. Писанія, издѣвается надъ религіозными догматами (правда, съ цѣлью осмѣянія религіозной нетерпимости). Все это, разумѣется, не могло найти себѣ мѣста въ русскомъ журналѣ прошлаго вѣка, и переводчику пришлось сочинить другое окончаніе разсказа. Вслѣдствіе этого потерялся и весь смыслъ пьесы Вольтера: въ русскомъ переводѣ онъ весь заключается въ словахъ, „что начиная отъ травы, даже до человѣка всѣ творенія подвержены многимъ бѣдствіямъ“. Въ заключеніе замѣтимъ, что обѣ указанныя пьесы Вольтера были впослѣдствіи полностію переведены Рахманиновымъ и вошли въ составъ „Аллегорическихъ, философскихъ и критическихъ сочиненій г. Вольтера“, изданныхъ въ С.-Петербургѣ въ 1784 году.

Листъ 3, стр. 20. „Разговоръ Леандра съ Мизантропомъ“. Взято изъ журнала ванъ-Эффена „Мизантропъ“ (Oeuvres diverses de van Effen, t. I, p. 50—56). Французское заглавіе этого разговора такое: „Scene italienne, faite à l'occasion de la comedie intitulée *Arlequin Misantrope*. Leandre jeune homme. Arlequin Misantrope“. Леандръ спрашиваетъ совѣта у мизантропа, какимъ образомъ сдѣлать себѣ счастіе въ Парижѣ. Нѣкоторое различіе въ обычаяхъ и образѣ жизни французовъ сравнительно съ русскими заставило переводчика сдѣлать кое-какія отступленія отъ подлинника. Большинство изъ нихъ, впрочемъ, крайне незначительны. Укажемъ здѣсь наиболѣе существенныя: 1) Послѣ словъ Мизантропа: „Васъ взялъ бы къ себѣ знатный господинъ, у коего бы прослужа года четыре, сдѣлались камердинеромъ...“ во французскомъ оригиналѣ Леандръ прерываетъ своего собесѣдника восклицаніемъ: „Какъ? мнѣ сдѣлаться лакеемъ! Вы меня жестоко оскорбляете. Я дворянинъ (gentilhomme), и если...“, на что Мизантропъ отвѣчаетъ ему: „Развѣ вы будете первымъ изъ дворянъ, которые носили ливрею. Въ вѣкѣ, въ которомъ мы живемъ, много и невидно“.

2) На стр. 22, въ русскомъ переводѣ, Мизантропъ совѣтуетъ Леандру итти въ приказные. Этого нѣтъ во французскомъ подлинникѣ. 3) Переводчику же принадлежитъ отвѣтъ Леандра: „Конечно, когда бы я имѣлъ малый достатокъ, то вѣрно бы не искалъ чиновъ, но служилъ бы моему отечеству всѣмъ, чѣмъ могу“. (стр. 22). 4) Отвѣтъ Леандра (стр. 23):

„Я вѣрю, что имъ можно*) прославиться, но потребна къ сему способность“ сочинены переводчикомъ взамѣнъ слѣдующихъ словъ подлинника: Eh fi, monsieur, ce metier deshonore un honnête homme; et pour un comédien qui ébauche faiblement le génie d'un Dominique on en voit mille qui s'écartent de sa sagesse et de sa probité“. Нельзя не замѣтить, что въ словахъ французскаго дворянина слышно презрительное отношеніе къ актерамъ, чего нѣтъ въ отвѣтѣ русскаго дворянина. 5) Наконецъ, въ слѣдующемъ далѣе разсужденіи Мизантропа объ актерахъ присочинена переводчикомъ такая фраза: „Правда, я не лестно скажу, что въ первомъ нашемъ актерѣ мы видимъ достойнаго современника Гаррику и ле-Кену“.

Листъ 5, стр. 33. Весь этотъ листъ представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ того, какъ передѣлывались (или, по выраженію „Трутня“, перекроивались на свой салтыкъ) статьи иностранныхъ журналовъ. Матеріаломъ для этой статьи послужило одно изъ разсужденій „Мизантропа“ ванъ-Эффена (Oeuvres diverses, t. II, p. 113—121). Для того, чтобы читатель могъ сравнить переводъ съ оригиналомъ, дѣлаемъ подробный пересказъ статьи „Мизантропа“.

„Я желалъ бы, говоритъ издатель вначалѣ, чтобы мой „Мизантропъ“ нравился всѣмъ. Это дѣло трудное, однакожъ не совсѣмъ невозможное. Естественно, что вкусы людей, столь различные въ большинствѣ вещей, менѣе всего сходятся въ одной точкѣ; вся трудность состоитъ въ томъ, чтобы отыскать эту точку, и я жестоко обманываю себя, если я ея не открылъ“ (Ср. 2-й абзацъ въ статьѣ „Смѣси“).

„Весь міръ, продолжаетъ онъ далѣе, горитъ нетерпѣніемъ получить свѣдѣнія о результатахъ переговоровъ о мирѣ и радъ будетъ узнать, какъ скоро они окончатся. Если бы я могъ извлечь изъ своей головы нѣсколько умныхъ мыслей насчетъ продолжительности этого безпокоющаго всѣхъ дѣла, я бы, очевидно, имѣлъ удовольствіе угодить всѣмъ. Попробуемъ“. (Ср. начало 3-го абзаца въ „Смѣси). Далѣе онъ приводитъ свои разсужденія объ этомъ предметѣ, которыя мы опускаемъ, такъ какъ для насъ они не имѣютъ значенія. Переводчикъ замѣняетъ разсужденія „Мизантропа“ насчетъ мира, вопросъ о которомъ занималъ тогда все общество своимъ

*) Драматическимъ искусствомъ.

размышленіемъ о современной злобѣ дня — турецкой войнѣ. Въ концѣ своихъ размышленій ванъ-Эффенъ прибавляетъ: „Но я нахожу здѣсь непобѣдимое препятствіе и не чувствую себя достаточно умнымъ, чтобы выпутаться изъ этого дѣла съ честью. (Ср. въ „Смѣси“: „Я вижу свое безсиліе для такого описанія, кое достойно самаго витійственнаго ритора; и страшась, чтобы мое усердіе не вмѣнили мнѣ въ дерзость, стану писать, что не превосходитъ мои силы“). Лучше я разскажу сказочку. Правда, я разсказчикъ очень плохой, но ничего: плохая сказка привлекаетъ болѣе читателей, нежели самое лучшее разсужденіе. Начнемъ“. Идетъ разсказъ объ одномъ генералъ-откупщикѣ, который мы не приводимъ, какъ не имѣющій для насъ значенія. Въ „Смѣси“ на мѣстѣ этого разсказа помѣщено извѣстіе объ одномъ господинѣ, который, имѣя чувствительное сердце, имѣлъ любовницу. Разсказавъ исторію про откупщика, „Мизантропъ“ восклицаетъ: „А я вижу, куда онъ мѣтитъ, скажетъ кто-либо изъ нашихъ ложно-отгадчиковъ: это вотъ такой-то, кого онъ имѣетъ въ виду“. — Хорошо, но этотъ живетъ въ Гагѣ, а авторъ говоритъ о Парижѣ. „Развѣ вы не видите, возразитъ онъ, что это дѣлается для того, чтобы отвести намъ глаза. Это тотъ самый господинъ, я вамъ говорю; я знаю, что онъ былъ третьяго дня у такой-то госпожи на ея дачѣ...“ — Но третьяго дня была самая дурная погода въ свѣтѣ... „Чортъ возьми! Это какъ разъ такая погода, которую выбираютъ эти господа“. Если среди тѣхъ, которые меня знаютъ, но которые поклялись меня никому не открывать[1]), кто-нибудь скажетъ на это, что онъ увѣренъ въ совершенномъ почтеніи, которое я питаю къ этому господину, и что я довольно знаю его какъ превосходнаго служителя церкви и въ то же время совершеннаго galant-homme[2]), этотъ доводъ не окажетъ никакого дѣйствія на нашего прозорливаго читателя. „Развѣ вы не знаете авторовъ, возразитъ онъ. Всѣ достоинства въ мірѣ не перевѣсятъ въ ихъ умѣ удовольствія сказать острое словцо“. Въ концѣ концовъ, онъ одержитъ верхъ, придется ему уступить, и вотъ, благодаря увѣреніямъ этого прозорливаго читателя, всѣ оже-

---

[1]) Авторъ „Мизантропа“ тщательно скрывалъ свое имя.

[2]) Въ исторіи объ откупщикѣ выводится въ не совсѣмъ привлекательномъ свѣтѣ нѣкій аббатъ.

сточаются противъ моей злости". (Ср. въ „Смѣси" то же мѣсто, на стр. 36). Поэтому авторъ отказывается отъ такого рода исторій и обѣщаетъ впредь писать лишь безобидныя волшебныя сказки.

Далѣе идетъ заглавіе: Conte de fée" — въ „Смѣси:" „Волшебная сказка". Переведена она почти дословно. Отмѣчаемъ наиболѣе существенныя измѣненія: 1) разговоръ петиметра съ волшебницей въ переводѣ значительно сокращенъ; 2) у ванъ-Эффена волшебница превращаетъ петиметра не въ молодого купца, какъ въ „Смѣси", а въ жида; 3) вмѣсто Москвы въ „Мизантропѣ" названа Гага; 4) стихи приведены слѣдующіе:

Je suis âne, il est vrai; j'en conviens, je l'avoue,
Mais que dorénevant on me blâme, on me loue,
Qu'on dise quelque chose, ou qu'on ne dise rien,
J'en veux faire à ma tête: il le fit et fit bien.

Листъ 6-й (стр. 41). „Любовное сообщество". Какъ указываетъ въ выноскѣ самъ издатель „Смѣси", матеріалъ для этой статьи взятъ изъ книги, называемой *L'homme vrai* (О ней см. выше). Переводъ сдѣланъ почти слово въ слово. Заключительная фраза: „Одно только узаконеніе сего общества водится и нынѣ у честныхъ рогоносцевъ: они не смѣютъ входить въ комнаты своихъ супругъ, когда имъ не велятъ" прибавлена самимъ переводчикомъ.

Листъ 9-й (стр. 65). „Не помню въ который то день"... Разсказъ этотъ переведенъ изъ „Nouveau Spectateur Français" ванъ-Эффена, куда, въ свою очередь, онъ внесенъ изъ „Nouveau Spectateur" Мариво (Oeuvres de van-Effen, t. V, p. 120—123). — Это отрывокъ изъ „Дневника одного испанца", пріѣхавшаго въ Парижъ. Русскій переводъ сдѣланъ почти дословно, съ небольшими лишь сокращеніями.

Листъ 10-й (стр. 73). „Новый Діогенъ". Подлинникъ этой статьи, подобно предыдущей, находится также въ „Nouveau Spectateur Français" и точно такъ же заимствованъ ванъ-Эффеномъ изъ журнала Мариво (Oeuvres diverses de van-Effen, t. V, p. 42). Большая часть пьесы переведена почти дословно и лишь кое-гдѣ допущены измѣненія, пропуски или вставки. Такъ, въ 3-мъ абзацѣ, гдѣ, повидимому, описывается характеръ англичанъ, переводчикъ поставилъ фразу: „И когда имъ жизнь не понравится, то въ ту же минуту отправляютъ

себя на тотъ свѣтъ" вмѣсто слѣдующихъ словъ оригинала: „Qui aujourd'hui veut des chapeaux sur le modèle d'Arlequin et qui demain trouvera celui du docteur Balouard trop petit pour couvrir ces têtes évaporées?" Быть можетъ, эта фраза показалась переводчику не совсѣмъ ясной для читателя. 2) Между 7-мъ и 8-мъ абзацами въ подлинникѣ вставлена характеристика автора. Вмѣсто 10-го абзаца („Сего-ли криводушника...") во французскомъ подлинникѣ мы находимъ такую характеристику: „Или это воплощенное противорѣчіе, эту противную смѣсь благочестія и сумасбродства, великихъ правилъ и малыхъ чувствъ, изъ котораго фортуна исторгаетъ жалобы по мѣрѣ того, какъ она осыпаетъ его своими милостями, который, не отказывая себѣ ни въ чемъ, что можетъ удовлетворить его прихотливый нравъ, обладаетъ несчастнымъ секретомъ доводить до бѣшенства слугъ, друзей, дѣтей, жену и бѣсить самого себя? Скорѣе бѣжимъ отъ этого чудовища". Далѣе перетасованы абзацы: слѣдующій за вышеприведеннымъ помѣщенъ въ русскомъ переводѣ 14-мъ; обратно, 11-й абзацъ русскій во французскомъ подлинникѣ занимаетъ мѣсто 14-го. Въ 13-мъ абзацѣ („Почту ли я именемъ человѣка сего бѣднаго писателя...") можно видѣть (какъ это и дѣлаетъ г. Пыпинъ) намеки на Лукина. Но онъ оказывается почти дословнымъ переводомъ французскаго оригинала, который мы здѣсь и приводимъ для сравненія: Serait-ce ce poëte subalterne, qui parait croire que les autres ne sauraient rien faire de bon, parcequ'il ne fait rien que de mauvais: qui se vange du mepris du public par celui, qu'il affecte pour ses confrères qui se distinguent, et qui mesure sa haine pour eux à la supériorité de leur mérite? Non. Je connais celui ci: c'est l'auteur du Parnasse vangé". 5-й („Сего ли игрока..."), 6-й („Сего ли дворянина...") и 7-й („Сего ли молодчика...") абзацы прибавлены переводчикомъ. На ихъ мѣстѣ мы находимъ во французскомъ подлинникѣ одну только характеристику, не переведенную на русскій языкъ: „Не будетъ ли это случайно сей знаменитый мужъ, котораго мозгъ представляетъ настоящій перегонный кубъ, который разсыпаетъ остроуміе повсюду, который желаетъ вамъ добраго дня витіеватымъ слогомъ и который желалъ бы вложить мысль даже въ животныя отправленія? Развѣ это человѣкъ? Нѣтъ, это мыльный пузырь, котораго поверхность блеститъ тѣмъ болѣе яркими цвѣтами,

чѣмъ онъ тоньше. Я ищу человѣка". Наконецъ, въ послѣднемъ абзацѣ переводчикъ замѣнилъ (можетъ быть, по ошибкѣ) французское *damoiseau* словомъ „красавица".

Листъ 10-й (стр. 78). „Господинъ издатель, сегодня погода очень хороша"... Это письмо, подписанное буквою В*, представляетъ сокращенный и передѣланный переводъ статьи, помѣщенной въ „Nouveau Spectateur Français" (Oeuvres de van-Effen, t. V, p. 163—166: *Suite du journal espagnol***). Авторъ дневника разсказываетъ о своей продѣлкѣ съ однимъ знатнымъ лицомъ, черезъ которое онъ долженъ былъ получить деньги для своего путешествія. Съ этимъ господиномъ у автора дневника произошло небольшое столкновеніе въ Байонѣ. Знатный господинъ, желая наказать такого заносчиваго человѣка, постарался, чтобы ассигнованную на его путешествіе сумму уменьшили на половину. Нуждаясь въ деньгахъ испанецъ (авторъ дневника) рѣшается прибѣгнуть къ хитрости (это мѣсто дословно переведено въ „Смѣси") и получаетъ не только всю сумму, ассигнованную для него, но еще и прибавку къ ней. Такимъ образомъ суть пьесы въ переводѣ вполнѣ сохранена; измѣнены только дѣйствующія лица и обстановка дѣйствія.

Листъ 13-й (стр. 102). „Господинъ издатель, хочу васъ увѣдомить о удивительной куклѣ". Переведено почти дословно изъ „Nouveau Spectateur" Бастида, томъ I, стр. 194—198. Приписка, помѣщенная подъ этимъ письмомъ, принадлежитъ самому издателю „Смѣси".

Листъ 14-й (стр. 105). „Я былъ недавно въ гостяхъ"... Взято изъ Мизантропа (Oeuvres de van-Effen, t. II, p. 32—38), съ небольшими пропусками и сокращеніями. Въ „Мизантропѣ" начало статьи нѣсколько иное: „Загадки такъ сильно въ ходу, что далеко не мѣшаетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Какъ только входишь въ какое-нибудь общество, сейчасъ васъ спрашиваютъ, отгадали ли вы загадку, помѣщенную въ „Меркуріи" или въ „Квинтэссенціи**"). Затѣмъ загадка читается три или четыре раза, и много лицъ, принявъ глубокомысленный видъ, отгадываютъ очень вѣрно то, что они слышали отъ другихъ, уже разрѣшившихъ загадку". Далѣе

*) Взято изъ „Nouveau Spectateur" Мариво.

**) Французскіе журналы.

онъ разсматриваетъ происхожденіе загадокъ. Это мѣсто переведено въ „Смѣси“ почти дословно. Также дословно переведена и исторія объ эмирѣ Тахмасѣ.

Листъ 15-й (стр. 113). „Всѣмъ извѣстно, что есть великое различіе между другомъ и знакомымъ“... Начало этой статьи до словъ: „Скажи Клитандру...“ (стр. 115) — оригинально. Съ этихъ словъ идетъ уже переводъ статьи „Мизантропа“ о здравомъ смыслѣ (I, стр. 70—78). Приводимые здѣсь портреты и характеристики взяты частью изъ этой статьи „Мизантропа“, частью изъ другихъ, частью сочинены самимъ переводчикомъ. Укажемъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они идутъ въ „Смѣси“: 1) „Скажи Клитандру...“ — „Мизантропъ“, I, стр. 70 („Dites à Damon...“). 2) „Старый Клеантъ...“ — „Мизантропъ“, I, стр. 71 („Le vieux Cléante...“). 3) „Дорантъ, бывъ подьячимъ...“ — „Мизантропъ“, I, стр. 73. Это мѣсто нѣсколько передѣлано. Во французскомъ подлинникѣ Критофилъ это — плутъ съ самой юности. Онъ навлекъ на себя ненависть и презрѣніе всѣхъ, кто его зналъ. Онъ сумѣлъ построить свое счастіе на развалинахъ 20 семействъ, столь же извѣстныхъ теперь своимъ несчастіемъ, какъ раньше богатствомъ. Но увеличивалось ли пропорціонально съ его преступленіемъ презрѣніе къ нему? Совсѣмъ нѣтъ. Онъ не только укрѣпился противъ правосудія оградою пистолей, но пріобрѣлъ также друзей, репутацію, благородное рожденіе и даже честность. По крайней мѣрѣ, всѣ относятся къ нему, какъ къ безспорно честному человѣку. Вскорѣ одинъ поэтъ припишетъ ему въ предисловіи всѣ качества мецената, а г-жа Д. Н. объявитъ его невиннымъ въ глазахъ всей вселенной и даже въ глазахъ тѣхъ несчастныхъ, которые служатъ живыми свидѣтелями преступности этого именитаго злодѣя. Но верхъ безумія Критофила это — то, что онъ начинаетъ самъ считать себя честнымъ человѣкомъ въ силу того, что о немъ такъ отзываются. 5) „Важный Менандръ...“ есть подражаніе „Мизантропу“, I, стр. 168: „Я не сомнѣваюсь, что серьезный Аристъ не будетъ моего мнѣнія относительно этого (т.-е. кто разумнѣе — Неронъ ли, который представлялъ изъ себя актера, или Домиціанъ, забавлявшійся въ тиши кабинета войною мухъ); между тѣмъ онъ не пропускаетъ случая обрушиться на удовольствіе баловъ, оперы, комедіи, въ то время, какъ самъ онъ проводитъ половину своей жизни

въ томъ, что разставляетъ бездѣлушки въ своей комнатѣ и затѣмъ снова смѣшиваетъ ихъ". Остальные портреты сочинены самимъ издателемъ „Смѣси". Конецъ этой статьи („Предвижу, что сей листъ...", стр. 120) есть опять заимствованіе изъ „Мизантропа", I, стр. 103, съ небольшими измѣненіями.

Листъ 16-й (стр. 121). „Еще мнѣ вздумалось описать"... Приводимыя здѣсь характеристики взяты изъ нѣсколькихъ статей „Мизантропа". 1) Описаніе Валера (во французскомъ подлинникѣ Эрастъ) есть почти дословный переводъ изъ „Мизантропа" (Oeuvres de van Effen, II, стр. 149). 2) „Молодой Эрастъ, получа великое наслѣдство..." взято изъ той же статьи „Мизантропа" („Le jeune Lylis..."). Переводъ съ легкими измѣненіями. 3) „Старый Архиласъ такъ влюбленъ..." — ibid., стр. 155 („Le vieux Argyrophile..."). Въ „Мизантропѣ" скупецъ описанъ нѣсколько иными чертами. 4) „Критонъ, будучи весьма труслинъ..." — „Мизантропъ", II, стр. 288 („Rodomont qui tremble de peur à la moindre feuille..."). Переведено почти дословно. 5) „У Мемнона обыкновенно бываетъ музыка..." — „Мизантропъ", I, стр. 436 („Les divertissements de Cliton ne sont pas plus réels..."). Почти буквальный переводъ. 6) „Поликратъ столько надутъ гордостью..." — ibid., стр. 288 сл., гдѣ вмѣсто Поликрата стоитъ Clitandre. Значительно сокращенный переводъ, въ которомъ вся суть осталась безъ измѣненія. 7) „Лисиппъ при всякомъ случаѣ старается показать свою щедрость..." — „Мизантропъ", II, стр. 180 („Lisippe est un homme..."). Переведено почти дословно. 8) „Не долженъ я позабыть Акаста..." — „Мизантропъ", I, стр. 441: письмо къ издателю объ одномъ петиметрѣ. Въ „Смѣси" переведено почти буквально.

Листъ 19-й (стр. 145). „Повѣсть". Повѣсть эта представляетъ почти дословный переводъ изъ журнала ванъ-Эффена „La Bagatelle" *(Oeuvres, t. IV,* p. 225), съ тою лишь разницею, что вмѣсто владѣтеля во французскомъ подлинникѣ поставлена принцесса (La Raison — ж. р.). Пропущены мѣста, которыя относились къ современнымъ событіямъ въ Голландіи. Кое-какіе намеки (напр., дружба Разума съ однимъ человѣкомъ, который любопытствомъ жены своей былъ ввергнутъ въ пучину бѣдствій) могутъ подать поводъ къ различнымъ догадкамъ. Но очевидно, имъ здѣсь нѣтъ мѣста, такъ какъ это дословный переводъ изъ „Bagatelle".

Листъ 19. (стр. 148). Господинъ издатель! вы все пишете"... Переведено изъ упомянутой уже книги маркиза Караччіоли „Le livre à la mode" (р. 8—19). Отъ начала до словъ: „Нынѣ все переменилось..." есть вступленіе самого переводчика. Далѣе до словъ: „Вы мнѣ конечно скажете.." — переводъ: слѣдующая фраза опять принадлежитъ переводчику, а отъ словъ: „Онъ сказалъ..." идетъ до конца сплошной, почти дословный переводъ. Впрочемъ, кое что измѣнено или выпущено. На стр. 150 переводчикъ прибавляетъ отъ себя: „Но по неусыпному попеченію господъ французовъ, которые завели у насъ петиметровъ, стали нынче проворны, обманчивы и учтивы". На стр. 151 онъ также сваливаетъ вину на французовъ. [illegible]

Листъ 21. (стр. 161). Разговоръ Меркурія съ издателемъ „Смѣси". Переведено изъ „Мизантропа". II, стр. 303 сл. (Dialogue entre Mercure et le Misantrope). Въ переводѣ по необходимости допущены различныя измѣненія, пропуски и вставки. Такъ то мѣсто статьи, гдѣ идетъ разборъ вновь вышедшихъ сочиненій, принадлежитъ самому переводчику. Отмѣтимъ также странную передѣлку фразы Меркурія относительно Юлія Цезаря. Въ „Мизантропѣ" читаемъ: „Онъ (Цезарь) предпочиталъ быть первымъ въ деревушкѣ, нежели вторымъ въ Римѣ". Переводчикъ почему-то передѣлываетъ эту фразу такъ: „Онъ лучше хотѣлъ быть разбойничьимъ атаманомъ, нежели вторымъ въ Римѣ". Что касается пропусковъ, то остались непереведенными тѣ мѣста, которыя имѣютъ въ виду „Мизантропа" и его издателя или намѣкаютъ на современныя событія въ Голландіи.

Листъ 23. (стр. 177). „Господинъ издатель! я доволенъ..." Второе письмо Модоглота взято, какъ и первое, изъ той же книги маркиза Караччіоли: „Le livre a la mode" (р. 22—28). Какъ и въ первомъ письмѣ, переводчикъ нашелъ нужнымъ кое-что измѣнить, выпустить или прибавить. Прежде всего, самому переводчику принадлежитъ „введеніе". Абзацъ начинающійся словами: „Говоря со всѣми женщинами..." въ русскомъ переводѣ значительно измѣненъ и дополненъ. У Караччіоли мы читаемъ лишь слѣдующее: „Il faut agacer les plus jolies femmes, n'en respecter aucune et se perdre avec elles dans des conversations toutes décousues, où il n'y ait que des mots, et où l'on parle tout à la fois de l'empire de la Chine et

d'une jolie petite epagneuse, du firmament et d'une fontange". Далѣе много пропущено. Абзацъ, начинающійся словами: „Ѣздить во всѣ зрѣлища..." присочиненъ переводчикомъ. Съ другой стороны, многія правила пропущены (напр. о необходимости индиферентнаго отношенія къ религіи; имѣть любовницей актрису; повторять имена сильныхъ людей; отправляться въ путешествіе въ самую дурную пору и ночью; имѣть туалетъ по правиламъ, придворный календарь, расписаніе визитовъ и пр.).

Листъ 24 (стр. 185). „Весьма неосновательно хулить древняго писателя..." Переведено съ небольшими измѣненія и сокращеніями изъ „Мизантропа". II, стр. 357—361.

Листъ 26, (стр. 201). „Господинъ издатель! лѣта мои..." Это письмо переведено почти буквально изъ „Nouveau Spectateur", I, p. 33—37. Переводчикъ измѣнилъ только форму, которая придана этой статьѣ во французскомъ подлинникѣ, гдѣ приводится разговоръ между издателемъ журнала и старикомъ, встрѣтившимся ему во время прогулки. Письмо Весьѣда составляетъ разсказъ старика, приписка издателя — отвѣтъ автора на вопросъ, предложенной ему его собесѣдникомъ.

Листъ 28, (стр. 217). „Господинъ издатель! многіе говорятъ..." Дословный переводъ изъ „Nouveau Spectateur", I, стр. 171—177. Пропущено лишь мѣсто, гдѣ авторъ письма разсказываетъ о дальнѣйшей карьерѣ своего учителя.

Листъ 32 (стр. 249). „Вѣрно есть такіе люди..." — „Мизантропъ", II, стр. 294. Переводъ въ иныхъ мѣстахъ — очень близкій, въ другихъ — сокращенный, съ пропусками. Выпущено, напримѣръ, пространное разсужденіе о томъ, что мужчина во всѣхъ случаяхъ долженъ быть мужчиной, или о томъ, что не слѣдуетъ надоѣдать женщинамъ постояннымъ изъясненіемъ своей страсти и безпрерывными нѣжностями. Стихи, стоящіе въ концѣ, представляютъ вольный переводъ первой строфы стихотворенія Саразэна, помѣщеннаго въ „Мизантропѣ".

Tyrsis, la plupart des amants
Sont des Allemands.
De tant pleurer,
Plaindre, soupirer
Et se désespérer —

Ce n'est pas là pour brûler de leurs flammes
Le coeur des dames,
Car les Amours
Qui sont enfants veulent rire toujours

Листъ 32 (стр. 257). „Въ прошедшемъ листѣ я писалъ...“ довольно близкій переводъ изъ „Мизантропа“, II, стр. 312 сл. Характеристика Стозмѣя и Злорада вставлены самимъ переводчикомъ и, очевидно, намекаютъ на какое-либо опредѣленное лицо. Въ подлинникѣ, въ концѣ статьи, приведено стихотвореніе, представляющее подражаніе Овидію. Въ „Смѣси“ оно опущено.

Листъ 34 (стр. 265). „Разговоръ Демокрита съ Гераклитомъ“. Какъ указано въ оглавленіи, этотъ разговоръ — „сочиненія г. Формѣя“. Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ поиски, намъ не удалось найти подлинника этого перевода.

Листъ 34 (стр. 270). „Господинъ издатель! я не изъ числа тѣхъ молодцовъ“... Вольный переводъ изъ „Мизантропа“, II, стр. 324 сл. Въ подлинникѣ разсказъ ведется отъ лица самого издателя.

Листъ 35 (стр. 272). „Разговоръ философа Пиронической секты съ его сосѣдомъ“. Въ оглавленіи этотъ разговоръ приписанъ Формею, но мы не нашли его въ сочиненіяхъ этого писателя точно такъ же, какъ и указаннаго выше „Разговора Демокрита съ Гераклитомъ“.

Листъ 36 (стр. 281). „Любопытство, не переступая предѣловъ разума“... Эта статья заимствована изъ „Bagatelle“ ванъ-Эффена (Oeuvres, IV, p. 237). Въ переводѣ сдѣланы измѣненія, вставки и пропуски. Такъ, переводчикъ выпустилъ то мѣсто, гдѣ говорится о пагубномъ вліяніи суевѣрія на государей и народъ. Точно такъ же выпущено описаніе способа гаданія на кофе и нѣкоторыя другія мѣста. Съ другой стороны, переводчикъ кое-что вставилъ отъ себя (напр., отъ словъ: „Я на сихъ дняхъ былъ въ гостяхъ въ одномъ домѣ...“ до словъ: „Время ужъ забывать свое невѣжество“). Заключительныя слова: „Всякому истинному гражданину прискорбно видѣть своихъ единоземцевъ, впадшихъ въ таковыя заблужденія“ — принадлежитъ самому переводчику.

Листъ 40 (стр. 313). Изъ всѣхъ приводимыхъ здѣсь характеристикъ лишь для одной можно точно указать источникъ, — это для характеристики Весьсѣда. Послѣдняя заим-

ствована изъ „Bagatelle“ (Oeuvres de van Effen, III, p. 246: „Le bon homme Lycidas...“). Переведена только первая половина описанія. Относительно остальныхъ портретовъ должно замѣтить, что они представляютъ явное подражаніе характеристикамъ, разсыпаннымъ въ „Мизантропѣ“ и въ „Bagatelle“.

Кромѣ прозаическихъ статей, мы находимъ въ „Смѣси“ нѣсколько стихотвореній, немалое число которыхъ принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ анакреонтическихъ одъ. Четыре изъ этихъ стихотвореній: „Связанный Купидонъ“, „Страждущій Купидонъ“, „Старикъ“ и „Молодой“ (стр. 53—54) представляютъ вольный переводъ изъ Анакреона, по всей вѣроятности, сдѣланный не съ подлинника, а съ французскаго перевода. Стихотвореніе „Сонъ“ (стр. 64), анакреонтическія оды на стр. 72 („Ириса, въ рощѣ сей прекрасной...“), 88-й („Люби прелестную Исмену...“) и 12-й („Почто я не могу той розой быть...“), есть доволзно близкое подражаніе де-Ламотту*). По всей вѣроятности, не оригинальны и помѣщены въ „Смѣси“ элегіи.

Этотъ перечень заимствованныхъ статей „Смѣси“ не можетъ считаться полнымъ: мы указали здѣсь лишь тѣ пьесы, подлинника которыхъ намъ удалось отыскать во французской литературѣ XVIII столѣтія. Но самое разнообразіе источниковъ, изъ которыхъ заимствованы указанныя статьи, даетъ основаніе предполагать, что сотрудники „Смѣси“ имѣли въ своемъ распоряженіи значительный запасъ иностранныхъ литературныхъ пособій, изъ котораго и черпали матеріалъ для своихъ статей. Поэтому можно думать, что количество опредѣленныхъ нами заимствованій еще можетъ быть умножено со временемъ новыми указаніями.

Относительно пріемовъ, употреблявшихся издателемъ и сотрудниками „Смѣси“ при переводѣ иностранныхъ статей, мы не считаемъ нужнымъ распространяться: пріемы эти были тѣ же, какіе мы уже имѣли случай указать, говоря объ отношеніи „Всякой Всячины“ къ „Спектатору“. Какъ во „Всякой Всячинѣ“, такъ и въ „Смѣси“ иностранныя статьи, большею частью „перекраиваются на свой салтыкъ“, примѣняются

---

*) См. Oeuvres de Mr Houdar de la Motte. Paris, 1764: томъ I, часть 1, стр. 200 („Songe“); часть 2, стр 437 („La solitude“), стр. 450 („La Raison et l'Amour“) и часть 1, стр. 197 („Souhaits“).

къ русскимъ нравамъ, къ современному положенію вещей. Рѣдкая статья переводится дословно: большею частью передается лишь общій смыслъ французскаго подлинника; нерѣдко дѣлаются пропуски и вставки. *Солнцевъ.*

ОТНОШЕНІЕ „СМѢСИ" КЪ ПИСАТЕЛЯМЪ И ЖУРНАЛАМЪ.

Выдѣлить всѣ оригинальныя статьи въ „Смѣси" было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы указаны были всѣ заимствованія этого журнала изъ иностранныхъ источниковъ. Поэтому въ нашемъ очеркѣ мы принуждены ограничиться разсмотрѣніемъ лишь тѣхъ статей, оригинальность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Такихъ статей въ „Смѣси" около тридцати. Для избѣжанія повтореній мы не будемъ разсматривать ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ эти пьесы помѣщены въ журналѣ, но сгруппируемъ ихъ по однородности матеріала, въ нихъ содержащагося.

На первомъ мѣстѣ здѣсь должны быть поставлены статьи, имѣющія въ виду современные „Смѣси" сатирическіе журналы. Большая часть статей этого содержанія посвящена „бабушкѣ" сатирическихъ изданій 1769 г. „Всякой Всячинѣ". Среди цѣлаго каскада насмѣшекъ и издѣвательствъ, которыми осыпаетъ „Смѣсь" „Всякую Всячину", мы можемъ довольно ясно прослѣдить тѣ мотивы, которыми были вызваны эти нападки.

Какъ извѣстно, „Всякая Всячина" объявила себя прародительницей сатирической журналистики 1769 г. и всѣ вновь появлявшіеся журналы включала въ свое „племя". Противъ этихъ притязаній „Всякой Всячины" и возстала, вмѣстѣ съ другими журналами, „Смѣсь". Уже въ четвертомъ листѣ издатель ея отрекается отъ всякаго родства съ непрошенной прародительницею. Въ письмѣ, помѣщенномъ на стр. 85, отрицается способность бабушки „къ такому дѣтородію", которую она себѣ приписываетъ. Авторъ журнала увѣряетъ, что сатирическіе журналы „не отъ нея происходятъ, а она сама на нихъ клеплетъ".

Другимъ мотивомъ къ нападкамъ „Смѣси" на „Всякую Всячину" послужило гордое заявленіе этого журнала о своемъ намѣреніи исправлять нравы общества. „Смѣсь" не пропускаетъ случая придраться ко „Всякой Всячинѣ" и старается

найти противорѣчіе между указаннымъ заявленіемъ „Всякой Всячины“ и напечатанными въ ней статьями. Такъ, авторъ упомянутаго уже нами письма на страницѣ 85-й, намекая на ту статью „Всякой Всячины“, въ которой она, испугавшись слишкомъ ярыхъ нападокъ на подьячихъ, беретъ ихъ подъ свою защиту и даетъ трудно исполнимый совѣтъ всѣмъ жить въ мирѣ и согласіи, дабы не было надобности обращаться къ подьячимъ, — упрекаетъ „бабушку“ въ томъ, что въ добрый часъ она намѣревается исправлять пороки, а въ блажной даетъ имъ послабленіе. Это противорѣчіе „Всякой Всячины“ самой себѣ онъ прямо приписываетъ тому, что она выжила изъ ума. Подобныя же нападки мы видимъ и въ письмѣ, помѣщенномъ на страницѣ 81-й. Авторъ его находитъ, что „Всякая Всячина“ изданіями своими развращаетъ молодые умы, уча ихъ смотрѣть на то, о чемъ иной и понятія не имѣетъ. Здѣсь намекается на замѣтку „Всякой Всячины“, въ которой она указываетъ на привычку молодыхъ дамъ и дѣвицъ сидѣть, положа нога на ногу, при чемъ юбка подымается такъ высоко, что видны подвязки, а иногда и болѣе сего. Такого рода замѣтки, по мнѣнію автора указаннаго письма, никакъ не вяжутся съ заявленнымъ „Всякои Всячиной“ намѣреніемъ, „исправить въ народѣ всѣ дурные нравы. „На страницѣ 115-й уже самъ издатель „Смѣси“ смѣется надъ „Всякою Всячиною“, что она „мѣсяцевъ шесть намѣревается исправлять пороки: и хотя начнетъ ихъ осмѣивать, но все неудачно“.

Третьей причиной, вызывавшей нападки „Смѣси“ на „Всякую Всячину“, было усвоенное этой послѣдней обыкновеніе печатать самой себѣ похвалы. Не разъ упоминая въ ироническомъ тонѣ объ этомъ обычаѣ „Всякой Всячины“, „Смѣсь“ на страницѣ 95-й разъясняетъ причину, почему „Всякая Всячина“ „увѣнчана толикими похвалами, въ листкахъ ея видными“. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что многія похвалы она сама себѣ сплетаетъ, а во-вторыхъ, тою причиною, что она „разгласила, будто въ ея собраніи многіе знатные господа находятся; и такъ, нѣкоторые, можетъ статься, думая хваленіемъ ихъ сочиненій войти въ ихъ милость, засыпали похвалами „Всякую Всячину“.

Отголоски извѣстнаго спора „Всякой Всячины“ съ „Трутнемъ“ о задачахъ и предѣлахъ сатиры довольно глухо отрази-

лись въ листкахъ „Смѣси“. Если не считать письма къ издателю „Трутня“ (на стр. 154-й), предназначавшагося для помѣщенія въ „Трутнѣ“ и появившагося въ „Смѣси“ только потому, что по неизвѣстной причинѣ издатель „Трутня“ не могъ его напечатать въ своемъ журналѣ, мы находимъ въ „Смѣси“ лишь одинъ глухой намекъ на этотъ споръ „Всякой Всячины“ съ „Трутнемъ“, намекъ, изъ котораго мы можемъ заключить, что издатель „Смѣси“ держалъ сторону „Трутня“. „Всякая Всячина“ — говорится въ „Смѣси“ — уже мѣсяцевъ шесть намѣревается исправлять пороки, но все неудачно; *если же кто, примѣтя ея ошибки, представитъ публикѣ ея заблужденія, то она тотчасъ возгласитъ:* „Подло и уничтоженія достойно дѣлать лукавое умоначертаніе, совокупленное съ нравомъ веселымъ и насмѣшливымъ и скрывати свое имя, чтобы поступокъ его не узнали“.

Изъ другихъ современныхъ сатирическихъ журналовъ въ „Смѣси“ упоминается лишь „И то и сё“ Чулкова и „Ни то ни сё“ Рубана.

Журналъ Чулкова „И то и сё“ вызвалъ со стороны издателя „Смѣси“ небольшую замѣтку, гдѣ доказывалось, что Чулковъ „много заблуждаетъ въ своемъ разсудкѣ“. Поводомъ къ этой замѣткѣ послужила статья, помѣщенная въ журналѣ „И то и сё“ (недѣля 24-я), гдѣ Чулковъ высказалъ свой взглядъ на современные русскіе сатирическіе журналы. Онъ находитъ, что старые журналы, каковы „Пчела“ и ежемѣсячныя академическія изданія, были несравненно лучше ихъ, и удивляется, почему издатели современныхъ журналовъ не подражаютъ имъ. Въ современныхъ ему сатирическихъ изданіяхъ Чулковъ находитъ только ссоры, тогда какъ, по его мнѣнію, въ такихъ сочиненіяхъ „надлежитъ прежде всего показывать и осторожность въ разсужденіи о порокахъ другого. Сочинитель долженъ всегда имѣть за правило быть примирителемъ другихъ ссоръ, а не самому зачинать оныя“.

Задѣтый за живое такимъ нелестнымъ отзывомъ Чулкова о современной журналистикѣ, издатель „Смѣси“ старается доказать ему всю нелѣпость его взглядовъ. „Мнѣ жалокъ сей бѣднякъ, говоритъ онъ; ему должно скорѣе умереть; ибо по его системѣ и все будущее будетъ хуже нынѣшняго“. То, что Чулковъ называетъ бранью, издатель „Смѣси“ считаетъ „основательною критикой и хорошей сатирою“. „Я не охот-

никъ, — заключаетъ онъ, — приводить въ доказательство латинскихъ писателей, однакоже для тебя долженъ сказать: **Poëtam non audio in nugis; in vitae societate audiam civem digitis suis peccata dimetientem**".

Чтобы покончить съ журналомъ Чулкова, упомянемъ еще, что въ „Смѣси" была напечатана эпиграмма, представляющая отвѣтъ на эпиграмму, помѣщенную въ журналѣ „И то и сё" (недѣля 12-я) и вышедшую изъ-подъ пера ревностнаго сотрудника Чулкова — Михаила Попова.

Кромѣ журналовъ, предметомъ нападокъ „Смѣси" служили также и многіе современные русскіе писатели. Изъ нихъ болѣе всего доставалось Лукину и Петрову. Надъ первымъ, какъ извѣстно, издѣвались почти всѣ сатирическіе журналы 1769 г., нападали не только на его литературныя произведенія, но и на него самого, описывая его характеръ самыми непривлекательными красками. „Смѣсь" вмѣстѣ съ „Трутнемъ" изобрѣла даже для него характерныя прозвища „Злорада" и „Стозмѣя", подъ которыми онъ не разъ выводится на посмѣяніе читателямъ.

Уже въ шестомъ листѣ „Смѣси" мы находимъ стихотвореніе (подъ заглавіемъ („Чему вѣрю и чему не вѣрю"), въ которомъ Лукинъ выводится, какъ неудачный переводчикъ. Особенное неудовольствіе „Смѣси" возбудили двѣ переводныя пьесы Лукина „Тесть и зять" и „Разумный вертопрахъ", игранныя на сценѣ 1769 г. Къ этимъ пьесамъ „Смѣсь" обращается два раза. На стр. 69-й находимъ замѣтку, въ которой заявляется, что въ обѣихъ комедіяхъ, „окромѣ неяснаго слога, неправильныхъ изреченій, ненужнаго распространенія и тому подобнаго, ничего нѣтъ". Въ другомъ мѣстѣ (стр. 164) критикъ заявляетъ, что „въ нихъ очень много пустыхъ словъ и въ награжденіе сего излишества слишкомъ мало смыслу". Укажемъ еще одну характеристику, относящуюся къ Лукину, гдѣ онъ выведенъ подъ именемъ Дамока.

„Дамокъ, вздумавъ разбогатѣть отъ своихъ сочиненій, писалъ лѣтъ шесть въ досаду Музъ и Аполлона; но, увидя нынѣ, что нѣтъ отъ того прибыли, осердился на всѣхъ хорошихъ писателей. Жалѣю о немъ, что онъ безполезно печатаетъ свои жалобы на здравый разсудокъ и на размноженіе такихъ людей въ Россіи, коимъ Музы руководствуютъ". Подъ жалобами здѣсь, несомнѣнно разумѣются тѣ обширныя предисловія Лу-

кина къ своимъ комедіямъ, въ которыхъ онъ защищался противъ нападокъ на него современныхъ писателей, осыпая ихъ, въ свою очередь, бранью и насмѣшками.

Сверхъ этихъ нападокъ на Лукина, какъ на писателя, мы находимъ въ „Смѣси“ и прямыя издѣвательства надъ нимъ, какъ человѣкомъ. Хотя такія издѣвательства надъ личностью составляли одинъ изъ употребительнѣйшихъ пріемовъ литературной критики прошлаго вѣка, однако относительно Лукина, слѣдуетъ замѣтить, что тутъ немалую роль игралъ и характеръ послѣдняго, изображенный „Смѣсью“ самыми непривлекательными красками. Почти такими же чертами, какъ „Смѣсь“ рисуютъ Лукина и „Трутень“ и Фонвизинъ въ своемъ „Чистосердечномъ признаніи“. Василій Петровъ считался нѣкоторыми изъ современниковъ, какъ, напримѣръ, Потемкинымъ, вторымъ Ломоносовымъ. Въ его напыщенныхъ стихахъ, скорѣе громкихъ, чѣмъ звучныхъ, находили близкое сходство со стихами всѣми признаннаго великаго одописца. Но не всѣ такъ смотрѣли на Петрова. Извѣстенъ весьма сдержанный отзывъ Новикова объ этомъ писателѣ. Еще менѣе высокаго мнѣнія о немъ „Смѣсь“. Она не находитъ въ стихахъ Петрова здраваго смысла; онъ настолько гордъ, что и разсудокъ презираетъ; ему нѣтъ до него нужды, а надобны только стопы и рифмы. Въ доказательство безсмыслицы въ его стихахъ „Смѣсь“ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ нихъ: „музыки ревъ бодритъ и нѣжитъ слухъ; въ предсердіи кипитъ и кровь; герои всѣ локтьми сверкаютъ, челомъ махаютъ; и духъ его героямъ плешетъ; надъ мыслей дѣюща понятность“.

На Петрова же направлено рѣзкое письмо, помѣщенное на стр. 132-й. Авторъ этого письма особенно возстаетъ противъ провозглашенія Петрова вторымъ Ломоносовымъ. „По моему — говоритъ онъ — сходнѣе сказать, что муха равна со слономъ, нежели сравнять нескладныя и наудачу писанныя его сочиненія съ одами славнаго нашего стихотворца“.

Вѣроятно, Петровъ имѣется въ виду и въ слѣдующей строфѣ стихотворенія „Чему вѣрю и чему не вѣрю“.

Что новый здѣсь рифмачъ in quarto проявился,
Котораго стихамъ читатель удивился,
Тому я вѣрю.

Но чтобъ онъ могъ когда съ пріятностью писать,
Или всѣ правила парнаскіе пожать, —
Тому не вѣрю.

Изъ другихъ писателей Екатерининской эпохи въ „Смѣси“ упоминается Херасковъ, Санковскій, Майковъ, Рубанъ и Козельскій.

Говоря о Херасковѣ по поводу вышедшихъ въ свѣтъ въ 1769 году его „Философическихъ одъ“, съ изображеніемъ на заглавномъ листѣ летящаго Пегаса, „Смѣсь“ иронически замѣчаетъ: „Пегасъ сердитъ и сшибъ съ себя сего писателя“. Въ этой же статьѣ, нѣсколько выше, задѣвается Ѳ. Я. Козельскій. Говоря о вновь вышедшей трагедіи послѣдняго „Пантея“, издатель „Смѣси“ дѣлаетъ такой отзывъ объ ея авторѣ: „Я не думую, чтобъ Аполлонъ призналъ его сочинителя своимъ сынкомъ“. Тутъ же онъ осмѣиваетъ элегіи Козельскаго и его оду, съ которою ея авторъ „ходилъ пѣшкомъ 30 верстъ“. Намеки на Василія Майкова Аѳанасьевъ видитъ въ слѣдующихъ словахъ неизвѣстнаго критика, скрывшагося подъ именемъ Правосуда: „другой изъ нѣжнаго Овидія сдѣлалъ несноснаго враля“ и далѣе: „четвертый, видя, что дѣлаютъ пьяные на улицахъ, воспѣлъ сіе мерзкими стихами: и равняетъ себя съ Виргиліемъ и Гомеромъ“. Но съ одинаковою вѣроятностью первый изъ этихъ намековъ можно относить и къ Рубану, какъ переводчику: „**Ars amandi**“ Овидія, тѣмъ болѣе, что эпитетъ „нѣжнаго“, данный критикомъ Овидію, болѣе подходитъ къ нему, какъ къ автору „Любовной науки“, нежели какъ къ эпическому повѣствователю. Что касается до другого намека, то въ немъ можно видѣть указаніе на ходившую въ рукописи поэму Майкова „Елисѣй, или раздраженный Вакхъ“. На Рубана весьма прозрачно намекаетъ стихотвореніе, помѣщенное въ „Смѣси“, на стр. 96-й, въ которой этотъ писатель выводится подъ именемъ Рубача.

Вѣроятно, къ нему же относится и слѣдующее замѣчаніе упомянутаго Правосуда: „третій превратилъ Анакреонта въ глупаго украинца“. (Рубанъ по происхожденію былъ малороссъ). Упомянемъ еще о Василіи Санковскомъ, котораго, повидимому, имѣетъ въ виду тотъ же критикъ „Смѣси“, говоря объ одномъ авторѣ, что онъ „переломавъ Виргиліеву Энеиду и испортя прекрасный слогъ сего писателя, думаетъ, что заслужилъ безсмертную славу“.

Ко второй категоріи оригинальныхъ пьесъ мы можемъ отнести статьи, касающіяся Дмитревскаго и А. П. Лосенка, или Лосенкова, какъ его называетъ неизвѣстный сотрудникъ „Смѣси". Статьи эти любопытны по тѣмъ взглядамъ, которые высказываются въ нихъ на русское искусство и русскихъ людей. Авторъ статьи, напечатаемой въ „Смѣси" на стр. 55-й, восхищается игрой Дмитревскаго въ „Мизантропѣ", при чемъ отдаетъ ему предпочтеніе предъ знаменитымъ французскимъ актеромъ Лекеномъ.

Въ другой статьѣ неизвѣстный авторъ, скрывшійся подъ иниціаломъ С. (Старовъ?), восхваляетъ выставленныя въ Академіи Художествъ три картины Лосенка и высказываетъ негодованіе на тѣхъ русскихъ людей, которые, почитая все иностранное, съ презрѣніемъ относятся къ русскимъ талантамъ.

Солнцевъ.

СТАТЬИ ОБЛИЧИТЕЛЬНАГО ХАРАКТЕРА ВЪ „СМѢСИ".

Разсматривая статьи сатирическаго и обличительнаго характера „Смѣси", мы можемъ указать двѣ изъ нихъ, яркими красками рисующія стороны темнаго русскаго быта и напоминающія лучшіе этюды „Всякой Всячины" и „Трутня". Одна изъ нихъ замѣчательна по смѣлости и рѣзкости сатиры, обличаетъ злоупотребленія въ средѣ духовенства; въ другой описаны продѣлки двухъ жрецовъ Өемиды. И хотя обѣ эти статьи обличаютъ лишь извѣстныхъ лицъ изъ среды духовной и судейской, но онѣ въ то же время имѣютъ и общее бытовое значеніе, изображая невѣжество, алчность и безнравственность современнаго духовенства и продажничество и лихоимство тогдашнихъ судей. Нельзя сказать того же про остальныя статьи обличительнаго направленія, которыя всѣ имѣютъ въ виду лишь извѣстную личность и не представляютъ ничего характернаго для той или другой среды тогдашняго общества. Такъ, въ одной изъ нихъ идетъ рѣчь объ особѣ, которая отплатила черною неблагодарностью женщинѣ, осыпавшей ея благодѣяніями. Въ другой тотъ же авторъ жалуется на лицъ, которые злословятъ его и его патрона; авторъ письма, помѣщеннаго на стр. 308, обличаетъ какого то П... купеческаго приказчика, который „презираетъ своими сотоварищами" и обманываетъ судей; на стр. 223-й разсказывается семейная

исторія Стозмѣя, котораго обманываетъ его любовница; сотрудникъ, подписавшійся буквою М... повѣствуетъ читателямъ „Смѣси" о томъ, какъ ему измѣнила жена съ дѣтиной „собою не непригожимъ"; Б. К. жалуется на свою дочь, которая сошлась съ Стозмѣемъ и желаетъ играть роль госпожи Помпадуръ: и т. д. То же самое мы должны сказать относительно портретовъ и характеристикъ, которые въ изобиліи разсыпаны на страницахъ „Смѣси": частью они изображаютъ отвлеченные общечеловѣческіе типы, частью рисуютъ извѣстное лицо, при чемъ, въ большинствѣ случаевъ, трудно угадать, на кого именно они мѣтятъ. Таковы, напримѣръ, помѣщенные на страницахъ 117—118, портреты Алькандра, Ариста и Ликофрона, подлинники которыхъ, вѣроятно, существовали въ современномъ обществѣ, на что указываютъ слѣдующія слова издателя „Смѣси": „Скажу, какимъ образомъ сочинялъ таковые портреты: искалъ въ себѣ самомъ и въ другихъ людяхъ приличныя къ тому черты и краски. Изъ десяти глупостей выходитъ картина, достойная осмѣянія и въ ней всякому вольно брать на свой счетъ похожее на него. Правда, есть такіе смѣшные подлинники, что нечего къ нимъ прибавлять: однако мое осмѣяніе извинительно, виновенъ ли въ томъ, что всѣ надъ ними смѣются?"

Для полноты нашего обзора мы должны упомянуть еще о довольно многочисленныхъ стихотвореніяхъ, которыя встрѣчаются на стр. „Смѣси". Нѣкоторымъ изъ нихъ предшествуютъ письма къ издателю журнала, заключающія, по большей части, просьбу автора напечатать его стихи. Въ числѣ этихъ стихотвореній мы находимъ элегіи, эпиграммы, оды, пѣсни, басни. О стихотворныхъ пьесахъ, имѣющихъ отношеніе къ современности, мы уже говорили выше. Отмѣтимъ здѣсь еще оду на побѣду при Хотинѣ, какъ отголосокъ современныхъ событій. Извѣстно, что на Хотинскую побѣду было написано въ 1769 г. не малое количество одъ; нѣкоторыя изъ нихъ вышли отдѣльными изданіями, другія были напечатаны въ современныхъ журналахъ. Кому принадлежитъ ода, помѣщенная въ „Смѣси", мы не знаемъ. Эпиграммы, большею частью, не имѣютъ въ виду никакого опредѣленнаго лица, представляя собою лишь образцы одной изъ формъ стихотворныхъ произведеній. То же самое должно сказать и объ элегіяхъ и пѣсняхъ. Для библіографовъ отмѣчаемъ, что стихотвореніе „Гдѣ въ пе-

чали мнѣ сей скрыться...“ перепечатано въ 3-й части „Собранія разныхъ пѣсенъ“ (М. 1783 г.) подъ № 37 съ небольшими перемѣнами въ текстѣ; другая пѣсня, начинающаяся словами: „Чѣмъ прерву свое мученіе“, находится въ „Новомъ полномъ собраніи россійскихъ пѣсенъ“ (М. 1780) ч. V, стр. 141.

Солнцевъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТЪ ВЪ КАРТИНАХЪ „СМѢСИ“.

Журналъ продолжался девять мѣсяцевъ, какъ свидѣтельствуетъ самъ издатель (стр. 319), и находилъ читателей, потому что чрезъ два года вышелъ уже вторымъ изданіемъ. Содержаніе журнала чисто сатирическое и, какъ въ „Трутнѣ“, направлено на разныя стороны общественнаго быта того времени: оно рисуетъ нравы, представляя подъ вымышленными именами лица, уклонившіяся отъ нравственности. Издатель, по словамъ его, „описывалъ людскіе пороки и дѣла, достойные осмѣянія“. Онъ разсказываетъ процессъ, какимъ удалось ему подмѣтить и нарисовать свои сатирическія картины: „Я искалъ въ себѣ самомъ и въ другихъ людяхъ приличныя къ тому черты и краски. Изъ десяти глупостей выходитъ картина, достойная осмѣянія“ (стр. 320). Все стремленіе нравственное, вся явная и скрытая цѣль журнала открывается въ аллегорической „повѣсти“, гдѣ два лица спорятъ о власти надъ людьми: *разумъ* и *предразсужденіе*, или предразсудки (стр. 146—147). Нравственное ученіе этой повѣсти и аллегорическая форма ея отражаютъ вполнѣ понятія прошлаго вѣка. Это нравственное ученіе проводится сквозь всѣ сатирическія статьи журнала — главное содержаніе его. Изложеніе отличается особенною простотою и спокойствіемъ, чѣмъ „Смѣсь“ стоитъ выше „Трутня“, уступая, впрочемъ, послѣднему въ богатствѣ и обиліи картинъ нравовъ.

Но зато иныя картины „Смѣси“ до того полны и хороши, до того ясными красками нарисованы, что и теперь можно любоваться ими. Дѣлать выписки изъ нихъ нѣтъ возможности, ибо пришлось бы выписывать многое. Въ доказательство того, до чего доходила сатира современныхъ нравовъ, мы можемъ указать на „Письмо къ издателю бѣсовскихъ переписокъ“ (Ѳ. Эмину), подписанное буквами В. М. и пересланное Эминымъ къ издателю „Смѣси“ (стр. 130—131). Суевѣріе и разно-

образныя гаданія, противъ чего вооружались всѣ наши журналы прошлаго вѣка, нашли себѣ сильнаго противника въ издателѣ „Смѣси“ (стр. 281—285). Теперь журналистъ не сталъ бы и говорить объ этомъ предметѣ, но тогда другое дѣло; тогда борьба съ суевѣріемъ, когда оно сильно входило въ жизнь и отклоняло ее отъ естественнаго и разумнаго пути, должна быть поставлена въ заслугу писателю (стр. 244). Въ „Смѣси“, по всей вѣроятности, множество дѣйствительныхъ фактовъ, взятыхъ прямо изъ жизни. Небольшія изображенія современныхъ нравовъ и разсужденія по поводу ихъ издателя — оригинально хороши. Они носятъ на себѣ печать такой живо-трепещущей правды, что съ достовѣрностію можно полагать, что срисованы прямо съ натуры, съ лицъ и случаевъ дѣйствительныхъ.

Современность также фактами отражается въ „Смѣси“. Здѣсь можно найти извѣстіе о современной турецкой войнѣ, въ которой напряжены были тогда всѣ силы Россіи. Увѣренность въ побѣдѣ выражается въ словахъ издателя (стр. 34). Побѣда подъ Хотиномъ (19 апрѣля 1769 года) прославлена въ журналѣ торжественною одою, похожею, впрочемъ, на всѣ ей подобныя (стр. 49). „Смѣсь“ не забывала также увѣдомлять своихъ читателей о томъ, что̀ новаго происходило и въ умственномъ развитіи нашего отечества, и слова ея проникнуты особенною любовію къ отечеству. Говоря о видѣнныхъ имъ трехъ картинахъ художника Лосенкова въ недавно открытой Академіи Художествъ, авторъ обращается въ такихъ словахъ къ поклонникамъ иностраннаго: „Стыдитесь несмысленные почитатели иностранныхъ, смотря на сего художника: никто вамъ не повѣритъ, что въ Россіи не могутъ родиться великіе люди“ (стр. 222). Любопытно современное извѣстіе о превосходной игрѣ знаменитаго Дмитревскаго въ „Мизантропѣ“, превосходившаго, по словамъ одного француза, котораго похвальные стихи Дмитревскому напечатаны въ „Смѣси“, игрою своею самого Лекена (стр. 55).

Изъ всего этого можно достаточно видѣть, что „Смѣсь“ не отставала отъ „Трутня“, что содержаніе ея также было полно жизни и имѣло большое значеніе для читателей.

Буличъ.

Разсмотрѣвъ содержаніе статей „Смѣси“ какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, мы можемъ обратиться къ выясненію вопроса: какія же данныя для характеристики Екатерининскаго общества мы находимъ въ этомъ журналѣ? Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи нельзя отдавать большого значенія переводнымъ статьямъ. Если даже и допустить, что выборъ матеріала для перевода дѣлался не случайно, но что при этомъ преслѣдовалась цѣль осмѣять и исправить пороки, господствовавшіе въ современномъ обществѣ, то во всякомъ случаѣ несостоятельны утвержденія Аѳанасьева и проф. Булича, что картины нравовъ, разсыпанныя на страницахъ „Смѣси“, списаны съ натуры, что сатирику не было надобности далеко ходить за матеріаломъ для своихъ сатиръ, такъ какъ этотъ матеріалъ доставляла ему окружающая жизнь. Вниманіе историка русскаго общества, ищущаго въ журналахъ прошлаго столѣтія картинъ современной жизни, должно останавливаться преимущественно на статьяхъ оригинальныхъ. Что же даютъ оригинальныя статьи, помѣщенныя въ „Смѣси“? Разсмотримъ ихъ по группамъ.

Первая группа заключаетъ въ себѣ всѣ статьи, относящіяся до литературной полемики современныхъ авторовъ и издателей журналовъ. Но, не говоря уже о томъ, что всякая литературная полемика является слѣдствіемъ различія взглядовъ на извѣстное литературное явленіе и, слѣдовательно, можетъ служить лишь матеріаломъ для опредѣленія мнѣній и воззрѣній данной эпохи, — въ статьяхъ „Смѣси“ мы не находимъ и этихъ данныхъ. Насмѣшки надъ „Всякой Всячиной“, занимающія едва ли не преобладающее мѣсто въ указанной группѣ статей, вызваны далеко не тѣми причинами, которыя кинули въ горячую полемику съ журналомъ императрицы издателя „Трутня“: сотрудникамъ „Смѣси“ не нравился тонъ „бабушки“ по отношенію къ „внучатамъ“ самохвальство и претензіи ея на исправленіе нравовъ. Что же касается нападокъ на современныхъ писателей, то онѣ, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ сплошную брань, вызванную никакъ не различіемъ взглядовъ, а раздраженіемъ литературныхъ самолюбій. Самъ издатель „Смѣси“ не бралъ на себя отвѣтственности за эту полемику, замѣтивъ въ заключительной статьѣ своего изданія: „Присылаемыя ко мнѣ критическія письма часто соединяли въ себѣ и злословіе и

осмѣяніе, и извѣстная за сie отплата, брань, должна была налагаться на счетъ того, кто то писалъ".

Большее значеніе мы придаемъ статьямъ второй группы, такъ какъ въ нихъ высказываются характерные для того времени взгляды на русскихъ людей и русское искусство. Мы узнаемъ изъ нихъ, что среди общества, охваченнаго поклоненіемъ иностранному неизбѣжно соединявшимся съ презрительнымъ отношеніемъ ко всему русскому, находились люди, которые прямо протестовали противъ безсмысленнаго униженія, видя въ этомъ даже „подлость души". Но картинъ нравовъ въ этихъ статьяхъ мы тоже не находимъ. О статьяхъ четвертой группы, въ которую мы выдѣлили стихотворенія, нечего и говорить. Остается, слѣдовательно, третья группа, заключающая въ себѣ статьи сатирическія и обличительныя, въ которыхъ мы и можемъ искать отвѣта на поставленный нами вопросъ. Но, какъ мы уже видѣли выше, большинство статей этой группы не имѣетъ общаго бытового значенія, такъ какъ не заключаютъ въ себѣ указаній на нравы извѣстной среды. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ лишь двѣ указанныя нами выше пьесы, изъ которыхъ одна занимается духовенствомъ, другая — судьями. Относительно первой мы должны замѣтить, что это едва ли не единственная во всей журналистикѣ 1769—1774 г., статья, такъ открыто и рѣзко обличающая духовныхъ лицъ; вторая же не представляетъ ничего новаго въ сатирической журналистикѣ прошлаго вѣка, нападая на злоупотребленія, которыя не оставила еще безъ вниманія „Трудолюбивая Пчела" Сумарокова и бичевали своей сатирою современные „Смѣси" журналы — „Трутень" и „Всякая Всячина".

Намъ остается теперь еще отвѣтить на вопросы, поставленные нами въ началѣ этого изслѣдованія: что нужно разумѣть подъ „чужими мыслями", которыхъ набрался издатель „Смѣси", и слѣдуетъ ли вѣрить его заявленію, что, принимаясь за изданіе журнала, онъ не имѣлъ тѣхъ высокихъ цѣлей, о которыхъ постоянно твердила „Всякая Всячина" и которыя, вслѣдствіе этого, навязываются нашими изслѣдователями всей журналистикѣ 1769—1774 г.? Отвѣтъ на первый вопросъ самъ собою вытекаетъ изъ тѣхъ указаній, которыя сдѣланы въ первой части нашего изслѣдованія. Что касается второго вопроса, то въ нашей литературѣ устано-

вилось мнѣніе, что издатели сатирическихъ журналовъ, слѣдовательно и „Смѣси", указывая въ своихъ признаніяхъ на чисто внѣшнія побужденія къ изданію періодическихъ листковъ, скрывали истинную цѣль — исправленіе нравовъ своихъ соотечественниковъ.

Однако, оставляя пока въ сторонѣ другіе журналы 1769 — 1774 гг., относительно „Смѣси" мы склонны думать, что издатель ея не погрѣшилъ противъ своей совѣсти, заявивъ, что намѣреніе его было при начатіи журнала употребить въ пользу скучные часы празднаго времени". Самая пестрота содержанія этого журнала, на которую и указываетъ заглавіе втораго изданія „Смѣси", отсутствіе опредѣленнаго плана и направленія, заимствованія изъ иностранныхъ источниковъ самаго разнообразнаго характера подтверждаютъ искренность его признанія. И мы не видимъ необходимости навязывать издателю „Смѣси" возвышенную цѣль — исправленіе нравовъ своихъ современниковъ, о которой онъ ни разу не проговаривается на трехъстахъ страницахъ своего журнала. Результаты, къ которымъ мы пришли въ этомъ изслѣдованіи, могутъ быть изложены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) „Смѣсь", какъ и „Всякая Всячина", въ изобиліи почерпала матеріалъ для своихъ статей изъ иностранныхъ источниковъ.

2) Источниками „Смѣси" служили какъ французскіе нравоучительные журналы, такъ и отдѣльныя книжки и брошюры французскихъ моралистовъ и сатириковъ, а также сочиненія Вольтера и Формея.

3) Заинтересованныя статьи рѣдко переводились дословно: онѣ или приноравливались къ русскимъ нравамъ, или видоизмѣнялись сообразно цензурнымъ условіямъ.

4) Большая часть этюдовъ, представляющихъ картины нравовъ, заимствована: изъ оригинальныхъ статей, имѣющихъ значеніе для характеристики тогдашняго общества, можно указать лишь двѣ.

5) Огромное большинство оригинальныхъ статей „Смѣси" полемическаго характера и заключаетъ нападки на современныхъ писателей и на журналы, издававшіеся одновременно съ нею.

6) „Смѣсь" не задавалась цѣлью исправлять нравы, которую приписываютъ ей изслѣдователи нашей журналистики 1769—1774 гг. *Солнцевъ.*

СОТРУДНИКИ „СМѢСИ“.

Подобно всѣмъ прежнимъ изслѣдователямъ, г. Неустроевъ не имѣлъ возможности открыть загадочное имя изслѣдователя этого замѣчательнаго журнала. Онъ не называетъ по имени ни одного изъ его сотрудниковъ. Нѣкоторыя соображенія въ этомъ послѣднемъ отношеніи не кажутся намъ, однако, вполнѣ невозможными, и мы считаемъ не лишнимъ высказать ихъ здѣсь. На стр. 129 „Смѣси“ находится письмо къ издателю ея съ просьбою помѣстить въ этомъ журналѣ корреспонденцію нѣкоего В. М., и эта послѣдняя начинается словами: „Господинъ издатель бѣсовскихъ переписокъ! Очевидно, первое, препроводительное письмо писано Эминымъ, издателемъ „Адской почты“; что же касается второго письма, за подписью В. М., содержащаго въ себѣ обличеніе злоупотребленій въ средѣ духовенства, то не принадлежитъ ли оно Василію Майкову! На стр. 131—134 „Смѣси“ помѣщено письмо и эпиграмма за подписью Н. Н., при чемъ то и другая направлены противъ извѣстнаго лирика В. П. Петрова; если мы сравнимъ сужденіе Н. Н. съ отзывомъ о Петровѣ въ „Словарѣ“ Новикова, то по сходству ихъ увидимъ, что корреспондентъ „Смѣси“ есть не кто иной, какъ авторъ „Словаря“ — Николай Новиковъ. Другое письмо, присланное къ издателю „Смѣси“ за подписью: Вашъ слуга ***, направлено противъ драматурга В. П. Лукина и также весьма сходно съ сужденіемъ о немъ „Словаря“, а потому несомнѣннымъ кажется, что и оно вышло изъ-подъ пера Новикова. Наконецъ, помѣщенное на стр. 188—189 „Смѣси“ письмо нѣкоего Правосуда, съ весьма рѣзкими отзывами о многихъ литературахъ того времени, мы приписываемъ одному изъ усерднѣйшихъ дѣятелей тогдашней литературы В. Т. Золотницкому на слѣдующемъ основаніи: въ извѣстной поэмѣ Чулкова: „Плачевное паденіе стихотворцевъ“, упоминается, между прочимъ, нѣкій авторъ, порицающій русскихъ переводчиковъ Анакреона и Овидія, а самъ сочинившій книгу „Путешествіе въ другой свѣтъ“; такая книга, дѣйствительно, была издана Золотницкимъ (Спб. 1766), а въ письмѣ, помѣщенномъ въ „Смѣси“, находятся выходки противъ авторовъ, которые — одинъ „изъ нѣжнаго Овидія“ сдѣлалъ „несноснаго враля“, а другой превратилъ Анакреона въ „глупаго украинца“.

Майковъ.

СОДЕРЖАНІЕ «ТРУТНЯ».

Двѣ опредѣленныя, ясныя идеи проходятъ сквозь все содержаніе перваго журнала Новикова: во имя ихъ сатирикъ обличаетъ современную ему дѣйствительность. Во множествѣ большихъ статей и мелкихъ замѣтокъ „Трутня" высказываетъ ту мысль, что мы, отказавшись отъ всего прошлаго нашей жизни, отъ нравовъ и обычаевъ предковъ, сдѣлавшись слѣпыми подражателями всему французскому, вмѣстѣ съ тѣмъ, потеряли и добродѣтели нашихъ предковъ, въ большинствѣ случаевъ промѣняли наше старое родное добро на новое чужое зло, какъ промѣниваемъ „разныя домащнія наши безделицы, какъ-то пеньку, желѣзо, юфть, сало, свѣчи, полотна и проч.", на „нужныя намъ товары: шпаги французскія разныхъ сортовъ, табакерки черепаховыя, бумажныя, сургучныя; кружевы, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякія такъ-называемыя галантерейныя вещи"*) — „Въ старину думали (говоритъ сатирикъ)**), что для украшенія разума науками, надлежитъ цѣлый жить вѣкъ, то-есть посвятить себя наукамъ, отстать отъ всѣхъ должностей въ обществѣ, вѣкъ учиться и быть проповѣдываніемъ добродѣтели согражданамъ своимъ, а наконецъ и самому себѣ въ тягость; изъ чего сдѣлали пословицу: *Вѣкъ живи, и вѣкъ учися*. Но молодые наши дворяне, увидя ясно невѣжество предковъ своихъ, изъ сего заблужденія вышли, и изъ стараго правила сдѣлали новое: *Недѣлю учися и вѣкъ живи*". Явилась новая наука, называемая „*украсить голову по-французски*". О приведеніи въ совершенство сея науки Франція нѣсколько лѣтъ прилагаетъ попеченіе. И хотя въ Парижѣ заведена академія волосоподвивательной науки, изданы въ народъ печатныя о томъ книги, но однакожъ и по сіе время также, какъ и философія, въ совершенство не пришла; изъ чего слѣдуетъ, что быть совершеннымъ волосоподвивателемъ также трудно, какъ и философомъ; да и науки сіи одинакія, одна украшаетъ голову снаружи, а другая внутри; а что къ первой нынѣ больше прилѣпляются, тому причиною мода. Да сіе и весьма справедливо, украшенная съ наружи голова

---

*) „Трутень". Изд. 3-е (Ефремова). Спб., 1865 г., стр. 38.

**) Тамъ же. „Статья изъ Русскаго Словаря", стр 31—33.

гораздо почтеннѣе украшенной внутри, потому, что мы всегда хвалимъ, почитаемъ и удивляемся тому, что прежде другого лучшимъ намъ покажется. А въ томъ и никакого нѣтъ сомнѣнія, что хорошо завитыя волосы скорѣе ума примѣтить можно; волосы снаружи, а умъ внутри". Какъ разошлись мы съ предками во взглядѣ на ученье, на мысль, на умъ, такъ разошлись мы съ ними и въ чувствѣ: прежде люди любили серьезно, всею душою; теперь это дѣлается иначе. „Трутень" рисуетъ[1]) портретъ молодого человѣка, который прежде „имѣлъ веселый нравъ и живые поступки; въ бесѣдахъ душою собранія почитался, и словомъ во всѣхъ между молодыми людьми веселостяхъ былъ первый; но съ нѣкотораго времени совсѣмъ перемѣнился: сталъ задумчивъ, скученъ и иногда не только другимъ, но и самому себѣ тягостенъ бываетъ. Поступки его не имѣютъ уже прежней живости, но вмѣсто того видна робость и смятеніе, и часто въ задумчивости отвѣчаетъ не то, о чемъ спрашиваютъ". Это онъ, поясняетъ сатирикъ, „влюбленъ *по дѣдовски*", т.-е. онъ человѣкъ отсталый, потому что „любовь нынѣ у насъ (говорится въ другой статьѣ, въ которой предварительно нарисовано трогательное прощанье искренно любящихъ другъ друга молодыхъ людей), любовь нынѣ у насъ завелась большею частью модная, что значитъ: увидѣть, влюбиться, получить склонность, и тотчасъ сдѣлаться невѣрнымъ; а еще моднѣе: влюбляться и измѣнять разъ по сту на день"[2]). — „Нынѣшняя любовь весьма далека отъ любви нашихъ предковъ. Многія женщины нашего вѣка не почитаютъ преступленіемъ, одного любить и шестерыхъ обманывать, и говорятъ, что истинная любовь требуетъ отъ любовника вѣры, или слѣпой довѣренности, т.-е. видѣть и быть слѣпу. Модные любовники такъ и поступаютъ: они притворяются, будто во всемъ вѣрятъ своимъ любовницамъ, хотя думаютъ совсѣмъ противное"[3]). Слѣдствіемъ такого взгляда на чувство явилось паденіе семейнаго начала; любовь супруговъ другъ къ другу стала считаться дѣломъ неприличнымъ, непринятымъ въ свѣтѣ. „Есть женщина лѣтъ пятидесяти (объявляютъ „Вѣдомости" „Тру-

1) Тамъ же, годъ II, 241.
2) Тамъ же, 303—304.
3) Тамъ же, 227.

тия"[1]). Она уже двухъ имѣла мужей, и ни одного изъ нихъ не любила, послѣдуя модѣ", теперь ищетъ третьяго. „Кто хочетъ на ней жениться, тотъ можетъ явиться у свахъ здѣшняго города". Мѣсто семейнаго счастья предковъ заняла чудовищная чувственность: Вѣдомости „Трутня" объявляютъ о такого рода подрядахъ: „для наполненія порожнихъ мѣстъ, по положенному у одной престарѣлой кокетки о любовникахъ штату, потребно поставить молодыхъ, пригожихъ и достаточныхъ дворянъ и мѣщанъ до 12 человѣкъ; кто пожелаетъ въ поставкѣ оныхъ подрядиться, или и сами желающіе заступить тѣ убылыя мѣста, могутъ явиться у помянутой кокетки, гдѣ и кондиціи имъ показаны будутъ"[2]). Образы кокетокъ и щеголихъ, съ ихъ невѣжествомъ, безграмотностью, пустотою и легкомысліемъ, съ ихъ пристрастіемъ къ нарядамъ, модамъ, сплетнямъ, любовнымъ приключеніямъ, художественно нарисованы „Трутнемъ"[3]). Не лучше кокетокъ и молодые щеголи: 16 номеръ „Трутня" объявляетъ, что продаются по дорогой цѣнѣ сочиненія гг. Искушателева и Соблазнителева: „Атака сердца кокеткина" и „Проектъ о взятіи сердецъ штурмомъ"; во то же время „раздаются безденежно: ибо оныхъ никто не покупаетъ" старыя (т.-е. предковъ) книги: „Наставленіе о добропорядочной жизни молодымъ людямъ, напечатанное въ 1748 году, и еще другія подобныя оной"[4]). Ложь царитъ въ современной жизни вообще, въ мысляхъ, въ чувствѣ и во всемъ. „Ваше къ неучтивой истинѣ пристрастіе (пишетъ издателю „Трутня" кокетка)[5]), происходитъ отъ того, что вы недовольно обращались въ свѣтѣ: что не имѣли времени разобрать обычаи нашихъ современниковъ; и слѣдовательно, слѣдуя обычаямъ предковъ, не умѣете угождать намъ". — Главной причиной паденія нравовъ Новиковъ считаетъ дурное воспитаніе русскаго юношества, воспитаніе, получаемое отъ французовъ — гувернеровъ. „На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ (говоритъ извѣстіе изъ Кронштадта)[6]) при-

---

[1]) Тамъ же, годъ I, 35.

[2]) Тамъ же, 39.

[3]) Укажу на одну изъ кокетокъ: тамъ же, годъ II, стр. 235, 292 и 304.

[4]) Тамъ же, годъ I, 102.

[5]) Тамъ же, годъ II, 238.

[6]) Тамъ же, годъ I, 100.

былъ изъ Бурдо корабль: на немъ кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 Француза, сказывающія о себѣ, что они всѣ Бароны, Шевалье, Маркизы и Графы"; на самомъ дѣлѣ эти французы — ремесленники. „Многія изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ Парижскою Полиціею, и для того она по ненависти своей къ нимъ сдѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось", „хотя было и очень искренно", т.-е. она хотѣла посадить ихъ въ Бастилію; „и ради того пріѣхали они сюда, и намѣрены вступить въ должности учителей и Гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Они скоро отсюда пойдутъ въ Петербургъ. Любезныя сограждане, спешите нанимать сихъ чужестранцевъ для воспитанія вашихъ дѣтей! Поручайте немѣдленно будущую подпору государства симъ побродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительскій, когда наняли въ учители Французовъ, не узнавъ прежде ни знанія ихъ, ни поведѣнія". Эти слова показываютъ намъ, какъ у Новикова остроумная и живая сатира тѣсно сливалась съ серьезной мыслью даже въ формѣ рѣчи. — „Какою благодарностью должны мы французамъ (пишетъ въ „Трутень" щеголиха)[1]; они насъ просвѣщаютъ". „Мы и съ хлѣбомъ и съ деньгами нашими безъ французовъ были бы дураки. Они еще дьошево продаютъ о насъ свои попеченія". Эта щеголиха выросла въ деревнѣ, подъ надзоромъ своего отца, деревенскаго хозяина. „Онъ воспиталъ меня такъ худо, говоритъ она, какъ хуже трудно и придумать. Я знала только какъ и когда хлѣбъ сѣютъ; когда садятъ капусту, огурцы, свеклу, горохъ, бобы и все то, что нужно знать дураку прикащику — Ужасное знаніе! а того, что дѣлаетъ нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной пріѣхала въ Москву и увидѣла, что я была совершенная дура. Я не умѣла ни танцовать, ни одѣваться, и совсѣмъ не знала, что такое *мода*. Вотъ до какой глупости отцы, подобныя моему, дѣтей своихъ доводятъ! Повѣришь г. Издатель? — мнѣ стыдно тебѣ признаться: — я такъ была глупа, что по пріѣздѣ только моемъ въ Москву узнала, что я хороша". Въ Москвѣ щеголиху осмѣяли столичныя кокетки за ея простоту и невѣжество, и она принуждена была 3 мѣсяца, не выѣзжая изъ дому, учиться по-модному одѣваться.

[1]) Тамъ же, годъ II, 255—259.

„Мнѣ кажется, говоритъ она, ты удивляешься, какъ могла я въ такое короткое время всему, да еще сама научиться? Я тебѣ его таинство открою, послушай: по щастію попалась мнѣ одна французская мадамъ, которыхъ у насъ въ Москвѣ довольно. Она еще до просьбы моей предложила мнѣ свои услуги: разсказала мнѣ въ какомъ я нахожусь невѣжествѣ, и что она въ состояніи изъ меня сдѣлать самую модную щеголиху. Вотъ какое изъ насъ Французы дѣлаютъ превращеніе! изъ деревенской дуры въ три мѣсяца сдѣлать самую модную щеголиху: для человѣка невозможность, французы дѣлаютъ". Изъ этого разсказа мы видимъ, что деревенскому воспитанію, даже обошедшемуся безъ образованія, Новиковъ отдаетъ предпочтеніе передъ воспитаніемъ модным, французскимъ. Вообще онъ съ сочувствіемъ относится къ деревнѣ: тамъ видитъ онъ слѣды нашей прежней жизни, остатки добродѣтелей предковъ, отъ которыхъ отреклось городское офранцузившееся общество. „Съ пріятностью деревенской жизни ничто сравниться не можетъ (говоритъ одна статья „Трутня")[1]: тамъ встаютъ рано не для того, чтобы просидѣвъ 3 или 4 часа надъ уборомъ головы, и отягчивъ оную саломъ и пудрою шататься по переднимъ комнатамъ знатныхъ бояръ; но для того, чтобъ пользоваться пріятнымъ утреннимъ временемъ, присматривать за своимъ домостроительствомъ, и примѣромъ своимъ, служителей своихъ поощрить къ трудамъ". Тамъ нѣтъ огромной музыки, садовъ со статуями и водометами; но вмѣсто этого тамъ поютъ птицы, зеленѣютъ рощи и луга, испещренные цвѣтами. Новикову нравится въ деревнѣ дѣятельная и простая жизнь, близкая къ природѣ, чуждая лести и лжи. Нравамъ городскаго, по-французски образованнаго общества, противополагаетъ сатирикъ нравы сельскаго сословія, крестьянства. Молодая замужняя госпожа Прелеста бесѣдуетъ съ разнощикомъ; „бываютъ ли между крестьянами мужья рогоносцы?" спрашиваетъ она. „Какъ же, сударыня, быть тому межъ крестьянами, что дѣлаютъ господа", отвѣчалъ крестьянинъ. Прелеста удивлена, какъ это мужъ можетъ усмотрѣть за женою; но дѣло разъясняется тѣмъ, что въ деревняхъ мужъ и жена не живутъ *по модѣ* на разныхъ половинахъ[2]).

---

1) Тамъ же, годъ I, 44.

2) Тамъ же, 54—55.

Вопросомъ о положеніи крестьянина, о крѣпостномъ правѣ помѣщика „Трутень“ интересовался очень сильно. Мысль о томъ, что крестьянинъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, что онъ имѣетъ право на свободу и что положеніе слишкомъ тяжело, есть вторая идея, положенная Новиковымъ въ основу его журнала. — „Безразсудъ болѣнъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне (говорится въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Рецепты“ [1]); а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крепостныя ево рабы... Онъ думаетъ: Я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы претерпѣвая всякія нужды, день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка: они памятуя мое и свое состояніе должны трепетать моего взора. Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано: въ потѣ лица своего снѣси хлѣбъ твой“. „Безразсудной! (восклицаетъ сатирикъ), развѣ забылъ то, что ты сотворенъ человѣкомъ, не уже ли ты гнушаешься самимъ собою въ образѣ крестьянъ, рабовъ твоихъ? развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, нежели между тобою и человѣкомъ“. Безразсуду отъ его „вредной болѣзни„ „Трутень“ даетъ такой „рецептъ“: „Безразсудъ долженъ всякой день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ“. Не нужно было быть очень проницательнымъ, чтобы въ вышеприведенныхъ словахъ прочесть прямое отрицаніе крѣпостного права, но должно замѣтить, что, по обстоятельствамъ времени, Новиковъ не могъ высказать свою мысль прямо; мало того, — и къ той формѣ, въ которой она явилась на свѣтъ, онъ долженъ былъ прибавить оговорки: крестьяне твои, говоритъ статья, обращаясь къ Безразсуду, не смѣютъ любить тебя какъ отца; а есть помѣщики — отцы, подъ властью которыхъ крестьяне „наслаждаются вождѣленнымъ спокойствіемъ, не завидуя никакому на свѣтѣ щастію, ради тово, что они въ своемъ званіи благополучны“; „истинные человѣки“, продолжаетъ статья, должны гнушаться тобою, „яко извергомъ человѣчества, преобращающаго (sic) *нужное подчиненіе* въ несносное иго рабства“. Что Новиковъ сострадалъ не только крестьянамъ

[1] Тамъ же, 147—149.

дурныхъ, безчеловѣчныхъ помѣщиковъ, что онъ считалъ крѣпостное право вообще явленіемъ ненормальнымъ, объ этомъ положительно свидѣтельствуютъ два мѣста „Трутня“: въ одномъ, разсказывая о смерти помѣщика, сатирикъ выражается: онъ „переселился въ то жилище, въ которомъ *чужихъ душъ никто не желаетъ*“[1]); въ другомъ мѣстѣ — Правдинъ пишетъ издателю „Трутня“[2]): „изъ вашихъ сочиненій примѣтилъ я, что вы къ состоянію крестьянъ чувствительны. Вы о нихъ сожалѣете вообще: похвально; но коликагожъ достойны сожалѣнія тѣ, кои во владѣніи у худыхъ помѣщиковъ!“ и т. д. Т.-е., значитъ, „Трутень“ сожалѣетъ и тѣхъ, которые находятся во власти добрыхъ помѣщиковъ, сожалѣетъ о томъ, что они рабы, будучи совершенно такими же „человѣками“, какъ и помѣщики. Эту послѣднюю мысль журналъ проводитъ особенно настоятельно, благородно и умно стараясь разбить силой логики нелѣпое предубѣжденіе о какихъ-то природныхъ преимуществахъ благороднаго сословія. Его Превосходительство г. Недоумъ боленъ духовною горячкою: „тотчасъ начинаетъ его трясти лихорадка, естьли кто предъ нимъ упомянетъ о мещанахъ или крестьянахъ. Онъ ихъ въ противность моднаго нарѣчія не удостоиваетъ ниже имени подлости, а какъ ихъ называть, того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумалъ; не ѣздитъ онъ ни въ церковь, ни по улицамъ, опасаяся смертельнаго обморока, которой непремѣнно, думаетъ онъ, съ нимъ случится встрѣтившись съ неблагороднымъ человѣкомъ“. Онъ ежечасно негодуетъ на судьбу, что долженъ пользоваться тѣмъ же воздухомъ и солнцемъ, которымъ пользуется простой народъ. Онъ желаетъ „чтобъ простой народъ со всемъ былъ истребленъ; о чемъ неоднократно подавалъ онъ проекты, которые многими ради хорошихъ и отмѣнныхъ мыслей были похваляемы“. Болѣзнь Недоума сатирикъ ставитъ въ тѣсную связь съ его невѣжествомъ: „вельможа нашъ (говоритъ онъ) ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, почитаетъ оныя безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію всякой шляхтичъ можетъ все знать ни чему не учася; философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, нестоящія вниманія

---

[1]) Тамъ же, годъ I, 43.

[2]) Тамъ же, стр. 158.

дворянскаго. Гербовники и патенты, едва, едва отъ пыли и моли спасшіяся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ". Благородное негодованіе при этомъ приводитъ Новикова къ рѣзкимъ выраженіямъ, объясняемымъ горячей молодостью сатирика: нѣтъ, говоритъ онъ, на родословныхъ деревьяхъ Недоума „такова гнилова сучка, каковъ онъ самъ, и нѣтъ такой во всѣхъ фамильныхъ его гербахъ каковъ его превосходительство"¹). — Новиковъ былъ совершенно свободенъ отъ всякихъ сословныхъ предразсудковъ, — обстоятельство, ставящее его очень высоко, ибо этихъ предразсудковъ не были чужды и такіе его современники, какъ Полѣновъ, Фонвизинъ, даже Радищевъ. Читатель могъ замѣтить въ вышеприведенныхъ выпискахъ отношенія Новикова къ слову „моднаго нарѣчія" — *подлый*. Въ одной статьѣ „Трутня"²) разсказывается, что явилось три охотника занять „порожнее мѣсто", дающее въ годъ 2000 рублей безгрѣшнаго дохода: „первый изъ нихъ дворянинъ безъ разума, безъ науки, безъ добродѣтели и безъ воспитанія... Душъ за нимъ тысячи двѣ; но самъ онъ безъ души. Короче сказать, все достоинство сего молодца въ томъ только и состоитъ, что онъ дворянинъ и родня многимъ знатнымъ боярамъ". Другой охотникъ — дворянинъ, не имѣющій важнаго родства, „поведенія добраго, разума хотя не пылка, однако наукою подкрѣпленнаго"; крестьянъ своихъ не грабитъ; словомъ, онъ — человѣкъ порядочный. „Третій проситель мѣста, *по нарѣчію нѣкоторыхъ глупыхъ дворянъ, есть человѣкъ подлой: ибо онъ отъ добродѣтельныхъ и честныхъ родился мещанъ*. Природной его разумъ, соединенный съ долговременнымъ и въ Россіи и въ чужихъ краяхъ ученіемъ, учинили его мужемъ совершеннымъ. Мало такихъ наукъ, которыхъ бы онъ не зналъ, или о которыхъ бы онъ не имѣлъ понятія; защитникъ истины, помогатель бѣдности, ненавистникъ злыхъ нравовъ и роскоши, любитель человѣчества, честности, наукъ, достоинства и отечества". „Читатель! угадай (заключаетъ авторъ статьи): глупость ли, подкрѣпляемая родствомъ съ боярами, или заслуги съ добродѣтелію наградятся?" — Такимъ образомъ, *подлымъ*, по мнѣнію Новикова, можетъ называть

¹) Тамъ же, стр. 139—141.
²) Тамъ же, стр. 26—27.

простого человѣка лишь глупый; а дѣлають насъ благородными, возвышають надъ другими только образованность и нравственныя достоинства. Въ глубокомъ уваженіи къ наукамъ, которое выразилъ Новиковъ, характеризуя третьяго искателя мѣста, выказался будущій просвѣтитель своего отечества. — „Трутень" не упустилъ изъ виду показать своимъ читателямъ и тяжелое экономическое положеніе крестьянина, его бѣдность, доходящую до обнищанія, вслѣдствіе громадныхъ оброковъ помѣщику, которые онъ, наконецъ, не въ силахъ выплатить, несмотря на невѣроятныя усилія въ работѣ и на безчеловѣчныя наказанія за недоимки. Съ этой стороны крестьянская жизнь художественно нарисована въ статьяхъ подъ заглавіемъ: „Копіи съ отписокъ", состоящихъ изъ переписки крестьянъ съ ихъ помѣщикомъ[1]). - Я ссылался только на главнѣйшія статьи „Трутня" о крестьянахъ и помѣщикахъ; цѣлый рядъ подобныхъ статей проходитъ сквозь весь первый годъ изданія журнала[2]), свидѣтельствуя, какое важное значеніе придавалъ Новиковъ вопросу о крѣпостномъ правѣ.

Не должно думать, что, говоря о „добродѣтеляхъ предковъ", Новиковъ проповѣдовалъ отчужденіе отъ иностранныхъ земель и національную исключительность. Онъ, напр., готовъ отдать должную дань уваженія иностраннымъ писателямъ: благоразумный помѣщикъ, воспитавшій дочь свою въ деревнѣ не по-модному, составилъ себѣ небольшую, но хорошую библіотеку; въ нее входятъ между прочимъ слѣдующія книги, которыя дочь его, обратившись въ кокетку, не можетъ читать: „Ѳеофаны да Кантемиры, *Телемаки, Роллени*, Лѣтописцы"[3]) и т. п. — Въ первыхъ номерахъ „Трутня" мы встрѣчаемъ объявленіе: „Молодого Россійскаго поросенка, которой ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и которой объѣздивъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньею; желающіе смотрѣть, могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города"[4]). Но не должно

---

[1]) Тамъ же, годъ I, 158—162 и 181—186.

[2]) См. слѣд. №№ (кромѣ указанныхъ выше): VI, стр. 35 и 36; XXII, 133 и 142; XXV, 155; XXVII, 164 и 167; XXXV, 212; XXXVI, 218.—1770 г.: I, 228; 232.

[3]) Тамъ же, годъ II, 255.

[4]) Тамъ же, годъ I, стр. 38.

изъ этого заключать, что Новиковъ считаетъ путешествія за границу вредными: напротивъ, — мы видѣли, что его идеальный мѣщанинъ сдѣлался „мужемъ совершеннымъ" вслѣдствіе долговременнаго „и въ Россіи *и въ чужихъ краяхъ*" ученія[1]). Если же иной „поросенокъ" воротится изъ-за границы уже „совершенною свиньею", то это потому, „что всѣ наши молодыя дворяне, путешествующія въ чужія земли, привозятъ (говоритъ „Трутень")[2]) только извѣстія, какъ тамъ одѣваются, пространное дѣлаютъ описаніе всѣмъ увеселеніямъ и позорищамъ того народа; но рѣдкой изъ нихъ знаетъ, на какой конецъ путешествіе предприниматься должно. Я почти ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ, чтобы сдѣлали они свои примѣчанія на нравы того народа, или на узаконенія, на полезныя учрежденія и протч., *дѣлающее путешествіе только нужнымъ*. Мнѣ его совсѣмъ не нравится: лучше со всѣмъ не ѣздить нежели ѣздить безъ пользы; а еще паче и ко вреду своего отечества". Глаза сатирика не закрыты и на наши родные, національные недостатки. Среди деревенской жизни, за наружнымъ благочестіемъ, онъ видитъ такіе пороки, которые не изъ чужихъ земель пришли къ намъ. „Въ нашемъ уѣздѣ есть дворянинъ (говоритъ извѣстіе изъ Коширы)[3]): онъ имѣетъ за собою три тысячи душъ, получаетъ шесть тысячъ рублей годоваго дохода и живетъ такъ, какъ научилъ его покойный родитель... Домъ господской, дѣдушка его построилъ было на время, но они такъ въ немъ обжились, что новаго и по сіе время не построили; ибо батюшка сего дворянина отягощенъ былъ дѣлами; а именно пилъ, ѣлъ и спалъ; а сынокъ къ строенію не имѣетъ охоты; но вмѣсто того упражняется въ весьма полезныхъ дѣлахъ для пользы земныхъ обитателей: ибо онъ изыскиваетъ, можетъ ли боецъ гусь побѣдить на поединкѣ лебедя". — Помѣщикъ, живущій въ деревнѣ по старымъ обычаямъ, пишетъ къ племяннику въ городъ пространное письмо съ цѣлью спасти его отъ погибели и вернуть на путь добродѣтели: откуда взялись твои пороки? говоритъ онъ: „ты, подъ присмотромъ горячо любившаго тебя родителя, жилъ дома до двадцати лѣтъ и учился не

1) Тамъ же, стр. 27.
2) Тамъ же, годъ II, 272. См. о томъ же: годъ I, стр. 56.
3) Тамъ же, годъ I, 99.

пустымъ вымыслимъ и не приносящимъ никакой прибыли наукамъ, но страху Божію; книгъ, совращающихъ отъ пути истиннаго, никакихъ ты не читывалъ: а читалъ житія святыхъ отецъ и библію". Теперь же ты совсѣмъ развратился: не хочешь вступать въ приказную службу, читаешь свѣтскія книги. „Отъ тѣхъ книгъ погибнешь ты невозвратно. Я самъ грѣшникъ, вѣдаю, что беззаконія моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступникъ законовъ, что окрадывалъ Государя, разорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мздѣ; и короче сказать, грѣшилъ, и по слабости человѣческой еще и нынѣ грѣшу почти противу всѣхъ заповѣдей, данныхъ намъ черезъ пророка Моисея, и противу гражданскихъ законовъ: но не погасилъ любве къ Богу, исповѣдываю бо Его предъ всѣми Творцемъ всея вселенныя... посты среды и пятки всѣ сохраняю, не только самъ, но и домочадцевъ своихъ къ тому принуждаю"... Вы говорите, что „за взятки надлежитъ наказывать, надлежитъ исправлять слабости". „Знаете ли вы, что такія слова не что иное, какъ первородный грѣхъ, *гордость?*" А гордыми дѣлаютъ васъ книги. „Къ чему потребно тебѣ богопротивное умствованіе, какъ и изъ чего созданъ міръ? Вѣдаешь ли ты, что судьбы Божіи неиспытанны, и какъ познавать вамъ небесное, когда не понимаете и земнова? Помни только то, что земля еси, и въ землю отъидеши. На что тебѣ учится реченіямъ иностраннымъ; языкъ намъ данъ для прославленія величія Божія, такъ и на природномъ нашемъ можемъ мы его прославляти: но вы учитесь онымъ для того, чтобы читать ихъ книги, наполненныя расколами противу закона: они васъ прельщаютъ, вы ихъ читаете съ жадностью... вы еще тѣмъ недовольны, что на тѣхъ языкахъ ихъ читаете; но чтобы совратить съ пути истиннаго и не знающихъ чужеземныхъ изреченій, вы такія книги переводите и печатаете"[1]. — Изъ этого видно, что „Трутень" не только восхищался простотою и дѣятельностью деревенской жизни, — онъ видѣлъ и грубые недостатки старосвѣтскихъ людей, живущихъ какъ жили предки; онъ видѣлъ ихъ праздную, грубую, почти животную жизнь, прикрываемую ханжествомъ, невѣжество и отвращеніе отъ мысли, грубый эгоизмъ и произволъ, дозволяющіе тѣснить

---

[1]) Тамъ же, 91—96.

и грабить ближняго[1]). Въ связи съ этимъ стоятъ въ „Трутнѣ" обличенія неправосудія и взяточничества судей. Въ многочисленныхъ статьяхъ и замѣткахъ о кривизнѣ судейской совѣсти „Трутень" нигдѣ не предполагаетъ, чтобы эта язва нашей жизни явилась къ намъ изъ чужихъ земель, какъ слѣдствіе нашего слѣпого преклоненія предъ Западомъ. Онъ, напротивъ, скорѣй склоненъ думать, какъ это видно изъ сейчасъ приведенной мною выписки, что неправду нашего суда мы наслѣдовали отъ предковъ. Я не буду приводить выписокъ изъ статей, обличающихъ эту неправду, — желающіе могутъ прочесть все это въ самомъ „Трутнѣ"[2]) или въ книгѣ Афанасьева; замѣчу только, что обличенія „Трутня" чрезвычайно остроумны и порой даже художественны[3]).

Незеленовъ.

„ТРУТЕНЬ" И „ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА".

Въ полемикѣ „Трутня" со „Всякой Всячиной" встрѣтились и поняли другъ друга представители двухъ направленій русской мысли Екатерининскихъ временъ; эта полемика объясняетъ намъ ихъ дальнѣйшія отношенія другъ къ другу. — Новиковъ въ этомъ спорѣ былъ, конечно, болѣе правъ, чѣмъ „Всякая Всячина": онъ былъ правъ, благородно отстаивая высокую мысль, что терпимость къ пороку есть дѣло нехорошее, и что эта терпимость вовсе не то же самое, что милосердіе; онъ былъ также правъ, говоря, что писателю должно быть предоставлено право дѣйствовать на нравы общества тѣмъ путемъ, какимъ онъ хочетъ, — путемъ ли сатиры на пороки, или путемъ представленія образцовъ нравствен-

[1]) См. о томъ же слѣд. №№ 1769 г.: XVIII, стр. 110 (изъ Москвы); XXIX, 117; XXXI, 191.

[2]) Въ слѣд. №№ 1769 г.: стр. I, 8; II, 13; III, 16; VI, 40; VII, 42; IX, 55 и 57; XIII, 79; XV, 91; XVI, 101 и 102; XVIII, 113; XXI, 132; XXIII, 142; XXV, 151; XXVI, 157; XXX, 172; XXXIII, 200 и 201; XXXIV, 206; XXXV, 214. — 1770 г.: I, 228 и 229; VII, 261; VIII, 270—271; XI, 287; XII, 294 и 295; XIII, 299; XIV, 305; XVII, 325.

[3]) Напр. 1769 г. № 1, стр. 55: Судья *Забылъ-честь*, „подчиненнымъ своимъ ничего не приказываетъ, не сказавъ *во святой часъ*, и не прочитавъ молитву *пресвятой Троицѣ...* дѣла подписываетъ перекрестясь, говоря: *честной-де крестъ на враги побѣда*, не смотря, что тѣ его враги бываютъ иногда законы, истина, правосудіе, честь и добродѣтель".

ныхъ доблестей. Наконецъ, отчасти правъ былъ Новиковъ, даже утверждая, что сатира должна быть сатирой „на лицо". „Меня никто не увѣритъ въ томъ, говоритъ „Трутень" [1]), чтобы Моліеровъ Гарпагонъ писанъ былъ на общій порокъ", — и дѣйствительно, мы теперь очень хорошо знаемъ, что не только сатирикъ, но и вообще поэтъ для своихъ созданій нуждается, подобно живописцу, въ натурщикахъ: только „Трутень" ошибся, думая, что натурщикъ есть оригиналъ, а художественное произведеніе — копія, — онъ отнялъ такимъ образомъ у художественныхъ созданій ихъ типическое значеніе; при чемъ слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что такъ дѣйствовалъ „Трутень" только въ теоріи, на дѣлѣ его кокетки, судьи, помѣщики — часто живыя, типическія лица. Оружіе, которымъ боролся Новиковъ, было такъ же благородно, какъ и то, за что онъ поднималъ его: это оружіе — ясная и строго-логическая мысль. „Всякая Всячина" отстаивала въ полемикѣ ту идею, что свѣтъ вовсе не такъ худъ, какъ онъ представляется инымъ людямъ, что вовсе нѣтъ нужды его передѣлывать, что со слабостями, которыя мы видимъ въ людяхъ, легко примириться, ибо совершеннымъ никто быть не можетъ; оттого нѣтъ нужды предаваться „меланхоліи" и негодованію; добрый человѣкъ долженъ въ жизни веселиться и быть ко всему снисходительнымъ. Эта мысль журнала есть матеріалистическая мысль вольтеріанства, — она проведена, напр., самимъ Вольтеромъ въ его повѣсти „Свѣтъ какъ онъ есть". „Всякая Всячина" совершенно справедливо сказала про себя: нашъ полетъ по землѣ, а не на воздухѣ, *еще же менѣе до небеси"* [2]). И оружіемъ для борьбы послужило „Всякой Всячинѣ" то же оружіе волтеріанства, — софизмъ. Положенія, которыми она отстаиваетъ свою идею, — чисто софистическія; таковы, напр., мысли: что приказные не были бы мздоимцами, если бы ихъ не соблазняли взятками сами истцы; что обличать взяточничество — значитъ не имѣть „повѣренности и почтенія къ установленнымъ правительствамъ"; что снисхожденіе къ слабостямъ или порокамъ есть то же самое, что милосердіе; что относящійся къ порокамъ съ негодованіемъ и казнящій ихъ смѣхомъ есть человѣкъ злой души.

---

[1]) Тамъ же, 152.

[2]) „Всякая Всячина", стр. 140.

Послѣ всего сказаннаго чрезвычайно странной представляется намъ мысль, утверждающая, что Новиковъ какъ сатирикъ не отличался самостоятельностью воззрѣній и обличеній. Кажется, съ полной достовѣрностью можемъ мы утверждать, что Новикову было извѣстно, кто стоялъ во главѣ изданія „Всякой Всячины"; такъ думалъ акад. Пекарскій: онъ указалъ, что Новиковъ въ своемъ словарѣ, называя поименно издателей всѣхъ сатирическихъ листковъ, про одну только „Всякую Всячину" отозвался уклончиво, что сочиненіе ея *нѣкоторые приписываютъ* Козицкому[1]). Къ этому соображенію можно прибавить еще слѣдующія: „Всякая Всячина", какъ увидимъ далѣе, посылала письма къ издателю „Трутня", т.-е. значитъ знала его; по всей вѣроятности и Новиковъ также зналъ своихъ литературныхъ противниковъ; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что издатели „Всякой Всячины" были извѣстны издателю журнала „Кое-что": въ 63 статьѣ „Всячины"[2]) упоминается о присылкѣ ей отъ этого издателя письма съ какимъ-то приложеніемъ. Наконецъ издатели „Всячины" какой бы таинственностью они ни прикрывались, едва ли могли быть неизвѣстны Новикову, какъ ревностному собирателю матеріаловъ для своего словаря: отъ современниковъ труднѣе скрыться, чѣмъ отъ потомства[3]).

Но если Новиковъ зналъ, что главный редакторъ „Всякой Всячины" — императрица, то какъ примирить въ такомъ случаѣ противорѣчивые факты: съ одной стороны рѣзкую полемику „Трутня" со „Всякой Всячиной, съ другой — слова его, что теперь брать взятки стало не такъ легко, какъ прежде, что явились идеальные прокуроры и т. д.? Если даже допустить, что Новикову было неизвѣстно, что полемическія статьи

---

[1]) Матер. для ист. журн. и лит. дѣятельности Ек. II, Пекарскаго. Прил. къ III т. Зап. Ак. Н., 1863 г.

[2]) „Всякая Всячина", стр. 168.

[3]) Что „Трутню" было извѣстно участіе имп-цы во „Всячинѣ" видно, быть можетъ, и изъ слѣдующихъ словъ письма Правдулюбова („Трут." 1769 г., стр. 48): „Госпожа Всякая Всячина написала, что пятый листъ Трутня уничтожаетъ... уничтожить, т.-е. въ ничто превратить, есть слово самовластію свойственное; а такимъ бездѣлицамъ, какъ ея листки, никакая власть не прилична; уничтожаетъ верьхняя власть какое нибудь право другихъ. Но отъ госпожи Всякой Всячины довольно бы было написать, что презираетъ, а не уничтожаетъ мою критику".

противъ него пишетъ сама государыня[1]), то во всякомъ случаѣ онъ долженъ же былъ понимать, что „Всякая Всячина" проводитъ взгляды, угодные ей. Дѣло въ томъ, что противорѣчіе здѣсь только кажущееся. Въ полемикѣ съ „Трутнемъ" императрица высказывала отвлеченную теорію, которой она увлечена была подъ вліяніемъ идей Вольтера; но она была далека еще въ это время отъ осуществленія подобныхъ идей на практикѣ: еще не закрыта была знаменитая Комиссія, и императрица, противорѣча себѣ, указывала на нее въ одной изъ полемическихъ статей, какъ на средство къ исправленію правосудія; личный характеръ Екатерины высоко цѣнился всѣми, и Новиковъ былъ одинъ изъ наиболѣе увлеченныхъ личностью молодой государыни; наконецъ, сама „Всякая Всячина" далеко не строго придерживалась въ своихъ статьяхъ идей, проводимыхъ ею въ полемикѣ: мы встрѣчаемъ въ ней, впродолженіе этой борьбы ея съ „Трутнемъ и послѣ, довольно сильныя обличенія взяточничества[2]). Все это, конечно, Новиковъ очень хорошо видѣлъ, — и онъ рѣшился вступить въ литературный споръ съ императрицей, надѣясь разбить въ ея собственномъ сознаніи отвлеченную теорію, навѣянную ей ученіями энциклопедистовъ; онъ, по всей вѣроятности, думалъ, что правда его словъ будетъ поддержана въ глазахъ императрицы благородствомъ ея личнаго характера, возвышенными стремленіями ея чувства и ума. Этимъ объясняется и рѣзкая смѣлость полемики. Послѣдствія тотчасъ показали, что Новиковъ, можетъ быть, не ошибся: на самую рѣзкую статью „Трутня", гдѣ „Всякая Всячина" обвинялась въ непониманіи русской рѣчи и неумѣніи изъясняться по-русски, или, лучше сказать, въ неумѣніи логически мыслить, императрица отвѣтила уступкой: оставивъ враждебный тонъ, бросивши споръ, она заявила свою мысль, что лучше рисовать примѣры доблестей, чѣмъ дѣйствовать на нравы сатирой; смѣяться постоянно надъ недостатками можетъ только злой человѣкъ. Новикова признала она, такимъ образомъ, человѣкомъ дурнымъ; но видно, что мысль его на нее подѣйство-

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ статей подписаны Патрикіемъ Правдомысловымъ; а изъ ст. Пекарскаго „Матер. для ист. журн. дѣят. Ек. II" видно, что это псевдонимъ Екатерины.

[2]) „Всякая Всячина", стр. 306, 376, 395.

вала. До конца изданія „Трутня“ Екатерина оставалась при томъ мнѣніи, что издатель его — человѣкъ съ злымъ сердцемъ, что онъ своими статьями можетъ быть даже вреденъ молодымъ людямъ, она даже остановила изданіе „Трутня“. Но мысль Новикова не переставала дѣйствовать въ ея умѣ: уже во „Всякой Всячинѣ“ она признала своего литературнаго противника остроумнымъ писателемъ и умнымъ человѣкомъ[1]); а чрезъ нѣсколько времени она стала сообщать ему историческія рукописи для его изданій, и, наконецъ, письменно обѣщала свое сотрудничество въ его новомъ сатирическомъ журналѣ — „Живописецѣ“, — ясно, что мнѣніе ея о нравственныхъ свойствахъ Новикова измѣнилось, готовъ былъ измѣниться и ея взглядъ на сатиру и, быть можетъ, вообще ея міросозерцаніе. Только такимъ образомъ можно объяснить — какъ это случилось, что черезъ полгора года по запрещеніи „Трутня“, явилась возможность издавать „Живописецъ“.

Но если мысль Новикова такъ подѣйствовала на императрицу, то въ свою очередь и ея мысль повліяла, быть можетъ, на молодого издателя „Трутня“, — я разумѣю мысль о дѣйствіи на нравы изображеніемъ добрыхъ примѣровъ. Вскорѣ послѣ „Трутня“ Новиковъ начинаетъ издавать памятники русской исторіи съ цѣлью показать своимъ современникамъ образцы хорошей жизни, доблестныхъ дѣлъ и характеровъ нашихъ предковъ. А черезъ нѣсколько времени онъ даже отрекается отъ сатиры.

Незеленовъ.

Полемика, возникшая между „Всякой Всячиной“ и ея внучатами, между которыми по смѣлости и рѣзкости своихъ обличеній выдавались особенно „Трутень“, „Смѣсь“ и „Адская Почта“, не могла не заинтересовать въ высокой степени современное этимъ журналамъ общество какъ по новости появленія самой журналистики, посвященной „злобѣ дня“ того времени, такъ и по высокому положенію одной изъ полемизировавшихъ сторонъ. На литературу вообще, въ особенности на русскую, общество наше смотрѣло какъ на забаву, литераторовъ считало чуть не за балагуровъ, помогающихъ досу-

---

1) „Всякая Всячина“, стр. 403.

жимъ людямъ пріятно убить свое время, — и вдругъ читаютъ въ „недѣльныхъ листкахъ“ анонимныя статьи о такихъ щекотливыхъ „матеріяхъ“, о которыхъ еще такъ недавно никто не смѣлъ разсуждать вслухъ. Печальное состояніе правосудія въ Россіи, ужасы крѣпостного права, повальное невѣжество, грубость нравовъ и продажность даже въ высшихъ классахъ общества, — все это ярко обрисовается и обсуживается на страницахъ сатирическихъ журналовъ 1769 г. Можно представить себѣ переполохъ, поднятый въ тѣхъ „темныхъ царствахъ“, куда не проникалъ еще лучъ свѣта, и гдѣ, среди духовной слѣпоты и нравственной грязи, такъ привольно и легко было щукамъ ловить карасей! Смущеніе должно было увеличиться еще болѣе, когда узнали, что во главѣ журнальнаго движенія, возмутившаго общественную тишь да гладь, стоитъ сама государыня. Если объ участи ея во „Всякой Всячинѣ“ знали журналисты[1]), то тѣмъ менѣе могло оно укрыться отъ „придворныхъ господчиковъ“ и „знатныхъ бояръ“, которымъ легко было догадаться объ источникѣ небывалой еще въ Россіи свободы слова. Понятно, съ какимъ интересомъ и съ какой тревогой дворянство, чиновничество и знать, какъ и всѣ грамотные люди, должны были прислушиваться къ голосу журналовъ 1169 г. и въ особенности къ голосу „Всякой Всячины“[2]): въ издательницѣ и главномъ редакторѣ ея, т.-е. Екатеринѣ, всѣ видѣли не писательницу, слова которой разносились бы вѣтромъ, а самодержавную императрицу, имѣвшую возможность приложить свои идеи къ практикѣ. Поэтому неудивительно, что Екатерина, давъ свободу другимъ журналамъ, сама, однако, вынуждена была быть крайне осторожной въ изложеніи своихъ мнѣній во „Всякой Всячинѣ“, лавировать, прибѣгать къ недомолвкамъ и, быть можетъ, не всегда говорить искренно: она не могла не знать, какое значеніе придадутъ каждому ея слову. Нѣкоторая двойственность, замѣчаемая въ направленіи „Всякой Всячины“, служитъ, по нашему мнѣнію, лишь отраженіемъ политическаго положенія государыни и трудность принятой ею на себя задачи — быть публицистомъ-проповѣдникомъ новыхъ идей и реформъ, на-

[1]) „Н. И. Новиковъ“ соч. Незеленова, стр. 165.

[2]) Объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ Макаровъ. См. „Отеч. Записки“ 1839 г., т. V, смѣсь, стр. 29.

мѣченныхъ еще въ „Наказѣ“, и въ то же время сохранять безпристрастіе, достоинство и умѣренность монархини при столкновеніи личныхъ мнѣній, сословныхъ интересовъ, или при возбужденіи такихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ для нея, какъ главы государства, въ видахъ „общей пользы и общаго блага“, могло казаться несвоевременнымъ. Думать, что Екатерина, будучи самодержавной императрицей, могла дѣлать, что хотѣла, проводить свои идеи въ жизнь безъ особыхъ затрудненій, значило бы не знать Екатерины, не знать эпохи, въ которой она жила. Умъ государыни, практическій, холодный, чуждъ былъ односторонности и прямолинейности въ воззрѣніяхъ, а воля, при всей своей твердости и устойчивости, не сокрушала препятствій, а обходила ихъ, насколько это было возможно; вообще, Екатерина избѣгала суровыхъ, жестокихъ мѣръ, любила дѣйствовать осторожно, медленно, безъ потрясеній общественнаго организма, не походя въ этомъ отношеніи на Петра Великаго, бывшаго ея образцомъ. Правда, и положеніе ея было очень трудное. Уже по вступленіи на престолъ, она выслушивала притязанія К. Разумскаго на наслѣдственное гетманство въ Малороссіи, проектъ Н. Панина объ образованіи Совѣта при Екатеринѣ, долженствовавшаго носить олигархическій характеръ; не говоримъ уже о хаосѣ, царствовавшемъ въ управленіи огромной имперіи, о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, сдѣлавшихся обычными явленіями. Вотъ почему императрица дѣйствовала крайне осторожно и медленно; дѣлая одно, закрывала глаза до времени на другое; щадила личности, надѣясь уничтожить злоупотребленіе въ корнѣ, и, думая предпринять какую-либо реформу, тщательно извѣдывала почву, чутко прислушиваясь къ отзывамъ лицъ компетентныхъ или заинтересованныхъ. Когда дворянство въ Комиссіи уложенія высказалось противъ уничтоженія крѣпостного права, Екатерина не рѣшилась дѣйствовать собственною властью, какъ ни желала освобожденія крестьянъ: дворянство было въ то время и мечомъ, и перомъ Россіи, — но зато достигла другихъ цѣлей. Самыя чистыя, безкорыстныя, направленныя къ „общему благу и общей пользѣ“, стремленія просвѣщенной монархини разбивались при встрѣчѣ съ суровой дѣйствительностью; мало того, государыня часто должна была скрывать свои мысли и придавать имъ иное значеніе. Что такое положеніе дѣлъ производило

тяжелое впечатлѣніе на Екатерину, что разница въ мысляхъ и дѣлахъ должна была заставлять ее задумываться надъ причиной, которая вынуждала самодержавную императрицу поступать иногда вопреки собственнымъ мыслямъ и чувствамъ и итти къ цѣли окольными путями, — видно изъ бумагъ, недавно обнародованныхъ изъ переписки Екатерины съ д'Аламберомъ[1]). Въ числѣ этихъ бумагъ находится слѣдующая записка Екатерины къ д'Аламберу (изъ письма къ г-жѣ Жоффренъ), писанная ею въ концѣ 60-хъ годовъ, которую мы, по ея важности для характеристики императрицы, рѣшаемся привести цѣликомъ:

„Предлагается вопросъ: отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, произойдетъ ли хорошій и полезный общій результатъ?

„Для того, чтобы дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, желательно, чтобы онъ былъ болѣе развитъ.

„Несомнѣнно, прежде всего, что если правила, о которыхъ идетъ рѣчь, дѣйствительно, хороши, истинны, выражены точно и такимъ образомъ, что не подлежатъ никакому измѣненію, ни ограниченію въ ихъ изложеніи, то въ случаѣ примѣненія ихъ на практикѣ, не можетъ не произойти очень хорошій результатъ. Если же подобнаго результата не произойдетъ, то это будетъ значить, что неосновательно смотрѣли на эти правила, при примѣненіи ихъ на практикѣ, безусловно общія и неизмѣнныя. Примѣръ: прекрасно прощать — вотъ превосходное общее правило. Но однако законоучитель, государь и т. д., которые постоянно примѣняли бы его на практикѣ, открыли бы дверь всякаго рода преступленіямъ, потому что это правило, въ его общности, нужно лишь для частныхъ лицъ, но не для государства; даже не вполнѣ еще вѣрно, чтобы оно могло существовать безъ ограниченія и для частныхъ лицъ. Другой примѣръ: нужно всегда говорить людямъ правду. Вообще, это вполнѣ справедливо, но справедливо ли это безъ ограниченія? Было ли бы благоразумно и полезно провозглашать по улицамъ Константинополя: Магометъ обманщикъ! Можно бы привести тысячу подобныхъ примѣровъ. Заключеніе мое состоитъ въ томъ, что отъ накопленія хорошихъ правилъ, измѣненныхъ на практикѣ, можетъ произойти и дур-

[1]) Г. Кобеко въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1884 г., т. XVI.

ной результатъ, если не будутъ приняты во вниманіе тѣ измѣненія, которымъ иногда (и даже часто) должны подвергаться эти правила при примѣненіи ихъ на практикѣ и которыя зависятъ отъ мѣста, времени, лицъ, народнаго характера, — однимъ словомъ, отъ тысячи различныхъ причинъ, которыя законодатели и государи должны знать и принимать въ соображеніе"[1]).

Что отвѣчалъ д'Аламберъ Екатеринѣ на этотъ вопросъ, и какими предѣлами онъ ограничивалъ путь компромиссовъ, на который готовилась вступить монархиня, — неизвѣстно; но можно подозрѣвать, что легкость морали творцовъ энциклопедіи дала себя знать и въ этомъ случаѣ: д'Аламберъ долженъ былъ скорѣе наталкивать Екатерину по скользкому пути компромиссовъ на сдѣлки съ совѣстью, чѣмъ воздерживать ее отъ этого, уже въ силу присущаго энциклопедистамъ цинизма воззрѣній на жизнь и человѣка. Можно даже пожалѣть, что за разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ Екатерина обращалась къ французскимъ философамъ: ведя борьбу противъ грубости нравовъ и невѣжества современнаго ей общества, она въ то же время должна была, въ видахъ гуманности и пользы человѣчества, быть настороже и отъ самихъ философовъ, стоявшихъ во главѣ умственнаго движенія вѣка. Въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, митрополитъ Платонъ былъ не совсѣмъ неправъ, высказавшись открыто противъ сношеній Екатерины съ энциклопедистами, чѣмъ вызвалъ самооправданіе императрицы[2]).

Темныя стороны вліянія Вольтера и другихъ философовъ на Екатерину и современное ей русское общество уже установлены съ достаточною ясностью[3]). Тѣ дѣйствія Екатерины, которыя подвергаются порицанію въ настоящее время, совершенно оправдались духомъ и направленіемъ философіи XVIII в., и, наоборотъ, эта же философія была противъ гуманныхъ мѣръ, которыя желала провести императрица въ началѣ своего царствованія. Стремленіе императрицы освободить крестьянъ встрѣтило противодѣйствіе со стороны тѣхъ же

---

[1]) Тамъ же, стр. 295—296.

[2]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XIII, стр. XVIII.

[3]) Незеленовъ, „Николай Ивановичъ Новиковъ"; его же „Литературы въ Екатерининскую эпоху" въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1884 г., т. XVI.

философовъ, сошедшихся въ этомъ случаѣ во взглядахъ съ ярыми крѣпостниками Екатерининской эпохи. Простой народъ, по ихъ мнѣнію, „должно школить какъ медвѣдей“; „разумъ восторжествуетъ, но у людей благородныхъ. канальи (sic!) созданы не для него“; „нужно разрушить суевѣріе у благородныхъ людей и оставить канальямъ“; народъ — это быки, которымъ нужно ярмо, гонщикъ и кормъ“; мало того, они думали, что освободить или не освобождать крестьянъ составляетъ право помѣщиковъ, а отнюдь не императрицы[1]). Такія воззрѣнія „передовыхъ людей“ не могли, разумѣется, не смущать Екатерины, уже предчувствовавшей сопротивленіе дворянства и смягчившей, вслѣдствіе того, первоначальную редакцію „Наказа“. Но и въ срединѣ Комиссіи Уложенія мысли Екатерины объ освобожденіи крестьянъ не встрѣтили сочувствія; напротивъ, „отъ дворянства, купечества и духовенства послышался дружный и страшно-печальный крикъ: „рабовъ!“[2]). Какъ недовольна была Екатерина этимъ трогательнымъ единодушіемъ между французскими философами и русскими крѣпостниками, видно изъ слѣдующей записки ея, сохранившейся въ государственномъ архивѣ: „если крѣпостного нельзя признать персоною, слѣдовательно онъ не человѣкъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано“[3]). „Умоначертаніе“ народное высказалось и въ вопросѣ о пыткѣ. Хотя въ „Наказѣ“ Екатерина и осудила пытку, но гласно отмѣнить ее не рѣшилась, разославъ только секретное предписаніе губернаторамъ не употреблять ея въ дѣлахъ, доходящихъ до пытки. Указъ Екатерины объ уничтоженіи пытки, уже написанный, встрѣтилъ такое сопротивленіе, что она должна была ограничиться одною только этою мѣрой. Въ извѣстной біографіи Сиверса разсказывается, „что сенаторы, министры стали говорить, что теперь никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли станетъ поутру; что ни дома,

---

1) Историческій Вѣстникъ 1884 г., т. XVI, стр. 256—259.

2) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XXVII, стр. 121.

3) Тамъ же, стр. 329, въ „Примѣчаніяхъ“.

ни въ постели не будеть безопасности отъ злодѣевъ"[1]). Ясно стало для государыни, что мало пользы кричать на улицахъ Константинополя: Магометъ обманщикъ! Но, увидѣвъ, что почва, на которой она хотѣла посѣять добрыя сѣмена реформы, оказалась неудобной для посѣва, Екатерина не потерялась: она задумала произвести, по выраженію Соловьева, удобреніе почвы посредствомъ нравственно-политическаго развитія народа. Для этой цѣли, какъ мы сказали выше, она и обратилась къ журналистикѣ, хотя и здѣсь должна была дѣйствовать съ осторожностью, строго взвѣшивая каждое слово и ограничивая иногда дѣйствіе хорошаго правила: нужно всегда говорить людямъ правду. Зато „Трутень" и другіе журналы, вызванные Екатериной къ жизни, пользовались, какъ мы увидимъ ниже, самой широкой свободой слова, какой не пользовались почти никогда, ни прежде ни послѣ, русскіе журналы. Благодаря этой свободѣ, журналы эти, преслѣдовавшіе тѣ же просвѣтительныя и общественныя цѣли, какъ и журналъ Екатерины „Всякая Всячина", разошлись скоро во взглядахъ со „Всячиной" на средства къ достиженію этихъ цѣлей, и тогда началась полемика, въ которой главнымъ противникомъ „Всякой Всячины" явился „Трутень", издаваемый Новиковымъ.

Ради чего же поссорилась „бабушка" со „внучками?" чѣмъ объяснить то обстоятельство, что, не сойдясь во взглядахъ на реформы ни съ философами, ни съ Комиссіей, императрица должна была вступить въ борьбу и съ тѣми, которые вполнѣ сочувствовали ея преобразовательнымъ цѣлямъ и, казалось, могли быть только ея союзниками и опорой? Не испытала ли императрица и здѣсь новаго разочарованія при всей искренности и наилучшихъ намѣреніяхъ своихъ литературныхъ противниковъ?

Мы уже видѣли, что высокоофиціозное значеніе „Всякой Всячины", какъ негласнаго органа главы государства, должно было отразиться и, дѣйствительно, отразилось на характерѣ и тонѣ этого изданія. „Говоря русскимъ о русскихъ", Ека-

[1]) Что уничтоженіе пытки въ Екатерининское время, съ юридической точки зрѣнія, не даромъ казалось обществу опасной мѣрой, см. въ статьѣ К. П. Побѣдоносцева „Русскій Вѣстникъ" 1860 г. т. XXX, стр. 467–471). Объ убійствѣ Жуковыхъ.

терина, поневолѣ, должна была быть чрезвычайно сдержанной и осторожной по отношенію къ язвамъ общественнаго быта. Главнымъ же предметомъ ея обличеній были злоупотребленія въ сферѣ дѣйствующаго законодательства и, преимущественно, грубость нравовъ и невѣжество. Вмѣстѣ съ лучшими умами XVIII в., Екатерина думала, что корнемъ всему добру и злу является воспитаніе, — взглядъ столь же крайній, какъ и взглядъ новѣйшаго времени, когда исключительное значеніе стали придавать лишь образованію, смѣясь надъ словами Стародума, что „наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое орудіе дѣлать зло“; питая недовѣріе къ дѣйствительности крутыхъ мѣръ власти противъ зла, которымъ пораженъ весь общественный организмъ, императрица была увѣрена, что злоупотребленія и язва общественнаго быта будутъ исчезать по мѣрѣ смягченія грубости нравовъ, когда въ порочную среду станутъ проникать свѣтлыя, гуманныя и высоконравственныя идеи; частныя административныя мѣры и журнальныя обличенія проявленій зла, по мнѣнію Екатерины, не достигали своей цѣли, разжигая только личныя страсти, возбуждая недовольство въ обществѣ и мѣшая спокойному обсужденію вопросовъ. Преслѣдуя общія, воспитательныя цѣли, „Всякая Всячина“ предполагала только „изрѣдка касаться пороковъ, чтобы тѣмъ подъ примѣромъ какимъ не оскорблять человѣчества; но, располагая свои другимъ наставленія, поставлять примѣръ въ лицѣ человѣка украшеннаго различными совершенствами, т.-е. добронравіемъ и справедливостью... присоединять къ тому пользы, изъ того проистекающія, и сладкое сіе удовольствіе, какое чувствуетъ хранящій добродѣтель... Вотъ славный способъ исправляти слабости человѣческія!“[1]).

Характеръ журнала опредѣлился уже въ первыхъ его выпускахъ: съ одной стороны, помѣщено было въ нихъ довольно злое стихотвореніе, направленное противъ дворянскихъ предразсудковъ, а съ другой — статья, содержаніе которой является отвѣтомъ на вопросъ: „къ чему служатъ законы, когда нравы испорчены“.

Такая односторонняя, узкая программа „Всякой Всячины“ при свободѣ „говорить русскимъ о русскихъ“ разумѣется, не

---

1) „Всякая Всячина“, въ письмѣ Добросовѣтова (стр. 213—215).

могла быть усвоена другими журналами: издатели ихъ не были въ томъ фальшивомъ и стѣсненномъ положеніи, въ какомъ находился издатель „Всякой Всячины“, а въ цѣляхъ Екатерины было очень желательно, чтобы они говорили то, чего не могла сказать она по своему высокому положенію. Въ то же время издатели журналовъ 1769 г., и въ особенности Новиковъ, не раздѣляли увлеченія императрицы идеей исправленія язвъ общественныхъ путемъ воспитанія, не зная о трудности положенія государыни, возлагали, можетъ-быть, слишкомъ пылкія надежды на возможность этого исправленія дѣйствіемъ власти, мѣрами законодательными, не могли они также понять, какъ можно, говоря о злѣ, не указывать частныхъ его проявленій въ жизни, такъ какъ только такимъ образомъ можно было создать правильное представленіе и о свойствахъ зла, и о размѣрахъ его. Самая умѣренность тона, крайняя сдержанность и терпимость „Всякой Всячины“, исходившая изъ свойствъ положенія и личнаго характера императрицы, производили непріятное впечатлѣніе на ея собратьевъ по журналистикѣ — въ эпоху, о которой сама Екатерина писала впослѣдствіи: „мысли и умы, долго были угнетены подъ тяжестью тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались, а накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока, не осушивъ дна, онаго не откроетъ“ [1]). Нѣтъ ничего страннаго, значитъ, въ томъ, что, почти тотчасъ по рожденіи, „внучата“ объявили „бабушкѣ“ войну, въ которую она, однако, вступила съ видимой неохотой; зная великодушіе „бабушки“, не будемъ также удивляться, что къ брани и оскорбленіямъ, какими осыпали ее возмутившіеся „внучата, она отнеслась съ тѣмъ же спокойствіемъ и тою же терпимостью, которыя и послужили поводомъ къ раздору [2]).

Любопытны подробности этой замѣчательной полемики какъ по важности ея историческаго значенія, такъ и по вопро-

---

[1]) „Сочиненія Екатерины II“, т. III, стр. 12.

[2]) Указанія на эти крайне неприличныя выходки „внучатъ“ находятся, между прочимъ, и въ статьѣ г. Тимоѳеева: „Образцы журнальной полемики прошлаго вѣка“ „Истор. Вѣстникъ“, сентябрь 1887 г.). Авторъ, къ сожалѣнію, пропускаетъ значеніе этихъ выводовъ для характеристики Екатерины. Слѣдуя Пекарскому и г. Незеленову онъ относитъ эту брань вообще къ редакціи „Всячины“, забывая, что „внучата“ отлично знали, кто стоитъ во главѣ этой редакціи.

самъ, затронутымъ ею, о хищеніяхъ разнаго рода, съ соблюденіемъ или безъ соблюденія законныхъ формъ, о связи этихъ хищеній съ состояніемъ общества и государства и, наконецъ, о мѣрахъ къ ихъ искорененію. Въ связи съ этимъ впервые въ русской литературѣ былъ поднятъ и принципіальный вопросъ: является ли улучшеніе нравственныхъ свойствъ общества слѣдствіемъ коренныхъ измѣненій въ учрежденіяхъ и законодательствѣ, или наоборотъ, не должны ли эти измѣненія совершаться лишь по мѣрѣ развитія народной нравственности и въ строгомъ соотвѣтствіи съ нею. Припомнимъ, что этотъ же вопросъ, по поводу рѣчи Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ, вызвалъ рядъ тенденціозныхъ толкованій и въ современной литературѣ, хотя, казалось бы, въ настоящее время нельзя не признать самой постановки вопроса не совсѣмъ правильной въ такой рѣзкой, категорической формѣ: истина, безспорно, находится между двумя этими противорѣчивыми мнѣніями, не нуждаясь для своего торжества ни въ „реакціонныхъ“, ни въ „либеральныхъ“ кличкахъ и измышленіяхъ. Исторія не знаетъ кабинетной прямолинейности, навязываемой ей теоретиками: запутанныя и сложныя комбинаціи общественной жизни, по извѣстному сравненію, это тѣ же морскія волны, изъ которыхъ однѣ несутся сплошными, но темными массами, а другія, поверхностныя и пѣнистыя, вздымаются вѣтромъ, въ направленіи иногда противоположномъ главному теченію... Мысль исторіи познается не въ отдѣльныхъ историческихъ фактахъ, а въ цѣлостной ихъ совокупности.

Съ самаго начала изданія „Всякой Всячины“ Екатерина не только сама избѣгала столкновеній на журнальномъ поприщѣ, но, сознавая высокое значеніе печатнаго слова*) и имѣя въ виду лишь достиженіе намѣченной просвѣтительной цѣли, заботилась также о томъ, чтобы и другіе журналы „хранили между собой ненарушимую дружбу и согласіе

*) „О печать! Конечно, самъ Богъ просвѣтилъ того человѣка, кто тебя выдумалъ. Тобою сохраняются описанія великихъ дѣлъ человѣческихъ; тобою летаютъ мысли генія отъ востока до запада, отъ полудня до полуночи; ты истребляешь вредныя роду человѣческому предразсужденія, тобою открывается истина, тобою изъ примѣровъ научаются цари царствовать, министры охранять отечество, полководцы искусству воинскому, судьи разысканію правды. Колико способствуешь ты людямъ ко благополучію!...“ „Всякая Всячина“, стр. 117—118.

вѣчное". Такъ, послѣ легкой размолвки, происшедшей между „Всякой Всячиной" и „Ни то ни се", она спѣшила уничтожить въ самомъ корнѣ источникъ размолвки. „Объявляемъ нашимъ корреспондентамъ, писала она во „Всякой Всячинѣ", добровольно, непринужденно, въ удовольствіе публики, что ни единое такое письмо, ни сочиненіе не будетъ болѣе имѣть мѣста во „Всякой Всячинѣ", изъ котораго бы могли родиться споры и брани съ прочими издаваемыми листами: совѣтую притомъ, по праву старшинства, и поколѣнію „Всякія Всячины" отложити всѣ домашнія распри, и только единственно упражняться довольствовати читателей пріятными и полезными задатками"*). „Корреспонденты" „Всякой Всячины и впослѣдствіи, однако, подали поводъ къ возбужденію полемики между журналами, на этотъ разъ болѣе серьезной по своему содержанію и характеру. Нужно сказать, что уже во второмъ листѣ своего журнала, для успѣха своего дѣла, Екатерина сочла необходимымъ обратиться за содѣйствіемъ къ обществу: ...„можетъ статься, объявила она, иногда разные люди пожелаютъ намъ сообщить свои мнѣнія, сочиненія или переводы, либо подать намъ совѣты, или имѣть съ нами переписку для внесенія чего-либо въ наши листы съ приложеніемъ имени своего *или безъ имени:* то дабы способствовать каждому изъ нихъ въ отысканіи нашихъ жилищъ, мы симъ объявляемъ, что на почтовомъ дворѣ приняты будутъ пакеты съ надписью: Господину сочинителю „Всякія Всячины"... Мы же обѣщаемъ вносити въ наши листы все то, что насъ не введетъ въ тяжбу съ благочиніемъ, лишь бы оно чуть сносно было написано; ибо подъ заглавіе „Всякая Всячина" все годится какъ стихи, такъ и проза"**). Такое приглашеніе, разумѣется, не могло пройти безслѣдно: чрезъ двѣ недѣли редакція „Всякой Всячины" сообщила уже объ огромномъ количествѣ полученныхъ ею писемъ***) Безъ сомнѣнія, содержаніе этихъ писемъ не могло въ высокой степени не интересовать государыни: письма эти должны были

---

*) Тамъ же, стр. 97—98. Всѣ редакціонныя статьи, по нашему мнѣнію, если не писаны императрицей, то, несомнѣнно, внушены ею, какъ главнымъ редакторомъ; вотъ почему, не говоря уже о другихъ основаніяхъ, мы и приписываемъ ихъ ей.

**) Тамъ же, стр. 16.

***) Тамъ же, стр. 33.

служить ей однимъ изъ источниковъ для знакомства съ состояніемъ русскаго общества. Касаясь сначала преимущественно литературныхъ и моральныхъ вопросовъ, авторы писемъ, по мѣрѣ уясненія „Всякой Всячины“ своей программы, не могли не затронуть потомъ и тѣхъ темныхъ сторонъ русскаго общества, которыя въ значительной степени зависѣли отъ недостатковъ въ строѣ государственныхъ учрежденій; жаловались, главнымъ образомъ, на хищенія и злоупотребленія чиновниковъ вообще и на неправосудіе въ частности. Сама императрица установила въ своемъ журналѣ вѣрную точку зрѣнія на хищенія вообще: „*Какъ бы подарковъ не называли, все они суть покрываломъ подкупа.* Честный человѣкъ всегда глядитъ на сіе, какъ на вящшую неправду, и будетъ доволенъ малымъ достаткомъ, честно пріобрѣтеннымъ, чѣмъ большимъ, который составленъ изъ притѣсненія и грабительства“*). Государыня не могла, однако, быть довольной характеромъ и тономъ присылаемыхъ ей обличеній: корреспонденты ея вовсе не думали разсуждать о злѣ вообще, съ отвлеченной точки зрѣнія, а указывали, большею частію, на частные факты злоупотребленій, производимыхъ тѣми или другими лицами. Иного трудно было и ожидать: съ одной стороны, выяснить свойства и размѣры зла можно только при изученіи его проявленій, а съ другой — развѣ нельзя допустить, что цѣли многихъ корреспондентовъ, не любившихъ пускаться въ умозрѣнія, были только самыя практическія: довести до свѣдѣнія „кого слѣдуетъ“ о творившихся тамъ и сямъ „вящшихъ неправдахъ“, особенно въ виду слуховъ, что во „Всякой Всячинѣ“ принимаетъ участіе сама Екатерина? Письма такихъ корреспондентовъ должны были поставить державнаго редактора „Всякой Всячины“ въ затруднительное положеніе; онъ обѣщалъ печатать въ своемъ журналѣ присылаемыя ему сообщенія, а между тѣмъ не имѣлъ возможности ни поручиться за ихъ достовѣрность, ни провѣрить ихъ; можетъ быть такъ же, что авторы этихъ сообщеній, вообще не отличаясь, при разсказѣ о злоупотребленіяхъ, особою мягкостію тона и сдержанностію выраженій, не чужды были даже въ увлеченіи негодованія и преувеличеній; если, наконецъ, припомнимъ, что корреспондентамъ дозволено было

---

*) Тамъ же, стр. 100.

императрицей присылать свои письма даже „и безъ имени", то врядъ ли ошибемся, сказавъ, что нѣкоторыя изъ этихъ писемъ были просто анонимными доносами. Будемъ ли мы винить Екатерину за то, что она сочла эти письма за „дурную сатиру", которая, „не умѣвъ шутить въ длину и поперекъ, разсужденіями своими падаетъ всегда на особы. Она задираетъ порочнаго, а не пороки?"[1]). До какой степени Екатеринѣ претило всякое „задѣваніе особъ, что по чужестранному персоналитетъ называется", видно, напр., изъ того, что совершенно невинное письмо одного корреспондента, описывавшаго литературныя занятія своего пріятеля, она обѣщала напечатать тогда только, когда тотъ „хотя одною строкою увѣритъ, что его извѣстный пріятель не осердится за внесеніе присланнаго имъ письма во „Всякую Всячину"[2]). Каковы бы, впрочемъ, ни были тенденціи присылаемыхъ въ редакцію „Всякой Всячины" сообщеній, Екатерина не могла печатать всѣ сообщенія уже по многочисленности ихъ, а также, главнымъ образомъ, по крайнему разнообразію ихъ содержанія: „ни изъ чего не можно такъ узнать, писала она, различія мнѣній, кои бродятъ сквозь понятія рода человѣческаго, какъ изъ великаго числа писемъ и сочиненій, кои къ намъ почти еженедѣльно присылаются"[3]). Для государыни стало ясно, что для успѣха журнальной работы, предпринятой ею, необходимо сосредоточить вниманіе всѣхъ своихъ собратовъ по журналистикѣ на обсужденіи извѣстныхъ разъ поставленныхъ вопросовъ, и что рѣшеніе ихъ возможно только путемъ серьезной, разумной полемики. Поэтому, заявивъ во „Всякой Всячинѣ" о сказавшемся „различіи мнѣній", Екатерина, измѣняя прежнему своему намѣренію не допускать споровъ въ журналистикѣ, въ томъ же выпускѣ своего журнала помѣстила слѣдующее письмо: ...„Спорить, по моему мнѣнію, не говорить тамъ да, гдѣ кажется должно сказать нѣтъ; слѣдовательно, это знакъ не льстеца, да и не труса... Извольте, г. сочинитель (т.-е. редакторъ), также князья, графы, дворяне, мѣщане[4]), старики, середовичи, молодые,

---

[1]) Тамъ же, стр. 101.

[2]) Тамъ же, стр. 144. Письмо это, по представленіи желаемаго увѣренія, и было потомъ напечатано во „Всякой Всячинѣ".

[3]) Стр. 111 „Всякой Всячины".

[4]) Характерное умолчаніе про духовенство и крестьянство.

всякаго рода люди обоего пола, и вы, листа на полтора тамъ и сямъ прочетшіе господа, кончащіеся на сты, т.-е. волтеристы, гельвецисты и прочіе, — извольте со мною спорить обо всемъ, о чемъ хотите, разумѣю я, кромѣ тѣхъ пунктовъ, о которыхъ въ цѣломъ свѣтѣ публично спорить запрещаютъ. Извольте, я начинаю. Но чтобы придать важности моимъ спорамъ, беру матерію философическую. Я утверждаю, что *человѣкъ свободенъ, т.-е. не принужденъ обстоятельствами дѣлать то, а не другое*. А инако правъ былъ бы судья, который послѣднее пропитаніе у челобитчика отымаетъ; также и тотъ, который съ челобитчиками какъ съ своими рабами обходится. Не былъ бы виноватъ и тотъ сержантъ, который, не растолковавъ солдату, какъ дѣлать на караулъ, ударовъ триста влѣпитъ ему въ спину за то, что онъ не такъ дѣлаетъ... Вотъ государи и государыни мои, на первый случай вамъ задача, извольте противъ меня спорить, а я со всею охотою моею отвѣчать буду". Но, открывая этимъ письмомъ страницы своего журнала для полемики по общественнымъ вопросамъ, Екатерина сочла нужнымъ еще разъ уяснить свой взглядъ на полемику: „Сему нашему корреспонденту, прибавляетъ она въ редакціонномъ „Примѣчаніи" къ его письму, въ помощь приведемъ здѣсь правило стариннаго мудреца, который произрекъ тако: спорить должно не горячась, а противорѣчить и противорѣчія терпѣть безъ сердца; мы же прибавляемъ къ сему отъ себя — и безъ брани"*). Золотое правило, малую примѣнимость котораго къ практикѣ увы! пришлось на опытѣ испытать самому державному полемизатору!...

Тезисъ, поставленный во „Всякой Всячинѣ" для обсужденія: „я утверждаю, что человѣкъ свободенъ, т.-е. не принужденъ обстоятельствами дѣлать то, а не другое", очевидно, есть перифразъ основной мысли Екатерины, что нужно сначала возвысить нравственный уровень народа, а потомъ уже совершить измѣненія и въ „обстоятельствахъ", т.-е. учрежденіяхъ. „Если къ должностямъ, писала она ранѣе, употребляемы будутъ люди съ воспитаніемъ и сознаніемъ, менѣе услышимъ о корыстолюбіи"**). При обсужденіи этого тезиса, конечно, не могло остаться невыясненнымъ, что извѣстный строй и

*) „Всякая Всячина", стр. 118—120.

**) „Всякая Всячина", стр. 100.

характеръ учрежденій. если даже, дѣйствительно, не можетъ совратить съ пути истины честнаго дѣятеля, можетъ зато дать широкій просторъ злоупотребленіямъ дѣятелей порочныхъ и деморализующимъ образомъ вліять на массу соприкосновенныхъ лицъ съ слабой волей и съ неустановившимися нравственными воззрѣніями. Можно и должно было заботиться о просвѣщеніи народа, но должно было въ то же время измѣнить тѣ государственныя учрежденія, подъ покровомъ которыхъ совершались беззаконныя дѣянія, своею безнаказанностью оскорблявшія народную нравственность и тѣмъ парализовавшія благія мѣры Екатерины къ „исправленію нравовъ". Вопреки мнѣнію Екатерины, „обстоятельства", т.-е. институтъ крѣпостнаго права, равно какъ и духъ чиновничества и бюрократическаго порядка вещей, даже при свободѣ человѣка дѣлать то, а не другое, „дѣлали правымъ и судью, который послѣднее пропитаніе у челобитчика отымаетъ, и того, который съ челобитчиками какъ своими рабами обращается". Оттого нельзя не сочувствовать журнальнымъ противникамъ Екатерины, которые цѣлымъ рядомъ сообщеній свидѣтельствовали о беззаконныхъ дѣйствіяхъ органовъ верховной власти, какъ нельзя винить и государыню, предпочитавшую на журнальномъ полѣ, сообразно съ условіями своего положенія и съ свойствами своего характера, вмѣсто частныхъ суровыхъ обличеній, стремиться къ уничтоженію зла въ самомъ его корнѣ; если можно сожалѣть, что Екатерина ошибалась въ опредѣленіи корня зла, то трудно согласиться и съ противниками ея, видѣвшими лѣкарство отъ хищеній и неправосудія, главнымъ образомъ, въ суровой карѣ виновниковъ злоупотребленій. Такова, намъ кажется, точка зрѣнія, съ которой можно, болѣе или менѣе исторически правдиво, судить о полемикѣ, возгорѣвшейся между „Всякой Всячиной" и другими журналами тотчасъ вслѣдъ за провозглашеніемъ тезиса Екатерины и приглашеніемъ къ его обсужденію.

Какъ и слѣдовало ожидать, корреспонденты государыни по-своему поняли ея тезисъ. Если обстоятельства, разсуждали они, не могутъ оправдывать человѣка въ его дурныхъ поступкахъ, то какому наказанію должны быть подвергнуты тѣ, кто, пользуясь своимъ офиціальнымъ положеніемъ, не только не заботится о соблюденіи государственнаго и частнаго интереса, но и дѣйствуетъ во вредъ имъ! Оттого, конечно, и

сообщенія, присылаемыя во „Всякую Всячину“, не измѣнивъ своего характера, стали еще рѣзче и опредѣленнѣе въ своихъ нападкахъ и обличеніяхъ. Вѣроятно даже, какъ видно изъ послѣдующаго, нѣкоторые изъ корреспондентовъ, не ограничиваясь этимъ, навязывали императрицѣ свои теоріи, касавшіяся управленія государствомъ, хотѣли, какъ послѣ Фонвизинъ, учить ее царствовать. Это раздражило Екатерину и заставило ее категорически отречься отъ солидарности съ авторами обличительныхъ писемъ. Отказываясь напечатать эти письма, она объявила, что содержаніе ихъ относится не къ ея „департаменту“ и что, поэтому, она проситъ своихъ корреспондентовъ „не трудиться впредь подобными присылками“. Любовь къ ближнимъ, объясняла она, должна простираться болѣе на снисхожденіе и человѣколюбіе, чѣмъ на исправленіе, а кто не имѣетъ любви, а видитъ только пороки, тотъ не способенъ подавать наставленія. Нельзя мѣрить жизнь на идеальную мѣрку, какъ дѣлаютъ то люди, увѣренные въ непогрѣшимости своихъ доктринъ и изливающіе свою желчь на все окружающее, если оно не укладывается въ излюбленныя ими рамки. Вездѣ люди эти „видятъ пороки тамъ, гдѣ другіе, не имѣвъ такихъ, какъ они, побудительныхъ причинъ, на силу приглядѣть могли слабости, и слабости весьма обыкновенныя человѣчеству. Ибо всѣ разумные люди признавать должны, что одинъ Богъ только совершененъ; люди же смертные безъ слабостей никогда не были, не суть и не будутъ“. Доктринеры, по извѣстному правилу fiat justitia, pereat mundus, все готовы принести въ жертву для торжества своихъ идей и тѣмъ „похожи на Калигулу, жалѣвшаго, что родъ человѣческій не имѣетъ одной головы, дабы отрубить ее разомъ“. „Нашъ же полетъ, писала Екатерина, на землѣ, а не на воздухѣ, еще менѣе до небесъ; сверхъ того, мы не любимъ меланхолическихъ писемъ“. Поэтому она просила своихъ корреспондентовъ соблюдать слѣдующія правила: 1) никогда не называть слабости порокомъ; 2) хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе; 3) не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было; 4) просить Бога, чтобы намъ далъ духъ кротости и снисхожденія; 5) впредь о томъ никому не разсуждать, чего кто не смыслитъ и 6) никому не думать, что онъ весь свѣтъ можетъ исправить“ *).

---

*) Тамъ же, стр. 139—143.

Нигдѣ, по нашему мнѣнію, не сказалась такъ личность великой государыни и не выясненъ такъ рѣзко характеръ ея царствованія со свѣтлыми и темными его сторонами, какъ въ этихъ шести ея правилахъ, ставшихъ не совсѣмъ справедливо предметомъ жестокихъ нападокъ со стороны не только журнальныхъ ея противниковъ, но и современныхъ историковъ литературы. Нѣтъ ни необходимости, ни основанія смотрѣть на эти правила, какъ на проявленіе матеріалистической мысли вольтеріанства*): они подсказывались ей добрымъ сердцемъ, не допускавшимъ жестокости, и практическимъ, чуждымъ иллюзій умомъ; весьма шаткія при теоретическомъ ихъ обсужденіи, правила эти, какъ мы старались доказать это раньше, вытекали какъ изъ трудныхъ обстоятельствъ внутренняго положенія Россіи Екатерининской эпохи, такъ изъ личныхъ особенностей императрицы. Мысль, что къ слабостямъ людскимъ должно относиться въ духѣ кротости и снисхожденія, — явилась у Екатерины вовсе не потому, что свѣтъ казался ей совсѣмъ не такъ худъ, какъ представляется онъ инымъ людямъ, а наоборотъ, въ силу глубокаго убѣжденія ея въ нравственной испорченности современнаго ей общества и отсюда недовѣрія и къ отдѣльнымъ его представителямъ. Поставленная лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью, Екатерина, поэтому, какъ ни уважала людей мысли и науки, но къ теоріямъ ихъ относилась крайне осторожно, никогда не забывая, что ея сфера — земля, т.-е. жизнь, какова она есть, а не воздухъ и небо, какъ называла она кабинетныя умозрѣнія. Читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если эти основныя мысли императрицы мы попытаемся иллюстрировать безспорными историческими данными: тогда, можетъ быть, мысли эти вовсе не покажутся ему такою ересью и заблужденіемъ государыни, какими обыкновенно выставляютъ ихъ историки литературы, тѣмъ болѣе, что ихъ держалась она въ теченіе всей своей жизни.

Въ 1767 году за два года до изданія „Всякой Всячины", въ то время, когда государыня приготовлялась пріѣхать въ Москву для открытія Коммиссіи новаго уложенія, прибылъ туда, по приглашенію императрицы, и авторъ извѣстной въ то время книги: „О естественномъ и существенномъ порядкѣ

---

*) Таково мнѣніе г. Незеленова въ его указанныхъ выше статьяхъ.

политическихъ обществъ" Мерсье де-ла-Ривьеръ. Екатерина хотѣла поближе познакомиться съ его политико-экономическою системою и пригласила его въ Россію, обѣщавъ ему за это приличное вознагражденіе. Де-ла-Ривьеръ не долго собирался и, пріѣхавъ въ Москву, по просьбѣ государыни, остался тамъ дожидаться ея пріѣзда. Что же въ ожиданіи дѣлаетъ французскій писатель? „По пріѣздѣ своемъ, разсказываетъ Екатерина 20 лѣтъ спустя графу Сегюру, онъ немедленно нанялъ три смежныхъ дома, тотчасъ же передѣлалъ ихъ совершенно и изъ переднихъ покоевъ подѣлалъ пріемныя залы, а изъ прочихъ комнаты для присутствія. Философъ вообразилъ себѣ, что я призвала его въ помощь себѣ для управленія имперіею и для того, чтобы онъ могъ сообщить намъ свои познанія и извлечь насъ изъ тьмы невѣжества. Онъ надъ всѣми этими комнатами прибилъ надписи пребольшими буквами: *департаментъ внутреннихъ дѣлъ, департаментъ торговли, департаментъ юстиціи, департаментъ финансовъ, отдѣленіе для сбора податей и проч.* Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пригласилъ многихъ изъ жителей столицы, русскихъ и иноземцевъ, которыхъ ему представили, какъ людей свѣдущихъ, явиться къ нему для занятія различныхъ должностей, соотвѣтственно ихъ способностямъ. Все это надѣлало шуму въ Москвѣ, и такъ какъ всѣ знали, что онъ пріѣхалъ по моей волѣ, то нашлись довѣрчивые люди, которые уже заранѣе старались ему подслужиться. Между тѣмъ, я пріѣхала и прекратила эту комедію. Я вывела законодателя изъ заблужденія. Нѣсколько разъ я разсуждала съ нимъ о его сочиненіи, и разсужденія его, признаюсь, мнѣ понравились, потому что онъ былъ не глупъ, но только честолюбіе немного помутило его разумъ. Я, какъ слѣдуетъ, заплатила за всѣ издержки, и мы разстались довольные другъ другомъ. Онъ оставилъ намѣреніе быть первымъ министромъ и уѣхалъ довольный, какъ писатель, но нѣсколько пристыженный какъ философъ, котораго честолюбіе завело слишкомъ далеко". Этотъ случай, болѣе похожій на фарсъ, чѣмъ на историческое событіе, показываетъ, что Екатерина не даромъ была насторожѣ по отношенію къ теоретикамъ. Другой философъ, знаменитый Дидро, при посѣщеніи своемъ Петербурга, только укрѣпилъ въ ней это чувство: „Я долго съ нимъ бесѣдовала, разсказываетъ императрица, но больше изъ любопытства, чѣмъ

съ пользою. Если бы я ему новѣрила, то пришлось бы преобразовать всю мою имперію, уничтожить законодательство, правительство, политику, финансы и замѣнить ихъ несбыточными мечтами. Однако, такъ какъ я больше слушала его, чѣмъ говорила, то со стороны онъ показался бы строгимъ наставникомъ, а я скромной его ученицей. Онъ самъ, кажется, увѣрился въ этомъ, потому что замѣтивъ, наконецъ, что въ государствѣ не приступаютъ къ преобразованіямъ по его совѣтамъ, онъ съ чувствомъ обиженной гордости выразилъ мнѣ свое удивленіе. Тогда я ему откровенно сказала: „Г. Дидро, я съ удовольствіемъ выслушала все, что внушилъ вамъ лишь блестящій умъ. *По вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, дѣйствовать же по нимъ плохо. Составляя планы различныхъ преобразованій, вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы трудитесь на бумагѣ, которая все терпитъ*[1]: она гладка, мягка и не представляетъ затрудненій ни воображенію, ни перу вашему; *между тѣмъ какъ я, несчастная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо болѣе раздражительна и разборчива*". Развѣ не составляютъ эти слова Екатерины, обращенныя къ Дидро, разъясненія фразы ея во „Всякой Всячинѣ": „нашъ полетъ на землѣ, а не на воздухѣ, еще же менѣе до небеси"? Въ 1787 году ту же мысль выразила она Сегюру въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „гораздо болѣе узнаешь, бесѣдуя съ простыми людьми о дѣлахъ ихъ, чѣмъ разсуждая съ учеными, которые заражены теоріями и, изъ ложнаго стыда, съ забавною увѣренностію, судятъ о тѣхъ вещахъ, о которыхъ не имѣютъ положительныхъ свѣдѣній. Жалки мнѣ эти бѣдные ученые! Они никогда не смѣютъ сказать: *я не знаю*, а слова эти очень просты для насъ, невѣждъ, и часто избавляютъ насъ отъ опасной рѣшимости. Когда сомнѣваешься въ истинѣ, то лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дурно дѣлать". Понятно теперь, какое значеніе придавала Екатерина 5-му и 6-му правилу „Всякой Всячины": „впредь о томъ никому не разсуждать, чего кто не смыслитъ, и никому не думать, что онъ одинъ весь свѣтъ исправить можетъ". Какъ впослѣдствіи сказала она Дидро, она живо представляла себѣ разницу между трудомъ на бумагѣ и работою на человѣческой кожѣ, слишкомъ чувствительной для того, чтобы можно было съ легкимъ сердцемъ производить надъ ней эксперименты для провѣрки тѣхъ или другихъ теорій,

какъ бы заманчивы на видъ они ни были. Живо интересуясь научной и литературной разработкой общественныхъ и политическихъ вопросовъ, Екатерина и мнѣніями писателей пользовалась съ тѣмъ же пониманіемъ жизни и тѣмъ же здравомысліемъ, съ какимъ принимала она мнѣнія по разнымъ вопросамъ и окружавшихъ ее государственныхъ людей. „Смѣлость ума одного, писала Екатерина Гримму, и умѣренная осторожность другого — и ваша покорная слуга, выступающая курцъ-галопомъ между ними, придавали изящество и мягкость дѣламъ важности величайшей“...

Такимъ же „курцъ-галопомъ“ проходила иногда императрица между требованіями высшей правды, съ одной стороны, и неказистыми сторонами русской государственной жизни ея времени — съ другой. Убѣдившись въ нравственной неиспорченности русскаго общества, Екатерина проявляла „матернее милосердіе“ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слабости и злоупотребленія отдѣльныхъ лицъ казались ей неизбѣжнымъ зломъ, вытекавшимъ изъ государственнаго и общественнаго строя. На ряду съ этимъ взглядомъ государыни слѣдуетъ поставить ея женственную доброту, сердечную гуманность и по истинѣ царственную деликатность, „и въ злодѣѣ видѣвшей человѣка“; стоитъ прочесть нѣкоторыя изъ записокъ современниковъ Екатерины, чтобы привести массу случаевъ, въ которыхъ проявлялись эти ея качества. „Что сдѣлаетъ одинъ, то, навѣрное, сдѣлаетъ и всякій другой на его мѣстѣ“ — вотъ мысль, на которой основывалась Екатерина, рекомендуя во „Всякой Всячинѣ“ „духъ кротости и снисхожденія“ по отношенію къ слабостямъ человѣческимъ. Замѣтимъ, что справедливость этой мысли Екатерины, спустя полвѣка, признавалъ и внукъ ея, императоръ Александръ I: въ интимной бесѣдѣ своей съ де-Санглепомъ, давая ему порученіе, государь прямо заявилъ, что хотя ему и извѣстна недобросовѣстность многихъ изъ окружающихъ его лицъ, но замѣнить ихъ другими онъ боится: „эти уже нажились, объяснилъ онъ, и потому не будутъ такъ жадны, какъ вновь назначенные, которымъ только предстоитъ наживаться“. Теперь, конечно, можно доказать, что причина такого безотраднаго порядка вещей коренилась не въ нравственной испорченности общества, а гораздо глубже — въ чиновничествѣ, сплошной стѣной отдѣлявшаго со временъ Петра самодержавнаго монарха отъ

массы глубоко ему преданнаго, но большею частію закрѣпощеннаго народа. „Россія, говоритъ современникъ Екатерины, кн. Щербатовъ, не яко другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи предъ народомъ; но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я говорю о народѣ? *Самыя таковыя дѣла главному правительству не извѣстны, а знаетъ токмо тотъ, кому они препоручены. А почему правительство такой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ, самыя операціи его зависятъ отъ хотѣнія того:* народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и въ неудовольствіи, иногда и понапрасну; желающіе научиться — способа не имѣютъ, размышленія остановлены, ошибки или злоупотребленія неисправляемы остаются, и ошибку ошибкою и зло зломъ, яко бы для исправленія, уничтожаютъ“. Такой порядокъ, разумѣется, не соотвѣтствовалъ понятію о царской власти, созданному народомъ. Самодержавный русскій царь является, по его воззрѣнію, олицетвореніемъ „высшей правды“, и власть царская должна быть неограниченною по всему лицу русской земли: и старшій членъ царской семьи, и послѣдній крестьянинъ одинаково его слуги, его подданные: оттого и всѣ власти въ Россіи, большія или малыя, суть лишь постольку власти, поскольку онѣ служатъ выраженіемъ воли самодержавнаго государя, носителя и божеской и человѣческой правды; могли быть народныя возмущенія противъ злоупотребленій помѣщиковъ или чиновниковъ, но никогда не противъ власти царя: бунтъ декабристовъ, стремившихся, по западнымъ образцамъ, къ ограниченію самодержавія, былъ, пора сказать это, послѣднимъ проявленіемъ духа той части служилаго дворянства, которая привыкла въ XVIII в. вершить судьбу Россіи путемъ переворотовъ. Что Екатерина понимала и значеніе самодержавія, и характеръ несовмѣстнаго съ самодержавіемъ зла, указаннаго Щербатовымъ, видно изъ „Секретнѣйшаго Наставленія“, даннаго ею еще за пять лѣтъ до изданія „Всякой Всячины“, въ 1764 году, князю Вяземскому, при опредѣленіи его въ генералъ-прокуроры. „Всѣ мѣста (правительственныя), пишетъ она, и самый Сенатъ вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для испол-

ненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ, почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ Сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ Сенатъ представить, до чего, однакоже, я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что имъ радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается: противъ сенатскихъ указовъ, естьли оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и къ намъ. *Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется: одна форма лишь канцелярская исполняется, и обдумать сие и ныть прямо не смѣютъ, хотя въ томъ часто интересъ государственный страждетъ.* Сенатъ же вышелъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія инымъ чинамъ прежніе примѣры прелестны, однакожъ, покамѣсть я живу, то останется какъ долгъ велитъ. Россійская имперія есть столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей; ибо всѣ протчія медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, *имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ; а другіе всѣ, по слову евангельскому, наемника суть*". Въ 7-мъ пунктѣ „Наставленія" Екатерина такъ отзывается о канцеляріяхъ и, въ частности, о сенатской канцеляріи: „Труднѣе всего вамъ будетъ править канцеляріей сенатской и не быть подчиненными обмануту. Сію мелкость яснѣе вамъ чрезъ примѣръ представлю. Французскій кардиналъ де Ришелье, сей премудрый министръ, говорилъ, что ему менѣе труда править государствомъ и Европу вводить въ свои виды, нежели править королевскою антикамерою, *понеже всѣ праздноживущіе придворные* ему противны были и *препятствовали его большимъ видамъ своими низкими интригами.* Одинъ для васъ

только способъ остается, котораго Ришелье не имѣлъ: перемѣнить всѣхъ сомнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощады". Но и этотъ „единственный способъ" рѣдко примѣнялся Екатериною на практикѣ: какая выгода была замѣнять однихъ „сомнительныхъ и подозрительныхъ" другими, тоже, по ея мнѣнію, „сомнительными и подозрительными"? Чтобы „утвердить души не слѣдовать худымъ примѣрамъ" и чтобы не закрывать окончательно доступа къ себѣ правдѣ, Екатерина прибѣгала иногда къ оригинальнымъ средствамъ. Такъ, по преданію, передаваемому академикомъ Гротомъ, Екатерина, назначивъ на мѣсто Державина своимъ статсъ-секретаремъ Трощинскаго, „на первомъ же докладѣ, прежде всего, дала ему прочесть бумагу о пожалованіи ему 1700 крестьянъ. Тронутый докладчикъ бросился къ ногамъ своей благодѣтельницы. На вопросъ его, чѣмъ онъ заслужилъ такую милость, Екатерина будто бы отвѣчала: „Я слышала о вашей честности; на новомъ мѣстѣ вы встрѣтите много искушеній, а я хочу, чтобы вы оставались честны". До тѣхъ поръ у Трощинскаго было де не болѣе 30-ти душъ крестьянъ. Извѣстно также, какъ дорожила она Храповицкимъ и Державинымъ, въ честности которыхъ была увѣрена, закрывая вслѣдствіе этого глаза на другія ихъ „слабости". Нельзя думать, чтобы великая государыня, полная самыхъ возвышенныхъ стремленій ко благу своего народа, горячо любившая Россію и трудившаяся для нея всю свою жизнь, не скорбѣла о необходимости попускать до времени неправду; безъ сомнѣнія, она утѣшала себя мыслію, что выступая „курцъ-галопомъ", она добьется уничтоженія неправды въ самомъ ея корнѣ. Дѣйствительно, она успѣла многое совершить на этомъ пути: дарованіемъ правъ дворянству и городскому сословію она открыла дорогу, сдѣлала необходимымъ и освобожденіе крестьянъ, а „Учрежденіемъ о губерніяхъ", въ связи съ другими своими актами, провозвѣстила важность земскаго начала въ управленіи, призваннаго наконецъ къ жизни незабвеннымъ императоромъ Александромъ II.

Если и теперь, спустя слишкомъ сто лѣтъ, имѣя подъ руками безспорныя историческія данныя, чтобы судить о трудномъ положеніи императрицы Екатерины II, мы можемъ, какъ и она сама, лишь съ чувствомъ гнетущей скорби помириться съ мыслію о былой необходимости, хотя бы временно, терпѣть злоупотребленія и хищничества всякаго рода, — то

какъ бы могли воспитать въ себѣ „духъ кротости". по отношенію къ нимъ. современники Екатерины, бывшіе непосредственными свидѣтелями или жертвами разнаго рода государственныхъ нестроеній? Разсуждая по человѣчеству, говоритъ одинъ изъ журналовъ 1769 года, думаю, что нельзя не застонать и за то мѣсто не хвататься рукою, гдѣ крѣпко болитъ.

Шумигорскій.

Въ чемъ же состояла сущность столкновенія, представляющаго такое оригинальное явленіе въ исторіи нашей литературы? Объясненія историковъ были до сихъ поръ не совсѣмъ удовлетворительны. Существенная разница взглядовъ „Всякой Всячины" и „Трутня", заключалась въ томъ, что первая вообще смотрѣла на общественные недостатки гораздо болѣе снисходительно, чѣмъ второй: кричатъ о порокахъ — но это только „слабости", требуютъ кары нарушителямъ справедливости — но не слѣдуетъ же забывать милосердія, бранятъ лихоимцевъ и ябедниковъ — но пусть не искушаютъ лихоимцевъ тѣ, кто дастъ имъ взятки, и пусть люди живутъ мирно, чтобы не давать пищи ябедѣ, и т. п. „Трутень" мѣтко отвѣчалъ, что называть порокъ слабостью и требовать къ нему милосердія значитъ шить изъ милосердія кафтанъ для порока; совѣтъ „не искушать" лихоимцевъ былъ или страннымъ непониманіемъ, или неумѣстной шуткой, потому что обыкновенное отношеніе лихоимца къ тому, отъ кого онъ получалъ взятку, вовсе не было отношеніе равнаго къ равному, а отношеніе грабителя къ его жертвѣ: странно было бы требовать, чтобы ограбленный „не искушалъ" грабителя. „Всякая Всячина" не любила „меланхоліи", ей хотѣлось, чтобы сатира не шла дальше веселаго смѣха; но та дѣйствительность, о которой говорилъ сатирикъ въ журналѣ Новикова, гораздо больше давала пищи горькому, а не веселому смѣху, и если онъ смотрѣлъ на эту дѣйствительность сколько-нибудь серьезно, то во многихъ вопросахъ, какъ, напр., крѣпостной, не могло быть мѣста для веселыхъ шутокъ. Біографъ Новикова удивительнымъ образомъ объясняетъ, что снисходительная мораль „Всякой Всячины" есть не что иное, какъ „матеріалистическая мысль волтеріанства", что изъ того же волтеріанства заимствовано и оружіе ея полемики противъ Новикова — со-

физмъ*): но историкъ не объясняетъ, какъ изъ этого вольтеріанства могли проистекать тѣ категорическія осужденія крѣпостного права, которыя находятся въ другихъ писаніяхъ Екатерины, когда она высказывала свои мнѣнія не для печати. Другой историкъ, хотя признаетъ теоретическую несостоятельность идей „Всякой Всячины", но отвергаетъ объясненіе ихъ вольтеріанствомъ: „эти правила, — говоритъ историкъ, — подсказывались императрицѣ добрымъ сердцемъ, не допускавшимъ жестокости, и практическимъ, чуждымъ иллюзій умомъ; весьма шаткія при теоретическомъ ихъ обсужденіи, правила эти... вытекали какъ изъ трудныхъ обстоятельствъ внутренняго положенія Россіи Екатерининской эпохи, такъ изъ личныхъ особенностей императрицы. Мысль, что къ слабостямъ людскимъ должно относиться въ духѣ кротости и снисхожденія, явилась у Екатерины вовсе не потому, что свѣтъ казался ей совсѣмъ не такъ худъ, какъ представляется онъ инымъ людямъ, а наоборотъ, въ силу глубокаго убѣжденія ея въ нравственной испорченности современнаго ей общества и отсюда недовѣрія и къ отдѣльнымъ его представителямъ"**). Тотъ же историкъ объясняетъ, что Екатерина не могла дѣйствовать иначе, чѣмъ она дѣйствовала, что нельзя мѣрять жизнь на идеальную мѣрку, что исторія не знаетъ „кабинетной прямолинейности, навязываемой ей теоретиками", и т. п., что по этой послѣдней причинѣ она, „поставленная лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью, какъ ни уважала людей мысли и науки, но къ теоріямъ ихъ относилась крайне осторожно, никогда не забывая, что ея сфера — земля, т.-е. жизнь, какова она есть, а не воздухъ и небо, какъ называла она кабинетныя умозрѣнія". Историкъ припоминаетъ, напр., какъ недовѣрчиво относилась она къ практическимъ совѣтамъ своихъ философскихъ друзей, о чемъ мы упомянемъ далѣе... Но, обсуждая этотъ вопросъ, историки забываютъ два обстоятельства: во-первыхъ, противорѣчія, въ какія впадала Екатерина съ своими собственными мыслями, и во-вторыхъ то, что едва ли такъ велики были затрудненія, которыя помѣшали бы болѣе полному примѣненію ея теоретическихъ началъ прежняго времени. Можно

---

*) Незеленовъ, стр. 164—165.

**) Шумигорскій, стр. 34.

именно думать, что послѣ собранія коммиссіи она охладѣла къ самому предпріятію, которому посвятила первые годы своего царствованія; теперь она привыкла къ своему положенію, увидѣла, что не было надобности торопиться съ преобразованіями, которыми она хотѣла ослѣпить Европу, своихъ подданныхъ и которыми, безъ сомнѣнія, искренно ослѣплялась сама; преобразованіями, которыя, между прочимъ, должны были, по ея прежнимъ взглядамъ, укрѣпить ея престолъ и которыя теперь, по голосамъ самихъ депутатовъ коммиссіи, оказывались не только ненужными въ данную минуту, но и вообще нежелательными. Она впадала, наконецъ, въ столь частую иллюзію правителей, что дѣйствительно государственныя дѣла идутъ какъ слѣдуетъ, что „все обстоитъ благополучно“. Отсюда видимое раздраженіе противъ людей, которые, напротивъ, находили въ этомъ благополучномъ порядкѣ вопіющіе недостатки; она приписывала эти мрачныя картины „чернымъ парамъ и желчи“, совѣтовала просить Бога о духѣ кротости и снисхожденія и убѣждала, чтобы никто не думалъ, что весь свѣтъ можетъ исправить... Это было уже начало того настроенія, когда она нетерпѣливо и уже весьма угрожающимъ образомъ останавливала всякое противорѣчіе, всякую мысль, которая ей не нравилась, когда она дѣлала суровые выговоры за „свободоязычіе“, когда она раздражалась, предполагая, что ее хотятъ „учить царствовать“. Но если она сама вступала на литературное поприще, то всякое разногласіе съ ея мыслями, всякое доказательство въ пользу противнаго мнѣнія, могло получать видъ такого желанія, — хотя бы съ *философской* точки зрѣнія противоположное мнѣніе должно было быть допущено и хотя поэтъ воспѣвалъ, что въ тѣ времена „и знать и мыслить позволяютъ“.

Но зачѣмъ же было въ такомъ настроеніи начинать журналъ и, прямо или косвенно, вызывать къ этому другихъ? Екатерина отличалась живымъ, подвижнымъ умомъ, въ ней пока еще не совсѣмъ прошло возбужденіе временъ „Наказа“; послѣ коммиссіи она думала еще работать для нравственнаго воспитанія своихъ подданныхъ, но, по всей вѣроятности, издательница „Всякой Всячины“ не предполагала, что ея затѣя отзовется въ тогдашней литературѣ такими страстными разсужденіями объ общественныхъ вопросахъ, хотя бы въ полузакрытомъ видѣ. Она едва ли ожидала такихъ рѣзкихъ

противорѣчій и на первое время выносила ихъ, потому что, во-первыхъ, сама вызвала эту литературу, во-вторыхъ, сама еще недавно писала свои свободолюбивые планы и въ то самое время вела сношенія съ философами... Но въ концѣ концовъ домашняя обстановка взяла верхъ, противорѣчіе задѣвало самую сущность ея политической мудрости и стало образовываться то настроеніе, о которомъ мы говорили, и которое тѣмъ или другимъ путемъ приводило къ прекращенію непріятныхъ изданій.

Объясняя факты этой литературной эпохи, нѣкоторые изъ ея историковъ*), между прочимъ, сильно осуждаютъ французскихъ друзей и корреспондентовъ императрицы, которые, съ одной стороны, предлагали ей свои невыполнимыя теоріи, а съ другой — проповѣдовали величайшее презрѣніе къ народу и, между прочимъ, возставали противъ мысли объ освобожденіи крестьянъ: „стремленіе императрицы освободить крестьянъ встрѣтило противодѣйствіе со стороны тѣхъ же философовъ, сошедшихся въ этомъ случаѣ во взглядахъ съ ярыми крѣпостниками Екатерининской эпохи“**). Припоминаютъ пріѣздъ въ Петербургъ Дидро и его бесѣды съ императрицей, которая сказала ему, наконецъ, что его высокими идеями хорошо наполнять книги, но плохо дѣйствовать по нимъ въ жизни. Припоминаютъ разсказъ Сегюра о Мерсье де-ла-Ривьерѣ, политико-экономическомъ писателѣ, котораго Екатерина пригласила въ Россію и который вообразилъ, что она хочетъ поручить ему управленіе Россіей, началъ нанимать и передѣлывать дома для разныхъ департаментовъ своего будущаго управленія, такъ что Екатерина должна была, наконецъ, прекратить эту комедію, заплативъ, конечно, за всѣ его издержки: „онъ уѣхалъ, — разсказывала она Сегюру, — довольный, какъ писатель, но нѣсколько пристыженный, какъ философъ, котораго честолюбіе завело слишкомъ далеко“.

*) Незеленовъ, Шумигорскій и др.

**) Шумигорскій, стр. 21. Тамъ же авторъ полагаетъ, ссылаясь на г. Незеленаго, что „темныя стороны вліянія Вольтера и другихъ философовъ на Екатерину и современное ей русское общество уже установлены съ достаточною ясностью“. Напротивъ, эти вліянія еще далеко не установлены, и самому автору пришлось въ той же книжкѣ расходиться по этому же вопросу съ г. Незеленовымъ.

Любопытно, между прочимъ, что, обличая французскихъ философовъ, наши историки переводятъ слово canaille (простой народъ, чернь) „канальями“.

Справедливость требуетъ, однако, взглянуть на другую сторону этого дѣла. Если заявленія любезности и уваженія доходили до того, что этихъ людей вызывали въ Петербургъ изъ Парижа, что̀ при тогдашнемъ способѣ путешествій было дѣломъ не легкимъ, приглашенные философы не могли не думать, что ихъ бесѣдами именно желаютъ поучаться, и надо думать, что въ приглашеніи Мерсье де-ла-Ривьера былъ помѣщенъ неосторожный комплиментъ, который и позволилъ ему вообразить себя первымъ министромъ въ Россійской имперіи. Во всякомъ случаѣ Дидро и Мерсье были спеціально приглашены въ Петербургъ, какъ раньше приглашали д'Аламбера. Что касается до отзывовъ французскихъ философовъ о русскомъ народѣ, какъ о грубой массѣ, которая еще неспособна была бы пользоваться свободою, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что такія мнѣнія были заимствованы философами отъ самихъ русскихъ: путешествующіе „бояре", съ которыми они могли встрѣчаться и бесѣдовать, по всей вѣроятности, именно и внушили имъ эти мысли. Съ другой стороны, странно было спрашивать у людей, совершенно не знавшихъ Россіи, ихъ мнѣнія о томъ, какъ должно рѣшать вопросы ея внутренней жизни, именно самые сложные и трудные: мы сами разсказывали иностранцамъ о невѣжествѣ и грубости своего народа, и естественно, что они повторяли то же самое. Наконецъ, историки, такъ строго осуждающіе философовъ, забываютъ, что къ ихъ же числу долженъ быть причисленъ и тотъ Монтескьё, книгу котораго сама Екатерина называла молитвенникомъ для государей: изъ него прямо заимствовано было очень многое, что̀ привлекаетъ восхваленія историковъ въ правительственныхъ идеяхъ императрицы.

Укажемъ, наконецъ, нѣсколько подробностей того времени, освѣщающихъ правительственный опытъ императрицы. До своего воцаренія она довольно долго прожила въ Россіи. Сильный умъ, тонкая наблюдательность рано познакомили ее съ русскою жизнью: она замѣчательнымъ образомъ изучила русскій языкъ и хотя писала на немъ не весьма правильно (что̀ всегда сама признавала), но живая рѣчь была ей знакома до такихъ оттѣнковъ, между прочимъ, простонароднаго языка, которые свидѣтельствуютъ о рѣдкой наблюдательности. Теперь она, конечно, старалась, сколько возможно, расширить свое знаніе русской жизни. Въ то время, когда собиралась въ Москву

компесія (1767), она совершила, со свитой тысячи въ двѣ человѣкъ, извѣстное путешествіе по Волгѣ, въ продолженіе котораго, между прочимъ, въ ея придворномъ кругу сдѣланъ былъ переводъ „Велизарія“ Мармонтеля, который во Франціи былъ запрещенной книгой. Вѣроятно, и здѣсь многое было представлено ей съ показной стороны, хотя, конечно, не въ тѣхъ чудовищныхъ размѣрахъ театральной декораціи, какъ послѣ, во время знаменитаго путешествія въ Крымъ. Между прочимъ, Екатерина могла видѣть при этомъ весь объемъ царственнаго авторитета. Она писала изъ Костромы Панину 15-го мая: „завтра поѣду отселѣ, а иноплеменниковъ (дипломатическій корпусъ) отпущу къ Москвѣ. Они вамъ скажутъ, какъ здѣсь я принята была. Я ихъ всѣхъ не одиножды видѣла въ слезахъ отъ народной радости, а И. Гр. Чернышовъ весь обѣдъ проплакалъ отъ здѣшняго дворянства благочиннаго и ласковаго обхожденія“. Казань произвела на нее самое благопріятное впечатлѣніе. „Мы нашли городъ, который всячески можетъ слыть столицею большого царства: пріемъ мнѣ отмѣнной; намъ отмѣнной онъ кажется, кои четвертую недѣлю видимъ вездѣ равную радость, а здѣсь еще отличнѣе. Если бъ дозволили, они бы себя вмѣсто ковра постлали, и въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики свѣчи давали, чтобъ предо мною поставить (!), съ чѣмъ ихъ прогнали. Кутухтой быть здѣсь не долго“. Она умѣла понять чрезвычайное разнообразіе бытовой жизни, которое увеличивало трудности „громаднаго предпріятія нашего законодательства“. Отъ нея не ускользнули и многія темныя стороны этой жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ начиналась та добровольная иллюзія, о которой мы выше говорили. По дорогѣ ей подано было больше 600 челобитенъ, и большая часть изъ нихъ подана была помѣщичьими крестьянами и заключала жалобы на тяжкіе поборы отъ помѣщиковъ. Императрица выражала удовольствіе, что такъ какъ не было жалобъ на правительственныя лица, то значитъ, правосудіе было въ порядкѣ. Жалобы на помѣщиковъ были *возвращены* съ подтвержденіемъ, чтобы впредь таковыхъ не подавали; „но, — замѣчаетъ Соловьевъ, — въ Сенатъ съ начала года постоянно приходили извѣстія о крестьянскихъ возстаніяхъ“ *). Возстанія принимали, наконецъ, именно на уральскихъ заводахъ, такіе

*) Исторія Россіи, XXVII, изд. 2-е, стр. 62—63.

размѣры, что нужно было для усмиренія ихъ посылать войска и пускать въ дѣло пушки. Между прочимъ, посланъ былъ сюда человѣкъ разумный, извѣстный А. И. Бибиковъ, съ инструкціей дѣйствовать кроткими мѣрами: онъ успѣлъ возстановить порядокъ, вникнувши въ причины волненій, — но общее положеніе дѣла оставалось то же самое, и прошло немного лѣтъ послѣ этихъ волненій, какъ поднялся Пугачевскій бунтъ. Въ своей ближайшей обстановкѣ Екатерина имѣла людей правдивыхъ и знавшихъ положеніе народа; таковъ былъ Бибиковъ, таковъ былъ Сиверсъ и др., но они не имѣли достаточно вліянія. Извѣстія о положеніи народа доходили и изъ другихъ источниковъ, и не мало важныхъ указаній могли представить рѣчи и показанія депутатовъ Коммиссіи, но въ той же Коммиссіи обнаруживалась и другая сторона дѣла: явились притязанія еще распространить крѣпостное право. Купеческіе депутаты настаивали, чтобы право владѣть крѣпостными предоставлено было и ихъ сословію; противъ нихъ возстало дворянство, лучшіе представители котораго, какъ извѣстный историкъ князь М. М. Щербатовъ, находили даже нужнымъ ограничить нѣкоторыя злоупотребленія помѣщичьей власти; но купцы не унимались, а кромѣ нихъ потребовали права владѣть крестьянами казаки и, наконецъ, духовенство. Такое рѣшеніе вопроса о крѣпостномъ состояніи выборными русской земли въ половинѣ прошлаго вѣка, — говоритъ Соловьевъ, — происходило отъ неразвитости нравственной, политической и экономической. „Владѣть людьми, имѣть рабовъ считалось высшимъ правомъ, считалось царственнымъ положеніемъ, искупавшимъ всякія другія политическія и общественныя неудобства, правомъ, которымъ потому не хотѣлось дѣлиться со многими и такимъ образомъ ронять его цѣну. Право было такъ драгоцѣнно, положеніе такъ почетно и выгодно, что и лучшіе люди закрывали глаза на страшныя злоупотребленія, которыя естественно и необходимо истекали изъ этого права и положенія. Представленія, которыя должны были мало-помалу подорвать цѣнность этого права и положенія въ глазахъ лучшихъ людей, только еще начинали и очень слабо начинали проникать въ общество; то было представленіе научное о государствѣ, о высшей власти и отношеніи ея къ подданнымъ, отношеніи, не похожемъ на отношеніе помѣщика къ крѣпостнымъ и отнимавшемъ у послѣдняго царственный колоритъ; потомъ

представленіе о рабствѣ, какъ печати варварскаго общества, представленіе оскорбительное для людей, имѣющихъ притязанія на образованность; представленіе о народности, о чести и славѣ народной, состоящихъ не въ томъ, чтобы всѣхъ бить и угнетать, а въ содѣйствіи тому, чтобы какъ можно меньше били и угнетали. Чтобы всѣ эти представленія, усиливаемыя все болѣе и болѣе европейскою жизнью народовъ и распространеніемъ просвѣщенія, мало-по-малу подкопали представленіе о высокости права владѣть рабами, для этого нужно было пройти еще вѣку".

„Кромѣ означенной неразвитости, благопріятному рѣшенію вопроса о крѣпостныхъ крестьянахъ могущественно препятствовала неразвитость экономическая". Обширность страны, рѣдкость населенія, когда земля дешева, работникъ дорогъ, первобытныя формы жизни, когда рабство составляетъ обычное явленіе, промышленная неразвитость повели къ установленію крѣпостного права. Восемнадцатый вѣкъ въ этомъ отношеніи напоминалъ еще времена Русской Правды. „Заявленія купцовъ въ Комиссіи объ уложеніи, что на вольнаго приказчика положиться нельзя, указываютъ, что условія, въ которыхъ появилась Русская Правда, не совсѣмъ еще исчезли и во времена Комиссіи объ уложеніи, въ которой отъ дворянства, купечества и духовенства послышался этотъ дружный и страшно печальный крикъ: рабовъ!" [1])

Мы видѣли выше, что первоначальнымъ убѣжденіемъ Екатерины было отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву. Сохранилась въ государственномъ архивѣ собственноручная замѣтка императрицы, выражавшая неудовольствіе ея по поводу взглядовъ членовъ Комиссіи на крѣпостныхъ людей: „Естьли крѣпостного, — писала она, — нельзя признать персоною [2]), слѣдовательно онъ не человѣкъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано" [3]).

Такое же противорѣчіе съ мыслями „Наказа" представилъ вопросъ о пыткѣ; депутаты возставали противъ ея уничто-

---

[1]) Тамъ же, стр. 114—116.

[2]) Т.-е. признать за нимъ личныя человѣческія права.

[3]) Исторія Россіи, XXVII, стр. 317.

женія. Желали и здѣсь сохраненія стараго порядка, требовали жестокихъ казней ворамъ и разбойникамъ, требовали мѣръ противъ бѣганья крестьянъ и укрыванія бѣглыхъ, указывали невозможность для дворянства противодѣйствовать этому злу безъ правительственной помощи... Но крѣпостное право защищали, желали даже его распространенія, — а въ дѣйствительности крестьяне продолжали бѣгать, и разбой, направляясь противъ помѣщиковъ, превратился наконецъ въ Пугачевскій бунтъ. Разумные люди, какъ Бибиковъ и самъ графъ П. И. Панинъ, понимали, гдѣ лежала причина печальнаго явленія... Еще раньше правительству, рядомъ съ мѣрами для охраненія крѣпостного права, приходилось укрощать и дикія проявленія жестокости помѣщиковъ. Въ числѣ процессовъ этого рода первое мѣсто принадлежитъ, конечно, дѣлу знаменитой Салтычихи, которая, однако, могла безнаказанно совершать свои злодѣянія въ теченіе многихъ лѣтъ[1]).

Таковы бывали грубы факты, съ которыми должны были встрѣтиться теоретически построенные законодательные планы Екатерины. Полагаютъ, что эти разочарованія и охладили ея прежнее теоретическое или идеалистическое настроеніе. Современные наблюдатели замѣчаютъ и другое. Съ перваго времени своего воцаренія, въ заботахъ объ успокоеніи умовъ, объ утвержденіи своего престола, Екатерина была во внутреннихъ дѣлахъ и въ ближайшихъ отношеніяхъ чрезвычайно осторожна. „Она въ обаяніи отъ престола, — писалъ одинъ иностранный дипломатъ въ первое время ея царствованія, — но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то ее безпокоитъ и волнуетъ. Это легко понять, если приглядѣться къ поведенію и чувствамъ людей, пользующихся ея довѣріемъ въ чемъ бы то ни было. Ни при одномъ дворѣ не господствовало такое раздѣленіе на партіи, а императрица обнаруживаетъ слабость и колебаніе, — недостатки, которыхъ никогда не замѣчалось въ ея характерѣ. Боязнь потерять то, что имѣла смѣлость взять, ясно и постоянно видна въ поведеніи императрицы, и потому всякій

[1]) Рѣшеніемъ самой юстицъ-коллегіи она была обвинена положительно въ убійствѣ 38 человѣкъ и оставлена въ подозрѣніи относительно 26. Это было въ 1768.

Въ послѣднее время издано уже не мало извѣстій объ этой сторонѣ нравовъ XVIII вѣка. Для общаго обзора см. Исторію Россіи, XXV (изд. 2-е), стр. 271; XXVII, стр. 123, 125, 147; XXIX, стр. 136—137; въ книгѣ г. Незеленова о Новиковѣ вводная глава: „Нравы русскаго общества Екатерининскихъ временъ“.

сколько-нибудь значительный человѣкъ чувствуетъ свою силу передъ нею. Изумительно, какъ эта государыня, которая всегда была мужественною, слаба и нерѣшительна, когда дѣло идетъ о самомъ неважномъ вопросѣ, встрѣчающемъ нѣкоторое противорѣчіе внутри имперіи. Ея гордый и высокомѣрный тонъ чувствуется только во внѣшнихъ дѣлахъ, во-первыхъ, потому, что здѣсь нѣтъ личной опасности; во-вторыхъ, потому, что такой тонъ въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ нравится ея подданнымъ". Въ тѣ же первые годы другой дипломатъ писалъ по поводу польскихъ дѣлъ: „У императрицы обычай каждаго выслушивать, и чрезъ это она подчиняется различнымъ вліяніямъ. Люди неблагонамѣренные нашли слабое мѣсто, которымъ пользуются при каждомъ случаѣ: они увѣряютъ Екатерину, что въ томъ или другомъ случаѣ она не угодитъ народу. Страхъ потерять любовь націи вкоренился въ ней и дѣлаетъ ее робкою"[1]). Но въ это же время робкая императрица собирала матеріалы для „Наказа".

Противорѣчія между теоріей и дѣйствительностью казались неразрѣшимыми: оставалось колебаніе между двумя крайностями, и этимъ колебаніемъ объясняется тотъ характеръ журнальной дѣятельности императрицы, который мы выше указывали. Историки, осуждая французскихъ философовъ, приводятъ слова императрицы къ Дидро[2]): теоріи не всегда сходятся съ практическою жизнью. Дѣйствительно, теоріи пишутся на бумагѣ, которая все терпитъ, а законы отзываются на человѣческой кожѣ, — но, по крайней мѣрѣ, надо бы рѣшительно признать неудобство тѣхъ законовъ, которые въ тѣ времена слишкомъ жестоко отзывались на кожѣ крестьянъ... Въ писательской дѣятельности императрицы уже съ этого времени замѣтно желаніе устранить тѣ непосредственные выводы, какихъ требовала ея собственная теорія: „Всякая Всячина" желала удалить „меланхолію", предлагала „духъ кротости и снисхожденія"; но съ другой стороны Новиковъ указывалъ вопіющіе факты дѣйствительности, которые не могли

---

[1]) Исторія Россіи, XXV, изд. 2-е, стр. 159—160, 315.

[2]) Шумигорскій, стр. 37: „Вы трудитесь на бумагѣ, которая все терпитъ: она гладка, мягка и не представляетъ затрудненій ни воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, несчастная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо болѣе раздражительна и разборчива".

не порождать меланхоліи, которыхъ нельзя было исцѣлить однимъ духомъ кротости и снисхожденія и которыхъ, при всемъ желаніи, нельзя было скрыть...

Указанные факты чрезвычайно характерны, какъ для опредѣленія смѣны личныхъ настроеній Екатерины II, такъ и для объясненія судьбы литературы того вѣка. Въ первые годы Екатерина была увлечена высокими идеалами, и требованія нравственнаго достоинства человѣческой личности и требованія справедливости она желала примирить съ суровыми законами дѣйствительности. Нѣкогда ей мечталась картина народнаго благополучія во взаимной благожелательности. Однажды она писала Вольтеру: „Я должна отдать справедливость своему народу: это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возрастаетъ; но намъ также нужны аксіомы, неоспоримо признанныя за истинныя; благодаря этимъ аксіомамъ, правила, долженствующія служить основаніемъ новымъ законамъ, получили одобреніе тѣхъ, для кого они были составлены. Я думаю, вамъ бы понравилось сидѣть за столомъ, гдѣ сидятъ вмѣстѣ православный, еретикъ и мусульманинъ, спокойно слушаютъ голосъ идолопоклонника и всѣ четверо совѣщаются о томъ, чтобъ ихъ мнѣніе могло быть принято всѣми. Они такъ хорошо забыли обычай поджаривать другъ друга, что если бъ кто-нибудь предложилъ депутату сжечь своего сосѣда въ угоду Высшему Существу, то отвѣчаю, что не было бы ни одного, который бы не отвѣтилъ: онъ человѣкъ, какъ и я, а по первому параграфу инструкціи ея императорскаго величества мы должны дѣлать другъ другу какъ можно больше добра и никакого зла. Увѣряю васъ, что дѣла идутъ буквально такъ, какъ я вамъ говорю: если бы понадобилось подтвержденіе, у меня бы нашлось 640 подписей съ подписью епископа впереди. На югѣ, быть можетъ, скажутъ: какія времена, какіе нравы!“... Тѣ немногія извлеченія, какія приведены нами изъ тогдашнихъ писаній Екатерины, относящихся къ „Наказу“, указываютъ уже на тотъ обильный запасъ возвышенныхъ и благотворныхъ идей, которыя наполняли тогда ея умъ и которыя обѣщали, повидимому, новую эпоху нашей исторіи. Подъ вліяніемъ этихъ идей и возникало то общественное чувство, которое одушевляло ея лучшихъ современниковъ, которое, между прочимъ, отразилось въ журнальныхъ листкахъ Нови-

кова и еще долго помнилось въ средѣ людей, преданныхъ общественному благу. Но изданія Новикова не могли удержаться... „Наказъ“ только что былъ изданъ, только что собиралась Комиссія, какъ онъ былъ уже на половину запрещенъ. Въ сентябрѣ 1767 года Сенатъ опредѣлилъ разослать экземпляры „Наказа“ только въ высшія правительственныя вѣдомства, но и здѣсь велѣно было, чтобы эти экземпляры „никому ни изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, ни изъ постороннихъ не только для списыванія, но нижѐ для прочтенія даваны были“. „Такимъ образомъ, — по словамъ Соловьева, — Наказъ былъ доступенъ только старшимъ и составлялъ запрещенную книгу для младшихъ; о немъ сдѣлано постановленіе, подобное тому, какое сдѣлано въ латинской церкви относительно св. Писанія. Найдено, что сочиненіе самодержавной государыни, и прошедшее чрезъ строгую цензуру подданныхъ, все еще содержитъ въ себѣ аксіомы, способныя разрушить стѣны, по выраженію Никиты Ив. Панина“[1]).

Историкъ объясняетъ это тѣмъ, что, какъ правительство узнало, злонамѣренные люди распространяли слухи о перемѣнѣ законовъ и собирали съ крестьянъ поборы, обѣщая выхлопотать имъ разныя выгоды и отвращая отъ повиновенія помѣщикамъ[2])... Во всякомъ случаѣ пришлось измѣнить выставленному нѣкогда правилу: „Когда правда и разумъ на нашей сторонѣ, должно выставить ихъ предъ глаза народу“[3]).

Словомъ, теорія приходила въ столкновеніе съ жизнью: въ результатѣ явилось колебаніе, неувѣренность, которыя потомъ превратились въ раздраженіе къ противорѣчію. Вопросы были поставлены, но развитіе ихъ въ общественномъ пониманіи было остановлено.

Пыпинъ.

„АДСКАЯ ПОЧТА“.

Журналъ выходилъ подъ слѣдующимъ названіемъ: „Адская Почта, или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ. Еже-

---

1) Исторія Россіи, XXVII, стр. 139—140.

2) О крестьянахъ давно писалъ Сиверсъ: „по незнанію грамотѣ тѣмъ болѣе они достойны сожалѣнія“ (Соловьевъ, XXVII, стр. 69); но они понимали свое положеніе. Ср. „Плачъ холоповъ прошлаго вѣка“, составленный именно въ эпоху Комиссіи объ уложеніи (изданъ съ предисловіемъ Тихонравова въ „Починѣ“, сборникѣ моск. Общества любит. росс. словесности, 1895, стр. 9—14).

3) Бумаги Екатерины II. I, стр. 84.

мѣсячное издане 1769 года. Мѣсяцъ іюнь (или слѣдующіе). *Издалъ въ свѣтъ я, напечатано здѣсь*". Онъ стоилъ за книжку въ мѣсяцъ 20 копеекъ. — Въ 1788 году вышло въ С.-Петербургѣ изданіе „Адской Почты" подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Куріеръ изъ Ада съ письмами. Сочиненіе Θеодора Эмина", (325 стр., 12⁰). Но изданіе это не даетъ понятія о первоначальномъ видѣ „Адской Почты". Оно со многими пропусками. Писемъ почти половины недостаетъ, и выписки изъ перваго изданія сдѣланы безъ всякаго плана и цѣли; многія письма искажены. Выброшены предисловія, составляющія самую существенную часть журнала, потому что въ нихъ можно узнать и цѣль изданія, и характеръ его, и взглядъ автора на сатиру. Основываясь на томъ, что послѣднее изданіе вышло въ свѣтъ съ именемъ сочинителя, „Адскую Почту" всѣ приписываютъ Θ. Эмину, и нѣтъ причинъ сомнѣваться въ этомъ.

Содержаніе журнала также не выражаетъ собою русской жизни: какъ человѣкъ образованный, онъ могъ видѣть пороки, но, какъ не русскій, Эминъ не сочувствовалъ многому. Сатира его отзывается общими мѣстами и носитъ на себѣ замѣтные слѣды подражанія иностраннымъ журналамъ, особенно бросаются въ глаза русскому читателю нападенія на папу, іезуитовъ, (стр. 66—127 и 256), частые толки о современной европейской политикѣ, преимущественно Франціи (стр. 112—129, 133, 226 и 385), выписки изъ древнихъ писателей, что̀ было совершенно неизвѣстно другимъ нашимъ сатирическимъ журналамъ. „Адская Почта" много походитъ на извѣстное сочиненіе минувшаго вѣка: „Lettres juives". Другіе журналы выросли на народной почвѣ и изъ народной потребности, журналъ же Эмина возникъ потому, что сатирическіе журналы были въ ходу тогда и приносили доходъ издателямъ. Самъ Эминъ говоритъ: „Я сіе пишу для моего препровожденія времени и для пропитанія, которое единственно отъ пера, а часто и несчастнаго имѣю" (стр. 336). Издатель говоритъ о своемъ журналѣ въ предисловіяхъ къ каждому мѣсяцу его. Вообще Эминъ былъ удивительно многословенъ: разнообразныя свѣдѣнія увлекали его и ко всему приплеталъ онъ ихъ. Остроуміе свое онъ хотѣлъ показать и въ заглавіи своего сочиненія, на которое наведенъ онъ былъ извѣстнымъ романомъ Ле-Сажа.

„Адская Почта“ была умѣренна въ своей сатирѣ. Несмотря на примѣръ „Трутня“ и „Смѣси“, бѣсы совѣтуютъ другъ другу быть поосторожнѣе и никого въ лицо не трогать (стр. 23). Но издатель имѣлъ правильное и ясное понятіе о сатирѣ и защищалъ ее отъ уклончивыхъ, снисходительныхъ и неопредѣленныхъ взглядовъ „Всякой Всячины“ въ обращеніи къ ней въ предисловіи ко 2-й книжкѣ журнала (стр. 73—80).

На лицо издателя и на самый журналъ сыпалось множество насмѣшекъ и нападеній въ теченіе всего года, что видно изъ многихъ мѣстъ „Адской Почты“. Эминъ упоминаетъ даже о какомъ-то стихотворцѣ, который, не зная, какъ его бранить, называлъ его янычаромъ. Какія были причины прекращенія „Адской Почты“, послѣ полугодового существованія, намъ неизвѣстно.

Все содержаніе „Адской Почты“, состоящей изъ 112 писемъ заключается въ томъ, что бѣсы пересылаются другъ съ другомъ письмами, въ которыхъ описываютъ все то, что поражаетъ ихъ въ обществѣ. Но въ этихъ описаніяхъ слишкомъ мало оригинальности, хотя, можетъ быть, каждый случай, описанный здѣсь, былъ фактомъ дѣйствительнымъ. Конечно, современники узнавали дѣйствительныя лица въ выведенныхъ здѣсь подъ придуманными именами, но для насъ они не существуютъ. Все вниманіе журнала обращено преимущественно на мелкіе случаи безнравственности; широкаго, народнаго взгляда не видно здѣсь, а потому журналъ стоитъ далеко ниже разобранныхъ уже нами.

Современная литература отражается также блѣдно въ журналѣ. Попадаются, разумѣется, сатирическія выходки противъ современныхъ прозаиковъ и поэтовъ, но на кого указываетъ издатель, узнать невозможно: такъ неопредѣленны его выходки. Даже съ современными журналами не было у „Адской Почты“ полемики. Есть нѣсколько строкъ въ защиту Тредьяковскаго (стр. 191). Но гораздо любопытнѣе мѣсто о Сумароковѣ и Ломоносовѣ и современный споръ о достоинствахъ обоихъ. „Одинъ изъ нихъ обожалъ Клію, а другой Мельпомену. Оба сіи стихотворца имѣютъ свои партіи, безъ которыхъ нынѣ въ свѣтѣ разумнымъ быть не можно“ (стр. 265). Въ домѣ одного любителя наукъ обѣ партіи подымаютъ страшный споръ и крикъ. Какой-то М., чтобы примирить враждующія стороны, начинаетъ длинное разсужденіе о до-

стоинствѣ обоихъ. Онъ видитъ гораздо болѣе пользы въ сочиненіяхъ Сумарокова и съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ обоихъ. Вообще рѣчь его клонится на сторону Сумарокова; она кажется издателю справедливою, „особливо потому, что похваляемый имъ стихотворецъ великій ему непріятель, *везде его ругалъ и ругаетъ и мало ему несправедливымъ своимъ доносеніемъ жесточайшаго не причинилъ заключенія*. М. о всемъ томъ зная и толь много отъ него претерпя, когда его хвалитъ, то кажется, что въ такой похвалѣ пристрастія быть не можетъ“ (стр. 265—276).

Есть въ журналѣ разсужденіе о Вольтерѣ (стр. 187); упоминается также съ большою похвалою о Даламберѣ, котораго „недавно совершенное счастіе само искало, дабы вознести на высокую степень достоинствъ“ (стр. 210). Вѣроятно, здѣсь говорится о приглашеніи его Фридрихомъ Великимъ.

Буличъ.

„ПАРНАССКІЙ ЩЕПЕТИЛЬНИКЪ“.

Кромѣ „Барышка“ „Вечлины“ и „Трутня“ въ 1770 году появились два новые журнала: „Парнасскій Щепетильникъ“ (съ мая) и „Пустомеля“ (съ іюня). „Щепетильникъ“ заступилъ мѣсто періодическаго изданія „И то и сё“. Чулковъ объявилъ, что въ новомъ своемъ журналѣ онъ постарается избѣгать всего, что можетъ быть непріятно для нѣжнаго слуха и способно показаться кому-либо подозрительнымъ; что перо его будетъ справедливо, ибо оно ни льстить, ни потворствовать не умѣетъ*). Онъ напечаталъ здѣсь нѣсколько статей, касающихся отечественной исторіи; но главная цѣль, при изданіи въ свѣтъ „Парнасскаго Щепетильника“, была осмѣять непризванныхъ и бездарныхъ стихотворцевъ, которыхъ расплодилось тогда слишкомъ много: всѣ, умѣющіе писать, бросились за сочиненіе одъ торжественныхъ и громкихъ. На плохихъ стихотворцевъ нападали Сумароковъ, Нахимовъ, Петровъ; журналы 1769 года также не пощадили ихъ. „Вечлина“ смѣется, что люди, познакомившіеся съ риторикою и піитикою, дѣлаются запосчивыми: они и за могилой готовы браниться и читать всякому что-то такое, отъ чего непремѣнно зазѣваешься**). „Адская Почта“ увѣряла, что Парнасъ

*) Стр. 10—11.

**) Стр. 177—178.

осѣлъ глубоко въ землю и сдѣлался доступенъ всякому; что Мильціадъ и Аннибалъ не были столько смѣлы, какъ наши стихотворцы, которые льютъ чернила потоками на бѣлое поле бумаги и называютъ сами себя питомцами Минервы: такова-то ихъ licentia poëtica*). „Трутень“ утверждалъ: „Здѣшній воздухъ весьма противенъ англійскому. Тамъ умные люди съ „ума сходятъ, а здѣсь разсудка не имѣющіе разумными представляются. Кто можетъ на риомахъ сказать: *байка, лайка, фуфайка*, тотъ уже печатаетъ оды, трагедіи, элегіи и проч., которыя... полезно читать развѣ тому, кто принималъ рвотное, и оно не подѣйствовало“. По словамъ этого журнала, стихомаратели въ тогдашнее время расплодились, какъ крапива въ пустомъ саду, почему не однихъ подьячихъ, но и стихомарателей надо бы называть *крапивнымъ сѣменемъ*. Такое размноженіе стихотворцевъ заставило наконецъ Пегаса подать Аполлону челобитную объ отставкѣ**). То же свидѣтельствуетъ и журналъ „И то и сё“. Болѣзнь стихоманіи, по его мнѣнію, весьма прилипчива и до того распространилась въ Петербургѣ, что всякій, кто только умѣетъ держать въ рукахъ перо, уже спѣшитъ отдавать свое маранье въ печать. Оттого въ Парнасѣ сдѣлалась великая тѣснота, и скоро дойдетъ до того, что риомачи начнутъ спихивать другъ друга съ этой крутой горы: тогда-то будетъ плачъ неутѣшный и драка неописанная!***)

Еще сильнѣе нападалъ на плохихъ стихотворцевъ Чулковъ въ „Парнасскомъ Щепетильникѣ“. Вотъ что онъ говоритъ о цѣли этого изданія: „Нѣкоторымъ сочинителямъ не знаніе и науки, но одно слѣпое счастіе доставило титло людей разумныхъ и ученыхъ. Всякое ихъ сочиненіе и выдумка похвалены бывали всѣмъ городомъ публично, а мы, убогая братія, со страхомъ и трепетомъ взирали на дѣла сихъ *преузорочныхъ* и высокомысленныхъ особъ, и не токмо что всенародно не осмѣливалися находить въ нихъ погрѣшности, но ужасалися

*) Стр. 174, 346—347.

**) 1769 года, стр. 95, 137, 139, 151. 1770 года, стр. 91.

***) Недѣля 18, 29, 41, 49. Насмѣхаясь надъ стихотворцами, „И то и се“ говоритъ, что они такъ опредѣляютъ *любовь*: „любовь есть пчела, которая за маленькую крошку взятаго у нея меду весьма больно жалитъ; любовь есть тайножгучій огонь, приятная язва, сладостный ядъ и весьма вкусная горечь; любовь есть милая болѣзнь, забавная мука и веселая смерть“.

и наединѣ имѣть о нихъ толь злое помышленіе. Отъ сея робости и раболѣпствія нашего набилось ихъ столько на Парнасъ, что по послѣдней ревизіи оказалося болѣе 100.000 человѣкъ. Толикое множество жадныхъ писателей иппокреній и кастальскій источники и рѣка Пермессъ не могли удовольствовать врачебными своими водами, и начали ужъ изсыхать: чего ради покровитель и богъ наукъ, великій Аполлонъ, предупреждая толикое зло, по общему съ музами согласію, опредѣлилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ послать въ дальніе города въ рангахъ переводчиковъ и сочинителей рацей и другихъ духовныхъ кантовъ, которые весьма часто припѣваются въ подьяческихъ бесѣдахъ; нѣкоторыхъ для сочиненія элегій и любовныхъ пѣсенъ; другихъ по селамъ дьячками, третьихъ по деревнямъ старостами и выборными, и такъ далѣе; а оставшееся число на Парнасѣ, сдѣлавъ (меня) аукціонистомъ и нарекши *щепетильникомъ**), а негодныхъ стихотворцевъ наименовавъ *парнасскою ветошью*, приказалъ распродать здѣсь съ молотка, и собранную за нихъ сумму велѣно мнѣ употребить на пропитаніе такихъ людей, которые, весьма многому учася, ничего не разумѣютъ". Приступая къ аукціонной продажѣ, „Щепетильникъ" объявилъ, что стихотворцы эти, кромѣ производства стиховъ, ни къ чему другому не способны**), и потомъ сталъ выкрикивать:

„**Продается Стихотворецъ Драматическій**: сей человѣкъ живетъ въ такомъ домѣ, который наполненъ безграмотными профессорами и тунеядцами, а изъ принужденія носитъ и онъ на себѣ всѣ сіи достоинства... Сочиняетъ стихи изъ одныхъ односложныхъ словъ, а многосложныя ненавидитъ, и оттого-то стихи его ни остры, ни замысловаты, и таковы точно, какъ итальянскія ноты, проигрываемыя на россійскомъ гудкѣ. Впрочемъ не соглашается онъ вѣрить, что труды его негодны; удобнѣе принудить его проплясать на площади, нежели что-нибудь въ стихахъ его поправить, и кто ему о томъ выговоритъ, того почитаетъ онъ такимъ злодѣемъ, съ которымъ не должно и на дорогѣ встрѣчаться. Сколько онъ маломысленъ, столько, или еще больше, желаетъ казаться людямъ ученымъ... Часто шатается по улицамъ единственно только

---

*) Щепетильникъ — продавецъ мелкихъ товаровъ.

**) Стр. 8.

для того, что поправляетъ грамматическія погрѣшности въ мужицкихъ разговорахъ.... За всѣ его книги и за него самого возьму я рубль весемь гривенъ.

„**Продается Стихотворецъ Лирическій**: онъ, какъ древній законникъ, ожидаетъ отъ народа въ честь себѣ статуи, не изъ дикаго камня, но изъ найденнаго здѣсь на озерахъ мрамора, и желаетъ, чтобъ сохранили стихи его въ нарочно сдѣланныхъ къ тому золотыхъ сосудахъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ такъ высоко бредитъ, что нерѣдко карабкается на облака... Судьба одѣваетъ его теперь въ новую одежду, а купеческая рука насыпаетъ полные карманы денегъ. Многимъ покажется удивительно, что стихотворецъ имѣетъ участіе въ богатствѣ, но надобно каждому разумѣть, что не стихи его питаютъ, а обогащаютъ крестьяне, которыхъ онъ одного за другимъ, хотя и безъ очереди, однако каждый день продаетъ. Сего стихотворца, господа, извольте оцѣнить сами, или возьмите его безъ денегъ: я васъ охотно онымъ подарю" *).

Затѣмъ выставлены были „Щепетильникомъ" и другіе продажные стихотворцы; изъ нихъ вотъ:

Сочинитель нѣжныхъ, любовныхъ стиховъ: „онъ влюбленъ въ одну дѣвушку. Въ началѣ его страсти приступалъ онъ къ сердцу ея стихами и сочинялъ посредственно-хорошія пѣсни, клалъ ихъ на ноты и пропѣвалъ передъ нею; но, по несчастію его, былъ хуже музыкантъ, нежели стихотворецъ, и такъ пѣніемъ своимъ отнималъ у нихъ и послѣднюю красоту: слѣдовательно, симъ родомъ стихотворства не могъ онъ понравиться такой красавицѣ, которая ни одной минуты не хочетъ потратить на безполезные вздохи; да и на что оно, когда и безъ вздоховъ вершится нынѣ любовное дѣло и всякая пріятность получается въ непродолжительномъ времени". Любовные же стихи годятся развѣ на подвивку волосъ или на подстилку подъ пироги**). Очень вѣроятно, что въ этихъ портретахъ были намеки на современныхъ писателей, но разгадать ихъ едва ли возможно въ настоящее время.

Всѣ эти бездарные стихотворцы, по словамъ „Щепетильника",— народъ ужасно гордый и самолюбивый; разсуждая печатно о томъ, въ чемъ *не смыслятъ ни уха, ни рыла*, они

---

*) 12—17.

**) Стр. 26—72, 106.

требуютъ, чтобъ публика была ко всему безчувственна, кромѣ ихъ риѳмосплетеній. Тотъ же самый стихотворецъ, который терпѣливо снесетъ названіе неряхи и не совсѣмъ честнаго человѣка, взбѣсится, если (чего Боже сохрани!) кто-нибудь назоветъ его безмозглымъ риѳмачомъ*). Точно такъ же опасно при одномъ стихотворцѣ похвалить другого: тутъ подымется буря злословія, достанется и роду и племени, и произнесется строгій судъ, если окажется хоть одна ошибка въ падежѣ или строчномъ препинаніи**). Не терпя чужихъ сочиненій, парнасскіе витязи любили восхищаться своими собственными и готовы были во всякое время и всякому читать ихъ „со всѣми украшеніями и возвышеніями голоса“***).

Сатира на расплодившихся непризнанныхъ „піитовъ“, небезполезная по своему вліянію на литературу и вкусъ публики, нашла сочувствіе въ господинѣ И. Л., который писалъ къ Чулкову: „Хвалю васъ, господинъ сочинитель, что предпріяли вы исправить происходящіе отъ самолюбія пороки стихоплетущихъ риѳмачей, приложившихся по писанію скотамъ несмысленнымъ. Я напередъ предузналъ, что это сочиненіе („Щепетильникъ“) обсѣчетъ крылья многимъ и у насъ (близъ Днѣпра) проявившимся недавно стихобродамъ, которые, скажу попросту съ вами, *не смысля ни уха, ни рыла* и намаравши нѣсколько стиховъ, стремятся вскарабкаться на Парнасъ и самовластно обладать онымъ, называя всѣ правила совершеннаго стихотворства ученымъ вздоромъ, пустотою и враками, причиняющими излишнее лишь и совсѣмъ ненадобное затрудненіе... Твердо надѣюсь я, что если не престанете вы продолженіемъ вашего „Щепетильника“ обличать ихъ, по крайней мѣрѣ хотя наши стихомаратели, какъ твари, не совсѣмъ еще въ разсужденіи вашихъ упившіяся безуміемъ, со временемъ перестанутъ прояблять и облевывать скаредные плоды оныго. И больше скажу, я съ восхищеніемъ вижу въ нѣкоторыхъ головахъ цѣлительное дѣйствіе; ибо многіе, донынѣ присматривая съ пристально къ описаннымъ весьма худыми красками лицамъ и находя въ нихъ не знаю какое-то съ собою подобіе, совершенно бросили юродство-

---

*) Стр. 99, 107.

**) „Вечера“, ч. I, стр. 99—100.

***) „Щепетильникъ“, стр. 28—29.

вать и принялись за разумъ“. При этомъ письмѣ Н. Л. прислалъ „Похвальные стихи полустихотворцамъ“, которые и были напечатаны въ „Щепетильникѣ“. Содержаніе стиховъ таково: скажите, спрашиваетъ авторъ, отчего хлѣбъ родится плохо? и небо не посылаетъ дождя? — Небеса прогнѣваны; потому что къ ихъ высотамъ отовсюду возносятся несносныя и нестерпимыя враки въ безчисленныхъ поэмахъ, одахъ, стансахъ, сонетахъ и пѣсняхъ. Плохіе піиты размножились; для нихъ Ипокрена впадаетъ въ Неглинную, а спартанская Елена живетъ въ Валдаѣ, словомъ, сонную мечту они принимаютъ за восторгъ*).

И послѣ „Щепетильника“ долго слышались въ нашей литературѣ жалобы на плохихъ стихотворцевъ, такъ зло осмѣянныхъ впослѣдствіи въ „Чужомъ толкѣ“ Дмитріева. Въ „Вечерахъ“ было напечатано стихотвореніе, подъ заглавіемъ *Мысли*:

Воззри, усмотришь ты здѣсь многіе примѣры:
Здѣсь школьники уже считаются Гомеры;
Кто нѣсколько стиховъ негодныхъ издалъ въ свѣтъ,
Ужъ межъ могилами Вергиліемъ слыветъ;
Кто портитъ только слогъ пѣвцовъ преславныхъ россовъ,
Уже считается второй здѣсь Ломоносовъ...
А если хочешь ты плѣнять умы людскіе,
Старайся только въ стихъ сбирать слова такія,
Которыхъ бы никто совсѣмъ не разумѣлъ,
Чтобъ стихъ твой у тебя безъ разума *гремѣлъ*.
Такіе-то у насъ писцы въ великой модѣ,
Которые совсѣмъ впреки идутъ природѣ!...
Пиши поэмы ты и оды *пухлымъ* слогомъ,
То будешь возглашенъ межъ всѣхъ парнасскимъ богомъ.
Чѣмъ будетъ болѣе замѣтныхъ мыслей въ ней,
Тѣмъ болѣе хвалы услышишь отъ людей.
Лишь только подражать Хераскову блюдися,
А Майкову во слѣдъ совсѣмъ итти стыдися:
Не въ модѣ между всѣхъ невѣждъ писатель сей —
Какой превздорный имъ въ свѣтъ изданъ *Елисѣй***).

Судьба стихотворцевъ въ эпоху 1770-хъ годовъ была несовсѣмъ блистательная. Многіе изъ нихъ пѣли торжественные гимны и оды по заказу на общественныя и семейныя

*) Стр. 275—277, 280—286.
**) Ч. I, стр. 19; ч. 2, стр. 27—41.

празднества и торговали своими поздравительными виршами. „Вечера“, говоря о піитахъ, которые пишутъ стихи по подряду и свой бездѣльный трудъ продаютъ, будто лапти, приводятъ разсказъ о томъ, какъ одинъ богатый человѣкъ нанялъ стихотворца сочинить оду на его свадебное торжество:

Уже вспѣвака мой тащится на Парнасъ,
Варитъ для жениха стихи онъ, какъ ушное,
Кладетъ въ уху сію чеснокъ и ананасъ,
И подлинно сварилъ онъ кушанье смѣшное...
Помчался мой пѣвецъ въ селенія небесны,
Венеру съ облаковъ на свадьбу притащилъ;
Не думавъ жениху содѣлать тѣмъ обиды,
Не пожалѣлъ стащить оттолѣ и Купиды*)...

Въ журналѣ „И то и сё“ есть разсказъ о барынѣ, которая приглашала стихотворца воспѣть въ плачевной элегіи смерть ея постельной собачки**).

„Парнасскій Щепетильникъ“, однако, не имѣлъ большого успѣха. Еще въ октябрьскомъ выпускѣ издатель жаловался, что общество потеряло охоту къ повременнымъ изданіямъ***), а въ декабрьскомъ онъ объявилъ: „Сочиненіе сіе („Щепетильникъ“) продолжалось до конца сего года по обѣщанію издателеву, хотя и съ великимъ ему убыткомъ; онъ хотѣлъ лучше устоять въ своемъ словѣ, нежели солгать передъ всею публикою... Не хотѣлъ онъ послѣдовать тѣмъ премудрымъ авторамъ, кои, напечатавъ первый листъ, роздали билеты и обобрали съ желающихъ деньги, а на второмъ листѣ прервали свое сочиненіе“. Въ „Щепетильникѣ“ участвовалъ знакомый намъ Рубанъ. *Аѳанасьевъ.*

„Парнасскій Щепетильникъ“, ежемѣсячное изданіе 1770 года. С.-Пб. 12°, 322 стр. Выходилъ съ мая небольшими книжками. Каждая стоила 15 копеекъ. Всѣхъ ихъ вышло 8. Въ каталогѣ Смирдина этотъ журналъ приписанъ Новикову. Но самъ Новиковъ, въ своемъ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ (стр. 243), а за нимъ митрополитъ Евгеній говорятъ, что журналъ этотъ принадле-

---

*) Ч. I, стр. 77—78.
**) Недѣля 42.
***) Стр. 264.

житъ Михайлѣ Чулкову, издателю „И то и сё“. Это мнѣніе подтверждается и самымъ содержаніемъ журнала и близкимъ его отношеніемъ къ поэмѣ Чулкова: „Плачевное паденіе стихотворцевъ“, которая составляетъ, повидимому, основную идею „Щепетильника“. Слово щепетильникъ въ словарѣ Академіи значитъ — продавецъ мелкихъ товаровъ.

Послѣ 1769 года, столь богатаго сатирическими журналами, когда вдругъ являлось ихъ восемь, мы видимъ рѣшительный застой журнальной литературы. Только и впослѣдствіи неутомимый Новиковъ продолжаетъ своего „Трутня“, но и то ненадолго, да Чулковъ издаетъ новый журналъ, въ которомъ мало сатирическаго содержанія. Являлась еще помѣсячно „Пустомеля“, но и она кончила свое существованіе до окончанія года. „Трудолюбивый Муравей“, журналъ Рубана въ 1771 году, говоритъ въ предисловіи, что „одинъ только „Щепетильникъ“, начавшись съ мая, совершилъ теченіе свое постоянно до окончанія года, не выдерживая въ типографіяхъ, по примѣру прочихъ, карантина, но будучи одержимъ подагрою, не много расхаживалъ по свѣту и теперь еще отдыхаетъ на одрѣ книгопродавцевъ. Сею болѣзнію и многіе третьегодичные недѣльные листы страждутъ, а многіе отъ долговременнаго недуга и бока себѣ до самыхъ реберъ пролежали; нѣкоторые же, будучи взаперти, и совсѣмъ исчахли“. „Щепетильникъ“, дѣйствительно, не выдерживаетъ сравненія ни съ однимъ журналомъ 1769 года по своему направленію. Причины этого отыскать трудно.

Вся сатира этого небольшого журнала направлена противъ стихотворцевъ, которыхъ расплодилось такое множество на Парнасѣ, что Аполлонъ разослалъ ихъ всѣхъ въ разныя стороны, „а оставшееся число на Парнасѣ, сдѣлавъ меня авкціонистомъ, нарекъ щепетильникомъ, говоритъ издатель, а негодныхъ стихотворцевъ наименовалъ парнасскою вѣтошью, приказалъ распродать здѣсь въ царствующемъ градѣ Санктпетербургѣ съ молотка, и собранную сумму велѣно мнѣ употребить на пропитаніе такихъ людей, которые, весьма многому учася, ничего не разумѣютъ“ (стр. 6). Продажа должна начаться съ мая 1770 года. Издатель приглашаетъ всѣхъ несмысленныхъ стихотворцевъ въ аукціонную комнату на продажу (стр. 17), и продажа начинается съ стихотворца драматическаго, за которымъ слѣдуетъ лирическій. Но критика

Чулкова чрезвычайно обща и не оригинальна. Меткаго взгляда онъ не имѣетъ.

Въ самомъ журналѣ есть два свидѣтельства о томъ, что онъ принадлежитъ Чулкову: во-первыхъ, какой-то корреспондентъ-сотрудникъ, подписавшійся буквами Н. Л., называетъ издателя „Щепетильника“ издателемъ „И то и сё“ (стр. 273), и потомъ онъ же говоритъ объ немъ, какъ объ издателѣ пѣсенъ, а пѣсни издалъ Чулковъ (стр. 279). Въ изъясненіи, приложенномъ въ концѣ журнала, издатель говоритъ, что онъ насилу дотянулъ изданіе до конца года и съ превеликимъ для себя убыткомъ. Видно, что 1770 годъ не походилъ на 1769. Кромѣ упомянутаго корреспондента въ журналѣ еще подписался Рубанъ подъ „Побѣдительною Пѣснію“ на побѣды Румянцева 7 и 21 іюля 1770 года (стр. 186—196) и подъ переводомъ изъ Овидія (стр. 239—244). Какой-то студентъ Иванъ Носниковъ написалъ эпитафію Нарышкину (стр. 288). Неизвѣстный поэтъ почтилъ въ журналѣ надгробною подписью Никиту Исакова, который служилъ въ сенатѣ и написалъ многотомную русскую исторію, употребивши много лѣтъ на нее. Трудъ этотъ никогда не былъ напечатанъ. Онъ готовился уже печатать его, но вдругъ постигла его смерть въ Москвѣ 21 января 1770 года (стр. 143).

Стремленіе къ народности, которымъ отличался Чулковъ, видно въ томъ, что онъ напечаталъ въ „Щепетильникѣ“, нѣсколько народныхъ русскихъ загадокъ (стр. 46—48). Практическое направленіе Чулкова, издавшаго поваренную книгу, видно и въ томъ, что здѣсь напечаталъ онъ статью подъ названіемъ „Экономическія примѣчанія о пользѣ огородныхъ кореньевъ, къ поварнѣ принадлежащихъ“ (стр. 215—238).

Лучшими и капитальными статьями журнала могутъ быть названы: 1) Отрывки изъ путешествія Василія Григоровича, тогда еще не напечатаннаго Рубаномъ: описаніе города Солуня и имена острововъ Архипелага (стр. 119—130); 2) Историческія извѣстія польскихъ писателей о провинціяхъ и городахъ россійскихъ, бывшихъ нѣкогда во владѣніи Польскомъ и потомъ опять Россіянами взятыхъ, принадлежащія къ россійской исторіи — переводъ съ польскаго (стр. 290—319), и 3) О изображеніи монеты россійской временъ царя Ивана Васильевича и другія двѣ мелкія статьи — переводъ съ латинскаго (стр. 319—322).

Кромѣ означенныхъ уже нами переводовъ, въ „Щепетильникѣ“ были и другіе, и они-то составляли главное содержаніе, наполнявшее книжки журнала. Но всѣ они мелки и ничтожны. *Буличъ.*

„ПУСТОМЕЛЯ“.

„Пустомеля“ издавалась помѣсячно и продолжалась недолго: іюнь и іюль. Имя издателя ея неизвѣстно. Обращаясь къ читателю, онъ самъ говоритъ: „Можетъ быть, захочешь ты прежде всего узнать мое имя, однакожъ не жди, чтобы я тебя объ ономъ увѣдомилъ. Сколько хочешь, думай, отгадывай, развѣдывай и трудись, мнѣ до того нужды нѣтъ... Вы часто о сочиненіяхъ судите по сочинителямъ, а нѣкоторые изъ васъ и не читавши, но по одному только слуху, дѣлаютъ неправильныя заключенія. Итакъ, польза моя требуетъ, чтобы я имя свое утаилъ. Не знавши онаго, какъ скоро ты прочтешь десять строкъ моего сочиненія, ты навѣрно заключишь, что я писатель не третьей статьи; можетъ быть, ты подумаешь, что я человѣкъ знатный; слѣдовательно, критиковать не осмѣлишься“ *). Названіе „Пустомели“, вѣроятно, дано въ подражаніе англійскому періодическому изданію „The Tattler“ (Болтунъ), которое съ 1709 до 1711 года выходило подъ редакціей Стиля. Въ „Пустомелѣ“ напечатано, между прочимъ, Фонвизиново „Посланіе къ слугамъ моимъ: Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“ и, судя по тону замѣтки, сдѣланной при этомъ отъ редакціи, напечано здѣсь впервые**). Кромѣ этого посланія въ „Пустомелѣ“ нѣтъ статей сатирическаго содержанія, но зато въ ней есть интересныя свидѣтельства о современной литературѣ и театрѣ, на которыя укажемъ въ своемъ мѣстѣ. „Я боюсь обѣщать море, чтобъ не вылилась лужа“, говоритъ въ предисловіи осторожный издатель, и потому, умалчивая о направленіи и цѣли своего журнала, онъ высказываетъ только свой взглядъ на литературныя тре-

*) Стр. 11—12.

**) Показаніе митрополита Евгенія, что „Посланіе къ слугамъ“ явилось въ первый разъ въ Москвѣ, во время публичнаго маскарада въ 1763 году, едва ли вѣрно (Слов. св. пис. т. I, стр. 80, или въ „Другѣ Просвѣщен.“ ч. III, стр. 252), тѣмъ болѣе, что всѣ старанія удостовѣриться въ существованіи тѣхъ литературныхъ сатурналій, о которыхъ говоритъ митрополитъ Евгеній, оставались доселѣ безуспѣшными („Фонвизинъ“, соч. кн. Вяземскаго, стр. 47).

бованія и по этому поводу дѣлаетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній о современныхъ писателяхъ; между этими замѣчаніями нельзя не примѣтить нападенія на „Парнасскій Щепетильникъ“ Чулкова.

Кромѣ статей чисто-литературныхъ, въ „Пустомелѣ“ печатались еще статьи политическаго содержанія, проникнутыя легкой ироніей и для насъ любопытныя, какъ отголосокъ тогдашняго общественнаго мнѣнія. Подобныя статьи встрѣчались и въ „Адской Почтѣ“; но въ „Пустомелѣ“ онѣ отличаются бо́льшей живостью. Здѣсь находимъ насмѣшливые отзывы о туркахъ и о французахъ, по поводу современной войны Россіи съ Портою. Отзывы эти печатались подъ особеннымъ заглавіемъ: „Вѣдомостей изъ Константинополя“. Интересны — „Тайныя серальскія извѣстія“: „На мѣсто стараго выбранъ новый муфти, который меньше прежняго къ войнѣ имѣетъ склонности. Онъ, собравши всѣхъ толкователей Алкорана, предложилъ имъ для рѣшенія самую трудную задачу, а именно: отчего русскіе солдаты несравненно превосходятъ храбростію турокъ? Толкователи пришли отъ сего вопроса въ недоумѣніе; они очень долго потѣли, пріискивая приличное сему въ Алкоранѣ; наконецъ заключили, что храбрость сія и неустрашимость происходитъ отъ завиванія и пудренія волосовъ. Муфти предложилъ сіе султану, и давалъ свое разрѣшеніе, чтобы всѣмъ янычарамъ обрить бороды и завивать волосы. Султанъ приказалъ немедленно требовать у министра нѣкоторой доброжелательной намъ державы (Франціи), чтобы онъ для турецкой арміи выписалъ парикмахеровъ, пудры и помады... сіе почитаютъ вдохновеніемъ пророка Магомета, почему и великую на сіе полагаютъ надежду“. Къ этой статьѣ присоединено извѣстіе изъ „нѣкотораго европейскаго города“ (Парижа): „Дружелюбіе нашего двора съ Оттоманскою Портою всему свѣту извѣстно... по требованію Порты набираются у насъ по всѣмъ мѣстамъ парикмахеры и заготовляется безчисленное множество пудры и помады, что въ скоромъ времени къ блистательной Портѣ и отправится. Восноможеніе сіе не малой важности; ибо всѣ жители нашего города не безпричинно опасаются, чтобы не ходить имъ съ не завитыми и непудреными волосами до того времени, пока не заведутся новые парикмахеры... Поговариваютъ, что министерство наше вознамѣрилось къ Портѣ отпра-

вить нѣсколько тысячъ книгъ о парикмахерскомъ искусствѣ"*). Въ новомъ выпускѣ „Пустомели", въ извѣстіяхъ изъ Константинополя объявлено: „Почти никакого не видимъ мы средства къ нашему избавленію: ужъ и парикмахеры намъ не помогаютъ!... Повседневно приходящія къ намъ извѣстія о успѣхахъ непріятельскаго противъ насъ оружія умножаютъ народное смятеніе. До какого несчастія Порта дошла! Ужъ и греки подъ предводительствомъ россіянъ насъ побѣждаютъ... повсюду въ турецкихъ областяхъ россійскій летаетъ орелъ, неся съ собой ужасъ и смерть... Нѣкто на сихъ дняхъ подалъ султану выдумку о наборѣ войскъ въ сераляхъ, которая, какъ сказываютъ, и утверждена**). *Аѳанасьевъ.*

Подъ заглавіемъ напечатаннымъ курсивомъ: „*То, что употребилъ я вмѣсто предисловія*", издатель журнала высказываетъ взглядъ свой на литературныя требованія съ присоединеніемъ нѣсколькихъ критическихъ замѣчаній на современныхъ писателей; между этими замѣчаніями легко подмѣтить выходку противъ издававшагося Чулковымъ „Парнасскаго Щепетильника"***). Сочинитель „Пустомели" въ виду затрудненій, представляющихся желающему въ первый разъ выступить на авторское поприще, говоритъ: „пустова писать не хочется, а хорошее скоро ли придумаешь? Мнѣ и самому несносны тѣ Авторы, которые сочиненія свои начинаютъ вздоромъ, вздоромъ наполняютъ и оканчиваютъ вздоромъ. Пишутъ все, что ни попадется, спорятъ, критикуютъ, рѣшаютъ, и запутавшись, въ мысляхъ изъясняются весьма не ясно; тутъ слѣдуютъ у нихъ сухія шутки, будто оставляютъ темныя мѣста на догадку читателя: но ежели сочинитель по чистой совѣсти захочетъ признаться, то скажетъ, что и самъ онъ того не помнитъ; и такъ останется истинная причина, что яснѣе не могъ тово написать. Многіе нынѣ принимаются писать, думая что хорошо сочинять также легко, какъ продавать снурки, серьги, запонки, наперстки, иголки и прочіе мелочные товары, коими

---

*) Стр. 43—49.

**) Стр. 106—108. Въ „Вечерахъ" (ч. I, стр. 41—47) было помѣщено письмо съ Сатурна, въ которомъ аллегорически говорится о современныхъ отношеніяхъ Россіи, Турціи и Франціи.

***) „Русск. сатирич. журн.", стр. 59.

щепетильники торгуютъ въ деревняхъ, и мѣняютъ ихъ на лапти и яйцы; но они ошибаются... Чтобы умѣть хороше сочинять, потребно ученіе, острой разумъ, здравое разсужденіе, хорошей вкусъ, знаніе свойствъ Русскаго языка и правилъ грамматическихъ, и наконецъ истинное о вещахъ понятіе... Кто пишетъ не имѣвши дарованій и способностей, составляющихъ хорошаго писателя, тотъ не писатель, но бумагомаратель... По несчастію нашему, у насъ много такихъ писцовъ, которые пишутъ все, что съ ними не повстрѣчается, хватаются за все, начинаютъ, и никогда не оканчиваютъ...[1]) Издатель „Пустомели", извѣщая читателя о томъ, что сдѣлался сочинителемъ, говоритъ ему относительно утаеннаго имени своего: „Можетъ быть, захочешь ты прежде всего узнать мое имя, однакожъ не жди, чтобъ я тебя объ ономъ увѣдомилъ... Вы часто о сочиненіяхъ судите по сочинителямъ, а нѣкоторые изъ васъ, и не читавши, по одному только слуху дѣлаютъ неправильныя заключенія; и такъ польза моя требуетъ, чтобы я имя свое утаилъ. Не знавши онаго, какъ скоро прочтешь ты десять строкъ моего сочиненія, то навѣрное заключишь, что я писатель не третьей статьи; можетъ быть подумаешь, что я человѣкъ знатной, слѣдовательно критиковать не осмѣлишься..."[2]) Далѣе онъ, обращаясь къ писателямъ-невѣждамъ, предписываетъ слѣдующій образъ дѣйствій относительно читателей, предлагая первымъ вмѣстѣ съ тѣмъ средство къ восторжествованію надъ извѣстными уже литераторами завистниками своими, и къ овладѣнію цѣлымъ Парнасомъ: „Пускай, говоритъ онъ съ ироніею, завистники изъ всей силы кричать будутъ, что твое сочиненіе вздоръ... пусть бѣдные писатели со слезами просятъ, чтобы ихъ изъ милосердія не критиковали, и пусть испрашиваютъ они у читателей благосклоннаго принятія трудовъ своихъ; тебя не такая ожидаетъ участь; и для того поступай съ читателями отмѣнно. Прими на себя важной видъ, подобной тѣмъ Авторамъ, которые не больше десяти строкъ написавъ, отнимаютъ первенство у всѣхъ прежде ихъ прославившихся творцовъ. Съ первой строки приведи читателей своихъ въ удивленіе, и не давъ имъ опомниться... повелѣвай ими по своему желанію, при-

---

1) „Пустом.", стр. 5—8.

2) Тамъ же, стр. 11—12.

казывай имъ бѣгать во слѣдъ за парящимъ твоимъ разумомъ. Ежели самъ начнешь уставать, то поймай Пегаса, и сѣдши на него, разъѣзжай по своему желанію; мучь его сколько угодно, онъ будетъ тебѣ покоренъ. Но ежели паче чаянія онъ попротивится и тебя не пуститъ сѣсть, только этому быть не можно. Когда всѣ несмысленные риѳмотворцы сего бѣдняка мучатъ, то какъ онъ осмѣлится противиться тебѣ?... Забудь, что не умѣешь ты ни одного сплесть стишка; что нужды, что не знаешь ты правилъ стихотворства? Пиши прозу, и научись только прибирать риѳмы, ты и тѣмъ себя прославить можешь. Многіе въ стихотворствѣ не больше твоего знанія имѣютъ, но со всѣмъ тѣмъ пишутъ трагедіи, оды, элегіи, поэмы и все, что̀ имъ вздумается. Поймай Пегаса за гриву, оборви крылья, сядь насильно и поѣзжай прямо на Парнасъ... Аполлона за худое управленіе накажи, опредѣли его парнасскимъ комиссаромъ у пріему всѣхъ сочиненій новыхъ твоихъ стихотворцевъ... самъ сядь на ево мѣсто, возьми лиру и греми по своему желанію; что нужды — складно или нѣтъ; удивляться конечно будутъ". Съ цѣлью осмѣять плохой переводъ „Энеиды" Василія Санковскаго[1]), современныя трагедіи и переводныя комедіи Владимира Лукина[2]), издатель „Пустомели" распредѣляетъ музамъ новыя должности и одѣваетъ ихъ въ характерные костюмы: „Плаксивую Мельмомену, говоритъ онъ, одѣнь въ платье изъ трагическихъ листовъ; въ одну руку дай ей черниницу съ перомъ вмѣсто кинжала, а другою прикажи чаще размахиваться, бить себя по лицу и безпрестанно кричать: *ахъ, увы, погибло все!* — Талію — о! эту насмѣшницу надобно хорошенько помучить; до сего времени она всѣхъ осмѣивала, но ты сдѣлай такъ, чтобы всѣ на нее глядя смѣялись. Платье сшей ей гаерское, въ руку вмѣсто маски, дай ей вызолоченый пузырь съ горохомъ и *заставь читать* Л*** (Лукина) комедіи, которыхъ она терпѣть не можетъ, и которыя ее конечно измучатъ. Калліопу, сдѣлай приворотникомъ; украшенія всѣ съ нея оборви, она ихъ нынѣ недостойна; эпическіе стихи вырви изъ рукъ ея и брось;

---

1) Журналы 1769 и 1770 годовъ болѣе всего вооружались противъ дурныхъ переводовъ, искажавшихъ не только красоту формы, но часто и смыслъ подлинника. „Русск. сатирич. журналы", стр. 80.

2) Противъ переводовъ Лукина единогласно возставали сатирическія изданія: „Всякая", „Смѣсь", „Трутень", „Адская Почта" и „Пустомеля". Тамъ же, стр. 35.

вмѣсто трубы дай ей рожокъ и *прикажи наигрывать повѣсти о троянскихъ витязяхъ*. Естьлижъ захочешь ты отвратить посѣщенія, которыя тебѣ какъ новому воеводѣ прочими богами сдѣлаются, то прикажи ей читать одну изъ новыхъ піесъ; она конечно всѣхъ гостей *рыганьемъ* своимъ отгонитъ[1]); ибо съ нѣкотораго времени Калліопа стала весьма обжорлива". Раздавъ и прочимъ музамъ соотвѣтственныя занятія, издатель „Пустомели" продолжаетъ свои совѣты: „славныхъ авторовъ сдѣлай разнощиками; прикажи имъ по всѣмъ мѣстамъ продавать свои сочиненія и выхвалять ихъ сколько возможно больше: имъ къ етому уже не привыкать... *Виргилію, наклавши полной мѣшокъ нѣмецкихъ изрѣченій*, прикажи ходить по рынку, и продавать ихъ повальною цѣною..." Досталось отъ „Пустомели" и Чулкову въ совѣтѣ назвать Пегаса „*щепетильникомъ*" и приказать ему продавать по деревнямъ „билетцы, эпиграммы, загадки, эпитафіи, пѣсенки и прочія мелочныя стихотвореньица...[2])" Въ концѣ своей критико-сатирической статьи, предусмотрительный издатель „Пустомели" напоминаетъ о томъ, что умолчалъ въ предисловіи своемъ о направленіи и цѣли издаваемаго имъ журнала, но что поступилъ такъ изъ боязни обѣщать море вмѣсто котораго послѣ не вылилась бы лужа.

Затѣмъ, подъ № 2, слѣдуетъ статья подъ названіемъ „*Историческое Приключеніе*", состоящее изъ неоконченной повѣсти, хотя окончаніе ея и обѣщано въ слѣдующемъ мѣсяцѣ; дѣйствующія въ ней лица носятъ имена: „Добронрава, „Добросерда, „Миловиды" и Осторожны". Намѣреніе автора настоящаго разсказа было доказать, что люди часто впадаютъ въ пороки по одному добросердечію, но среди самыхъ преступленій, праводушіе ихъ сіяетъ и великость духа сказывается[3]). Въ этой повѣсти встрѣчается любопытное свидѣтельство о театральныхъ пьесахъ того времени, появлявшихся чаще другихъ на сценѣ; и это были: „Привидѣніе съ барабаномъ"[4]), „Новопріѣзжіе"[5]); комедіи Мольера: „Скапиновы

[1]) Намекъ на помѣщенную въ „Трутнѣ" эпиграмму на переводчика Энеиды, который употребилъ это выраженіе.

[2]) „Пустом.", стр. 17—19.

[3]) „Пустом.", стр. 23.

[4]) Переводъ Нартова.

[5]) Соч. Леграна, переводъ А. Волкова М. 1759 г.

обманы", „Лѣкарь по неволѣ", „Жоржъ Дандинъ", „Мнимыи рогатый", „Принужденная женидьба" и, по выраженію „Пустомели", *подобныя симъ смѣшныя комедіи*..." [1]) Если съ статьѣ и встрѣчаются нѣкоторые намеки на модные нравы, то попытка на сатиру оказывается въ нихъ весьма слаба.

Въ извѣстіи „*Изъ Москвы*" находимъ любопытныя замѣчанія объ игрѣ знаменитаго въ то время актера Дмитревскаго и о томъ восторгѣ, въ который помянутый артистъ приводилъ современниковъ; помѣщаемъ здѣсь эту статейку вполнѣ: „Г. Д..., актеръ придворнаго Россійскаго театра, пріѣхавъ къ намъ, столько надѣлалъ шуму, что во всемъ городѣ только и разговоровъ что о немъ; и подлинно, московскіе жители увидѣли въ немъ славнаго актера. Онъ игралъ въ Семирѣ *Оскольда*, и всѣхъ зрителей плѣнилъ. Въ Евгеніи, комедіи графа *Кларандона*, искусство, съ какимъ онъ сей роль представлялъ, принудило зрителей оную комедію просить еще три раза, въ чемъ они были удовольствованы, и въ каждое представленіе въ новое приходили восхищеніе: казалось будто искусство Г. Д.. по степенямъ еще больше возрастало. Надобно отдать справедливую похвалу и г. переводчику сей комедіи; ибо онъ всѣ красоты, находящіяся въ подлинникѣ сохранилъ и на Россійскомъ языкѣ. Г. Д... игралъ еще Вышеслава и Ревниваго, съ равномѣрною же отъ всѣхъ похвалою; а еще ожидаютъ представленія Хорева и Беверлея. Зрители собирались въ театръ въ такомъ множествѣ, что многіе по причинѣ великой тѣсноты не могли получать билетовъ, есть ли хотя мало опаздывали. Наконецъ должно сіе заключить тѣмъ, что Г. Д... московскихъ жителей удивилъ, привелъ въ восхищеніе и заставилъ о себѣ говорить по малой мѣрѣ два мѣсяца" [2]). Въ заключеніе перваго, іюньскаго выпуска „Пустомели", издатель его обращается къ „*Читателю*", предлагая ему для разрѣшенія четыре загадки сатирическаго содержанія, такъ какъ послѣдній, по замѣчанію издателя, не оставилъ ни одной изъ древнихъ загадокъ, напечатанныхъ въ ежемѣсячномъ изданіи „*Щепетильникъ*", безъ особеннаго старанія ихъ отгадать; предлагаемыя въ „Пустомелѣ", относятся къ новѣйшимъ: Читателю предоставляется отгадать участь ожидающую „*Ласкателя, Взяткохвата, Вертопраха и Розиню*.

---

[1]) „Пустом.", 32—33.

[2]) „Пустом.", стр. 49—51.

Въ № 6-мъ, издатель „Пустомели“ признаетъ, что „самое негодное дѣло быть авторомъ ежемѣсячныхъ или еженедѣльныхъ сочиненій, дѣлая однако оговорку, что слова его не касаются тѣхъ почтенныхъ авторовъ, которые за свои сочиненія заслужили вѣчную похвалу; но о марателяхъ, которые по пословицѣ: „*неучась грамотѣ, становятся попами*“ *). „Ежели посмотрѣть“, говоритъ онъ, на молодыхъ нынѣшнихъ писцовъ, то подумать можно, что труднѣе быть посредственнымъ сапожникомъ, нежели авторомъ: всѣ обучаются тому ремеслу, въ которомъ хотятъ упражняться, но безграмотные писцы учиться и знать правилы, почитаютъ за стыдъ. Сими-то примѣрами по нещастію завлеченъ я въ непроходимой авторства ровъ...“ Описывая то горестное состояніе духа, въ которомъ находился въ началѣ своего журнальнаго поприща, издатель „Пустомели“, разсказываетъ о разнорѣчивыхъ толкахъ и порицаніяхъ, предметомъ которыхъ сдѣлался его журналъ. „Тутъ то, по его словамъ, онъ узналъ, „что не всякой можетъ быть хорошимъ писателемъ, кто только писать имѣетъ охоту.... надобно быть или хорошимъ писателемъ, и быть изъ зависти поминутно критикованну; или сквернымъ, и быть посмѣшищемъ всего города, слыть ругателемъ или дуракомъ. Вотъ два награжденія, которыя авторы получаютъ за свои труды. Я бѣсился, рвалъ бумагу, ломалъ перья, проклиналъ ту нещастную минуту, въ которую въ первой разъ написалъ: Пустомеля...“ Здѣсь издатель повторяетъ нелестный отзывъ свой о произведеніяхъ Лукина, и говоритъ читателю, что если послѣднему случалось быть въ бесѣдѣ съ Пустомелею, который безпрестанно болтаетъ, а самъ никого не слушаетъ, или... наконецъ съ стихотворцемъ, равняющимся съ славными русскими писателями и говорящихъ только о „чищеніи“ россійскаго языка, похвалу себѣ и хулу другимъ, и которое чищеніе разумные люди называютъ порчею россійскаго, безъ порчи прекраснаго нарѣчія; и такъ, если читателю пришлось съ помянутыми людьми бывать, то привелось и узнать, насколько они несносны; „таковъ-то несносенъ былъ я самъ

---

*) Можно полагать, что это относится къ издателю Полезныщины, Тузову, сказавшему о себѣ, что сдѣлался писателемъ, какъ ставятся попы у раскольниковъ.

себѣ, иль еще столько, *сколько несносны Тали Л... комедіи"* *), заключаетъ издатель.

Въ томъ же іюльскомъ выпускѣ журнала напечатано, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ первый разъ Фонвизинское *„Посланіе къ слугамъ моимъ"*; помянутое мнѣніе не лишено основанія, судя по слѣдующей любопытной для насъ замѣткѣ, помѣщенной при этомъ стихотвореніи подъ подъ № 8-мъ: „Кажется, что нѣтъ нужды читателя моего увѣдомлять о имени Автора сего посланія: перо писавшее сіе, Россійскому ученому свѣту и всѣмъ любящимъ словесныя науки, довольно извѣстно. Многія письменныя сего автора сочиненія носятся по многимъ рукамъ, читаются съ превеликимъ удовольствіемъ и похваляются, сколько за ясность и чистоту слога, столько за остроту и живость мыслей, легкость и пріятность изображенія; словомъ, если обстоятельствы автору сему позволятъ упражняться въ словесныхъ наукахъ, то не безосновательно и справедливо многія ожидаютъ увидѣть въ немъ Россійскаго Боало. Его комедія *** столько по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лучшаго и Моліеръ во Франціи, своимъ комедіямъ не видалъ принятія и не желалъ; но я умолчу, дабы завистниковъ не возбудить отъ сна, послѣднимъ благоразуміемъ на нихъ наложеннаго" **). Въ извѣстіяхъ изъ С.-Петербурга издатель „Пустомели" сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о игрѣ Дмитревскаго, о которомъ уже говорилъ въ іюньскомъ выпускѣ; и въ извѣстіяхъ *„Изъ Москвы"* о артисткѣ Троепольской; приводимъ и эту статейку вполнѣ: „Недавно здѣсь на придворномъ императорскомъ театрѣ, представлена была *Синавъ* и *Труворъ* — трагедія г. Сумарокова. Трагедія сія играна была по переправленному вновь г. авторомъ подлиннику. Нѣтъ нужды выхвалять сего почтеннаго автора сочиненій; они такъ хороши, что кто только ихъ читалъ, и кто имѣетъ разумъ, тѣ всѣ, отдавая справедливую похвалу, удивляются... Чтожъ касается до акторовъ представлявшихъ сію трагедію, то надлежитъ отдать справедливость, что г. Дмитревскій и г-жа Троепольская привели зрителей въ удивленіе. Нынѣ ужъ въ Петербургѣ не удивительны ни *Гараки*, ни *Лекены*, ни *Гессенши*. Пріѣзжающіе вновь французскіе актеры

*) Пустом. стр. 90—91.

**) Тамъ же стр. 104—105.

и актрисы то подтверждаютъ". Здѣсь авторъ „Пустомели" обращаетъ вниманіе на слабость и пристрастіе къ французамъ и упоминаетъ объ одномъ господинѣ-галломанѣ, который во время представленія трагедіи, когда Дмитревскій и Троепольская восхищали публику своимъ искусствомъ, вздыхаючи сказалъ: „*жаль, что они не французы: ихъ бы можно почесть совершенными и рѣдкими въ своемъ искусствѣ*". Черезъ нѣсколько дней при представленіи французской пьесы, тотъ же господинъ не могъ воздержать ни черезмѣрной радости и восхищенія, ни черезмѣрнаго, смѣшнаго своего пристрастія; своею неумѣстною и нелѣпою похвалою французскимъ актерамъ онъ смѣшилъ публику болѣе чѣмъ та смѣшная пьеса, которая шла на сценѣ" *).

Въ концѣ „Пустомели", подъ № 10-мъ, помѣщена: „*Епиграмма Г. Кондратовича къ Г. Издателю Трутня*", сочиненная по поводу напечатаннаго въ Трутнѣ 1769 года (стр. 48). объявленія о воеводѣ, продающемъ свою совѣсть. Неизвѣстно, на кого означенная эпиграмма направлена; она написана слѣдующими тяжелыми виршами, напоминающими собою отчасти стихъ Кантемира:

„Что ты Трутень напечаталъ? будто Воевода
Совѣсть продастъ, что легка есть въ пути выгода?
Здѣсь онъ! и ужь не поѣдетъ, съ воеводства бывъ смѣненъ;
Ибо бывшій подъ командои, каждыи онымъ огорченъ;
Есть указъ о Воеводахъ, не смѣнятъ, естьли миръ проситъ;
Миромъ же сей былъ не прошенъ; и смѣненъ; здѣсь вѣсти носитъ.
За добро вѣть не смѣняютъ; начудесилъ знатно онъ;
Будетъ вѣкъ безъ воедства, хоть всѣмъ отдастъ поклонъ" **).

Губерти.

„ТРУДОЛЮБИВЫЙ МУРАВЕЙ".

Вышло 26 нумеровъ, каждый въ 4 страницы. Въ началѣ Рубанъ напечаталъ объявленіе, въ которомъ онъ вспоминаетъ о грустной участи, постигшей журналы 1769—1770 годовъ, и объясняетъ причины, по которымъ „Муравей явился на

*) Тамъ же стр. 109—110.

**) Перепечатана въ Трутнѣ, изд. 3-е П. А. Ефремова Прим. къ 1769 году Стр. 336—337.

свѣтъ". Обращаясь къ публикѣ, издатель замѣтнымъ образомъ глумится надъ окончившими существованіе свое журналами, изъ которыхъ нѣкоторые, живымъ языкомъ и бойкою сатирой, доставляли большое удовольствіе публикѣ. Желая обратить ея вниманіе на своего зараждающагося „Муравья", онъ высчитываетъ его будущія заслуги и говоритъ: „Минувшій 1769 годъ весьма изобиленъ былъ еженедѣльными листами, такъ что и самые жадные охотники едва успѣвали ихъ всѣхъ за великимъ множествомъ прочитывать. Прошлаго 1700 лѣта начали было показываться, понедѣльно *Трутень*, и помѣсячно *Пустомеля*: но оба не окончивъ года пресѣклись. Одинъ только *Щепетильникъ*, начавшись съ маія, совершилъ теченіе свое постоянно до окончанія года, не выдерживая въ типографіяхъ, по примѣру прочихъ, карантина, но будучи одержимъ подагрою, не много расхаживалъ по свѣту, и теперь еще отдыхаетъ на одрѣ у книгопродавцевъ. Сею болѣзнью и многіе третьегодищные недѣльные листочки страждутъ; а многіе отъ долговременнаго недуга и бока себѣ до самыхъ реберъ пролежали; нѣкоторые же будучи въ заперте совсѣхъ изчахли, и бытіе свое въ небытіе перемѣнили". Окончивъ свое надгробное слово почившимъ журналамъ, Рубанъ переходитъ къ своему Муравью: „О семъ неизбѣжномъ всѣмъ жребіи сожалѣя, выходящій нынѣ на свѣтъ *Муравей* желая выходомъ своимъ оживотворить и кости усопшихъ своихъ собратій, и произвесть вновь съ собою бумажныхъ современниковъ, по примѣру зерна горчичнаго, сторичной плодъ приносящаго, и увеселить публику, въ скукѣ доселѣ безъ еженедѣльныхъ новостей сидящую, а тѣмъ для себя и читателей доставить сугубое удовольствіе". Затѣмъ онъ приглашаетъ сотрудниковъ къ своему изданію, обѣщая печатать въ журналѣ своемъ всѣ сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ „которые здравому разсудку и благопристойности не противны будутъ", и проситъ присылать ихъ въ Луговую Милліонную, въ домъ переплетчика Миллера, у котораго и листы еженедѣльника продаваться будутъ съ 30 числа сего мѣсяца (іюня), по 4 коп. нумеръ; извѣщаетъ также, что къ тому же числу напечатано будетъ 5 нумеровъ, при чемъ упоминаетъ о статьяхъ, которыя будутъ составлять ихъ содержаніе. Объявленіе оканчивается слѣдующимъ, не лишеннымъ самоувѣренности, четверостишіемъ:

„Для пользы и забавъ Россійскихъ всѣхъ людей
Трудолюбивый въ свѣтъ выходитъ Муравей:
Вы гласу Муравья читатели внемлите,
По всѣ недѣли брать труды его спѣшите".

Къ объявленію присоединенъ, на двухъ ненум. страницахъ, списокъ прошлогоднихъ журналовъ и другихъ книгъ. продающихся у книгопродавца Миллера.

Послѣ журналовъ 1769 и 1770 годовъ, изъ которыхъ, какъ сказано выше, нѣкоторые представляли такъ много живого интереса для публики статьями своими, взятыми изъ современной русской жизни, исполненными умной и мѣткой сатиры. большинство читателей не могло отнестись иначе какъ съ равнодушіемъ къ появленію „Муравья", который послѣ „Трутня", „Всякой Всячины" и „Смѣси", долженъ былъ показаться имъ весьма безцвѣтнымъ и незанимательнымъ. Кромѣ отсутствія въ немъ сатирическаго элемента, нужно замѣтить, что статьи, въ немъ помѣщенныя, не имѣютъ ни общаго направленія и никакой между собою связи, такъ что „Муравей", несмотря на данную ему внѣшнюю журнальную форму, можетъ скорѣе назваться сборникомъ прозаическихъ и стихотворныхъ статей, чѣмъ журналомъ, точно такъ же какъ и другое извѣстное изданіе Рубана: „Старина и Новизна". Несмотря на то, нельзя не указать на нѣкоторыя статьи „Муравья", имѣющія относительный интересъ и потому заслуживающія вниманія. Журналъ состоитъ изъ прозы и стиховъ. Оригинальныхъ статей находится въ немъ не много. Къ послѣднимъ принадлежатъ слѣдующія: „Разсужденіе въ похвалу муравьевъ", служащее какъ бы вступленіемъ, и занимающее 4 стр. перваго нумера. Въ началѣ его издатель говоритъ: „Давъ наименованіе сему еженедѣльнику *Муравья*, за пристойное нахожу въ похвалу Муравьевъ сообщить здѣсь небезполезное разсужденіе о природныхъ симъ насѣкомымъ свойствахъ и склонностяхъ, заслуживающихъ вниманіе каждаго любопытнаго читателя". За тѣмъ слѣдуетъ описаніе нравовъ и жизни муравьевъ съ ссылками на разныхъ древнихъ писателей: „хотя и нерѣдко случается", говоритъ, между прочимъ, авторъ разсужденія, „что въ трудныхъ переходахъ, а особливо въ жидкихъ и вязкихъ мѣстахъ, нѣкоторые изъ нихъ (муравьевъ) лишаются жизни, но пекущаяся о нихъ природа, во мзду трудовъ ихъ, озаряетъ нетлѣніемъ малень-

кое ихъ тѣло, какъ свидѣтельствуетъ о томъ славный Россійскій стихотворецъ, г. Ломоносовъ". Тутъ приводятся стихи изъ гл. VII, § 141, и отд. 3-го его реторики:

„Въ тополовой тѣни гуляя муравей,
Въ прилипчивой смолѣ увязъ ногой своей,
Хотя онъ у людей былъ въ жизнь свою презрѣнный,
По смерти въ янтарѣ у нихъ сталъ драгоцѣнный".

Выписанное выше мѣсто и приведенные стихи ясно говорятъ о таившейся въ душѣ издателя надеждѣ, что и издаваемый имъ „Муравей" удостоится въ будущемъ „нетлѣнія", если не въ янтарѣ, то въ памяти благодарнаго потомства. Слѣдующая эпиграмма, сочиненная имъ къ своему еженедѣльнику (№ 12, стр. 89), положительно это подтверждаетъ:

„Отъ сладка сна влечетъ насъ Райской соловей,
Къ трудамъ примѣръ есть всѣмъ прилежный Муравей,
Почтутъ его труды и поздны наши чады
И воздадутъ ему хвалу всѣ Росски грады".

Сочин. Т. М.

Рубанъ подъ немногими прозаическими статьями своими подписывался литерами В. Р., Р. и Т. М. (Трудолюбивый Муравей); сотрудники его, кромѣ извѣстнаго В. Майкова, скрылись подъ разными буквами русской азбуки, хотя о нѣкоторыхъ можно отчасти догадываться. Статьи „Муравья" за немногими исключеніями состоятъ изъ переводовъ съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго и польскаго языковъ; между ними замѣчательны по части русской народности: „Похвальное слово Петру I императору и самодержцу всероссійскому въ достоинствѣ члена Парижской академіи наукъ", говоренное Фонтенелемъ 1725 года (№ 2, стр. 9—16; № 3, стр. 17—24; № 4, стр. 25—40; № 6, стр. 41—44). — Три письма Любоpуссова къ издателю „Муравья" (№ 8, стр. 62—63; № 22, стр. 169—172; № 26, стр. 201—203), въ которыхъ авторъ писемъ, вслѣдствіе любви своей къ соотечественникамъ и всему русскому, желая чѣмъ-нибудь заслужить свое почтенное имя, старается „вникать въ русскій языкъ" и все достойное примѣчанія сообщать издателю „Муравья". Въ трехъ письмахъ своихъ Любоpуссовъ излагаетъ любопытное словопроизводство, и получаетъ отъ „Трудолюбиваго Муравья" со-

вѣть: „по способности къ сочиненію словаря производныхъ русскихъ словъ, заняться этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что такого словаря въ Россіи еще не было". — Статью о старинномъ русскомъ платьѣ (№ 13, стр. 97—102) кажется можно отнести къ переводамъ, такъ какъ въ началѣ приводится объ этомъ предметѣ свидѣтельство автора „Топографіи Россійской, на латинскомъ языкѣ изданной въ Лейденѣ, 1630 года, въ 24 долю листа", впрочемъ статья не кончена, и въ концѣ ея помѣчено: „о уборѣ купецкихъ и крестьянскихъ женщинъ будетъ впредь": но продолженія, вѣроятно, за прекращеніемъ журнала не послѣдовало. — „Рѣчь императора Петра Великаго къ россійскимъ генераламъ, произнесенная послѣ торжества за морскую побѣду, и по принятіи имъ на себя адмиральскаго чина въ 1714 г." (№ 25, стр. 199). Подъ заглавіемъ этой извѣстной рѣчи замѣчено, что о самомъ торжествѣ упоминаетъ Фонтенель (№ 3, стр. 27). Къ числу статей оригинальныхъ принадлежатъ: „Описаніе мѣстоположенія и разстоянія городовъ полуострова Крыма и о крымской коммерціи съ подписью литеры Р. (Рубанъ)". № 8, стр. 57—62. Письмо неизвѣстнаго корреспондента къ издателю „Муравья", съ загадочною подписью: 200.4, въ которомъ испрашивается совѣтъ, какимъ образомъ нажить имѣнье дѣтямъ своимъ; при чемъ авторъ письма сознается въ томъ, что моритъ голодомъ жену и дѣтей, едва, по словамъ его, таскающихъ ноги въ пріятномъ ожиданіи будущаго еще не нажитаго имѣнья. Не зная какъ помочь своему горю, нѣжный и заботливый отецъ семейства обращался ко многимъ за совѣтомъ относительно пріобрѣтенія богатства, какъ однажды „прибрелъ" къ нему, пишетъ онъ, „поношенной французъ", родомъ изъ самаго Парижа, съ просьбою принять его въ учителя къ дѣтямъ; французъ объявляетъ, что кромѣ другихъ наукъ онъ знаетъ экономію, и хозяинъ, обрадовавшись такому кладу, спрашиваетъ его, какой столъ ему имѣть? Французъ берется кормить все семейство и себя въ томъ числѣ, выключая только ужинъ, одною бараньею головою съ ножками, и насчитываетъ пять блюдъ, которыя онъ будетъ приготовлять изъ помянутой провизіи. Г. 200.4., хотя и вѣритъ французу, но, повидимому, не вполнѣ, и спрашиваетъ у издателя „Муравья", поправится ли этимъ режимомъ его состояніе, и наживетъ ли дѣтямъ своимъ хоть небольшое имѣнье? Въ этой статьѣ замѣтна нѣкоторая

попытка на сатиру, предметомъ которой скряжничество и жадность: но, какъ видно, въ результатѣ не много вышло; отвѣтъ „Муравья“ Г. 200.4 вовсе не замѣчателенъ (стр. 90). — „Балакиревы Вѣдомости“ (№ 12, стр. 91—92) если и заслуживаютъ вниманія, то развѣ только своею нелѣпостью; при этомъ замѣчательно письмо госпожи Неотгадываемой, доставившей помянутыя „Вѣдомости“. Она, плѣняясь названіемъ даннымъ журналу и восхищаясь выборомъ статей, говоритъ, что издатель захотѣлъ подражать пріятной для всѣхъ „Трудолюбивой Пчелѣ“ и предсказываетъ ему, что онъ современемъ превзойдетъ ее, при чемъ прибавляетъ: „отъ человѣка невозможно, а отъ издателя все возможно“; „для меня вашъ „Муравей“, пишетъ она, „сто разъ лучше и пріятнѣе многихъ третьягодищныхъ еженедѣльниковъ: въ вашемъ журналѣ не увидишь, такъ мнѣ кажется, ни брани, ничево такова, что называютъ гг. авторы въ свое оправданіе *сатирами*: а мнѣ какая нужда *сатира* или другое что, да коли меня выбранятъ, хотя бы то было и правильно, такъ мнѣ право досадно, и я такова автора сама до послѣдняго издыханія ругать не перестану“. Письмо оканчивается совѣтомъ продолжать выборъ „прелестныхъ сочиненій“ въ журналѣ, который, по увѣренію поклонницы „Муравья“, не будетъ выдерживать карантиновъ въ типографіяхъ. Изъ этого письма видно, что Рубану нужно было, въ виду поддержки своего журнала, не слишкомъ привлекательнаго для публики, печатать подобныя, безъ всякаго сомнѣнія собственнаго сочиненія письма, восхищаться своимъ „Муравьемъ“ и поносить именно то, что составляло украшеніе многихъ „третьягодищныхъ еженедѣльниковъ“; такого рода продѣлки не были рѣдкостью между журналистами XVIII столѣтія. На пріятное и весьма лестное письмо г. Неотгадываемой, издатель „Муравья“ отвѣчаетъ, какъ подобаетъ миролюбивому и скромному человѣку, и говоритъ, что онъ, подобно ей, брани не любитъ, и потому „нѣкоторое отъ ней данное старымъ журналамъ колкое наименованіе и слова въ письмѣ перемѣнилъ“. При этомъ отвѣтѣ нельзя не вспомнить помѣщеннаго выше (№ 12, стр. 90), по случаю хвалебныхъ стиховъ „Муравью“, принадлежащихъ его издателю. Остаются двѣ незамѣчательныя статьи безъ подписей: Письмо Ивана Добродушенко мѣщанина лубенскаго“ (№ 12, стр. 95—96), и „Описаніе безрукаго Карла, живущаго въ Малой Россіи, въ полковомъ городѣ Лубнахъ“ (№ 13, стр. 102—103).

Изъ переводовъ помѣщены: „Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ изъ Лукіана“ (Діогенъ и Александръ), съ латинскаго В. Р. (Василій Рубанъ) (№ 6, стр. 45—48); „Извѣстіе польскихъ историковъ о Валахіи и Молдавіи, бывшихъ нѣкогда въ владѣніи польскомъ“, перев. съ польскаго (№ 7, стр. 49—54); изъ сочиненій Вольтера: „Жанотъ и Коллинъ“, правоучительная повѣсть (№ 9, стр. 65—72, № 10, стр. 73—80, № 11, стр. 81); „О украшеніи города Кашемира“ (№ 23, стр. 177—184, № 24, стр. 185—187). Оба перевода подписаны литерами М. С. „Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ“, (Периклъ, грекъ и россіянинъ) (№ 17, стр. 129—135); „Три прибасочки“ (№ 17, стр. 136). — Неизвѣстный корреспондентъ, подписавшійся литерами М. Т., доставилъ при письмѣ переводъ: „Посланіе Кару Хали“, султанскому врачу, отъ нѣкотораго европейскаго врача, съ увѣдомленіемъ о рожденномъ въ 1659 году, въ Нидерландахъ чудовищѣ (№ 11, стр. 86—88, № 12, стр. 89); съ подписью А. К. „Наставленіе данное отца къ дѣтямъ, *какъ обходиться въ свѣтѣ*, переводъ (№ 18, стр. 137—142); переводъ Н. Б. К. съ французскаго: „Разговоръ Разсудка и Любви“ (№ 19, стр. 145 152, № 20, стр. 153—159, № 21, стр. 161—168). — „Ростовщикъ“ переводъ И. М. (№ 22, стр. 175). „Переводъ прозою Горацієвой оды“, кн. II, од. X, къ Квинту Гарпинію съ подписью литеръ А. Р. (№ 25, стр. 190); въ томъ мѣстѣ оды, гдѣ Горацій совѣтуетъ Гарпинію оставить свои изысканія о воюющихъ Кантабрахъ и Скифахъ, и не отягощать скоропреходящую, не много требующую жизнь лишними заботами, утруждающими разумъ, и говоритъ ему: „Украсимъ пока еще въ силахъ, розами сѣдины наши, и помажемся драгоцѣнными мастьми и проч.“ переводчикъ, въ выноскѣ, сравнивая древнихъ петиметровъ съ нынѣшними, замѣчаетъ: „какъ въ наше время помада съ пудрою, такъ въ древнія, драгоцѣнныя масти составляли часть существа петиметровъ. У Римлянъ тотъ считался великимъ щеголемъ, у кого кудри умащены были жиромъ благоуханнымъ: а у насъ тотъ не изъ послѣднихъ, у кого плеча какъ у мельника мукою засыпаны“. Переводныя статьи, напечатанныя съ подписью И. В.: „Описаніе Розы“ (№ 16, стр. 125—127); „Прощальное письмо Констанціи Ѳеодосію“, перев. съ нѣмецкаго (№ 24, стр. 189—192, № 25, стр. 193—194); „Басня Пчела и

Муравей" (№ 25, стр. 195—197); „Двѣ побасочки" (№ 22, стр. 174—175[1]).

Наконецъ слѣдующія послѣднія безъ всякихъ подписей: „Побасочки" (№ 13 и 14, стр. 111—112, стр. 103—104); „О жертвоприношеніяхъ древнихъ язычниковъ" (№ 14, стр. 108 111); „Повѣсть о султанѣ Кудбединѣ и о прекрасной дѣвицѣ Журлукѣ, восточная сказка" (№ 15, стр. 113—118); „Басня", деревенскій житель и цѣпная собака (№ 16, стр. 121—122); „Еклога изъ сочиненій Сентона: „Безпокойство" (стр. 122—125); „Доносчикъ". (№ 21, стр. 168), и съ греческаго, „О притворствѣ, изъ характеровъ или нравоописаній Ѳеофрастовыхъ" (№ 22, стр. 172—175[2]).

Стихотворный отдѣлъ „Муравья" состоитъ изъ слѣдующихъ произведеній: Василья Майкова: „Мадригалъ на прибытіе графа Алексѣя Григорьевича Орлова изъ Архипелага въ С.-Петербургъ въ 1771 году" (№ 1, стр. 8): здѣсь воспѣваются побѣды его, и онъ названъ „Россійскимъ Геркулесомъ". — „Письмо Е. С. графу Григорью Григорьевичу Орлову на отбытіе его изъ С.-Петербурга въ Москву, во время заразительной въ ней болѣзни, для истребленія оныя" (№ 14, стр. 106); въ этомъ стихотвореніи, гр. Орловъ ставится выше Курція, спасшаго Римъ отъ гнѣва Плутона собственною гибелью, и въ концѣ авторъ говоритъ, что по избавленіи отъ эпидеміи, Москва должна воздвигнуть освободителю своему памятникъ съ надписью: „Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва". — Самому издателю В. Рубану принадлежатъ: „Надпись на благополучное возвращеніе Е. С. графа Г. Г. Орлова изъ Москвы въ С.-Петербургъ декабря дня, 1771 года" (№ 20, стр. 160); поэтъ сравниваетъ своего героя съ Тезеемъ и признаетъ его даже превосходящимъ послѣдняго: какъ Тезей, убивъ въ лабиринтѣ минотавра, остался цѣлъ и невредимъ, такъ и Орловъ, освободивъ Москву отъ чумы,

„Въ невредномъ здравіи во градъ Петровъ притекъ
Чѣмъ больше, какъ Ѳезей себя прославилъ въ вѣкъ".

---

[1]) Подъ литерами И. В. не сокрыты ли: Иванъ Велемейеръ, сотрудникъ другого извѣстнаго журнала Рубана „Старина и новизна", или Иванъ Ванеловъ, переводчикъ нѣсколькихъ статей энциклопедіи? Ни того ни другого подтвердить покуда нельзя.

[2]) Между означенными статьями нѣкоторые переводы изъ древнихъ могутъ быть приписаны Рубану, хотя подъ ними нѣтъ его подписей.

„Надписи на покореніе Крыма и другихъ татарскихъ ордъ. 2-й арміи славнымъ предводителемъ, генераломъ и кавалеромъ княземъ Васильемъ Михайловичемъ Долгоруковымъ россійской державѣ въ 1771 году“ (№ 25, стр. 200). Въ первой изъ надписей, Кн. Долгоруковъ побѣдами своими сравнивается съ Цесаремъ и Ахиллесомъ. — Студента Кіевской академіи Михайловскаго, напечатаны. „Эпиграммы на прибытіе преосвященнаго Гавріила Кременецкаго, митрополита Кіевскаго, Галицкаго и Малыя Россіи, въ предписанную эпархію“. Михайловскій сравниваетъ его съ соименнымъ ему архангеломъ Гавріиломъ, нѣкогда ниспосланнымъ съ небесъ въ Назаретъ. Архимандрита Дмитрія Грозинскаго: „Надгробная надпись преосвященнымъ московскимъ: архіепископу Платону Малиновскому и митрополиту Тимоѳею Щербацкому, погребеннымъ въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ, изъ коихъ первый 14 іюня 1754, а второй 18 апрѣля 1767 года переселился на вѣчную жизнь“. № 18, стр. 144. — Изъ надписи видно, что митрополитъ Платонъ былъ нѣкогда учителемъ преемника своего Тимоѳея. „Пѣснь духовная на голосъ: „Господи! кто обитаетъ въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ“ съ подписью И. С. „Елегія“ съ подписью К. П. Д. (кн. Петръ Долгоруковъ?) и стихотворенія безъ подписей: „Елегія къ библіотекѣ преосвященнаго Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, сочиненная имъ самимъ предъ кончиною своею“, переведена съ латинскаго (№ 7, стр. 54—55) и „Загадка“. — Басня: „Конь, ѣдущій на войну, и поросенокъ, пасущійся на полѣ“ (№ 8, стр. 64): тутъ же напечатана: „Загадка и отгадка“. — „Вседнѐвное моленіе московскихъ жителей по случаю свирѣпствовавшей въ Москвѣ язвы“. (№ 14, стр. 155). — „Стихи въ день поминовенія православныхъ воиновъ, и всѣхъ за вѣру и отечество на брани убіенныхъ, чинимаго ежегодно 29 числа августа, въ правовѣрныхъ церквахъ во всей Россіи“. (№ 18, 142—145).

Любопытно слѣдующее обращеніе издателя „Муравья“ къ публикѣ, напечатанное въ концѣ послѣдняго нумера. Если вѣрить Рубану, то журналъ его имѣлъ большой успѣхъ:

„Къ публикѣ

Отъ издателя „Трудолюбиваго Муравья“.

„Трудолюбивый Муравей“, продолжая непрестанно теченіе свое чрезъ полгода, нынѣ оканчивается и вступаетъ въ архивъ

пространныя вѣчности, купно съ 1771 годомъ. Онъ въ любви къ себѣ отъ публики не сомнѣвается, что она со равнымъ удовольствіемъ будетъ пользоваться полугодовыми, какъ прежде еженедѣльными его трудами была довольна. Въ чемъ удостовѣрился великимъ, бывшимъ на листы его расходомъ, во все время своего теченія. Въ наступившін 1772 годъ, онъ ли, или другой какой еженедѣльникъ будетъ выходить въ свѣтъ, о томъ публикѣ дастся знать чрезъ „С.-Петербургскія вѣдомости", сколь скоро возможно будетъ". *Губерти.*

„ВЕЧЕРА".

Въ журналѣ мало сатиры и вообще онъ не похожъ на Новиковскіе журналы перваго времени его литературной дѣятельности. Если и попадаются въ „Вечерахъ" сатирическія выходки, то онѣ скорѣе похожи на насмѣшку, и направленіе ихъ чисто общее. Содержаніе журнала не представляетъ поэтому ничего особеннаго, ничего такого, что бы рѣзко характеризовало эпоху и служило бы къ ея объясненію. Въ журналѣ очень много переводовъ, большею частію съ французскаго, и стихотворныхъ и прозаическихъ, но переводныя статьи не замѣчательны по содержанію. Въ журналѣ много стиховъ оригинальныхъ неизвѣстныхъ поэтовъ, скрывшихъ свое имя: эти стихи или такъ называемыя анакреонтическія оды, или идилліи и эклоги, или пѣсни, стансы, эпиграммы и другія формы поэзіи, тогда употреблявшіяся, не выходятъ изъ посредственности. Издатели часто писали стихи просто на заказъ, на заданный вопросъ, на который нужно было отвѣчать стихами. Они не вдавались ни въ критику, боясь поссориться съ сочинителями, ни въ сатиру, боясь навлечь на себя неудовольствія, и потому не печатали статей, которыя сколько-нибудь выходили изъ мирнаго тона (I, стр. 200). Съ современнымъ журналомъ „Живописцемъ" они хотятъ жить въ ладу и не нарушать союза (II, стр. 182). Вообще журналъ этотъ бѣденъ.

Говоря о литературѣ, издатели журнала нападаютъ на критику. Они говорятъ, что „вмѣстѣ съ словесными науками у насъ родилась зависть и клеветы, что онѣ заражаютъ ядомъ цвѣты нашего Парнаса", и вмѣстѣ съ тѣмъ въ жур-

налѣ въ стихотвореніи: „Мысли" (II, стр. 30) встрѣчается слѣдующее неутѣшительное изображеніе тогдашней литературы:

Здѣсь школьники уже щитаются Гомеры;
Кто нѣсколько стиховъ издалъ въ свѣтъ,
Уже межъ многими Виргиліемъ слыветъ;
Кто портитъ только слогъ пѣвцовъ преславныхъ Россовъ,
Уже считается второй здѣсь Ломоносовъ.
. . . .
Здѣсь всякій петиметръ тебѣ паплюетъ въ усъ,
Затѣмъ, что ты, мой другъ, Русакъ, а не французъ.
А если хочешь ты плѣнить умы людскіе,
Старайся только въ стихъ збирать слова такія,
Которыхъ бы никто совсѣмъ не разумѣлъ:
Чтобъ стихъ твой у тебя безъ разума гремѣлъ.

Въ журналѣ находится любопытная эклога (I, стр. 131), гдѣ въ насмѣшку надъ многочисленными слагателями эклогъ того времени выведены пастухъ и пастушка, въ бѣдной деревушкѣ, подъ сѣвернымъ небомъ, со всею непоэтическою обстановкою. Эта эклога есть уже шагъ къ сознанію вялости устарѣлой поэтической формы. Въ письмѣ изъ Сатурна" (I, стр. 41—47), авторъ пускается въ политику и разсматриваетъ, хотя и аллегорически, современныя отношенія Россіи, Турціи и Франціи. Эта единственная попытка въ этомъ родѣ старыхъ журналовъ нашихъ. Въ статьѣ: „О россійскихъ предкахъ" (I, стр. 97—104), говорится о первобытныхъ народахъ, заселяющихъ Россію. *Буличъ.*

Изданіе „Вечеровъ" приписываютъ Новикову; но есть обстоятельства, которыя заставляютъ сомнѣваться въ томъ. Мы знаемъ, что съ именемъ Новикова связывали даже изданіе „Парнасскаго Щепетильника", издателемъ котораго онъ никогда не былъ: слѣдовательно, показаніями словарей и каталоговъ надобно пользоваться осторожно. Приписывать „Вечера" Новикову могли на томъ основаніи, что второе изданіе этого журнала вышло отъ типографской компаніи. Но, судя по указаніямъ, которыя встрѣчаемъ въ предисловіи къ „Вечерамъ", и по взгляду этого изданія на сатиру, взгляду, который нисколько не соотвѣтствуетъ убѣжденіямъ Новикова, трудно повѣрить, чтобъ „Вечера" издавались именно имъ, тѣмъ болѣе, что въ то же самое время Новиковъ уже издавалъ „Живописца". Въ объявленіи объ изданіи „Вечеровъ"

сказано: „Мы благодаря Бога насущный хлѣбъ имѣемъ и пишемъ для того, что намъ писать очень захотѣлось. Тутъ нѣтъ ни корыстолюбія, ни худого намѣренія, а меньше всего авторскаго высокомѣрія. Мы всѣ составляемъ небольшое общество. Сіе общество вознамѣрилось испытать, можетъ ли благородный одинъ вечеръ въ недѣлѣ не играть ни въ вистъ, ни въ ломберъ, и сряду пять часовъ въ словесныхъ наукахъ упражняться. Многіе изъ насъ о томъ уже начали сомнѣваться. И какъ таковыя мнѣнія въ свѣтскихъ бесѣдахъ весьма прилипчивы, такъ опасно, чтобъ и всѣ мы сею мыслію не заразились, и тѣмъ бы наши труды не пресѣклись. Читатели! ежели вамъ полюбятся наши сочиненія, желайте, чтобы не совершились наши подозрѣнія и чтобы вподлинну всему человѣческому роду въ томъ не утвердиться, что благорожденный человѣкъ цѣлый вечеръ безъ игры пробыть не можетъ*). Сатирическихъ статей въ „Вечерахъ", сравнительно съ несатирическими, мало; одинъ изъ корреспондентовъ этого журнала называетъ его издателей людьми смирными и скромными**). Сами издатели, соглашаясь, что оба рода сочиненій: и сатирическія и любовныя — похвальны, признаются, что въ ихъ журнальныхъ листахъ сатиръ встрѣтишь меньше, нежели другихъ сочиненій, и сіе не для того (продолжаютъ они), чтобъ мы писать сатиръ не умѣли; пороки осмѣивать не весьма трудно, но исправить ихъ мудрено***). Вотъ еще любопытный отзывъ одного изъ керреспондентовъ „Вечеровъ": Знаете ли (говоритъ онъ), что я всегда заводилъ чернильное знакомство съ господами издателями журналовъ? Повѣрьте мнѣ, что это правда: много моихъ писемъ во „Всякой Всячинѣ". Однимъ словомъ, сколько въ Россіи ни выходило журналовъ, то во всѣхъ есть что-нибудь мое, хотя не сочиненія, то по крайней мѣрѣ мысли мои были писаны не знаю кѣмъ. Вообразите же, какъ я обрадовался, будучи страстнымъ охотникомъ до журналовъ, что вдругъ принесли ко мнѣ цѣлую кучу листовъ. Отгадайте, за какіе листы я прежде всѣхъ принялся? За ваши „Вечера", затѣмъ что изображеніе сатира въ заглавіи вашего журнала мнѣ

*) Ч. I, стр. 6—7.
**) Ч. II, стр. 126.
***) Ч. II, стр. 130.

много обѣщало. Итакъ я „Вечера“ началъ читать прежде, нежели „Живописца“; но если вы любите правду, то могу сказать, что сатиръ вашъ только что смѣется и осмѣхаетъ, а не кусаетъ и не язвитъ, какъ въ нынѣшнее или, не помню, въ которое-то время многіе вздумали, что пасквили суть сатиры высокаго слога и достойны удивленія и похвалы. Однако критиковать никого я не намѣренъ“. Письмо это было отголоскомъ старыхъ журнальныхъ споровъ о значеніи сатиры и, очевидно, было направлено противъ мнѣній, высказанныхъ въ „Трутнѣ“. *Аѳанасьевъ.*

СОТРУДНИКИ „ВЕЧЕРОВЪ“.

Г. Неустроевъ утверждаетъ, что издателемъ этого журнала былъ В. И. Майковъ; такое мнѣніе онъ основываетъ на томъ, что сочиненія Майкова „проходятъ чрезъ все изданіе „Вечеровъ“, и что Майковъ былъ другомъ Н. И. Новикова, который перепечаталъ „Вечера“ въ 1788 году. Но съ догадкой г. Неустроева трудно согласиться. Происхожденіе журнала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его заглавія, объяснено въ первой статьѣ „Вечеровъ“; изъ нея видно, что журналъ былъ предпринятъ обществомъ нѣсколькихъ достаточныхъ людей, которые предпочитали литературныя занятія пустымъ свѣтскимъ удовольствіямъ и рѣшились собираться въ извѣстные дни по вечерамъ, чтобъ общими силами сочинять прозу и стихи и періодически издавать ихъ въ свѣтъ. Что лица эти дѣйствительно собирались и сообща работали для своего журнала, — видно изъ разныхъ замѣчаній отъ лица редакціи, въ немъ разсѣянныхъ. Итакъ, журналъ былъ не предпріятіемъ одного лица, а порожденіемъ литературнаго салона. Кто же входилъ въ составъ этого салона, кто былъ его хозяиномъ, и кто гостями? Не считая сотрудниковъ случайныхъ, имена которыхъ вполнѣ или въ сокращеніи означены въ журналѣ, можно опредѣлить въ точности слѣдующихъ вкладчиковъ, помѣщавшихъ въ „Вечерахъ“ свои статьи безъ подписи:

1) В. И. Майковъ: это видно изъ сличенія его пьесъ съ изданіемъ его сочиненій; но г. Неустроевъ, описывая „Вечера“, отмѣтилъ не всѣ пьесы, принадлежащія Майкову: имъ пропущены: въ 1772 году, стр. 17: псаломъ 136-й; въ 1773 году, стр. 86: загадка: „Я не воздухъ...“; стр. 89:

ода: „Война“; стр. 135: загадка: „Я въ трехъ частяхъ земли“...: стр. 137: псаломъ 41-й; стр. 167: псаломъ 1-й (второй изъ двухъ рядомъ помѣщенныхъ переводовъ).

2) П. Ѳ. Богдановичъ, имъ переведены стихи изъ Вольтера: „Наперсница боговъ...“ (1772 г., стр. 177)[1]).

3) А. В. Храповицкій, этотъ сотрудникъ, участіе котораго въ „Вечерахъ“ не оговорено г. Неустроевымъ, помѣстилъ здѣсь (1773 г., стр. 182) безъ подписи стихи: „Эпистола новому кафтану“; принадлежность ихъ Храповицкому засвидѣтельствована Н. В. Сушковымъ[2]).

4) Е. В. Хераскова, жена извѣстнаго писателя, помѣстившая въ „Вечерахъ“ 1772 года, стр. 156, подражаніе Геснеру „Потопъ“[3]).

5) М. В. Храповицкая, въ замужествѣ Сушкова, Н. В. Сушковъ, ея племянникъ, свидѣтельствуетъ, что она много занималась литературой и, между прочимъ, перевела идилліи г-жи Дезульеръ, Юнговы „Ночи“ и монологъ Катона изъ Адиссоновой трагедіи этого имени; всѣ эти произведенія находятся ва „Вечерахъ“ 1772—1773 годовъ, и потому можно не сомнѣваться, что они принадлежатъ именно ей, тѣмъ болѣе, что и братъ ея, извѣстный статсъ-секретарь Екатерины, также былъ, какъ мы видѣли, участникомъ этого журнала; въ описаніи г. Неустроева М. В. Храповицкая не упомянута.

Кромѣ названныхъ лицъ, въ „Вечерахъ“ — какъ мы твердо убѣждены — принималъ дѣятельное участіе М. М. Херасковъ; 1) участіе въ „Вечерахъ“ какъ его жены, такъ и нѣсколькихъ пріятелей и литературныхъ сподвижниковъ: Майкова, Богдановича, Храповицкаго, и 2) слова стихотворенія „Мысли“, которое напечатано въ „Вечерахъ“ 1773 года, стр. 29—32, и подписано: Ненезнакомый; въ этомъ стихотвореніи осмѣиваются дурные писатели, считающіе себя выше Ломоносова и Сумарокока.

Авторъ этихъ стиховъ, „Ненезнакомый“ издателямъ (не Храповицкій ли?), очевидно, хотѣлъ подъ видомъ ироніи сказать любезность Хераскову и Майкову, и, безъ сомнѣнія, могъ это сдѣлать въ стихотвореніи, предназначенномъ для „Вечеровъ“.

———

[1]) Ср. Сочиненія Богдановича, изд. Смирдина, I, 268

[2]) „Раутъ на 1852 г.“, стр. 128.

[3]) Взглядъ на мою жизнь, И. И. Дмитріева, стр. 79—80.

только потому, что оба эти писателя участвовали въ нихъ. Правда, въ полномъ собраніи сочиненій Хераскова не встрѣчается ни одной пьесы, которая ранѣе того была бы напечатана въ этомъ журналѣ; но дѣло въ томъ, что это „полное собраніе“ составлено только изъ тѣхъ сочиненій Хераскова, которыя прежде изданы были отдѣльными книжками и почти не содержитъ въ себѣ никакихъ его произведеній, разсѣянныхъ по журналамъ; такъ это оговорено и въ самомъ изданіи[1]). Намъ кажется даже, что Херасковъ былъ не только сотрудникомъ „Вечеровъ“, но и центромъ кружка, который ихъ издавалъ. Какъ въ органѣ литературнаго салона, въ этомъ изданіи прямо виденъ слѣдъ тѣхъ литературныхъ забавъ, которыя были въ модѣ встарину; здѣсь находимъ стихотворные вопросы и отвѣты (1773 г. стр. 72), стихи на заданныя риѳмы (стр. 78), стихотворныя загадки и задачи. По поводу послѣднихъ въ журналѣ (1772 г. стр. 38) замѣчено: „Съѣхавшись въ послѣдній вечеръ, и по окончаніи нашихъ трудовъ, когда мы гораздо поустали, вздумалось намъ веселѣе его кончить, и для этого другъ другу задавали задачи, которыя и сообщаемъ такъ, какъ невинную нашу шутку“; и затѣмъ предложены четыре маленькія стихотворенія на тему: къ чему прикладывается охъ? какъ отличить дружбу отъ любви? и проч. Эти литературныя забавы напоминаютъ разсказъ И. И. Дмитріева о томъ, какъ Е. В. Хераскова любила bouts-rimés и сочиняла ихъ въ болѣзни, чуть не наканунѣ смерти[2]). Въ пользу того, что Херасковъ былъ главою „Вечеровъ“, свидѣтельствуетъ и то, что журналъ этотъ очень похожъ своимъ составомъ и направленіемъ на прежнее изданіе Хераскова: „Полезное увеселеніе“ 1760—1762 годовъ. Между прочимъ сходны онѣ и въ характерѣ сатиры: сатира, какъ извѣстно, имѣла въ литературѣ Екатерининскаго времени два направленія: одно — рѣзко обличительное и другое — умѣренное, близкое къ нравоученію: „Полезное увеселеніе“ и, по слѣдамъ его, „Вечера“ придерживаются послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, несмотря на безпощадно-обличительный характеръ Новиковскаго журнала,

[1]) Творенія М. М. Хераскова, т. VII, стр. 418. О недостаткахъ изданія сочиненій Хераскова см. въ „Библіогр. Запискахъ“ М. Н. Лонгинова, въ „Современникѣ“ 1857 г. т. LXVI, стр. 3 и сл., и въ его статьѣ о Херасковѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г. ст. 1476 и сл.

[2]) „Взглядъ на мою жизнь“, стр. 80.

„Вечера“ относились дружелюбно къ Живописцу (1773 г. стр. 178—182): это объясняется дружескими отношеніями Хераскова и его сотрудниковъ къ Н. И. Новикову. Въ заключеніе нашихъ соображеній о происхожденіи и сотрудникахъ „Вечеровъ“, предложимъ одну частную замѣтку: въ первомъ году этого изданія, стр. 74—77, помѣщена статья „О россійскихъ предкахъ“; авторъ ея у г. Неустроева не означенъ вовсе; но, какъ видно изъ примѣчанія, сдѣланнаго въ журналѣ, статья была прислана къ издателямъ отъ лица, подписавшагося Вевѣтовъ; очевидно, это —Василій Свѣтовъ, переводчикъ при Академіи Наукъ[1]). *Майковъ.*

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ „ЖИВОПИСЦА“.

„Живописецъ“ проводитъ, нѣсколько видоизмѣняя ихъ, тѣ же двѣ идеи, которыя мы видѣли въ „Трутнѣ“. Подобно этому послѣднему, „Живописецъ“ рисуетъ нравы кокетокъ и щеголей. Если эти лица встаютъ передъ нами изъ „Трутня“ какъ живыя, то изображеніе ихъ чувствъ, мыслей, языка, образа жизни въ „Живописцѣ“ достигаетъ замѣчательной степени художественности; таковы напр.: Письмо щеголихи къ издателю (Mon coeur, „Живописецъ“!). Опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія[2]). Кокетки и щеголи являются жаркими отрицателями науки, мысли, всякаго ученья вообще: „Щеголиха говоритъ: какъ глупы тѣ люди, которыя въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужесть какъ смѣшны ученыя мущины; а наши сестры ученыя —О! они то совершенныя дуры. *Безпримѣрно*, какъ они смѣшны!... Пусть ученая женщина покажется въ ту бесѣду, въ которой будутъ всѣ наши *щеголи*, украшающія собою мужеской полъ: пусть она туда покажется: чортъ меня возми! ежели тамъ съ нею хотя одно слово промолвятъ... Ученая женщина! ученая женщина! фуй! какъ это *неловко*“. „*Волокита* разсуждаетъ такъ: какая польза мнѣ въ наукахъ. Науками ли приходятъ въ любовь у прекраснова пола? Науками ли имъ нравятся?... науками ли украшаютъ лобъ?... Нѣтъ: такъ они для меня и не годятся. Моя наука состоитъ въ томъ,

[1]) См. о немъ въ „Исторіи Россійской Академіи“ М. И. Сухомлинова, вып. IV.
[2]) „Живописецъ“ Н. И. Новикова, 1772—1773 гг. Изд. 7-е, Ефремова. С.-Пб. 1864 г. №№ IX, стр. 53 и X, стр. 59.

чтобы умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ... воздыхать къ статѣ, хохотать громко, *сидѣть разбросану*, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть *совсемъ развязану*... Вотъ моя наука! она безъ сомнѣнія важнѣе всѣхъ наукъ; и я знаю ее въ совершенствѣ"[1]). Съ первыхъ же страницъ новаго изданія Новиковъ заявилъ себя горячимъ преслѣдователемъ невѣжества. Между кокетками и щеголями совсѣмъ неизвѣстны искреннее чувство, добрая нравственность, супружеская вѣрность, цѣломудріе. Въ одной статьѣ „Живописца" 1773 г. муза, представляющая собою „образъ вѣрныя и цѣломудренныя супруги", говоритъ автору статьи: „я должна признаться, что я больше всѣхъ желала... открыть тебѣ мое неудовольствіе въ разсужденіи нынѣшнихъ женщинъ... Всѣ списки добродѣтельныхъ женщинъ всѣхъ народовъ и вѣковъ у меня хранятся. Посмотри же на списокъ нынѣшняго полустолѣтія, а наипаче послѣднихъ годовъ, и признайся чистосердечно, много ли найдешь теперь *Лукрецій?* Вотъ тебѣ моя роспись, прочти ее прилѣжно. —Ну... сколько нашелъ *Лукрецій?* Извините, сударыня, я право здѣсь..."[2]). Живописецъ Лукреціи не нашелъ вовсе. — „Я *никакъ* не ушла отъ бѣды (пишетъ щеголиха издателю): мужъ мой *въ умѣ очень развязанъ*, да это бы и ничего: чѣмъ глупѣе мужъ, тѣмъ лучше для жены: но вотъ что меня *терзаетъ до невозможности:* онъ *влюбленъ въ меня* до *дурачества*, а къ томужъ еще и ревнивъ. Фуи! какъ это *не ловко:* мужъ *разтрепанъ* отъ жены: *это радость гадко!* О еслибъ не помогло мнѣ разумное нынѣшнее обхожденіе, то давно бы я *протинулась*"[3]). Каждая замужняя женщина должна была имѣть, по требованіямъ свѣтскаго обхожденія, любовника, или *болванчика*. Подобная любовь, разумѣется, не имѣла и тѣни серьезнаго смысла: въ одной изъ первыхъ статей „Живописца"[4]) щеголь разсказываетъ, какъ онъ устраиваетъ свои любовныя связи: съ женщиной, которая ему понравится, онъ становится „смѣлъ до безстыдства и живъ до дерзости", при чемъ, говоритъ онъ, „слово — я не могу владѣть собою, меня въ

1) „Живописецъ", стр. 19, 20, 21, 22 и 24
2) Тамъ же, стр. 280.
3) Тамъ же, стр. 55.
4) Тамъ же, стр. 22—24.

такомъ случаѣ извиняетъ"; затѣмъ, прерывая какой-нибудь начатой пустой разговоръ, онъ щегольскимъ язычкомъ, отнюдь не допуская въ слова свои чувства, сообщаетъ своему предмету *между прочимъ, кстати*, что онъ влюбленъ въ нее „до дурачества". Она отвѣчаетъ шутками; онъ бросается на нее „гнилые взгляды", даетъ полную свободу языку, затѣмъ такую же свободу рукамъ; — потомъ они бываютъ „нѣсколько дней смертельно другъ въ друга влюблены". Я „держу ее своимъ *болванчикомъ* (говоритъ щеголь) до того времяни, какъ встрѣтится другая". Въ „Опытѣ моднаго словаря" въ числѣ примѣровъ щегольского нарѣчія встрѣчаются такія выраженія: „Ха, ха, ха: ахъ монкьоръ, ты уморилъ меня! онъ живетъ три года съ женою, и по сю пору ее любитъ! Перестань душенька, єто никакъ не можетъ быть: три года имѣть въ головѣ своей вздоръ". — „Ахъ, какъ онъ славенъ; съ чужою женою и намахаться не смѣетъ — еще и за грѣхъ ставитъ!" — „Мущина притащи себя ко мнѣ, я до тебя охотница"[1]). — Уровень нравовъ былъ такъ низокъ, что дамы, занимавшія довольно почетное положеніе въ обществѣ и притомъ богатыя, не считали предосудительнымъ даже продавать свою любовь за деньги. Нѣкоторая дама „не послѣдняго класса" объявляетъ въ „Живописцѣ"[2]) для свѣдѣнія молодаго дворянина, сдѣлавшаго ей любовное предложеніе на прогулкѣ въ Гостиномъ дворѣ, „что ежели онъ говорилъ его не въ шутку, то справясь бы съ ежегодными своими доходами, явился въ собственномъ сея госпожи домѣ, о которомъ ему объявлено". — Отсутствіе правды въ обществѣ, господство лжи въ мысли, въ чувствѣ, въ словѣ превосходно изображено въ одной статьѣ[3]), объясняющей, въ какомъ смыслѣ употребляютъ обыкновенно въ свѣтѣ коротенькое словечко: „А!"; за этимъ „А!" кроется много заднихъ мыслей; даже молодая дѣвушка не говоритъ его просто: если она выражаетъ этимъ словомъ радость при встрѣчѣ съ мужчиной, значитъ — она знаетъ, что этотъ мужчина богатъ, хочетъ за него выйти и думаетъ уже объ украшеніи его головы „скотскимъ уборомъ"; въ устахъ замужней женщины это слово значитъ, что она хочетъ мущинѣ понравиться, обобрать его и потомъ одурачить. Съ разно-

---

[1]) Тамъ же, стр. 61—62.
[2]) Тамъ же, стр. 127.
[3]) Тамъ же, стр. 98—101.

образными лишними мыслями произносятъ его — прiятель, начальникъ, судья, вельможа.

„Живописецъ", подобно „Трутню", думалъ, что нравственный упадокъ русскаго общества есть слѣдствiе нашего слѣпого увлеченiя всѣмъ иностраннымъ. Онъ объявлялъ[1]), что въ Петербургѣ и въ Москвѣ укоренилась болѣзнь, называемая „слѣпое пристрастiе ко всѣмъ иностранцамъ": онъ указывалъ[2]) на отвращенiе „Россiйскихъ господчиковъ къ чтенiю русскихъ книгъ", потому только, что онѣ русскiя, и остроумно совѣтовалъ печатать ихъ „Французскими литерами". Но однако въ вопросѣ о нашихъ отношенiяхъ къ Западу „Живописецъ" довольно сильно расходился съ „Трутнемъ". Этотъ послѣднiй винилъ въ паденiи нашихъ нравовъ не только насъ самихъ, но и Францiю, — онъ говорилъ о существованiи въ ней Академiи Волосоподвивательной науки, о развитiи которой „Францiя нѣсколько лѣтъ прилагаетъ попеченiе"; если онъ и хвалилъ ея писателей, то это отнюдь не передовыхъ, знаменитыхъ ея „философовъ", а такихъ людей, какъ напр. Фенелонъ. Не то видимъ мы въ „Живописцѣ": „Живописецъ" благоговѣетъ передъ Вольтеромъ. Осмѣявъ нашихъ стариковъ, отвергающихъ пользу науки, онъ восклицаетъ: „Прорицалище нашего вѣка, славный *Вольтеръ*, познай свое заблужденiе: старики наши, паче тебя тягостiю лѣтъ обремененныя, никогда неговорятъ, что на четырехъ ногахъ ходить поздно"[3]). Правда, къ другимъ французскимъ „философамъ", какъ напр. къ Д'Аламберту, „Живописецъ" отнесся отрицательно, напечатавъ переводъ изъ сочиненной королемъ прусскимъ книги — „Утреннiя размышленiя Королевскiя"[4]); но во-1-хъ, этотъ переводъ появился во второмъ годѣ журнала, когда взгляды Новикова, какъ увидимъ, нѣсколько измѣнились, а во-2-хъ, Вольтеръ является въ этомъ отрывкѣ изъ „Утреннихъ размышленiй" съ выгодной стороны, — король говоритъ, что Вольтеръ не льстилъ ему. Во всѣхъ нашихъ грѣхахъ „Живописецъ" винитъ насъ самихъ. Всякiй народъ, говоритъ онъ, выходя „изъ тьмы невѣденiя

---

1) Тамъ же, стр. 33—34.
2) Тамъ же, стр. 35.
3) Тамъ же, годъ I, стр. 15.
4) Тамъ же, годъ II, стр. 167.

и жестокосердія", долженъ перенимать отъ того народа, у котораго „заимствуетъ свое просвѣщеніе", во-первыхъ — добродѣтели, а потомъ науки, художества и промыслы[1]). А мы поступаемъ иначе: „мы привыкли перенимать съ жадностью все отъ иностранныхъ, но по несчастію нашему *по часту перенимаемъ только пороки ихъ:* напримѣръ, когда были у насъ въ модѣ французы, то отъ обхожденія съ ними остались у насъ легковѣрность, непостоянство, вертопрашество, вольность въ обхожденіи... Французовъ смѣнили англичане: нынѣ женщины и мущины взапуски стараются перенимать что-нибудь отъ англичанъ... Французскую наглость называли мы благородною вольностію, а нынѣ англійскую грубость именуемъ благородною великостію духа. Я говорю сіе (замѣчаетъ сатирикъ) не въ поношеніе обоихъ сихъ народовъ: ибо всякъ вѣдаетъ, что *французы и англичане весьма много имѣютъ добраго;* но говорю единственно въ доказательство пристрастнаго нашего къ иностраннымъ порокамъ прилѣпленія"[2]). Конечно, „Живописецъ" не увлеченъ безусловно Франціей, — онъ говоритъ о ея недостаткахъ; но онъ указываетъ и на ея хорошія стороны. Въ „Трутнѣ" этого почти не было, равно какъ не было и не могло быть сочувственныхъ отзывовъ о Вольтерѣ. „Трутень" винилъ наше общество за подражательность Франціи. „Живописецъ" за то, что мы переняли только ея пороки. „Трутень" не прочь былъ, чтобы мы путешествовали во Францію, изучали ея нравы, но онъ не хотѣлъ, чтобы мы отъ нея что-нибудь заимствовали; „Живописецъ" находилъ, что не мѣшаетъ намъ брать изъ чужихъ земель ихъ добродѣтели, науки, художества; онъ и хвалилъ Вольтера, какъ представителя французской мысли и образованности. Идея о близкой связи нашихъ старинныхъ нравовъ съ невѣжествомъ, которую мы замѣтили уже въ „Трутнѣ", заставила Новикова сильно призадуматься надъ нашими отношеніями къ Западу, къ народамъ, отъ которыхъ со временъ Петра Великаго шла къ намъ образованность[3]). Въ этомъ смыслѣ можетъ быть имѣло большое

---

1) Тамъ же, 223.

2) Тамъ же, годъ I, стр. 81—82.

3) „Кто бы во Франціи повѣрилъ, еслибъ сказали, что Волшебныхъ Сказокъ расходилось больше сочиненій Расиновыхъ? А у насъ это бываетъ: Тысячи одной ночи продано гораздо больше сочиненій г. Сумарокова". Живоп., годъ I, 34.

значеніе литературное столкновенье издателя „Трутня" съ издателемъ „Всякой Всячины"; по крайней мѣрѣ отношенія императрицы Екатерины и „Живописца" были, какъ увидимъ, весьма сочувственныя, и направленіе „Живописца" согласно съ направленіемъ „Опыта Историческаго Словаря".

Второй сатирическій журналъ Новикова указываетъ на добрые нравы нашихъ предковъ и на остатки этихъ нравовъ по деревнямъ; но такихъ указаній въ немъ гораздо меньше, чѣмъ въ „Трутнѣ", и они не такъ рѣшительны и опредѣленны. На языкѣ щеголей и щеголихъ любить сердцемъ значитъ „дурачиться по-дѣдовски"[1]; кокетка со смѣхомъ говоритъ о своей матери, что она 40 лѣтъ любила своего мужа и неумѣла и не хотѣла отъ него „ретироваться въ свѣтъ", несмотря на то, что онъ ей „дѣлалъ грубости палкою"[2]. „Живописецъ" утверждаетъ, что прежде, когда въ нашей литературѣ были только „Романы и Сказки", ихъ покупали очень много и читали охотно; теперь же, когда „многія наилучшія книги переведены съ разныхъ иностранныхъ языковъ" и у насъ есть много хорошихъ оригинальныхъ сочиненій, ихъ мало покупаютъ и мало читаютъ[3]. „Опытъ моднаго словаря" утверждаетъ, что прежде мы говорили лучше, — многія слова прежде употреблялись у насъ въ ихъ прямомъ, опредѣленномъ и серьезномъ значеніи; теперь они получили условный и пустой смыслъ[4]. Старинѣ отдаетъ Новиковъ предпочтеніе предъ новизною. Но какой старинѣ? легко замѣтить, что это старина недавняя; и точно такъ же легко замѣтить, что похвалы ей весьма сдержанны и весьма условны, — въ этой старинѣ, напр., по указанію прославляющаго ее сатирика, не было серьезной литературы, и мужья колотили любящихъ ихъ женъ палками. — Что же касается деревни, то щеголиха, упрекая издателя „Живописца" за невѣжливость къ дамамъ, т.-е. къ кокеткамъ, дѣлаетъ предположеніе, что вѣрно эта невѣжливость есть слѣдствіе воспитанія въ сибирской деревнѣ[5]. Еще два-три подобныхъ указанія на деревню[6], — вотъ и

[1] „Живописецъ", годъ I, 22.
[2] Тамъ же, 54.
[3] Тамъ же, 32.
[4] Тамъ же, 59. См. также: годъ I, 69 и 145; II, 189 и 231.
[5] Тамъ же, 1773 г., стр. 219.
[6] Тамъ же, 1772 г., стр. 104.—1773 г., стр. 231, 291 и 293.

все, что нашелъ сказать „Живописецъ“ въ пользу жизни, близкой къ природѣ; это далеко не то, что въ „Трутнѣ“. Впрочемъ, „Живописецъ“ 1773 года уважаетъ деревенскую жизнь гораздо больше, чѣмъ въ первый годъ своего изданія; но это потому, что въ 1773 г. взгляды Новикова, какъ увидимъ, опять нѣсколько измѣнились.

Сдержанный въ похвалахъ нашей старинѣ, „Живописецъ“ съ большей опредѣленностью и ясностью, чѣмъ „Трутень“, представляетъ наши старинные недостатки. Письма къ Фалалею его отца, матери и дяди художественно рисуютъ бытъ нашихъ деревенскихъ дворянъ, простыхъ людей, живущихъ по-старому[1]). Самыми мрачными красками изобразилъ „Живописецъ“ грубые пороки этой жизни: глубочайшее невѣжество и суевѣріе, ханжество и внѣшнее благочестіе, жадность, дикій произволъ, выражающійся въ семейной жизни побоями отъ рукъ главы семьи жены и всѣхъ домашнихъ, въ служебной и общественной дѣятельности — казнокрадствомъ и взяточничествомъ, непониманіемъ общественныхъ интересовъ, наглымъ отниманіемъ сосѣдскихъ земель, въ отношеніяхъ къ крестьянамъ — безчеловѣчной жестокостью. „Живописецъ“, подобно „Трутню“, обличаетъ взяточничество и неправосудіе, и еще болѣе, чѣмъ этотъ послѣдній журналъ, сближаетъ ихъ съ нашими старинными пороками[2]). Указывая на родные наши недостатки дворянскаго сословія, „Живописецъ“ не щадитъ и сословій другихъ. Такъ, онъ печатаетъ письмо къ издателю, рисующее грубую и грязную жизнь купца, его жадность, семейный деспотизмъ[3]). Въ перепискѣ съ „пречестнымъ отцемъ Тарасіемъ“ изображено самолюбіе и корыстолюбіе монашествующихъ[4]); о. Тарасій хвалитъ „Живописца“ за обличенія пороковъ, но грозитъ карою, если онъ вздумаетъ обличать духовныхъ; затѣмъ онъ проситъ — „нѣчто провозвѣстити и въ нашу пользу: сирѣчь, еже умножитися подаянію во обитель нашу“. Поддѣлываясь подъ языкъ своего корреспондента, „Живописецъ“ отвѣчаетъ: „не исправятся убо по-

---

[1]) Тамъ же, 1772 г. Письма къ Фалалею: № XV, стр. 91; XXIII, 139; XXIV, 145 и 148. См. также: III, 13; XVIII, 109; XIX, 115; XXV, 151.

[2]) Тамъ же, 1772 г.: Письма къ Фалалею отъ отца и дяди № XV, 91; XXIV, 148. См. также: III, 13; XIV, 85; XVI, 98; XX, 127.—1773 г.: V, 189 X, 223.

[3]) Тамъ же, 1773 г., стр. 257.

[4]) Тамъ же, 1772 г., стр. 129—131.

учаемые, дондеже не исправятся поучающіи", и потомъ: „со смиреніемъ рѣку тебѣ словеса священная: удобѣе есть вельбуду пройти сквозѣ иглины уши, неже богату внити въ царствіе небесное". — Даже простыхъ людей, къ которымъ всегда благоволилъ Новиковъ, не щадитъ „Живописецъ": въ статьѣ о кофе-гадательницахъ, между прочимъ, говорится: „когда бы такіе вздоры были только во обыкновеніи между простымъ народомъ, такъ, чтобъ только простолюдимъ искалъ себѣ вопросами у сихъ ворожей помощи, то бы я не прииялъ труда сего и описывать. Отъ простаго народа ничего лучшаго и не ожидаютъ, какъ опытовъ крайнія глупости и сумазбродпаго суевѣрія"[1]). Конечно, эту статью, какъ видно, по дурному языку и топорнымъ мыслямъ, писалъ не самъ Новиковъ; но однакожъ Новиковъ почелъ нужнымъ напечатать вышеприведенныя слова, и притомъ безъ всякихъ оговорокъ.

Очевидно, горячее увлеченіе издателя „Трутня" нашими старинными народными нравами въ значительной степени охладѣло въ то время, когда онъ издавалъ „Живописецъ". Издатель этого послѣдняго журнала болѣе благоговѣетъ передъ образованностью, которую мы можемъ заимствовать съ Запада. Но изъ этого отнюдь не должно заключать, что въ Новиковѣ ослабѣла любовь къ родной землѣ и что онъ хотѣлъ бы сдѣлать Русь простою подражательницею другимъ землямъ. „Желалъ бы я (напечатано въ 13 листѣ „Живописца" 1772 года)[2]), чтобъ Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцовъ! Естьли какое находитъ она препятство къ тому, чтобы нарещися ей за превосходныя свои совершенства несравненною подъ солнцемъ страною, то другаго нѣтъ, кажется, какъ сей токмо недостатокъ". Изъ этихъ словъ, равно какъ и изъ многаго вышеприведеннаго, видно, что „Живописецъ" вовсе не разочарованъ въ высотѣ духовныхъ началъ нашей народности; онъ указываетъ только, что эти начала не развиты еще, что ихъ глушитъ невѣжество.

Подобно „Трутню", „Живописецъ" сильно и горячо ратовалъ противъ крѣпостного права. Въ 5 листѣ его напечатанъ „Отрывокъ путешествія въ ***, И. Т., глава XIV". Здѣсь

---

[1]) Тамъ же, стр. 120.

[2]) Тамъ же, стр. 83.

серьезнымъ, несатирическимъ тономъ нарисовалъ авторъ безотрадную картину непомѣрнаго крестьянскаго труда и безъисходной нищеты подъ властью жестокаго помѣщика. „О господство! (говоритъ авторъ) ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками". Статья указываетъ читателямъ на важное значеніе крестьянъ для государства вообще, — съ горькимъ чувствомъ говоритъ она, что крестьяне — „бѣдныя твари, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны". „Помѣщики (восклицаетъ авторъ) вы никакого не имѣете попеченія о сохраненіи здоровья *своихъ кормильцевъ!*" „Кричите бѣдныя твари (обращается путешественникъ къ младенцамъ, оставленнымъ въ избахъ ушедшими на работу родителями), произносите жалобы свои! наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь". Слова эти — быть можетъ — смѣлый намекъ на указъ 1767 года, запрещавшій крестьянамъ подавать жалобы на помѣщиковъ. — Въ послѣсловіи издателя „Живописца" къ „Отрывку путешествія" говорится, что „блюдо" это „приготовлено очень солоно, и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато". Издатель не ошибся: поднялись со стороны дворянства крики неудовольствія противъ смѣлаго писателя. Объ этихъ крикахъ говоритъ онъ самъ въ 13 листѣ, въ статьѣ „Англиская прогулка". Оказывается, что многіе возстали на него, „будучи побуждаемы слѣпымъ пристрастіемъ ко преимуществу дворянскому". „По коль чудно и странно сіе пристрастіе! (замѣчаетъ издатель). Какъ? защищать упорно такое преимущество, которымъ сами они, и всѣ честныя и добросердечныя дворяне никогда не пользуются?..." Крики недовольныхъ сдѣлали, однако, то, что издатель въ послѣдующихъ статьяхъ о крестьянахъ сталъ выпускать нѣкоторыя рѣзкія мѣста. Полное отрицаніе крѣпостного права въ „Живописцѣ", какъ и въ „Трутнѣ", прямо не высказано; но его можно подмѣтить въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ; какъ напр.: „для прихотей *одного человѣка* всѣ они (т.-е. крестьяне) въ прошедшій день много сработали"[1]), или: „дворянинъ съ одною душою" (подпись подъ статьей)[2]); или: „не вижу

---

[1]) Тамъ же, 86.
[2]) Тамъ же, 1773 г., стр. 151.

здѣсь (пишутъ съ того свѣта „любителямъ добродѣтели“)[1]) твѣхъ прихотей одного человѣка, для удовольствованія коихъ тысяча въ потѣ лица трудится и смерть жизни своей предпочитаетъ“. Вопросъ о положеніи крестьянъ „Живописецъ“ тѣсно связалъ съ нашими старинными помѣщичьими нравами и съ нравами кокетокъ и щеголей. Отецъ Фалалея заставляетъ крестьянъ работать на него 5 дней въ недѣлю, и ему все кажется мало, — онъ „сѣчетъ ихъ нещадно“, чтобы лучше работали. „Што за живописецъ такой у васъ проявился! (пишетъ онъ сыну)[2]) какой-нибудь Нѣмецъ, а православный етова не написалъ бы. Говорятъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ ихъ тиранами, а того проклятой и не знаетъ, што въ старину тираны бывали не крещеные, и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Чети-Минеи; а наши мужики вить не святые; какъ же намъ быть тиранами?... И во святомъ писаніи сказано: *Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ:* они на насъ работаютъ; а мы ихъ сѣчомъ, ежели станутъ лѣниться: такъ мы и равны — да на што они и крестьяне: его такое и дѣло, што работаи безъ отдыху“. Мать Фалалея умерла оттого, что надсадилась, наказывая крестьянъ. Таковъ же и его дядя Ермолай[3]). Не лучше старосвѣтскихъ помѣщиковъ и модныя щеголихи. „Онъ и со мною хотѣлъ поступать также, какъ съ мужиками (говоритъ кокетка про своего отца)[4]); но я ему показала, что я не такое животное, какъ его крестьяне“. „Не за безуміе ли должно почесть (пишетъ „ненавистница „Живописца“)[5]), если данныя намъ (т.-е. женщинамъ) очи обозрѣвать всѣ прелѣпщныя творенія, потупимъ мы въ землю, устроенную для разсматриванія подлымъ хлѣбопашцамъ“. Въ статьѣ „Слѣдствія худаго воспитанія“[6]) „Живописецъ“ женилъ дворянина простого нрава, живущаго въ деревнѣ съ малыхъ лѣтъ, на щеголихѣ, воспитанной на французскій ладъ; — и трудно сказать, кто изъ супруговъ хуже обращается съ крестьянами. „Матушка моя

[1]) Тамъ же, 284.
[2]) Тамъ же, 1772 г., 91—95.
[3]) См. еще „Жив.“, 1772, стр. 117. -1773, стр. 189 (объясненіе слова „подлость“) и 223.
[4]) Тамъ же, 1772, стр. 54.
[5]) Тамъ же, 69.
[6]) Тамъ же, 109.

(говоритъ сынъ этихъ супруговъ), пришедши изъ конюшни, въ которой по обыкновенію ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ бывало французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по Руски ясно пересказываетъ". Замѣчательно, что въ „Живописцѣ" Новиковъ указываетъ на то обстоятельство, что въ иностранныхъ государствахъ на крестьянъ, на простой народъ смотрятъ иначе, чѣмъ у насъ. Читатель замѣтилъ въ вышеприведенной выпискѣ, что отецъ Ѳалалей, браня „Живописца" за нападки на жестокихъ помѣщиковъ, назвалъ его нѣмцемъ; удивляясь, какъ знатные люди позволяютъ „Живописцу" такъ своевольничать, онъ прибавляетъ: „вить и бояра съ мужиками та своими поступаютъ *не по Нѣмецки, а вестаки такъ же по Руски*, и ихъ крестьяне не богатѣе нашихъ"[1]). Въ статьѣ „Англиская прогулка" вельможа, довольный сочиненіями „Живописца" о крестьянахъ, говоря съ издателемъ о толкахъ про эти сочиненія и о нашемъ увлеченіи всѣмъ англійскимъ, дѣлаетъ такое заключеніе: „когдажъ все Англиское въ такой у насъ превеликой модѣ, то для чего любители иностранныхъ вкусовъ не почитаютъ пятый вашъ листокъ (т.-е. „Путешествіе И. Т.") въ Англискомъ вкусѣ написаннымъ: *тамъ дворяне критикуются также какъ и простолюдимы*"[2]). — Итакъ, по мнѣнію „Живописца", въ иностранныхъ государствахъ лучше смотрятъ на простолюдина, чѣмъ у насъ. Впрочемъ, относительно Франціи онъ думалъ, кажется, нѣсколько иначе: печатая „Путешествіе И. Т.", Новиковъ прибавляетъ: „Естьли бы его было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были Французскою націею, то не осмѣлился бы я читателя моего потчивать съ етого блюда"[3]). *Незеленовъ*.

Главнымъ содержаніемъ журнала, однакожъ, было сатирическое изображеніе нравовъ общественныхъ. Здѣсь кажется „Живописецъ" развивалъ съ большею энергіею и силою то, что было уже высказано въ „Трутнѣ". Поэтому сатирическія статьи „Трутня", отличавшіяся рѣзкостію красокъ, вошли въ 3-е, 4-е и 5-е изданіе „Живописца".

---

[1]) Тамъ же, 1772, стр. 94—95.
[2]) Тамъ же, стр. 82.
[3]) Тамъ же, стр. 30.

Языкъ „Живописца“ до того обработанъ, до того легокъ, что кажется удивительнымъ для того времени. Иныя статьи, написанныя чисто-народнымъ языкомъ, точно принадлежатъ нашему времени.

„Живописецъ“ за десять лѣтъ до появленія „Недоросля“ нарисовалъ великолѣпныя картины домашняго быта деревенскихъ дворянъ нашихъ того времени. Эти картины поразительны. Краски ихъ набросаны съ такою художественностію и умѣньемъ, что произведеніе Фонвизина блѣднѣетъ нѣсколько передъ ними. Языкъ ихъ совершенно напоминаетъ языкъ его комедій и, безъ всякаго сомнѣнія, эти статьи, если онѣ не писаны перомъ Фонвизина, то имѣли, по крайней мѣрѣ, рѣшительное вліяніе на развитіе его таланта. Выписывать изъ нихъ что-либо — значитъ лишать ихъ оригинальной цѣлости. Онѣ имѣютъ значеніе только въ полномъ своемъ видѣ. Сюда принадлежатъ: 1) „Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну“ (1, стр. 113—120), все проникнуто самою слѣпою привязанностію къ темнымъ сторонамъ старинняго быта, самымъ грубымъ охужденіемъ всего новаго. 2) Другое письмо отца къ сыну — „Сыну моему Фалалею“ (1, стр. 179—184), написанное по тому поводу, что сынъ, Фалалей Трифоновичъ, напечаталъ первое письмо въ „Живописцѣ“. Письмо это отличается тѣмъ же характеромъ. Далѣе слѣдуетъ: 3) Письмо самой матери Фалалея (1, стр. 186—188), наполненное упреками и увѣщаніями по причинѣ напечатанія отцовскихъ писемъ, и 4) письмо дяди Ермолая Терентьича къ нему же о смерти матери (1, стр. 189—192). Это цѣлая семейная драма въ письмахъ, написанная превосходнымъ, по тому времени, языкомъ, имѣющая полноту и оконченность.

Издатель особенно смѣется надъ моднымъ свѣтомъ, надъ его обычаями тогдашняго времени, заимствованными изъ Франціи, надъ вычурнымъ языкомъ его. Эта насмѣшка разсыпана по всѣмъ страницамъ журнала, но болѣе оконченною является въ письмѣ современной щеголихи къ журналисту, наполненномъ модными выраженіями (1, стр. 65—69), и въ „Опытѣ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія“, составленномъ по ея просьбѣ (1, стр. 73—81). Здѣсь показаны примѣры, какъ модный языкъ вмѣстѣ съ слова извращаетъ и самыя понятія.

Ожесточенно преслѣдуетъ „Живописецъ“ привязанность

къ иностранному. Слѣпое подражаніе къ иностранцамъ. Онъ называетъ это пристрастіе къ иностранцамъ болѣзнію (1, стр. 44). Съ ироніей разсказываетъ издатель, что явился какой-то изобрѣтатель, выдумавшій особенно оригинальный способъ пріучать щеголей и щеголихъ къ русскимъ книгамъ: именно печатать ихъ французскими буквами (1, стр. 46). Слѣпою любовію ко всему французскому отзываются письма какого-то господина къ издателю (1, стр. 166—168) и щеголихи къ нему же (2, стр. 281), напечатанныя, какъ видно, съ цѣлію возбудить презрѣніе къ слѣпому обезьянству.

Журналъ откликался также на современность и упоминалъ о замѣчательныхъ явленіяхъ ея. Здѣсь напечатанъ переводъ „письма короля Прусскаго къ императрицѣ Екатеринѣ о наказѣ ея“ (1, стр. 169—174), съ приложеніемъ „перевода съ письма графа Сольмса къ графу Панину“. Здѣсь есть „надпись на положеніе Екатериною Великою предъ надгробіе Петра I флага, взятаго у турокъ на Архипелагѣ“ (1, стр. 177). Здѣсь напечатаны: „стихи Государынѣ на пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи“ (1, стр. 201—207), „рѣчь Государынѣ епископа Анатолія, возвратившагося изъ Архипелага“ (2, стр. 112—213), „слово на выздоровленіе Его Императорскаго Высочества Государя, Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича“ въ 1771 году (2, стр. 226—239), говоренное Фонвизинымъ и находящееся въ собраніи его сочиненій, „рѣчь Императрицѣ — Георгія епископа Могилевскаго“ (2, стр. 357—362). Сподвижники Екатерины находили также мѣста въ „Живописцѣ“, доказывавшія, что издатель умѣлъ собрать все, что касалось славы отечества. Въ журналѣ есть „письмо какого-то духовнаго отца къ графу Г. Г. Орлову изъ Москвы благодарительное за дѣйствія его во время чумы“ (1, стр. 127); переводъ письма „письма короля Прусскаго къ Бибикову“, изъ котораго видно, какъ Фридрихъ высоко цѣнилъ этого генерала Екатерининскаго времени, такъ рано похищеннаго смертію (2, стр. 371), и „стихи Румянцеву на обелискъ“, въ честь побѣдъ его воздвигнутый въ Царскомъ Селѣ (2, стр. 363).

Въ „Живописцѣ“ 1 и 2 изданія напечатано „письмо въ стихахъ о пользѣ наукъ и о воспитаніи во оныхъ юношества“ къ графу И. И. Шувалову при заведеніи Московскаго университета въ 1756 года, сочиненное профессоромъ По-

повскимъ, переводчикомъ Горація, Попе и Локка, умершимъ въ 1760 году, на 30 году жизни. Это письмо (1, стр. 57—64), замѣчательное особенною легкостію стиха и благороднымъ чувствомъ любви къ наукѣ, принадлежитъ къ оригинальнымъ произведеніямъ Поповскаго и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не напечатано.

Изъ замѣчательныхъ переводовъ можно указать на письмо, *скрепленное любопытнымъ зрителемъ* (2, стр. 217—224). Это, впрочемъ, болѣе передѣлка на русскій ладъ пьесы подъ пьесы подъ названіемъ „Торгъ семи музъ“, переведенный еще прежде Денисомъ Фонвизинымъ изъ Кригеровыхъ сновъ и напечатанный въ журналѣ Рейхеля. Кромѣ того, въ „Живописцѣ“ напечатанъ переводъ стихами двухъ „сатиръ“ Буало: 8-й — на человѣка, и 10-й — на женщинъ.

Буличъ.

„СТАРИНА И НОВИЗНА“.

Журнальная дѣятельность Рубана не ограничилась изданіемъ „Ни того ни сего“ и „Трудолюбиваго муравья“; въ 1772 году онъ выступаетъ съ литературно-историческимъ сборникомъ: „Старина и новизна“, состоящимъ, какъ прежнія его изданія, изъ прозы и стиховъ. Вотъ что сообщаетъ неутомимый стихотворецъ и переводчикъ въ предувѣдомленіи своемъ къ журналу: „Имѣя нарочитое число у себя сочиненныхъ и переведенныхъ прозаическихъ и стихотворныхъ, разнаго содержанія, не безполезныхъ рукописей, и желая оными услужить публикѣ, къ чтенію книгъ охоту имѣющей, запристойно почелъ оные издать въ свѣтъ почастно. Мое стараніе будетъ, о наполненіи сея книги различіемъ вещей, не меньше пріятныхъ какъ и полезныхъ, дабы тѣмъ лучше на вкусъ каждаго угодить было можно. Желающіе сообщать мнѣ свои труды для напечатанія, могутъ присылать ихъ въ то мѣсто, гдѣ части сіи продаваться будутъ, съ надписью: Г. Издателю Старины и Новизны. Оные по разсмотрѣніи, если не сыщутся благопристойности противными, непремѣнно преданы будутъ тисненію, не перенося матеріи изъ одной части въ другую, что наноситъ читателямъ скуку. Продажа сей I части начнется въ С.-Петербургѣ, съ начала Августа сего лѣта; а о прочихъ, при выходѣ ихъ, объявлено будетъ чрезъ вѣдомости впередъ“.

На оборотѣ, — приписаніе Госп. Имя-реку***

Ты Имя-рекъ труды ученыхъ почитаешь,
И новости мои вседневно зрѣть желаешь,
Вопросомъ симъ всегда мнѣ дѣлаешь Ты честь.
Что нѣтъ ли у меня чего Тебѣ прочесть?
Сей часто Твой вопросъ мнѣ дѣлывалъ заботу,
Ученыхъ новую пріискивать работу,
И кажется Тебѣ я онымъ угождалъ
Коль что достойное прочтенія казалъ;
Изъ сихъ души Твоей талантовъ превосходныхъ,
Узналъ я, что Тебѣ плоды наукъ свободныхъ
Любезнѣе всего, что производитъ свѣтъ,
Достоитъ похвалы, любви Твоей предметъ;
Увѣрившись на семъ, и сихъ трудовъ начало,
Гдѣ купно *Старины* и *Новизны* забрало,
Тебѣ я Имя-рекъ усердно приношу,
Прочтеніемъ сей трудъ Ты удостой прошу.

В. Р.

Въ Санктпетербургѣ, Серпня 1 дня 1772 лѣта.

Сотрудники Рубана по „Старинѣ и Новизнѣ“ скрылись подъ начальными литерами своихъ именъ или фамилій и остались бы, можетъ быть, навсегда неизвѣстными, если бы не были открыты въ одномъ экземплярѣ этого сборника, отмѣченныя владѣльцемъ его со словъ самого Рубана, о чѣмъ упомянуто въ „Біографическомъ словарѣ замѣчательныхъ воспитанниковъ Московскаго университета“, изданіи, предназначавшемся редакторами его, гг. профессорами Шевыревымъ и Тихонравовымъ къ столѣтнему университетскому юбилею, совершившемуся въ 1855 году. Означенный словарь хотя и начатъ былъ печатаніемъ, но почему-то не оконченъ и не вышелъ въ свѣтъ; онъ прерывается на біографіи Рубана, въ которой при описаніи изданія его „Старина и Новизна“ въ выноскѣ напечатано слѣдующее любопытное примѣчаніе о экземплярѣ этой книги, принадлежавшемъ Хлѣбникову: „Въ библіотекѣ С. Д. Полторацкаго хранится экзепляръ „Старины и Новизны“, принадлежавшей извѣстному собирателю старинныхъ русскихъ рукописей П. К. Хлѣбникову. Со словъ самаго Рубана, П. К. Хлѣбниковъ отмѣтилъ на этомъ экземплярѣ всѣ имена сотрудниковъ „Старины и Новизны“, какъ видно изъ приписки владѣльца, 15 января, 1791 года. Замѣтки даютъ

намъ возможность указать, кому принадлежатъ анонимныя статьи сборника“[1]).

Итакъ, по указанію „Словаря“, отмѣтки Хлѣбникова открываютъ имена слѣдующихъ сотрудниковъ: „камергеръ М. Спиридовъ, подписывавшійся подъ своими статьями литерами М. С., помѣстилъ переводы: „О древнихъ и новыхъ титулахъ Европейскихъ“ (I, стр. 5—16); „Награжденное достоинство“, повѣсть (I, стр. 21—42) и 24 краткія, забавныя и правоучительныя повѣсти. — Контръ-адмиралу Спиридову, подъ литерами Ал. Сп., принадлежатъ: „Исторія путешествій Скарментадовыхъ писанная имъ самимъ изъ Вольтера (II, стр. 86—99), „Преданіе объ Индійскомъ Браминѣ“, (I, стр. 71—85), „Разговоръ Ариста и Акроталя, обѣ статьи оттуда же (I, стр. 85—91), и „Выпись изъ дневныхъ записокъ одного Россійскаго путешественника изъ Балтійскаго въ Средиземное море въ 1769 и 1770 году“, (I, стр. 18—31). И. Ведемейеру, подъ литерою В., принадлежитъ статья: „О воспитаніи“, изъ Словаря тайныхъ повѣстей, (I, стр. 105—107). — Александру Протопопову: „О церемоніяхъ или обрядахъ“, изъ Вольтера (II, стр. 127—130), и г. Ѳедорову: „Пустынникъ разумѣющій языкъ животныхъ, азіятское преданіе, перев. съ фр. (II, стр. 170—173). — Генералъ-поручикомъ Иваномъ Андреевичемъ Вяземскимъ переведено изъ Вольтера „Торжество Дурачества надъ любовію или разговоръ Купидона съ глупостію“ (I, ст. 104—105), и переложено на стихи Рубаномъ; такой же передѣлкѣ подверглась и „Ода въ похвалу любви“, Баркова, „исправленная и дополненная позволительнѣйшими выраженіями В. Рубаномъ“[2]) (II, стр. 191—192). — Въ сборникъ Рубана попало также и первое изъ напечатанныхъ произведеній Державина: „Ироиды или письма Вивлиды къ Кавну“, переводъ съ нѣмецкаго, но помѣщенное безъ вѣдома переводчика[3]). Несмотря на многіе неинтересные переводы и стихи сборника, онъ замѣчателенъ не малымъ количествомъ любопытныхъ историческихъ документовъ: изъ таковыхъ въ немъ помѣщены: „Историческое извѣстіе о первыхъ Славено-Латинскихъ въ Россіи, Кіевскихъ и Московскихъ училищахъ“, (II, стр. 107—117),

[1]) „Словарь“, стр. 234, прим. 1.

[2]) Приписка на экземплярѣ Хлѣбникова, тамъ же, стр. 235, прим. 2.

[3]) Остолоповъ, Ключъ къ сочиненіямъ Державина. С.-Пб. 1822, стр. 12; „Словарь“, стр. 235, прим. 1.

сообщенное митрополитомъ Самуиломъ и начинающееся отъ основанія ихъ въ 1513 году; затѣмъ слѣдуетъ свѣдѣніе „О привиллегіяхъ королевскихъ, въ бытность Кіева подъ Польшею, и о грамотахъ государскихъ, по возвращеніи его подъ Россію, данныхъ кіевскимъ училищамъ, что и доведено до 1766 года; „О Московскихъ училищахъ", что есть, какъ сказано въ заглавіи, „точная копія сочиненной въ 1726 году отъ справщика Ѳедора Поликарпова вѣдомости, о начатіи Греко-Латинской Академіи въ Москвѣ; означенная вѣдомость доведена до времени призванія митрополитомъ Іовомъ братьевъ, Лихудовъ изъ Москвы въ Новгородъ, и послѣ стараніемъ Преосвященнаго Рязанскаго Стефана Яворскаго, по указу возвращена въ Москву". Далѣе помѣщено „Дополненіе", учиненное преосвященнымъ епископомъ смоленскимъ Гедеономъ Вишневскимъ; оно начинается 1701 годомъ, по смерти патріарха Адріана, когда рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій, начавъ управлять патріаршей епархіей, призвалъ изъ Кіева духовныхъ учителей для преподаванія въ академіи латинскаго ученія. Упомянувъ о Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ, преосвященный Гедеонъ дополняетъ приведенныя имъ свѣдѣнія о московскихъ школахъ тѣмъ, что случилось при немъ, по прибытіи его въ Москву, въ 1717 году, и „Дополненіе" его оканчивается отъѣздомъ его въ опредѣленную ему Смоленскую епархію въ 1728 году. При помянутыхъ извѣстіяхъ находится примѣчаніе, что о порядкѣ ученій въ Кіевѣ и Москвѣ, списки ректоровъ, префектовъ обѣихъ академій, также извѣстія о другихъ россійскихъ училищахъ, сообщены будутъ впредь. — „Письмо поздравительное со взятіемъ турецкаго города Бендеръ къ Е. С. Графу П. И. Панину, отъ нѣкотораго духовнаго лица изъ Бѣлагорода (Самуила, впослѣдствіи митрополита кіевскаго) (I стр. 75—78). „Списокъ Бояръ, Окольничихъ, Думныхъ дворянъ, Дьяковъ, Стряпчихъ съ ключемъ и другихъ государственныхъ чиновъ съ 1548 по 1707 годъ, взятый изъ книгохранительницы Е. С. Д. Т. С. Сенатора князя Петра Никитича Трубецкаго"; затѣмъ слѣдуетъ весьма любопытное „Духовное завѣщаніе, учиненное покойнымъ генералъ-адмираломъ графомъ Ѳедоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ въ 1728 году"; изъ этой духовной видно, что душеприказчиками графа были: князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ и Михаилъ Ильичъ

Чириковъ, и что завѣщатель оставляетъ императору Петру II свой большой петербургскій домъ, что на Невѣ, „со всѣми въ немъ уборы, и со имѣющимися при немъ двумя дворами"; затѣмъ съ позволенія Императора, дѣлитъ значительное свое движимое имущество, состоящее въ драгоцѣнностяхъ и серебрѣ между помянутыми душеприказчиками и другими вельможами, которыхъ покойный въ духовной называетъ своими „благодѣтелями". Все недвижимое имѣніе и деньги оставляетъ онъ своимъ законнымъ наслѣдникамъ, при чемъ дѣлаетъ значительные по тому времени денежные вклады въ монастыри: Златоустовъ, гдѣ погребены его родители, и Александровскій. Упоминая о лицахъ, назначенныхъ къ отправленію погребенія, покойный графъ не забываетъ также о служившихъ въ штатѣ его чинахъ, изъ которыхъ каждому назначаетъ награжденіе, а собственнымъ служителямъ опредѣляетъ денежныя награды и проситъ императора о выдачѣ имъ отпускныхъ. Наконецъ, находящіяся за нимъ и пожалованныя ему имп. Петромъ I въ пожизненное владѣніе дворцовыя волости проситъ его величество приказать принять куда слѣдуетъ. — „Чинъ облаченій и прочихъ принадлежностей по сану Патріарховъ, Архіереевъ и другихъ духовныхъ лицъ" (II, 173); какъ эта, такъ и упомянутая выше статья: „Точная копія соч. въ 1726 году справщика Ѳ. Поликарпова вѣдомости" и проч., доставлены Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ. „Письмо Е. С. Генералъ-Фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова, къ Генералъ-Поручику Евдокиму Алексѣевичу Щербинину о смерти его сына гвардіи Измайловскаго полка поручика, убитаго въ сраженіи при Силистріи 18 іюня. 1773 года, съ стихами сочиненными на этотъ случай Рубаномъ" (II, стр. 171)*). — „Списокъ грамоты какова послана съ Аѳанасіемъ Парусуковымъ въ 185 (1667) году къ цареградскому Патріарху, о смерти царя Алексѣя Михайловича, и о возшествіи на престолъ Ѳедора Алексѣевича" (доставлена Хлѣбниковымъ) (II, стр. 180).

Изъ сочиненій знаменитыхъ духовныхъ писателей и проповѣдниковъ въ „Старинѣ и Новизнѣ" напечатаны: „Рѣчь

---

*) Означенное письмо напечатано также въ Прибавленіи къ № 59 „С. Петербургскихъ Вѣдомостей" 1773 года, вторникъ, іюля 23, съ тѣми же стихами Рубана.

Өеофана Прокоповича, говоренная при бракосочетаніи ихъ Высочествъ: Голстейнъ-Готторпскаго герцога Карла Фридриха съ Россійскою Цесаревною Анною Петровною, дщерью Петра Великаго, 21 мая, 1725 года" (доставлена Тепловымъ) (II, стр. 130). — „Слово Епископа рязанскаго и муромскаго Гавріила Бужинскаго въ похвалу Санктпетербурга и его Основателя Петра Великаго, говоренное въ присутствіи царя, при поднесеніи Е. В. первовырѣзаннаго на мѣди плана и фасада Петербурга": при этомъ находится примѣчаніе, что означенное слово выписано изъ книги: „Описаніе С.-Петербурга", соч. Богданова, находящееся въ числѣ рукописей академической библіотеки (I, 49 — 75) [1]). — „Двѣ рѣчи, говоренныя преосвященнымъ Георгіемъ Конисскимъ, епископомъ Бѣлорусскимъ, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, сентября 24 дня 1762 года въ Москвѣ и Польскому королю Станиславу Августу на латинскомъ языкѣ въ Варшавѣ" (II, стр. 185) (доставлены самимъ авторомъ). — „Увѣщаніе отъ синодальнаго члена, преосв. Гавріила архіепископа С.-Петербургскаго и Ревельскаго, народу, по причинѣ установленныхъ молитвъ о утоленіи тлетворнаго недуга въ Москвѣ, 1771 года". — Самому Рубану принадлежатъ слѣдующія сочиненія и переводы: „Имны изъ Омира", (I, 16 — 18): „Тропари изъ утреннихъ молитвъ переложенные въ стихи" (I, стр. 79); „Надгробная надпись преосв. Московскому и Калужскому Амвросію" (I, стр. 80); „Удачная отвага", турецкая сказка, перев. съ нѣм. въ прозѣ (I, стр. 91); „Епиграмма" (I, стр. 109); „Повѣсть о восточномъ мудрецѣ Шецѣ Хадбединѣ", турецкая сказка, перев. съ нѣмецкаго. (II, стр. 1); „Надписи" (числомъ 16) (II, стр. 193); „Стихи на смерть Акад. Наукъ проповѣдника, іеромонаха Кирилла; августа 29 дня 1773"; „На смерть славнаго закройщика Брокара"; „Загадка"; „На обрученіе В. К. Павла Петровича и В. К. Наталіи Алексѣевны"; „На день рожденія В. К. Павла Петровича и на день коронованія Е. И. В. Императр. Екатерины II";

[1]) Это слово перепечатано впослѣдствіи, съ тѣмъ же въ концѣ примѣчаніемъ въ книгѣ: „Полное Собраніе поучительныхъ Словъ, сказанныхъ въ Высочайш. присутствіи Госуд. Имп. Петра. В., Преосвященнымъ Гавріиломъ Бужинскимъ". М., въ Унив. типогр. у Новикова, безъ означенія года. 8°. Сопик., ч. 4, № 10952 (но съ означ. 1784 г.).

„Надписи“ (II, стр. 307—214). Здѣсь же помѣщены: стихотвореніе Хераскова, посвященное княжнѣ Катеринѣ Сергѣевнѣ Урусовой, въ которомъ онъ предлагаетъ ей совѣты къ достиженію Парнаса; тутъ же находится и отвѣтъ княжны своему руководителю (II, стр. 199—206). Наконецъ—статья безъ подписи: „Описаніе Демосѳенова фонари, находящагося въ Аѳинахъ, переводъ изъ греческихъ древностей, изданныхъ новѣйшимъ путешественникомъ, французомъ N.N., напечатанныхъ въ энциклопедическомъ словарѣ“.

Оканчивая обозрѣніе обѣихъ частей „Старины и Новизны“, должно замѣтить, что вторая гораздо любопытнѣе первой, по собраннымъ въ ней историческимъ статьямъ; она посвящена издателемъ генералъ-прокурору, князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, подъ начальствомъ котораго первый служилъ. —Въ концѣ сборника на 8 ненум. страницахъ приложена „Роспись книгъ петербургской и московской печати, безъ переплету, продовавшихся въ Луговой Милліонной, у переплетчика Миллера, 1772 года“, содержащая до 200 слишкомъ названій книгъ, расположенныхъ азбучнымъ порядкомъ. *Губерти.*

„МЕШЕНИНА КАТОНОСКАРРОНИЧЕСКАЯ“.

Сочиненіе періодическое въ стихахъ, выходящее въ свѣтъ для забавы покровителей наукъ, знатоковъ и охотниковъ*). Самое заглавіе журнала показываетъ, что онъ предназначенъ былъ для извѣстнаго кружка публики, а не для другихъ какихъ-либо цѣлей. Этотъ журналъ совершенно никому неизвѣстенъ, и въ нашей литературѣ объ немъ почти ничего не было сказано до настоящаго времени. Думаемъ, что, не-

*) Г. Аѳанасьевъ, въ статьѣ о русскихъ журналахъ этого времени („Отеч. Зап.“ 1855 г.), говоритъ, что онъ нигдѣ не могъ найти „Мешенины“. Кажется, чрезъ годъ послѣ этого (въ 1856 г.) Публичная библіотека пріобрѣла этотъ журналъ, но не въ полномъ видѣ, а всего только 32 страницы. Впрочемъ, можетъ быть, „Мешенина“ остановилась именно на этомъ листѣ, хотя на послѣдней страницѣ, при переносѣ, рѣчь не кончена, а переносъ вышелъ на половинѣ фразы. Однако, едва ли не на этой фразѣ и остановилась „Мешенина“, потому что на послѣдней страницѣ, въ примѣчаніи, сказано: „Въ вѣдомостяхъ дано будетъ знать, когда продолженіе „Мешенины“ выходить будетъ“. — Этимъ рѣдкимъ, даже, можетъ быть единственнымъ экземпляромъ, мы и воспользовались.

смотря на отсутствіе въ „Мешеннинѣ“ здравыхъ понятій о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ, несмотря даже на ея направленіе, будетъ не безполезно познакомиться съ требованіями и тайными цѣлями ея издателя, который не былъ настолько уменъ, чтобы быть вреднымъ.

Достаточно узнать предисловіе къ „Мешеннинѣ“, чтобы понять и самое назначеніе журнала. Послѣ заглавія слѣдуетъ эпиграфъ: „Post festum!“ то-есть, по автора переводу съ прибавленіемъ, распространеніемъ, примѣчаніями и прочее.

Пословица есть русска; послѣ ужина горчица,
По думаю, что можно въ день простой и въ праздникъ бранються,
Такъ съ новымъ годомъ въ масленицу жъ можно поздравлять.
Нѣтъ ничево, что мы ужъ далеко въ генварѣ,
Хоть двадесятое число ужъ въ календарѣ.
Смѣяться будутъ, но не поздно всѣмъ добра желать.
Какъ?... Что?... такъ поздно! нѣкоторые на автора вскричатъ.
Потише! господа; читайте перьвую страницу;
Охотники наукъ, найдете перцу и горчицу,
Найдете des bons-bons и далѣ будете читать,
Охотница моя вить муза до конфектовъ лакомиться;
И потому васъ потчиваетъ каждая страница
Не меньше на листѣ ума и разума пять унць

Имярекъ,
Кто сочинитель?

Авторъ.
Знающій меня риемачъ,
У коего печется риема какъ калачь,
Отвѣтствуетъ: на унць по риемѣ авторъ ..*)

Каждый можетъ видѣть изъ этого длиннаго эпиграфа, что неправильность стиха и незнаніе языка превышаютъ всякую мѣру. Однако новый журналистъ не стѣснялся этимъ и предпослалъ своему изданію предисловіе на цѣлыхъ четырехъ страницахъ, въ которомъ излагаетъ цѣль и назначеніе „Мешенины“, но при этомъ не забылъ сказать и о себѣ, о своемъ происхожденіи, воспитаніи и, наконецъ, о незнаніи русскаго языка, что онъ вовсе не считаетъ препятствіемъ къ выполненію такого важнаго предпріятія, какъ изданіе журнала.

*) Фамилія издателя „Мешенины“ риемуется, слѣдовательно, съ словомъ унцъ.

Вотъ это странное предисловіе: „Немалой, но не скучной кусокъ предисловія, и нужнаго изъясненія автора для господъ критиковъ; — я васъ боюсь, и для того будь вамъ извѣстно... нѣтъ! уже давно извѣстно и безспорно, что смертный рожденъ и воспитанъ, и прибывшій въ двадцать четвертомъ году отъ роду въ Россію, не можетъ знать россійскій языкъ такъ совершенно, какъ уроженецъ ученый россійскій; слѣдственно авторъ, вашъ покорный слуга, рожденъ, воспитанъ за-моремъ, а сверхъ того слѣдовалъ не малой кусокъ времени ворчанію барабановъ и учившейся семь лѣтъ (голова будучи у него тупа) слушай! на караулъ! на плѣчо! слѣдственно, я хотѣлъ сказать, авторъ, можетъ быть учинитъ нѣсколько несмертоубивственныхъ ошибокъ въ слѣдующемъ сочиненіи противъ правилъ или свойства россійскаго языка; слѣдственно, господа́ критики вашъ покорный слуга, авторъ, положа тупое мое перо къ вашимъ ногамъ, прошу васъ мнѣ простить десятокъ другой, третей неважныхъ ошибокъ, а то vos ego!.. ба! ба! простите ошибку въ жаръ ученнную. Грозить не велѣно и не хочу, однако скажу, что такова строгаго критика не боюсь. Первымъ приступомъ на автора, думаю, нападаютъ за то, что такъ поздо съ новымъ годомъ поздравляетъ; но оборонительнымъ перомъ имѣю честь донести, что я старавсь писать, забавлять, а не марать, ни скучать, дабы читатели о своихъ напраздно истраченныхъ копѣйкахъ не тужили. Таковыхъ листовъ, каковые иногда въ свѣтѣ выходятъ, намараю трехъ въ сутки, въ томъ бьюсь объ закладъ о головѣ противъ гривны, по крайней мѣрѣ оная стоитъ алтынъ пять, шесть, что почти дешевле телячей, ажъ, шутку на сторону, за биліонъ не отдамъ. Вторая причина, что подаваемое сочиненіе въ ценсурѣ, а особливо въ типографіи за множествомъ дѣлъ не такъ скоро выпечется какъ калачъ. Третья причина, важнѣйшая всѣхъ моихъ причинъ, та, что прежде нельзя было, потому что мое намѣреніе съ начала единственно было сочиненіемъ слѣдующимъ на одномъ только нѣмецкомъ языкѣ нѣмецкой свѣтъ забавлять, а въ россійскіе стихи превращать оное мнѣ невозможнымъ дѣломъ показалось; однако разсудивши въ голову вошло, что въ Россіи сто охотниковъ читателей россіянъ противъ одного охотника читателя нѣмца, и такъ душевная, да признаюсь и карманная слава (безъ послѣдняго важнаго загвостка вредъ, естьли авторъ въ

свѣтъ) будильникомъ были россійскому ученому свѣту по образцу нѣмецкаго изданнаго мною сочиненія слѣдующую пробу предложить: однако проба по образцу нѣмецкаго не переводъ, но подлинникъ. Безъ хвастовства думаю, что я первый, въ чужихъ краяхъ рожденный и воспитанный иностранецъ, который отважился быть стихотворцемъ въ россійскомъ языкѣ". А потому проситъ, чтобы критики были къ нему снисходительны, по латинской пословицѣ — aquila non capit muscas, т.-е., что орелъ не ловитъ мухъ, и что большая собака не лаетъ на маленькихъ, а на оборотъ: себя, какъ видно, онъ не считаетъ большимъ псомъ. Но затѣмъ онъ яснѣе высказываетъ свою цѣль, говоря, что „наиопаснѣйшую критическую бомбу на меня нѣкоторый родъ людей будетъ можетъ быть наводить съ тѣмъ, чтобы Минерва (т.-е. императрица) молніею своею червячка (червячкомъ онъ себя называетъ), то-есть: автора въ пепелъ превратила за то, что я отважусь говорить въ моемъ катопоскарроническомъ сочиненіи о ея чрезвычайныхъ дѣлахъ и похвальныхъ свойствахъ". Но онъ напрасно тревожился, потому что защищенъ былъ своею благонамѣренностію. „Злодѣю, говоритъ онъ, должно трепетать передъ земными богами и обществомъ, а честному, доброму и разумному человѣку трепетать причины нѣтъ", и что слѣдовательно, по примѣру комическихъ авторовъ, „можно и мнѣ говорить о Минервиныхъ чрезвычайныхъ свойствахъ и дѣлахъ. „Я знаю, продолжаетъ нѣмецъ, что я червячокъ, коего мигъ ея можетъ въ прежнее бывшее ничто превратить. Но знаю и то, что я всегда съ наиглубочайшимъ почтеніемъ о августѣйшей Минервѣ говорю, и такъ мнѣ бояться нечево. Знаю и то, что я изъ числа тѣхъ червячковъ, которые совершенно чувствуютъ великость ея души и величіе ея духа. Знаю наконецъ мое намѣреніе въ томъ состоящее забавлять Россію, а особливо Минерву послѣ множества трудовъ; предпріятіе, которое ни одинъ авторъ не вздумалъ. Многіе въ сочиненіяхъ похвалу ея пѣли, а ни одинъ сколько мнѣ извѣстно, для забавы ея не писалъ диковинка! Вотъ, господа критики! все вышеписанное знаю. Но что слѣдуетъ не знаю, а именно: прилѣтитъ ли пегасъ мой къ престолу ея какимъ-нибудь случаемъ, приползетъ ли червячокъ, я къ ея стопамъ. Вотъ что не знаю. Забылъ нечто сказать, что еще знаю, а именно: что я не пишу въ надеждѣ награжденія. Иные тутъ вскри-

чать: солгалъ ты. Авторъ!" и т. д. Затѣмъ онъ старается предварительно успокоить всѣхъ, что сатира его никогда не персональна; однако прибавляетъ: „развѣ кто меня въ глаза бранитъ или пачувствительнѣйшимъ образомъ пренебрежетъ, и за inutile terrae pondus, то-есть: за безполезную въ семъ свѣтѣ тварь почитаетъ. Въ томъ случаѣ посмотрю, къ стати ли, стоитъ ли говорить, или молчать. Теперь, господа критики! говорите, что изволите; а я до тѣхъ поръ, пока смогу съмолчу. Вашъ покорный слуга, а всѣхъ знатоковъ, охотниковъ и покровителей наукъ и художествъ нижайшій и истинный почитатель, авторъ Мешенины" (стр. 3—8).

Предисловіе говоритъ само за себя. Назначеніе журнала, слѣдовательно, прямо противоположно тому, какое имѣли первыя періодическія изданія. Цѣль редактора „Мешенины", конечно, высоко-благородная; но онъ принялся за дѣло, не измѣривъ своихъ силъ. Но чтобы еще болѣе понять пустоту этого новаго журнала, явившагося тогда, когда русская публика уже отчасти знала, что такое порядочные журналы, мы приведемъ отрывокъ изъ первыхъ выпусковъ „Мешенины". За предисловіемъ слѣдуетъ: „Къ знатокамъ и охотникамъ родъ увѣдомленія, въ какомъ вкусѣ будетъ Мешенина катопоскарроническая"".

Купите, господа, во время!
Купите госпожи красавицы, ахъ! ахъ! купите
Лѣкарство мое! деньгами же нужду не терпите!
Вить нужда сердцу коль и бремя.
Такой на ярманкахъ преужасный задорный крикъ,
Какъ шарлатанъ, такъ тотъ, кто зубы вырываетъ,
На площади въ краяхъ нѣмецкихъ подымаетъ,
И словомъ зубной мастеръ, шарлатанъ, кричитъ какъ быкъ.
Но я не шарлатанъ, ни мастеръ для зубовъ,
А неизвѣстный вновь печеный авторъ, я жъ все спалъ,
Но все слыхалъ во снѣ, проснулся, вдругъ съ небѣсъ упалъ,
И вдругъ тревогу бью для всѣхъ охотниковъ.
Кто слышитъ, иль подслушиваетъ можетъ покупать.

Имярекъ.

Что, авторъ? по чему жъ себя ты хочешь продавать?

Авторъ.

Нѣтъ! другъ, за двадцать пять большихъ мѣшковъ,
Хотя бъ въ нихъ было милліонъ рублевъ,

Не купишъ автора сихъ словъ.
Купи слова моихъ листовъ,
Съ условіемъ же, ежели тебѣ угодно.
Тебя неволить было бъ сумазбродно.

Имярекъ.

Скажи пожалуй, по чему же твой пол-листъ?

Авторъ.

По два алтына мой пол-листъ. Я алхимистъ,
Изъ разума, бумаги мѣдь и золото творить
Могу, полиція жъ мнѣ то не можетъ запретить.

Имярекъ.

Найдешь немного ты купцовъ!
Въ числѣ быть не хочу глупцовъ,
Который деньги за бумагу раздаютъ.
А лучше ихъ лью въ горло понесу гдѣ пьютъ.
Ахъ дорого! за твой пол-листъ по два алтына дать!

Авторъ.

Такъ! сударь. Меньше не хочу ни писать, ни продавать;
А сверьхъ того и мой товаръ въ стихахъ и столько стоитъ,
Сверьхъ же сего, что авторъ съ голоду умретъ и воитъ.
По большой части безъизвѣстной жизни дворъ
Клопами хлопотъ былъ наполненъ до сихъ поръ.
Бывало съ голода свисталъ и съ горя пилъ и пѣлъ.
Диковинка! что духъ съ досады мой не оробѣлъ.
Душа моя, ты душенька. Не оробѣй!
Съ хлопотъ выть малодушно, стыдно обробѣть;
А въ злополучіи искуство, слава пѣть,
Такъ душинька, голубушка, пиши, пой, пѣй!
И сколь возможно, будь всегда довольной, ѣшь,
И смѣйся надъ несчастіемъ, пока умрешъ

Имярекъ.

Вотъ, вотъ какъ сочинитель вретъ,
Душа извѣстно, не умретъ.
Хорошаго не выдетъ, буде авторъ голоденъ,
А выдетъ много вздора, будетъ много трень, трень, трень,
Я не совѣтую кому его листъ покупать.
Нѣтъ, нѣтъ на два алтына я напьюсь и лягу спать.
Пойду, пойду сейчасъ въ кабакъ.

Пойдемъ де! братцы, видно авторъ глупъ, дуракъ.
Не правда ли?

Товарищи имярека.

Ты не ошибся, такъ, так, такъ!

Авторъ.

Поди съ товарищами бурлакъ
Такова какъ ты духа,
Вить элементъ сивуха.
Не всѣ такіе пьяницы, какъ ты.

Имярекъ.

Пошелъ! невѣжа, да не ври! и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что такія нелѣпости не могли забавлять императрицу, которая имѣла достаточно литературнаго такта и стояла въ числѣ не послѣднихъ литературныхъ извѣстностей своего времени. Публика тѣмъ болѣе не могла быть утѣшена ни внѣшними качествами „Мешенины“, ни отсутствіемъ содержанія этого журнала, что она умѣла находить различіе между изданіями Новикова и Рубана: а содержаніе „Мешенины“ не могло удовлетворить ее ни съ которой стороны. Это былъ винегретъ всего, что издатель-нѣмецъ могъ узнать въ Россіи, не изучивъ ни внутренней ея жизни, ни потребностей народа, а тѣмъ менѣе имѣвшій возможность знать ея политическіе виды, хотя онъ очень усердно и безграмотно расточалъ въ своемъ журналѣ похвалы нашему флоту, бывшему тогда въ Средиземномъ морѣ. „Мешенина“ написана такимъ языкомъ, который съ трудомъ можно понимать; притомъ, что редакторъ ни говорилъ по-русски, всему этому онъ дѣлалъ подстрочный переводъ на нѣмецкій, французскій, англійскій и латинскій языки. Если этотъ журналъ составляетъ въ настоящее время такую библіографическую рѣдкость, то это можно объяснить развѣ только тѣмъ, что публика не хотѣла его читать; она видѣла въ немъ вредную спекуляцію, и экземпляры „Мешенины“ сгнили въ кладовой у самого ея редактора, оправдавъ ту извѣстную истину, что плохія произведенія недолговѣчны.

Мордовцевъ.

Изъ заглавнаго листа можно только извлечь: 1) что журналъ этотъ получилъ названіе отъ смѣшенья, или смѣси, хотя не очень грамотный издатель, составившій слово мешенина, употребляетъ въ первомъ слогѣ букву е; 2) что журналъ точно начался 20 января, и 3) что авторъ или издатель его носилъ фамилію, оканчивающуюся на унцъ и былъ иностранецъ. Это подтверждается, какъ увидимъ ниже, послѣдующею статьею журнала и объясняетъ ошибки противъ правописанія и просодіи, которыми исполненъ журналъ. Типографія не означена.

Страницы 3—8 заняты статьею въ прозѣ, въ родѣ предисловія подъ названіемъ: „Не малой, но не скучной кусокъ предисловія, или нужнаго изъясненія автора для господъ критиковъ". Подъ нею подписано: „Авторъ Мешенины". Статья эта, какъ и можно ожидать по заглавію, писана варварскимъ языкомъ и заключаетъ общія мѣста всякихъ предисловій. Въ ней замѣчательно только то, что 1) авторъ, удивляясь, какъ и быть должно, мудрымъ дѣяніямъ Екатерины II, названной Минервою, говоритъ, что ея воспѣвали всѣ, но никто еще не забавлялъ, и проситъ ее не осердиться на него за намѣреніе позабавить ее (стр. 7); 2) говоритъ про себя: „авторъ, въ чужихъ краяхъ рожденный и воспитанный иностранецъ, первый сдѣлался стихотворцемъ на россійскомъ языкѣ". Этимъ объясняется окончаніе его фамиліи на унцъ, о которомъ упомянуто выше, а равно и плохое его знаніе русскаго языка.

Послѣ этого начинаются стихотворенія. Первое изъ нихъ, напечатанное на стр. 9—12, есть еще родъ предисловія, подъ названіемъ: „Къ знатокамъ и охотникамъ. Родъ увѣдомленія, въ какомъ родѣ будетъ Мешенина скарроническая". Это разговоръ между „авторомъ" и „имярекомъ", который уговариваетъ перваго бросить сочинительство, между тѣмъ, какъ авторъ оправдываетъ свое намѣреніе, и все оканчивается опять бранью бесѣдующихъ.

Страница 13-я начинается заглавіемъ: „Мешенина катоноскарроническая"; отсюда уже начинается самый журналъ. За заглавіемъ прямо идетъ стихотворный разговоръ все-таки между авторомъ и имярекомъ, въ которомъ дѣло идетъ о поздравленіяхъ съ праздникомъ и какихъ-то неудопонятныхъ спорахъ. Все это пересыпано изрѣдка французскими и нѣ-

мецкими реченіями, съ переводомъ внизу страницы. Вдругъ, на стр. 16-й, заключающей 1-й №, или листъ, галиматья эта прерывается на стихѣ:

„По крайней мѣрѣ такъ, какъ канарейка поп" и за нимъ слѣдуетъ примѣчаніе: „Первый листъ продается по 8 копѣекъ", и вновь печенный катоноскарроническій Авторъ покорнѣйше проситъ простить учиненную въ вѣдомостяхъ въ цѣнѣ ошибку. По 4 копѣйки листъ было бы дешевлѣ грибовъ, и очень понятно, что автору надлежало бы воду пить и банкрутомъ сдѣлаться. Въ вѣдомостяхъ будущей пятницы почтенной публикѣ донесено будетъ, когда можно получать продолженіе „Мешенины".

Переходимъ къ описанію листа, или №, второго.

Первая страница его (17-я общей нумераціи) начинается прямо продолженіемъ стиховъ предыдущаго нумера. Авторъ обращается къ музѣ, проситъ и настроить балалайку или гудокъ для забавы читателей и осмѣянія недостатковъ людскихъ. Тутъ завязывается у него съ музою такой же пустой разговоръ, какъ и съ имярекомъ; муза отказывается пѣть, наконецъ убѣждается мало-по-малу. Въ стихахъ разсѣяны разныя выходки, очень неостроумныя, на критиковъ. Начинаются похвалы Екатеринѣ Великой и насмѣшки надъ порицателями ея смѣлыхъ и геніальныхъ предпріятій. Авторъ говоритъ:

„Кому же грезилось во снѣ, что Россовъ флотъ и флагъ
Прибудетъ къ Дарданелламъ, въ Кипръ, да и въ Архипелагъ.

Страницы 24—28 напечатаны въ два столбца. Въ одномъ помѣщены стихотворенія: французское, итальянское, англійское (очень длинное) и нѣмецкое, въ которыхъ выражается сомнѣніе иностранцевъ насчетъ успѣховъ русскаго оружія: въ другомъ — русскіе переводы этихъ стиховъ. Въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 28 и 29 авторъ извиняется въ томъ, что переводы его слабы и оправдывается въ томъ, что самъ употребляетъ разные языки, говоря, что его „предѣлъ въ томъ состоитъ комическое довести до самой крайности".

Послѣднія страницы, 29—32, заняты опроверженіемъ неосновательныхъ выходокъ иностранцевъ, завистниковъ Россіи, и доказательствами успѣховъ Россіи, управляемой мудрою монархинею. Не станетъ терпѣнія выписывать еще такъ на-

зываемые стихи г. ...унца, столь мало соотвѣтствующіе величію предмета. Послѣдній изъ нихъ:

„Султанъ Мустафа сатирическимъ лицомъ
И грознымъ"

прерывается краткимъ объявленіемъ:

„Въ вѣдомостяхъ дано будетъ знать, когда продолженіе Мѣшенины (тутъ въ первый разъ является въ этомъ словѣ буква: ѣ) выходить будетъ". Но ни объявленія, ни продолженія не воспослѣдовало,

И поэмѣ сей конецъ.

Кажется, не трудно теперь угадать причину прекращенія этого журнала на 2-мъ листѣ. Вѣроятно, не много нашлось охотниковъ платить по 8 копеекъ за листокъ безграмотной галиматьи, чтобы этимъ дать средство г. ...унцу пить что-нибудь повкуснѣе воды и не допустить его до банкротства. Могла ли публика, знакомая уже съ „Трутнемъ", „Щепетильникомъ", „Живописцемъ" и проч., гдѣ она читала сатирическія статейки, ловко написанныя и исполненныя современности, раскупать „Мешенину", т.-е. наборъ словъ безъ содержанія и связи? Ясно, что она прекратилась за недостаткомъ покупателей. Вѣроятно, и вышедшихъ двухъ листовъ раскуплено было не много; оставшіеся экземпляры, можетъ быть, были употреблены на переплетное дѣло переплетчиками: Веберомъ, Белке и Шелемъ, у которыхъ, по объявленіямъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" 1773 года, продавалась „Мешенина". Купившіе ее тоже не заботились сохранить экземпляры вздорнаго сочиненія, и такимъ образомъ, дѣло дошло до того, что черезъ 25 или 30 лѣтъ самые усердные библіофилы ужъ не могли найти „Мешенины"; а библіографы не находили о ней извѣстій, потому что современники, по справедливости, не сочли ее достойною разбора.

Лонгиновъ.

„КОШЕЛЕКЪ".

Вернувшись къ прежней своей идеѣ о нравственной высотѣ древней Руси, Новиковъ вскорѣ вернулся и къ сатирѣ. Въ 1774 году начался третій сатирическій журналъ его „Кошелекъ". Если прибѣгнуть къ старому, избитому, но

прекрасному сравненію, то можно сказать, что, какъ лампада, догорая, вспыхиваетъ на мгновенье яркимъ блескомъ, такъ мысль, проходящая черезъ весь первый періодъ литературной дѣятельности Новикова, умирая, уступая свое мѣсто иной мысли, вспыхнула, также на мгновенье, яркимъ пламенемъ въ послѣднемъ изъ его сатирическихъ журналовъ, въ „Кошелькѣ“. По сатирѣ своей, по художественности „Кошелекъ“ значительно слабѣе не только „Живописца“, но и „Трутня“, — обстоятельство, свидѣтельствующее, что вѣра издателя въ свою идею уже не тверда и близко граничитъ съ сомнѣніемъ, что страстное увлеченіе его своей идеей есть уже увлеченіе лихорадочное, болѣзненное: намъ всегда становится дороже подъ-конецъ то, чѣмъ мы когда-то жили, и что, мы чувствуемъ, уходитъ отъ насъ. Но, уступая во многомъ своимъ предшественникамъ, „Кошелекъ“ замѣчателенъ по строгой и рѣзкой опредѣленности своего направленія.

Съ благоговѣйнымъ уваженіемъ относится Новиковъ въ своемъ новомъ изданіи къ русской старинѣ. Онъ говоритъ, что праотцевъ нашихъ (это слово написано даже съ большой буквы) украшали „великія добродѣтели“ [1]), которыя онъ сравниваетъ съ „истинными драгоцѣнными жемчугами“ [2]); какъ великаго счастья, желаетъ издатель „Кошелька“ своимъ читателямъ — „пользоваться древними россійскими добродѣтелями“ [3]). — „Надлежитъ дѣлать добро не по принужденію, но по склонности сердца (говоритъ русскій въ разговорѣ съ французомъ, которому онъ помогъ въ нуждѣ, слѣдуя обычаю предковъ). Предки наши во сто разъ были добродѣтельнѣе насъ, и Земля наша не носила на себѣ исчадій, не имѣющихъ склонности къ добродѣянію и не любящихъ своего Отечества“ [4]). — „И въ древнія времена Россіяне свои имѣли пороки“ (говоритъ французу безпристрастный нѣмецъ); но „всѣ народы во всякія времена имѣли особые пороки: прочитая со вниманіемъ свою исторію, увидишь тамъ варварства еще болѣе, нежели сколько его было въ Россіи“. Древніе руские нравы были чисты, и если бы можно теперь возвратить ихъ,

---

[1]) „Кошелекъ“, сатирич. журналъ Новикова 1774 года. Изд. А. Афанасьева. М., 1858 г. Предисл., стр. 7—8.

[2]) Тамъ же, стр. 9—10.

[3]) Тамъ же, стр. 11.

[4]) Тамъ же, стр. 24.

„тогда бы можно было поставить ихъ образцомъ человѣку“ [1]). — Слѣды древнихъ нашихъ доблестей видитъ Новиковъ и въ современной ему русской дѣйствительности: добродѣтели предковъ нашихъ, говоритъ онъ, „нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ еще и нынѣ осіяваютъ“ [2]). Эти доблести и добродѣтели Новиковъ не считаетъ явленіемъ случайнымъ, — онъ признаетъ ихъ свойствами нашего народнаго характера. Идея народности была для него совершенно ясна: осмѣивая наше увлеченіе чужестраннымъ, онъ говоритъ: „какъ будто бы природа, устроившая всѣ вещи съ такою премудростію, и надѣлившая всѣ Области свойственными климатамъ ихъ дарованіями и обычаями, столько была несправедлива, что одной Россіи не давъ свойственнаго народу ея характира, опредѣлила ей скитаться по всѣмъ Областямъ и занимать клочками разныхъ народовъ разныя обычаи, что бы изъ сей смѣси составить новый ни какому народу несвойственный характиръ, а еще наипаче Россіянину“ [3]). Новиковъ указываетъ и существенныя свойства нашего народнаго характера. Въ „Разговорѣ между Россіяниномъ и Французомъ“ [4]) французъ изображенъ человѣкомъ увлекающимся безъ достаточныхъ для увлеченія поводовъ, онъ быстро переходитъ отъ отчаянья къ радости, отъ благодарности къ холодной насмѣшливости; это отражается и въ его рѣчи, состоящей изъ восклицательныхъ предложеній. Русскій, напротивъ, спокойно владѣетъ собою, говоритъ благоразумно и здраво и останавливаетъ неосновательные порывы своего собесѣдника. Русскій оказывается человѣкомъ добрымъ и довѣрчивымъ: онъ помогаетъ французу своими деньгами, вѣритъ его слову, считаетъ его честнымъ и благодарнымъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ тотъ его нагло обманываетъ. „Русскіе люди въ разсужденіи наукъ и художествъ (говоритъ честный и безпристрастный нѣмецъ) [5]) столькожъ имѣютъ остроты, разума и проницанія, сколько и Французы, но гораздо болѣе имѣютъ твердости, терпѣнія и прилѣжанія“. — Изъ этой характеристики и вообще изъ приведенныхъ выше выписокъ мы

[1]) Тамъ же, стр. 52—54.

[2]) Тамъ же, стр. 8.

[3]) Тамъ же, стр. 8—9.

[4]) Тамъ же, стр. 20—27.

[5]) Тамъ же, стр. 51.

можемъ сдѣлать заключеніе, что нашъ народный характеръ считаетъ Новиковъ въ „Кошелькѣ" высшимъ, чѣмъ характеры другихъ народовъ; еще въ „Живописцѣ" называлъ онъ Русь „несравненною подъ солнцемъ страною". — Но въ то же время Новиковъ видитъ, что наша довѣрчивость, граничащая съ легковѣріемъ, есть добродѣтель весьма сомнительная: она приводитъ насъ къ самымъ печальнымъ результатамъ, — къ слѣпому увлеченію всѣмъ французскимъ, къ рабскому преклоненію передъ нимъ. „Сіе весьма достойно примѣчанія (съ удивленіемъ говоритъ самъ французъ)[1], что хотя Нѣмецъ и Англичанинъ Русскихъ не обманываютъ, и обходятся съ ними правдиво и честно, однакожъ они ихъ не любятъ... на противъ того Французу открыта внутренность души и сердца Русскаго человѣка". Русскій понимаетъ, что французъ „хочетъ надъ нимъ господствовать и управлять имъ по своимъ выгодамъ", но онъ ему „повинуется и притворяется того не примѣчающимъ: словомъ сказать, обхожденіе Русскаго съ Французомъ можно уподобить человѣку порабощенному порокамъ, который иногда чувствуетъ, что дѣлаетъ порочное; однакожъ дѣлать онаго не перестаетъ". — Изъ приведенныхъ словъ видно, что къ нѣмцамъ и англичанамъ „Кошелекъ" относится сочувственно. Въ статьѣ „Разговоръ между Нѣмцомъ и Французомъ"[2] Нѣмецъ нарисованъ человѣкомъ дѣйствительно ученымъ, честнымъ и трудолюбивымъ, не имѣющимъ сословныхъ предразсудковъ, цѣнящимъ добрыя свойства русскаго характера и негодующимъ на обманы француза. — Совсѣмъ иначе относится „Кошелекъ" къ Франціи: онъ не видитъ въ ней истинныхъ добродѣтелей, — въ ней есть только, по его мнѣнію, внѣшній ложный блескъ: „если бы Франція столько имѣла жемчуговъ (говоритъ онъ), сколько имѣла Россія, то никогда бы не стала выдумывать бусовъ; *нужда и бѣдность мать вымысловъ*". „А нынѣ (продолжаетъ сатирикъ) развращеніе во правахъ учителей нашихъ столь велико, что они и изъясненіе нѣкоторыхъ добродѣтелей совсѣмъ потеряли, и столь далеко умствованіями своими заходятъ, что во адѣ рай свой найти уповаютъ"[3]. Многіе французы „пропитанія

[1] Тамъ же, стр. 47.
[2] Тамъ же, стр. 28—54.
[3] Тамъ же, стр. 10.

неимѣющіе", или ремесленники, преимущественно „волосо-подвиватели", пріѣзжають въ Россію съ купленными дворянскими паспортами[1]), выдають себя за ученыхъ людей, и, будучи круглыми невѣждами, беззастѣнчиво берутся воспитывать дѣтей знатныхъ лицъ, „будущую опору государства". Представителемъ подобныхъ личностей является въ „Кошелькѣ" „Шевалье-де-Мансонжъ"[2]). Они научають своихъ воспитанниковъ болтать по-французски и ненавидѣть все русское. И они не считають себя поступающими нечестно. „Глупо дѣлають родители (нагло говорить Шевалье-де-Мансонжъ"[3]), что поручають воспитаніе дѣтей своихъ мнѣ; а я напротивъ того дѣлаю очень умно, желая получать деньги даромъ". Обманывая русскихъ, онъ разсуждаеть такимъ образомъ: „вѣдь они не соотечественники мои; да если бы возможность человѣческая была, такъ бы я и единоземца своего перехитрилъ: моя философія гласитъ: *обманывай дурака, въ томъ ни грѣха, ни стыда нѣтъ*"[4]). — И вотъ вліянію такихъ то лицъ мы подчиняемся, говоритъ „Кошелекъ", мы увлекаемся „нѣкоторыми снаружи блестящими дарованіями иноземцовъ"[5]), мы становимся ихъ обезьянами, и начинаемъ презирать и ненавидѣть все русское: нашу старину, добрыя свойства нашего народнаго характера, нашъ языкъ, — рѣчь наша до того испещрена иностранными словами, что, если мы не примемъ противъ этого сильныхъ мѣръ, то „Россійскій языкъ никогда не дойдетъ до совершенства своего"[6]). Увлекшись французскими нравами, мы стали — „живы, остры, вѣтряны, насмѣшливы"[7]); мы научились порядочно одѣваться, узнали правила „нѣжнаго, учтиваго и пріятнаго обхожденія". Безъ французовъ „не знали бы мы (пишетъ въ „Кошелекъ" щеголь), что такое танцованье, какъ войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу, и одною ею разныя изъявлять страсти и показывать состояніе души и сердца нашего. Если бы не переняли мы отъ Французовъ

---

1) Тамъ же, стр. 116—121.
2) Тамъ же, стр. 28—54.
3) Тамъ же, стр. 40.
4) Тамъ же, стр. 43.
5) Тамъ же, стр. 8.
6) Тамъ же, стр. 13.
7) Тамъ же, стр. 59.

пріятнаго и вольнаго обхожденія съ женщинами, то могли ли мы безъ сего пріятную вести жизнь" [1]). Вмѣсто этого (думаетъ „Кошелекъ") потеряли мы наши старинныя добродѣтели. „Россія тогда только можетъ называться просвѣщенною, когда Петербургъ сдѣлается Парижемъ (заключаетъ свое письмо щеголь) и когда всѣ наши крестьяне будутъ разумѣть по Французски: чему, сей патріотъ (прибавляетъ Новиковъ) въ свободное отъ чесанія волосовъ время, обѣщается сдѣлать проектъ" [2]). — Картина нашихъ пороковъ вышла весьма мрачной. „О когда бы силы человѣческія возмогли" (говоритъ Новиковъ устами нѣмца) [3]) возвратить намъ наши погубленные нравы! „Кажется мнѣ, что мудрые древніе Россійскіе Государи, яко бы предчувствовали, что введеніемъ въ Россію Наукъ и Художествъ наидрагоцѣннѣйшее россійское сокровище, нравы, погубятся *безвозвратно!* — Но тутъ выходитъ въ словахъ журнала замѣчательное противорѣчіе: какъ могли наши нравы „погибнуть безвозвратно", если народный характеръ нашъ идеально прекрасенъ? Ихъ погубили науки? Но Новиковъ, горячій борецъ за просвѣщеніе, не могъ въ „наукахъ и художествахъ" видѣть вреда. Въ „Кошелькѣ", онъ относится къ просвѣщенію съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и всюду: „Франція за распространеніе наукъ и художествъ одолжена (говоритъ онъ) [4]) вѣку Людовика XIV: а въ Россіи судьбою предоставлена была *сія слава* Екатеринѣ Великой"; далѣе онъ предсказываетъ быстрые успѣхи наукъ въ Россіи и выражаетъ желаніе, чтобы эти предсказанія сбылись. Новиковъ не могъ, въ то же время, не видѣть страннаго противорѣчія, и въ душу его должно было закрасться сомнѣніе въ полной правдѣ его идеала. Это сомнѣніе должно было явиться тѣмъ болѣе, что довольно сильное проявленіе его мы замѣтили уже раньше, во 2-й части „Живописца": въ самомъ „Кошелькѣ", какъ мы знаемъ, указывается на нашу излишнюю довѣрчивость и снисходительность, какъ на источникъ различныхъ пороковъ. Сомнѣніе, дѣйствительно, и явилось: проведеніе идеи, которую хотѣлъ Новиковъ положить

[1]) Тамъ-же, стр. 73—74.
[2]) Тамъ-же, стр. 78.
[3]) Тамъ-же, стр. 52—53.
[4]) Тамъ же, стр. 51—52.

въ основаніе „Кошелька“, не могло спокойно итти дальше, какъ только была высказана мысль, что наши нравы погибли „безвозвратно“. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ, съ 4-го № журнала, начинаетъ Новиковъ печатать письмо какого-то щеголя, приверженца Франціи и ея языка; письмо защищаетъ новые наши нравы и указываетъ на недостатки древней Руси. Многія мысли письма, дѣйствительно, таковы, что ихъ могъ высказать пустоголовый франтъ, не знающій и презирающій свое отечество; такъ, напр., тамъ говорится, что лучшіе писатели о древней Россіи — иностранные, и изъ нихъ самые безпристрастные — французы въ родѣ „Абе де-Ш...“ (т.-е. аббата де-Шаппа)[1]; что любовь къ отечеству есть смѣшное и устарѣвшее чувство[2]; что помощью обхожденія съ французами можно, „ничему не учась, сдѣлаться ученымъ человѣкомъ“ и „критиковать дѣла военныя, гражданскія и политическія; осмѣивать государственныя учрежденія, и показывая себя все знающимъ, ни чему не удивляться“[3]. Но, съ другой стороны, письмо слишкомъ умно, чтобы его могъ написать щеголь; возраженія, сдѣланныя въ немъ „Кошельку“, слишкомъ серьезны. „Вамъ было должно родиться (говоритъ издателю врагъ нашей старины) давно давно; то-есть, когда древнія Россійскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно: когда Русскіе Цари въ первый день свадьбы своей волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ Царицами, и тамъ же обѣдали; когда всѣ науки заключалися въ однихъ святцахъ; когда разные меды и вино пивали ковшами; когда женилися, не видавъ невѣсты своей въ глаза; когда всѣ добродѣтели замыкалися въ густотѣ бороды; когда за различное знаменованіе — - — сожигали въ срубахъ, или изъ особливаго благочестія живыхъ закапывали въ землю; словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуются нынѣ варварствомъ“[4]. Что было въ Россіи въ древнія времена при множествѣ мелкихъ князей? (говоритъ авторъ письма). Времена эти не блистали „добродѣтельми человѣколюбивыми“, а славились междоусоб-

---

1) Тамъ же, стр. 60 и 64.
2) Тамъ же, стр. 58 и 59.
3) Тамъ же, стр. 76.
4) Тамъ же, стр. 59 и 60.

ными войнами, жестокостью, братоубійствомъ, вѣроломствомъ въ договорахъ и коварствомъ [1]). Царь Иванъ Васильичъ свергъ иго татарское и распространилъ свои владѣнія; но нравы въ Россіи остались тѣ же и невѣжество то же: „ибо бичемъ, ярмомъ и мечемъ нравы никогда не исправляются“ [2]). При послѣдующихъ царяхъ Россія стала просвѣщаться; но въ чемъ состояло это просвѣщеніе? „Только въ томъ, что Россіяне иностранныхъ стали почитать за человѣковъ: — какое просвѣщеніе! Какая рѣдкая добродѣтель!“ [3]). „Скажите мнѣ (спрашиваетъ ненавистникъ древней Руси), были ли въ Россіи науки и художества, чѣмъ всѣ просвѣщенные народы славятся? Были ли великіе Полководцы, Министры, Политики?... словомъ сказать, во всѣхъ частяхъ наукъ, художествъ и просвѣщенія были ли великіе люди? — Никакъ“ [4]). Вы восторгаетесь древнею Русью (обращается авторъ письма къ издателю), утверждаясь только „на словесныхъ объявленіяхъ старожиловъ, которые говорятъ: „*въ старину-то было хорошо жить; въ старину-то были люди богаты; въ старину-то хлѣбъ родился; въ старину-то были люди умны*, и проч.“; но „не всѣ словесныя извѣстія (замѣчаетъ онъ) заслуживаютъ вѣроятіе“ [5]). Таковы мысли защитника Франціи; и нельзя не сознаться, что между ними есть много дѣльныхъ и умныхъ. Могъ ли все это говорить щеголь?! Да на „щегольскомъ нарѣчіи“ не хватило бы ни словъ, ни оборотовъ для выраженія подобныхъ идей. Вотъ почему Новиковъ и выразился, что онъ *перевелъ* „французскія реченія“ письма. Онъ не перевелъ ихъ, — онъ просто не могъ, при всѣхъ своихъ знаніяхъ въ модномъ нарѣчіи, написать письмо этимъ нарѣчіемъ (я говорю *написать*, ибо едва ли можетъ быть сомнѣніе, что письмо не прислано въ „Кошелекъ“ щеголемъ, а сочинено въ редакціи). А между тѣмъ Новикову написать письмо моднымъ языкомъ было бы выгодно, ибо тогда враждебныя ему мысли явились бы на свѣтъ въ роняющей ихъ достоинство смѣшной формѣ. Но дѣло въ томъ, что Новиковъ самъ не считалъ

[1]) Тамъ же, стр. 68.
[2]) Тамъ же, стр. 70.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, стр. 72.
[5]) Тамъ же, стр. 64.

этихъ мыслей смѣшными и ничтожными: въ предисловіи къ письму онъ называетъ ихъ „сильными“: „я не смѣлъ утаить (говоритъ онъ)[1] сильныхъ выраженій и доказательствъ въ защищеніе моего Француза въ томъ письмѣ находящихся; а при томъ не хотѣлось мнѣ оставить писавшаго ко мнѣ писмо безъ отвѣта, чтобы не возмнилъ онъ, что возраженія его справедливыя и опровержены быть немогущія: къ тому въ прибавокъ немалое участіе имѣло и желаніе показать читателю моему, что не злословіе, но любовь къ отечеству побудила меня издать сіи разговоры, которые писавшему ко мнѣ письмо не понравились“. Новиковъ здѣсь какъ будто оправдывается; онъ какъ будто старается остановить сильныя сомнѣнія, которыя, кажется ему, могутъ быть возбуждены письмомъ въ душѣ читателя; онъ обѣщаетъ опроверженія... Но мы знаемъ, что этихъ опроверженій не послѣдовало. И едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что ихъ и не могло послѣдовать: болѣе чѣмъ вѣроятно, что за „сильными выраженіями и доказательствами“ письма кроются не мысли литературныхъ враговъ Новикова, а его собственныя сомнѣнія, въ идеальномъ значеніи древнихъ русскихъ началъ. Это, вѣроятно, и было причиной прекращенія „Кошелька“ на девятомъ листѣ, или, лучше сказать, на пятомъ, потому что четыре послѣднихъ уже не проводятъ идеи, которую хотѣлъ проповѣдовать „Кошелекъ“. Есть, впрочемъ, извѣстіе, будто „Кошелекъ“ скончался не своею смертью, а былъ остановленъ, — будто „эпиграммы на французовъ дошли до свѣдѣнія французскаго посольства, и посланникъ началъ смотрѣть на Новикова, какъ на орудіе англичанъ“[2]. Но извѣстіе это весьма сомнительнаго достоинства: во-первыхъ, оно бездоказательно; во-вторыхъ, отношенія Новикова и имп. Екатерины были въ 1774 году, какъ мы знаемъ, весьма хороши; черезъ Козицкаго поднесъ онъ императрицѣ въ началѣ іюля этого года первый, а въ концѣ — третій листы „Кошелька“[3]); хорошія отношенія сохранились и по прекращеніи этого журнала, — мы видѣли, что „Вивліоѳика на 1775 годъ“ издавалась при поддержкѣ импе-

[1]) Тамъ же, стр. 54 и 55.

[2]) Сборн., издав. студ. С.-Пб. унив. Вып. I, 1857 г. „Библіогр. замѣтки“, стр. 322—323.—„Отеч. Зап.“, 1839 г., № 1, статья о „Кошелькѣ.“

[3]) „Лѣт. рус. лит. и древн.“, т. IV, 1862 г., Письма къ Козицкому, стр. 45.

ратрицы. Въ письмѣ къ Козицкому отъ 22 іюля 1774 года[1], при которомъ были приложены два экземпляра третьяго листа „Кошелька". Новиковъ проситъ Козицкаго увѣдомить его „угодны ли сіи листы Ея Величеству, ибо сіе одно (говоритъ онъ) и есть моею цѣлію, чтобы всегда дѣлать ей угодное. Сіе бы самое увѣдомленіе послужило мнѣ одобреніемъ къ продолженію оныхъ". Изъ этихъ словъ видно, что Новиковъ надѣется на одобреніе. Но если даже предположить, что этого одобренія не послѣдовало, что императрица остановила „Кошелекъ", какъ остановила прежде „Живописецъ", то нельзя не признать, что внѣшній толчокъ явился какъ нельзя болѣе кстати: онъ сдѣлалъ только то, что и безъ того должно было сдѣлаться: „Кошелекъ" не могъ бы существовать дольше.

Въ послѣднемъ изъ своихъ сатирическихъ журналовъ Новиковъ не касается крѣпостного права. Причиною этого была, конечно, невозможность говорить о положеніи крестьянъ послѣ судьбы крестьянскаго вопроса въ „Живописцѣ"; кромѣ того, въ этомъ обстоятельствѣ имѣло значеніе, быть можетъ, и время, въ которое издавался „Кошелекъ", — 1774 годъ, годъ пугачевскаго бунта. Впрочемъ вопроса о сословіяхъ, о сословной гордости журналъ коснулся: „стыдно дѣлать безчестные дѣла (говоритъ умный и благородный нѣмецъ)[2]): напротивъ того, ни какова безчестія не дѣлаетъ низкое состояніе".

Въ 6, 7 и 8 листахъ „Кошелька" напечатана комедія изъ народнаго быта, подъ заглавіемъ „Народное игрище". Комедія плоха, но мысль вызвавшая ее, достойна замѣчанія: авторъ пьесы говоритъ въ письмѣ къ издателю, что онъ задумалъ сочинить нѣсколько комедій для народнаго „Ѳеатра", ибо находитъ иностранныя комедіи, „де Тушевы и другія", „для народа мало полезными". Новиковъ выражаетъ полное сочувствіе мысли автора и желаетъ, чтобы онъ „устоялъ въ своемъ словѣ и сочинилъ бы нѣсколько Комедіи для народа. Нѣтъ нужды въ томъ (прибавляетъ Новиковъ), что въ нихъ не будутъ сохранены ѳеатральныя правила, лишь бы замыкалось въ оныхъ правоученіе, и по чаще представлялись бы примѣры, къ подражанію народному годные: то-есть добрыи слуга, честный купецъ, трудолюбивый хлѣбопашецъ и симъ

[1]) Тамъ же.

[2]) „Кошелекъ", стр. 31.

подобные. Сіе было бы весьма не худо"[1]). Изъ этихъ словъ видно довольно заурядное, слабое литературно-критическое пониманіе Новикова; но въ то же время здѣсь высказанъ здоровый, жизненный взглядъ на театръ, какъ на школу для народа.

Въ первомъ листѣ „Кошелька" напечатана статья, осмѣивающая пристрастіе наше къ иностраннымъ словамъ и оборотамъ рѣчи. Въ этой статьѣ Новиковъ призываетъ все общество на исправленіе русскаго языка; каждый изъ насъ, говоритъ онъ, долженъ слѣдить за своею рѣчью, изгонять изъ нея все нерусское, — тогда только, при общихъ усиліяхъ, русская рѣчь можетъ прійти къ совершенству. Съ сильной ироніей говоритъ онъ о тѣхъ людяхъ, которые думаютъ, будто это — не дѣло частныхъ лицъ, а дѣло „особо учрежденныхъ мѣстъ, которыя денноночно о томъ пекутся, или по малой мѣрѣ пещися долженствовали бы"[2]); съ такой же ироніей отзывается онъ и о медленности трудовъ этихъ „особо учрежденныхъ мѣстъ", подъ которыми, по всей вѣроятности, должно разумѣть Академію Наукъ. Въ этой статьѣ, какъ и во многихъ другихъ, въ Новиковѣ сказывается писатель, задавшійся высокой цѣлью — будить общественную самодѣятельность: Новикова совсѣмъ не можетъ коснуться упрекъ, — будто онъ желалъ опеки правительства надъ каждымъ движеніемъ общества.

Незеленовъ.

„РАЗКАЩИКЪ ЗАБАВНЫХЪ БАСЕНЬ".

Подъ конецъ своей жизни Аблесимовъ выступилъ на журнальное поприще. Въ 1781 году онъ началъ каждую субботу выпускать по нумеру „Разкащика забавныхъ басень", служащихъ къ чтенію въ скучное время; или когда кому дѣлать нѣчево. Стихами и прозою". А се изданіе составило пятьдесятъ два нумера, по восьми страницъ каждый, и стоило по подпискѣ 1 р. 50 к.

На заглавномъ листѣ, а равно и въ самомъ журналѣ нѣтъ прямыхъ указаній, что издателемъ былъ Аблесимовъ. По объ

---

[1]) Тамъ же, стр. 79—80.

[2]) Тамъ же, стр. 16.

этомъ, во-первыхъ, сохранилось свидѣтельство Зауервейда*), затѣмъ въ одной редакціи „Оды похвальной творцу Мельника“ (находящейся въ рукописномъ сборникѣ Румянцевскаго Музея, № 3039, тетрадь 3) Аблесимовъ названъ „разкащикомъ пресмѣшныхъ басень“. Наконецъ, въ „Разкащикѣ“ помѣщены восемь сказокъ, изданныхъ Аблесимовымъ въ 1769 г., при чемъ одна изъ нихъ („Острый отвѣтъ Черкаса Господину“) приписана издателю журнала.

Н. И. Новиковъ, зная стѣсненныя денежныя обстоятельства Аблесимова, печаталъ журналъ въ своей типографіи безвозмездно.

Въ первой части „Разкащика“ взятъ эпиграфомъ слѣдующій отрывокъ изъ сочиненій А. А.....

„Нравоученія кто чтится выражать:
Отъ критики никакъ не можетъ убѣжать...
Разумные читать стремятся со вниманьемъ;
А неучь, не понявъ, что есть тутъ основаньемъ,
Невѣжества свово въ себѣ не сохранитъ,
По своенравію всякъ автора бранятъ“.

Эпиграфъ находится и передъ второй частью:

„Довольно критиковъ, писателей немного;
Невѣжды обо всемъ, что есть, все судятъ строго.
А льзя и то сказать: „легко критиковать;
Но трудно самому въ семъ дѣлѣ успѣвать“.

Изъ сочиненій А... Аза.

Очевидно оба эпиграфа взяты изъ сочиненій Аблесимова. Въ самомъ началѣ „Разкащика“ помѣщено стихотвореніе издателя, обращенное къ публикѣ и представляющее какъ бы програму новаго журнала:

„Любезные сограждане!...
Осьмидесятый годъ прошелъ,
И наступилъ годъ новый;
То случай я нашелъ,
На оный новый годъ служить хоть не обновой;
А подражая лишь минувшимся годамъ,
Журналу своему и я видъ тотъ же дамъ:
Забавны басенки вносить въ него я стану,
До тѣхъ поръ, какъ устану,
Тогда, откланявшись я вамъ, и перестану.
. . . .
...Своихъ попробовать желая силъ;

*) Russische Theatralien 1784 г.

Какъ я вамъ доносилъ,
Что баснями служить на круглый годъ подщуся;
Хоть благосклонностью не ото всѣхъ я льщуся;
Да такъ уже и быть, скрѣпяся всей душей,
Хулы и клеветы пускать мимо ушей!...
Меня никакъ ничто не устрашаетъ;
А развѣ ненависть мнѣ въ этомъ помѣшаетъ...
Такъ я и замолчу;
А вотъ еще что я сказать хочу:
Стремяся въ этотъ трудъ пуститься,
Такъ должно изъясниться.
Въ недѣлю выпускать нельзя мнѣ цѣлый листъ;
За тѣмъ что у меня плохонекъ копіистъ.
По силѣ жъ помочи явлюсь исправнымъ,
И слогомъ вамъ забавнымъ,
Хоть буду выдавать въ семь дней и поллиста;
Да будетъ всякая страница не пуста".

Аблесимовъ желалъ привлечь къ участію въ своемъ журналѣ и другія литературныя силы и въ первомъ же листкѣ „Разкащика" помѣстилъ слѣдующее приглашеніе:

„Любезные сограждане!

Ежели кому угодно сообщать для напечатанія въ семъ журналѣ что и изъ вашихъ сочиненій, относительныхъ баснямъ, съ заключеніемъ правоученія, или кому что заблагоразсудится, оное принимаемо будетъ въ Университетскую книжную лавку, въ коей по разсмотрѣніи безъ отлагательства и помѣщаться не оставится, развѣ что-либо найдется благопристойности противное, таковое сочиненіе не узритъ свѣта".

Призывъ Аблесимова не остался безъ отвѣта. Въ его журналѣ находимъ нѣсколько произведеній постороннихъ лицъ, подписавшихся или полной фамиліей, или начальными буквами. Несомнѣнно, что и подъ нѣкоторыми псевдонимами въ „Разкащикѣ" скрываются откликнувшіеся на приглашеніе издателя сотрудники.

Въ 25-мъ листѣ помѣщено стихотвореніе В. Майкова: „Къ открытію дома, называемаго Призрѣніе въ старости и врачеваніе немощныхъ. Надпись къ больницѣ". Впрочемъ это стихотвореніе было помѣщено въ 1776 г. въ „Собраніи разныхъ сочиненій и повостей" и перепечатано Аблесимовымъ потому, что „все то, что должно быть въ незабвенной памяти, нужно кажется сохранять сего остатки"... Кромѣ того, Неустроевъ

приписываетъ В. И. Майкову „Мадригалъ пѣхотнаго полку полковнику“, подписанный буквами В. М. (листъ 29). Оба эти небольшія по объему стихотворенія незначительны и по содержанію, особенно второе, и совершенно не соотвѣтствуютъ намѣренію издателя журнала: „баснями служить на круглый годъ“.

Еще незначительнѣе было сотрудничество коллежскаго переводчика Ивана Кореставца. Въ 25 листѣ онъ помѣстилъ стихи „Ко дню уже торжествованія открытія дома врачеванія немощныхъ“. Гораздо больше и согласно съ направленіемъ журнала помогалъ неизвѣстный намъ писатель, подписавшійся буквами И. С. Его трудами составленъ весь 5-й листъ.

Другой неизвѣстный сотрудникъ Аблесимова скрывался за буквами И. М. Первая его попытка печататься въ „Разкащикѣ“ была неудачна. Въ 8-мъ листѣ издатель отвѣчаетъ Господину Согражданину И... М..., что его стихи не будутъ напечатаны. Въ листѣ 15-мъ И... М... беретъ на себя продолженіе статьи „Констансъ и Вифъ“, начало которой помѣщено за подписью Пимена Трещоткина въ листѣ 11-мъ. Очевидно, что псевдонимъ „Трещоткинъ“ принадлежитъ И... М... Трудами этого же писателя былъ изданъ весь листъ 28-й. Наконецъ въ листѣ 31-мъ помѣщена его „Ода на надежду“. Въ листѣ 46-мъ находится эклога „Эфитъ“, подписанная буквами Ф. Г. Нѣтъ сомнѣнія, что за всѣми этими буквами нигдѣ не скрывается самъ издатель журнала. О стихотвореніяхъ 5-го листа, подписанныхъ буквами И. С., мы находимъ въ 6-мъ листѣ (въ отвѣтѣ издателя Строгомыслову) свидѣтельство самого Аблесимова, что они принадлежатъ не ему, а присланы отъ одного согражданина. Отношенія между Аблесимовымъ и И... М... указываютъ на нетождественность этихъ двухъ лицъ. Аблесимовъ, напримѣръ, отказывается помѣстить его стихотвореніе, печатаетъ послѣ его статьи „Констансъ и Вифъ“ критику на это дѣйствительно очень слабое произведеніе. Если бы эклога „Эфитъ“ была написана самимъ Аблесимовымъ, то онъ, конечно, не рѣшился бы въ своемъ журналѣ одобрительно отзываться объ ней. Затѣмъ цѣлый рядъ статей подписанъ псевдонимами. Попытаемся опредѣлить, которые изъ нихъ принадлежатъ самому Аблесимову и которые неизвѣстнымъ сотрудникамъ.

Въ листѣ 6-мъ находимъ посланіе къ „Разкащику“ Строго-

мыслова. Стихотвореніе это, осуждающее рѣзкія выходки И. С. противъ подьячихъ въ 5-мъ листѣ, безъ сомнѣнія, Аблесимову не принадлежитъ. Здѣсь хвалятся первые четыре листа, сочиненные самимъ Аблесимовымъ, и осуждается 5-й листъ, о которомъ Строгомысловъ говоритъ: „Ни смысла, ни затѣй забавныхъ тутъ не видно". Невозможно допустить, чтобы самъ Аблесимовъ, только что пригласившій желающихъ сотрудничать въ новомъ журналѣ, рѣшился такъ рѣзко отзываться о напечатанныхъ въ „Разкащикѣ" произведеніяхъ своего перваго и вдобавокъ столь усерднаго сотрудника.

Желали сотрудничать какіе-то псевдонимы: Скудоумовъ и Странниковъ. Въ листѣ 16-мъ помѣщено стихотвореніе Хворостинина: „Лошадиный охотникъ". По слѣдующей затѣмъ критикѣ и совѣту автору познакомиться съ піитикой Тредьяковскаго можно полагать, что и это стихотвореніе было прислано постороннимъ лицомъ.

Къ чужимъ произведеніямъ надо причислить пять стихотвореній Дружелюбова (листъ 20). Авторъ ихъ дѣлаетъ очень лестный отзывъ о „Разкащикѣ", на что врядъ ли бы рѣшился Аблесимовъ. Кромѣ того, издатель журнала говоритъ, что онъ исправилъ нѣкоторыя мѣста этихъ стихотвореній.

Во второй части „Разкащика" Простяковъ помѣстилъ переводъ переписки Фонтенеля и Юнга. Переводъ не могъ быть сдѣланъ самимъ Аблесимовымъ по его незнанію иностранныхъ языковъ. Не самому Аблесимову принадлежитъ и помѣщенное въ листѣ 6-мъ письмо Пустозвякова къ камердинеру Сисою.

Въ слѣдующей затѣмъ замѣткѣ находится упрекъ автору письма за пользованіе старой мыслью. Понятно, что Аблесимову не зачѣмъ было дѣлать подобное замѣчаніе самому себѣ. Такимъ образомъ приходится считать чужими статьи, подписанныя слѣдующими псевдонимами: Трещоткинъ, Строгомысловъ, Хворостининъ, Дружелюбовъ, Простяковъ и Пустозвяковъ. Всего же несомнѣнно чужихъ статей, подписанныхъ полной фамиліей, начальными буквами или псевдонимами, въ пятидесяти двухъ листахъ „Разкащика" помѣщено около двадцати пяти. Несомнѣнно Аблесимову принадлежатъ статьи въ листахъ 9 и 51, подписанныя псевдонимомъ А... Аза. Встрѣчающійся въ „Разкащикѣ" псевдонимъ „Огорченнои" былъ употребленъ Аблесимовымъ еще раньше во „Всякой

Всячинѣ". Кромѣ того въ „Разкащикѣ" встрѣчаются еще слѣдующія вымышленныя подписи: Судиловъ, Я есмь изъ бѣдняковъ, Благодарный, Отъ стихотворителей стряпчій, Аверкій Малосмысловъ, Сотникъ, Равнодушный, Агафонъ Молодиковъ, К. Примирителевъ, Акиндинъ Смѣльчаковъ. Нѣсколько писемъ въ редакцію „Разкащика" помѣщены совершенно безъ подписи. Обо всѣхъ этихъ произведеніяхъ (числомъ около двадцати) за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ нельзя сказать, принадлежатъ ли они Аблесимову, или постороннимъ лицамъ. Только стихотвореніе за подписью: „Я есмь изъ бѣдняковъ" заключаетъ въ себѣ автобіографическія черты, но слишкомъ общаго характера (военная служба, занятіе поэзіей, постоянная бѣдность). Но что Аблесимовъ выдавалъ иногда свои произведенія за присланныя посторонними лицами, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Такой пріемъ былъ обыченъ въ то время. Такъ въ 7-мъ листѣ Аблесимовъ помѣстилъ свою басню: „Правда и ложь", при письмѣ какъ бы посторонняго лица.

Приглашая желающихъ участвовать въ „Разкащикѣ" Аблесимовъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ихъ статьи не заключали въ себѣ ничего противнаго благопристойности. Когда по поводу стиховъ Н. С. (листъ 5-й), дѣйствительно представляющихъ изъ себя скорѣе грубую брань, чѣмъ остроумную сатиру, Строгомысловъ упрекнулъ Аблесимова, что „Разкащикъ" „многихъ шпетить сталъ ужъ очень смѣло", Аблесимовъ оправдывался тѣмъ, что онъ не могъ не помѣстить въ 5-мъ листѣ стиховъ, присланныхъ ему отъ согражданина съ просьбой принять ихъ. Но впредь, обѣщается онъ, подобныя произведенія „не узрять свѣта". И дѣйствительно, мы видимъ иногда въ „Разкащикѣ" слѣды осторожности издателя при выборѣ присланныхъ статей. Въ листѣ 8-мъ находимъ слѣдующее извѣщеніе „Разкащика":

„Господина Согражданина Н... М... стихи помѣщены не будутъ. Резонъ сего: Разкащикъ забавныхъ басенъ долженъ устоять въ своемъ словѣ и разказывать однѣ замысловатыя приключенія, утѣшающія читателей; а не такія, которыя бы нарядили его въ трауръ". Это не единственный случай осторожности Аблесимова. Также не приняты были стихи Скудоумова. Издатель объясняетъ это тѣмъ, что онъ ведетъ свои разсказы по очереди, и для этихъ стиховъ можетъ не хва-

тить листовъ. Но трудно допустить, чтобы у Аблесимова, который при началѣ изданія сомнавался въ невозможности въ недѣлю наполнить цѣлый листъ, при выпускѣ 11-го листа былъ уже готовъ матеріалъ на цѣлый годъ. Вѣрнѣе, что стихи Скудоумова противорѣчили обѣщанію Аблесимова не радить читателя въ трауръ. Иногда присланныя произведенія не помѣщались вслѣдствіе ихъ обширности, тогда какъ „Разкащикъ составляется изъ одинхъ краткихъ сочиненій" (ч. I. стр. 148). Такую судьбу имѣла эпистола Странникова. По поводу ея обширности въ листѣ 15-мъ было помѣщено небольшое разсужденіе на ту тему, что „коротко изъясненное сочиненіе приноситъ и похвалу автору и не наводитъ скуки читателямъ". Какъ примѣръ краткости слога приводится извѣстное донесеніе Суворова или, какъ онъ здѣсь называется „лаврами украшеннаго воина":

„Слава Богу! Слава и вамъ!
Туртукай взятъ, и я ужъ тамъ".

Довольно часто Аблесимовъ послѣ помѣщенной статьи дѣлалъ въ ней замѣтки критическаго характера. Приведемъ здѣсь нѣсколько подобныхъ примѣровъ. На письмо Пустозвонова (листъ 6) Аблесимовъ замѣчаетъ:

„Матерія сія въ стихахъ замысловата,
О чемъ и говорить;
Да мысль та' оная немножко' старовата".

Въ баснѣ Хворостина „Лошадиный охотникъ" (листъ 16) Аблесимовъ указалъ только стилистическіе недостатки: „Заключеніе приноситъ честь автору; лишь нѣсколько въ стихахъ изреченіи не по выговору приходятъ". Для избѣжанія подобныхъ недостатковъ дается автору совѣтъ читать піитику Тредьяковскаго. Иногда Аблесимовъ дѣлалъ критическія замѣчанія на статьи ненапечатанныя, чтобы объяснить причины ихъ непоявленія. Въ 23-мъ листѣ находимъ слѣдующій отвѣтъ Веселомыслову: „Не прогнѣвайтесь, что піесы ваши въ журналѣ „Разкащика" помѣщены не будуть. Причина тому: первая сказочка очень, очень древненька; а яснѣе сказать, се и крестьянскія бабы наизусть знаютъ, то таковую и печатать не для чего. Что жъ принадлежитъ до стиховъ, то поистинѣ сказать, ни „Разкащикъ", ни люди такого же

ремесла, что изъ нихъ понять, никто не доумѣлся". Произведенія, казавшіяся Аблесимову достойными вниманія, не только печатались, но иногда сопровождались его одобреніемъ. О стихотвореніи В. М. („Мадригалъ", листъ 29-й) онъ замѣчаетъ. : „Таковые стихи достоины того, чтобъ сообщить ихъ свѣту, дабы не остались они въ забвеніи".

Если присланныя пьесы были нѣсколько слабы по мнѣнію издателя, а между тѣмъ ихъ все же стоило помѣстить на страницахъ „Разкащика", то Аблесимовъ самъ выправлялъ ихъ. Такъ онъ поступилъ со стихами Дружелюбова (листъ 20). Одно двустишіе Дружелюбова сохранилось въ „Разкащикѣ" въ первоначальной редакціи автора и въ исправленной Аблесимовымъ. Приведемъ здѣсь для сравненія обѣ редакціи:

(Первоначальная)

„Естьли бы ты Аргосъ не стоочимый былъ
И глазъ одинъ имѣлъ, то ты бъ Циклопомъ слылъ".

(Исправленная)

„Когда бы Аргосъ ты не стоочимый былъ
А глазъ одинъ имѣлъ, то бъ ты Циклопомъ слылъ".

Разсмотрѣвъ отношенія между Аблесимовымъ и его сотрудниками, посмотримъ теперь, какъ относился издатель къ публикѣ. Начиная вторую часть „Разкащика", Аблесимовъ обратился къ публикѣ съ слѣдующими словами, въ которыхъ подводитъ итогъ взглядамъ читателей на его журналъ:

„Господа Читатели! Окончивъ первую половину сего года и приступая ко второй, долженъ изъясниться. Въ изданныхъ уже двадцати шести листкахъ Разкащика нравились инымъ стихи, другимъ же больше проза... А кто, не встрѣтя иногда въ иномъ чего-либо для себя примѣчательнаго, хотя и читалъ, но только не съ такимъ удовольствіемъ, какъ напротивъ то же самое читали другіе. А нѣжный женскій полъ не удостоивалъ взять и въ прелестныя свои руки листочка Разкащика, затѣмъ что не выражалось въ немъ такихъ сочиненій, которыя бы привлекали къ чтенію ихъ вниманіе, или лучше сказать, что имъ больше нравится. Военные и паче пѣняли, что въ разсказахъ нѣтъ ничего, до храбрыхъ дѣлъ принадлежащаго... То приличны къ сему стихи слѣдующія:

„На весь свѣтъ и сама не угодитъ природа,
Не переслушаешь клеветъ всего народа".

„Однакоже во второе полугодіе „Разкащикъ“ всеусильно стараться будетъ прилагать силы къ силамъ, дабы въ этомъ недостаткѣ себя, сколько возможно, исправить“.

Дѣйствительно во 2-й части „Разкащика“ находимъ произведенія, которыя могли быть интересными для военныхъ. Въ листѣ 29-мъ перепечатаны стихи В. Майкова: „Мадригалъ пѣхотнаго полку Полковнику“. Кромѣ того въ листкахъ „Разкащика“ помѣщены прозаическая статьи: „Военнослужащій, находившійся въ двухъ походахъ“, и еще: „Надпись къ Инвалидному дому“. Въ угоду же „женскому полу“ Аблесимовъ напечаталъ развѣ только: „Сонетъ, писанный при вступленіи на винтеръ-квартиры въ прусскій городъ Эльбингъ“.

Кромѣ жалобъ части публики на недостатокъ интереснаго чтенія въ „Разкащикѣ“, издателю его приходилось также выслушивать упреки за рѣзкость содержанія нѣкоторыхъ статей. Нами уже указано подобное письмо Строгомыслова. Въ листѣ 16-мъ помѣщено письмо Судилова съ слѣдующимъ упрекомъ: „Такъ не прогнѣвайся, господинъ разкащикъ, за это тебя такъ-то хлещутъ, что ты какъ и въ разумъ себѣ взять не можешь... Кучами разная братья сбираяся говоритъ: можно бы де писать, да все не такъ нахально, а какъ бы нибудь да полегче... а эдакіе разсказы всѣхъ пуще приказнымъ такъ глаза и колютъ, то мы сообща и совѣтуемъ тебѣ отъ эдакихъ разсказовъ унятьея а то быть худу!“ На подобныя обвиненія въ рѣзкости, насмѣшливости и колкости разсказовъ Аблесимовъ отвѣчалъ, что „человѣкъ съ понятіемъ съ удовольствіемъ ихъ читаетъ, а невѣжды судятъ объ нихъ по своему невѣжеству“ (листъ 16-й); что нельзя считать бранью точное выведеніе пороковъ (листъ 39-й). Но, какъ мы уже видѣли, Аблесимову приходилось быть осторожнымъ и не принимать на страницы „Разкащика“ слишкомъ рѣзкихъ статей. Иногда наоборотъ въ „Разкащикѣ“ находимъ статьи съ выраженіемъ сочувствія его издателю. Въ листѣ 20-мъ Дружелюбовъ говоритъ слѣдующія слова: „Цѣлому свѣту извѣстно, что вашъ Разкащикъ — ничто иное какъ бичъ, устремляющійся на пагубнѣйшіе согечественникамъ нашимъ пороки, оныя ужасныя чудовища, вооружающіяся на благосостояніе наше“. Свои пьесы, при семъ присланныя, Дружелюбовъ называетъ „маленькимъ прутикомъ“ и проситъ почтить ихъ присоединеніемъ къ бичу для изгнанія пороковъ. И другіе

писатели выражали свое сочувствіе новому журналу не только на словахъ, но и на дѣлѣ, присылая для помѣщенія въ немъ свои сочиненія.

Большую часть статей, помѣщенныхъ въ „Разкащикѣ", составляютъ статьи характера сатирическаго. Не излагая изъ листа въ листъ содержаніе „Разкащика", мы постараемся собрать по группамъ всѣ или лучшія произведенія, въ которыхъ осмѣивается одинъ и тотъ же недостатокъ общественной жизни и указываются мѣры для исправленія этого порока. Во 2-мъ листѣ помѣщенъ разсказъ: „Мужикъ, ищущій чести". Мужикъ работникъ, добросовѣстно относившійся къ ночлежникамъ своего хозяина, часто слышалъ отъ нихъ себѣ похвалу за то, что онъ „знаетъ честь". Захотѣлъ онъ узнать, что это такое честь, а въ деревнѣ узнать не отъ кого: всѣ крестьяне торгаши да подрядчики. Отправился онъ въ городъ, чтобы отыскать честь и наняться къ ней, „госпожѣ благонравной", въ работники. Долго онъ искалъ ее, но вездѣ встрѣчалъ насмѣшку и обманъ. Наконецъ онъ попалъ подъ караулъ, но къ счастью былъ представленъ къ судьѣ багоразумному, и тотъ объяснилъ ему, что „честь есть двоякая: первая относится къ большимъ чинамъ, а главная къ благонравнымъ поступкамъ. Послѣдняя заставляетъ человѣка быть кроткимъ, добродѣтельнымъ и нелицемѣрнымъ. Всего паче запрещаетъ дѣлать зло". Но знаніе этой послѣдней чести иногда приносило и вредъ. Въ листѣ 10-мъ издатель помѣстилъ разсказъ, имѣющій характеръ автобіографическій. Здѣсь издатель сообщаетъ о своемъ стѣсненномъ денежномъ положеніи, когда его сталъ тѣснить заимодавецъ. Желая его смягчить, онъ устроилъ для него угощеніе. Заимодавецъ на пиру сталъ удивляться, что его должникъ, обладая умомъ, не могъ себѣ нажить ни домовъ, ни деревень, ни денегъ, какъ это сдѣлали другіе. Все это происходитъ оттого, что онъ честенъ и ведетъ себя, по предписанному правилу. А извѣстно:

„Кто въ бѣдности возросъ,
То какъ онъ не трудится,
Да будучи честной въ поступкахъ человѣкъ,
Во весь свой вѣкъ
Не можетъ онъ никакъ обогатиться".

Но это не должно смущать честнаго человѣка, и издатель въ другомъ мѣстѣ (листъ 10) открыто объявляетъ, что

„Въ жизни честь всего дороже:
Сохрани тебя въ томъ Боже!
Знай, кому и золъ хоть рокъ,
Но *намъ* бѣдность не порокъ“.

Противъ людей, не раздѣлявшихъ подобнаго взгляда и жившихъ не по чести, направилъ Аблесимовъ сатиру своего журнала и больше всего противъ „гораздо плотно присусѣдившихся къ взяткамъ подьячихъ“ (листь 6). Чтобы добыть денегъ, они совершали „премнога злодѣиства“, не пренебрегали такими средствами, какъ садиться играть въ карты съ своимъ „просельщикомъ“ въ надеждѣ, что тотъ догадается для успѣха своего дѣла проиграть подьячему значительную сумму (листъ 12-й). Поступающіе въ приказную службу очень легко смотрѣли на предстоящую имъ дѣятельность:

„Наука не хитра приказнаго порядка:
Тутъ надобна догадка,
Тутъ надобна ухватка,
Дѣла вершить,
И какъ просельщика изъ прибыли душить,
И истины его лишить“. (Листъ 6-й).

Не мудрено, что при такихъ взглядахъ достигнувшій желаемаго мѣста, „за деньги совѣсть бросаетъ подъ порогъ“ (ibidem). Даже честные и добросовѣстные люди, служа вмѣстѣ съ продажными судьями и подьячими, „какъ только успѣли сѣсть за красное сукно, то столько испортились, заразяся мздоимствомъ, что на себя уже нимало и походить не стали“ (листъ 31). Привыкнувъ во время службы безстыдно брать взятки, подьячій, выйдя въ отставку и очистивъ такимъ образомъ

„... свои отъ взятокъ руки,
Не зналъ, что дѣлать съ скуки“.

Въ „Разкащикѣ“ указываются причины такого явленія. Прежде всего взяточничество такъ крѣпко держится вслѣдствіе снисходительности и слабости законовъ:

„Нѣтъ у насъ еще такого образца,
Чтобъ былъ когда-нибудь за взятки кто повѣшенъ“.
(Листъ 6).

Съ другой стороны въ этомъ виновато само общество:

„Когда бъ подъячихъ мы не сами баловали
И поводъ имъ къ тому не сами подавали,
Они бъ не плутовали,
Они бъ не воровали“.

Во „Всякой Всячинѣ“ мы находимъ подобное же мнѣніе, что жалобы на подьячихъ умалились бы, „если бы менѣе было около нихъ искушателей“ (стр. 160).

Въ самомъ обществѣ являлись сутяги и ябедники, которые, задавая подьячимъ пирушки, неся имъ денежную дань, „теснили мелкую сошку изъ ближнихъ соседей“, добивались того, что „виноватымъ сталъ правый народъ“ (листъ 26). Такой ябедникъ приносилъ не меньше вреда, чѣмъ продажный подьячій:

„И бѣгать всѣмъ его потребно, какъ урода,
И видомъ черзокъ онъ, какого бъ ни былъ рода“.

Подобный человѣкъ выведенъ въ стихотвореніи „Выколотый глазъ“ (листъ 10). Сутяга, узнавъ о проигрышѣ своего несправедливаго иска, съ досады выкололъ глазъ стряпчему, когда тотъ сообщилъ ему это извѣстіе.

Но все же среди этой кляузной и продажной массы попадались и честные люди. Въ стихотвореніи „Правдивый судъ“ разсказывается, какъ бѣднякъ, притѣсняемый богачомъ, дождался справедливаго и выгоднаго рѣшенія дѣла (листъ 46). Стихотвореніе это Аблесимовъ заканчиваетъ желаніемъ, чтобы вездѣ для блага общества сіяло правосудіе:

„О еслибъ правый судъ повсюду сей имѣли:
Обидчики бъ чинить нападковъ ужъ не смѣли“.

Само правительство, понимая вредъ неправосудія и будучи лишь безсильнымъ въ борьбѣ съ нимъ, съ радостью вознаграждало честныхъ судей. Въ листѣ 3-мъ (статья „Долгъ“) приводится примѣръ подобной благодарности правительства. Судья, будучи принужденъ „по чину“ дѣлать издержки, ни разу не взялъ ни съ кого взятки, почему и оставилъ своимъ наслѣдникамъ не капиталъ, а долгъ. Тогда правительство, узнавъ объ этомъ, выплатило этотъ долгъ.

Но бывало и нѣчто противоположное. Неудачникъ по службѣ (одинъ изъ бѣдняковъ) жалуется, что, онъ, служа лѣтъ съ двадцать, нигдѣ не могъ припасти себѣ „ни алтына въ прокъ“, потому что умъ, которымъ „полезныя науки введены“, ничего не значитъ безъ счастія и фортуны (листъ 17). А фортунѣ „Разкащикъ“ говоритъ:

„Злымъ счастіе дѣля, честныхъ ты презираешь,
Желая тѣмъ казать слѣпую власть свою.
. . . .
Причиной ты одна, что честность оставляютъ,
Награды то твои къ тому ихъ устремляютъ“. (Листъ 20).

Но обманъ царствовалъ не только между судьями. Этимъ недостаткомъ отличались и другіе члены общества. Сильно онъ былъ распространенъ между купцами. Имъ ничего не стоитъ, залвавъ въ лавку мужика, продать ему за самый лучшій, мягкій хлѣбъ, не только черствый, но отчасти и загнившій (листъ 2). Продавцы,

„У коихъ щегольки
Берутъ на вексельки
Гнилымъ товаромъ смѣло“,

готовы стоять за свою правоту, говоря, что „торговое то дѣло“ (листъ 32).

Такими же безчестными разорителями щегольковъ являются тѣ,

„Кто деньги въ ростъ даетъ
И гривны двѣ на рубль на мѣсяцъ лишь беретъ„ (Ibidem).

Но не надолго хватало этимъ щеголькамъ занятыхъ денегъ: вору, забравшемуся въ ихъ карманъ, приходится извиняться, что онъ, видя на щеголѣ цвѣтное платье, думалъ въ карманѣ найти много денегъ (листы 18 и 19).

Такой вѣтреный молодой человѣкъ, поступивъ на службу, начиналъ жаловаться, что „оная въ низкихъ чинахъ трудненька“ (листъ 18). Цѣлью жизни онъ считаетъ лишь одни развлеченія:

„На то я сотворенъ, себя чтобъ утѣшать,
На что же о дѣлахъ мнѣ голову ломать?“ (листъ 16).

При такомъ нерасположеніи къ серьезнымъ занятіямъ онъ торопится начать веселую жизнь по своему вкусу. Случалось, что

„Онъ тѣмъ лишь занимался,
Что въ саночкахъ зимой по улицамъ катался,
О прочихъ же дѣлахъ не мало не радилъ. (Ibidem).

Иногда такой человѣкъ предавался съ особенной страстью псовой охотѣ и тратилъ на нее всѣ деньги. Его страсть къ псовой охотѣ могла дойти до того, что онъ загрызалъ пойманнаго волка, заѣвшаго его любимую борзую (листъ 9).

Карточная игра, кромѣ безплодной потери времени, могла совершенно разорить неопытнаго человѣка, попавшагося въ руки „ремесла сего искуснику, обыгрателю“, особенно когда во время игры начинались „рюмочные стуки“ (листъ 29). Но всего больше общество занималось „наукой страсти нѣжной“.

„Въ сей вселенной, во предѣлахъ,
Въ городахъ, деревняхъ, селахъ,
Всюду царствуетъ любовь.
Воспаляя страстью кровь“. (Листъ 16).

Чувство это, когда оно возникало не на почвѣ взаимнаго влеченія, требовало какихъ-нибудь поддерживающихъ его мѣръ въ видѣ разныхъ подношеній и подарковъ, такъ что волокитамъ приходилось „возлагать вседневно жертвы на алтарь“. При строгомъ надзорѣ за дѣвушкой волокиты начинали дѣйствовать письменно „съ расположеніемъ уговорить ее отъ отца къ уходу и съ обнадеживаніемъ на ней жениться“. Иногда здѣсь дѣйствовали расчеты на приданое за женой, такъ какъ случалось, что влюбленный одинаково терзался и любовью и безденежьемъ. Когда же вслѣдствіе неудачи онъ собирался бѣжать отъ жестокой на край вселенной, то по безденежью ему приходилось ограничиваться бѣгствомъ въ свое старинное обиталище, въ трактиръ (листъ 44). „Разкащикъ“, соглашаясь, что

„Не можно не влюбляться,
Съ симъ свойствомъ всѣ родятся“,

считаетъ смѣшнымъ старика, который во всѣхъ влюбляется, хотя у него

„Во ртѣ зубовъ ужъ съ половину нѣтъ,
Тупенько зрѣніе..:“

Понятно, что всѣ его старанія безуспѣшны, потому, что

„Пріятны женщинамъ всѣмъ юные мущины,
И отвратительны со сѣдиной морщины". (Листъ 47).

Съ другой стороны и дамы не прочь были поразвлечься такимъ же образомъ. Посѣщеніе „Ваксаля" не доставило щеголихѣ никакого удовольствія, хотя „по разнымъ мѣстамъ играла музыка, славную представляли оперу, и былъ хотя небольшой фейерверкъ, только можно сказать „изрядный". Причиной ея грусти было то обстоятельство, что она все время, „какъ сирота, была одна". Знакомые въ насмѣшку называли ее „провинціальной дамой", потому что городская щеголиха не должна была бы дождаться такого позора, не быть ни съ кѣмъ въ интригѣ (листъ 26). Сорокалѣтняя, полусѣдая женщина, спрятавъ свою старость „подъ уборъ и подъ множество румянъ", готова цѣлый вѣкъ слыть кокеткой и считаетъ истиннымъ счастьемъ „кокетствовать и мущинамъ отвѣщать" (листъ 28). При такомъ взглядѣ на любовь, иногда съ примѣсью денежныхъ расчетовъ, заключаемые браки не могли быть счастливыми. Мужъ красавицы, приходитъ къ слѣдующему заключенію:

„Красавица жена, достойно то хвалы,
Но мужу есть она ничто, какъ кандалы". (Листъ 9).

Съ другой стороны влюбчивый господинъ лишь только женился на богатой дѣвушкѣ и получилъ деньги,

„По склонности опять пустился въ сердцетатство,
Гдѣ бъ случаемъ кого изъ женщинъ не обрѣлъ,
И только лишь узрѣлъ
Нарядну, но притомъ такъ стару, будто клушу,
Готовъ отдать ей душу.
Съ ней вступитъ въ разговоръ,
Предприметъ выхвалять сперьва ея уборъ,
Какой она для глазъ мужскихъ прелестный носитъ,
И какъ онъ ей къ лицу;
Потомъ поцѣловать у ней онъ ручку проситъ,
Но рѣчь не доведя еще къ концу,
Примѣтя у другой сунтельну ножку,
И стройный башмачекъ,
Къ ней сдѣлавши скачекъ,
Съ ужимкой страстною приближаесь понемножку,
И сядетъ подъ бочекъ". (Листъ 23)...

Всѣ эти предававшіяся своимъ страстямъ люди (щеголихи, петиметры и т. п.) совершенно не понимали ничтожества своего существованія. Они смѣялись надъ непохожимъ на нихъ человѣкомъ за то,

„Что въ чтеньи и письмѣ проводитъ столько время
И самовольное кладетъ на себя бремя,
Въ цвѣтущихъ лѣтахъ жизнь прескучную ведетъ
И не по модному во многомъ онъ живетъ.
Какъ время убивать, не знаетъ онъ на свѣтѣ,
Съ утра до вечера не мычется въ каретѣ,
По модѣ живучи не смотритъ онъ въ лорнетъ,
И скаредно притомъ танцуетъ менуетъ.
Онъ танцы выше всѣхъ наукъ не почитаетъ,
И бѣдно кто одѣтъ, того не презираетъ.
Французскихъ словъ въ языкъ россійскій не кладетъ".

Самъ Аблесимовъ высоко цѣнилъ науку и понималъ ея значеніе, и въ его журналѣ мы находимъ слѣдующій сочувственный отзывъ о наукѣ. „оная есть преполезное дѣло человѣческому роду".

„Блаженъ тотъ, котораго природа, производя въ свѣтъ, одаритъ смысломъ; блаженнѣе еще, когда къ оному по склонности его изощренъ будетъ науками. Таковой впослѣдствіи (ежели онъ добронравенъ), пріобрѣтаетъ честь, славу, почтеніе, и отдаютъ ему по достоинствамъ во всемъ справедливость. И колико тотъ бѣденъ, который хотя и рожденъ съ талантами, да по несчастію воспитыватели укоснили въ юности просвѣтить разумъ его ученіемъ... въ таковомъ если и будутъ и примѣчательны замашки его дарованій, но не можно ему безъ науки нигдѣ блеснуть оными, и отъ того самаго остается онъ весь вѣкъ свой никѣмъ не знаемъ, да и такъ и закоснѣетъ (листъ 27). Но изученіе наукъ не можетъ приносить пользу людямъ, мало къ этому способнымъ: „Неимѣющему божественнаго дара, то есте врожденнаго смысла, какое не преподавай ему ученіе, все онъ останется шаль, невѣжда и членъ въ обществѣ ни къ чему неспособный, или яснѣе сказать повѣса повѣсой". (Листъ 39).

Помимо указанныхъ пороковъ Аблесимовъ въ рядѣ стихотворныхъ и прозаическихъ статей нападаетъ еще на нѣкоторые другіе, болѣе мелкіе: хвастливость, скупость, гордость.

Кромѣ сочиненій сатирическаго характера, наполнившихъ, впрочемъ, большую часть журнала, въ „Разкащикѣ“ встрѣчаются еще произведенія характера идиллическаго, лирическаго, философскаго, повѣствовательнаго.

Во всѣхъ пятидесяти двухъ листахъ „Разкащика“ помѣщено только одно идиллическое произведеніе, и то принадлежащее постороннему лицу, скрывшемуся подъ буквами Ф. Г. Это — эклога „Эфить“. Содержаніе ея обычный томный разсказъ о страданіяхъ пастушка, столь частый и однообразный у Сумарокова. Но здѣсь эта заурядность сглаживается нѣсколько тѣмъ, что пастушокъ страдаетъ въ разлукѣ не съ милой, а съ отцомъ.

Лирическихъ произведеній въ „Разкащикѣ“ тоже немного. Стихотворенія В. И. Майкова и Корестовца уже были упомянуты. Въ 31-мъ листѣ помѣщена „Ода на надежду“, подписанная начальными буквами И... М... Въ листѣ 28-мъ находится еще нѣсколько стихотвореній того же автора. Первое изъ нихъ, очень недурное по своей выразительности и сжатости, не имѣетъ особаго заглавія. Въ немъ воспѣвается могущество Творца. Здѣсь видно вліяніе извѣстной оды Ломоносова, выбранной изъ Іова. Слѣдующія оба озаглавлены „Къ человѣку“. Первое изъ нихъ болѣе удачно и говоритъ о непрочности человѣческой жизни. Такимъ образомъ здѣсь уже исчезаетъ главное направленіе журнала, сатирическое, и замѣняется мрачнымъ размышленіемъ. Самому Аблесимову принадлежитъ только одно лирическое стихотвореніе, самое заурядное („Сонетъ, писанный при вступленіи на винтеръ-квартиры въ прусскій городъ Эльбингъ)“. (Листъ 34).

Серьезное направленіе мысли проскальзываетъ еще кое-гдѣ въ листахъ „Разкащика“. Въ стихотвореніи: „Наслѣдники“ Аблесимовъ приходитъ къ слѣдующему выводу:

„Смертный! Что мы? Вѣкъ свой бредимъ
И не числимъ николи,
Что по смерти всѣ наслѣдимъ
Всѣ одну сажень земли“. (Листъ 36).

Въ листѣ 43-мъ разбирается вопросъ, кто изъ смертныхъ можетъ считаться достойнымъ имени человѣка? Отвѣтъ вполнѣ совпадаетъ съ взглядомъ Евангелія о необходимости любить своего ближняго и послужить ему. Въ листѣ 32-мъ нахо-

дится разсужденіе: „О привычкѣ“. Аблесимовъ дѣлаетъ заключеніе, что „въ привычку входятъ только тѣ лица, кои надъ страстями своими господствовать не могутъ“. Въ листахъ 38-мъ, 40-мъ, 41-мъ, 45-мъ, 46-мъ и 51-мъ, помѣщена переписка Фонтенеля съ докторомъ Юнгомъ, переведенная съ французскаго изъ „Натуральной философіи“ какимъ-то Простяковымъ.

Конечно, эти статьи представляютъ лишь слабыя попытки къ отвлеченному мышленію, но и попытка по тому времени заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Наконецъ мы видимъ въ „Разкащикѣ“ рядъ краткихъ повѣстей и разсказовъ, не подходящихъ къ разсмотрѣннымъ уже типамъ статей. Вѣрнѣе это анекдоты, нерѣдко остроумные. На первомъ мѣстѣ здѣсь надо поставить статью: „Стоялецъ“, гдѣ очень живо и весело разсказано, какъ бѣдный офицеръ-постоялецъ, присужденный по недостатку средствъ постоянно ѣсть супъ и кашу, объясняетъ насмѣшливому хозяину это однообразіе своего стола тѣмъ, что каждому офицерскому чину уже назначены извѣстныя кушанья, и ему какъ поручику можно ѣсть только супъ и кашу (листъ 37). Къ такому же роду статей можно отнести еще слѣдующія произведенія: „Новобрачные“, „Рѣдкій случай“, „Размолвка“, „Странность“, „Бѣднякъ“, „Безграмотница“ (листы 21, 24, 32, 33, 37, 38).

Хотя ни одна изъ этихъ статей не можетъ сравниться по достоинствамъ съ статьей: „Стоялецъ“, но всѣ онѣ отличаются живостью разсказа.

Аблесимову не разъ приходилось вступать въ полемику съ противниками изъ литераторовъ или изъ публики, при чемъ онъ всегда отстаивалъ право обличать въ литературныхъ произведеніяхъ общественные пороки. Но ему приходилось полемизировать и въ защиту своихъ собственныхъ произведеній, указывать ихъ достоинства. Въ листѣ 37-мъ какой-то критикъ прямо упрекаетъ Аблесимова въ томъ, что тотъ при своемъ невѣжествѣ и безсмысліи взялся за веденіе журнала и такимъ образомъ позоритъ писателей и раздражаетъ музъ. Въ слѣдующемъ листѣ кто-то предупреждаетъ Аблесимова, что противъ него соединились „Пѣвецъ, зависть и злоба“. Но „Разкащикъ“ не боится этихъ враговъ: онъ помнитъ, какъ нападали на „Мельника“, и какъ эта піеса была принята публикой.

„Чтожъ? про Мельника хоть пѣли
И порочить что хотѣли,

Вышло дѣло наконецъ:
Славы звукъ не уменьшили
А лишь только погрѣшили.
Не французской то глупецъ
Мельникъ въ русской всей одеждѣ
Ходитъ такъ, ходилъ какъ прежде ..
То прошу сказать къ сему:
По французскому ль уму
Свыше честь дана ему?"

Иногда Аблесимовъ прибѣгалъ къ пріему, весьма обычному въ журналистикѣ XVIII в., помѣщая, напр., комическія объявленія о потерѣ разума заслуженнымъ критикомъ, о бѣгствѣ совѣсти отъ г. Сумасбродова (листъ 42) или рисуя современные пороки въ портретной галлереѣ Зломысла, Вертопраховой и другихъ.

Стихотворенія „Разкащика" отличаются иногда оригинальностью размѣра. Примѣръ такого оригинальнаго размѣра находимъ въ стихотвореніи: „Выколотый глазъ" (листъ 10):

„Былъ крючкотворцемъ
Ябедникъ лютъ.
Онъ съ ратоборцемъ
Вшелъ какъ-то въ судъ,
Ябеникъ тутъ,
Сущій сей плутъ,
Сильно тягался,
Зла домогался,
Какъ бы нибудь
Выдумать путь
Просьбу настроить
Все то присвоить,
Чѣмъ завладѣлъ".

На ряду со статьями, болѣе или менѣе удачными по содержанію и формѣ, находимъ много статей, совсѣмъ неудачныхъ (склоненія грамматическія, листъ 4), неправдоподобныхъ по содержанію („Голландскій быкъ", листъ 7); въ двухъ-трехъ произведеніяхъ трудно или вѣрнѣе даже невозможно понять, что хотѣлъ сказать авторъ. („Сновидѣніе", листъ 20-й; „Прикащикъ", листъ 27-й; „Новопріѣзжій", листъ 29-й). Также крайне неудачно сочиненіе Н. М.: „Констансъ и Вифъ" (листы 11 и 15). Самъ Аблесимовъ видѣлъ слабость этого произведенія.

Въ листкахъ „Разкащика“ Аблесимовъ перепечаталъ 8 своихъ произведеній, напечатанныхъ еще раньше (въ 1769 г.). Часто эти сказки передѣланы совершенно заново. Сказка 1-я (китайская) вошла переработанною въ составъ стихотворенія: „Разговоръ съ ученымъ“ (листы 1 и 2). Въ 1-мъ листѣ перепечатаны сказки: „Правда и ложь“ и „Хвастунъ“ (озаглавленная прежде: „Женатый хвастунъ“). Въ 10-мъ листѣ находится сказка: „Острый отвѣтъ черкаса господину“. Сказка „Ошибка или острый отвѣтъ мошенниковъ господину“ вошла въ „Описаніе гулянья 1-го мая“ (листъ 19). Сказка „Волокита“ переработана въ стихотвореніе „Влюбчивый“ (листъ 23). Сказка „Карточный обманъ“ въ передѣлкѣ носитъ заглавіе: „Плутовство“ (листъ 52). Въ листѣ 9-мъ перепечатано изъ „Всякой Всячины“ стихотвореніе: „Красавица-жена“.

„Разкащикъ забавныхъ басенъ“ по своей долговѣчности раздѣлилъ участь прочихъ сатирическихъ журналовъ XVIII вѣка и просуществовалъ недолго, всего одинъ годъ. Заканчивая журналъ, Аблесимовъ обратился съ слѣдующими словами къ читателямъ:

„Со истеченіемъ годичнаго времени прерывается и журналъ разсказовъ забавныхъ басенъ! Послѣдняя недѣля — послѣдній и сей листочекъ.

„Не защищая себя, потребно примолвить, что въ выданныхъ по числу недѣль въ году листкахъ согрубилъ много, но согрубилъ только однимъ видимымъ порокамъ, а благонравіе полагалъ первымъ предметомъ, чтобъ его прославить.

„Сколь было силы всей, къ писанью прилежалъ
И слово данное свое во всемъ сдержалъ
Журнала онаго по званью,
Благоразумію стараясь угодить;
Невѣжество же симъ привелъ къ негодованью.
Всѣ разно начали о семъ судить.
Пороки поклялись своей душею:
Разкащикъ гдѣ бъ попалъ, сломить ему тутъ шею.
Въ томъ случаѣ чтожъ сказать?
Потребно замолчать“.

Аблесимовъ первый разъ въ литературѣ выступилъ съ сочиненіями сатирическими (если не считать единственную его напечатанную элегію: „Сокрылися мои дражайшія утѣхи“).

Сатирическое направленіе сохраняется во все время его литературной деятельности. Но последнія его сатирическія произведенія уступают по достоинству „Сказкамъ“ и „Былямъ“ (1769—1770 гг.). Собственно говоря, сатира Аблесимова не вносить въ литературу никакихъ особыхъ, ему лишь принадлежащихъ идей, но историкъ литературы не можетъ оставить ее безъ разбора, такъ какъ сатиру Екатерининской эпохи, какъ и всякое литературное явленіе, должно разсматривать во всей ея совокупности.

Тушиковъ.

„САТИРА ВЪ СОБЕСѢДНИКѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВА“.

Въ первыхъ книжкахъ „Собесѣдника“ (до VIII) помѣщался другой трудъ императрицы Екатерины II: „Были и небылицы“. Самъ авторъ смотрѣлъ на нихъ только какъ на плоды досуга и говорилъ въ нихъ обо всемъ, что ему приходило въ голову. Нерѣдко онъ отвѣчалъ въ нихъ на разные толки, которые возбуждало появленіе этихъ и другихъ статей, отвѣчалъ на письма, мнимо или дѣйствительно адресованныя къ нему, посредствомъ редакціи „Собесѣдника“. Словомъ, это былъ трудъ легкій, шутливый. Это выражено даже въ одномъ письмѣ къ автору „Былей и небылицъ“: „Съ вами все-таки, сударь, еще переписываеться можно. Вы по крайней мѣрѣ на письма отвѣчаете; а какъ у васъ есть товарищъ, г. сочинитель „Записокъ о Русской Исторіи“, такъ отъ того даже и о полученіи письма не дождешься отповѣди“ [1]). Авторъ отвѣчалъ на это: „Государь мой! Намъ безграмотнымъ на всякія письма отвѣтствовать не трудно, понеже на то не болѣе надобно, какъ только чтобы чернила съ пера текли. Головоломныхъ мыслей у насъ не спрашивается, какъ-то вамъ, государю моему, и всѣмъ читателямъ „Былей и небылицъ“ извѣстно“ [2]). И дѣйствительно, головоломныхъ мыслей нельзя встрѣтить въ „Быляхъ и небылицахъ“. Въ нихъ все легко, шутливо, неглубоко, все писано какъ будто импровизаціей, безъ особеннаго плана и заботы о томъ, чтобы составить стройное цѣлое. Въ этомъ

[1]) „Соб.“ ч. VII, стр. 164.
[2]) Ibid. ч. VII, стр. 177.

отношеніи лучшая оцѣнка „Былей и Небылицъ“ сдѣлана самимъ авторомъ[1]): „Когда начинаю писать ихъ — говоритъ онъ — обыкновенно мнѣ кажется, что я коротокъ умомъ и и мыслями, а потомъ слово къ слову приставляя, мало-помалу строки наполняю: иногда самому мнѣ не въ догадь, какъ страница написана и очутится на бумагѣ мысль кратко-длинная, да и еще съ такимъ хвостомъ, что умные люди въ ней выискиваютъ тонкомысліе, глубокомысліе, густомысліе и полномысліе; но, съ позволенія сказать, все сіе въ собственныхъ умахъ ихъ, а не въ моихъ строкахъ кроется“. Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ, что издателямъ хорошо „имѣть возлѣ бока „Были и небылицы“: когда листа недостаетъ въ книгѣ, тогда заказать можно листъ аки попадьямъ пирогъ у просвирни. Кто такъ послушливъ, чтобъ взялъ перо и наполнилъ листъ, правду сказать, чѣмъ бы ни случилось! Таково дѣло имѣть съ безграмотнымъ: ни отъ одного грамотѣя вы такъ скоро не бываете служебны“[2]).

Въ самыхъ „Быляхъ“ встрѣчаются страницы, которыя именно какъ будто для того только были написаны, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить листъ. Часто авторъ самъ замѣчаетъ это и говоритъ, что начавъ писать, еще не знаетъ, что будетъ говорить дальше[3]). Вотъ страницы полторы и написаны, — говоритъ онъ, — чего? — ничего[4]). По словамъ автора, онъ ничего и не хотѣлъ писать особеннаго; одного только не хотѣлъ онъ, чтобы его произведенія были скучны. Отъ этой скуки дѣлаетъ онъ заклятіе 64-ми подобранными наудачу глаголами, говоря: „пусть ее ищетъ, родитъ, несетъ, влечетъ, даетъ, наноситъ, приноситъ, кормитъ, бережетъ, сѣетъ, выкапываетъ, наговариваетъ, привозитъ, привлекаетъ, причиняетъ, производитъ, приключаетъ, выравниваетъ, наворачиваетъ, напихнетъ, натолкнетъ, напуститъ, надуетъ, накапляетъ, напрѣетъ, начихаетъ, насвиститъ, наиграетъ, напляшетъ, напоетъ, накричитъ, нажурчитъ, нарветъ, навертитъ, навернетъ, привьетъ, навинтитъ, натретъ, наскоблитъ, наложитъ, нашьетъ, наболтаетъ, намотаетъ, насчитаетъ, нальетъ, налѣпитъ, на-

[1]) „Соб.“ ч. VIII, стр. 168—9.
[2]) „Соб.“ ч. VIII, стр. 172.
[3]) „Соб.“ ч. VIII, стр. 185.
[4]) „Соб.“ ч. VIII, стр. 159.

ластъ, нахранить, нагрузить, навалить, нацыхтить, наворчить, набранить, насудить, нагрузить, назѣваетъ, насузить, нагрозить, наколотить, накладеть, настроить, наломасть, изобрѣлеть, или напишетъ кто изволить, лишь бы не встрѣтили ся, читая „Были и Небылицы“[1]). Повтореніе по нѣскольку разъ одного и того же глагола въ этомъ истинномъ наборѣ словъ показываетъ, что авторъ не заботился ни о чемъ болѣе, какъ только, чтобы наставить глаголовъ побольше. Въ свое время, впрочемъ, и это считалось, вѣроятно, очень остроумнымъ.

Съ явнымъ желаніемъ дать просторъ остроумію написаны также, напримѣръ, слѣдующія строки: „если писать нечего, за неимѣніемъ умотеченія, станемъ писать, какъ и что у конца пера явится, о чемъ чрезъ сіе чиню объявленіе...

. . . Уши прожужжали. .
Предварительное.

„Когда лѣтомъ при открытыхъ окнахъ...

„NB. Зимой при закрытыхъ сіе не бываетъ, какъ самому читателю извѣстно.

„... Стрекоза влетаетъ въ низкія хоромы и ища обратнаго пути, вмѣсто неизмѣримаго свода (т.-е. неба), къ которому она привыкла, находитъ нѣсколько локтей отъ земли потолокъ, въ который она ударяетъ, не локтемъ, но головою и крыльями, произнося журчаніе, тѣмъ и другимъ обращаетъ вниманіе находящихся тутъ зрителей, подобно тому... Теперь начинается, о чемъ дѣло... Что? „Были и небылицы“? нѣтъ! не вовсе, я не то сказать хотѣлъ, и вылилось почти такъ, во время еще успѣлъ остановить словесный потокъ“, и пр. Читатель все еще ждетъ чего-то, — но далѣе уже идетъ дѣло о письмахъ, полученныхъ авторомъ, на которыя онъ собирался отвѣчать и никакъ не можетъ собраться. Въ заключеніе, авторъ отъ всего сердца желаетъ читателю разумѣнія сихъ строкъ[2]). Желаніе, конечно, не напрасное, но весьма трудно исполнимое, особенно для тогдашнихъ читателей, которыхъ недогадливость о самыхъ простыхъ вещахъ равнялась

---

1) „Соб.“ ч. VIII, стр. 160.

2) „Соб.“ ч. VIII, стр. 145—146.

только развѣ ихъ нетребовательности, что доказывается почти каждой страницей „Былей и небылицъ".

Изъ всего этого можно уже видѣть, что статьямъ, печатавшимся въ „Собесѣдникѣ" подъ этимъ названіемъ, совсѣмъ нельзя придавать значенія серьезной сатиры, какъ хотѣли нѣкоторые критики. Самъ авторъ подсмѣивается надъ этимъ мнѣніемъ разсказывая о томъ, какъ онъ приписывалъ своимъ статьямъ всеобщее исправленіе нравовъ, замѣченное имъ со времени появленія „Собесѣдника", и какъ среди этихъ мечтаній нашелъ вдругъ свои „Были" употребленными на папильотки и на обертку фруктовъ у разносчика[1]). Въ другомъ мѣстѣ, въ отвѣтъ на желаніе, выраженное въ одномъ письмѣ, чтобы въ „Быляхъ и небылицахъ" было выведено человѣческое тщеславіе[2]), авторъ говоритъ: „Не моему перушку передѣлать, перемѣнить, переломить, убавить, исправить и пр., и пр., и пр., что въ свѣтѣ водится. Я изъ тѣхъ людей, для которыхъ *свѣтъ поди, какъ можетъ*, а жить въономъ, *какъ опредѣлено*. Перемытаривать оный мнѣ казалось дѣло возможное, пока я не слегъ горячкою (которую у насъ запросто называютъ: къ бородѣ), но съ того времени вещи мнѣ инако казаться стали"[3]). И это не иронія, а искреннее убѣжденіе, искреннее, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ литературѣ. Императрица очень хорошо видѣла, что русское общество того времени далеко еще не такъ образовано, чтобы считать литературу за серьезную потребность, чтобы теоретическія убѣжденія вносить въ самую жизнь, чтобы выражать въ своихъ поступкахъ степень развитія своихъ понятій. Поэтому она позволяла писать и то, что ей не нравилось, зная, что это не будетъ имѣть слишкомъ обширнаго вліянія на жизнь общества; возвышала чинами и наградами тѣхъ, чьи произведенія были ей пріятны, для того, чтобы этимъ самымъ обратить общее вниманіе на автора, а такимъ образомъ и на его сочиненія. Въ то время у насъ писали и печатали все безъ разбора: и переводы изъ энциклопедистовъ, и „Эмиля", и поэму на разрушеніе Лиссабона, и путешествіе Радищева; но награды получали Державинъ за „Фелицу", Петровъ за „Оду

---

1) „Соб." ч. II, стр. 128.
2) Ibid. ч. VII, стр. 166.
3) „Соб." ч. VII, стр. 180.

на Карусель", Костровъ за торжественныя оды, и т. п. Это уже много значило и необходимо должно было придать болѣе вѣса въ глазахъ общества твореніямъ послѣдняго рода.

Точно такъ, какъ, покровительствуя литературѣ, великая Екатерина умѣла тѣмъ самымъ указывать ей и надлежащее направленіе, такъ же точно, взявшись за сатирическое перо, она умѣла указать и предметы сатиры въ современномъ русскомъ обществѣ. Въ „Быляхъ и небылицахъ" есть сатира, и, вѣроятно, мягкая и живая, потому что о ней было много толковъ въ то время. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многія письма къ издателямъ „Собесѣдника", свидѣтельствуютъ сами издатели, свидѣтельствуютъ мимолетныя замѣтки и намеки въ другихъ современныхъ произведеніяхъ. Сама Екатерина въ отвѣтъ на присланное будто бы къ ней письмо Петра Угадаева, который угадывалъ лица, изображенныя въ „Быляхъ", писала: „Буде вы и семья ваша между знакомыми вашими нашли сходство съ предложенными описаніями въ „Быляхъ и небылицахъ", то сіе доказываетъ, что „Были и небылицы" вытащены изъ обширнаго моря естества"[1]). Одинъ изъ издателей „Собесѣдника" (конечно кн. Дашкова) замѣчаетъ, что это „совсѣмъ новаго рода сочиненіе служитъ къ украшенію сего изданія"[2]). Въ стихотвореніяхъ Державина встрѣчаемъ нѣсколько намековъ на лица, выведенныя въ „Быляхъ и небылицахъ", и нѣсколько фразъ, пущенныхъ ими въ ходъ (52). Княжнинъ, въ исповѣданіи жеманихи, прямо обращается къ сочинителю „Былей и Небылицъ" и говоритъ, что въ нихъ „какъ въ зеркалѣ себя увидишь" (53). Въ нѣсколькихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Собесѣдникѣ", тоже выводятся лица изъ „Былей и небылицъ"[3]). — Какія же обличенія и нападки возбуждали такъ сильно общее вниманіе? Въ первой же статьѣ[4]) осмѣиваются — самолюбивый, перѣшительный, лгунъ, мотъ, щеголиха, вздорная баба, мелочной человѣкъ. Это самая обильная сатирическимъ элементомъ статья. Въ слѣдующихъ гораздо болѣе болтовни и менѣе подобныхъ портретовъ. Во второй статьѣ находятся насмѣшки надъ пренебреженіемъ къ

1) „Соб." ч. III, стр. 140.
2) Ibid. ч. VII, стр. 178.
3) Ibid. кн. VI, стр. XV, кн. XV, ст. VII и др.
4) „Соб." кн. 2, ст. XX.

литературѣ, да нападки на мелочныхъ критиковъ, да еще выведенъ манорь С. М. Л. Б. Е., въ которомъ „для закрытія“ выпущены буквы А, О, Ю и I, какъ тотчасъ объясняетъ авторъ. Далѣе насмѣшки надъ человѣкомъ, который некстати высказываетъ свое недовольство, надъ женой, не любящей мужа, надъ дѣвушкой, которая бѣлится, и т. д. Большая часть описаній, намековъ и остротъ слишкомъ общи и выражаютъ скорѣе общечеловѣческія страсти, нежели пороки тогдашняго общества. Можетъ быть и дѣйствительно находились личности, которыя узнавали здѣсь себя, но, во всякомъ случаѣ, это не была характеристика общества. Гораздо болѣе характернаго находимъ мы въ бѣглыхъ замѣткахъ, которыя тамъ и самъ понемножку разсѣяны въ „Быляхъ и небылицахъ“. Такъ, будто мимоходомъ, но постоянно, авторъ вооружается противъ пристрастія къ иноземному, особенно французскому; противъ того, когда человѣкъ тянется, чтобы выйти изъ своего состоянія, противъ непостоянства, часто мѣняющаго заведенный порядокъ, противъ умничанья, которое называетъ скучнымъ. Вообще авторъ не любитъ тѣхъ, которые „болѣе плачутъ и разсуждаютъ, нежели смѣются“, и въ своемъ завѣщаніи, въ которомъ передаетъ „Были и небылицы“ другому, желающему продолжать ихъ, заповѣдуетъ: „врача, лѣкаря, аптекаря, не употреблять для писанія ихъ, чтобы не получили врачебнаго запаха: проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять“*). Такъ и въ этомъ выразился блестящій вѣкъ Екатерины, вѣкъ *веселый*, вѣкъ празднествъ, пировъ, безъ заботы объ отдаленномъ будущемъ, съ мыслію, что все на часъ, и что нужно скорѣе пользоваться жизнью.

Во многихъ мѣстахъ также встрѣчаемъ мысль, что нынѣ въ Россіи лучше, чѣмъ прежде. Любопытна въ этомъ отношеніи выходка дѣдушки, который говоритъ, что „въ прежнее время люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся поправленія того-сего; разговоры же сіи вели въ полголоса или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно, громогласіе между нами рѣдко слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ: ибо разговоры, смѣхъ, горе, и все,

*) „Соб.“ ч. VIII, стр. 175.

что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется". Далѣе дѣдушка „для изъясненія сего говоритъ, будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались" [1]). Вообще Екатерина выставляла, какъ великое преимущество своего царствованія, то, что она позволяетъ говорить все, что угодно, и каждый почти стихотворецъ ея времени восхвалялъ ее особенно за это. Даже Вольтеръ воспѣваетъ монархиню:

Qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense

Императрица, разумѣется, охотно, позволяла *говорить*, зная, что отъ этихъ разговоровъ ничего дурного быть не могло, и что чѣмъ больше, чѣмъ безпрепятственнѣе говорятъ, тѣмъ меньше обыкновенно дѣлаютъ. Но она же смѣялась надъ сплетнями и надъ людьми, которые умничали, равно какъ и надъ тѣми, которые выражали свое неудовольствіе, не понимая дѣла. Такъ, напримѣръ, въ „Быляхъ и небылицахъ" [2]) разсказываетъ она объ одномъ человѣкѣ, который „мысли и понятія, которыя сорокъ лѣтъ назадъ имѣлъ, и теперь тѣ же имѣетъ, хотя вещи въ существѣ весьма перемѣнились. Напримѣръ, онъ не ѣдетъ жить въ деревню, боясь разбойниковъ по большой дорогѣ, и о бывшихъ говоритъ, какъ будто нынѣ состоялись. Понынѣ еще жалуется на несправедливость воеводъ и ихъ канцелярій, коихъ однако ужъ нигдѣ нѣтъ; жалуется на внутреннія пошлины по городамъ, какъ притѣсняющія торги, хотя сняты въ 1753 году..." и проч. Но особенно сильно возстала она противъ *свободоязычія* по поводу вопросовъ Фонвизина. Самые отвѣты на эти вопросы, напечатанные въ III части „Собесѣдника" [3]), свидѣтельствуютъ, что вопросы не были пріятны императрицѣ. Тѣмъ не менѣе она не только ихъ напечатала, но даже отвѣчала на нихъ. Только отвѣты эти такого рода, что большая часть изъ нихъ уничтожаетъ вопросы, не разрѣшая ихъ; во всѣхъ почти отзывается мысль, что не слѣдовало объ этомъ толковать, что это — свободоязычіе, простершееся слишкомъ да-

[1]) „Соб." ч. II, стр. 137.
[2]) „Соб." ч. V, стр. 140.
[3]) „Соб." ч. III, стр. 162—166.

леко. Напримѣръ, самый первый вопросъ: „Отчего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія?“ получаетъ такой уклончивый отвѣтъ: „У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему нравится или непонятно“. Второй: „Отчего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?“ разрѣшается: „Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ“. На десятый вопросъ: „Отчего въ нашъ законодательный вѣкъ никто въ сей части не помышляетъ отличиться?“ отвѣчено: „Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго“. Въ отвѣтъ на четырнадцатый вопросъ о томъ, „Почему многіе добиваются чиновъ пронырствомъ и плутовствомъ, чего прежде не было?“ прямо замѣчается, что „Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли“. Наконецъ, на прямую обязанность подданнаго указываетъ смѣлому вопрошателю императрица и въ отвѣтѣ на послѣдній вопросъ: „Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?“ „Въ остромъ и скоромъ понятіи всего — говоритъ она — въ *образцовомъ послушаніи* и въ корени добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ“. Вообще, если мы можемъ удивляться въ этомъ случаѣ смѣлости Фонвизина, то тѣмъ болѣе должны удивляться искусству государыни, съ которымъ она умѣла отклонить своими отвѣтами самые вопросы и въ отвѣтахъ на самые щекотливые изъ нихъ давать чувствовать, что они неумѣстны и не могутъ ожидать прямого рѣшенія. Только на одинъ вопросъ отвѣчаетъ она прямо и рѣшительно, не уклоняясь отъ сущности дѣла. Это пятый вопросъ: „Отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?“ императрица говоритъ: „Для того, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было“. За этотъ отвѣтъ краснорѣчиво и восторженно благодаритъ Екатерину Фонвизинъ въ письмѣ къ ней, напечатанномъ въ V части „Собесѣдника“ *). „Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній — говоритъ онъ — гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судебнымъ можетъ быть извѣстно всей безпристрастной

---

*) „Соб.“ ч. V, стр. 145—148.

публикѣ; воздается достойная хвала праведнымъ судіямъ; возгнушаются честныя сердца неправдой судей безсовѣстныхъ", и проч. При всемъ томъ, сколько извѣстно, никто, кажется, у насъ не воспользовался разрѣшеніемъ великой монархини, и темныя судейскія дѣла, къ сожалѣнію, попрежнему не выходятъ за стѣны судейскихъ архивовъ.

Мы видѣли, что въ самыхъ отвѣтахъ была довольно ясно высказана неумѣстность вопросовъ, что понялъ самъ Фонвизинъ, когда писалъ потомъ въ письмѣ своемъ: „По отвѣтамъ вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно", и потомъ даже нѣсколько разъ принимался оправдываться. „Я думалъ честно — говоритъ онъ — и имѣю сердце, пронзенное благодарностью и благоговѣніемъ къ великимъ дѣяніямъ всеобщія нашея благотворительницы... перо мое никогда не было и не будетъ смочено ни ядомъ лести, ни желчью злобы... Всякое ваше неудовольствіе — заключаетъ онъ — мною въ совѣсти моей ничѣмъ незаслуженное, если какимъ-нибудь образомъ буду имѣть несчастіе примѣтить, приму я съ огорченіемъ за твердое основаніе непреложнаго себѣ правила: во всю жизнь мою за перо не приниматься". Императрица уважила это письмо и замѣтила, что „сей поступокъ г. сочинителя вопросовъ сходствуетъ съ обычаемъ, достойнымъ похвалы, православнаго христіанина, по которому за грѣхомъ вскорѣ слѣдуетъ раскаяніе и покаяніе[1]).

Однакожъ, этого не было довольно. И прежде, и даже послѣ этого письма, авторъ „Былей и небылицъ" нѣсколько разъ выказывалъ свое недовольство и подсмѣивался надъ затруднительнымъ положеніемъ, въ которое поставленъ былъ авторъ ихъ „Отвѣтами". Въ 4-й части „Собесѣдника"[2]) дѣдушка сильно возстаетъ противъ вопросовъ (54) и хотя возможность говорить такъ смѣло опять относитъ къ преимуществамъ того времени, но заключаетъ свою выходку слѣдующимъ образомъ: „Отчего прежде шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ, и весьма большіе?" онъ отвѣчаетъ: „отчего? отчего? ясно, оттого, что

---

[1]) „Соб." ч. V, стр. 151.
[2]) Ib. ч. IV, стр. 168.

въ прежнія времена врать не смѣли, а наче письменно, безъ опасенія".

Такой пріемъ не могъ ободрить Фонвизина, и онъ хотя обѣщалъ продолжать вопросы, но уже не осмѣлился сдѣлать этого. Вообще нужно сказать, что Фонвизинъ не умѣлъ вполнѣ понять великой Екатерины, и конечно вслѣдствіе этого онъ не пользовался расположеніемъ при дворѣ, по свидѣтельству его біографа. Это былъ, конечно, одинъ изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ представителей истиннаго, здраваго направленія мыслей въ Россіи, особенно въ первое время своей литературной дѣятельности, до болѣзни; но его горячія, безкорыстныя стремленія были слишкомъ непрактичны, слишкомъ мало обѣщали существенной пользы предъ судомъ императрицы, чтобы она могла поощрять ихъ. И она сочла за лучшее не обращать на него вниманія, показавъ ему предварительно, что путь, которымъ онъ идетъ, не приведетъ ни къ чему хорошему.

Кромѣ „Былей и небылицъ" изъ сочиненій императрицы Екатерины помѣщена въ „Собесѣдникѣ" „Ежедневная записка Общества Незнающихъ" [1]. Статья эта есть не что иное, какъ пространная насмѣшка надъ незнающими людьми, которые составляютъ общества, собираются, толкуютъ, отдаютъ преимущество мнѣнію того, у кого грудь сильнѣе, и все-таки разъѣзжаются, ничего не рѣшивъ, или кончаютъ дѣло тѣмъ, что записываютъ мнѣніе каждаго члена порознь и потомъ сдаютъ дѣло въ архивъ. Результатъ всѣхъ засѣданій состоитъ развѣ въ томъ, что на членовъ общества жалуются сосѣди за раннія ихъ собранія, говоря, что каретнымъ стукомъ мѣшаютъ многимъ спать [2]. Теперь трудно рѣшить, съ какимъ намѣреніемъ написана эта статья; но, вѣроятно, императрица имѣла въ виду какое-нибудь дѣйствительно существовавшее общество, гдѣ дѣла рѣшались не обыкновеннымъ приказомъ, а общимъ собраніемъ, на которомъ каждый изъ членовъ имѣлъ право подавать голосъ.

Съ такимъ характеромъ является участіе великой Екатерины въ „Собесѣдникѣ". Мы нарочно долго останавливались на разборѣ произведеній, помѣщенныхъ здѣсь ею, имѣя въ

---

1) „Соб." ч. VIII, стр. VI.

2) „Соб." ч. VIII, стр. 40.

виду прослѣдить ея участіе въ литературѣ нашей, не офиціальное, а такъ сказать приватное, домашнее. Для разбираемаго нами журнала это особенно важно. Во-первыхъ, Екатерина признавала себя однимъ изъ издателей его. Во вступленіи къ отвѣтамъ на вопросы Фонвизина прямо сказано: „Издатели „Собесѣдника“ раздѣлили трудъ разсматривать присылаемыя къ нимъ сочиненія между собою понедѣльно, равно какъ и отвѣтствовать на оныя, ежели нужда того потребуетъ. Сочинитель „Былей и небылицъ“, разсмотрѣвъ присланные вопросы отъ неизвѣстнаго, на оные сочинилъ отвѣты“ *). Эти слова ясно показываютъ, что Екатерина принимала участіе въ изданіи. Но даже, если мы оставимъ въ сторонѣ это обстоятельство, то и тогда нельзя не видѣть, что образъ мыслей и воззрѣній императрицы не могъ не имѣть сильнаго вліянія на духъ журнала, издававшагося однимъ изъ приближеннѣйшихъ къ ней лицъ, и котораго большую часть она сама наполняла своими литературными трудами.

Вмѣстѣ съ императрицею руководила изданіемъ кн. Е. Р. Дашкова. Ея имя напечатано на первыхъ же строкахъ объявленія о „Собесѣдникѣ“. Сначала даже всѣ статьи для журнала присылались къ ней, и только уже по выходѣ 14 № „Собесѣдника“ объявлено было, чтобы статьи присылались въ Академію, а еще позже, что онѣ будутъ принимаемы „въ той комнатѣ, гдѣ присутствуютъ находящіеся при Академіи совѣтники“ (55). Такимъ образомъ, на кн. Дашковой лежалъ главный трудъ изданія. Изъ статей кн. Дашковой ни одна не подписана ея именемъ.

Несмотря на то, что не можемъ указать навѣрное статей самой кн. Дашковой въ „Собесѣдникѣ“, мы тѣмъ не менѣе не задумываемся приписать ей весьма большую долю участія въ направленіи и характерѣ всего этого изданія. Журналъ этотъ былъ ея задушевной мыслью: она надѣялась посредствомъ его дѣйствовать на распространеніе знаній, развитіе истинныхъ понятій, на образованіе самаго языка. Болѣе серьезно, нежели всѣ окружавшіе ее, проникнутая просвѣщенными идеями, умѣя вносить ихъ въ самую жизнь, трудившаяся не только для того, чтобы показать свои труды, но и для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ быть полезною для дру-

*) „Соб.“ ч. III, стр. 160.

гихъ, она стояла гораздо выше современнаго ей русскаго общества. Странно себѣ представить молодую дѣвочку того времени, проводившую ночи въ чтеніи потрясающихъ произведеній, отъ которыхъ были тогда въ волненіи умы всей Европы. Еще труднѣе повѣрить, что эта 15-лѣтняя дѣвушка въ непродолжительномъ времени разстраиваетъ свое здоровье сильнымъ умственнымъ напряженіемъ, размышляя о томъ, чтò ею прочитано*). И вотъ ее для развлеченія везутъ въ столицу. Здѣсь она пристаетъ къ каждому иностранцу, надоѣдаетъ каждому путешественнику, котораго увидитъ, разспрашивая ихъ о другихъ странахъ, и потомъ ихъ отвѣты сравниваетъ съ тѣмъ, что видитъ у себя предъ глазами. Это въ ней рождаетъ непреодолимое желаніе путешествовать. Наконецъ она достигаетъ осуществленія своихъ желаній. Она видитъ Европу, посѣщаетъ Дидро, Вольтера, проводитъ время въ задушевныхъ разговорахъ съ этими знаменитостями Европы, столь дорогими ея сердцу еще по воспоминаніямъ дѣтскихъ чтеній (59). Съ обильнымъ запасомъ мыслей и знаній, съ просвѣщенною любовью къ родинѣ, съ желаніемъ служить ей на поприщѣ общественной жизни, возвращается въ Россію, и здѣсь встрѣчаютъ ее назначенія, которыя заставляютъ ее трудиться на поприщѣ ученомъ и литературномъ. Въ этомъ дѣлѣ кн. Дашкова могла сдѣлать много полезнаго, какъ по своей обширной начитанности и развитому уму, такъ и потому, что здѣсь не могли ее встрѣтить интересы, которые бы заставили ее измѣнить честности и правотѣ своихъ стремленій. Она, конечно, не была идеальною женщиной... Дашкова была не совсѣмъ ловкій придворный и имѣла нѣчто священное въ сердцѣ своемъ. Ея чистое направленіе выразилось въ литературѣ уже самымъ выборомъ переводовъ съ французскаго и англійскаго, которые помѣщены ею въ „Трудахъ Вольнаго Россійскаго Собранія". Такое же направленіе отзывается и въ тѣхъ статьяхъ, которыя можно приписать Дашковой. Эти статьи сильно вооружаются противъ того, чтò вообще есть низкаго, гадкаго въ человѣкѣ и что особенно распространено было въ нѣкоторыхъ слояхъ русскаго общества того времени — противъ двоедушія, ласкательства, ханжества, суетности, фанфарон-

---

*) См. „Москв." 1842 г., № 1, стр. 101—4.

ства, обмана, презрѣнія къ человѣчеству. Эти статьи отрадно читать и нынѣ: черезъ 70 лѣтъ еще можно угадывать правдивость, мѣткость, благородную энергію ихъ замѣтокъ. Видно, что это сатира безкорыстная, не руководившаяся ничѣмъ, кромѣ желанія добра. Такъ, напримѣръ, въ посланіи къ слову *такъ*, написанномъ прозою и стихами, сильно поражается ласкательство, и нельзя не сознаться, что примѣры выбраны очень хорошо.

Авторъ пишетъ:

Лишь скажетъ кто изъ баръ: ученіе есть вредно,
Невѣжество одно полезно и безбѣдно,
Тутъ всѣ поклонятся: и умный и дуракъ,
И скажутъ, не стыдясь: конечно, сударь, такъ

Клиръ скажетъ, напримѣръ, что глупо Маркъ[1]) считалъ,
Когда сокровища свои онъ продавалъ,
Когда онъ все дарилъ солдатамъ изъ чертоговъ,
Хоть тѣмъ спасалъ народъ отъ тягостныхъ налоговъ.

Клиръ пустошь говоритъ; но тутъ, почтенья въ знакъ,
Подлецъ ему кричитъ: конечно, сударь, такъ.

Невѣжда, нарядясь въ кафтанъ золотошитый,
Смышляетъ честь купить, гордится подлой свитой;
Хоть честь не купилъ и мыслитъ въ томъ не такъ,
Дуракъ прискажетъ: такъ.

Такальщики всегда подлы; но — говоритъ авторъ

Но самые и тѣ, которымъ потакаютъ,
Не лучше чувствуютъ, не лучше разсуждаютъ.
Кто любитъ *таканье* и слушаетъ льстеца,
Тотъ хуже всякаго бываетъ подлеца.

---

[1]) Маркъ Аврелій.

А между тѣмъ льстецовъ награждаютъ, тогда какъ умные всегда обойдены:

Другой пускай дуракъ,
Но говоря все *такъ*,
Онъ чинъ за чиномъ получаетъ
И въ карты съ барами играетъ;
А тотъ въ передней пусть зѣваетъ
За то, что онъ не льстецъ,
Не трусъ и не подлецъ[1]).

Это „Посланіе къ слову *такъ*“ возбудило толки. Въ 3-й книжкѣ „Собесѣдника“ помѣщено весьма грубое письмо отъ защитника Клировыхъ мыслей. Авторъ этого письма говоритъ о Клирѣ, какъ о лицѣ, хорошо ему извѣстномъ, и оправдываетъ его отзывъ о Маркѣ Авреліи; въ заключеніе же говоритъ съ огорченіемъ: „критики, а особливо вмѣшивающіеся въ дѣла политическія, которыхъ не знаютъ ни малѣйшей связи, всегда будутъ имѣть прекрасное поле разсыпать свои разсказы“ [2]). Издатели замѣчаютъ на это, что „онъ не знаетъ, можетъ быть, кто они таковы, и что письмо это помѣщается для того, чтобы публика сама могла судить, сколь мало благопристойно предложенное сочиненіе, которое, если не послужитъ къ удовольствію читателей, то, конечно, служить можетъ образцомъ неучтивости“ [3]). Впредь же мы будемъ помѣщать только учтивыя критики, говорятъ издатели.

Этимъ письмомъ, вѣроятно, вызванъ „Отвѣтъ отъ слова *такъ*“, несомнѣнно сочиненный въ самой редакціи. Въ немъ находимъ обращеніе къ *сочинительницѣ* посланія къ слову *такъ*, чѣмъ еще подтверждается наше мнѣніе о томъ, что его писала Дашкова [4]). Здѣсь разсказывается о разныхъ лицахъ, которыя обижались намеками этого посланія, узнавали себя въ вымышленныхъ именахъ, вступались за Клариссу, Клира и пр., такъ что „по рѣчамъ ихъ казалось, будто всѣ стихотворцами употребленныя имена имъ весьма знакомы“. Впрочемъ вы ихъ не опасайтесь — говоритъ слово *такъ* автору — они ничего не осмѣлятся сдѣлать вамъ, потому что

---

1) „Соб.“ ч. I, стр. 15—24.
2) „Соб.“ ч. II, стр. 42.
3) Ibid. стр. 45.
4) „Соб.“ ч. III, стр. 146.

Кто любитъ *таканье*, находитъ въ лести вкусъ,
Того душа подла; во всѣхъ дѣлахъ онъ трусъ;
Наединѣ всегда тотъ за себя бранится,
А въ публикѣ всѣмъ льститъ, съ злодѣями мирится [1]).

Это имѣли, кажется, въ виду издатели „Собесѣдника" постоянно, во всѣхъ трудахъ своихъ. Они были въ такомъ положеніи, что нечего было имъ бояться, и, притомъ, кн. Дашкова, которая все-таки была главною распорядительницею журнала, глубоко была проникнута, какъ мы сказали уже, просвѣщенными и благородными стремленіями. Сама императрица всегда старалась показывать просвѣщенную терпимость въ дѣлѣ литературы, сдерживая только тѣ порицанія и обличенія, которыя казались ей несправедливыми или опасными. Въ одномъ письмѣ къ издателямъ „Собесѣдника" сказано: „Держитесь принятаго вами единожды навсегда правила: не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться. Вамъ нѣтъ причины страшиться гоненій за истину подъ державою монархини,

Qui pense en grand homme et qui permet, qu'on pense [2]).

Такимъ образомъ, всѣ свободно могли говорить правду о порокахъ общества и находили себѣ пріютъ въ „Собесѣдникѣ". Изъ свидѣтельства самаго журнала мы знаемъ, что въ редакцію „присылались съ легкою и тяжелою почтою изъ всѣхъ концовъ Россіи огромныя кучи разнообразнаго вранья, и что выборъ былъ затруднителенъ для издателей" [3]). Поэтому въ составѣ книжекъ, въ помѣщеніи такихъ именно, а не другихъ статей, мы должны видѣть собственно участіе вкуса и направленія издателей, въ особенности, когда имѣемъ дѣло со статьями неизвѣстныхъ авторовъ, принадлежащими, можетъ быть, лицамъ, близкимъ къ редакціи. Соображая все это, мы не отдѣляемъ особенно тѣхъ статей, которыя приписываемъ самой кн. Дашковой, а будемъ разсматривать ихъ вмѣстѣ съ другими неподписанными, а иногда даже и подписанными произведеніями, имѣющими тотъ же характеръ, и будемъ слѣдовать порядку разныхъ предметовъ, которые разсматриваются въ этихъ статьяхъ.

---

[1]) Ibid.
[2]) Épitre de Voltaire à Catherine II.
[3]) „Соб." ч. III, стр. 149.

Кромѣ „Посланія къ слову *такъ*“ и краткихъ замѣтокъ въ другихъ статьяхъ, сильную тираду противъ ласкательства находимъ въ статьѣ: „Моя записная книжка“[1]). Здѣсь передается мнѣніе одного человѣка, котораго пріятель называетъ мизантропомъ. Вотъ это мнѣніе: „Вельможа, украшенный титлами и чинами, болѣе ни о чемъ не помышляетъ, какъ сохранить только ту пышность и великолѣпія, которыя его окружаютъ, и удовольствовать свои страсти, какими бы средствами то ни было. Не погнушается онъ унижать себя всячески предъ вышшими, дабы имѣть послѣ удовольствіе оказывать равномѣрную гордость низшимъ, а тѣ, подражая его примѣру, льстятъ его высокомѣрію, для того, чтобы удовольствовать собственныя свои пристрастія. Богатства и чины, будучи первымъ предметомъ желаній вашихъ, препятствуютъ вамъ почитать природныя дарованія. Дабы пріобрѣсти благосклонность вельможи, какимъ ласкательствамъ, какимъ низостямъ не должно себя подвергнуть?... Потому-то не тѣ занимаютъ мѣста, которые своимъ дарованіемъ и знаніемъ удобны ко исполненію, но тѣ, которые имѣли случай, способность и терпѣніе пріобрѣсти себѣ покровителей“[2]). Въ другихъ статьяхъ говорится нерѣдко съ насмѣшкою о разныхъ *милостивцахъ*, а въ статьѣ „Картины моей родни“[3]) выведена тетушка, которая говоритъ: „Кто родню забываетъ а особенно знатную, въ томъ нѣтъ уже Божіей благодати“, и за то, что племянникъ рѣдко ѣздитъ къ ней *покланяться*, называетъ его „беззаконникомъ и даже антихристомъ“.

Все это такія черты, которыя и донынѣ не утратили своего значенія. Онѣ рѣзко характеризуютъ тѣ грубыя понятія, тотъ жалкій образъ поведенія, который произошелъ у насъ отъ смѣшенія стариннаго невѣжественнаго барства съ новымъ чиновничествомъ. Какъ во всемъ почти, у насъ тогда и въ этомъ дѣлѣ обратили вниманіе только на внѣшность. Перестали гонять собакъ и жирѣть въ бездѣйствіи въ глуши деревень своихъ, стали служить дворяне со времень Петра I; но чувство долга, сознаніе того, что они обязаны именно *служить*, а не считаться на службѣ, и служить для того,

---

¹) „Соб.“ ч. XIII, ст. IV.
²) „Соб.“ ч. XIII, стр. 38—39.
³) „Соб.“ ч. XI, ст. V.

чтобы быть полезными отечеству, а не для своихъ выгодъ, — это сознаніе было еще недоступно даже большей части вельможъ того времени. Службу считали средствомъ для полученія чиновъ, для пріобрѣтенія богатства, и потому, вмѣсто того, чтобы служить, всѣ только прислуживались, а потомъ, выбравшись въ люди, сами начинали важничать и требовать, чтобъ предъ ними унижались другіе. И выслужившійся вельможа пускался опять въ древнее барство, только менѣе, чѣмъ прежде, простодушное, а болѣе требовательное и нахальное. Противъ этого тщеславія внѣшними отличіями „Собесѣдникъ" тоже бросилъ мимоходомъ нѣсколько словъ, показывая, какъ они ничтожны и какъ часто бываютъ не заслужены.

Съ благороднымъ жаромъ говоритъ объ этомъ Фонвизинъ въ письмѣ своемъ по поводу отвѣтовъ на его вопросы. „Мнѣ случалось по землѣ своей поѣздить — говоритъ онъ. — Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ или паче занимаютъ мѣста въ службѣ для того, что ѣздятъ на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ, — словомъ, я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ"[1]). Въ „Челобитной Россійской Минервѣ" Фонвизинъ также рѣзко говоритъ о многихъ вельможахъ, коеорые, „пользуясь Высочайшей милостію, достигли до знаменитости, сами не будучи весьма знамениты, возмечтали о себѣ, что сіяніе дѣлъ, Минервою руководствуемыхъ, происходитъ якобы отъ искръ ихъ собственной мудрости, ибо, возвышаясь на степени, забыли они совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые, и что по штатнымъ спискамъ всегда справиться можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди". Подобную замѣтку находимъ въ статьѣ: „Путешествующіе"[2]). „Многіе изъ знатныхъ и богатыхъ — говоритъ авторъ — мыслятъ, что если кто не причастенъ благъ слѣпаго счастія и щедротъ Плутуса, тотъ недостоинъ съ ними сообщенія; а тѣ, которые уже совсѣмъ въ бѣдномъ состояніи, тѣ имъ

---

1) „Соб." ч. V, стр. 147.

2) „Соб." ч. XI, стр. 126.

кажутся не имѣющими на себѣ подобнаго имъ человѣчества"[1]). Примѣръ тому, какъ достигается эта знатность, представляетъ намъ злая сатира „Повѣствованіе глухого и нѣмого", въ 4-й части „Собесѣдника". — „Сосѣдъ нашъ — тамъ сказано — имѣлъ у двора ближняго свойственника и нелицемѣрнаго друга. Сія знаменитая особа былъ дворцовый истопникъ Касьянъ Оплеушинъ, получившій свое прозвище по данной ему отъ гофъ-фурьера оплеухѣ за то, что однажды печь закрылъ съ головнею. Я думаю, однакожъ, и всегда былъ того мнѣнія, что гофъ-фурьеръ поступилъ на сію крайность, послѣдуя болѣе своему первому движенію, нежели правосудію, ибо Оплеушинъ былъ такой мастеръ топить печи, что тѣ, для которыхъ онъ топилъ, довели его своею протекціею наконецъ и до штабъ-офицерскаго чина"[2]).

Люди, получавшіе чины и мѣста такимъ образомъ, не могли безкорыстно исполнять своихъ обязанностей, и оттого между чиновниками господствовали продажность, плутовство, приказныя увертки, направленныя къ преступному искаженію, для своихъ выгодъ, существующихъ законовъ. Это обстоятельство тоже не укрылось отъ сатирической наблюдательности сотрудниковъ „Собесѣдника", и въ немъ встрѣчаемъ нѣсколько горячихъ нападковъ на корыстолюбіе, нѣсколько рѣзкихъ картинъ, представляющихъ намъ, какъ велико было зло въ это время. Въ „Записной книжкѣ" разсказанъ слѣдующій случай. Авторъ заѣзжаетъ къ сосѣду своему Аггею и застаетъ у него какого-то капрала, которому сосѣдъ разсказываетъ, что онъ, капралъ, законный и правильный наслѣдникъ пятидесяти душъ крестьянъ; но — прибавилъ онъ — „понеже ты человѣкъ неимущій и не знающій законовъ, то я, сжаляся на твое состояніе, соглашаюсь у тебя купить сіе имѣніе, и ежели ты дашь мнѣ на оное купчую, то сначала даю тебѣ 50 рублей, а ежели выхлопочу дѣло, то еще 100 прибавлю. Нововыисканный сей наслѣдникъ, который и самъ не зналъ своего благополучія, благодарилъ ему и обѣщалъ купчую совершить. Я не налюбовался на великодушіе моего сосѣда, который сими способами нажилъ уже изрядное имѣніе". Затѣмъ приходитъ одинъ приказный и показываетъ,

---

1) Ibid.

2) „Соб.", ч. IV, стр. 125.

какъ вывелъ онъ родословную какого-то Елисея, который уступаетъ пустошь сосѣду Аггею, и доказалъ, что Елисей „по мужескому колѣну двоюроднаго его брата внучатный племянникъ". „Ничего нѣтъ легче — прибавляетъ онъ — какъ вывести оное въ родословной и показать его законнымъ наслѣдникомъ, хотя, между нами будь сказано, и есть правильнѣе его наслѣдники, но они объ этой землѣ совсѣмъ не знаютъ, и намъ легко будетъ ихъ утаить или написать мертвыми: когда же купчая совершится, и они про то свѣдаютъ, то пусть просятъ и отыскиваютъ законнымъ порядкомъ, а между тѣмъ, какъ въ справкахъ и выпискахъ пройдетъ лѣтъ десятка два-три, то можете вы весь лѣсъ вырубить и продать, а луга отдавать въ наемъ и ежегодно получать съ нихъ втрое больше доходу, нежели вы за всю дачу заплатите"[1]).

Подобныя вещи дѣлались въ Петербургѣ. О томъ, что происходило въ провинціяхъ, даютъ понятіе слѣдующія строки изъ 4-й части „Собесѣдника": „Другой сосѣдъ нашъ былъ титулярный совѣтникъ Язвинъ, знаменитаго подьячаго рода. Онъ купилъ воеводское мѣсто въ Кинешмѣ за 500 рублей, т.-е. за тогдашнюю обыкновенную таксу воеводскихъ мѣстъ среднихъ городовъ. Всякое время имѣетъ свои чудеса. Нынѣ часто деревни въ города обращаются; тогда нерѣдко города преображались въ деревни. Городъ Кинешма подпала подъ сей несчастный жребій. Лишь только Язвинъ въ него прибылъ, казалось, что въ него сама язва ворвалась. Въ первое еще лѣто его благополучнаго воеводствованія уже во всемъ уѣздѣ богатіи обнищаша и взалкаша. Въ два года опустошеніе сдѣлалось въ томъ краѣ всеобщее; наконецъ услышано стало моленіе убогихъ, и на смѣну Язвина присланъ былъ изъ Петербурга воеводою коллежскій асессоръ Исай Глупцовъ. Между тѣмъ, Язвинъ купилъ деревню въ нашемъ сосѣдствѣ и въ нее переселился"[2]). Замѣчательно, что здѣсь не оставлена безъ вниманія эта послѣдняя черта, характеризующая ловкость тогдашнихъ плутовъ увертываться изъ рукъ правосудія. Казалось бы, правительство увидѣло безчестные поступки воеводы, признало его недостойнымъ оста-

---

[1]) „Соб." ч. XIII, стр. 29—31.

„Соб." ч. IV, 129 („Повѣствованіе глухаго и нѣмаго").

ваться при прежней должности, и за всѣ его преступленія онъ долженъ понесть заслуженное наказание; но нѣтъ! онъ выходитъ въ отставку и преспокойно переселяется въ грабежомъ пріобрѣтенную деревню наслаждаться наворованнымъ добромъ. Къ сожалѣнію нельзя не замѣтить, что эта черта подмѣчена слишкомъ вѣрно. Конечно, не безъ намѣренія также сказалъ авторъ, что на мѣсто *Язвина* присланъ былъ *Гурцовъ*. Это напоминаетъ стихи изъ сатиры Капниста:

Куда ни кинь, такъ клинъ: тотъ честенъ, такъ глупецъ;
Другой уменъ, такъ плутъ, ханжа, обманщикъ, льстецъ [1]).

Въ сатирѣ этой, не пользующейся у насъ извѣстностью, которой бы заслуживала, и изъ которой потому я рѣшился сдѣлать нѣсколько выписокъ, находимъ также нѣсколько стиховъ противъ взятокъ. Авторъ говоритъ о своемъ пріятелѣ *Драчѣ*:

Драчъ совѣсть выдаетъ свою за образецъ,
А Драчъ такъ истцовъ дралъ, какъ алчный волкъ овецъ.
Онъ былъ моимъ судьей и другомъ быть мнѣ клялся,
Я взятки дать ему, не знавъ его боялся;
Соперникъ мой его и зналъ и самъ былъ плутъ,
Разграбя весь мой домъ, призвалъ меня на судъ
Напрасно бралъ себѣ законъ я въ оборону,
Драчъ правдой покривить умѣлъ и по закону.
Тогда пословица со мной сбылася та,
Что хуже воровства честная простота:
Меня жъ разграбили, меня жъ и обвинили
И вору заплатить безчестье осудили.

Любопытна также слѣдующая замѣтка въ 12-й части „Собесѣдника“: „Дядя мой мѣшался въ ученость и иногда забавлялъ себя чтеніемъ древней исторіи и миѳологіи, оставляя указы, которые онъ читалъ не для того, чтобы употреблять ихъ оградою невинности, но чтобы, силу ябеды присоединяя къ богатству своему, расширять своего владѣнія земли, что онъ весьма любилъ, — и для того-то любилъ паче всего читать римскую исторію. Насильственнымъ завладѣніемъ чужаго находя онъ великое сходство въ себѣ съ Римскою имперіею, почиталъ потому себя древнимъ Римляниномъ“ [2]).

[1]) „Соб.“ ч. V, стр. 162.
[2]) „Соб.“, ч. XII, стр. 19 „Карт. моей родни“.

Не приводимъ здѣсь нѣсколькихъ мелкихъ замѣтокъ о томъ же предметѣ, потому что и изъ приведенныхъ, кажется, можно хорошо видѣть, какъ живо, умно и смѣло нападалъ „Собесѣдникъ" на сутяжничество и взяточничество, и изъ этихъ нападеній можно заключать, какъ сильно распространенъ былъ у насъ этотъ порокъ. Не удивительно, что многіе сердились и возставали на издателей за подобныя обличенія; но они имѣли тогда щитъ, отражавшій всѣ нападенія. Сама императрица ободряла сатириковъ своимъ примѣромъ, и они умѣли этимъ воспользоваться. Замѣчательно, что несмотря на всю силу и ѣдкость нѣкоторыхъ статей „Собесѣдника", на нихъ нѣтъ жалобъ порочныхъ людей, которые себя въ нихъ узнавали; но зато очень много помѣщалось въ „Собесѣдникѣ" писемъ, въ которыхъ разныя лица жаловались на „Были и Небылицы", осмѣявшія ихъ. Видно, что редакція, зная автора ихъ, недоступнаго никакимъ осужденіямъ, нарочно помѣщала подобныя письма въ своемъ журналѣ, чтобы такимъ образомъ оградить отъ нареканій и свой образъ дѣйствія въ этомъ случаѣ.

Обличая плутовство и корыстолюбіе чиновниковъ, „Собесѣдникъ" преслѣдовалъ и всякій обманъ, всякій нечистый поступокъ, приносящій вредъ матеріальному благосостоянію ближняго. Особенно подверглись его негодованію люди, не платящіе долговъ своихъ и мотающіе на чужой счетъ. Во 2-ой книжкѣ напечатано коротенькое письмо г. *Рыдкобаева*, который проситъ издателей „написать что-нибудь такое, что бы принудило молодчиковъ да и родителей ихъ платить долги"[1]). Въ отвѣтѣ ему говорится, что, дѣйствительно, не платить долговъ не честно, и что при этомъ это вредитъ торговлѣ, потому что купцы, по необходимости, пропавшія суммы въ долгахъ наверстываютъ на покупателяхъ, возвышая цѣну на товаръ. Вслѣдъ за тѣмъ напечатана статья подъ заглавіемъ: „*Покорно прошу прочесть*", въ которой разсказывается исторія *одного человѣка*, который разорился для своего милостивца, былъ имъ принимаемъ, какъ свой, и долго пользовался его ласками. Но когда дѣло пришло до платежа денегъ и разорившійся кліентъ напомнилъ ему о деньгахъ, которыя тотъ долженъ былъ заплатить, то милостивецъ заперъ для несчастнаго свои двери и оставилъ его на произволъ кредиторовъ, которые

---

[1]) „Соб." ч. II, стр. 51.

захватили все его имѣніе и пустили его по міру. Другой несчастный, замѣшанный въ эти же долги, попалъ въ тюрьму и приговоренъ былъ къ ссылкѣ; но — заключаетъ бѣднякъ разсказъ свой — великодушіе „общаго нашего милостивца, большаго боярина, участь его облегчило. Онъ взялъ его на выкупъ и возмечталъ, что онъ тѣмъ долгу человѣколюбія и правосудія удовлетворилъ совершенно“ [1]).

Въ 9-й части „Собесѣдника“ помѣщены „Записки Разнощика“, который описываетъ, какъ онъ собиралъ долги свои. „Обходивъ нѣсколько домовъ для сбора должныхъ мнѣ денегъ, въ иномъ завтраками отпотчивали, въ другомъ отослали до будущаго понедѣльника, въ третьемъ не доложили госпожѣ за болѣзнію, которая приключилась ей оттого, что птичка ея вылетѣла изъ клѣтки и любимая собачка переломила ножку; однимъ словомъ, вмѣсто 300 рублей которые считалъ я тотъ день получить, 13 рублей, мнѣ отдалъ тотъ изъ должниковъ моихъ, который бы скорѣе извиненъ былъ въ неисправности, ибо онъ всѣхъ прочихъ бѣднѣе“ [2]).

Вообще, всякій обманъ, предательство, вѣроломство встрѣчали сильное обличеніе въ „Собесѣдникѣ“. Этого касаются отчасти даже „Были и Небылицы“; но гораздо сильнѣе говорятъ противъ того другія статьи. Въ 14-й части помѣщенъ цѣлый разсказъ „Клеантъ“, въ которомъ выведенъ человѣкъ, обманывавшій своего друга ложною преданностью и между тѣмъ клеветавшій на него.

Въ сатирѣ Капниста есть стихи:

Злохватъ бѣжитъ ко мнѣ, прижавъ къ груди, цалуетъ
И благодѣтелемъ и другомъ именуетъ,
Клянется, что онъ всѣмъ пожертвовать мнѣ радъ,
И клятвами остритъ коварной злобы ядъ.
Онъ рвется, мучится, отчаяньемъ мятется,
Пока конца моей онъ жизни не дождется [3]).

Въ 4-й части находимъ общее обвиненіе; отецъ говоритъ сыну: „я испыталъ, что обращеніе свѣтское и служба за собою влечетъ предательство, ухищренія, зависть, злоключенія и самое умерщвленіе духа“ [4]).

---

1) „Соб.“ ч. II, стр. 64.
2) „Соб.“, ч. IX, стр. 10.
3) „Соб.“, ч. V, стр. 166.
4) Ibid., ч. IV, стр. 116.

Видно, что въ самомъ дѣлѣ понятія объ истинной чести и честности были весьма мало тогда развиты въ нашемъ обществѣ: иначе трудно объяснить себѣ такое невольное обвиненіе, особенно въ устахъ отца, поучающаго сына своего на путь жизни.

Какъ самый отвратительный видъ двоедушія, ханжество и пустосвятство также вызвали порицанія и насмѣшки въ „Собесѣдникѣ“. Нельзя не сказать, что насмѣшки эти очень удачны и остроумны. Въ нихъ схвачены черты очень рѣзкія и въ самомъ дѣлѣ поразительныя. Напр., въ „Повѣствованіи глухаго и нѣмаго“ честный воевода Язвинъ характеризуется еще слѣдующею чертою: однажды укралъ онъ изъ нашего табуна 12 лучшихъ лошадей и на другой день со всею своею окаянною семьею на тѣхъ же краденыхъ коняхъ отправился въ Ростовъ Богу молиться“[1]).

Въ „Картинахъ моей родни“ постная тетушка хвалитъ своего брата за то, что онъ не жжетъ восковыхъ свѣчъ дома. Ужъ нынѣ люди до чего дошли — говоритъ она — что не только равняются, но хотятъ перевысить иконы. Я и имъ свѣтамъ по разбору ставлю. Иныя у меня бѣлаго (воска) и въ праздники не видятъ, а и желтымъ такъ же таки пробавляются“. Эта богомольная старушка оказываетъ особенное расположеніе одному племяннику, который „заслужилъ сіе равною съ нею охотою замаливать то, что вмѣстѣ согрѣшать, а послѣ опять нагрѣшить, чтобы имѣть удовольствіе замаливать“[2]). Эта же почтенная старушка старается поддержать гнѣвъ своего брата на слугъ, „не смотря на то, что она лишь съ церкви отъ вечерни пріѣхала“[3]). Эти слова замѣчательны для насъ потому, что они показываютъ въ авторѣ статьи свѣтлый взглядъ на истинное благочестіе. Не въ исполненіи пустыхъ обрядовъ, но въ чистой любви къ человѣчеству поставляется здѣсь угожденіе Богу. И эта мысль не случайно попадается здѣсь. Она встрѣчается очень во многихъ статьяхъ „Собесѣдника“, и почти въ каждой книжкѣ можно найти или положительное провозглашеніе обязанностей человѣколюбія и сострадашя, или сильное обличеніе жестокосердія, презрѣнія

---

1) „Соб.“, ч. IV, стр. 129.

2) „Соб.“, ч. XIV, стр. 464, 166.

3) „Соб.“, ч. XII, стр. 22.

къ ближнимъ и грубыхъ проявленій эгоизма. Не представляя разсужденій „Собесѣдника", возьмемъ нѣсколько отрывковъ, которые могутъ дать понятіе о лицахъ, какія описаны въ немъ, и какія, конечно, бывали у насъ въ то время.

Въ первой же книжкѣ „Собесѣдника" помѣщена статья „Пріятное путешествіе", въ которой разсказывается, между прочимъ, слѣдующій эпизодъ. Къ одному богачу, во время богатаго обѣда въ его загородномъ домѣ, является бѣдная женщина, которой мужъ былъ благодѣтелемъ этого богача. Увидавъ ее въ окошко, хозяинъ началъ роптать на безпокойство, которое ему причиняютъ бѣдные люди. Когда же она пришла, то онъ на всѣ мольбы о помощи ей и малолѣтнимъ дѣтямъ ея отвѣчалъ сухо, что помочь ей не можетъ, что издержки его и безъ подаянія велики. Такимъ образомъ, отказавъ ей, онъ еще оскорбилъ ее названіемъ нищей, замѣчаетъ авторъ. „Преисполненный омерзѣніемъ, авторъ вышелъ и уже къ недостойному тому богачу болѣе не возвращался"[1]). Затѣмъ слѣдуетъ еще нѣсколько рѣзкихъ обличеній на бездушныхъ богачей. Нѣсколько такихъ выходокъ есть также въ статьѣ „Путешествующіе"[2]), при разсказѣ одного подобнаго случая. Какой-то несчастный, будучи въ Лондонѣ, обратился здѣсь къ своему министру, въ надеждѣ, какъ у земляка и человѣка, найти у него прибѣжище; „но знатный мой, опоясанъ своимъ величіемъ, бѣдняка и до лица своего не допустилъ". Бѣднякъ принужденъ былъ наняться въ матросы на одномъ суднѣ, чтобы имѣть возможность возвратиться въ отечество[3]).

Въ 13-й части есть статья „Приключеніе", которой содержаніе состоитъ въ томъ, что проѣзжему, заблудившемуся въ пути, встрѣчается баринъ, возвращающійся съ охоты, и на просьбу о помощи отвѣчаетъ: „мнѣ не до васъ: я, право, не ужиналъ, такъ спѣшу домой". Потомъ встрѣчается дровосѣкъ и приглашаетъ проѣзжаго къ себѣ въ избушку[4]). Это опять даетъ поводъ автору къ нѣсколько горячимъ словамъ обличенія. Въ 4-й части выведена еще любопытная личность

[1]) „Соб.", ч. I, стр. 49—52.
[2]) „Соб.", ч. XI, ст. IX.
[3]) Ibid., стр. 127 - 9.
[4]) „Соб.", ч. XIII, стр. 130—135.

майора Щелчкова „изъ солдатскихъ дѣтей, по женѣ разбогатѣвшаго", — „Лучшая его въ деревнѣ забава состояла въ томъ, чтобы, выбравъ сильныхъ мужиковъ, ставить ихъ на колѣни и щелкать по лбу. Онъ въ семъ искусствѣ такъ отмѣнно былъ силенъ, что во всемъ его селѣ не было лба, у котораго бы онъ однимъ щелчкомъ не отшибалъ памяти"[1]. Этотъ человѣкъ дѣлалъ, что хотѣлъ, въ уѣздѣ, и на него не было никакого суда; „ибо воевода и съ приписью подъячій, съ женами и дѣтьми, были не что иное какъ твари, питавшіяся отъ крупицъ, падающихъ изъ майорскаго дома". Кто знаетъ нравы нашего общества того времени, особенно провинціальнаго, тотъ оцѣнитъ справедливость и грустное значеніе этихъ замѣтокъ.

Но ни на что не обращалось въ „Собесѣдникѣ" столькихъ преслѣдованій, какъ на легкое поведеніе тогдашнихъ женщинъ и на слѣпое пристрастіе ко всему французскому. По замѣткамъ современниковъ, по цѣлой литературѣ Екатерининскаго времени мы знаемъ, какъ распространены были, дѣйствительно, эти недостатки въ тогдашнемъ обществѣ (60). И это было великое дѣло — возставать на пороки сильные, господствующіе, распространенные во всѣхъ классахъ общества, начиная съ самыхъ высочайшихъ, и чѣмъ выше, тѣмъ больше, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ первому.

Рѣзкость и безцеремонность выраженій, въ которыхъ описывается въ „Собесѣдникѣ" тогдашній развратъ, можетъ показаться странною и непріятною для утонченныхъ нравовъ нашего времени, которые позволяютъ дѣлать нѣкоторыя вещи, но не позволяютъ говорить о нихъ. Принимая въ уваженіе это обстоятельство и не видя надобности приводить доказательства на столь общеизвѣстныя предметъ, мы удержимся здѣсь отъ выписокъ изъ статей, въ которыхъ особенно рѣзко изображаются отношенія тогдашнихъ женщинъ къ мужьямъ и пр. Въ каждой книжкѣ „Собесѣдника" можно найти непремѣнно насмѣшливое описаніе какой-нибудь четы, или госпожи съ *господчикомъ*, или просто госпожи, излагающей свои понятія объ этомъ предметѣ. Есть также нѣсколько эпиграммъ, въ которыхъ все остроуміе вертится на словѣ *рогатый*. Вотъ, напр., одна для образчика:

---

[1]) „Соб.", ч. IV, стр. 124.

Филинтъ искалъ купить хорошую картину,
Изображающу рогатую скотину;
Онъ въ лавку только лишь ступилъ,
То зеркало купилъ[1]).

До какой степени доходило разстройство въ тѣхъ семейныхъ отношеній, можно видѣть изъ нѣсколькихъ стиховъ въ „Посланіи къ слову *такъ*“. Здѣсь жена проситъ мужа позволить ей *помахать* (техническое слово тогдашняго времени) для того,

Чтобъ свѣту показать, что мы живемъ *по модѣ*.

Мужъ *по модѣ* потакаетъ ей, и она продолжаетъ:

Mon cœur très obligé?
Вѣдь вѣрность наблюдать, конечно, préjugé?
И вѣрность въ женщинѣ не глупости ли знакъ?
Тутъ мужъ ей говоритъ: такъ, маменька, такъ, такъ[2]).

Въ этой же части помѣщено, будто бы полученное издателями, письмо отъ одной дамы, жалующейся на своего мужа, который не даетъ ей *махать*. „У него такія идеи премудреныя — говоритъ она — онъ совсѣмъ не слушаетъ резону, а еще умнымъ человѣкомъ считается. Я ему тысячу примѣровъ насказала, да онъ мнѣ отвѣчаетъ тѣми же глупостями. Я не знаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать. Онъ, конечно, видитъ, что въ хорошихъ сосіететахъ за порокъ не почитаютъ махать отъ скучныхъ мужей, и что, напротивъ, такихъ женщинъ вездѣ хорошо принимаютъ; а ежели бы маханье было порокъ, то бы, всеконечно, ихъ въ хорошихъ домахъ не ласкали. Но со всѣмъ тѣмъ мужъ мой все при старыхъ капризахъ остается“[3]).

Такимъ образомъ, видно, что развратъ вошелъ въ обычай, въ моду и даже считался признакомъ образованности. Многіе тогда не женились только потому, что „c'est du bon ton — быть холостымъ“, какъ сказано въ другой статьѣ[4]). Слѣдовательно, модѣ этой подражали равно мужчины и женщины.

---

1) „Соб.“, ч. III, стр. 38.
2) Ibid., стр. 31.
3) „Соб.“, ч. I, стр. 84, 85.
4) „Соб.“, ч. II, стр. 20.

Въ „Собесѣдникѣ“ есть нѣсколько статей, собственно посвященныхъ этому предмету. Таково письмо, изъ котораго приведена выписка[1]), „Исповѣданіе жеманихи“[2]), „Прогулка“[3]), „Маскарадъ“[4]). Кромѣ того много замѣтокъ разсѣяно мимоходомъ въ другихъ статьяхъ. Даже „Были и Небылицы“, въ которыхъ никакъ нельзя ожидать разсказовъ о подобныхъ предметахъ, касаются ихъ нерѣдко[5]). Впрочемъ, нельзя не отличить въ этихъ нападеніяхъ двухъ сторонъ: одна — на самое дѣло, и это насмѣшки, очень невинныя и снисходительныя, другая — на тѣ средства, которыми хотятъ привлекать къ себѣ — на щегольство, *прикрасы личныя* и пр. Это нападенія жестокія и нещадныя. Видно, атмосфера до того была заражена, что даже лучшіе люди не могли вполнѣ понять гадости самаго порока и смотрѣли на него какъ на вещь очень обыкновенную и неважную въ сущности, заслуживающую порицанія только смотря по формѣ, въ которой она проявляется. Изъ всѣхъ статей „Собесѣдника“ видимъ, что тогда развратъ женщинъ осуждали только съ одной точки зрѣнія — за то, что здѣсь находили обманъ. Сущность же дѣла казалась очень милою, привлекательною и вовсе не беззаконною. Доказательствъ можно найти тысячу въ литературѣ того времени: въ сочиненіяхъ Державина, Богдановича, Фонвизина, Майкова, Екатерины и пр., даже въ статьяхъ „Собесѣдника“, даже въ тѣхъ самыхъ статьяхъ его, которыя вооружаются противъ „развращенія“. Въ первой книжкѣ „Собесѣдника“ помѣщена идиллія „Вечеръ“, въ которой разсказывается встрѣча пастуха, вечеромъ, въ рощѣ, со спящею, разметавшеюся пастушкою[6]). *Идиллія* эта не отличается большою скромностію и напоминаетъ Богдановича въ сценѣ задуманнаго самоповѣшенія Душеньки. Вѣроятно, это и нравилось тогда. Каковы были требованія тогдашнихъ барынь отъ мужчины, видно отчасти изъ одного намека въ „Записной книжкѣ“. Двѣ женщины восхищаются однимъ молодымъ человѣкомъ, и на вопросъ: что онѣ нашли въ немъ хорошаго?

---

[1]) „Соб.“, ч. I, ст. XVI.

[2]) „Соб.“, ч. VIII, ст. XII.

[3]) „Соб.“, ч. VI, ст. XV.

[4]) „Соб.“, ч. XI, ст. XVII.

[5]) „Соб.“, ч. II, стр. 150—154, ч. V, стр. 142—145, ч. VII, стр. 130—33.

[6]) „Соб.“, ч. I, ст. V.

одна отвѣчаеть: „ахъ, неужто ты того не примѣтила? посмотри, пожалуй, какой ростъ"... „Онъ головою выше моего мужа", пресѣкла другая[1]). Взглядъ на самую любовь былъ совершенно чувственный. Вотъ, напримѣръ, для доказательства начало оды *Къ любви*, изъ „Собесѣдника":

О ты, что *чувства въ насъ питаешь,*
Томишъ и услаждаешь кровь,
Пріятну страсть въ сердца вливаешь,
О ты, божественна любовь ..[2])

Смотря на любовь какъ на волненіе крови, конечно, нельзя было имѣть строгаго взгляда на семейную нравственность.

Но корень всему злу было французское воспитаніе, и на него-то обращена большая часть самыхъ ожесточенныхъ нападеній. Причина этого настойчиваго преслѣдованія объясняется отчасти тѣмъ, что тогдашнее волненіе умовъ во Франціи грозило многимъ и въ политическомъ отношеніи, отчасти же и тѣмъ, что княгиня Дашкова, понимавшая истинную сущность дѣла, естественно должна была негодовать, видя, какъ русскіе люди, знакомясь съ литературой и нравами Франціи, перенимали самое пустое, самое глупое, самое ничтожное, не обращая вниманія на то, что составляло дѣйствительное сокровище, что могло въ самомъ дѣлѣ образовать и облагородить человѣка. Эти двѣ причины, до нѣкоторой степени противоположныя, если разсмотрѣть ихъ внимательно, произвели, однакожъ, одно слѣдствіе: осмѣяніе пустого подражанія французамъ (62). Въ этихъ насмѣшкахъ попадается нѣсколько характерныхъ чертъ, которыя могутъ служить любопытнымъ выраженіемъ нравовъ того времени.

Имѣть учителя, француза или *мамзель*, француженку считалось необходимымъ въ порядочномъ семействѣ. Авторъ статьи „*О воспитаніи*" говоритъ: „Нерѣдко случалось слышать, особливо въ замоскворѣцкихъ съѣздахъ или бесѣдахъ: *что ты, матушка, своей мамзели даешь?* — Дарага, праклятая, дарага! да что дѣлать! хочется воспитать дѣтей своихъ благородно: 180 руб. деньгами да сахару по 5 и чаю по одному фунту на мѣсяцъ ей даю. — И, матушка, я такъ

---

[1]) „Соб.", ч. XIII, стр. 23.
[2]) „Соб.", ч. IV, стр. 714.

своей больше плачу: 250 руб. на годъ, да домашнихъ всякихъ припасовъ даю довольное число. Правду сказать, за то она уже моетъ кружево мое и чепчики шьетъ мнѣ, да и Танюшу выучила чепчики дѣлать. Нынче, матушка, ужъ и замужъ дочери не выдашь, коли по французски она говорить не умѣетъ, а вѣдь постричь ее нельзя же. Какъ быть! да я и сама-таки люблю французское благородство и надѣюсь, что дочь моя въ грязь лицомъ не ударитъ"[1]). При такомъ воспитаніи, при такихъ руководителяхъ съ первыхъ лѣтъ жизни, основательнаго образованія, разумѣется, нельзя было и ожидать. И вотъ выходили молодая дѣвушка или молодой человѣкъ съ презрѣніемъ къ отечеству, съ безпредѣльнымъ благоговѣніемъ ко всему французскому, съ легкой головой, съ пустымъ сердцемъ, словомъ, нѣчто въ родѣ соллогубовскаго Ивана Васильевича съ своей матушкой. У дѣвушки тотчасъ является желаніе имѣть petite santé и тратиться свыше состоянія на французскія накладки, шпильки и булавки. Объ этомъ много говорится въ „Собесѣдникѣ", и въ статьѣ „О воспитаніи", и въ другихъ, напримѣръ, въ „Письмѣ нѣкоторой женщины"[2]), при которомъ есть даже примѣчаніе издателей, подсмѣивающееся не надъ безнравственностью его, а надъ тѣмъ, что въ немъ много французскихъ словъ. То же есть въ „Записной книжкѣ" сначала[3]), въ „Подражаніи Английскому Зрителю"[4]), въ „Прогулкѣ"[5]), въ „Вечерникѣ"[7]), во „Французской лавкѣ"[6]) и пр. Не дѣлаемъ выписокъ, потому что и безъ того слишкомъ много выписывали; притомъ, изъ этихъ выписокъ мы узнали бы новаго развѣ только то, что тогда была мода носить дамамъ высокіе каблуки, растрепанные волосы, румяниться и притираться, что были въ употребленіи

Флеръ, крепъ, лино, цвѣты, и перья, и накладки[8])

---

[1]) „Соб.", ч. II, стр. 16.
[2]) „Соб.", ч. I, ст. XVI.
[3]) Ч. XIII, стр. 19—22.
[4]) Ч. XV, ст. VI.
[5]) Ч. VI, ст. XV.
[6]) Ч. IX, ст. VII.
[7]) Ч. XI, ст. III.
[8]) „Соб.", ч. XI, стр. 24.

И здѣсь, впрочемъ, зло было слишкомъ сильно, и „Собесѣдникъ“ старался только уменьшить, а не истребить его. Въ статьѣ „*О личныхъ прикрасахъ*“ онъ прямо сознался, что это есть „необходимо нужное зло“[1]).

Молодой человѣкъ тогдашняго времени, при малѣйшей возможности отправлялся въ *вояжъ* и прямо направлялъ путь свой въ Парижъ. Въ дорогѣ онъ ограничивалъ свою наблюдательность трактирами, честолюбіе его удовлетворялось названіями сіятельства и свѣтлости отъ трактирной прислуги; любознательность не шла далѣе покроя платья. Въ самомъ Парижѣ изучалъ онъ модныя лавки, гулянья, лоретокъ, и даже спектакли — для того, чтобы знакомиться съ актрисами. Возвращаясь въ отечество, онъ исполнялся горестію, что долженъ со слугами объясняться не по-французски, и что нельзя между невѣждами ввести образованной парижской жизни. Съ полнымъ презрѣніемъ ко всему родному, съ совершеннымъ отсутствіемъ серьезнаго образованія, эти люди были увѣрены, что они обо всемъ могутъ судить очень дѣльно, и потому говорили обо всемъ рѣшительнымъ образомъ, пренебрегая все то, что видятъ дома, а рѣшенія свои считая выше всякой апелляціи, потому что были въ Парижѣ. Такъ „Собесѣдникъ“ описываетъ русскихъ путешественниковъ конца прошедшаго вѣка, въ статьяхъ своихъ: „О воспитаніи“[2]), „Просвѣщенный путешественникъ“[3]) и „Путешествующіе“[4]). Къ этому можно прибавить характерную замѣтку мизантропа, изъ „Записной книжки“. Молодой путешественникъ — говоритъ онъ — спѣшитъ въ Парижъ, чтобы перенять разныя моды и со вкусомъ одѣваться, въ Римъ — чтобы посмотрѣть на хорошія картины, въ Лондонъ — чтобы побывать на конскомъ ристаніи и на дракѣ пѣтуховъ; но поговорите съ нимъ о правахъ, законахъ и обычаяхъ народныхъ, онъ скажетъ вамъ, что во Франціи носятъ короткіе кафтаны, въ Англіи ѣдятъ пуддингъ, въ Италіи макароны“[5]).

Такимъ образомъ, немудрено повѣрить, что въ обществѣ царствовали величайшее легкомысліе, пустота и полное не-

---

[1]) Ч. VI, стр. 172.

[2]) „Соб.“, ч. II, ст. II.

[3]) „Соб.“, ч. III, ст. XVIII.

[4]) Ч. XI, ст. IX.

[5]) Ч. XIII, стр. 37.

вѣжество въ отношеніи ко всѣмъ вопросамъ науки и литературы. Просвѣщенный путешественникъ говоритъ, что онъ не крестьянинъ, чтобы ему интересоваться успѣхами сельскаго хозяйства и задачами политической экономіи; что онъ не будетъ составителемъ календарей, чтобы ему заниматься математикой и физикой; что онъ не секретарь, чтобы тратить время на изученіе правъ народныхъ. При господствѣ такого образа мыслей, легко могло произойти то, что утверждаетъ мизантропъ: что если два человѣка съ талантами въ обширномъ городѣ встрѣчаются, то такъ другъ другу обрадуются, какъ двое русскихъ которые бы въ первый разъ встрѣтились въ Китаѣ. О невѣжествѣ встрѣчаемъ довольно свидѣтельствъ въ „Собесѣдникѣ". Эти свидѣтельства нужно раздѣлить на два рода: одни относятся къ тѣмъ, которые не хотѣли знать литературы и науки, другія къ тѣмъ, которые сами пускались въ писательство, но тоже умѣли доказывать свое невѣжество.

Въ отношеніи къ первому роду невѣждъ мы находимъ такого рода данныя. Множество было людей, которые ни о чемъ больше говорить даже не умѣли, какъ только о собакахъ[1]); другіе, имѣя претензію на высшую образованность, посвящали все свое время танцамъ, клавикордамъ или скрипкѣ и разговорамъ о театрѣ[2]); третьи заботились о томъ, „чтобъ издавать наряды своимъ соотечественникамъ" и забавлять компанію разговорами, не заботясь о томъ, правду или нѣтъ говорить придется"[3]). Такимъ образомъ, когда дѣло доходило до серьезныхъ вопросовъ, то подобные господа рѣшительно терялись. Въ 11-й части „Собесѣдника" помѣщено письмо одного священника, который говоритъ: Недавно, въ немаломъ благородномъ собраніи, предложенъ былъ, между прочимъ, высокоблагородному важный вопросъ: что есть Богъ? — и по многимъ преніямъ многіе сего общества члены такія опредѣленія сей задачѣ изъискивали, что не безъ сожалѣнія можно было примѣтить, сколь много подобныхъ симъ найдется мудрецовъ за то одно незнающихъ святости христіанскаго закона, понеже никакого о немъ понятія не имѣютъ"[4]).

---

[1]) „Соб.", ч. I, ст. XX.

[2]) Ч. II, стр. 18.

[3]) „Соб.", ч. III, стр. 175, 183.

[4]) Ч. XI, стр. 157.

Отъ этого безсилія предъ вопросами, требующими серьезнаго размышленія и положительныхъ знаній, развился въ то время и остался, кажется, надолго въ употребленіи у полузнаекъ особенный родъ остроумія, который хорошо очерченъ въ стихахъ г. XX***[1]).

Не мыслить ни о чемъ и презирать сомнѣнье;
На все давать тотчасъ свободное рѣшенье;
Не много разумѣть, о многомъ говорить;
Быть дерзку, но умѣть продерзостями льстить;
Красивой пустошью плодиться въ разговорахъ;
И другу и врагу являть пріятство въ взорахъ;
Блистать учтивостью, но чтя пренебрегать;
Смѣяться дуракамъ и имъ же потакать;
Любить по прибыли, по случаю дружиться;
Душою подличать, а внѣшностью гордиться,
Казаться богачемъ, а жить на счетъ другихъ;
Съ осанкой важничать въ бездѣлицахъ самихъ,
Для остраго словца шутить и надъ закономъ,
Не уважать отцомъ, ни матерью, ни трономъ;
И, словомъ, лишь умомъ въ поверхности блистать,
Въ познаніяхъ одни только цвѣты срывать;
Тотъ узелъ разсѣкать, что развязать не знаемъ —
Вотъ остроуміемъ что часто мы считаемъ.

Но у кого недоставало душевной наглости и для того, чтобы хоть такъ отдѣлываться отъ вопросовъ, тотъ просто не допускалъ ихъ въ свою голову. А дѣлалось это очень просто. Прибѣгали для этого къ карточной игрѣ[2]), къ сплетнямъ[3]), къ вину[4]). Иные отъ праздности придумывали еще лучшее занятіе. Напримѣръ, въ „Картинахъ моей родины“ тетушка для развлеченія принимается ругать слугъ, а мужъ ея, опасаясь, чтобы послѣ того, какъ она всѣхъ перебранитъ, и ему не досталось, помогаетъ супругѣ нападать и „продолжаетъ всячески гнѣвъ ея на слугъ, спасительный для него“[5]). Нѣкоторые отъ нечего дѣлать занимались гаданьемъ на картахъ[6]), придавая, впрочемъ, ему серьезное значеніе. Если

---

[1]) „Соб.“, ч. III, стр. 115. „Модное Остроуміе“.
[2]) „Соб.“, ч. XIII, стр. 23, 25.
[3]) Ч. III, стр. 143, 145, ч. VI, стр. 183.
[4]) Ч. IV, стр. 129.
[5]) „Соб.“, ч. XII, стр. 20.
[6]) Ч. IX, стр. 242—246.

еще и теперь, можно встрѣтить вѣрующихъ этому гаданью, то въ то время ихъ, конечно, было несравненно больше, судя по образчикамъ тогдашняго суевѣрія въ другихъ родахъ. Тогда, напримѣръ, не вѣрили врачебной наукѣ и считали грѣхомъ лѣчиться: объ этомъ говоритъ „Собесѣдникъ". Въ четвертой части находимъ разсказъ о человѣкѣ, который ожесточенъ былъ противъ лѣкарствъ и еще болѣе утвержденъ въ своемъ предубѣжденіи отцомъ игуменомъ на Перервѣ, куда онъ ѣздилъ молиться Богу. — „его преподобіе имѣлъ такое мнѣніе, что всякій докторъ долженъ быть неминуемо колдунъ, и что весь корпусъ медиковъ есть не что иное, какъ сатанино сонмище, попущенное гнѣвомъ Божіимъ на пагубу человѣческаго рода" [1]).

Мы разсмотрѣли большую часть нравоучительныхъ статей „Собесѣдника", въ которыхъ являются сколько-нибудь живыя личности, сколько-нибудь дѣйствительная жизнь. При этомъ мы не брали во вниманіе всѣмъ извѣстныхъ произведеній Державина, Фонвизина, Богдановича и пр., которыя могутъ еще дополнить картину тогдашнихъ нравовъ, представленную въ „Соб.". Нельзя не видѣть, что въ этихъ статьяхъ болѣе выводится на сцену дурная сторона нравовъ, и за это нельзя осуждать „Собесѣдника". Еще въ наше время испыталъ неудачу въ созданіи идеальныхъ русскихъ лицъ писатель, которому равнаго, конечно, не представитъ прошедшее столѣтіе въ нашей литературѣ. А между тѣмъ наше время уже далеко не то, что тогдашнее. Тогда, какъ видимъ изъ „Собесѣдника" же, старинные предразсудки, невѣжество, грубость сердца, суевѣріе, боярская спесь упорно еще боролись противъ просвѣщенія, насильно вторгающагося въ русскую жизнь. Но остановить распространеніе свѣта они не могли, и молодое поколѣніе жадно бросилось перенимать французскій умъ, французскіе нравы и переняло, разумѣется, настолько, насколько можно перенимать умъ и нравы. Все было искажено, все перешло въ однѣ пошлыя, заученныя формы безъ души, потому что все вниманіе обращали только на внѣшность, не думая о томъ, что̀ подъ нею скрывается. Да и самая внѣшность эта была непонятна, и, поразивъ сначала удивленіемъ непривычныхъ людей, скоро потомъ переходила къ намъ въ чудо-

---

[1]) Ч. IV, стр. 130.

видимыхъ искаженіяхъ. Такъ, французская свобода обращенія въ переложеніи на наши нравы сдѣлалась семейнымъ развратомъ, французская веселость — шутовствомъ, ихъ легкомысліе и беззаботность — презрѣніемъ ко всякимъ серьезнымъ занятіямъ, ихъ насмѣшки надъ предразсудками — цинизмомъ, тѣмъ болѣе отвратительнымъ, что оно у насъ не имѣло никакого внутренняго основанія въ личныхъ убѣжденіяхъ. Словомъ, что у француза было естественно, чѣмъ онъ былъ по своей природѣ, тѣмъ русскій хотѣлъ сдѣлаться чрезъ подражаніе, и такимъ образомъ, считая правиломъ для себя то, что было только невольнымъ движеніемъ подвижной природы француза, разумѣется, впадалъ въ крайности и достоинство обращалъ въ недостатокъ, а недостатокъ — въ отвратительный порокъ. Если, остепенившись потомъ, образованный по-тогдашнему русскій принимался за дѣло, за службу, то выходило еще хуже. Изъ всего французскаго ученія онъ понималъ, конечно, легче всего то, что уничтожало предразсудки, которымъ онъ прежде вѣрилъ; но взамѣнъ этихъ предразсудковъ философія того времени не давала ему никакихъ принциповъ, къ которымъ бы могъ привязаться, которые бы могъ полюбить сердцемъ и мыслію человѣкъ, такъ мало приготовленный къ философскимъ отвлеченностямъ, какъ были тогда французившіеся русскіе. Плоды многолѣтнихъ, тяжелыхъ размышленій, идеи, добытыя вѣковыми горькими опытами и разочарованіями, пролетали черезъ головы нашихъ *господчиковъ* въ нѣсколько дней и, не переваренныя, часто не понятыя или понятыя навыворотъ, оставляли только въ сердцѣ пустоту, а въ головѣ — нѣсколько новыхъ фразъ, которыя при первомъ же случаѣ и пускались въ оборотъ, безъ убѣжденія и безъ сознанія. Такимъ образомъ онѣ оставались совершенно мертвымъ капиталомъ для своихъ владѣльцевъ, не сообщая имъ убѣжденій чести и добра, а только освобождая ихъ отъ страха, въ которомъ держали ихъ прежнія вѣрованія. Нечего говорить о томъ, каковъ долженъ былъ сдѣлаться въ жизни человѣкъ, потерявшій всякій страхъ предъ какимъ-нибудь судомъ внѣшнимъ и не имѣющій благородства внутренняго. Самый грубый, самый гадкій эгоизмъ дѣлался пружиною всѣхъ дѣйствій, и — расплождались люди такого рода, какіе описаны въ стихахъ *Модное остроуміе*. Все это горькое переходное время тяжело отразилось на русскомъ обществѣ,

и нельзя не отдать чести „Собесѣднику", по крайней мѣрѣ, за то, что онъ понялъ нелѣпость этого положенія и старался выводить на общее посмѣяніе какъ упорное старинное невѣжество, такъ и пустоцвѣтъ французской цивилизаціи, столь дурно усвоенной у насъ тогдашними молодыми людьми. Если не прежде всѣхъ, то сильнѣе всѣхъ возсталъ онъ на употребленіе французскихъ фразъ въ русскомъ разговорѣ, на французское воспитаніе и на обольщеніе одною внѣшностью образованія; первый заговорилъ онъ съ такою энергіею о человѣколюбіи и объ уваженіи достоинства человѣка, осмѣивая жестокость, грубость, презрѣніе къ человѣчеству. Не много предшественниковъ имѣлъ онъ и въ нападеніяхъ своихъ на женскій развратъ и безумную расточительность. Нельзя не согласиться, что стремленія издателей „Собесѣдника" были честны и благородны; во всемъ изданіи нельзя не видѣть печати просвѣщеннаго вкуса и безкорыстнаго желанія добра, которыя всегда отличали княгиню Дашкову, въ ея ученой и литературной дѣятельности. *Добролюбовъ.*

КОЗОДАВЛЕВЪ, СОТРУДНИКЪ И ИЗДАТЕЛЬ „СОБЕСѢДНИКА".

Въ исторіи нашей журналистики, какъ и вообще въ литературѣ нашей прошлаго столѣтія, видное и почетное мѣсто принадлежитъ *Собесѣднику любителей россійскаго слова* — журналу, предпринятому по мысли княгини Дашковой и выходившему, при ея непосредственномъ участіи, подъ редакціею О. П. Козодавлева. Самъ Козодавлевъ говоритъ, что ему ввѣрено было „попеченіе объ изданіи Собесѣдника", т.-е. онъ принялъ на себя всѣ обязанности редактора. Многое въ этомъ замѣчательномъ изданіи принадлежитъ перу Козодавлева. По обычаю того времени, онъ писалъ и прозою и стихами. Произведенія его были весьма цѣннымъ вкладомъ въ тогдашнюю періодическую литературу. Одни изъ нихъ напечатаны съ его подписью, полною или сокращенною: *Осипъ Козодавлевъ;* О. К.; К........въ. Другія приписываются ему по различнымъ соображеніямъ, какъ-то: по указаніямъ и намекамъ въ произведеніяхъ, обозначенныхъ его именемъ; по содержанію — по тѣмъ чертамъ, которыя относятся къ автору, къ различнымъ обстоятельствамъ его жизни; по изложенію — по особенностямъ слога и по легкости и плавности стиха; и наконецъ —

по связи тѣхъ или другихъ статей и замѣтокъ съ *редакторскою* дѣятельностію автора.

Общій характеръ произведеній Козодавлева заключается въ изображеніи темныхъ сторонъ нашего общества, съ неизбѣжнымъ указаніемъ и свѣтлыхъ — какъ бы съ тою цѣлью, чтобы посредствомъ такой противоположности подѣйствовать на нравственное чувство и осмыслить впечатлѣніе, производимое описаніемъ человѣческихъ неправдъ и заблужденій. Само собою разумѣется, что цѣль эта не есть что-либо предвзятое, а является какъ необходимое и невольное выраженіе господствовавшаго тогда склада литературныхъ понятій. Въ одномъ изъ писемъ иногороднаго корреспондента къ издателямъ „Собесѣдника" сказано между прочимъ: „Если не писать о слабостяхъ, человѣку сродныхъ, то другихъ и описывать нечего. Когда слабости и пороки не будутъ порицаемы, тогда и добродѣтель похвалена быть не можетъ: чрезъ познаніе первыхъ, послѣдняя познается. Если кто себя узнаетъ въ порочномъ изображеніи, онъ самъ подвергнулъ себя или подобрелъ подъ оное. Здравый разсудокъ повелѣваетъ ему исправиться, а не сердиться. Требуется ли отъ кого, чтобы въ украшенныхъ убранствомъ комнатахъ зеркала были разбиты для того, чтобъ дурные лицемъ себя въ нихъ не узрѣли?" Въ этихъ словахъ заключается какъ бы суть общаго направленія повѣстей, которыя появились и будутъ появляться въ „Собесѣдникѣ". Въ такомъ же духѣ и разсказъ Козодавлева подъ названіемъ *Пріятное путешествіе*.

„Живучи въ большомъ свѣтѣ, — говоритъ авторъ — имѣлъ я знакомство съ однимъ весьма богатымъ человѣкомъ; онъ называлъ меня своимъ другомъ, а себя почиталъ моимъ благодѣтелемъ. Благодѣянія же его состояли только въ томъ, что онъ всегда раздѣлялъ со мною свои веселія: напримѣръ, когда онъ ѣзжалъ по деревнямъ своимъ или на охоту, то всегда бралъ меня съ собою. Я, видя въ немъ желаніе быть со мною вмѣстѣ, также и отмѣнныя его ко мнѣ ласки во всѣхъ случаяхъ, принужденъ былъ дѣлать ему съ моей стороны всевозможныя услуги, и наконецъ радовался, что нашелъ въ немъ человѣка, который со временемъ можетъ сдѣлать благополучіе дѣтей моихъ, тѣмъ паче, что онъ въ свѣтѣ носилъ имя отмѣнно честнаго человѣка. Но вотъ какое обстоятельство уничтожило мою надежду, и меня съ симъ весьма

обыкновеннымъ человѣкомъ разлучило, наполнивъ сердце мое къ нему презрѣніемъ. Онъ имѣлъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города великолѣпный домъ, въ который, какъ онъ говаривалъ, уѣзжалъ онъ отдохнуть отъ городскихъ суетъ. Въ немъ забавлялся онъ не инымъ чѣмъ, какъ городскими же увеселеніями, то-есть сзывалъ туда великое множество гостей, давалъ великолѣпные обѣды, игралъ въ карты, и тѣмъ доказывалъ ложное свое понятіе о деревенскихъ увеселеніяхъ. Сіе иначе и быть не можетъ; подобные ему люди другими удовольствіями наслаждаться не могутъ, и никакихъ прелестей въ простой природѣ не обрѣтаютъ, которая увеселяетъ только души добродѣтельныя.

„Однажды случилось мнѣ быть съ нимъ въ томъ загородномъ домѣ, куда онъ привезъ съ собою до тридцати человѣкъ гостей. Домъ сей построенъ въ наилучшемъ вкусѣ, и положеніе его могло бы сдѣлать великое удовольствіе душѣ чувствительной; но мой мнимый благодѣтель, пребывая почти непрерывно въ комнатахъ, онымъ не пользовался. Внутреннее украшеніе сего дома дѣлаетъ честь вкусу хозяина, а великолѣпіе соотвѣтствуетъ его богатству. Единый сосудъ, украшающій каминъ его, достаточенъ бы былъ къ составленію благополучія цѣлой семьи, угнетенной бѣдностію.

„Во время обѣда, когда уже драгоцѣнныя вина оживотворять начинали роскошью разслабленныя мысли бесѣдующихъ, увидѣлъ великолѣпіемъ дышущій мой хозяинъ изъ окошка идущую въ домъ его женщину, бѣдно въ печальное платье одѣтую. Сіе зрѣлище бѣдности и прискорбія произвело въ немъ неудовольствіе; онъ началъ роптать на безпокойствіе, каковое ему дѣлаютъ бѣдные люди просьбами своими, даже и въ его загородномъ домѣ — въ семъ его отъ наглости ихъ убѣжищѣ. Сіе безчеловѣчное роптаніе меня раздражило; однакожъ я ему ничего не отвѣчалъ. Скоро потомъ вошла къ намъ сія бѣдная женщина; наружный ея видъ совершенно изъявлялъ страданіе ея души. Она, обливаясь слезами, подошла къ мнимому моему благодѣтелю; но онъ не только что не былъ тронутъ ея состояніемъ, но еще и показывая свое неудовольствіе, проворчалъ нѣсколько словъ, изъявляющихъ черствую его душу. Я лишилась мужа, говорила она ему, который вамъ... Тутъ рыданіе прервало рѣчь ея. Мужъ ея не только былъ ему знакомъ, но и дѣлалъ ему еще и разныя благо-

дѣянія. Наконецъ, сія женщина разсказала причину своего несчастія и своего къ нему приходу. У нея было пятеро малолѣтныхъ дѣтей; послѣ мужа остался долгъ, а имѣніе весьма малое. Мужъ ея былъ человѣкъ весьма честный, и въ нѣкоторое время удалось ему избавить отъ бѣды сего богача, бывшаго тогда еще въ скудости. Богачъ сей, носившій въ свѣтѣ имя отмѣнно честнаго человѣка, самъ очень часто разсказывалъ о полученномъ благодѣяніи отъ мужа сей несчастной женщины: но онъ изъявлялъ свою благодарность благодѣтелю своему только словами. Едва выслушавъ просьбу жены его, сказалъ ей сухо: „я сожалѣю, сударыня, что я вамъ никакой помощи подать не могу; я самъ имѣю нужду въ деньгахъ: издержки мои и безъ подаянія велики". Хотя сія несчастная вдова и просила его только о покровительствѣ ея дѣтямъ и о вспоможеніи по долгамъ ея, обѣщая ему со временемъ все то, что онъ ей дастъ, возвратить; но онъ, отказавъ ей, не хотѣлъ даже и отпустить ее безъ огорченія: требуемую ею помощь называлъ онъ уничижительнымъ словомъ *подаянія*. Сія несчастная женщина едва чувствъ своихъ не лишилась, услышавъ такой отвѣтъ отъ человѣка, отъ котораго она имѣла право ожидать дружескаго вспоможенія. Она, взглянувъ на него глазами, изъявляющими благородное чувствованіе и презрѣніе къ низкой его душѣ, вышла вонъ, не сказавъ ему ни слова. Я, преисполненный омерзеніемъ противу сего недостойнаго человѣка, едва не выговорилъ ему всего, что я противу него ощущалъ: но будучи слишкомъ разгоряченъ, отъ онаго воздержался, дабы рѣчи мои не сочтены были дѣйствіемъ вспыльчивости, а притомъ, желая скорѣй подать руку помощи, по возможности своей, страждущему человѣчеству, всталъ я изъ за стола, сказавъ что я занемогъ. Я ту женщину, несчастіемъ и стыдомъ отягченную, достигъ, и вручилъ ей всѣ деньги, которыя у меня тогда въ карманѣ случились (мнѣ помнится три ста рублей), сказавъ ей, что я такою суммою долженъ былъ покойному ея мужу. Она отъ сего отрицалась, говоря, что въ его бумагахъ она никакихъ доказательствъ тому не видала. Мнѣ много труда стоило убѣдить ее къ принятію сихъ денегъ; потомъ спѣшилъ я отъ нея сокрыться. Удалившись отъ нея, благодарилъ я провидѣніе, что оно подало мнѣ случай сдѣлать доброе дѣло. Я былъ совершенно доволенъ самимъ со-

бою, осушивъ слезы матери страждущей, и удовлетворивъ желанію сердца моего. Воображая радость, которую она ощущать будетъ, увидѣвши дѣтей своихъ, я восхищался проливая слезы, извлекаемыя симъ пріятнымъ воображеніемъ изъ глазъ моихъ. Къ недостойному тому богачу, къ коему я преисполненъ сдѣлался презрѣніемъ, я уже не возвратился: взялъ лошадей, и уѣхалъ въ городъ. Потомъ, успокоившись отъ досады на сего нечувствительнаго человѣка, ощущалъ я подобно Виландову Діогену, состраданіе къ богатымъ людямъ. Я сожалѣлъ объ нихъ, что самое то, что бы долженствовало ихъ творить благополучными, лишаетъ ихъ наисладчайшаго того удовольствія, которое проистекаетъ отъ благотворенія. Несчастные люди, богатствомъ отягченные! вы, которые имѣете столько надобностей для удовлетворенія вашихъ чувствъ, вашихъ желаній, вашихъ пышностей, вашихъ прихотей, вамъ уже къ исполненію должностей человѣчества ничего не остается. Сколь вы, въ глазахъ моихъ, лишеніемъ сего божественнаго удовольствія несчастны!"

Въ посланіи къ *Державину*, или въ письмѣ къ мурзѣ, сочинившему оду къ премудрой Фелицѣ, Козодавлевъ изображаетъ мрачными красками то общество, въ которомъ господствуетъ *невѣжество* и его приспѣшники — *суевѣріе* и *рабство:*

Есть островъ на морѣ, проклятый небесами,
Заросшій весь кругомъ дремучими лѣсами,
Покрытый искони густѣйшимъ мракомъ тучъ,
Куда не проницалъ ни разу солнца лучъ.
Исчадье мерзкое подземна бога тамъ
Построило себѣ желѣзный мрачный храмъ:
Невѣжествомъ оно издревле нареченно...
При входѣ въ сей чертогъ, два стража вѣчно бдятъ,
И глупость на челѣ, и подлость показуютъ:
Ихъ *суевѣріемъ* и *рабствомъ* именуютъ.
На тронѣ изъ свинца *невѣжество* сидитъ,
И взоромъ внизъ тупымъ недвижимо глядитъ.
Оттуда *гадовъ тьма* всечасно выползаетъ,
Которая *ту мысль повсюду разсѣваетъ,*
Что будто смертному считаются стихи
Самой Минервою за тяжкіе грѣхи,
И *что съ владычествомъ земныхъ владыкъ несходно,*
Чтобъ мыслилъ и писалъ ихъ подданный свободно...

Какъ яркую противоположность, выставляетъ Козодавлевъ образъ дѣйствій воспѣтой Державинымъ Фелицы:

Фелица мудрая народъ свой просвѣщаетъ —
Училища въ градахъ и селахъ учреждаетъ...
Исторію сама сего народа пишетъ,
И хочетъ доказать намъ истины перомъ,
Что славенъ сей великими дѣлами,
Правленья мудростью и храбрости вѣнцами...
Фелица милуетъ грядущи къ ней народы;
Даетъ имъ чувствовать пріятности свободы...

Авторъ дружески укоряетъ Державина, что онъ давно уже ничего не пишетъ, и совѣтуетъ ему не внимать голосу невѣждъ, и снова приняться за перо, дорожа приговоромъ только людей просвѣщенныхъ:

Не слушай ты невѣждъ, — возьмись опять за лиру,
Старайся угождать лишь просвѣщенну міру...

Въ связи съ посланіемъ къ Державину находится посланіе къ *Ломоносову*, заключающее въ себѣ ясные признаки того, что оно принадлежитъ одному и тому же автору:

Изъ новыхъ здѣсь творцовъ послѣдователь твой,
Любимецъ музъ и *другъ нелицемѣрный мой*,
Россійской восхитясь премудрою царицей,
Назвавъ себя мурзой, ее назвавъ Фелицей,
На верхъ Парнаса намъ путь новый проложилъ,
Великія дѣла достойно восхвалилъ.
Но онъ къ несчастію работаетъ лѣниво.
Я самъ къ нему писалъ стихами такъ учтиво,
Что, кажется, нельзя на то не отвѣчать,
Но и теперь еще изволитъ онъ молчать...

Ломоносову пришлось жить въ общественной средѣ, неспособной оцѣнить его великаго таланта и рабольпно склонявшейся передъ сильными міра. Обращаясь къ Ломоносову, авторъ говоритъ:

Божественнымъ лучемъ ты свыше озаренъ,
Къ Парнасу путь открылъ намъ творческой рукою...
Елисавета лишь стихи твои прочла,
То слава всюду ихъ съ восторгомъ разнесла.
Придворные узнать лишь только то успѣли,
Читать стихи твои ужъ наизусть умѣли,
И всякій ихъ таскалъ съ собою во дворецъ.
Кто лишь писать умѣлъ, тотъ сдѣлался творецъ
Иль пѣсень, или одъ; и всѣ къ тому стремились,

Чѣмъ, изумясь, тогда вельможи веселились.
По цѣну вѣдалъ ты придворныхъ знатоковъ:
Обычай при дворѣ всегда бывалъ таковъ,
Чтобъ подражать тому, превознося хвалами,
Что̀ въ моду введено большими господами.
По дудочкѣ чужой привыкшіе плясать,
И собственнымъ умомъ отнюдь не разсуждать,
Не дѣлали тебѣ хвалой своею чести:
Честь дѣлаетъ хвала, которая безъ лести...

Сѣтуя о томъ, что Ломоносовъ не дожилъ до нашихъ дней, Козодавлевъ противополагаетъ царедворцамъ былаго времени тотъ избранный кругъ мыслящихъ людей, во главѣ котораго стоитъ Екатерина II, проникнутая сочувствіемъ къ *просвѣщенію* и *свободѣ:*

Теперь-то бы тебѣ межъ нами и пожить:
Ты восхищался бы великою душою,
Которая творитъ намъ счастіе собою.
Драгихъ ей подданныхъ желая *просвѣтить,*
Въ иноплеменниковъ не тщится превратить
Къ отечеству любовь въ ихъ души вкореняя,
И мракъ невѣжества наукой истребляя,
Старается изъ нихъ содѣлати *гражданъ,*
Дѣтей *отечества,* счастливыхъ россіянъ.
Чтобъ истину открыть любимому народу,
И мыслить, и писать даетъ она свободу.
И словомъ, здѣсь *уму препонъ постыдныхъ нѣтъ.*
Она *училища народу учреждаетъ,*
И *мыслящихъ людей* изъ россовъ сотворяетъ...

Въ одѣ на смерть фельдмаршала князя Голицына, усыщенной обычными старинной лирикѣ метафорами и другими фигурами, есть и такія строфы:

Коварства онъ терпѣть не могъ,
И въ вѣкъ *не оскверняася лестью;*
Къ себѣ во всѣхъ дѣлахъ былъ строгъ,
Наполненъ былъ единой честью.
Несчастныхъ жребій облегчалъ,
И никогда не могъ обидѣть;
Желалъ людей въ блаженствѣ видѣть,
И милосердіемъ дышалъ...
О Боже мой! Царю царей!
Подаждь отечеству имъ равныхъ
Во добродѣтеляхъ людей.
Да въ подвигахъ Россія славныхъ

Увидитъ сихъ сыновъ своихъ
Въ младыхъ вельможахъ и герояхъ.
Да узримъ мы въ совѣтахъ, въ бояхъ,
Сей знакъ къ намъ милости твоей!

Если Козодавлевъ авторъ „Пріятнаго путешествія" и стиховъ Клеліи, то ему несомнѣнно принадлежитъ и стихотвореніе: *Къ другу моему*, въ которомъ онъ совѣтуетъ другу затушить въ себѣ любовную страсть:

Я въ пѣсняхъ не люблю хвалами
Вельможей пышныхъ забавлять...
Мурза, въ стихахъ своихъ къ Фелицѣ,
Одну лишь истину писалъ;
Не льстя премудрой сей царицѣ,
Что сдѣлала она, сказалъ...
Стихи лишь истиной плѣняютъ,
И наши души восхищаютъ
Неложной повѣстью своей...
Итакъ, простыми я стихами
Тебя намѣренъ забавлять;
Не льстя тебѣ, мой другъ, хвалами,
Хочу къ тебѣ о томъ писать,
Къ чему ты склонность ощущая,
И часто отъ чего страдая,
Себя ввергаешь въ горьку часть.
Твоей душою обладаетъ,
И сердце нѣжное терзаетъ
Лютѣйшая любовна страсть...

Стихи *Клеліи* замѣчательны по своей легкости и плавности:

Опредѣленъ судьбой къ мученью,
Покоя тщетно я ищу;
Любви предавшися волненью,
Безъ утѣшенія грущу...
Твой взоръ, которымъ мнѣ открылся
Источникъ счастья моего,
Которымъ духъ мой восхитился,
Лишась покоя своего, —
Твой взоръ надеждою пустою
Меня, несчастнаго, прельщалъ;
Я видѣлъ послѣ, что мечтою
Мое я сердце обольщалъ...
И ночь, блестящая звѣздами,
Душѣ покоя не даетъ...
Луна, скорбящихъ услажденье,
Печально на меня глядитъ,

И зря жестокое мученье,
За облака уйдти спѣшитъ...
Ничто уже не утѣшаетъ
Меня въ несчастной жизни сей;
Меня одна лишь смерть прельщаетъ,
Мое блаженство чту я въ ней.
Благотворящею рукою
Меня она туда ведетъ,
Гдѣ страсти душу не терзаютъ,
Гдѣ всѣ земныя суеты
На вѣкъ изъ мыслей исчезаютъ,
Какъ сна пріятныя мечты.

По замѣчанію Добролюбова, изъ произведеній писателей, участвовавшихъ въ „Собесѣдникѣ“, особеннаго вниманія заслуживаютъ стихи *Козодавлева*, какъ по своей легкости, такъ и по мастерскому, поэтическому изображенію предмета. Добролюбовъ полагаетъ, что Козодавлеву принадлежитъ и шуточная пьеса *Сновидѣніе*, которая напоминаетъ его и по стиху, и въ которой тоже говорится о *Клеліи:*

Однажды лѣтнею порой,
Клитонъ влюбленный и несчастный
Повсюду *Клелію* искалъ.
Сей трудъ былъ трудъ ему напрасный:
Въ тотъ день ея онъ не видалъ.
Онъ бросился въ театръ, но тщетно:
Ее тамъ нѣтъ. Потомъ онъ — въ садъ;
Въ саду всѣмъ сдѣлалось примѣтно,
Что жизни былъ Клитонъ не радъ.
Онъ тамъ слезящими глазами
Жестокую искалъ вездѣ,
Между алеями, кустами;
Но не видалъ ея нигдѣ.
И наконецъ, обремененный
Клитонъ несносною тоской,
Надежды зрѣть ее лишенный,
Въ уныніи пошелъ домой.
Такой жестокою напастью
Онъ не былъ мучимъ никогда.
Пришедъ домой, горящій страстью,
Въ постелю легъ страдать. Тогда
На облакѣ вечернемъ аломъ
Заря спустилась въ бездну водъ,
И лѣтней ночи покрываломъ
Одѣлся чистый неба сводъ...

Козодавлеву безспорно принадлежитъ статья о появленіи и дальнѣйшей судьбѣ „Собесѣдника“, помѣщенная въ послѣдней книжкѣ этого журнала. Въ статьѣ говорится, что „Собесѣдникъ“ основанъ начальницею русскаго Парнаса, которая пригласила къ участію въ журналѣ мурзу и *молодого россіянина*, который съ восьми лѣтъ служилъ при дворѣ и отправленъ Фелицею учиться за тридевять земель, а потомъ опредѣленъ на службу при русскомъ Парнасѣ. Русскій Парнасъ — Академія Наукъ; начальница его — княгиня Дашкова, директоръ Академіи Наукъ; мурза — Державинъ; молодой россіянинъ — Козодавлевъ, поступившій въ пажи восьми лѣтъ отъ роду, отправленный Екатериною въ Лейпцигскій университетъ и по возвращеніи изъ-за границы, прослужа нѣсколько времени въ Сенатѣ, получившій мѣсто совѣтника при Академіи Наукъ. Приводимъ статью Козодавлева, заключающую въ себѣ весьма любопытныя данныя для исторіи нашей литературы прошлаго столѣтія.

„Историческія, философическія, политическія и критическія разсужденія о причинахъ возвышенія и упадка книги, во всѣхъ концахъ россійскія имперіи въ 1783 году славившейся, и по столичнымъ, губернскимъ, областнымъ и уѣзднымъ городамъ той имперіи до сего дня читаемой, но не столько, какъ прежде, покупаемой, а именно: *Собесѣдника любителей россійскаго слова*.

Глава I.

Сочинитель сихъ разсужденій кидаетъ на нѣсколько минутъ взоръ свой на исторію россійскаго Парнасса.

Лѣтъ съ тридцать тому назадъ россійскій Парнассъ былъ во владѣніи двухъ славившихся тогда стихотворцовъ. Одинъ изъ нихъ, одаренъ будучи обширнымъ умомъ, пылкимъ воображеніемъ, и глубокими знаніями въ наукахъ, получилъ, при размежеваніи россійскаго Парнасса, самую большую часть онаго въ вѣчное себѣ владѣніе. Другой, не имѣя совсѣмъ послѣдняго качества, а первыми двумя хотя и былъ снабдѣнъ довольно, но съ товарищемъ своимъ не могъ въ оныхъ равняться, почему и владѣнія его были не столько обширны, какъ перваго. Они оба старались угостить у себя, какъ возможно лучше, жителей Олимпа, и для того почти во всѣхъ своихъ

сочиненіяхъ просили баснословныхъ боговъ къ себѣ въ гости, и часто были ими посѣщаемы. У читателей были сіи сочинители въ великой чести, и слава ихъ распространилась повсюду. Наконецъ, общимъ опредѣленіемъ судебъ, преселились они въ вѣчное жилище, не оставивъ здѣсь законныхъ по себѣ наслѣдниковъ. Недвижимое ихъ имѣніе раздвинулось, и раздѣлилось на разныя мелкія части. Вступившіе во владѣніе россійскаго Парнасса стихотворцы, подражая имъ, прибѣгнули также къ богамъ; но частыми, къ статѣ и не къ статѣ приносимыми просьбами такъ имъ наскучили, что въ общемъ Олимпа собраніи состоялось опредѣленіе, по которому скука долженствовала быть дѣйствіемъ каждаго сочиненія незаконныхъ сихъ двухъ сочинителей наслѣдниковъ. Буде же кто на россійскомъ Парнассѣ поселиться захочетъ и завести новый промыселъ, то таковымъ не только не чинить въ томъ препятствія, но и стараться ободрять ихъ награжденіями. Сіе опредѣленіе прочтено было въ Олимпѣ, и нѣкоторое время спустя, учинилось по оному исполненіе. Оды, наполненныя именами баснословныхъ боговъ, начали на читателей наводить скуку, и наконецъ служили онѣ и нынѣ служатъ пищею мышамъ и крысамъ. На Парнассѣ россійскомъ поселились потомъ другіе сочинители, и издавать начали, хотя и понемногу, другого рода сочиненія; но читатели, отвращенные отъ россійской литературы скучными одами, мало ихъ читали.

Глава II.

Рожденіе „Собесѣдника любителей россійскаго слова".

Живущій въ Петербургѣ по дѣламъ своимъ нѣкоторый татарскій мурза, знающій весьма хорошо россійскій языкъ, сочинилъ въ исходѣ 1782 году оду къ премудрой киргискайсацкой царевнѣ Фелицѣ. Сіе сочиненіе, какъ всѣмъ извѣстно, писано совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенія писывались. Мурза прочелъ сію оду другу своему, нѣкоторому молодому россіянину, который также, какъ и онъ, наполненъ благоговѣніемъ къ сему примѣру земныхъ царей, а сверхъ того и благодарностію за изліянныя Фелицею на воспитаніе его щедроты, которыми онъ, будучи хотя россіяниномъ, но служа при ея дворѣ съ осьми лѣтъ своего воз-

раста, пріобрѣлъ нѣкоторыя человѣку нужныя знанія, ибо Фелица посылала его учиться за тридевять земель въ десятое царство. Истина, изображенная въ семъ прекрасномъ произведеніи татарскаго пера, восхитила его до слезъ, и онъ, будучи знакомъ со многими покровителями и любителями наукъ, взялъ сію оду къ себѣ, и нѣкоторымъ изъ оныхъ далъ съ нея копіи; но она довольно долгое время пребывала въ карманахъ тѣхъ господъ, и не доходила до ушей Фелицы за неимѣніемъ — можетъ быть — курьера, который бы могъ ее доставить въ назначенное мѣсто.

Въ началѣ 1783 года помянутый россіянинъ опредѣлился въ какую-то должность при россійскомъ Парнассѣ. Сіе подало ему случай показать сіе сочинение начальницѣ Парнаса, которая, красоты и истины, находящіяся въ сей одѣ, почувствовавъ, рѣшилася приказать ее напечатать; а дабы чрезъ то подать случай и другимъ сочинителямъ изощрять свои дарованія, вздумала она издавать книгу, подъ заглавіемъ: *Собесѣдникъ любителей россійскаго слова*. Для исполненія предпріятія своего пригласила она мурзу, помянутаго россіянина, и нѣкоторыхъ другихъ сочинителей. Вотъ рожденіе „Собесѣдника", а возвышеніе его на высочайшую степень знатности слѣдуетъ за симъ.

Глава III.

Историческое показаніе о возвышеніи „Собесѣдника любителей россійскаго слова".

Лишь первый листъ сей книги, содержащій оду къ премудрой Фелицѣ, напечатался, то издатели читали оный каждому, желавшему слушать сіе татарскаго мурзы стихотвореніе, и говорили встрѣтившему и поперечному о красотахъ, находящихся почти въ каждомъ отдѣленіи сей оды. Болтливая богиня Слава вытвердила ее наизусть, и распространила по всему городу. Къ премудрой Фелицѣ полетѣлъ листокъ по почтѣ, и лишь первая часть „Собесѣдника" печатаніемъ окончилась, то мурза получилъ изъ Оренбурга пакетъ, заключающій въ себѣ золотую, брилліантами осыпанную табакерку, наполненную червонцами. Первая часть „Собесѣдника" вышла, и лишь о рожденіи сего изданія публика извѣстилась, то у каждаго, порусски читать умѣющаго, очутилась она въ рукахъ. Каждый восхищался сею новорожденною книжкою, и

хотя нѣкоторыя сочиненія и показались многимъ слишкомъ солоны, однако же читались какъ грамотными, такъ и безграмотными читателями. Слухъ о щедромъ награжденіи, полученномъ мурзою отъ руки, награждать и ободрять дарованія умѣющія, поощрилъ хорошихъ сочинителей къ дальнѣйшимъ трудамъ, а въ дурныхъ возбудилъ зависть. Начали браниться. Дурные стихотворцы и ихъ пріятели ополчились на издателей. Пустословы или любословы начали писать критики — загорѣлась война; но война сія болѣе еще возвысила „Собесѣдника". Онъ явился въ Москву и во многіе другіе города россійской имперіи, гдѣ уже слухъ о немъ давно распространился, и повсюду увеличивалъ свою славу.

„Собесѣдникъ" не только таковымъ читателямъ былъ пріятенъ, которые читаютъ книги только увеселительныя, но и таковымъ, которые хотятъ пріобрѣсти знанія. Первая онаго часть обѣщала любителямъ Россіи *Записки касательно россійской исторіи*, а вторая часть сіе обѣщаніе исполнила. Сіи записки, собранныя рукою истиннаго и нелицемѣрнаго любителя россійскаго народа, дали сему изданію нѣкоторую степень важности, и сотворили оное книгою, полезною каждому россіянину. Всякій, умѣющій писать, старался помѣщать въ „Собесѣдникѣ" свои сочиненія, и разнообразныя творенія увеселяли читателя.

Появились *Были и Небылицы*. Дѣдушка — острыми и краткими изреченіями; друзья его, одинъ, который болѣе плачетъ, нежели смѣется, — горчайшими слезами, а другой, который болѣе смѣется, нежели плачетъ, — громогласнымъ смѣхомъ, сдѣлали „Собесѣдника" знакомымъ съ знатными и модными дамами, и каждая изъ нихъ читала его съ удовольствіемъ. Архангелогородская кума послала нѣсколько книгъ сего изданія въ Архангельскъ. Ординарецъ, пріѣзжавшій за дѣдушкой, купилъ для генерала своего по дюжинѣ каждой, вышедшей тогда части. Словомъ, сія книга распространилась весьма скоро повсюду, нравилась почти каждому, а кому она и не полюбилась, тотъ ее читалъ изъ любопытства. Иной находилъ тутъ сучки, видимые во очахъ брата своего, другой встрѣчалъ тутъ бревна, видимыя другими въ собственныхъ его глазахъ; иной не хотѣлъ сего примѣтить, другой на издателей гнѣвался.

Вотъ краткая исторія возвышенія „Собесѣдника", а фило-

софическія разсужденія о разнообразныхъ причинахъ сего возвышенія предлагаются въ слѣдующей главѣ, во удовольствіе тѣмъ, которые болѣе смѣются, нежели плачутъ. (Продолженіе, впредь, ежели читателямъ угодно)".

Предисловіе или *предувѣдомленіе*, помѣщенное въ самомъ началѣ первой части, написано, вѣроятно, также Козодавлевымъ. Оно заключаетъ въ себѣ объявленіе объ изданіи, о времени выхода книжекъ и объ условіяхъ присылки статей. Судя по слогу, а равно и потому, что подобныя вещи писались обыкновенно Козодавлевымъ, и только просматривались Дашковою, можно полагать, что и предувѣдомленіе къ „Собесѣднику" вышло изъ-подъ пера Козодавлева. Заслуживаетъ особеннаго вниманія намѣреніе редакціи ограничиться исключительно *подлинными* сочиненіями *русскихъ* авторовъ и отнюдь не помѣщать переводовъ. При этомъ сдѣлана оговорка, что если и явится что-либо подъ названіемъ *перевода*, то это значитъ, что авторъ, желая остаться неизвѣстнымъ, нарочно назвалъ оригинальное *сочиненіе* свое *переводомъ*. Такая оговорка ясно указываетъ на оду *Къ Фелицѣ*, которая названа переводомъ съ арабскаго языка, и которая была уже въ рукахъ издателя „Собесѣдника" — Козодавлева.

Козодавлеву же, какъ *издателю „Собесѣдника"*, принадлежитъ, по всей вѣроятности, письмо къ Капнисту, съ эпиграфомъ изъ Тома (Thomas):

Reveille-toi, mortel, deviens utile au monde,
Sors de l'indifference, où languissent tes jours.

Авторъ письма приглашаетъ Капниста передѣлать свою сатиру, помѣщенную въ „Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ", и *прислать ее въ „Собесѣдникъ" — къ великому удовольствію его издателей*. Съ подобными приглашеніями къ сотрудничеству могли обращаться только издатели журнала. А изъ двухъ издателей „Собесѣдника", Дашковой и Козодавлева, авторомъ письма къ Капнисту едва ли можно считать Дашкову уже потому, что оно переполнено похвалами Дашковой, которая названа русскимъ Меценатомъ и т. п.

„Прочитавъ вашу сатиру, напечатанную въ пятой части „Санктпетербургскаго Вѣстника", льстился я, что вы, милостивый государь, наименовавъ ее первою, напишете и вторую, а можетъ быть потомъ и третью; но я, какъ видно,

въ томъ ошибся, ибо послѣ той сатиры никто уже ни единой строки вашего сочиненія въ печати не видалъ, исключая прекрасной вашей оды *Надежды*, которая также слишкомъ уже давно питаетъ любителей россійскаго слова тщетною надеждою, что вы какое-нибудь произведеніе вашего пера отдадите напечатать. Ода сія, какъ многіе знатоки говорятъ, не только доказываетъ вашъ хорошій вкусъ и великія дарованія, но и послужить можетъ хорошимъ примѣромъ въ семъ родѣ стихотворенія. Въ сатирѣ же открыли вы любовь вашу къ россійскому слову, ибо осмѣивая пороки, показали вы также сколь предосудительны дурные стихотворцы нашей, еще только раждающейся поэзіи. Позвольте жь, милостивый государь мой, васъ спросить, что̀ тому причиною, что вы не продолжаете болѣе услаждать вашими сочиненіями любителей хорошихъ стихотвореній? Неужели толпа нелюбимыхъ музами стихотворцевъ и прочіе, кои противу васъ за сатиру вашу возстали, вамъ въ томъ препятствуютъ? Или не недостатокъ-ли въ періодическихъ изданіяхъ, въ которыя бы вы стихи ваши помѣщать хотѣли, тому виною? Я бы весьма желалъ, чтобъ только сіе послѣднее было преградою изданію вашихъ сочиненій: сія преграда нынѣ разрушилась. Всеавгустѣйшая наукъ покровительница избраніемъ нынѣшняго академіи директора даровала россійскому стихотворству новаго мецената. Вамъ не безъизвѣстно, въ какомъ состояніи находятся науки и стихотворство тамъ, гдѣ онѣ обрѣтаютъ себѣ покровителей. Въ Россіи таковые покровители еще нужнѣе, нежели въ другихъ государствахъ, поелику публика наша не очень еще охотно читаетъ россійскія стихотворенія: *Душенька*, и многія другія сочиненія въ стихахъ лежатъ въ книжныхъ лавкахъ не проданы тогда, какъ многіе переведенные романы печатаются четвертымъ тисненіемъ. Посему стихотворцы наши не могутъ еще безъ покровителей надѣяться на ободреніе публики; имъ надобны защитники. Вы, думаю, помните стихи Ломоносова, къ Меценату его времени писанные:

Довольно таковыхъ родитъ сыновъ Россія,
Лишь были бъ завсегда защитники такіе,
Каковъ ты промысломъ въ сей день произведенъ,
Для счастія наукъ въ отечествѣ рожденъ.

„Во всѣхъ государствахъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ

временъ, опытами доказано, что стихотворство безъ покровителей процвѣтать не можетъ.

Il est vrai, que du Roi la bonté secourable
Jette enfin sur la muse un regard favorable,
Et reparant du sort l'aveuglement fatal
Va desormais tirer Phebus de l'hopital.
On doit tout esperer d'un monarque si juste
Mais sans un Mecenas à quoi sert un Auguste?
Et fait comme je suis au siecle d'aujourd'hui
Qui voudra s'abaisser à me servir d'appui?
Boileau Sat. 1.

„Нынѣ имѣемъ мы мецената, стараніемъ котораго и издается сей „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“; *я думаю, вы не отречетесь прислать какое-либо произведеніе вашего пера для помѣщенія въ сіе изданіе. Я наслышался отъ пріятелей вашихъ, что вы сатиру вашу хотѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передѣлать; ежели вы сіе уже исполнили, то бы вы присылкою оной сдѣлали великое удовольствіе издателямъ сего „Собесѣдника“*. Неужели вы не будете обще съ нами торжествовать возстановленія россійскихъ музъ? Въ надеждѣ, что я въ мысляхъ моихъ въ разсужденіи сего не ошибаюсь, пребываю съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ“ и т. д.

Письмо Козодавлева произвело желаемое впечатлѣніе, какъ можно заключить изъ того, что въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ „Собесѣдника“ появилась сатира Капниста, съ нѣкоторыми измѣненіями и передѣлками.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Козодавлевъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ, правою рукою княгини Дашковой при изданіи „Собесѣдника“. Вся переписка, довольно сложная и обширная, всѣ сношенія съ сотрудниками и другими лицами, всѣ счеты и расчеты по изданію велись почти исключительно Козодавлевымъ. Въ академическомъ архивѣ уцѣлѣло нѣсколько черновыхъ бумагъ, писанныхъ рукою Козодавлева и разосланныхъ въ свое время, отъ имени и за подписью Дашковой, различнымъ сотрудникамъ „Собесѣдника“. При помощи этихъ бумагъ могутъ быть отчасти выяснены нѣкоторые изъ библіографическихъ вопросовъ и недоразумѣній.

Весьма трудно бываетъ иногда съ точностью опредѣлить автора той или другой безыменной или подписанной только начальными буквами статьи, помѣщенной въ какомъ-либо

изъ журналовъ прошлаго столѣтія. Поводомъ къ догадкамъ послужили между прочимъ буквы *М. Х.*, которыми подписаны нѣсколько произведеній, помѣщенныхъ въ „Собесѣдникѣ". Всего скорѣе можно было видѣть здѣсь подпись извѣстнѣйшаго въ свое время и чрезвычайно плодовитаго писателя *Михаила* (Матвѣевича) *Хераскова*. По свидѣтельству знаменитаго вождя русскихъ библіографовъ, митрополита Евгенія, Херасковъ былъ однимъ изъ сотрудниковъ „Собесѣдника". То же говорятъ и другіе знатоки нашей старинной литературы. Но при внимательномъ переборѣ всего содержанія „Собесѣдника" замѣчено было, что стихи, помѣщенные въ этомъ журналѣ и приписываемые Хераскову, отличаются большею плавностью сравнительно съ другими стихотвореніями этого писателя. Не отрицая авторскихъ правъ Хераскова, Добролюбовъ, въ статьѣ своей о „Собесѣдникѣ", говоритъ: „По многимъ извѣстіямъ, здѣсь были также статьи *Хераскова*, и дѣйствительно, въ „Собесѣдникѣ" находимъ нѣсколько прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній, подписанныхъ буквами *М. Х.* Проза весьма сильно напоминаетъ Хераскова; но стихи плавнѣе, нежели обыкновенно у него. *Въ полномъ собраніи сочиненій Хераскова нѣтъ ни одной изъ этихъ статей*".

Приводя эти строки, извѣстный нашъ библіографъ М. Н. Лонгиновъ дѣлаетъ такой выводъ: „Дѣйствительно, всѣ эти статьи написаны не *Михаиломъ Матвѣевичемъ Херасковымъ*, а *Михаиломъ Васильевичемъ Храповицкимъ*. Михаилъ Васильевичъ Храповицкій (род. 1758, ум. 1819) былъ родной братъ Александра Васильевича (род. 1749, ум. 1801)... Изъ всего можно заключить, что Херасковъ дѣйствительно совсѣмъ не участвовалъ въ изданіи „Собесѣдника", что̀ подтверждается еще и тѣмъ, что онъ жилъ въ то время въ Москвѣ, гдѣ былъ кураторомъ университета съ 1778 по 1803 годъ".

Уцѣлѣвшая черновая рукопись Козодавлева служитъ положительнымъ доказательствомъ, что стихотворенія, по крайней мѣрѣ, два изъ нихъ, подписанныя буквами: *М. Х.*, принадлежатъ *Михаилу Матвѣевичу Хераскову*, а не Михаилу Васильевичу Храповицкому.

Въ шестой части „Собесѣдника" помѣщены стихи „Княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой".

Призывающему гласу
Я послѣдовать хощу —

Ко священному Парнасу
Прежняго пути ищу.
Сладко мнѣ повиноваться
*Предсѣдательницѣ муз*ъ,
Только долженъ я признаться,
Что къ стихамъ исчезъ мой вкусъ...
Мнѣ не лиру, но цѣвницу
Свойственно теперь имѣть; —
Пусть мурза поетъ Фелицу:
Можетъ онъ со вкусомъ пѣть...
Кто россійской громкой славы
Не удобенъ въ рогъ звучать,
Тотъ *испорченные нравы*
Постарайся обличать.
Пусть вѣщаетъ и вострубитъ,
Въ прозѣ и стихахъ своихъ,
Кто Россію прямо любитъ,
Не заемлетъ свойствъ чужихъ...
Пойте, росски музы, пойте, —
Есть наперсница у васъ;
Восхищайтесь, лиры стройте:
Ввѣренъ Дашковой Парнасъ.

Стихотвореніе это служило, очевидно, отвѣтомъ на *призывный голосъ предсѣдательницы музъ*, т.-е., говоря обыкновеннымъ языкомъ, на приглашеніе княгини Дашковой, предсѣдателя Академіи, участвовать въ „Собесѣдникѣ“. Указаніе сюжетовъ для писателей и требованіе самостоятельности, незаимствованія чужихъ свойствъ для русскаго общества, напоминаетъ отчасти похвалы Екатеринѣ II въ стихахъ Козодавлева, и приведенный нами отрывокъ изъ письма иногородняго корреспондента, заключающій въ себѣ какъ бы программу для сотрудниковъ „Собесѣдника“.

Седьмая часть „Собесѣдника“ открывается одою: *Вѣчность.*

Покрыта мракомъ безконечность,
Порфира Божія и храмъ,
Непостижима смертнымъ Вѣчность
Явилася моимъ очамъ!
Въ ней вѣки, временами полны,
Колеблются, какъ въ морѣ волны,
Родятся, исчезаютъ въ ней...
Вообразивъ кончину міра
Смущаюся и трепещу;
Дрожитъ рука моя и лира,

Я пѣснь мою прервать хощу.
Но радость духъ мой ощущаетъ;
Мнѣ нѣкто съ высоты вѣщаетъ:
Земныя будто сѣмена
Въ благословенномъ зрѣютъ лѣтѣ,
Такъ все явится въ лучшемъ цвѣтѣ,
Когда минуютъ времена...

Оба стихотворенія *Княгинѣ Дашковой* и *Вѣчность* подписаны буквами: *М. Х.* Въ академическомъ архивѣ сохранилось слѣдующее, писанное рукою Козодавлева, черновое письмо княгини Дашковой:

„Государь мой Михайло Матвѣевичь.

Стихи вашего превосходительства, писанные ко мнѣ, я къ удовольствію моему получила, и чрезъ сіе васъ за оные покорнѣйше благодарю. Они напечатаны будутъ, къ удовольствію публики и къ чести *„Собесѣдника“*, *въ шестой онаго части*. Присемъ покорнѣйше прошу одолжить присылкою еще какихъ-либо *стиховъ перваго*, такъ, *чтобъ оными начать можно было седьмую часть нашего изданія*, и для того желала бы я оные имѣть къ 8 числу октября мѣсяца. Исполненіемъ сей моей просьбы вы меня крайне одолжите. Въ прочемъ пребываю съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства, государя моего“.

Какъ отчество *Матвѣевичь*, такъ и титулъ *превосходительство*, показываютъ, что письмо писано къ *Хераскову*, а не къ Храповицкому. Оно относится къ 1783 году, а Храповицкій, и десять лѣтъ спустя, былъ *коллежскимъ ассесоромъ*: въ „Мѣсяцословѣ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ на 1794 годъ“ значится предводителемъ въ Вышнемъ-Волочкѣ колежскій асессоръ Михаилъ Васильевичъ Храповицкій. Храповицкій провелъ почти всю свою жизнь въ уединеніи, въ имѣніи своемъ, Тверской губерніи Вышневолоцкаго уѣзда.

Херасковъ хотя и жилъ въ Москвѣ, но находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ петербургскими литераторами и сочленами своими по Россійской Академіи, а въ числѣ ихъ и съ Дашковою. Въ одно время съ кураторомъ Московскаго университета Херасковымъ избраны въ члены Россійской Ака-

демии профессора Московскаго университета: Барсовъ и Десницкій. Сохранилось черновое, писанное также рукою Козодавлева, письмо Дашковой, какъ председателя Россійской Академіи, къ Хераскову:

„Государь мой Михайло Матвѣевичъ.

Ея императорскому величеству угодно было всемилостивѣйше утвердить поданный отъ меня докладъ объ учрежденіи здѣсь императорской россійской академіи, о чемъ и указъ я имѣла щастіе получить, съ котораго при семъ препровождаю къ вашему превосходительству копію, прося васъ принять на себя званіе члена сей раждающейся академіи и тѣмъ сдѣлать ей честь. Также прошу отъ меня предложить о семъ господамъ профессорамъ Десницкому и Барсову, и меня по первой почтѣ о согласіи вашемъ увѣдомить. Впрочемъ пребываю съ почтеніемъ

вашего превосходительства
государя моего“.

Въ такъ называемомъ *полномъ* собраніи сочиненій Хераскова недостаетъ многаго изъ того, что помѣщено авторомъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, какъ это давнымъ-давно замѣчено. Вдова Хераскова, въ письмѣ къ президенту Россійской Академіи Нартову, говоритъ: „На сихъ дняхъ отправила я во ввѣренную вамъ академію копію съ портрета покойнаго мужа моего Михаила Матвѣевича, *также всѣ изданныя и напечатанныя сочиненія его, состоящія въ четырнадцати томахъ, кромѣ мелкихъ сочиненій, помѣщаемыхъ въ разныхъ журналахъ*“ и т. д.

Что касается вообще до участія Козодавлева въ изданіи „Собесѣдника“, то справедливость требуетъ сказать, что Козодавлевъ весьма много содѣйствовалъ успѣшному ходу этого литературнаго предпріятія, и что Козодавлевымъ собственно и держался издаваемый имъ „Собесѣдникъ“. Къ такому заключенію невольно приводитъ то обстоятельство, что какъ только Козодавлевъ вышелъ изъ редакціи, такъ прекратилось и самое изданіе. Выходя изъ Академіи Наукъ и слагая съ себя вслѣдствіе этого обязанности редактора „Собесѣдника“, Козодавлевъ представилъ академическому начальству *планъ*

листовъ печаталвшеися тогда *шестнадцатой* части журнала. Этими пятью листами и завершилось изданіе. Послѣдняя, шестнадцатая часть „Собесѣдника" заключаетъ въ себѣ всего около пяти съ половиною печатныхъ листовъ; изъ нихъ пять —тѣ, о которыхъ упоминаетъ Козодавлевъ, а остальныя страницы, около полулиста, заняты его же статьею, представленною имъ, вѣроятно, въ рукописи.

Сухомлиновъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ КОЗОДАВЛЕВА.

Наука и литература имѣли высокое значеніе въ глазахъ Козодавлева. Онъ принималъ непосредственное участіе въ литературной дѣятельности своего времени и находился въ сношеніяхъ, болѣе или менѣе близкихъ, съ замѣчательнѣйшими изъ нашихъ писателей и ученыхъ. Литературныя связи его были довольно обширны и не ограничивались одною случайностью. Имена Державина, Фонвизина, Карамзина и другихъ писателей необходимо должны быть упоминаемы въ его біографіи.

Будучи свидѣтелемъ первыхъ шаговъ Карамзина на литературномъ поприщѣ, Козодавлевъ не могъ не оцѣнить новаго и блестящаго таланта, хотя, повидимому, сохранилъ свое сочувствіе къ произведеніямъ Хераскова, преимущественно къ его повѣстямъ. Впрочемъ, самъ Карамзинъ, вспоминая свою молодость, отчасти объясняетъ причину, почему повѣсти Хераскова, т.-е. собственно ихъ направленіе и основная мысль, такъ сильно дѣйствовали на тогдашнія поколѣнія читателей. Карамзинъ говоритъ, что чтеніе повѣстей назидательнаго свойства, въ которыхъ добро и правда всегда одерживаютъ побѣду надъ зломъ съ его безчисленными орудіями, оставляло глубокіе слѣды въ его душѣ, укрѣпляя въ ней убѣжденіе въ несокрушимости нравственныхъ началъ и въ необходимости согласоваться съ ними и въ своихъ понятіяхъ и въ своихъ дѣйствіяхъ. Писателемъ истинно великимъ Карамзинъ является въ своей исторіи. Сознавая значеніе этого труда для науки и для Россіи, Козодавлевъ сообщалъ о немъ, какъ мы видѣли, точныя и подробныя свѣдѣнія въ своей газетѣ.

Сближаясь съ писателями, Козодавлевъ отчасти вызывалъ ихъ на новыя литературныя предпріятія и нерѣдко содѣй-

ствовалъ появленію въ свѣтъ выдающихся произведеній тогдашней словесности.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ея представителей, Державинъ, писалъ Козодавлеву: *„Вы всегда поощряли меня къ поэзіи*, и выхваляли малыя мои способности, данныя мнѣ одною природою и *вами только примѣченныя*“.

Извѣстно, что ода Фелица, составившая славу Державина въ современномъ ему обществѣ, явилась въ печати благодаря тому обстоятельству, что обладавшій литературнымъ вкусомъ и чутьемъ Козодавлевъ прочиталъ ее въ рукописи и вполнѣ оцѣнилъ это замѣчательное произведеніе русской лирики восемнадцатаго столѣтія. Фелица и напечатана впервые въ томъ журналѣ, редакторомъ котораго былъ Козодавлевъ.

Выборъ произведеній, привлекавшихъ особое вниманіе Козодавлева, нельзя объяснить простою случайностью. Въ выборѣ этомъ обнаруживается, до нѣкоторой степени, преобладающій образъ мыслей самого Козодавлева, его уваженіе къ правамъ человѣчества и къ началу свободы, одинаково благодѣтельнаго, по его мнѣнію, какъ для умственной, такъ и для общественной жизни народа. Поэтическій образъ, начертанный перомъ Державина, возбуждалъ сочувствіе въ душѣ Козодавлева особенно потому, что, говоря стихами самого Козодавлева, —

Фелица милуетъ грядущи къ ней народы,
Даетъ имъ чувствовать пріятности *свободы*...

Фелица, говоря также словами Козодавлева, полагаетъ, что истинное величіе земныхъ владыкъ требуетъ,

Чтобъ *мыслилъ и писалъ* ихъ подданный *свободно*. .

Лелѣя въ душѣ своей идеалъ свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо зная наши общественные порядки и наше дѣлопроизводство прежняго, весьма недавняго времени, Козодавлевъ понималъ настоящій смыслъ и жизненную правду стиховъ Державина, обращенныхъ къ Фелицѣ:

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ — и въ явь, и подъ рукой —
И знать и мыслить позволяешь...

Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ...
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить...

Полагаютъ, что и трагедія Княжнина *Вадимъ*, послужившая поводомъ къ обвиненію автора въ революціонныхъ замыслахъ, появилась въ печати также благодаря Козодавлеву, которому будто бы поручено было разобрать трагедію, какъ въ литературномъ, такъ и въ цензурномъ отношеніи. Свѣдѣніе объ этомъ заимствовано изъ весьма достовѣрнаго, повидимому, источника. Оно взято нашими библіографами изъ записокъ княгини Дашковой, которая, въ качествѣ директора Академіи Наукъ, разрѣшила напечатать *Вадима* въ академической типографіи и помѣстить его въ академическомъ изданіи. Хотя, при ближайшемъ знакомствѣ съ ходомъ дѣла, свидѣтельство Дашковой оказывается неточнымъ, тѣмъ не менѣе оно, какъ и вообще все то, что говорилось и писалось о злосчастной трагедіи, какъ Дашковою, такъ и другими лицами, весьма живо рисуетъ тогдашнія времена и понятія. Поэтому, а также для выясненія участія, приписываемаго Козодавлеву, считаемъ умѣстнымъ сообщить нѣсколько данныхъ, относящихся къ любопытному эпизоду изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго прошлаго.

Въ трагедіи Княжнина главное вниманіе обращаютъ на себя два противоположные типа, выставленные авторомъ въ особенно яркомъ свѣтѣ. Два дѣйствующія лица *Рюрикъ* и *Вадимъ* олицетворяютъ собою два непримиримыя начала — монархическое и республиканское. Скорѣе земля соединится съ небомъ, — говоритъ Вадимъ — нежели республиканецъ подчинится монархической власти. Видя, что монархія одержала окончательную побѣду, онъ рѣшается покончить съ жизнію, утратившею для него все свое значеніе. Въ припадкѣ негодованія и бѣшеной злобы, онъ укоряетъ своихъ собесѣдниковъ въ малодушіи и высказываетъ имъ такого рода мысли: свободный человѣкъ гнушается блескомъ вѣнца на главѣ повелителей, ибо видитъ въ немъ орудіе рабства, искажающаго небесную красоту свободы: кто пожертвовалъ своею свободою, тотъ лишилъ себя отечества: поди, не до-

бывающіе сами себѣ свободы, ожидая ея отъ посторонней помощи, составляютъ не общество, а стадо, и т. п.:

Къ мученью моему, все мой являетъ стыдъ,
Свободы требуетъ, утраченныя мною.
Сей воздухъ, чѣмъ дышу; земля, гдѣ я стою,
И стѣны вопіютъ, кленя здѣсь жизнь мою:
Ужъ нѣтъ отечества, а ты на свѣтъ взираешь,
Не могъ его спасти, а ты не умираешь...
(Дѣйств. V, явл. 2).

Что право подаетъ тебѣ надеждой льститься —
Когда ты побѣдилъ, со мною примириться?
Не сей ли на главѣ блистающій вѣнецъ, —
Сіе гнушеніе свободныхъ всѣхъ сердецъ?
Хоть иго днесь твое побѣдой оправданно,
Презрѣнно право мной, одною силой данно.
Побѣда можетъ ли вѣнца закрасить зло...
На мѣсто вольности небесной красоты
Ты своеволія являя намъ черты...
(Дѣйств. V, явл. 3).

Такъ должно на боговъ намъ только полагаться,
И въ *стадѣ* человѣкъ безъ славы пресмыкаться?
Но боги дали намъ — свободу возвратить,
И сердце, чтобъ дерзать, и руки, чтобъ разить!
Ихъ помощь — въ насъ самихъ. Какой еще хотите?
Ступайте, ползайте, ихъ грома тщетно ждите...
(Дѣйств. I, явл. 2).

Новгородскій посадникъ Пренестъ, побуждаемый и любовью къ свободѣ и любовью къ дочери Вадима, собираетъ гражданъ и всячески старается удержать ихъ отъ покорности передъ самодержавною властью Рюрика. Чтобы доводамъ своимъ придать особенную убѣдительность и силу, онъ нападаетъ не только на лицо властителя, но и на самую идею власти, и говоритъ (Дѣйствіе II, явленіе 4):

Какой герой въ вѣнцѣ съ пути не совратился?
Величья своего отравой упоенъ,
Кто не былъ изъ царей въ порфирѣ развращенъ?
Самодержавіе, повсюду бѣдъ содѣтель,
Вредитъ и самую чистѣйшу добродѣтель,
И невозбранные пути открывъ страстямъ,
Даетъ свободу быть тиранами царямъ.
Воззрите на владыкъ вы всякихъ странъ и вѣковъ:
Ихъ власть есть власть боговъ, а слабость человѣковъ...

Подобныя тирады чрезвычайно встревожили императрицу, испуганную революціоннымъ движеніемъ во Франціи. Началось разыскное дѣло о трагедіи Княжнина, съ обычными въ этихъ случаяхъ дознаніями, отобраніемъ свидѣтельскихъ показаній и т. п. Она была напечатана въ типографіи Академіи Наукъ. Академическая канцелярія сдѣлала, еще въ 1783 г., слѣдующее распоряженіе: „На книгахъ, печатаемыхъ на счетъ академіи, печатать впредь внизу: *иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ*. На тѣхъ же, которыя печатаются на счетъ ея императорскаго величества кабинета или комнаты, также и частныхъ какихъ-либо особъ, печатать: *при Императорской Академіи Наукъ*. Если же кто изъ частныхъ людей отдастъ напечатать какую книгу, недостойную вниманія, то на ней ничего, кромѣ *Санктпетербурга* и *года*, не печатать, дабы публика свѣдома была, какія точно книги печатаются въ академической типографіи. Что же касается до дурныхъ книгъ, то поелику сіе иногда составляетъ интересъ академіи, то ихъ хотя и печатать, то чтобъ извѣстно было, что то не академическій счетъ чинится, на таковыхъ книгахъ означать, что оныя напечатаны *на счетъ сочинителя*“. На заглавномъ листкѣ трагедіи Вадимъ обозначено, что она напечатана *при Императорской Академіи Наукъ*. Сверхъ того, она помѣщена и въ „Россійскомъ Өеатрѣ“ — собраніи русскихъ театральныхъ сочиненій, печатавшихся также *при Императорской Академіи Наукъ*. Такимъ образомъ доля отвѣтственности падала и на академическое начальство. Директоромъ Академіи Наукъ была въ то время княгиня Дашкова. Совершенно неожиданно получила она отъ Екатерины II собственноручную записку слѣдующаго содержанія: Il vient de paraitre une tragédie Вадимъ Новгородскій dont *le titre porte qu'elle est imprimée a l'académie* on la dit très mordante contre l'autorité souveraine. Vous ferez bien d'en arrêter la vente jusqu'à ce que je l'aye lue. L'avez vous lue? Дашкова отвѣтила, что она не прочитала трагедіи и, не зная ея содержанія, дала разрѣшеніе ее напечатать. При встрѣчѣ съ Дашковою, императрица сказала ей: Qu'ai-je fait pour que vous imprimiez des injures et atrocités contre moi? Et vous dites encore que je n'ai rien à craindre. Savez-vous ce que je ferai? Je ferai bruler par la main du bourreau cette tragédie, et *le titre porte qu'elle a été imprimée à l'académie.*

Застигнутая врасплохъ, Дашкова давала показанія неопредѣленныя, отдѣлываясь общими мѣстами. Она говорила, что не прочла трагедіи вслѣдствіе полнѣйшей увѣренности, что не найдетъ въ ней ничего, кромѣ изліянія влюбленныхъ сердецъ, потому что въ трагедіяхъ вообще вся суть заключается въ изображеніи любовной страсти, хотя во многихъ изъ нихъ и встрѣчаются весьма рѣзкія выходки противъ властей. Имени цензора она не объявила и всю вину взяла на себя, чтобы вполнѣ успокоить императрицу. Могла ли Екатерина II предполагать какой-либо злой умыселъ въ своемъ испытанномъ другѣ, княгинѣ Дашковой, разрѣшившей напечатать трагедію и т. п. Впослѣдствіи, при спокойномъ изложеніи дѣла, Дашкова назвала и цензора, именно Козодавлева. Въ запискахъ своихъ Дашкова говоритъ, что она передала трагедію на разсмотрѣніе совѣтнику Академіи Наукъ Козодавлеву. Выборъ свой она объясняетъ тѣмъ, что Козодавлевъ, будучи самъ писателемъ, обладалъ глубокимъ знаніемъ отечественнаго языка и имѣлъ вѣрное понятіе объ условіяхъ и требованіяхъ печатнаго слова. Прочитавши трагедію, Козодавлевъ нашелъ, что ее можно напечатать, такъ какъ въ ней нѣтъ ничего противозаконнаго, и она оканчивается торжествомъ монархической власти надъ покоренною вольницею и подавленнымъ бунтомъ. Вотъ подлинныя слова Дашковой:

A year and a half after the retirement of my brother, the widow of one of our most famous tragic poets (M. Kniejnine) begged of me to have printed for the benefit of his children, the last tragedy he had composed, which as yet had not been published. As it was one of the counsellors of the chancery of the academy who made this application (M. Kasadawleff), I told him I would give the orders he desired as soon as he had himself looked over the work, and could assure me that it contained nothing offensive, either to our laws or our religion, and that I charged him so much the more readily with this commission, as being himself an author perfectly conversant in our native language, and a very competent judge of what was or was not fit to be published in it. This gentleman made his report that the tragedy was founded on some historic facts which had happened at Novogor d, that he perceived nothing reprehensible in the sentiments or language, and that the denouement of the piece was the triumph of a Russian monarch, with the submission of Novogorod and the rebels.

Upon this report I ordered the work to be printed, and in such a way as to put the widow of its author to as little expense as possible. It would puzzle ingenuity itself to conceive how this little affair could give rise to the absurdities it really occasioned...

...With regard to some opinions passed on it, I begged to observe they were nothing to me, who had subjected it to the inspection and censorship of one of the academic council (Kazadawleff) before permission was given to the widow of its author to have it published for her profit; and therefore I sincerely hoped to hear nothing more on such a subject.

Но въ то время Козодавлевъ былъ не совѣтникомъ Академіи Наукъ, а членомъ Коммиссіи о народныхъ училищахъ, и уже болѣе девяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ Академію. Слѣдовательно, ему ни въ какомъ случаѣ не могла быть поручаема, по службѣ, цензура академическихъ изданій. Нельзя допустить также, чтобы Дашкова, минуя своихъ офиціальныхъ помощниковъ, частнымъ образомъ просила Козодавлева дать отзывъ о Вадимѣ Княжнина. Да ей и въ голову не приходило, что трагедіи этой придадутъ такое важное, политическое значеніе. Для того, чтобы понять, какимъ образомъ могла, по выраженію Дашковой, повторенному Екатериною, *проскочить* трагедія съ революціонной подкладкой, надо обратиться къ тогдашнимъ порядкамъ, принятымъ въ Академіи Наукъ при печатаніи книгъ въ ея типографіи.

Авторы или издатели представляли рукописи академическому начальству. Директоромъ Академіи или его именемъ давалось приказаніе печатать, и рукописи поступали въ академическую типографію. Обязанность разсматривать ихъ въ цензурномъ отношеніи возлагаема была директоромъ или на совѣтника Академіи Наукъ, завѣдовавшаго хозяйственною частью учрежденія, или на инспекторскаго помощника, которому ввѣрялся непосредственный надзоръ за типографскими работами. Совѣтникомъ на ту пору былъ Чихачовъ, инспекторскимъ помощникомъ — Миллеръ.

Николай Матвѣевичъ Чихачовъ началъ службу свою въ Преображенскомъ полку сержантомъ; былъ въ томъ же полку подпоручикомъ, адъютантомъ, капитанъ-поручикомъ, капитаномъ, и выпущенъ къ штатскимъ дѣламъ въ чинѣ бригадира. Въ октябрѣ 1792 года онъ опредѣленъ, въ помощь директору, совѣтникомъ въ Академіи Наукъ. Ни предшествующая

служба, ни другія данныя не внушаютъ предположенія ни о глубокихъ познаніяхъ Чихачова въ отечественномъ языкѣ, ни о его компетентности въ вопросахъ литературныхъ. Кругъ дѣятельности его по Академіи ограничивался хозяйственными дѣлами, какъ можно судить по слѣдующему наказу или инструкціи:

„Имѣеть надзираніе господинъ совѣтникъ, Николай Матвѣевичъ, надъ нижеписанными дѣлами:

1) Надъ всѣми доходами, Академіи Наукъ принадлежащими, съ отдаваемыхъ въ наемъ казенныхъ покоевъ, погребовъ и прочаго. Равно за собираніемъ на содержаніе въ гимназіи пансіонеровъ отъ родственниковъ ихъ денегъ, чтобы оныя вносимы были въ слѣдующіе сроки. А притомъ за требованіями и взысканіями всѣхъ должныхъ Академіи Наукъ денегъ.

2) За производимыми въ академическихъ домахъ, свѣтлицахъ и палатахъ, необходимо нужнѣйшими починками и передѣлками, дабы на оныя принимаемы и употребляемы были матеріалы, въ дѣло годные, и все бы производилось по предписаніямъ въ точности.

3) За покупками и поставками для всѣхъ департаментовъ типографіи и палатъ разнаго званія бумаги и другихъ матеріаловъ, инструментовъ и вещей, а для воспитывающихся въ гимназіи — всѣхъ потребностей, какъ-то: одежды, бѣлья, обуви и прочаго.

Двоюродный братъ академическаго совѣтника Н. Я. Чихачовъ, зять Княжнина и опекунъ его дѣтей, продалъ оставшіяся по смерти писателя сочиненія, и въ томъ числѣ трагедію *Вадимъ* и комедію *Чудаки*, книгопродавцу Глазунову, который и представилъ ихъ въ Академію Наукъ для напечатанія. Весьма естественно, что въ дѣлѣ этомъ принималъ участіе и академическій совѣтникъ Чихачовъ, какъ землякъ и свойственникъ Княжнина. Княжнинъ родился во Псковѣ; Чихачовы были псковскіе помѣщики. Совѣтникъ Чихачовъ присутствовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ канцеляріи Академіи Наукъ: всѣ академическія дѣла проходили черезъ его руки и вносились въ журналъ или въ дневную записку въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находилъ болѣе удобнымъ. Всѣ журналы подписывались обыкновенно Дашковою и Чихачовымъ и скрѣплялись секретаремъ. Каждый журналъ непремѣнно начинался такимъ образомъ:

- Господинъ совѣтникъ, бригадиръ Николай Матвѣевичъ Чихачевъ, въ присутствіе прибылъ до полудня въ такомъ-то часу (большею частью въ восемь).

Ея сіятельство, ея императорскаго величества статсъ-дама, академіи наукъ директоръ и кавалеръ, княгиня Екатерина Романовна Дашкова изволила приказать записать слѣдующее.

Въ письмѣ своемъ къ брату, графу Александру Романовичу Воронцову, писанномъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возникшей исторіи, Дашкова говоритъ, что она дала словесное приказаніе академическому совѣтнику *Чихачову* прочитать трагедію — j'ai demandé excuse de l'inadvertance de n'avoir pas ordonné de la lire, quoique au fond je n'ai pas même cela à me reprocher, car *j'avais dit de bouche à Чихачевъ de la lire.* Самъ Чихачевъ заявилъ на слѣдствіи, что княгиня Дашкова поручила ему прочитать трагедію, но что у него не было на это времени.

Въ журналѣ Академіи Наукъ 4 іюня 1793 года записано: „По просьбѣ книгопродавца Ивана Глазунова, трагедіи *Вадимъ Новгородскій*, въ стихахъ, сочин. Княжнина напечатать тысячу двѣсти двѣнадцать экземпляровъ, получа отъ него впередъ за наборъ, печатаніе и бумагу деньги, за каждый листъ по одиннадцати рублей по двадцати копеекъ, да на задѣльныя двѣнадцать рублей, которыя и вносить въ канцелярію при репортѣ. *По наборѣ жъ каждаго листа оной пiесы, отпечатывать и въ Россійской Өеатръ, противу вышедшихъ томовъ, для избѣжанія вторичнаго набора.* Въ число жъ слѣдующей впредь суммы принять нынѣ отъ Глазунова двадцать рублей, и о семъ внесть въ дневную записку“.

Желая оправдать себя въ глазахъ Екатерины, Дашкова ссылается на распоряженіе свое о предварительномъ просмотрѣ комедіи того же автора — *Чудаки.* Она говоритъ: „О комедіи *Чудаки* помысливъ, что можетъ быть сатиру на кого-нибудь содержитъ, я приказала оную разсмотрѣть“. Дѣйствительно, въ журналѣ Академіи Наукъ 30 іюля 1793 г. отмѣчено: „представленную отъ Глазунова комедію *Чудаки*, въ стихахъ, въ пяти дѣйствіяхъ, разсмотрѣть инспекторскому помощнику Миллеру, и *если въ ней ничего противнаго не найдется*, напечатать оную въ книжной типографіи 1212 экземпляровъ“. Өедоръ Миллеръ, сынъ плотничнаго и строительнаго дѣла мастера, учился въ академической гимназіи, былъ переводчикомъ, затѣмъ опредѣленъ въ книжную

типографію для исправленія письменныхъ дѣлъ, и наконецъ назначенъ инспекторскимъ помощникомъ. Нашелъ ли Миллеръ въ комедіи Княжнина какія-либо противности, и подмѣтилъ ли въ ней сатирическіе намеки на кого-либо изъ современниковъ, — неизвѣстно. Можетъ статься, что онъ также исполнилъ письменное приказаніе, какъ Чихачовъ словесное, т.-е. не прочитавши рукописи, отдалъ ее въ типографію для набора. По крайней мѣрѣ, въ донесеніи его нѣтъ ни малѣйшаго слѣда, чтобы онъ читалъ комедію: онъ рапортуетъ только, что „*по запискѣ* отъ 30 іюля сего 1793 года, напечатано на счетъ книгопродавца Глазунова комедіи *Чудаки* 1212 экземпляровъ“.

Какимъ же образомъ, вмѣсто Чихачова или Миллера, явилось въ запискахъ Дашковой имя Козодавлева? По всей вѣроятности, это произошло вслѣдствіе того, что Дашкова писала свои мемуары уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда память значительно измѣняла ей, не удерживая въ точности ни именъ дѣйствующихъ лицъ, давно уже сошедшихъ со сцены, ни многихъ подробностей изъ того, что̀ было и быльемъ поросло. Уклоненіе отъ прежняго разсказа о томъ же предметѣ можно до нѣкоторой степени объяснить и самою цѣлью, съ которою были писаны мемуары. Дашкова разсчитывала на то, что записки ея „явятся въ свѣтъ“ и вызовутъ различные толки и пересуды, а потому она, безъ сомнѣнія, желала устранить, по возможности, все то, что могло служить поводомъ къ нареканіямъ и обвиненіямъ. Изъ письма Дашковой къ брату оказывается, что она забыла сдѣлать необходимое распоряженіе о рукописи или сдѣлала его вскользь, словесно, да и то, если вѣрить показанію другого лица; цензоръ, въ свою очередь, забылъ или не успѣлъ исполнить даннаго ему приказанія, да притомъ же онъ приходился кумомъ и сватомъ автора, и т. п. Такая идиллическая картина не давала бы особенно выгоднаго понятія о тѣхъ порядкахъ, которые завела Дашкова въ управленіи академическими дѣлами. То обстоятельство, что въ типографіи Академіи Наукъ, на глазахъ у ея директора, печатаются книги революціоннаго, по мнѣнію правительства, содержанія, могло бросить нѣкоторую тѣнь на Дашкову, безпрестанно повторявшую о своей преданности правительству, а между тѣмъ такъ небрежно исполнявшую свои служебныя обязан-

мости. Какъ бы предчувствуя подобное обвиненіе, Дашкова, въ запискахъ своихъ, излагаетъ дѣло такимъ образомъ, что вполнѣ выгораживаетъ себя, возлагая всю отвѣтственность на цензора: съ своей стороны она сдѣлала все, что могла и должна была сдѣлать: выбранный ею цензоръ соединялъ въ себѣ всѣ требуемыя условія; лучшаго, просвѣщеннѣйшаго, болѣе компетентнаго судьи невозможно было отыскать въ тогдашнемъ обществѣ. Дашкова помнила, что она поручила разсмотрѣть рукопись совѣтнику Академіи Наукъ. Но кто же изъ совѣтниковъ былъ вполнѣ компетентнымъ судьею въ литературныхъ вопросахъ? Безъ всякаго сомнѣнія, Козодавлевъ. Если въ памяти Дашковой врѣзалось имя *Козодавлева*, то, разумѣется, потому, что изъ всѣхъ совѣтниковъ, бывшихъ въ Академіи и до него и послѣ него, онъ особенно выдавался своею обширною образованностью и своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ литературныхъ трудахъ и предпріятіяхъ. Къ нему, и именно къ нему, а отнюдь не къ кому другому, относится замѣчаніе Дашковой, что отдала трагедію на судъ писателя, отличавшагося и глубокимъ знаніемъ родного языка и несомнѣннымъ литературнымъ тактомъ. Убѣдиться въ этомъ она имѣла много случаевъ во все время существованія „Собесѣдника“, настоящимъ издателемъ котораго былъ въ сущности Козодавлевъ. Забывши имя совѣтника, Дашкова твердо и вѣрно сохранила въ своей памяти тѣ черты, которыя безспорно принадлежатъ Козодавлеву, и которыми онъ такъ ярко отличается отъ своихъ многочисленныхъ сослуживцевъ.

Какъ ни сбивчивы показанія Дашковой, данныя ею въ первыя минуты допроса, въ нихъ есть своего рода правда: они показываютъ тогдашніе нравы, ходячія понятія о литературныхъ произведеніяхъ и т. п. Въ этомъ отношеніи любопытна и переписка генералъ-прокурора Самойлова по поводу *Вадима* Княжнина. Дашкова увѣряла, что тирады, направленныя противъ власти, совершенно безвредны и не производятъ ни малѣйшаго вліянія, потому что въ трагедіяхъ ищутъ и отъ нихъ требуютъ единственно только любовной интриги, и ничего болѣе: il était tout naturel de ne point penser d'une tragédie autre chose sinon que les effets de l'amour y étaient d-peints... Au reste s. m. n'avait pas à craindre aucune influence plus majeure que les tirades d'une tragédie...

Je crois qu'il n'y a pas dix tragédies de 100 qui ne contiennent des tirades contre les princes.". Генералъ-прокуроръ обвиняетъ автора въ томъ, и только въ томъ, что въ его трагедіи помѣщены „дерзкія слова" и „нелѣпыя выраженія".

Съ тою же критикою словъ и съ тѣми же требованіями отъ трагедіи, о которыхъ говоритъ Дашкова, выступили и литературные обвинители посмертнаго произведенія Княжнина. Единственный современный критикъ Вадима, изложивъ содержаніе каждаго изъ пяти дѣйствій трагедіи, и отмѣтивъ „*сцену, наполненную любви, кроющейся въ сердцахъ* Рурика и Рамиды", высказываетъ такого рода соображенія: „Всю трагедію составляютъ три только дѣйствующія лица: Рурикъ, Вадимъ и дочь его Рамида. Рурикъ есть кроткій, милосердый и *благоразумный* государь. Вадимъ — строгій, предпріимчивый, изступленный и, можно сказать, *безумный* республиканецъ. Самыя его покушенія на возвращеніе вольности новгородцамъ тогда, когда они добровольно вручили и власть и корону Рурику, не есть ли покушеніе безразсудное? Желаніе обратить ихъ въ прежнее безначаліе не есть ли желаніе самаго лютѣйшаго имъ зла? Не для того ли хотѣть низвергнуть съ престола Рурика, дабы самому обладать республикой и, сдѣлавшись идоломъ народа, повергнуть ихъ въ мучительныя цѣпи рабства, что всего чаще дѣлается въ республикѣ. Рамида — пылкая, *благоразумная*, но послушная отцу республиканка. *Забыть любовника обожаемаго*; въ то же время хотѣть вручить себя тому, кто свергнетъ съ престола кроткаго и мудраго Рурика, который *взаимно обожаемъ ею*; потомъ заколоться безъ малѣйшей причины — вотъ поступокъ и повиновеніе къ отцу, могущіе показаться естественными только развѣ въ трагедіи. Не лучше ли бы было, ежели бы г. сочинитель сдѣлалъ въ развязкѣ переломъ характера Вадима? *Не лучше ли бы было, когда бы Вадимъ призналъ въ Рурикѣ благотворителя новгородцевъ, и сочеталъ съ нимъ Рамиду*. Кажется, сіе дѣйствіе было бы живѣе, неожиданнѣе, *благоразумнѣе* и нравоучительнѣе. Что почерпнетъ для сердца и разума зритель и читатель изъ развязки настоящей? Или презрѣніе къ непреклонности *безумца республиканца*, или ничего. Но въ другомъ случаѣ онъ увидѣлъ бы два великія дѣйствія: первое — снисхожденіе Рурика, и другое — *благодарное смиреніе* Вадима и новгородцевъ. Самый Вадимъ

могъ бы съ своею неустрашимостію быть еще преполезнымъ гражданиномъ, а теперь онъ болѣе ничего не дѣлаетъ, какъ умираетъ, — а это весьма обыкновенно. Стихи въ трагедіи есть хорошіе, прекрасные; есть мѣста, гдѣ мысли растянуты, и оттого теряютъ красоту свою; и наконецъ есть стихи, которые критиковать должно, напримѣръ:

> Свершивъ къ отцу *мои я* должности жестоки...
> И *въ стадѣ человѣкъ* безъ славы пресмыкаться ..

Въ первомъ стихѣ мѣстоимѣніе *я* — вставка непростительная, а стеченіе *о, и, я* дѣлаетъ весьма дурную музыку. Въ последнемъ стихѣ мысли темны, и *въ стадѣ человѣкъ* — погрѣшность весьма чувствительная: вмѣсто множественнаго *людей* сказано въ единственномъ *человѣкъ*; имя собирательное *стадо* для людей низко" и т. д.

Трагедію Княжнина *Вадимъ Новгородскій*, по ея духу и направленію, Екатерина II сближала съ сочиненіемъ Радищева, изданнымъ подъ названіемъ: *Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву*. Она называла эти книги двумя зловѣщими событіями и съ ужасомъ ожидала чего-либо третьяго въ этомъ же родѣ. Дѣло, возникшее по поводу книги Радищева, грозило непріятными послѣдствіями и для Козодавлева. Ходили слухи, что Козодавлевъ принималъ участіе въ составленіи революціонной книги. Только счастливый случай и отчасти скромность Державина и Дашковой отклонили бѣду, которая, быть можетъ, ожидала Козодавлева. По свидѣтельству Дашковой, когда Козодавлевъ назначенъ былъ членомъ Коммиссіи о коммерціи, то Державинъ „сказалъ при многихъ: Вотъ какой я души человѣкъ, что я не сказалъ *о Козодавлевѣ, что онъ участіе имѣлъ въ сочиненіи Радищева*. Козодавлевъ противъ меня неблагодаренъ, меня злословитъ. Вышеупомянутая рѣчь — прибавляетъ Дашкова — мнѣ пересказана отъ честнаго и нелживаго человѣка, отъ Богдановича, при которомъ онъ говорилъ". Самъ Радищевъ показалъ, при допросѣ и въ повинной, что онъ далъ Козодавлеву два экземпляра своего „Путешествія": одинъ — для самого Козодавлева, другой — для передачи Державину.

Замѣтимъ, что Козодавлевъ былъ товарищемъ Радищева по Лейпцигскому университету; что знакомство ихъ шло со студенческой скамьи, и что, въ молодости по крайней мѣрѣ,

у нихъ были общіе идеалы и общіе боги. Во взглядахъ того и другого есть не мало общихъ чертъ. Стоитъ только сравнить тѣ мѣста въ сочиненіяхъ обоихъ авторовъ, гдѣ рѣчь идетъ о борьбѣ разума съ невѣжествомъ и суевѣріемъ, о свободѣ печатнаго слова и т. п. Различіе заключается въ томъ, что Козодавлевъ излагаетъ свои мысли гораздо спокойнѣе, сдержаннѣе и послѣдовательнѣе, не впадая въ экстазъ и не дѣлая лирическихъ отступленій. Козодавлевъ былъ постоянно защитникомъ свободы печати и въ этомъ отношеніи сходился съ своимъ университетскимъ товарищемъ, пріобрѣвшимъ впослѣдствіи, черезъ нѣсколько поколѣній, такую громкую извѣстность въ нашей литературѣ.

Въ „Путешествіи“ своемъ Радищевъ помѣстилъ „краткое повѣствованіе о происхожденіи цензуры“. Онъ говоритъ: „Проходя протекшія времена и столѣтія, мы вездѣ находимъ ужасныя черты власти; вездѣ видимъ силу, возстающую на истину, а иногда суевѣріе, ополчающееся на суевѣріе. Къ вящшему сожалѣнію о жребіи человѣческаго умствованія, скажемъ, что мысль великая рождала иногда невѣжество. Книгопечатаніе явило цензуру. Древнѣйшее о цензурѣ узаконеніе, доселѣ извѣстное, находимъ въ 1486 году, изданное въ самомъ томъ городѣ, гдѣ изобрѣтено книгопечатаніе. Монашеское правленіе предузнавало, что оно (т.-е. книгопечатаніе) будетъ орудіемъ сокрушенія ихъ власти, что оно ускоритъ развержение общаго разсудка, — и могущество, на мнѣніи, а не на пользѣ общественной, основанное, обрящетъ въ книгопечатаніи свою кончину. Велѣно было разсмотрѣть всѣ реэстры книгамъ, и всѣ печатныя книги, которыя содержатъ что̀-либо противное католическому исповѣданію — сжечь. Цензура изобрѣтена на заключеніе истины и просвѣщенія въ тѣснѣйшіе предѣлы; изобрѣтена властію, недовѣрчивою къ своему могуществу, на продолженіе невѣжества и мрака. Нынѣ, во дни наукъ и любомудрія, когда разумъ отрясъ перстныя ему оковы суевѣрія; когда истина блистаетъ паче и паче; когда источникъ ученія протекаетъ до дальнѣйшихъ отраслей общества; когда старанія правительствъ стремятся къ истребленію заблужденій и къ открытію разсудку путей къ истинѣ. Постыдное монашеское изобрѣтеніе трепещущея власти принято нынѣ повсемѣстно, укоренено и почитается надежною преградою заблужденія. Неистовые! осмотритесь.

вы хощете изъ превратности сдѣлать истинѣ опору. Вы хощете заблужденіемъ просвѣщать народы. Блюдитесь убо, да не возродится тьма. Какая вамъ польза, что властвовать будете надъ невѣждами, тѣмъ паче заблудшими, что отъ недостатка пособій къ просвѣщенію невѣжды пребыли бы въ невѣжествѣ природномъ или паче въ естественной простотѣ, но сдѣлавъ уже шагъ къ просвѣщенію, остановлены въ шествіи и обращены вспять, во тьму гонимы! Какая вамъ польза бороться самимъ съ собою и исторгать шуйцею, что̀ десницею насадили! Книгопечатаніе, до перемѣны 1789 года во Франціи послѣдовавшей, нигдѣ столько стѣсняемо не было, какъ въ семъ государствѣ. Въ бастильскихъ темницахъ томились несчастные, дерзнувшіе осуждать хищность министровъ и ихъ беспутство. Но все, что̀ не дерзало явиться во Франціи, было обнародываемо въ другихъ мѣстахъ. Тако сила, кичащаяся мышцами, была осмѣяна, и никто оной не боялся; тако челюсти, пьющіяся свирѣпствомъ, оставались праздны, и слово твердое ускользало отъ нихъ непоглощенно! Но дивитесь несообразности разума человѣческаго. Нынѣ, когда во Франціи всѣ твердятъ о вольности, когда необузданность и безначаліе дошли до края возможнаго, — ценсура не уничтожена! Мы читали недавно, — да восплачутъ французы объ участи своей и съ ними человѣчество, — мы читали недавно, что народное собраніе, поступая столько же самодержавно, какъ досель ихъ государи, взяло насильственно печатную книгу, и отдало сочинителя оной подъ судъ за то̀, что дерзнулъ писать противъ народнаго собранія. Лафаетъ былъ исполнителемъ сего приговора. О Франція! ты еще ходишь близъ бастильскихъ пропастей" и т. д.

Ту же въ сущности мысль о происхожденіи и вредѣ ценсуры высказываетъ и Козодавлевъ, весьма опредѣленно и безъ риторическихъ прикрасъ, въ статьѣ своей о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ. „Тисненіе — говоритъ Козодавлевъ — не могло, при началѣ своемъ, приносить плодами своими толикія пользы народному просвѣщенію, коликую приноситъ сіе искусство въ нынѣшнемъ столѣтіи. Невѣжество тѣхъ вѣковъ произвело, вмѣсто ценсуры, предохраняющей тисненіе отъ злоупотребленія, пристрастное и на суевѣріи основанное разсмотрѣніе каждой книги. Таковое разсмотрѣніе книгъ было тогда во всѣхъ государствахъ римскаго исповѣданія, въ полной

власти у монаховъ. Цензоръ могъ каждую книгу поправлять по своей волѣ, и вычеркивать все, что̀ ему не нравилось. Почти всѣ книги выходили тогда въ свѣтъ изуродованными. Всякое сочиненіе, къ просвѣщенію служащее, почиталось опаснымъ, хотя бы оное [illegible] не [illegible]. Нельзя, [illegible] цензоръ почиталъ все вреднымъ, что [illegible]. *[illegible]* и т. д. III). Ценз[illegible] и думалъ, что [illegible] перебывалось, какъ [illegible]. Она [illegible], что [illegible] своего [illegible] открывало [illegible] и что [illegible] еще скорѣе распространяетъ, а [illegible] больше любопытства, [illegible] запрещены.

[illegible]. [illegible] доказательствомъ. [illegible] были при началѣ своемъ [illegible] и мало-по-малу очищались [illegible] просвѣщенія. Пристрастное разсмотрѣніе и [illegible] книгъ въ Италіи и [illegible] другихъ государствахъ было причиною невѣжества народнаго.

Въ 1783 году предприняло было новое изданіе сочиненій Ломоносова. Въ журналѣ засѣданій Академіи Наукъ 25 августа 1783 года читаемъ: „Полное собраніе сочиненій г. Ломоносова, въ четырехъ частяхъ, напечатать въ академической типографіи [illegible], бумагѣ шесть сотъ экземпляровъ, съ апробаціи корректуръ первыхъ листовъ г. совѣтника Козодавлева, да на александрійской бумагѣ сто экземпляровъ“.

Начатое Козодавлевымъ изданіе сочиненій Ломоносова послужило поводомъ къ насмѣшкамъ надъ издателемъ, называвшимъ себя непремѣннымъ другомъ *мурзы* Державина. Членъ Россійской Академіи А. С. Хвостовъ, извѣстный своимъ остроуміемъ, написалъ на Козодавлева эпиграмму:

Онъ Клио, другъ крамы, но только другъ нахальный,
Кѣмъ [illegible] какъ бабкой повивальной
Мажоръ [illegible] странъ, пре[illegible] пѣвецъ

[illegible] Осипъ Козодавлевъ [illegible] Державинъ): *Малербъ россійскихъ странъ* — Ломоносовъ.

Козодавлевъ успѣлъ напечатать только первую часть сочиненій Ломоносова [illegible] 22 [illegible] 1784 [illegible] ненапечатаны. А какъ также и *изданіе сочиненій Ломоно*- [illegible] 24 апрѣля сего 1784 года [illegible]

Козодавлевъ не говоритъ [illegible] въ типографію [illegible]. Изъ другихъ тогдашнихъ собраній сочиненій Ломоносова особенно замѣчательно то, надъ которымъ трудился одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, архимандритъ, впослѣдствіи нижегородскій епископъ, Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, питомецъ Геттингенскаго университета. Оно вышло въ 177[illegible] году, подъ заглавіемъ: „Покойнаго статскаго совѣтника и профессора Михайла Васильевича Ломоносова Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ“. Издатель, посвятивъ трудъ свой членамъ Вольнаго россійскаго собранія, подписался такъ: Московской славяно-греко-латинской академіи ректоръ, священной богословіи профессоръ, геттингенскаго историческаго института членъ. Подобно изданію Дамаскина, изданіе Козодавлева начинается разсужденіемъ Ломоносова о пользѣ книгъ церковныхъ для русскаго языка. Порядокъ, въ которомъ раз-

мѣщены стихотворенія, у Козодавлева совершенно тотъ же, что у Дамаскина, съ самыми незначительными отступленіями. Варіанты тѣ же, что у Дамаскина, которому принадлежитъ заслуга самой тщательной провѣрки текста по разнымъ редакціямъ. Ни малѣйшаго уклоненія отъ изданія Дамаскина ни въ словахъ, ни въ оборотахъ не замѣтно, а потому и обвиненіе, что Козодавлевъ будто бы искажалъ текстъ произвольными перемѣнами, падаетъ само собою. Напротивъ того, сохранивши въ своемъ изданіи всѣ варіанты, отмѣченные Дамаскинымъ, онъ тѣмъ самымъ охранилъ текстъ Ломоносова отъ позднѣйшихъ поправокъ и искаженій.

Въ изданіи Козодавлева впервые появилось въ печати переложеніе сто третьяго псалма, отысканное въ рукописяхъ Ломоносова, оставшихся послѣ его смерти; нѣсколько стихотвореній и довольно много писемъ къ Шувалову. Въ числѣ неизданныхъ стихотвореній находится и то, которое написано Ломоносовымъ на пути въ Петергофъ, куда онъ отправлялся просить о подписаніи привилегіи для Академіи, о чемъ онъ уже много разъ просилъ, но все безполезно. Наскучивъ неудачами, онъ завидуетъ „кузнечику“, который ни о чемъ не проситъ и никому не обязанъ.

Обнародованіемъ писемъ Ломоносова, которыя могли бы исчезнуть безслѣдно, Козодавлевъ оказалъ большую услугу русской литературѣ. Самая мысль помѣстить эти письма въ собраніи *сочиненій* Ломоносова показываетъ образованность Козодавлева, цѣнившаго въ литературныхъ памятникахъ не ихъ внѣшнюю форму, а ихъ внутренній смыслъ и содержаніе. Какъ бы защищая себя отъ неминуемыхъ упрековъ, Козодавлевъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку: „Хотя сіи письма и не заключаютъ въ себѣ много, касающагося до наукъ, и не оправдаютъ содержаніемъ своимъ любопытства *каждаго* читателя, но поелику все, что произошло изъ пера г. Ломоносова, не можетъ быть непріятно, то сей причины ради они въ собраніи семъ и впечатаны, тѣмъ паче, что они открываютъ публикѣ нѣкоторыя обстоятельства жизни сего великаго писателя“. Оговорка эта была невольною данью своему времени. Въ дѣйствительности же переписка Ломоносова съ Шуваловымъ имѣетъ большое значеніе не только для біографіи Ломоносова, но и для вѣрной оцѣнки его ученой и литературной дѣятельности.

ній описаніе Ломоносова, прибавленное къ первому тому изданія Козодавлева, приписывали Дамаскину. Но, по всей вѣроятности, оно составлено Штелинымъ или по его матеріаламъ, и переведено на русскій языкъ Верёвкинымъ.

Козодавлевъ потрудился для русской литературы изданіемъ памятниковъ, переводами съ иностранныхъ языковъ или подражаніемъ иностраннымъ писателямъ и своими собственными произведеніями, появлявшимися въ различныхъ и временныхъ изданіяхъ.

Мы уже говорили объ изданіи сочиненій Ломоносова. Козодавлевымъ же издано описаніе жизни одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей своего времени — патріарха Никона, составленное современникомъ знаменитаго патріарха и ближайшимъ свидѣтелемъ всѣхъ превратностей его судьбы. Козодавлевъ имѣлъ вѣрное понятіе объ изданіи памятниковъ литературной старины и древности: онъ не позволялъ себѣ произвольныхъ передѣлокъ и поновленій, которыя считались когда-то вполнѣ умѣстными въ подобнаго рода изданіяхъ. Самъ Козодавлевъ говоритъ:

„Издаваемое нынѣ житіе святѣйшаго патріарха Никона писано вскорѣ послѣ смерти сего, въ исторіи россійской прославившагося, церкви нашей пастыря. Сочинитель сея книги былъ нѣсколько лѣтъ клирикомъ святѣйшаго патріарха Никона; участвовалъ, какъ изъ житія сего видно, во всѣхъ премѣнахъ его жребія, и до конца жизни своего благотворителя былъ ему преданъ. *Любителямъ россійскія древности, конечно, будетъ пріятнѣе видѣть сіе сочиненіе точно таковымъ, какъ оно сочинителемъ написано, нежели съ поправками, сообразными съ нынѣшнимъ языкомъ; почему и издается оно безъ малѣйшей перемѣны какъ въ разсужденіи словосочиненія, такъ и въ разсужденіи словъ.* Рукописаніе сіе дошло ко мнѣ отъ нѣкотораго ближняго моего родственника, которому оно подарено было въ 1757 году Иверскаго монастыря отцемъ архимандритомъ Дамаскинымъ. Списокъ сей заслуживаетъ, въ разсужденіи точности, болѣе прочихъ уваженія, потому что онъ достался мнѣ изъ того монастыря, въ которомъ дѣянія святѣйшаго Никона весьма извѣстны, и въ которомъ имя его, яко создателя той обители, пребываетъ и доднесь незабвеннымъ".

Академія Наукъ съ большимъ сочувствіемъ отнеслась къ труду

[illegible] академіи.

[illegible]

besorgt hat.

[illegible]

скихъ въ неизвѣстности" и т. д. *Сухомлиновъ.*

„ПОЧТА ДУХОВЪ“.

[illegible]

[illegible] о самой предварительной [illegible]. „Почта Духовъ", или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами. Дѣйствительно, съ слѣдующаго года Крыловъ [illegible] по книжкѣ этого журнала, который, впрочемъ, какъ и всѣ другіе тогдашніе [illegible] только по своему періодическому появленію и [illegible] такое названіе. Въ содержаніи [illegible] не было, кромѣ развѣ [illegible] противъ того или другого современнаго сочиненія или автора.

Въ [illegible] книжкѣ сборника Крыловъ извиняется, что она вышла не въ срокъ. „Сочинитель [illegible], что нѣкоторые изъ [illegible] съ ними, [illegible], или [illegible], то въ [illegible] не страшся [illegible]; [illegible] онъ, издатель [illegible]. Но по обѣщанію своему не вы[illegible] перваго сего мѣсяца, т.-е. первой книжки къ 1 числу января и очень можетъ быть [illegible]: то въ оправданіе себя увѣряетъ, что онъ [illegible] не изъ корыстолюбія основалъ свое предпріятіе, но къ удовольствію, и если можно, и къ пользѣ своихъ соотечественниковъ. Неисполненіе же обѣщанія случилось по непривычному еще его искусству въ Гадательной Наукѣ, отъ чего не могъ онъ предузнать послѣдовавшихъ обстоятельствъ, намѣренію его воспрепятствовавшихъ; но впредь обѣщается въ исходѣ каждаго мѣсяца во все теченіе года выдавать издателю сего по одной книжкѣ, переплетенной въ бумажку".

Если „Почта Духовъ" Крылова съ внѣшней стороны оказывалась [illegible], то спрашивается, не было ли того же и въ содержаніи? [illegible] опредѣлить внутреннее отношеніе его къ прежнимъ сатирическимъ журналамъ. Сравнивая съ ними „Почту Духовъ", мы находимъ, что она часто преслѣдовала тѣ же пороки, на которые они нападали, напр. французское воспитаніе, пустоту и мотовство щеголей, или, какъ ихъ тогда называли, „петиметровъ", спесь и невѣжество дворянъ, взяточничество и казнокрадство пороч-

ность судей, произволъ и т. п. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что тогда какъ прежніе журналы выставляли, главнымъ образомъ, бытовую сторону общества, ограничивались описаніемъ существовавшихъ золъ, Крыловъ заглядывалъ въ ихъ причины, обнажалъ нравственныя язвы, изъ которыхъ они проистекали. У него сатира глубже, рѣзче и разнообразнѣе. Она обнимаетъ всѣ слои общества, всѣ сословія и потому принимаетъ характеръ вполнѣ общественный. Къ этому надобно прибавить и то, что зависитъ собственно отъ таланта писателя: Козицкій, Новиковъ, Эминъ и др. были только умными наблюдателями, Крыловъ является уже возникающимъ художникомъ. Въ немъ уже виденъ эпическій разсказчикъ, часто облекающій мысль въ выпуклый или яркій образъ. „Почта Духовъ" представляетъ намъ пеструю картину свѣта, въ которой сцена безпрестанно мѣняется, и передъ нами проходятъ всѣ страсти, всѣ темныя и смѣшныя слабости человѣчества.

Во „Вступленіи" къ „Почтѣ Духовъ" Крыловъ разсказываетъ, будто онъ, однажды, въ ненастный осенній день, возвращался раздраженный отъ его превосходительства г. Пустолоба, къ которому восемь мѣсяцевъ ходилъ по одному дѣлу и который въ 115-й разъ очень учтиво просилъ его пожаловать завтра (черта нравовъ, которую вообще любитъ выставлять наша старинная сатира). Тутъ является вдругъ волшебникъ, ученый и знатный Маликульмулькъ; онъ беретъ автора къ себѣ въ секретари, превращаетъ полуразвалившійся домъ въ богатыя хоромы и даритъ ихъ новому своему знакомцу, но вмѣстѣ объявляетъ, что только самъ жилецъ будетъ наслаждаться ихъ пышностью; всѣмъ же гостямъ его эти комнаты будутъ казаться такими же, какъ были, т.-е. пустыми сараями. „Оставь, другъ мой, думать людей", говоритъ волшебникъ, „что ты бѣденъ, и наслаждайся своимъ богатствомъ. Истинное состояніе человѣка не потому называется богатымъ или бѣднымъ, какъ другіе о томъ думаютъ, но потому, какъ онъ самъ себя почитаетъ". Авторъ, пораздумавъ, согласился съ этимъ мнѣніемъ. „Итакъ", говоритъ онъ, „я рѣшился остаться въ томъ домѣ; пусть люди будутъ меня почитать бѣднымъ; что мнѣ до того за нужда! Довольно, если я для себя кажусь богатымъ". Здѣсь уже выразилась сущность практической философіи Крылова, реализмъ его житейской мудрости, которому онъ навсегда остался вѣренъ.

Мы не послѣдуемъ за Крыловымъ въ письмахъ невидимыхъ корреспондентовъ Маликульмулька; но извлечемъ изъ нихъ въ сокращенномъ видѣ нѣсколько характеристическихъ разсказовъ, которые познакомятъ насъ со взглядами молодого писателя на русское общество. Увидимъ при этомъ, что притча уже тогда была любимою формою сатиры Крылова. Но мы не должны забывать, что его сатира относится къ давнопрошедшему времени: если она не всегда примѣнима къ настоящему, тѣмъ лучше для насъ, потомковъ сатирика. Его современники, находя въ ней личные намеки, могли оскорбляться ею; для насъ она утратила эту сторону своей язвительности.

Богатый купецъ Плуторѣзъ¹) угощаетъ на своихъ имянинахъ вельможу, трехъ придворныхъ и нѣсколькихъ начальниковъ города. За роскошнымъ обѣдомъ вельможа выхваляетъ любовь къ отечеству, судья ставитъ выше всего честь, купецъ хвалитъ безкорыстіе; всѣ же согласны въ томъ, что законы слишкомъ строго наказываютъ за плутовство и что надобно смягчить ихъ жестокость. Вельможа обѣщаетъ подать голосъ объ уничтоженіи увѣчныхъ и смертныхъ наказаній, которымъ подвергаются плуты и грабители, за что многіе изъ гостей, а особенно судья Тихокрадовъ и самъ хозяинъ Плуторѣзъ, очень его благодарятъ. Потомъ рѣчь заходитъ о хозяйскомъ сынѣ и выборѣ ему рода службы. Каждый изъ гостей предлагаетъ вывести его въ люди въ томъ званіи, къ которому самъ принадлежитъ. „Другъ мой", сказалъ придворный, „оставь это на мое попеченіе: изъ дружбы къ тебѣ я не совѣщусь занимать у тебя деньги и быть должнымъ, а потому ты не можешь сомнѣваться въ участіи, какое я принимаю въ судьбѣ твоего сына. Дѣло только въ томъ, чтобъ ты далъ мнѣ въ руки 20 т., которыя будутъ употреблены въ его пользу: я помѣщу его имя въ списокъ отборнаго военнаго корпуса, сдѣлаю его дворяниномъ и потомъ пристрою его ко двору... Сколько же такое состояніе блистательно, ты самъ это знаешь, и надобно только имѣть глаза, чтобы видѣть насъ во всемъ великолѣпіи, на усовершеніе котораго портные, брильянтщики и др. художники истощаютъ все свое

¹) Почта Духовъ, ч. I, стр. 167, письмо III. Привожу [illegible] съ сокращеніемъ содержаніе нѣкоторыхъ писемъ, [illegible] въ той мѣрѣ, въ какой это соединимо съ моей цѣлью.

[illegible] своимъ размѣромъ и длиною его, сообразуясь съ обстоятельствами. Если вы [illegible] что [illegible] не позволено [illegible] міръ [illegible] что въ [illegible] силы [illegible] въ самомъ [illegible]. Наконецъ рѣчь заходитъ [illegible] въ [illegible]. Трудно [illegible]. Патріархъ говоритъ [illegible], „если ты хочешь [illegible] или [illegible] приказалъ, но [illegible] въ своихъ [illegible] и ихъ работу [illegible]. Нѣтъ, милостивые государи [illegible] всѣхъ прочихъ [illegible] въ печь своего [illegible] мнѣ [illegible]“. Я увидѣлъ [illegible], что онъ говоритъ правду [illegible] живетъ онъ какъ маленькій царёкъ!

Мы видѣли, что [illegible] выражаетъ глубокое презрѣніе къ философамъ, т. е. къ новымъ мыслителямъ. [illegible] высказываетъ въ своихъ [illegible], какъ уже и въ драматической сатирѣ, [illegible] является горячимъ другомъ просвѣщенія. Но хотя онъ и часто съ ироніей отзывается о [illegible] общества [illegible] къ умственному труду, однакожъ не надобно думать, чтобы онъ оставлялъ въ покоѣ тотъ классъ людей, къ которому самъ принадлежалъ, т. е. пишущую братью вообще, разумѣя и литераторовъ и ученыхъ. Если бы, говоритъ онъ, авторы, вмѣсто изслѣдованія различныхъ состояній, захотѣли вникнуть только въ состояніе ученыхъ и философовъ, то и тогда могли бы примѣтить, какъ далеко простирается слабость человѣческаго разума. Онъ замѣчаетъ, что большая часть ученыхъ руководствуется болѣе тщеславіемъ и [illegible], нежели искреннимъ желаніемъ распространять добро и истину. Особенно же упрекаетъ онъ ихъ въ томъ, что каждый стремится превозносить до небесъ ту науку, которою самъ занимается, и желалъ бы при прославленіи ея помрачить всѣ другія науки. Ученые думаютъ,

¹) „И. Д.“ ч. II, письмо 40

продолжаетъ онъ, что если люди будутъ болѣе уважать ту науку, въ которой они себя отличили, то черезъ то и къ нимъ самимъ будутъ имѣть больше почтенія; философъ увѣренъ, что чѣмъ болѣе философія будетъ въ почетѣ, и онъ болѣе будетъ уважаемъ. Историкъ, стихотворецъ и риторъ такія же имѣютъ мысли. Однакожъ, въ заключеніе, Крыловъ проситъ снисхожденія къ ученымъ, потому что соревнованіе, которое они одинъ противъ другого чувствуютъ, поощряетъ ихъ производить многія прекраснѣйшія творенія. А притомъ, прибавляетъ онъ, надобно сказать и то, что не всѣ ученые люди любовь къ славѣ и странное желаніе, чтобъ о нихъ съ похвалою говорили, простираютъ до крайности. Хотя совершенная правда, что всѣ жаждутъ безсмертія, однакожъ не всѣ къ достиженію его употребляютъ одинакія способы, и не всѣ желаютъ его купить за одинаковую цѣну.

Въ современной ему литературѣ Крыловъ не разъ клеймитъ и осмѣиваетъ тѣхъ мнимыхъ сочинителей, которые, въ сущности, не что иное, какъ плохіе переводчики[2]). Описывая сцену въ книжной лавкѣ, критикъ, послѣ ухода дѣйствующихъ лицъ, спрашиваетъ книгопродавца, который жаловался на худой сбытъ своего товара: „Отчего же здѣсь мало хорошихъ книгъ?" — „Оттого, сударь, отвѣчалъ тотъ, что здѣсь множество авторовъ занимаются не тѣмъ, чтобъ что-нибудь написать, но чтобы что-нибудь напечатать и поспѣшить всенародно объявить, что они невѣжи. Страсть къ стихотворству здѣсь сильнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, но страсти къ истинѣ и къ красотамъ очень мало въ сочинителяхъ; оттого-то здѣсь и мало хорошихъ книгъ, но множество лавокъ завалено бредніями худыхъ стихотворцевъ!"

Между своими собратьями-писателями Крыловъ бичуетъ не только бездарныхъ одописцевъ и вообще пристрастныхъ льстецовъ, скрывающихъ пороки своихъ единоземцевъ, но и тѣхъ, по его словамъ, глупыхъ сатириковъ, которые бранятъ свое отечество безъ всякой другой причины, кромѣ желанія показать остроту своего пера[1]). То же патріотическое чувство, которое выразилось въ этихъ словахъ, заставляло Крылова преслѣдовать съ особенною настойчивостью

---

[1]) „П. Д." ч. II, письмо 30.
[2]) „П. Д." ч. I, п. 9.

то легкомысліе, съ какимъ русское общество, прельстясь обманчивымъ лоскомъ французскаго образованія, всецѣло отдалось въ руки [illegible] европейскихъ выходцевъ. Извѣстно, какое значеніе французы пріобрѣли у насъ тогда въ общежитіи, въ воспитаніи и въ торговлѣ. Эта сторона русскихъ нравовъ сдѣлалась одною изъ любимыхъ темъ Крылова во всѣхъ его сатирическихъ сочиненіяхъ. Къ моднымъ лавкамъ, часто служившимъ притонами порчи нравовъ и всякаго обмана, возвращался онъ часто и, наконецъ, посвятилъ этому предмету извѣстную комедію. Послѣдствія французскаго воспитанія выставлены имъ въ комедіи „Урокъ дочкамъ“, а позднѣе и въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ его басенъ. Противъ этого зла направлены также многія мѣста „Почты Духовъ“. Французы, по его замѣчанію[1], удивляются просвѣщенному вкусу туземцевъ, но смѣются имъ въ глаза и собираютъ съ нихъ деньги; они принудили здѣшнихъ жителей, не объявляя имъ войны и не имѣя никакихъ къ тому правъ, платить себѣ столь тяжкую подать, какой не собиралъ Римъ съ своихъ подвластныхъ народовъ во время корыстолюбивѣйшихъ своихъ правителей. Это политическое покореніе туземцевъ французами, пишетъ Крыловъ, такъ хитро произведено въ дѣйство, что я не могу этого разобрать подробно. Образчикомъ ихъ нахальства и болтовни выставленъ парикмахеръ[2]. „Едва успѣлъ онъ взять въ руки гребенку, какъ заговорилъ о политикѣ. Онъ перебиралъ правительства разныхъ народовъ, дѣлалъ заключенія, давалъ рѣшенія и съ такою же легкостію вертѣлъ государствами, какъ пудреною кистью. Вся министерія была ему открыта; и когда дѣло доходило до утвержденія какихъ-нибудь изъ его рѣшеній, тогда этотъ незастѣнчивый человѣкъ, нимало не краснѣя, говорилъ, что съ такимъ-то и такимъ его мнѣніемъ согласенъ такой-то министръ, такой-то сенаторъ и такой-то генералъ, которымъ онъ чешетъ головы. Онъ увѣрялъ о себѣ безстыднымъ образомъ, что многіе вельможи, проговаривая при немъ ежедневно сокровеннѣйшія дѣла государства, нерѣдко совѣтуются съ нимъ о важнѣйшихъ пунктахъ министеріи и часто дѣлаютъ свои рѣшенія по его мнѣніямъ“.

1) „П. Д.“ ч. II, п. 39.
2) „П. Д.“ ч. I, п. 9

Достойнымъ ученикомъ подобныхъ гостей, изъ которыхъ многіе попадали въ Россію съ галеръ или изъ-подъ висѣлицы, является въ „Пяти Духахъ" русскій столичный щеголь графъ Припрыжкинъ[1]. Этотъ 20-лѣтній [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Припрыжкинъ [illegible] богатой не-вѣсты. Онъ [illegible] [illegible] [illegible] имъ границу [illegible], въ которой [illegible] достоинство [illegible]. Его сіятельство, говоритъ онъ, [illegible] жениться, ему необходимо [illegible] множество денегъ, тогда изъ нихъ онъ [illegible] съ своихъ 400 душъ крестьянъ. Въ одну минуту [illegible] онъ придумалъ собрать съ нихъ въ будущемъ году 80 т. р. Мужики, не надѣясь хлѣбопашествомъ доставить своему господину такую сумму, оставляютъ свои селенія и бредутъ въ города, гдѣ, по ихъ мнѣнію, можно выработать болѣе денегъ; вмѣсто сохи и бороны берутъ они топоры и [illegible], становятся каменщиками, плотниками и разносчиками, [illegible] работою, а по [illegible] чтобы лучше собрать свой оброкъ, [illegible] его съ прохожихъ... Отъ такихъ-то [illegible] весь городъ. Мужики стараются [illegible] его на ремесленникахъ, ремесленники на [illegible], купцы на [illegible], а господа опять принимаются за своихъ крестьянъ. Къ концу года крестьяне возвращаются въ свои жилища съ деньгами, отдаютъ 80 т. р. господину, а на остальные 10 т. посылаютъ въ городъ купить себѣ хлѣба, котораго становится мало до будущаго года. Итакъ, города терпятъ недостатокъ, деревни голодъ, граждане дороговизну, а его сіятельство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ, и празднуетъ нѣсколько нед

[1] [illegible]

невольно свадьбу съ своею почтенною невѣстою, которая съ своей стороны, щегольствомъ такую же приноситъ пользу государству“.

Отыскивая всему мѣсто въ движеніи общественнаго строя, сатирикъ не забываетъ и значенія женщинъ. „Женщины хотя въ обществахъ не много значатъ, онѣ бываютъ весьма нужными пружинами и черезъ нихъ дѣлаются самыя большія и малыя дѣла. Хотя [illegible] и думаютъ, что мужчины всѣмъ правятъ, а женщины [illegible], но очень ошибаются [illegible] что мужчины [illegible] и [illegible] половиною [illegible]“ [1]). Эти [illegible] изъ разговора Плутона съ Прозерпиною. Колдуны — [illegible] [illegible] и всѣ [illegible] уваженіе. Теперь этому смѣются, не примѣчая, что потомки [illegible] не теряя своей [illegible], размножаются по свѣту. Можетъ быть, будущіе вѣка будутъ такъ же смѣяться нынѣшнему вѣку, какъ этотъ прошедшему. Обыкновенно, такимъ образомъ всякіе вѣка хохочутъ надъ дурачествами старыхъ, получая сами отъ нихъ себѣ въ наслѣдство; послѣдній вѣкъ только одинъ можетъ похвалиться, что не будетъ осмѣянъ.

Чтобы показать, какъ Крыловъ смотрѣлъ на извѣстныя стороны нравовъ современнаго ему русскаго общества, и въ то же время дать понятіе, какъ онъ разрабатывалъ однѣ и тѣ же темы въ сатирѣ и въ баснѣ, приведу изъ „Почты Духовъ“ еще одну замѣчательную притчу. Въ судейскую залу толстый купецъ втащилъ бѣдняка, крича, что тотъ укралъ у него платокъ, и требуя, чтобы его судили по всей строгости законовъ. Судьи опредѣлили бѣдняка повѣсить. Приговоренный объясняетъ, что онъ, умирая съ голоду, дѣйствительно укралъ платокъ. Имѣя врожденный талантъ къ живописи, онъ усовершенствовался въ чужихъ краяхъ и пытался найти въ отечествѣ безбѣдное содержаніе. Что жъ вышло? „Мои картины, говоритъ онъ, хотя всѣми были здѣсь одобряемы, но ихъ порочили тѣмъ, что онѣ не были Апеллесовы, Рубенсовы, Рафаэлевы, или, по меньшей мѣрѣ, не были

[1]) П. Д., ч. II, [illegible] 51.
[2]) П. Д., ч. I, п. 21.

иностранной работы, и потому никто не хотѣлъ имѣть ихъ въ своихъ галлереяхъ. Это меня лишило бодрости и повергло въ отчаяніе и нищету... Итакъ, разсмотрите теперь, я ли виновенъ, что по необходимости прибѣгнулъ къ пороку, или вы, гнушающіеся талантами своихъ соотечественниковъ?" Между судьями завязался споръ. Вдругъ отворились двери залы, и вошелъ богато одѣтый господинъ; всѣ судьи передъ нимъ встали и просили его сѣсть. Этотъ богачъ, узнавъ предметъ спора, далъ выкупъ за живописца и предложилъ ему размалевать паркетъ въ своей прихожей. Живописца выпустили, и этотъ рѣдкій художникъ, который могъ бы сдѣлать честь своему отечеству, дождался своего избавителя, чтобъ идти съ нимъ рисовать холстъ для обтиранія ногъ пьяныхъ служителей. — „Кто это, спросилъ сатирикъ у одного изъ стоящихъ вблизи, — кто это такъ щедро выкупилъ живописца и передъ кѣмъ судьи такъ благоговѣютъ?" „Это одинъ преступникъ, отвѣчалъ ему тотъ на ухо, который судится въ похищеніи и грабительствѣ, и вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ дѣло тянется... На него донесено, что онъ покралъ изъ государственной казны нѣсколько милліоновъ и разграбилъ цѣлую врученную ему область. — „Пропащій же онъ человѣкъ, сказалъ сатирикъ, — его, конечно, уже замучаютъ жесточайшими казнями". — „Напротивъ того, было отвѣтъ, онъ уже оправдался передъ правосудіемъ, и это ему стоитъ одного милліона, а чтобъ оправдаться въ глазахъ народа, онъ дѣлаетъ такіе выкупы, какимъ освобожденъ живописецъ, и вноситъ на содержаніе сиротъ не малыя суммы денегъ, и черезъ то въ мнѣніяхъ нѣкоторыхъ людей почитается честнымъ, сострадательнымъ и правымъ человѣкомъ... Но я вижу, продолжаетъ онъ, что вы недавно пріѣхали на нашъ островъ: поживите-ка у насъ подолѣ, такъ и увидите всего поболѣ".

Кто не узнаетъ въ этой притчѣ почти то же содержаніе, какъ въ баснѣ о Воронёнкѣ, который, по примѣру орла, хотѣлъ украсть лучшаго барана въ стадѣ, но запутался когтями въ его шерсти —

И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ;

изъ чего баснописецъ выводитъ такое заключеніе:

Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ,
Коль мелкій плутъ
Большому плуту подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.

Но сатирикъ освѣщаетъ свою мысль еще болѣе общимъ выводомъ, обнаруживающимъ любопытный, хотя и не радостный взглядъ Крылова на духъ всего тогдашняго общества. Это ясно изъ продолженія приведеннаго разговора въ судейской палатѣ. Посѣтитель суда удивлялся тому, что̀ видѣлъ. Новый знакомецъ его, объяснивъ, что только грубое воровство запрещено закономъ и подвергаетъ наказанію, разсказалъ ему слышанное отъ дѣда: „Пристрастіе къ плутовству есть природное свойство здѣшнихъ жителей, и мои земляки уже давно имъ промышляютъ. Въ старину оно было во всей своей силѣ; но какъ просвѣщеніе на̀чало умножаться, то наши промышленники приняли на себя разныя имена: первостатейные сдѣлались старшинами и законниками, другіе купцами, а третьи ремесленниками и поселянами; но перемѣняя званія, жители не перемѣнили своихъ склонностей, и плутовство никогда столько не владычествовало надъ ними, какъ послѣ сей перемѣны, такъ что наконецъ оно превратилось въ совершенный грабежъ, которому однакожъ даны самые честные виды; одно только старое воровство запрещено, а впрочемъ, кто чѣмъ болѣе крадетъ, тѣмъ онъ почтеннѣе. Опасно лишь тому, кто въ семъ хранитъ умѣренность, украденное яблоко можетъ стоить головы, а милліоны золота принесутъ уваженіе“.

Этотъ взглядъ не вполнѣ измѣнился у Крылова и въ старости. Доказательство тому можно видѣть въ небольшой его баснѣ Купецъ (1830 г.), для которой выписанный сейчасъ разговоръ можетъ служить лучшимъ комментаріемъ. Вотъ эта басня, или, вѣрнѣе, поэтическая притча:

Поди-ка, братъ Андрей!
Куда ты тамъ запалъ? Поди сюда скорѣй
Да подивуйся дядѣ!
Торгуй по моему, такъ будешь не въ накладѣ, —
Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику купецъ,
Ты знаешь польскаго сукна конецъ,
Который у меня такъ долго залежался,
Затѣмъ, что онъ и старъ и подмоченъ и гнилъ.

Вѣдь это я сукно за англійское сбылъ!
Вотъ, видишь, сей лишь часъ взялъ за него сотняжку:
Богъ блушка послалъ.
— Все это, дядя, такъ, племянникъ отвѣчалъ:
Да въ олухи-то, я не знаю кто попалъ;
Вглядись-ко: ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку.
Обманутъ, обманулъ купецъ! въ томъ дива нѣтъ,
Но если кто на свѣтѣ
Повыше лавокъ взглянетъ, —
Увидитъ, что и тамъ на ту же стать идетъ.
Почти у всѣхъ въ умѣ одинъ разсчетъ:
Кого кто лучше проведетъ
И кто кого хитрѣй обманетъ.

Такимъ образомъ, сатира Крылова часто развиваетъ съ большею полнотою и ясностью тѣ же мысли, которыя мы позднѣе встрѣчаемъ въ его басняхъ. Иногда въ послѣднихъ попадаются образы или черты, уже знакомые намъ изъ его сатирическихъ сочиненій. Такъ, въ „Почтѣ Духовъ“[1]) и въ „Мысляхъ философа по модѣ“[2]) мы находимъ первообразъ „Слона и Моськи“. Представляя въ смѣшномъ видѣ блистательнаго молодого человѣка, который шутитъ надъ важными истинами, не понимая ихъ, Крыловъ говоритъ: „При всей мелкости своего ума, онъ тогда такъ милъ, какъ болонская собачка, которая бросается на драгунскаго рослаго капитана и хочетъ разорвать его, между тѣмъ какъ онъ равнодушно куритъ трубку, не занимаясь ея гнѣвомъ. Какъ мила и забавна смѣлость этой собачонки, такъ точно забавна смѣлость вашего ума, когда огрызается она на вещи, передъ коими онъ менѣе, нежели болонская собачка передъ драгунскимъ капитаномъ“. Идея басни, сравнивающей мѣшокъ, наполненный червонцами, съ откупщиками или игроками, разбогатѣвшими съ грѣхомъ пополамъ, высказана первоначально въ слѣдующемъ размышленіи Ночи[3]): „Многіе поселяне, оставляя нивы, стали подъ покровительствомъ моимъ собирать съ проѣзжихъ оброкъ, а потомъ переселялись совсѣмъ въ города, и тамъ, воруя сперва въ присутствіи моемъ, наконецъ, подъ названіемъ откупщиковъ и подрядчиковъ, стали безопасно уже воровать и днемъ, не помышляя ни о

---

[1]) Ч. I, п. 9.
[2]) „Зритель“, ч. II, стр. 288.
[3]) „Зритель“, ч. I, стр. 149.

серпѣ, ни о нивѣ". Первое начертаніе басни о гусяхъ, хвалящихся, что предки ихъ спасли Римъ, встрѣчается въ слѣдующихъ строкахъ „Почты Духовъ" [1]): „Мѣщанинъ добродѣтельный и честный крестьянинъ для меня во сто разъ драгоцѣннѣе дворянина, счисляющаго въ своемъ родѣ до 30 дворянскихъ колѣнъ, но не имѣющихъ никакихъ достоинствъ, кромѣ того счастія, что родился отъ благородныхъ родителей, которые также, можетъ быть, не болѣе его принесли пользы своему отечеству, только умножая число безплодныхъ вѣтвей своего родословнаго дерева".

Въ примѣръ образовъ, повторяющихся въ сатирѣ и въ басняхъ Крылова, можно также привести обезьяну, кривляющуюся передъ зеркаломъ [2]). Тема басни „Вельможа", направленной, такъ какъ и многія изъ прежнихъ его басенъ, противъ дурныхъ судей и ихъ секретарей, часто занимаетъ его уже въ „Почтѣ Духовъ". Одно цѣлое письмо [3]) посвящено изображенію примѣрнаго судьи и такого же секретаря. Мы видимъ, какъ рано возникли въ душѣ Крылова и какъ долго носились въ ней многіе изъ тѣхъ идей и образовъ, которымъ онъ далъ окончательное развитіе въ послѣдній періодъ своей дѣятельности; можно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ онъ воспитывалъ въ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя. Оттого для многихъ его басенъ мы напрасно стали бы искать источника въ современныхъ событіяхъ и лицахъ; происхожденіе ихъ часто объясняется гораздо проще: малѣйшій поводъ, ничтожный случай пробуждалъ въ его душѣ давно устоявшіеся въ ней наблюденія и выводы, которые творческая фантазія его легко одѣвала въ новые образы. Вотъ чѣмъ объясняются та естественность и зрѣлость, которыя такъ изумляютъ насъ въ вымыслѣ и формѣ басенъ Крылова. — Въ „Почтѣ Духовъ" и другихъ сатирическихъ сочиненіяхъ его какъ бы предчувствуется уже будущій баснописецъ; онъ проглядываетъ и въ любимой формѣ крыловскаго разсказа, часто принимающаго характеръ то сказки, то притчи. Таковъ, напр., весь его разсказъ: „Ночи"; такова и восточная повѣсть „Каибъ", гдѣ мастерски обрисованы отношенія раболѣпнаго

---

1) „П. Д.", ч. II, п. 37.
2) „П. Д.", ч. I, п. 10.
3) Ч. I, п. 18.

дивана и народа къ своему калифу; въ этой сказкѣ уже встрѣчается и басенка, — первый опытъ Крылова въ этомъ родѣ: полотно, на которомъ написана картина, вздумало приписать себѣ ея успѣхъ; паукъ говоритъ ему: „Ты напрасно гордишься; если бъ не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то ты давно бы истлѣло, бывъ употреблено на обтирку посуды. — Въ „Мысляхъ философа по модѣ“ неисправимость людей наперекоръ сатирѣ сравнивается съ упорствомъ стараго осла, который съ терпѣніемъ слушаетъ понуканія и брань своего хозяина, зная, что это одинъ пустой звукъ, и продолжаетъ свой путь попрежнему тихимъ шагомъ, оставляя хозяина въ надеждѣ, что онъ когда-нибудь его уговоритъ. Но всего замѣчательнѣе, какъ отдаленное предзнаменованіе перехода Крылова къ баснѣ, слѣдующія строки одной изъ послѣднихъ страницъ „Почты Духовъ“ [1]): „Правоучительныя правила должны состоять не въ пышныхъ и высокопарныхъ выраженіяхъ, а чтобъ въ короткихъ словахъ изъяснена была самая истина. Люди часто впадаютъ въ пороки и заблужденія не оттого, чтобъ не знали главнѣйшихъ правилъ, по которымъ должны они располагать свои поступки, но оттого, что они ихъ позабываютъ, а для сего-то и надлежало бы поставлять въ число благотворителей рода человѣческаго того, кто главнѣйшія правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти“.

Несмотря на талантъ, выказанный Крыловымъ въ „Почтѣ Духовъ“, изданіе это не имѣло успѣха. Судя по припечатаннымъ при немъ именамъ подписчиковъ, оно расходилось только въ числѣ 80 экземпляровъ. Это и не удивительно: молодой издатель не имѣлъ еще никакой извѣстности, а охотниковъ даже и на книги, которыхъ авторы успѣли пріобрѣсти громкое имя, было не много. О равнодушіи публики къ литературѣ часто говорится въ „Почтѣ Духовъ“; напр. въ одномъ мѣстѣ [2]) замѣчено, что въ большомъ свѣтѣ почитается невѣжествомъ не знать по названіямъ вновь выходящихъ сочиненій или не знать именъ современныхъ писателей; но читать ихъ произведенія считается потерею времени.

---

[1]) Ч. II, п. 49.

[2]) „П. Д.“, ч. I, п. 9.

а имѣть знакомство съ авторами — униженіемъ; ибо въ такихъ случаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые, однакожъ, несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые. Если „Почта Духовъ“ и не достигла своей нравоучительной цѣли, не оставила плодотворнаго слѣда ни въ общественной жизни, ни въ литературѣ, зато она имѣла великое образовательное значеніе для самого автора: она была школой его наблюдательности и сатирическаго таланта, важною для его будущей литературной дѣятельности.

Недостатокъ подписчиковъ на „Почту Духовъ“, вѣроятно, и былъ причиною того, что это изданіе не дожило даже до конца года; оно прекратилось 8-ю, августовскою книжкой, и въ томъ же году уже продавалось какъ книга по 1 р. 80 к. за два томика, тогда какъ годовая цѣна при подпискѣ была прежде объявлена въ 5 р.[1]). Но какъ ни мало читался журналъ Крылова, изъ разныхъ его мѣстъ можно заключить, что стрѣлы его сатиры не пропадали даромъ, что были люди, которые принимали ихъ на свой счетъ и обвиняли его въ личностяхъ. Что Крыловъ однакожъ не имѣлъ серьезныхъ непріятностей за „Почту Духовъ“, доказывается тѣмъ, что онъ черезъ 2 года выступилъ опять сатирикомъ въ журналѣ „Зритель“ и, подписывая свои статьи полнымъ своимъ именемъ, сталъ иногда высказывать еще болѣе рѣзкія истины, нежели прежде. Дѣло въ томъ, что, при возвышенности исповѣдуемой имъ морали, при чистотѣ своихъ политическихъ воззрѣній, своихъ понятій о гражданскомъ долгѣ, Крыловъ и не могъ, безъ несправедливости, подвергнуться гоненію. Свидѣтельствомъ, что „Почта Духовъ“ не осталась незамѣченною въ нашей литературѣ, служитъ то, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1802 году, она была, съ позволенія цензуры, перепечатана вторымъ изданіемъ, безъ всякихъ сокращеній. Менѣе счастливъ былъ этотъ сатирическій сборникъ въ 40-хъ годахъ, когда въ такъ называемое „Полное собраніе сочиненій Крылова“, изданное вскорѣ послѣ его смерти, вошла далеко не вся „Почта Духовъ“, даже не вся та часть ея, которая въ этомъ изданіи признана несомнѣнно принадлежащею перу Крылова. Это тѣмъ неожиданнѣе, что еще незадолго до того вполнѣ безукоризненное направленіе всѣхъ

[1]) „Спб. Вѣд.“ 1789 г., окт. 2, № 79.

сочиненій Крылова было торжественно засвидѣтельствовано тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ[1]). Но извѣстно, въ какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ находилась въ 40-хъ годахъ наша литература. Тогда почти повторилось то отношеніе ея къ цензурѣ, которое Крыловъ въ 1824 г. сравнилъ съ положеніемъ соловья подъ лапами кошки, въ баснѣ, поясненной нравоученіемъ:

Худыя пѣсни соловью
Въ когтяхъ у кошки.

Гротъ.

„САТИРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Мы хотимъ говорить о тѣхъ, нынѣ забытыхъ, изданіяхъ, которыя явились продолжателями направленія, вызваннаго въ русской литературѣ сатирическими журналами. Объемъ ихъ содержанія, впрочемъ, ограниченнѣе; обходя многіе изъ общественныхъ вопросовъ, поднятыхъ журналами Новиковскаго времени, изданія эти, главнымъ образомъ, осмѣиваютъ нравы моднаго свѣта, недостатки моднаго воспитанія и слѣпое пристрастіе къ французскому языку и французскимъ обычаямъ. Ту же задачу преслѣдовали, какъ извѣстно, и періодическія изданія Крылова и Клушина (1789 —1793 г.); тотъ же обличительный голосъ противъ мелочныхъ и крайнихъ сторонъ французскаго вліянія долго слышался въ нашей литературѣ и съ особенною энергіею высказался въ сочиненіяхъ графа Растопчина и въ книгахъ различнаго содержанія, вышедшихъ въ 1812 г. и въ ближайшее къ этому достопамятному году время.

Большая часть сатирическихъ изданій девяностыхъ годовъ принадлежитъ перу Николая Страхова. Въ 1790—1792 годахъ онъ выдавалъ небольшими книжками „Сатирическій Вѣстникъ, удобоспособствующій разглаживать наморщенное

---

[1]) На обѣдѣ 2 февраля 1838 года, министръ, предложивъ тостъ за здоровье Крылова, сказалъ между прочимъ: „Да будетъ его литературное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чистое въ нравственномъ своемъ направленіи, примѣромъ для возрастающихъ талантовъ, поощреніемъ для современниковъ, радостнымъ воспоминаніемъ потомству" (Плетневъ, „Жизнь и сочиненія И. А. Крылова).

чело старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочаго состоянія людей, писанный небывалаго года, неизвѣстнаго мѣсяца, несвѣдомаго числа, незнаемымъ сочинителемъ".

Въ 1791 году напечатаны имъ: „Карманная книжка для пріѣзжающихъ на зиму въ Москву старичковъ и старушекъ, невѣстъ и жениховъ, молодыхъ и устарѣлыхъ дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и проч., или иносказательныя для нихъ наставленія и совѣты, писанные сочинителемъ Сатирическаго Вѣстника" и „Переписка Моды, содержащая письма безрукихъ модъ, размышленія неодушевленныхъ нарядовъ, разговоры безсловесныхъ чепцовъ, чувствованія мебелей, каретъ, записныхъ книжекъ, пуговицъ старозавѣтныхъ манекъ, кунташей, шлафоровъ, тѣлогрѣй и пр. Нравственное и критическое сочиненіе, въ коемъ съ истинной стороны открыты нравы, образъ жизни и разныя смѣшныя и важныя сцены моднаго вѣка"; наконецъ въ 1793 году „Плачь Моды о изгнаніи модныхъ и дорогихъ товаровъ, писанный сочинителемъ Переписки Модъ". Подъ этими затѣйливыми заглавіями передавались сатирическія замѣтки въ тѣхъ искусственныхъ литературныхъ формахъ, какія придуманы были въ XVIII столѣтіи и долго удерживались силою привычки. „Сатирическій Вѣстникъ", постоянно удерживая форму газеты, печаталъ: письма отъ корреспондентовъ изъ разныхъ мѣстъ, извѣстія о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ щеголяхъ, игрокахъ, мотахъ и тому подобныхъ лицахъ, о привозѣ модныхъ товаровъ, о выходѣ небывалыхъ книгъ, брачный курсъ, объявленія о мнимомъ подрядѣ, наймѣ, продажѣ, вызовѣ, и все это съ примѣсью обычныхъ тому времени названій *Зазывалкиныхъ, Вертушкиныхъ, Промотовыхъ*, и другихъ. Вотъ для примѣра „Объявленіе отъ театра щеголей и щеголихъ: Сего 458 числа представлена будетъ слезная мѣщанская трагедія: Щеголиха, отъ шнурованія умершая; а послѣ для развеселенія отъ толико поразительнаго зрѣлища представится малая камедія: Подломившейся тонкой каблучокъ, или несчастіе отъ чрезмѣрной тучности". — Остановимся на нѣкоторыхъ болѣе серьезныхъ и любопытныхъ указаніяхъ „Сатирическаго Вѣстника" и приведемъ выписки, изъ коихъ читатель ближе и непосредственно познакомится съ изданіемъ Страхова.

Двѣ главныя задачи постоянно имѣла въ виду наша сатирическая литература: обличать лихоимство и противодѣйствовать ложному направленію принятаго воспитанія. Обѣ задачи отозвались и въ „Сатирическомъ Вѣстникѣ“, на страницахъ котораго читаемъ такія бѣглыя указанія, направленныя противъ взятокъ и подлоговъ: „Г. *Взяткинъ* изобрѣлъ новѣйшее средство брать взятки безхлопотнымъ образомъ, т.-е. у просильщиковъ не прямо брать деньги изъ кармана, но подъ предлогомъ яко бы проигрыша по игрѣ брать оныя у нихъ со стола“. „*Пожалуй, будетъ сдѣлано.* Приказные люди произносятъ сіе слово съ великою разстановкою и наблюдаютъ съ разсужденіи онаго грамматическаго правила. *Пожалуй* есть настоящаго времени, а *будетъ сдѣлано* — будущаго“. — „Компанія, ставившая хлѣбъ и вино, исключая великой заплаты за то, дабы не воспрещалось въ первой вмѣшивать всякую дрянь и песокъ, а во вторую голую воду, получала прибытку 4.000.000 рублей“ (III, 110. IV, 104. V, 29—30).

Воспитаніе по модѣ такъ обрисовано Страховымъ въ его сочиненіяхъ: Кто знаетъ обычай большого свѣта, тотъ непремѣнно содержитъ въ своемъ домѣ попросту называемую французскую *мадамъ* и какого-нибудь *мусье*, въ качествѣ воспитателей дѣтей. Добыть ихъ не трудно: стоитъ только послать слугу въ извѣстные иностранные трактиры или въ Англійскій кофейный домъ, и на другой же день передняя ваша наполнится множествомъ *мусьевъ*. „Хотя извѣстная наша склонность къ французскому языку, а паче наша неразборчивость лишила Парижъ половины слугъ; однакожъ можете вы между ими найти такихъ, которые у знатныхъ людей исполняли должность почтенныхъ господъ камердинеровъ. Сіи послѣдніе, будучи довольно искусныя обезьяны своихъ прежнихъ господъ, безъ сомнѣнія, вамъ понравятся щегольскимъ и вольнымъ своимъ обращеніемъ... Подряжайте ихъ за 300 и 350 р., съ таковымъ условіемъ, чтобъ имѣть ему вашъ столъ, кофе, чай; отвести хорошую для него комнату, опредѣлить къ нему особеннаго слугу, и въ случаѣ, когда онъ васъ разругаетъ, тотъ же часъ изъ деревни въ спокойной повозкѣ доставить его въ городъ. Знающихъ и достойныхъ учителей нанимать весьма несходно и непріятно. Они столь грубы и несвѣдущи въ обхожденіи, что ни за какія просьбы не согласятся рѣзвиться съ дѣтьми, возить ихъ коньки и дѣлать имъ изъ воску,

бумаги и картъ разныя игрушки, потѣшки и домики. Почитая порокомъ брать деньги даромъ, они стараются выучить дѣтей тому въ два года, чему гораздо гибчайшій ихъ мусье умѣлъ бы ихъ проучить лѣтъ шесть". То ли дѣло нанять учителя *подешевле*. На тѣ деньги, какія порядочному учителю надо заплатить года за три, можно нанимать лѣтъ восемь учителя похуже, такого, который нимало не изнурить ни памяти, ни здоровья своихъ воспитанниковъ и не обременитъ ихъ дѣтскія головки ни одимъ золотникомъ знанія. Согласно съ этимъ экономическимъ правиломъ, въ „Прибавленіяхъ къ вѣдомостямъ" IV-й части „Сатирическаго Вѣстника" напечатано такое объявленіе: „Г. *Развратовъ* желаетъ нанять для прекраснаго своего цуга годоваго коновала, также для шестерыхъ своихъ дѣтей ищетъ учителя. Учителю платить въ годъ онъ не соглашается болѣе 250 р.; касательно же коновала, если онъ будетъ иностранной, а притомъ знающій человѣкъ, онъ даетъ годоваго жалованья отъ 350 до 400 руб. — З".

При выборѣ гувернантокъ руководились тѣми же правилами. Требовали, чтобъ она была весела, шутлива, знала много французскихъ романсовъ, умѣла со вкусомъ одѣвать, имѣла самыя тонкія свѣдѣнія о модахъ, словомъ, чтобы она была необходима въ домѣ не столько для ученія, сколько „для компаніи". Все ученье ограничивалось французскимъ языкомъ, танцами, музыкою, пѣніемъ и рисованіемъ, по всему этому учили понемногу. Довольно, если дитя, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, не разумѣя родного языка, научится болтать по-французски наподобіе попугая; довольно, если модная барышня сумѣетъ вытвердить слова *аллегро, адажіо, піано, форте* и сможетъ кое-какъ сыграть двѣ-три пѣсенки и столько же арій изъ болѣе извѣстныхъ оперъ, а если при этомъ она еще и поетъ, то кто осмѣлится не признать въ ней дѣвицу самыхъ рѣдкихъ дарованій? Учиться рисованію значило накупить цѣлую коробку дорогихъ карандашей и красокъ, запастись кисточками и бумагою, нанять учителя и заплатить ему рублей сто или двѣсти за одинъ начерченный носикъ или губки. Болѣе значительныхъ усилій требовала наука танцевъ. „Встарь, говоритъ Страховъ, былъ обычай все начинать съ головы, нынѣ такое невѣжество вывелось, и почти все начинается съ ногъ". Искусство ногъ, пальцевъ и голоса составляетъ первѣйшее достоинство прекраснаго пола. Прежде старались знать все

необходимое и полезное въ хозяйствѣ и домашнемъ быту; теперь, съ просвѣщеніемъ вѣка, исчезло это старомодное воспитаніе: теперь уже почитается немалымъ порокомъ знать благородной дѣвицѣ то, что знаютъ ея *подлыя* служанки. „Разумѣть прясть, ткать и шить предоставлено судьбою однѣмъ только подло-рожденнымъ тварямъ, но благородной женщинѣ стыдно, если она и указать умѣетъ рабамъ своимъ, когда онѣ не такъ дѣлать будутъ; да многія изъ модницъ не вѣдаютъ и того, какъ приготовляется ленъ для ихъ бѣлья.“ (II, 45—48. IV, 115. Карман. книжка I, 69. Переписка двухъ адскихъ вельможъ I, 60, 150).

Любопытна картина деревенской жизни помѣщиковъ, набросанная „Сатирическимъ Вѣстникомъ“; въ ней такъ много живыхъ характеристическихъ указаній. Несмотря на поэтическія описанія сельскаго быта, ошибочно думать, чтобы въ нашъ превратный вѣкъ, какъ скоро на версту удалишься изъ пыльной и душной столицы, то сейчасъ же обрѣтешь въ деревенскихъ жителяхъ свѣжій видъ невинности и древней простоты. „Порокъ повстрѣчается съ нами при первой верстѣ, а добродѣтели не найдешь уже близъ сѣнныхъ стоговъ. Хлѣбопашецъ, разрѣзывающій бразды плугомъ своимъ, и самый стерегущій стада пастухъ, толико восхищающіе насъ въ романахъ и безсмертныхъ твореніяхъ г. Геснера, сдѣлались нравами своими подобны городскимъ блинникамъ, извощикамъ и торгашамъ. Молошница съ своимъ кувшиномъ, которую изобразилъ кавалеръ Грандисонъ, въ оперѣ своей Двухъ Охотниковъ, здѣсь не столь невинна... Съ другой стороны, многіе дворяне, вмѣсто того, чтобъ вести сельскую жизнь сообразно простотѣ оной и уставамъ природы, вмѣсто того, чтобъ успокоиться здѣсь отъ утруждающихъ и скучныхъ обычаевъ и обрядовъ городскихъ, еще *болѣе* онымъ здѣсь послѣдуютъ и заводятъ между собою такіе, которые и самымъ бы гибкимъ и притворнымъ городскимъ жителямъ могли показаться совершенно тягостными. Такъ называемые *визиты* съ необычайною строгостію здѣсь наблюдаются: родство, старинное знакомство и всякія обязанности прерваться могутъ навсегда, если упрямство (въ счетѣ) должныхъ визитовъ не скоро кончится“. „Деревенскіе бары считаются визитами, основываясь на особенныхъ, утвержденнымъ свѣтскими приличіями, правилахъ; визитами выражаютъ они степень своего уваженія и вниманія

къ знакомымъ. Съ дворянами равнаго достатка, для сохраненія собственной чести необходимо считаться визитами точь-въ-точь до послѣдней капли крови; если же успѣешь выиграть у нихъ два или три лишнихъ посѣщенія, то почитай такой выигрышъ за великое счастье. Дворянинъ, имѣющій только двадцать пять душъ, хотя бы онъ ѣздилъ къ стодушному всякій Божій день, долженъ быть уплаченъ двумя или тремя посѣщеніями въ круглый годъ. Если стодушному случится пріѣхать къ нему передъ обѣдомъ или ужиномъ, то никакъ не слѣдуетъ оставаться у него, но подъ предлогомъ какой-нибудь болѣзни или нужды, всѣми силами стараться уѣхать домой поскорѣе. Съ чиновными и богатыми людьми слѣдуетъ придерживаться другихъ правилъ: можно ѣздить къ нимъ разовъ пять, и за все это довольствоваться однимъ отвѣтнымъ визитомъ. Раболѣпство бѣдныхъ сосѣдей, такъ называемой *мелкой сошки*, укореняетъ въ первостатейныхъ дворянахъ ложное заблужденіе о своемъ превосходствѣ, и они-то готовы на все недоброе, если даже равные не заплатятъ имъ визита; о другихъ и говорить нечего: сосѣди съ посредственнымъ состояніемъ и мелкопомѣстные обязаны каждодневно съѣзжаться къ нимъ, какъ бы къ владѣтельнымъ дворянамъ.

Роскошь, забавы и пиры столичныхъ городовъ слѣпо принимаются помѣщиками, всякій мужчина и всякая женщина стараются и въ деревняхъ мыслить и говорить, ѣсть и пить, одѣваться, прогуливаться и спать по городскому. Жизнь въ деревнѣ не защищаетъ отъ разорительныхъ издержекъ. „Дворяне, пріѣзжая другъ друга посѣщать на нѣсколько дней, опустошаютъ хлѣбъ, овесъ и сѣно; ибо богатый помѣщикъ пріѣзжаетъ не иначе, какъ съ тридцатью лошадьми, пятнадцатью слугами, пятью лягавыми и тремя или двумя датскими и болонскими собаками. Хозяинъ, лишенный вдругъ знатнаго количества хлѣба и запаса, въ отмщеніе пускается самъ по гостямъ, а для лучшаго успѣха въ равномъ опустошеніи забираетъ съ собою все семейство, всѣхъ своихъ людей, лошадей, а если имѣетъ, то и собакъ. Исключая сихъ посѣщеній, въ годовые сельскіе праздники наѣзжаетъ къ дворянину такое множество сосѣдей, что хозяинъ послѣ того не досчитывается въ своей житницѣ нѣсколькихъ десятковъ четвертей хлѣба и овса. Можно сказать, что таковыя нашествія опустошаютъ цѣлыя стада скота и живности". Хозяинъ всѣмъ

жертвуетъ только для того, чтобы послѣ было сказано: вотъ какъ употчевалъ, всего было по колѣно! Не удивительно послѣ этого слышать, что многіе прожились отъ гостей, ихъ слугъ и лошадей. „Дворяне претворились въ саранчу, поѣдающую другъ у друга всѣ плоды ежегодныхъ трудовъ! — Желательно, заключаетъ сатирикъ, чтобы тѣ, которые выдаютъ себя первыми дворянами по уѣзду, не брали съ собою отъ двадцати до тридцати лошадей, уменьшили бы число служителей, не гостили бы другъ у друга по нѣскольку дней сряду и не ѣздили бы цѣлымъ уѣздомъ по годовымъ у дворянъ бываемымъ праздникамъ".

„Сатирическій Вѣстникъ" насмѣхается надъ разными китайскими церемоніями, которыя соблюдались въ деревняхъ при пріемѣ гостей. Чиновныхъ и богатыхъ гостей встрѣчалъ хозяинъ почти у самыхъ воротъ, а провожалъ ихъ до самой кареты; равныхъ и встрѣчалъ и провожалъ на крыльцѣ, а для бѣдныхъ дворянъ почиталось достаточнымъ привстать только съ своего стула на полвершка. Съ своей стороны почетный гость, выходя изъ дверей, изо всѣхъ силъ старался остановить хозяина и не допустить его къ проводамъ. Хозяинъ упирается и во чтобы ни стало идетъ провожать. Наконецъ они раскланиваются другъ другу, и гость принуждаетъ хозяина воротиться въ комнату; но тотъ снова выбѣгаетъ, догоняетъ гостя и на половинѣ лѣстницы прощается съ нимъ въ другой разъ. Гость опять всходитъ и прогоняетъ хозяина до самой горницы, „въ которой долженъ запереть его, если не только не хочетъ, чтобы онъ за нимъ слѣдовалъ". За обѣденными столами строго наблюдались права на первенство мѣстъ. „По извѣщеніи слуги о томъ, что столъ готовъ, всѣ, вставая съ своихъ мѣстъ, кучею столпятся у дверей, но никто не смѣетъ въ оныя итти напередъ. Начинается ужасный шумъ: иной едва не борется съ хозяиномъ, отбиваясь, чтобъ не итти ему напередъ; пятеро откланиваются, шестеро отрекаются, трое вырываются отъ хозяина, который въ потѣ лица своего тащитъ ихъ. Въ такомъ смятеніи каждый внутренно желаетъ напередъ итти, но избѣгаетъ того, чтобъ не обнаружить свое желаніе". Но стоитъ одному рѣшиться и пойти впередъ, какъ всѣ кинутся въ двери, гдѣ произойдетъ такая давка, что рѣдкій „не подвергнется отдавленію ноги и прищемленію руки". Но вотъ пришли къ столу, и начинается процессъ о мѣстахъ.

Хозяинъ то одного, то другого ловитъ, чтобъ посадить на первое мѣсто; страшная происходитъ суматоха, стукъ стульями, сажанье и паки выдергиваніе изъ-подъ сидящихъ на нихъ, новое схватываніе и провожаніе съ нижняго мѣста на первое мѣсто: напослѣдокъ кончится великое сіе дѣло тѣмъ, что займутъ первыя и высшія мѣста чиновные, а паче богатые и извѣстные въ уѣздѣ люди, безъ чего хозяинъ самъ никакъ не сѣлъ бы и не началъ обѣда. Въ разсужденіи питья здоровья, обнашиванія наливками и потчиванія кушаньемъ наблюдается такой же порядокъ. До мелкомѣстныхъ и малочиновныхъ людей супъ тогда еще доходитъ, какъ богачи и чиновные ѣдятъ уже жареное. А когда первые спѣшать доѣдать нѣкоторые остатки пирожнаго, послѣдніе по долгомъ зѣваніи отодвиганіемъ стульевъ своихъ начинаютъ давать знакъ желанія ихъ встать изъ за стола, о чемъ хозяинъ, догадавшись, въ угожденіе имъ говоритъ: *не пора ли величать хлѣбъ-соль?* и потомъ встаетъ безъ всякихъ околичностей, такъ что оставляетъ иного съ стаканомъ, другого съ вилкою, а третьяго съ пирогомъ у рта... Если мы смѣемся камчадальскому угощенію жаркою банею и жиромъ, не можетъ ли равно и для нихъ быть смѣшно, что мы завели почитать самымъ лучшимъ угощеніемъ сажаніе въ такое-то мѣсто, а не въ другое, выше, а не ниже; потчевать тѣмъ, чтобъ итти въ двери напередъ или послѣ? Не страннѣе ли положеніе наше, что достоинство умножается среди ручекъ канапе или креселъ, а простой стулъ или табуретъ есть нѣчто для насъ обидное и уничижительное? Не достойнѣе ли посмѣянія всѣ сіи наши *мѣстничества*, которыя до того распространили глупую заразу свою, что оныя вошли въ самые храмы".

У богатыхъ помѣщиковъ, имѣющихъ пятьсотъ, тысячу и болѣе душъ, было въ обычаѣ содержать при себѣ огромную дворню и приживальщиковъ. Въ штатѣ ихъ необходимо состояли: a) учитель французскаго языка съ жалованьемъ отъ 250 до 1000 руб. въ годъ; b) бѣдный дворянинъ, котораго всюду съ собой возили: „должность его состояла въ томъ, чтобъ онъ во всемъ потакалъ и полагалъ бы по господинѣ, отправлялъ бы ремесло совершеннаго шута, для скуки умѣлъ бы играть въ вистъ и шашки, раскуривалъ и подавалъ бы трубку, и выходилъ бы сказывать о подвезеніи къ крыльцу кареты"; c) управитель, d) секретарь, обязанности котораго заключа-

лись въ изготовленіи шести или семи въ годъ писемъ, въ собираніи способовъ дѣлать новыя наливки, веденіи расхода и безпрестанномъ списываніи пѣсенъ для барышень; e) дядька, ходившій за дѣтьми; f) садовникъ, вся должность котораго состояла въ томъ, чтобы ходить въ зеленомъ камзолѣ, имѣть кривой садовый ножикъ и ножницы, лучшіе плоды продавать на сторону, а букеты цвѣтовъ отдавать за чарку вина; g) конюшій, смотритель за всѣми конюхами, лошадьми и повозками; h) поваръ; i) камердинеры, разные слуги и служанки, изъ которыхъ одни должны были вѣкъ свой сидѣть въ передней, причесывать, ѣздить на запяткахъ, рѣзать кушанье, разносить вина; другіе держать на своемъ отчетѣ карты, столъ и мѣлъ; нѣкоторые переносить вѣсти, провожать, сажать, бѣгать, кричать; „самые же несчастные съ обритою головою и въ шахматномъ платьѣ отправлять вѣчно роль шутовъ и дураковъ" и быть нечувствительными къ ежедневнымъ и отъ всѣхъ изобильно получаемымъ побоямъ. „Помѣщикъ, за которымъ нѣсколько сотъ душъ, за непремѣнное почитаетъ имѣть у себя таковыхъ по два и по три". Дураковъ и дурочекъ, шутовъ и шутихъ держали въ домѣ отъ скуки, для препровожденія времени; они должны были съ утра до вечера болтать вздоръ, кричать, что есть силы, пѣть разныя пѣсни, плясать, прыгать, коверкаться. „Въ дураки или въ шуты производятъ, говоритъ Страховъ, для одной шутки, своенравія и забавы. Изъ неглупаго и добраго крестьянина или крестьянки простое средство вдругъ сдѣлать дурака или дуру: стоитъ посадить на стулъ, остричь голову до гола, надѣть шахматное платье и повѣсить колокольчики". k) Наконецъ приказчики, бурмистры, старосты, земскіе и выборные. Во многихъ домахъ назначалось еще къ барышнямъ по нѣскольку *филейницъ*, обреченныхъ на всегдашнее дѣвство, которыя обязаны были денно и нощно упражняться въ вязаньи рѣшеточекъ, цвѣточковъ и узоровъ и приготовлять своей госпожѣ наряды для приданаго. Собирая около себя такое множество дворни, отнимали руки у хлѣбопашества и другихъ полезныхъ занятій, кормили и одѣвали эту обыкновенно праздную толпу на счетъ голода и наготы разоряемыхъ ими земледѣльцевъ. (I, 35—39, 95. II, 89. III, 27—33, 35—40. IV, 61—67. V, 60. VI, 42—46. IX, 49—51).

Заведеніе собственныхъ театровъ и страсть къ псовой охотѣ

стоили богатой знати громадныхъ и разорительныхъ издержекъ. Сатира въ нападкахъ своихъ на эти стороны быта является въ яркихъ неподдѣльныхъ краскахъ современной ей эпохи и невольно напоминаетъ читателю знаменитый монологъ Чацкаго. Тщеславіе, привычка къ мотовству и чрезмѣрной роскоши побуждали знатныхъ и богатыхъ помѣщиковъ заводить домашніе спектакли и объявлять себя открытыми противниками публичнаго театра. По словамъ „Сатирическаго Вѣстника", „нѣкоторые слабоумные сельскіе дворяне, заслыша издалека о гремящей славѣ театра какого-нибудь знатнаго человѣка, пріѣзжаютъ перенимать уроки расточенія. Сіи дворяне не только проживаютъ на это всѣ доселѣ скопленныя ими деньги, но и много накапливаютъ на себя долговъ. Въ замѣну же всего онаго возвращаются въ уголокъ свой съ великою толпою музыкантовъ и актеровъ и съ великимъ числомъ повозокъ, напичканныхъ декораціями и музыкальными инструментами". Въ сатирическихъ публикаціяхъ о пріѣзжающихъ напечатано: „Прибылъ г. *Праздиолюбовъ*, который привелъ съ собою 25 мальчиковъ, взятыхъ отъ сохи для важнаго и полезнаго предмета, а именно дабы отдать ихъ обучаться музыкѣ какъ вокальной, такъ и инструментальной" (III, 7 11. IX, 77).

Аѳанасьевъ.

„ПЕРЕПИСКА МОДЫ".

„Переписка Моды" сохранила самыя подробныя указанія о современномъ щегольствѣ. „Правда (говоритъ авторъ) съ тѣхъ поръ, какъ учинилась для глазъ непріятнѣе ѣдкаго дыма, должна являться въ свѣтъ не иначе, какъ инкогнито, или по просту сказать въ платьѣ на выворотъ... Многіе писатели заставляли мыслить и философствовать чертей и духовъ, а иные звѣрей, насѣкомыхъ; для чего же и мнѣ не заставить чувствовать модныя платья, уборы и вещи"? Дѣйствующимъ лицамъ авторъ старается придать „такой образъ мысли, который бы соотвѣтствовалъ времени ихъ существованія и особеннымъ ихъ обстоятельствамъ и свойствамъ". *Моду* представляетъ онъ царицею большого свѣта и заставляетъ ее переписываться съ *непостоянствомъ*. Мода извѣщаетъ, что, объѣздивъ разныя Европейскія государства, она прибыла наконецъ въ *землю подражательности*, гдѣ главнѣйшею наукою почитается умѣнье *передѣлываться изъ людей въ обезьяны.*

Едва прибыла Мода въ землю подражательности, какъ немедленно со всѣхъ сторонъ поступили къ ней прошенія. Продавцы модныхъ товаровъ, портные, парикмахеры, танцмейстеры и много другихъ предстали съ своими жалобами и ожидали рѣшенія. Иностранные продавцы модныхъ товаровъ подали такое прошеніе: „Съ давнихъ лѣтъ продолжая самымъ ревностнымъ образомъ обманывать щеголей и щеголихъ и и усердно брать съ нихъ за каждую бездѣлку вдесятеро, со всѣми толикой важности услугами могли мы не болѣе нажить, какъ на каждый парижскій оболъ по одному только червонцу. При таковыхъ безвыгодныхъ торгахъ щеголи и щеголихи оказали еще намъ ту несносную обиду, что начали съ нами такъ же торговаться, какъ и съ здѣшними купцами, ни мало не принявши того въ уваженіе, что мы обманывали ихъ на модномъ языкѣ и самымъ учтивѣйшимъ образомъ. Исключая сей чувствительной для кармана нашего обиды, внедавнѣ щегольской свѣтъ толь явнымъ образомъ отрекся отъ модной неосторожности, что приходя въ наши лавки, со вниманіемъ уже разсматриваетъ товары и, находя, что нѣкоторые изъ оныхъ суть не выписные, а здѣшніе, не внемлетъ потомъ никакимъ нашимъ увѣреніямъ... Чего ради всепокорнѣйше и всенижайше просимъ достославную Моду... о возстановленіи кредиту въ нашей божбѣ и довѣренности къ нашимъ обманамъ“. На это прошеніе послѣдовало отъ Моды слѣдующее рѣшеніе: придѣлать къ лавкамъ черныя доски и поставить на нихъ золотыя французскія буквы мѣрою въ ростъ человѣческій; лавки переименовать въ магазины, товары здѣшней работы, а особенно женскіе уборы, продавать въ парижскихъ и лондонскихъ коробкахъ и футлярахъ. Купцы пуговишнаго ряда били челомъ: „Не проходило почти ни одного года, чтобъ раза четыре не послѣдовало перемѣны съ чуднымъ нашимъ товаромъ. Вслѣдъ за введенными вмѣсто пуговицъ такъ называемыми *оливками съ косточками разнаго виду* послѣдовали *боченочки стальные*, крохотныя *стальныя звѣздочками пуговицы*, послѣ появились *блестками шитыя по матеріи пуговицы*, далѣе настали пуговицы съ мѣднымъ ободочкомъ, въ срединѣ съ мѣдною шишечкою, а прочая окружность оныхъ была дѣлаема на подобіе бѣлаго и разнаго фарфора. По скончаніи существа сихъ пуговицъ, настали мѣдныя и бѣлыя пуговки шишкомъ, а сіи перемѣнились шелковыми и гарус-

ными пуговицами такого же виду. Чрезъ нѣсколько времени вступили въ службу разнаго рода мѣдныя пуговицы средственной величины, которыя однакожъ впослѣдствіи такъ возросли, что сдѣлались съ добрую бляху, и уповательно, что современемъ поравнялись бы величиною своею съ столовою тарелкою или печною вьюшкою, если бы употребительность оныхъ не замѣшилась пуговицами съ *портретами*, *коньками*, *деревеньками*, и пуговицами съ осьмиугольными и съ загнутыми ободочками. Потомъ настали дорогія пуговицы за стекломъ, которыя большею частію изображали нѣкоторыя зданія Парижа и разные увеселительные домы, находящіеся по близости отъ него и проч.". Наконецъ появилися стальныя пуговицы. Купцы пуговишнаго ряда просятъ всевластную Моду продлить вѣкъ стальнымъ пуговицамъ и выдать приказъ, чтобы щеголи безъ всякихъ отговорокъ покупали ихъ за настоящія англійскія и платили бы за то вдесятеро. Портные жаловались, что покрой платья до сихъ поръ ежегодно перемѣнявшійся, къ крайнему ихъ убытку вдругъ остановился на *высокомъ лифѣ* и *длинныхъ полахъ*. Рѣшеніе Моды повелѣвало имъ „довольствоваться перемѣною воротниковъ, обшлаговъ, клапановъ, фалдъ, спинокъ, пуговицъ и цвѣтовъ сукна". Иностранные парикмахеры, выставляя свои заслуги, приносили жалобы на модный свѣтъ: мы, говорили они, были первые выдумщики прическокъ *неглиже*, *энъ кокъ*, *а ла кроше* и другихъ, мы изобрѣли устраивать букли на подобіе вавилонскихъ висячихъ садовъ, а пучки самымъ искуснымъ образомъ то утолщать, то укорачивать, то опускать ниже, то приподнимать вверхъ; не смотря на эти подвиги и труды, щеголи и щеголихи самымъ неблагодарнымъ образомъ и столь явно отверглись нашей власти, что даже осмѣлились изъ собственныхъ слугъ завести себѣ парикмахеровъ. Рѣшеніе на эту жалобу состоялось въ такомъ видѣ: „Для возстановленія кредиту вышеписныхъ рукъ надлежитъ присоединить къ славной наукѣ *власофранія* особенную отрасль нѣкоторой выспренней же науки, извѣстной подъ именемъ *искусства убирать голову флеромъ, лентами, цвѣтами и каменьями*. Въ ожиданіи успѣховъ въ семъ знаніи должны иностранные парикмахеры чрезъ вѣдомости безпрестанно жужжать въ уши щегольскому свѣту то о своихъ именахъ, то объ искусствѣ своихъ рукъ. Къ домамъ своимъ надлежитъ имъ прибить нелѣпыя картины, изо-

бражающія мужчину въ пудромантѣ, а женщину съ тупеемъ, преизукрашеннымъ всякими лоскутками. Вообще же для совершеннаго возстановленія кредиту, иностраннымъ парикмахерамъ ѣздить въ каретѣ, а пѣшкомъ не ходить". Танцмейстеры протестовали противъ сатирическихъ нападокъ, направленныхъ на ихъ занятія, и просили Моду разобрать: почему *авторишки* осмѣлились выкинуть танцованіе изъ числа главнѣйшихъ душевныхъ достоинствъ и называли его незаконнымъ чадомъ полезнаго движенія? и почему за обученіе ногъ не награждаютъ танцмейстеровъ такими же чинами, какими награждаютъ профессоровъ. Кофейницы, или женщины, занимающіяся отгадываніемъ по густому кофею, загадчицы на картахъ, иностранные учители приносили жалобы на сатириковъ; отгадывальницы сновъ на появленіе сонниковъ и т. д. (стр. 10—11, 14—20, 23, 58—59, 162—3; сличи съ „Сатирич. Вѣстникомъ I, 51; V, 82; VII, 11—13; VIII, 23—25).

Любопытна жалоба, поступившая отъ *Дуелей:* „Point d'honneur нынѣ къ стыду нашему совсѣмъ выводится! Бывало посидишь хоть часокъ въ гостяхъ, того и гляди, ничего за собою ни знавши, ни вѣдавши, что по утру мальчикъ брякъ на дворъ съ письмецемъ, въ которомъ тотъ, кого одинъ разъ отъ роду видѣлъ и едва въ лицо помнишь, ругаетъ тебя на повалъ и во всю ивановскую, да еще сулитъ пощечины и палочные удары, такъ что хоть не радъ, да готовъ будешь рѣзаться. Бывало взглядъ, видъ, осанка, безумышленное движеніе угрожали смертію и кровопролитіемъ. Однимъ словомъ недавно всѣ слова вѣшались на золотники, всѣ шаги мѣрились линіями, а поклоны футами. Бывало хоть чуть-чуть кто-либо зацѣпитъ кого по нечаянности шпагою или шляпою, повредитъ ли на головѣ одинъ волосочекъ, погнетъ ли на плечѣ сукно, такъ милости просимъ въ поле. Хворающій зубами дастъ ли отвѣтъ въ полголоса, насморкъ имѣющій скажетъ ли что-нибудь въ носъ... ни на что не смотрятъ! Того и гляди, что по ефесъ шпага! Также глухъ ли кто, близорукъ ли: но когда, Боже сохрани! онъ не отвѣтствовалъ или не довидѣлъ поклона... тотчасъ шпаги въ руки, шляпы на голову, да и пошла трескотня да рубка! Когда обожающій какую-нибудь красотку усматривалъ, что она любитъ другого... не разсуждали тогда, что всего болѣе виновна въ томъ любовь. Куда! или умри, или отступись. Также уменъ ли кто,

ученъ ли кто, да бывало осмѣлься-ка въ чемъ-нибудь попеќречить невѣждѣ, знающему биться на шпагахъ, такъ дѣло и выходило, что въ чистомъ полѣ сей послѣдній доказывалъ первому, что онъ то предъ нимъ сущій невѣжа. Бывало также поединки составляли и промыселъ. Полюбится ли храбрецамъ у богатаго труса лошадка или санки, тотчасъ или вызовъ и оплеухи, или отдай лошадь и сани. Важивались такіе молодчики, что бывало играетъ-играетъ, да какъ счастіе не по немъ потянуло, такъ того и смотри, что вдругъ цапъ-царапъ всѣ деньги, да и въ карманъ: а коли кто заговоритъ, такъ и уши, не уши, и носъ не носъ, тотчасъ шпажищею или саблищею изуродуетъ и окарнаетъ ихъ. Хорохорливость и забіячливость были въ такой чести, что важивались молодчики, которые тѣмъ и забавлялись, что всѣхъ колачивали и рѣзали, и хоть чуть кто ихъ познатнѣе, тутъ-то нарочно на славу того и мѣтятъ, какъ бы отдавить ногу или дать толчка... Бывало то и честь, если кто можетъ предъявить подлинныя доказательства, что онъ на поединкахъ двоихъ или троихъ отправилъ на тотъ свѣтъ... Но нынѣ, государыня наша (Мода)! угодно вамъ было вступиться за насъ и не защитить отъ гоненія *здраваго смысла...*"

Рядомъ съ прошеніями и жалобами, поступившими на рѣшеніе Моды, въ разсматриваемомъ нами изданіи помѣщена и переписка разныхъ уборовъ, мебелей, экипажей между собою. Здѣсь находимъ интересныя свѣдѣнія о старинныхъ русскихъ нарядахъ, позабытыхъ моднымъ свѣтомъ, но еще долго остававшихся между низшими слоями общества и вдали отъ столицъ. Такъ напримѣръ жаловалась Модѣ *соболья манька*. Мода изъявила свое согласіе принять соболью маньку на службу на слѣдующихъ условіяхъ: такъ какъ все узкое нынѣ истребляется, то означенная соболья манька обязана сдѣлаться шире, и входъ въ щегольской свѣтъ дозволяется ей подъ новымъ названіемъ *большой собольей муфты*. *Старинные головные уборы* испытали одинаковую съ собольею манькою и другими старозавѣтными одеждами участь: „Мы сирые, жаловались они, въ загонѣ. Правда, благочестивый родъ иногородныхъ купчихъ, старинпаго крапивнаго сѣмени жены, смиренныя попадьи, лѣтъ шестьдесятъ не выѣзжающія изъ деревень своихъ барыньки и ихъ барскія барыни, хотя по своей милости не оставляютъ насъ, и жалуютъ, однакожъ это насъ никакъ не

веселить. Подумай, мать наша, какъ на чужбинѣ не взгоревать и не вздохнуть по родительской своей сторонкѣ и по городѣ съ золотыми маковками, гдѣ мы родились, росли, жили. О! о! охъ ти намъ! Какъ мы не вздумаемъ о томъ, такъ сердечушко-то закипитъ, закипитъ! А сами-то мы въ рыдъ, да въ рыдъ, какъ зальемся да обольемся, такъ и уёму нѣтъ. Всѣ-то приплакали мы свои глазаньки... Кабы неотъемная водочка, давно бы всѣ съ глоткой полѣзли въ петлю. Хоть ужъ это-то намъ, матушка помогаетъ. Какъ выпьешь доброй *утренничекъ* или *чарочку длиточкой*, такъ будто и забудешь кручину... Вамилуйся хоть ты надъ нами, осударыня наша!... Не прогнѣвайся на нашемъ бабьемъ враньѣ, што дѣлать! кровь наша говоритъ!" Подписались:

Кокошникъ съ перепелами,
Соболья бархатная шапочка съ карабликомъ,
Рогатая шапка,
Колпакомъ шапка соболья,
Чепецъ бармотикъ,
Нахтышъ чепецъ
Косой чепецъ съ шишкой.

„Mesdames! отвѣчала имъ Мода": Ваша бономи и семплисите заставили меня такъ смѣяться, что я едва отъ того не лопнула. Фуй! фуй! какъ вы меня уморили!... Одни ваши имена... Ну! совершенно я интересуюсь васъ видѣть и узнать персонально. Я чаю вы такъ милы, что надсядешься со смѣху. Опредѣлить въ подлинной свой штатъ васъ не могу, ибо нынѣ вмѣсто кокошника съ перепелками на головахъ прекраснаго полу цѣлые строусы... рогатая шапка также не можетъ быть употребляема, ибо нынѣ на женскихъ лбахъ фальшивые рога совсѣмъ нетерпимы... Если вы согласитесь вступить ко мнѣ сверхъ комплекта, я съ великою радостію васъ къ себѣ приму. Я вамъ позволяю играть важную роль въ учрежденныхъ мною маскерадахъ".

Боттины извѣщаютъ своего любезнаго дядюшку: *Сапоги съ раструбами* о собственномъ успѣхѣ. Мода обратила на нихъ свое милостивое вниманіе и выдала такую повѣстку щегольскому свѣту: „Bottins или боттинки суть наипрекрасные лоскуточки кожи со шнуровочкою или съ пряжечкою. Будучи вздѣты на шелковой чулочикъ и простираясь до половины щегольскихъ ногъ, они представляютъ подобіе шну-

ровки, придающей самымъ сухощавымъ икрамъ полной, тучной и прелестной видъ. Толь рѣдкое и удивительное оныхъ свойство, а болѣе ихъ легкость, уютливость и красивость обязывають меня рекомендовать сію новую обувь ногамъ всѣхъ щеголей... Щеголи должны оставить *сапоги съ отворотами*, а наипаче *сапоги съ раструбами*, въ коихъ доселѣ всѣ пріятности мужскихъ ногъ скрыты были, подобно какъ бы за нѣкіими странными перилами или высокими заборами. Отнынѣ да почтены будутъ ноги въ боттинкахъ гораздо важнѣе самой головы". О такомъ одобреніи Моды, прибавляютъ боттины, весь городъ узналъ въ тотъ же день; всѣ сапожники были завалены работою и осыпаны деньгами. Не оставьте (продолжаютъ они, обращаясь къ сапогамъ съ раструбами) увѣдомленіемъ о собственныхъ вашихъ обстоятельствахъ. Все ли вы попрежнему поживаете въ арміи? Братцы ваши, а наши дядюшки, *сапоги съ отворотами* находятся при самомъ слабомъ здоровьѣ. *Плисовые сапоги* въ зимнее время имѣютъ себѣ великое уваженіе. Современники ваши *Оленьи сапоги* и *кеньги* совсѣмъ славою своею упали". Въ письмѣ *шляпы а ла Шарлотъ къ Корнету* выведены старинная *шельмовка*, *балалончикъ*, *шамлукъ*, чепцы: *сорока*, *лапша* и др.

Послѣдняя прическа ***en fer de cheval***, или *подкова*, такъ разсказывала о своихъ заслугахъ: „Я нынѣ являюсь на головахъ въ видѣ рощей, садовъ и нивись чего; безъ меня человѣкъ какъ будто безъ головы. Нынѣ между кудрей, удобренныхъ душистымъ саломъ и бѣлою пылью (пудрою), въ нѣсколько часовъ произрастаютъ всѣ возможныя достоинства. Бывало въ старь нѣсколько лѣтъ въ молодости трудись, да учись, да будь уменъ, такъ ужъ потомъ будешь съ головою. А нынѣ райское пришло житье! можно въ нѣсколько часовъ сдѣлать человѣка достойнымъ, и пустить въ свѣтъ умницею и разумницею: стояли бы волосы дыбомъ, букли рогами, пучекъ торчкомъ! вотъ-те и поспѣла голова!"

Женская косынка писала къ старинному *Крагану*: „Женскіе уборы и наряды съ того времени, какъ учинились украшеніемъ прелестей и возбужденіемъ желаній, подвергнулись частымъ перемѣнамъ. Если разсматривать до нынѣшнихъ временъ всѣ моды, которыя единственно для грудей женскихъ были выдумываемы, то увидишь, что всѣ сіи перемѣны произошли отъ желанія прельщать помощію большаго или мень-

шаго открытія и закрытія тѣла. Сколько разъ во Франціи и Англіи всѣ женщины имѣли у себя груди открытыя; сколько разъ онѣ то совсѣмъ, то нѣсколько ихъ закрывали! Вначалѣ всѣ восхищались и хвалили открытыя груди. Но вскорѣ, когда прекрасный полъ усмотрѣлъ нечувствительность мужчинъ, тогда снова принужденъ былъ прибѣгнуть къ новой хитрости. Отъ неблагодарныхъ смертныхъ красавицы начали понемногу закрывать свои груди. Всѣ начали сіе хвалить и восхищались, поглядывая на тѣ нѣсколько прикрытыя прелести, которыя съ умыслу были скрываемы. Но нынѣ и сія мода по нѣкоторымъ причинамъ дѣлается скучною, и сказызываютъ, что во Франціи прекрасный полъ открылъ уже свои груди... Подумай, можетъ ли быть постоянно счастіе косынокъ?" (Стр. 33—37, 45—57, 65—71, 104—7, 196—8, 206—213. „Сатир. Вѣст." I, 106—8).

Подобными письмами отъ Высокихъ шифовъ къ Низкимъ, отъ Стариннаго кафтана къ Новомодному, отъ Женскаго башмака съ прорѣзною кожицею къ Башмаку стерлядкою, отъ Золотой женской табакерки къ Табакеркѣ съ сердоликами и проч. и проч., наполнена „Переписка Моды".

Аѳанасьевъ.

„КАРМАННАЯ КНИЖКА".

Мы коснулись нѣкоторыхъ сторонъ деревенской помѣщичьей жизни. Переѣдемъ теперь вмѣстѣ съ богатою помѣщичьею семьей изъ деревни въ Москву и поглядимъ на нравы большого, моднаго свѣта девяностыхъ годовъ. У насъ подъ рукою „Карманная Книжка", готовая снабдить насъ нужными справками и совѣтами.

Послѣ долгихъ приготовленій, наконецъ дворяне собрались съ своими семьями и въ сентябрѣ выѣзжаютъ изъ деревни въ Москву на всю зиму. Не оставаться же въ самомъ дѣлѣ въ деревняхъ! И что дѣлать тамъ благовоспитанному помѣщику? Не дерзайте противиться этому общепринятому обычаю, поучаетъ „Карманная Книжка"; молодые дворяне! страшитесь крику модныхъ своихъ половинъ; старики! убойтесь ворчливости своихъ барынь и сѣтованія щеголеватыхъ своихъ дочекъ и сынковъ. Кидайте скорѣе ваши помѣстья... Подлыя попеченія о молотьбѣ хлѣба возложите на вашихъ старостъ; низкое попеченіе о дѣлахъ домашнихъ предоставьте вашему приказ-

чику, или постарайтесь сами всѣ оныя исполнить дня въ два... Смѣните старость, кое-какъ повыдайте сотню дѣвокъ замужъ и переженпте парней; продайте хлѣбъ, соберите запасъ, оброкъ и деньги. Послѣ сего пошлите нанять домъ цѣною отъ пятисотъ до тысячи, который бы былъ на большой улицѣ, по близости къ театру, клубу и рядамъ; а если имѣете свой, то велите оный протапливать недѣли за двѣ до пріѣзду вашего". Отправьте въ Москву изъ деревни какъ можно болѣе живности и разнаго запасу, своего и крестьянскаго; не забудьте захватить нѣсколько лишнихъ бочекъ наливки и банокъ съ вареньемъ. „Набирайте съ собою сколько можно болѣе слугъ, напичкивайте повозки дѣвками, платьемъ, фижмами, шнуровками, коробками, коробочками, ящиками, ларцами, укладками, сундуками, сундучками, баулами и чемоданами. Распорядите таковой обозъ, отправьте напередъ кухню, садитесь въ свои экипажи и поспѣшайте. По пріѣздѣ въ Москву, немедленно должно разослать слугъ къ городскимъ знакомымъ, съ извѣстіемъ о прибытіи господъ въ столицу; самимъ господамъ запрещается выѣзжать нѣсколько дней: надо отдохнуть отъ усталости и поправить свое здоровье, хотя бы они никакихъ болѣзней не чувствовали; крѣпкое здоровье прилично одному крестьянскому поколѣнію! Это время посвятите собранію свѣдѣній о модныхъ цвѣтахъ, покроѣ платья, шляпкахъ, ленточкахъ, пуговицахъ, пряжкахъ и разныхъ новостяхъ; ибо прежде всего надо быть одѣту по модѣ и узнать всѣ происшествія и сплетни большого свѣта". Каждое утро, по совѣту „Карманной Книжки", надо собирать къ себѣ по нѣскольку десятковъ разносчиковъ и продавцевъ модныхъ товаровъ; торговаться съ ними, что есть силы, и накупать разныхъ разностей. Потомъ любуйтесь сами товарами: „кажите ихъ всѣмъ вашимъ пріятелямъ; созывайте всѣхъ домашнихъ и заставьте отгадывать цѣну". Наскучитъ это, скачите въ ряды, облетайте всѣ лавки, кричите, закупайте, бросайте деньги, складывайте, увязывайте и велите класть въ карету. Поѣзжайте въ магазины платить за иностранныя выдумки; давайте за нихъ вдвое только потому, что въ тѣхъ лавкахъ, изъ которыхъ онѣ продаются, прибиты дощечки съ золотыми французскими буквами. Съ здѣшними продавцами и продавицами не дерзайте торговаться, потому что они имѣютъ парижскую совѣсть божатся и обманываютъ на модномъ языкѣ. Поѣздка

въ ряды имѣетъ свои особенныя пріятности; большая часть свѣтскихъ красавицъ сдѣлала ихъ мѣстомъ свиданій и является сюда собирать вокругъ себя цѣнителей своихъ собственныхъ прелестей. Здѣсь легко можетъ представиться удобный случай показать себя услужливымъ и любезнымъ: „съ знакомыми вамъ дѣвицами не бываетъ иногда по нечаянности денегъ, или, ошибаясь въ расчетѣ, берутъ онѣ съ собою такъ мало денегъ, что весьма кстати будетъ подслужиться имъ вашимъ кошелькомъ или цѣлою книжкою съ ассигнаціями". Въ важномъ вопросѣ о нарядахъ и уборахъ „Карманная Книжка" совѣтуетъ дамамъ: „Разумъ вашъ, который не можетъ весь помѣститься въ головѣ вашей, переселяйте въ шляпки о трехъ этажахъ, или на тѣ высирепніе горы и холмы, которые воздвигнуты на главахъ вашихъ. Дабы таковыя громады не подавили умъ и мозгъ вашъ, подставьте подъ нихъ подушечки на ресорахъ". Устройте фижмы на подобіе крыльевъ, шнуровки на подобіе удавокъ, косынки, похожія на рамы, въ которыхъ открыто бы помѣщались трогательныя картины, или такія косынки, которыя бы, скрывая прелести, придавали имъ видъ *барельефъ*. Сатирическія выходки противъ модныхъ уборовъ, румянъ, бѣлилъ, пудры нѣсколько однообразны въ изданіяхъ Страхова. „Сатирическій Вѣстникъ" (VII, 4—9), записалъ правила употребленія мушекъ и англійскаго пластыря:

„1. Мушка на лбу между бровей значитъ: будь откровененъ.

2. Мушка надъ лѣвою бровью — непреклонность.

3. Надъ правою бровью — насмѣшка.

4. На лбу къ самому виску — безпристрастіе или холодность.

5. На концѣ брови — вѣрность.

6. Надъ срединою брови значитъ: переговори съ моею дѣвушкою" и т. д.

Только игла искуснаго портного можетъ создать человѣка; все должно быть строго взвѣшено и обдумано: и цвѣтъ, и покрой, и матерія платья. Высокій лифъ и узенькая спинка составляли тогда душу кафтана и другихъ нарядовъ: чѣмъ выше лифъ, тѣмъ выше достоинства ваши, и чѣмъ уже спинка, тѣмъ тоньше вашъ разумъ. За сто лѣтъ назадъ бороду полагали мѣстомъ пребыванія мудрости; а съ тѣхъ поръ, какъ стали оголять ее бритвою, всѣ дарованія вдругъ переселились на вершокъ повыше головы — въ модную прическу, посыпае-

мую желтою, сѣрою, розовою и бѣлою пудрою. Осмотрительные щеголи должны кланяться весьма осторожно и избѣгать всякихъ обниманій, свойственныхъ однимъ простодушнымъ деревенскимъ простакамъ, которые привыкли бросаться на знакомыхъ съ распростертыми руками и которымъ ничочемъ измять чужую прическу. Карету слѣдуетъ покупать по слѣдующему экономическому расчету: у кого имѣнье во сто душъ, тотъ пріобрѣтай карету въ 450 руб., помѣщикъ 350 душъ — въ 800 руб., 1000 душъ — 1000 руб. и т. д. Сверхъ этого необходимаго экипажа, молодые петиметры должны озаботиться покупкою дорогихъ вѣнскихъ саней и отличныхъ бѣгуновъ; самъ счастливый владѣтель ихъ долженъ шить себѣ *санную* шубу и куртку съ чикчирами, а верхового своего нарядить жокеемъ, туркомъ, албанцемъ, черкесомъ, казакомъ или гусаромъ. Какое наслажденіе кататься на легонькихъ саночкахъ *кадрилью*, для чего напередъ сговариваются между собою кавалеры и дамы; какое удовольствіе показаться на бѣгу и биться о закладъ съ другими охотниками.

Когда все, что требуетъ мода, будетъ закуплено и сдѣлано, начинайте визиты. „Узнавши, кого точно нѣтъ дома, подъѣзжайте только къ воротамъ, что и почтено будетъ за самое посѣщеніе. Если подойдутъ съ сему хитрому замыслу сумерки, то можете, сидя сами въ гостяхъ, къ отлучившимся изъ своего дому отправить одну только пустую карету и велѣть отдать билетъ и сказать, что вы заѣзжали. Въ каждыхъ гостяхъ не сидите болѣе получаса и старайтесь объѣздить въ одинъ день домовъ тридцать“. Не опасайтесь отъ того засѣсть дома. Тѣ, которые называются людьми **du bon ton**, раздѣляютъ между собою дни, въ которые, слѣдуя модѣ, они принимаютъ гостей, такъ что вы, начиная съ понедѣльника, можете всю недѣлю ѣздить по такъ называемымъ положеннымъ днямъ и только ночью будете жить дома. Вы можете еще посѣщать маскарады, вольный театръ, сами участвовать въ домашнихъ спектакляхъ, записаться въ редутъ и клубъ и посвящать время танцамъ, волокитству и карточной игрѣ. Посѣщая званые балы, обѣды и ужины, устройте и у себя подобные увеселенія и пиры. „Забудьте, что все сіе послѣ исправной и вѣрной смѣтки заставитъ васъ разорять другихъ прибавкою оброка, кричать за порошинку муки и за золотникъ масла, вмѣсто богатой ливреи водить слугъ босикомъ и въ рубище, а послѣ

роскошнаго освѣщенія сидѣть въ горницѣ за одною свѣчкою!" Святочныя вечеринки можете посвящать гаданью и игрѣ въ фанты; масленицу — истребленію блиновъ, катанью и т. д.

Всѣ эти выѣзды и чрезмѣрные расходы, соединенные съ ними, по увѣренію „Карманной Книжки", имѣютъ цѣлью: выдать выгодно замужъ дочерей и пережепить сыновей на богатыхъ невѣстахъ. Страсть къ роскоши и денежный расчетъ замѣняютъ всѣ сердечныя побужденія и склонности. „Дѣвушки, прежде нежели могутъ понимать, что есть супружество, должны именно назначить, какого достоинства и чина неотмѣнно быть долженъ тотъ, кто хочетъ снискать счастіе сдѣлаться ихъ супругомъ. Будучи дочерями чиновныхъ людей и подкрѣпляясь толками своего семейства и знакомыхъ, онѣ полагаютъ, что самая природа судила имъ ѣздить цугомъ или четвернею; почитаютъ за несчастіе и низкость соединиться съ такимъ человѣкомъ, который имѣетъ право ѣздить только на двухъ или четырехъ, а не на шести лошадяхъ". Такое же положеніе существуетъ и относительно имѣнія жениховъ. Полковникъ или бригадиръ, 500 или 1000 душъ составляютъ то требованіе, отъ котораго не позволительно уклониться ни на одну черту. „Обѣщаніе со стороны жениха рѣдко или никогда не ѣздить въ деревню, жить пышно въ городѣ, записывать будущую жену во всѣ общества, каждый день принимать къ себѣ гостей или выѣзжать въ гости, пусть замѣнятъ увѣренія въ любви, вѣрности и постоянствѣ". Женитьба сдѣлалась торговлею; ибо женятся нынѣ другъ на другѣ не люди, но въ видѣ оныхъ соединяются другъ съ другомъ два имѣнія; многія таковыя свадьбы можно назвать женитьбами мѣшковъ на деревняхъ или деревень на мѣшкахъ". „Родитель семейства, читая домашній расходъ вздыхая возглашаетъ женѣ своей: вотъ сударыня каковы солоны достаются дочки! Между нами будь сказано, это сущая пасть для денегъ — безпрестанный расходъ, проклятые наряды, это кляченье да прыганье, да приданое всякаго изсушитъ! Кажется воспитаны хорошо, ну и довольно бы того, а то еще хоть вынь да положь десять, двадцать или тридцать тысячъ! О свѣтъ! о корыстолюбіе! о роскошь! Но чрезъ минуту входитъ сынъ, и сей же самый мудрецъ проповѣдуетъ ему слѣдующее: „Слушай сынокъ! вѣдай, что тебѣ на твоей красоткѣ не жениться. Не спорю я, что она благонравна, пригожа, воспитана,

учена... но приданое... Ты долженъ только сожалѣть объ этой дѣвушкѣ, и ничего больше... Дѣдъ твой, имѣя 100 душъ, за бабушкою взялъ столько же; я, имѣя 200, взялъ за матерью твоею 700... Если ты женишься не на 1000 душахъ, то жену твою не почту я невѣсткою, а тебя своимъ сыномъ"!

Наконецъ зима, съ ея столичными удовольствіями пролетѣла и унесла съ собою много прожитыхъ денегъ и несбывшихся надеждъ. Начинаются сборы къ отъѣзду въ деревню. „Нѣсколько дней въ домѣ царствуетъ безмолвіе. Родитель сидитъ въ кабинетѣ. Управитель, дворецкій, казначей и секретарь понесли къ нему расходныя тетради денегъ, запаса, живности, напитковъ, дровъ и свѣчъ. Съ угрюмымъ видомъ и наморщеннымъ лицомъ входитъ барыня. Она кусаетъ губы, размахиваетъ руками, считаетъ по пальцамъ и вздыхаетъ. Тогда-то начинаются счеты и сметки; по всему дому слышны только одни разговоры о великой тратѣ, о четырехъ прожитыхъ тысячахъ". На всѣхъ лицахъ замѣтна печаль. Только слуги, вооруженные противъ городской жизни спѣшатъ покончить сборы. Нѣкоторымъ изъ нихъ памятно, какъ они по милости маскарадовъ и клубовъ, принуждены будучи бесѣдовать на стужѣ, отмораживали себѣ носы, щеки, руки и ноги. Другимъ памятно то время, когда они не сыпали сряду ночи по три или спали по новому способу, то-есть одними глазами и головой, но не ногами, которыя въ сіе время вопреки природѣ должны были бодрствовать. Нѣкоторымъ грубіанамъ взбрело на умъ желаніе свидѣться поскорѣе съ оставшимися въ деревнѣ ихъ женами и родственниками". Уже до десятка подводъ отправлено напередъ съ фортепіанами, гардеробами и разными покупками; напослѣдокъ пріѣхали изъ деревни лошади за самими господами... (ч. 3, стр. 56, 60—63). *Аѳанасьевъ.*

„ПЛАЧЪ МОДЫ".

Въ 1793 году, послѣ несчастной кончины короля Людовика XVI, императрицею Екатериной изданъ былъ указъ о прекращеніи сношеній съ Франціею и о высылкѣ изъ Россіи французскихъ подданныхъ. Указъ этотъ подалъ Страхову мысль выдать летучую брошюру: „Плачъ Моды".

„Увы! раздалисъ печальныя сѣтованія Моды, отнынѣ фран-

цузское пудро̀ не будетъ лежать въ уборныхъ, а благовоніе *жерваевой* помады не услышитъ отнынѣ ни одинъ щеголь и щеголиха. Подлое пудрицо и помадишка посрамятъ на вѣки кудри большаго свѣта. Кружевныя манжеты, и вы среди славы своей на вѣки посрамлены, и вы подвергнулись общеву изгнанію!... Лино-батистъ, флеръ, крепъ, дымка и торлатанъ, тлѣнныя драгоцѣнности, что можетъ замѣнить потерю вашу? Цѣлыми вѣками пріобрѣтенное искусство въ шитьѣ и уборахъ вами воспріяло совершенство свое и славу. Во мракѣ невѣжества гибнувшій въ селахъ женской полъ, во множествѣ изъ хижинъ переселялся въ *господскія дѣвичьи*. Крестьянка, долженствовавшая вступить въ бракъ, предопредѣляемая вѣчно держать въ рукѣ серпъ и дойникъ, со славою старѣлась въ дѣтствѣ за пяльцами и тамбурною иглою, пріобрѣтала безсмертіе. Оскудѣніе полей награждалось полями, изображенными на тлѣнныхъ драгоцѣнностяхъ... Пуговица, округленная за моремъ, не будетъ видна на полѣ щегольскаго кафтана; выписная шляпа не покроетъ головы, а привозные трости и хлысты на вѣки исхитятся изъ рукъ щеголей... иностранное колесо не будетъ биться о мостовую и выписная ресора гнуться подъ легкими щеголихами!..." *Афанасьевъ.*

„УТѢШЕНІЕ И ДОБРОЙ СОВѢТЪ МОДѢ" И „ПЕРЕПИСКА ДВУХЪ АДСКИХЪ ВЕЛЬМОЖЪ".

Вслѣдъ за тѣмъ появилась другая брошюрка, очевидно вызванная этимъ „Плачемъ", подъ заглавіемъ: „Утѣшеніе и доброй совѣтъ Модѣ, сѣтующей о изгнаніи модныхъ и дорогихъ товаровъ отъ ея обожателей". Брошюрка подписана псевдонимомъ: *Ѳита Фертовъ;* псевдонимъ этотъ у Сопикова объясненъ, и авторомъ „Утѣшенія и добраго совѣта Модѣ" должно признать Ѳому Филиппова. Онъ совѣтуетъ Модѣ не оставлять своего славнаго дѣла и, за недостаткомъ привозныхъ нарядовъ и матерій, хорошенько приняться за тѣ, какихъ довольно на Руси, углубиться „въ выметку разнообразныхъ манеровъ шитья изъ простого русскаго сукна и заняться изобрѣтеніемъ модныхъ жестовъ, взглядовъ, улыбокъ и различныхъ пріемовъ".

Въ одно время съ изданіями Страхова, именно въ 1792—3 годахъ, напечатана въ Москвѣ „Переписка двухъ адскихъ

вельможъ Алгабека и Алгамека, находящихся по различнымъ должностямъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ; содержащая въ себѣ сатирическія, критическія и забавныя произшествія, повѣсти, анекдоты и другія удивительныя сцены нравственной жизни людей обоего пола. Переведена съ Арапоеврейскаго языка Грекояпонскимъ переводчикомъ въ 1791000 году, въ трехъ частяхъ". Роспись книгъ Смирдина (подъ № 8426) приписываетъ это сочиненіе Александру Писареву. Оно написано по образцу „Адской почты" Эмина и „Почты духовъ" Крылова: оба изданія Эмина и Крылова сами возникли подъ очевиднымъ вліяніемъ иностранныхъ литературъ. А потому „Переписка двухъ адскихъ вельможъ", какъ подражаніе подражаніямъ, не представляетъ особенно занимательныхъ сторонъ. Алгабекъ увѣряетъ своего собрата, что нѣтъ никакой надобности содержать во всѣхъ частяхъ вселенной безчисленное множество бѣсовъ для соблазна смертныхъ, потому что люди сами служатъ соблазну лучше всякаго бѣса. Съ цѣлью собрать въ пользу своего мнѣнія доказательства и потомъ представить ихъ адскому правительству, Алгабекъ ѣдетъ въ сѣверную страну примѣчать нравы и обычаи. Въ разсказахъ бѣса, впрочемъ, мало замѣчается таланта и наблюдательности; онъ касается больше общихъ недостатковъ, говоритъ противъ слѣпого обожанія *божественной* націи (т.-е. Франціи) и противъ модной любви и нарушенія супружескихъ обязанностей, и вмѣсто сатирической соли прибѣгаетъ къ болѣе легкому способу подогрѣвать интересъ, т.-е. наполнять свое сочиненіе двусмысленностями (смотри ч. 2, стр. 166 о „Вертунхахъ") и вольными анекдотическими подробностями (ч. 2, стр. 126—8, 130—1). Для примѣра приведемъ одну болѣе скромную выписку:

„Г-жа Д., вынимая изъ своего кармана десертные билетцы, говорила: вотъ два сердца, воспламененныя одинакимъ пламенемъ! — А! а! я знаю чьи эти пылающія сердчишки, возразила г-жа Н. — Нѣтъ, право нѣтъ, моя милая... ты навѣрное думаешь на Князя *Волокиткина:* почести нѣтъ, цѣлой мѣсяцъ уже тому, какъ я перервала мой амурный съ нимъ альянсъ. — Ну такъ это навѣрное милой твой *Вертопрашкинъ!* — Ахъ нѣтъ, и этотъ болванчикъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ былъ въ моемъ сердцѣ, и я ему сказала навсегда bon voyage. — Ну такъ это конечно мой проказникъ муженекъ! — Нѣтъ...

да... онъ дѣлаетъ иногда мнѣ пріятные дусеры... онъ очень милъ, пріятенъ въ обхожденіи съ нашимъ поломъ и столько скроменъ, что на него во всемъ положиться можно. Третьяго дня онъ у меня ужиналъ, и мы съ нимъ провели часа три съ удовольствіемъ; онъ забавными своими шуточками усладилъ меня до восхищенія, разсказывалъ мнѣ множество анекдотовъ и приключеній въ амурныхъ своихъ подвигахъ.. Онъ много приключеній, съ нимъ совершившихся, мнѣ разсказывалъ, и столько меня восхитилъ оными, что я искренно признаюсь тебѣ, моя милая, пришла отъ того въ нѣкоторой родъ пріятнѣйшаго забвенія, такъ что и теперь не могу постигнуть... — Скажи отгадала-ли я, чьи это воспламененныя сердчишки? — Ахъ, милая моя! мнѣ право совѣстно открыться тебѣ въ томъ; я бы охотно тебѣ сказала, но... — Вотъ какая ты деревенщина! прервала г-жа П. Не ужъ-то ты забыла, что мы живемъ въ большомъ свѣтѣ, да притомъ еще въ вѣкѣ модъ, вкуса и всѣхъ пріятностей, въ которомъ старинныя и грубыя прабабушекъ нашихъ обыкновенія совсѣмъ исчезли и болѣе не существуютъ. Это только въ старину стыдились между собою пріятельницы открывать другимъ любовныя свои похожденія съ ихъ мужьями..." (ч. 1, стр. 96—105).

Скандалёзными разсказами и двусмысленными намеками „Переписка адскихъ вельможъ" живо напоминаетъ „Адскую почту" Эмина.

Аѳанасьевъ.

25558

